Дневники 1941-1946 годов

Владимир Натанович Гельфанд

SHOUT
SHARE
IT

- Гельфанд Владимир Натанович

Гельфанд Владимир Натанович Дневники 1941-1946 годов

Гельфанд Владимир Натанович
Дневники 1941-1946 гг.
*** Так помечены нераспознанные слова.

Hoaxer: дневники последовательно - красноармейца, потом младшего лейтенанта, командира взвода стрелковой роты, потом командира взвода минометной роты, лейтенанта и, наконец, помощника начальника транспортного отдела - Владимира Гельфанда, который с 19 до 22 лет был в армии. Весьма интересны свидетельства об освобождении Польши. Гельфанд более года служил в оккупированной Германии, активно контактируя с местным населением. Приукрашивать окружающую действительность Гельфанд был далеко не склоннен, скорее наоборот, относился к жизни скептически, с мрачным пессимизмом, поэтому описываемое им сильно отличается от привычной нам по воспоминаниям и дневникам картины. Я публикую только дневники, дополнительные материалы вы можете найти по адресу zhurnal.lib.ru/g/gelxfand_w_w.

Аннотация публикатора: Книга включает в себя записи в дневниках шестилетней протяженностью, начиная с первых дней войны и заканчивая 1946 годом. Книга на русском языке в СНГ на март 2004 года не издана. Может сегодняшнее поколение не прочло еще до конца все, написанное лживое, надуманное и сглаженное о войне историками, художниками и публицистами прошлых лет?

Об авторе: Гельфанд Владимир Натанович родился 1 марта 1923 г. в селе Ново-Архангельск Кировоградской области. С мая 1942 по ноябрь 1946 участник войны. Член КПСС с 1943 года. В 1952 году окончил Университет им. Горького г. Молотов (Пермь). С 1952 по 1983 гг. преподаватель обществоведения и истории в ГПТУ. Оставил три сына. Умер 25 ноября 1983 г. в Днепропетровске (Украина).

Содержание

1941
1942
1943
1944
1945
1946

1941

26.04.1941

*** но вернусь к Бебе. Понравилась она мне в самом конце учебного года, в 5 классе. Как это произошло - совсем не помню. Знаю только, что до этого не было даже намеков на какие-то чувства к ней и, больше того, я даже не помню о ней ничего, и вообще, до момента моего увлечения ею она ни разу не показалась на горизонте моей сердечной досягаемости.

27.04.1941 Воскресник.

После воскресника болит голова. Много впечатлений. Надо многое обдумать, много припомнить и тогда уже все записать. Лучший источник воспоминаний - кровать. И так - в кровать, в воспоминания, в сон. До завтра...

01.05.1941

Но и на завтра и на послезавтра не пришлось рассказать о литературном воскреснике, который был 27 апреля. Вот уже первое мая, опять новые события и опять никакой возможности этим вечером написать о них. Что ж, вероятно придется отложить до завтра. Вот только до какого завтра?..

02.05.1941

Нет, сегодня. Наконец сегодня! Значит, о воскреснике? Что ж, слушай, мой дневник, вбирай в себя, мой единственный друг - друг моей души.

Просматривая свежий номер "Днепровской Правды", нашел долгожданное, и, я думаю, запоздавшее сообщение о воскреснике.

Давно, очень давно, не созывался воскресник и поэтому программа предстоящего литературного воскресника обещала быть очень интересной. Лелея эту надежду, пошел к Лене Малкиной, с которой и условились пойти на это мероприятие.

Встретил ее в подъезде, спускающейся с лестницы. Было уже двенадцать двадцать дня и я торопился. Лена захотела позвать с собой одну девочку, ученицу 8 класса. Я не стал возражать.

Когда я увидел эту девочку, то вспомнил, что уже не однажды встречал ее в лектории - на лекциях, посвященным литературе. Ее тоже звали Леной.

Пока она собиралась прошло еще минут десять. Но вот, наконец, отправились. По дороге из разговора с ней (с Леной N2) я узнал, что она очень начитанна, весьма развитая и толковая девочка. Еще больше я смог узнать о ней после.

Но о воскреснике. Приехали мы на трамвае, в час дня приблизительно. Я вошел первым, мои спутницы за мной. Я прошел дальше и сел, но они некоторое время оставались стоять у двери. И поэтому то, что говорил человек с красивыми, кажется, черными глазами, низким лбом и самодовольным лицом - не слышал - был занят мыслями о брошенных у дверей Ленах. И

только когда они, наконец, сели - Лена Малкина сказала что это и есть тот самый Уткин, которого она уже однажды слушала в каком-то институте и о котором она мне рассказывала. Лишь тогда я стал прислушиваться к его словам.

Он говорил много, красиво, каждой фразой своей навязчиво подчеркивая свою популярность в Москве:

- Поэт должен быть оригинальным, не похожим на других. А у нас по стихотворениям молодых начинающих поэтов нельзя узнать не только личных (отличительных) мотивов творчества, не только переживаний и наблюдений, но даже пола. Это происходит оттого, что профессия литератора многим начинающим кажется легкой. Оттого-то они и не уясняют себе всей сложности писательского труда. Я вижу, что сейчас уже идет к тому, что выработают строгий критерий для писателей, который сильно поурежет крылышки любителям легкой славы, что заставит их приняться за свою основную работу.

Мы знаем, что сейчас везде на производстве идет сокращение штатов за счет работников не справляющихся с занимаемыми должностями. Литераторы тоже должны сократить свои штаты, спустить в шахту неспособных поэтов. Об этом я уже говорил на очередном собрании ССП под моим председательством. Имейте в виду: я выступал после С. Кирсанова! Вот я могу зачесть отрывок из моего выступления, - и он стал читать о своем выступлении в Москве из "Литературной газеты", услужливо предложенной ему местными литераторами, сидевшими в президиуме.

"Уткин говорил...", "Уткин внес предложение...", "Уткин подчеркнул..." и т.д. и т.д. - читал он, захлебываясь своим самолюбием. Наконец, видимо поняв, что далеко зашел в самовосхвалении, прервался... чтобы вновь к нему вернуться после небольшой паузы и уже не расставаться с ним до конца. Перешел к песне. Конечно и здесь он остался верен себе:

- Часто меня спрашивают, как вы относитесь к Лебедеву-Кумачу. Вот на этот вопрос и хочу я вам здесь ответить. Чем объясняется популярность Лебедева-Кумача? А объясняется она любовью русского и других советских народов к песне.

И тут он оттолкнувшись от Лебедева-Кумача перешел к дореволюционным песенникам: Сумарокову, Мерзлякову и многим другим. Были приведены также Уткиным отрывки из их песен.

- Но все они - продолжал Уткин - давно забыты, а многие известны только литературоведам. И это популярные в свое время песни! Но рядом стояли такие поэты как Пушкин, Лермонтов - не песенники, и они не только не забыты, их знает и любит по сей день весь советский народ.

- Поэт Маяковский не написал ни одной песни, - на этом основании Уткин, позволил себе отнести песню к жанру не чисто литературному, а как жанру, являющемуся придатком к художественной основной поэзии.

Популярность Л.-Кумача, он объяснил той же любовью народной к песне:

- Лебедев-Кумач - песенник. В этом его сила и отличительная черта. Его заслуги оценены нашим правительством, которое считается со вкусами народа, распевающего от края и до края песни Лебедева-Кумача. Однако стихи Лебедева-Кумача слабы. Я не раз говорил об этом своим друзьям-поэтам, Ясееву и другим. И однажды, когда Василий Иванович Лебедев-Кумач прислал мне для редактирования сборник своих стихов, я прямо написал ему в письме, что стихи никуда не годятся и что ему не следует их печатать. (Но он не послушался самого Уткина (!) и все-таки выпустил сборник своих стихов. После этого оба поэта не разговаривают).

Несколько раз он повторил, что Москва - центр, а Днепропетровск провинция: "У нас в Москве уже изжито такое положение в творчестве. Может к вам в провинцию это еще не дошло?" "У нас в центре все уже знают, а в Днепропетровске, вероятно, еще не известно".

- У нас в Москве уже давно созданы условия, при которых любой писака не может сделаться поэтом. Нет у нас в центре теории общего котла, которая распространена повсюду. Пишет Маяковский, например, пишу я - пишем кровью, и нам предлагает какой-то поэт, пишущий грязью с водосточной трубы, объединить наши стихи с его стихами. И это вместе: творчество Уткина, Маяковского и еще какого-то нестоящего внимания поэта, должно являться поэзией. Да я даже знаться не желаю с ним! Поэт - цветок. Я - цветок! И я буду возиться там с кем-то!? У меня был такой случай: хотел со мной познакомиться некий писака. Но я его даже не подпустил к себе. Поэт должен быть до конца оригинальным. А это ли оригинальность: знакомиться за руку с каждым и всяким?

И дальше больше, больше и больше... Говорил он, что с его, уткинской легкой руки, по всей Москве распространилась фраза поэта Баратьского "Я имел скромность не пойти вслед за Пушкиным"... Говорил столько..., впрочем, всего не упомнишь.

Но вот он закончил и началась дискуссия.

Первым выступал Ортенберг (критик) - человек с солидным возрастом, лицом типичным для большинства критиков, хищным придирчивым взглядом и лысиной на почтенной голове. Все его выступления неудачны: неглубоки, бессодержательны и до

крайней степени придирчивы. Его часто и много критикуют те, на кого в свою очередь обрушивается он. Над ним смеются и бросают в его адрес обидные оскорбления. Но он не унывает, не теряется и снова выступает, обвиняет, нападает.

Вот и сегодня он, так сказать, выступил. Я тоже не переношу этого Ортенберга, еле скрываю свою досаду когда он выступает. Но сегодня... Я готов был аплодировать (и аплодировал), когда тот говорил.

- Вы, говорите, провинция, - с горькой иронией начал Ортенберг, - что ж, да, провинция...

Во время выступления Ортенберга, Уткин, нахально развалившись на стуле, перебивал говорившего, каждую вторую реплику начиная: "А вы знаете что такое лирика?!"...

02.07.1941

Война изменила все мои планы относительно проведения летних каникул. Уже сдал почти все испытания, осталась только математика - мой самый нелюбимый и трудный предмет. Дал себе слово заниматься неустанно и ежедневно для того, чтобы быть летом свободным и хорошо провести летние каникулы.

22 числа прошлого месяца посетил вместе с Олей и ее подругами Валей Иашковой и Майей Белокопытной Малый театр, который тогда у нас гастролировал. Шла комедия Островского А.Н. "Правда хорошо, а счастье лучше". Комедия ставилась знаменитыми народными артистами союза и республики и прошла с большим успехом, несмотря на свойственную раннему Островскому слабость сюжета.

Веселые и возбужденные постановкой, мы покинули зрительный зал драматического театра Горького.

По улицам суетилось множество людей. Трамваи были переполнены и люди висели на подножках, так, что нам с трудом удалось сесть и выбраться из него на нужной остановке.

У Оли узнали, что Германия объявила нам войну. Это было ужасно и неожиданно.

Ее вызвали в школу; и так, как олиной мамы не было дома, я тоже пошел с ней. Там все ребята были уже в сборе. Комсомольцы и не комсомольцы клеили окна, рыли ямы, хлопотали, шумели и вообще все были в необычном состоянии.

Но вот все стали собираться у репродуктора, подошел и я. По радио выступал т. Молотов. Началась война - пришлось согласиться со свершившимся фактом.

На другой день я отправился в рабфак.

18.09.1941 Ессентуки

Сегодня месяц с того дня, как я покинул Днепропетровск. 17 августа мой город, город парков, город-красавец, подвергся

бомбардировке, первой с начала войны.

Я видел разрушения и дым нескольких пожаров, которые возникли в городе от бомбежки. Я слышал о жертвах - о множестве убитых и раненных на вокзале, об оставшихся сиротах.

Город постепенно пустел, и население его редело с каждым днем. Казалось нелепым это бегство жителей из города. Первого числа сюда приезжали еще жители Бесарабии, западных областей Украины и Белоруссии, жители Одессы и Каменец-Подольска. Они приезжали сюда жить и это не вызывало недоумения все были уверены, что немцы не придут в Днепропетровск, что их не допустит Красная Армия в этот важный для страны промышленный регион.

Я продолжал покупать книги, приобретать газетные статьи, посещать областную и рабфаковскую библиотеки, и даже не подумал забрать из ДИРа документы.

Налеты вражеских самолетов не прекращались. И по ночам редко приходилось спать - то дежуря, то сидя в щели при воздушных тревогах. Несмотря на частые налеты, фашистам не удалось принести городу достаточно значительных разрушений - город был хорошо защищен, все радовались и восхищались противовоздушной защитой города. На подступах к Днепропетровску было сбито много вражеских коршунов. Но город волновался. Каждый день был происходили неожиданные события.

Начали эвакуацию семьи членов горсовета и милиции. То и дело слышались сигналы автомобильных гудков - днем и ночью город оставляли тысячи его жителей. Начали растекаться слухи. Остающиеся в городе с негодованием смотрели на убывающих. Некоторые стали даже поговаривать, что убегают одни евреи, мол у них припасено золото, поэтому они и удирают.

С фронта тоже приходили нехорошие вести. Наши войска оставляли один за одним города: Смоленск, Гомель, Коростень, Белую Церковь и Житомир. Фронт неотвратимо приближался, усиливались налеты немецкой авиации. Каждый день, каждый миг был полон напряжения и тревоги. Остановились заводы Петровского, Ленина, Кагановича, Молотова, станкостроительный и многие другие. Промышленность города-гиганта быстро сводилась на нет. Из города то и дело отправлялись эшелоны, вывозящие станки и оборудование остановленных заводов. Эвакуация усилилась, достать билеты на поезд стало совершенно невозможно.

Наша семья засуетилась. Стали и мы готовиться к отъезду. Я смеялся над подготовкой - до фронта оставались сотни километров. Но через несколько дней мне пришлось горько

сожалеть о своем неверии в оккупацию города вражескими войсками.

Числа одиннадцатого был произведен налет, с незначительными жертвами, но с большими потерями для промышленности - горели нефть и бензин. 16 числа произошло крупное воздушное нападение на город.

27.09.1941

Позавчера был в музее "Домик Лермонтова". В этом домике я побывал еще в 37 году. Теперь вторично, с большим интервалом между первым и этим посещениями.

Не стало некоторых предметов, которые раньше занимали центральное место в музее. Например отсутствовал большой деревянный ящик черного цвета и камень подле него, принимаемые доверчивыми посетителями за гроб и могильный камень Лермонтова.

Меня особенно поразила бедность музея. Отсутствие ценных и редких вещей, принадлежащих Лермонтову или так или иначе с ним соприкасающихся. На вопрос мой, чем отметил музей столетие со дня смерти Михаила Юрьевича, экскурсовод ответил, что в городском театре состоялось заседание юбилейного комитета, но в домике ничем существенным эта дата не отмечалась. На мое замечание, что не повезло Лермонтову в сравнении с Пушкиным, экскурсовод ответил, что Лермонтову всегда не везло, и впервые натолкнул меня на мысль, что и в 1914 году - столетие со дня рождения, как и в этом - со дня смерти, была война.

После осмотра экспонатов и чтения книги записей впечатлений, я оставил довольно несвязную запись. Знай, мол, наших, и я мужик-купец.

После музея пешком исколесил весь проспект и прилежащие к нему улицы, зашел в библиотеку, где неожиданно встретил преподавателя математики 10 школы Днепропетровска и завпеда *** Моисеевича, не раз беседовавшего со мной о литературе, и однажды направившего меня с литприветами к своему другу писателю Альбертону.

Поздно вечером, усталый и изголодавшийся, вернулся назад - к тете Поле. Ведь дома-то у меня нет!..

06.10.1941

Лежу в постели. Ночую у тети Поли. У бабушки грязно, дымно и она все время кашляет. Утром рыл погреб до 12 часов. Люблю это занятие. Хотел также, как дома, вырыть глубокую пещеру вглубь погреба, но устал и оставил на другой раз.

Вчера впервые посетил всеобуч. Завтрак меня задержал и я, нормально не поев, отправился рысью на место сбора, чтоб не

опоздать. Но когда пришел увидел, что еще не все собрались.

Занятия начались в 9. Нам дали четырех руководителей. Те разбили взвод на четыре отделения. Расположились на траве и командир взвода стал знакомить с дисциплинарным уставом. Мозолила глаза несдержанность руководителей и взаимное стремление рисоваться перед нами; неавторитетными приемами добиться авторитета.

Начальник взвода показался мне робким и менее волевым, чем остальные командиры, но намного начитанней и культурней. Во время беседы каждый из командиров отделения попеременно перебивал другого, то и дело вставляя замечания, добавления или поправки. Так-что мы даже не знали, кто из них старше. Так прошло много времени, в течении которого занятия прерывались курением-отдыхом. Наконец, в разгар занятий и рисовки наших начальников, явился инструктор - военрук одной из школ.

Нас вновь разбили на отделения и назначили новых командиров в каждое из них. Военрук прочел небольшую наставительную речь и удалился, так же торжественно как и пришел.

Командиром нашего первого отделения (9 человек самых высоких во взводе) стал бывший кавалерист времен гражданской войны. Он, пожалуй, самый славный среди остальных командиров - более образованный и, кажется, строже других.

Во время очередного "курения" мы проголодались и набросились на огородик, который был засажен капустой и полностью опустошили его.

Вечером был в кино вместе с одним парнем из Бесарабии - моим тезкой и одногодкой. Он работает трактористом в колхозе. Мы неплохо провели время. Впервые за последние два года я скушал столь крупную порцию мороженого.

Кино "Златые горы" - среднее впечатление.

Сегодня получил открытку от тети Бузи из Ленинграда. Сразу написал ответ - пусть хоть мое письмо немного облегчит ее положение.

07.10.1941

На рассвете пришла Галя и сказала, что дядя Люся просит мои галоши! Опять наглая выходка. Он у меня просит галоши или новые сапоги. А я то... я без галош где быть должен? Дома сидеть целый день? Ну уж нет.

Отказал, конечно. Ведь мне еще идти сегодня на занятия по всеобучу.

Галя рассказала, что от мамы получилось письмо и что ей очень плохо живется. Бедная мама! А дядя Люся, этот "преданный брат", спокойно читает ее письма и нагло требует, чтоб я ее

вызвал, помог, хотя знает не только о моих денежных средствах, которых у меня нет, но и о моих возможностях, которых у меня тоже нет. Мерзавец! Он может так легко вызвать маму, может так легко помочь ей, а не делает этого, перекладывая вину на меня.

На занятиях по всеобучу проходили винтовку. Все это теоретически мне давно известно. Командира нашего отделения не было - его перевели в другое место. Так что пока мы без командира. Ребята попались неплохие. Выделяется только один. Считает себя сильным и дерзко обращается с остальными. И есть еще один, старше нас всех (1903 года), - очень несчастный человек. У него плохая память, ему трудно маршировать и выполнять нужные движения. Над ним все постоянно хохочут. Мне тоже иногда бывает смешно, но в большинстве случаев просто по-человечески жаль. Сегодня он подошел ко мне и долго со мной разговаривал, объясняя свои промахи и оправдываясь.

Из сообщений по радио: по всему фронту идут бои. Самая приятная сводка. Лишь бы пока не отступали, не отдавали города. Конечно, основное желание чтобы мой дорогой Днепропетровск вновь стал советским. Это мое самое сильное желание.

Ленинград почти окружен. На его подступах ожесточенные бои. В Ленинграде тетя Бузя и Нюрочка. Муж тети Бузи - командир пулеметного взвода, он в народном ополчении. Молодец! А все-таки боишься за его судьбу. Но в первую очередь за судьбу дорогих тети Бузи и Нюрочки. О тете Ане ничего не знаю. О дяде Сене с семьей - тоже. Они, скорее всего, в Орске.

Вечер, поздний вечер. 21 час. Только что закончил выписывать из географии зарубежные страны, враждебные и дружественные нам в этой войне с Германией. Сравниваю их экономические и, в первую очередь, человеческие ресурсы. Наши силы - силы антигитлеровской коалиции - велики и несокрушимы. Победа за нами. Я в этом уверен.

Но пока тяжело сознавать свое положение. Трудно примириться с мыслью, что мой город в руках немцев. Там мои книги и одежда. Возможно, от всех вещей моих уже ничего не осталось. Трудно переживать мамино положение, а еще трудней определить, что сулит мне будущее, устремленное в неизвестность, так жестоко и коварно вторгшимся Гитлером.

Где мое место там, на фронте? Или может... Будущее покажет.

08.10.1941

Сегодня записался в местную библиотеку. Взял Мопассана и Клаузевица обоих давно хотел прочесть. Мопассана, правда, читал рассказы, а Клаузевица - отдельные статьи в газетах. Теперь имею возможность ознакомиться с романом Мопассана и книгой Клаузевица "О войне".

Целый день провел в квартире. Читал и слушал радио.

Подвиги некоторых бойцов и отдельных частей вызывают гордость и изумление. Так один боец, сделав из своей одежды чучело, заставил немцев несколько минут обстреливать его из пулеметов и минометов, а сам этим временем изменил позицию обстрела, открыв ответный огонь.

Все радиопередачи неизменно сопровождаются тети Полиными комментариями, которые часто раздражают и мешают слушать. Сама тетя Поля очень добра и заботливо ко мне относится. Она вообще очень щедра (не со мной одним) за что я ей чрезмерно благодарен. Ее преданная заботливость надолго останется светлым местом в моей памяти.

Вечером пришел из колхоза папа. Пришел уставший и с неизменно испорченным желудком. Он и сегодня не преминул пожурить меня, кажется за то, что я слишком близко к его лицу придвинулся и облокотился на спинку стула.

09.10.1941

Утром опять занятия по всеобучу (с 9 до 11). У меня нерешительные движения в строю, что обращает на себя внимание.

Наши войска оставили город Орел. В час дня передавали о боях за этот город. Позже, в хлебной лавке, одна из покупательниц, обратившись к продавцу, рассказывала, что она де слышала по радио, что Орел три раза переходил из рук в руки, (я слышал два раза) и что Вязьму тоже занимали немцы, но их отбили. Я решил вмешаться и сказал, что это не так и для того, чтобы что-либо заявлять надо это тщательно проверить.

Вечером к Анечке пришла подруга и сообщила "последнюю новость" Красная Армия взяла Орел. Вот как распространяются слухи!

11.10.1941

Вчера призвали в армию дядю Исаака. Это было непредвиденно и внезапно. Целый день провозились мы на огороде и вечером, придя домой, встретились с этой новостью.

До поздней ночи провожали мы его, измученные волнениями и суетой. Аня плакала немножко. Тетя Поля героически перенесла вечер расставания, не уронив ни одной слезы.

И вот его уже нет. Только воспоминания остались от вечно веселого и деятельного дяди Исаака. Сегодня первый день без него. Тетя Поля только и говорит о голоде и холоде, с которыми дяде Исааку придется встретиться. Ей очень тяжело примириться с мыслью, что он не придет больше с работы, что не слышен будет его голос. Я ее понимаю. Бедная тетя Поля! Она тешит себя мыслью, что дядя Исаак уехал не на фронт, а в обоз, но я

понимаю, что вероятнее всего его взяли на фронт, хотя не подаю вида, что знаю истину, горькую и тяжелую.

13.10.1941

Сегодня был теплый и ласковый день. Удивительны контрасты природы здесь на Кавказе. Позавчера был снег и холод, а вчера и сегодня необычайно теплый, нежный и неощутимо соблазнительный день.

Много часов провел в парке за чтением Мопассана. Пробовал писать стихи, но ничего не получилось. Кругом крутились люди. И такого укромного места как в парке Шевченко, здесь нет. Прозой писать не пытаюсь, так как для этого нужно много времени, а у меня почти все оно занято чтением.

Вчера у меня произошли новые столкновения с учениками по всеобучу. Во время строевых занятий я неправильно сделал движение и это вызвало отраду некоторых хулиганов, которые в этот день могли вволю показать себя во всей душевной красоте, так как имели дело с одним и притом слабохарактерным командиром.

Началось с того, что после каждого небольшого движения он провозглашал столь любимое здесь "покурим" и объявлял перерыв, так, что мы в этот день значительно больше гуляли, чем занимались. Многие видели, что этот начальник отделения (остальных не было) явно потворствует срывам дисциплины и, больше того, желая сохранить свой авторитет, поощряет всякую шалость и проступки, нередко граничащие с хулиганством.

Этим он, конечно, еще больше подрывал свой авторитет и некоторые отпетые сорванцы позволяли себе даже командовать им, проявляя открытую форму саботажа и срыва занятий. Ругань, свист - не только не пресекались, но наоборот - он сам (видимо, с той же целью поддержки своего пошатнувшегося авторитета) матерно ругался при всех.

И тогда, во время занятий, в меня стали лететь камушки. Это возобновлялось после каждого перерыва. Наконец, во время одного из "покурим", кто-то полез в карман моего пальто с намерением достать оттуда бутылку с кефиром. Я перевесил пальто. В результате часть кефира пролилась, а часть я выпил, чтобы не было соблазна.

В это же время, у одного хлопца, родом из Запорожья и бежавшего оттуда, забрали перочинный ножик, и он, после долгих просьб вернуть, отчаявшись получить ножик назад - расплакался. Всхлипывая, он говорил, что он не работает, что негде устроиться, что он здесь без матери и отца живет у тети, и нож этот ее - видимо желая у них вызвать этим к себе снисхождение. Но это разожгло еще большие страсти,

сопровождаемые ржанием и только после долгих просьб и угроз командира отделения удалось принудить их отдать нож.

Еще и я сделался жертвой забав этих несдержанных ребят. Ни просьбы прекратить шалости, ни угрозы с моей стороны ни к чему не привели, а только больше разожгли их пыл. Особенно выделялись двое: среднего роста, беловолосый, светлоглазый и почти безбровый парень и другой, изрядно нахальный, маленький, с сильным голоском. Целый день не давали они мне покоя, задевали и словом и действием, измывались, как только могли. Сначала я отвечал им и даже решил избить этого маленького нахала но, видя, что перевес в силе, количестве и инициативе на их стороне - отступил, отмалчиваясь на всенепрекращающиеся козни.

Наконец зашли в помещение. Тут они устроили мне еще одну пакость: незаметно вытащив у меня бутылку, они покрутили ее передо мной и на просьбы отдать - не возвращали. Я решил, что это ничего не даст и, решив не обращать внимания на все это, углубился в чтение. Трое из них залезли под стол, в том числе белобрысый. Через некоторое время они снова мне показывают бутылку, доверху наполненную мочой.

После занятий они приготовились, видимо, меня бить, но мы разошлись дорогами, и у них ничего на этот раз не вышло.

15.10.1941

Сегодня опять холодно, дождливо. Ночь необычайно темная - ни зги не видно.

По радио ежедневно передают новости, одну неприятнее другой. Вчера немцы взяли Вязьму, позавчера - Горянск, а сегодня - о ужас! - Мариуполь. До каких пор это может продолжаться? Чем окончится это новое наступление! Теперь под угрозой уже и Москва и Донбасс и Харьков. В опасности Ростов, Крым и Кавказ. Сегодня новое Калининское направление. Что будет завтра? Какой еще город попадет в лапы гитлеровцев на разгром и разграбление?

Где они англичане, где американцы? Или они тоже бессильны против Гитлера? Но факты отрицают это. Но цифры отрицают это. И все говорит о победе над немцами нашей коалиции, о полном разгроме фашистов СССР, Англией и США. "Но... Когда?" - говорит не однажды тетя Поля и я с ней согласен. Сколько людей погибнет, сколько территории поглотит фашизм прежде, чем будет оказана сколь либо существенная помощь со стороны Англии и Америки нашей стране?

По радио говорят, что английская авиация сражается на нашей территории. Вчера от Советского информбюро передавали о действиях партизан в окрестностях Днепропетровска. Группа

партизан проникла ночью в город и уничтожила связками гранат и бутылками с горючим много немецких солдат и офицеров, расквартировавшихся в общежитии Металлургического института. Того института, где я занимался, того общежития, которое я освобождал в начале войны от студентов-жильцов, и где потом селили раненных.

Это уже не впервые передают о действиях партизан в городе и области. Славно дерутся партизаны, и, пожалуй, как ни в одной области страны.

На всеобуче нам сказали, что положение серьезное и мы должны быть готовы в любой момент быть призванными на фронт.

Сегодня занятия прошли спокойно и "белобрысые" меня не трогали.

От тети Бузи ничего нет. Ленинград крепко держится и его войска контратакуют противника. От мамы получил письмо - все настаивает, чтоб я учился.

16.10.1941

Тетина квартира превратилась в постоялый двор. Вчера сюда пришли два еврея и заявили мне (тети не было дома), что привезли ей семечек, что хотят их ей подарить и пр. пр. Наконец, после долгих посулов, они перешли к действительной цели своего визита - сообщили о своем хотении переночевать. Сидели долго, сводя с ума своим разговором, лишая возможности писать, читать или что-либо делать.

Пришла тетя Поля и они сразу, даже не упомянув о семечках, перешли к делу. Я подсказал, и тетя Поля сама предложила купить у них семечки. Они не отрицали, но и не выражали согласия. На утро, хорошо выспавшись и покушав (тетя Поля сделала картошку и сварила чай), они собрались уходить. Я напомнил тете Поле о семечках и, когда она вновь предложила купить их, купить, повторяю, - хитрые евреи обещали принести целый мешок через два часа. Но, конечно, ни этих людей, ни семечек мы больше не видели.

Сегодня опять двое. Опять евреи. Старики "мужска и женска пола". Опять пришли, когда тети Поли не было, в 4 часа. И, признаться, эти еще больше надоели, чем вчерашние. Особенно старик, который, с самого своего прихода, это в 4, и до появления тети - в 8 часов... пел! То ли молитвы, то ли другие, божественные песни. А старуха, - что еще хуже, до ужаса хуже! вычесывала вшей. Тетя не умеет отказать, и они этой ночью остаются у нас.

Сколько их уже у нее перебывало, сколько ночевало со дня моего приезда! Ума не приложу, где они берутся. А с ними вши, другая разная нечисть и вонь в квартире.

21.10.1941

Папа уже совсем не бывает дома. Все в колхозе. Даже ночует там.

Два дня подряд сопровождал Анечку на балет и на постановки в госпитали. Первое выступление прошло не плохо, но на втором, по ряду причин, они все члены кружка - выступили слабо.

Аня танцует превосходно, как настоящая балерина. Но ее тонкая вытянутая фигура рядом с ее сотанцором - единственным мальчиком в балете (ему 16 лет), намного маститее и короче Ани, производит несколько удручающее, своим тандемом, впечатление. Ее подруга Рая оскандалилась в первом выступлении и во втором не участвовала.

Несколько дней собирался писать маме письмо, но сегодня, узнав, что она думает днями приехать - бросил это.

События разворачиваются ужасно быстро. Гитлер бросил свои полчища на Москву, на Донбасс, Ростов, Калинин, Тулу. Фашисты несут большие потери. Сотни танков, самолетов и тысячи людских жертв оплачивают это кровавое наступление немецко-фашистских мерзавцев. Мы тоже несем большие потери. Теперь, когда я уже ко всему привык, что связано худшим с этой войной, мне вспоминается, каким невероятным и неосуществимым казалось в начале войны падение Киева, Одессы, оккупация далеко отстоящих от границы: милого Днепропетровска, Днепродзержинска, Полтавы, Николаева, Орла, Брянска, Мариуполя, Мелитополя, Кривого Рога.

Конечно, по сравнению с Францией, Бельгией, Голландией, Польшей - наши войска героически сражаются с немцами. Но если сравнить СССР с плохо вооруженным Китаем, с героической Испанией и безоружной Албанией, то становится немного странно и много стыдно за свою страну. В такой срок, такая страна да лишилась такой значительной территории. Правда, немцы хорошо вооружены не только своим но и всеевропейским оружием. Ими захвачены все заводы Европы, ограблены народы и за счет этого снабжены также войска немцев. Фактически против нас ресурсы (военные и экономические) всей Европы, за исключением Англии и Швейцарии. Поэтому, как-бы в оправдание самому себе и стране своей, я уговариваю и уверяю себя, что все страны Западной части Европы, формально не участвуя, фактически способствуют своими ресурсами немецкому наступлению. Но тут же я вспоминаю виденное мною в пути при эвакуации из Днепропетровска и, кажется, что мы сами вольно или невольно снабжаем немецкую армию.

Я все бичую себя: зачем не сжег, не изорвал в клочья 8

противогазов, которые наша семья не могла взять? Зачем оставил немцам, не порвал, не выкинул, все то, что не мог захватить с собой? И тут я бросаю упрек государственным органам за плохую и непродуманную организацию эвакуации. За то, что они не приказывали взламывать замки оставленных квартир и забирать все ценное, чтоб оно не досталось немцам; за то, что не уничтожалось все до основания, как это было в 1812, при отступлении и при оставлении сел и городов нашими армиями.

22.10.1941

Сегодня - четыре месяца войны. Но по радио об этом, как и о новых итогах войны за этот период - ни слова.

На Западном направлении происходят грандиозные схватки, в результате которых наступление немцев, кажется, приостановлено. На Южном - ничего не известно. Время скажет.

На всеобуче снова подвергся издевательствам хулиганов, которых побаивается сам командир отделения и, всячески потакая, даже ругался с командиром другого отделения в угоду им. И, что особенно им на руку, бесконечно объявляет перерывы.

Когда они меня забрасывали (буквально так) камнями, он отвернулся, делая вид, что не замечает этого. А потом один из них, азербайджанской национальности, преследуемый репликами и одобрениями других, нанес мне удар по лицу. Командир отделения записал нас обоих на разговор к майору. Это меня немного успокаивает и радует, возможностью высказать все, что мне приходится претерпевать.

Был у дяди Люси. Принял меня холодно. Он не работает. Собирается ехать дальше. Вызвал маму телеграммой, но ответа еще нет, и сама она тоже не приехала.

Сегодня я дежурил ночью с 12 до 4 часов утра и посему спешу прервать свои записи. Сейчас 9.

23.10.1941

Евреи. Жалкие и несчастные, гордые и хитрые, мудрые и мелочные, добрые и скупые, пугливые... и...

На улицах и в парке, в хлебной лавке, в очереди за керосином - всюду слышится шепот. Шепот ужасный, веселый, но ненавистный. Говорят о евреях. Говорят пока еще робко, оглядываясь по сторонам.

Евреи - воры. Одна еврейка украла в магазине шубку. Евреи имеют деньги. У одной оказалось 50 тысяч, но она жаловалась на судьбу и говорила, что она гола и боса. У одного еврея еще больше денег, но он говорит, что голодает. Евреи не любят работать. Евреи не хотят служить в Красной Армии. Евреи живут без прописки. Евреи сели нам на голову. Словом, евреи - причина всех бедствий. Все это мне не раз приходится слышать -

внешность и речь не выдают во мне еврея.

Я люблю русский язык. Люблю, пожалуй, больше, чем еврейский, - я даже почти не знаком с последним. Я не хочу разбираться в нациях. Хороший человек всякой нации и расы мне всегда мил и приятен, а плохой - ненавистен. Но я замечаю: здесь, на Северном Кавказе, антисемитизм - массовое явление. Отчасти в этом виновны и сами евреи, заслужившие в большинстве своем ненависть у многих местных жителей.

Так, одна еврейка, например, в очереди заявила: "Как хорошо, что вас теперь бьют". Ее избили и после этого хотели отвести в милицию, но она успела улизнуть.

Таких действительно мало бить. Такие люди-евреи еще большие антисемиты, нежели любой русский антисемит. Она глупа и еще длинноязыка.

Но все-таки я не люблю этих казаков за немногим исключением. Украинцы меньшие антисемиты. Русские Запада - Москвы, Ленинграда - еще меньшие. Я не понимаю, как можно быть таким жестоким, бессердечным и безбоязненным, каким является Северокавказский казак.

На всеобуче, к слову, открыто (во время перерыва), в присутствии командиров отделений ребята рассказывают, что во время бомбежки Минеральных Вод, евреи подняли крик, начали разбегаться, побросав вещи, а одна женщина-еврейка подняла к верху руки, неистово и пронзительно крича. Слушатели смеялись и никто не попытался пресечь эту наглую антиеврейскую пропаганду. Мне было обидно за евреев. Гнев душил меня, но я не смел слова сказать, зная, что это еще больше обозлит всех против меня и вызовет взрыв новых издевательств надо мной.

Сегодня написал три письма. Маме, тете Бузе и дяде Леве.

Днем был папа. Он стал еще невозможней. Когда он зашел - началась воздушная тревога. По радио надоедливо напоминали об этом. Я сказал, что у нас в Днепропетровске не повторяли так часто и что это действует на нервы. Папа перебил: "Я спешу, столько дней не был, а ты мне глупости говоришь!" Это меня обидело, а когда через несколько минут и ему надоело, (он сказал, что это неприятно действует на слух) я напомнил ему, что за такие же слова он меня только что ругал.

26.10.1941

Сегодня, вместо занятий во всеобуче, целый день работали в колхозе на уборке капусты. Вырывали руками. Все, за исключением только одного, во главе с младшими командирами (звание, присвоенное им у нас во всеобуче) хулиганы, антисемиты и мерзавцы.

Целый день мне приходилось выдерживать массу

оскорблений, издевательств и грубых шуток. Во время очередных издевательств этой неотесанной своры, я удалился подальше от них и, выбрав хорошее место, улегся на траве, принявшись читать Фейхтвангера "Изгнание", который на всякий случай захватил с собой. Не знаю, долго ли я пробыл здесь, но они вдруг вспомнили обо мне, стали искать и, найдя, навалились на меня всей своей гурьбой. Когда я, наконец, вырвался и прибежал к "лагерю", они и там доставали меня.

Я решился. Быстрым шагом направился по направлению домой. Когда месторасположение нашего отряда скрылось из виду, у меня возникла неожиданная, наверно, глупая мысль: пробраться по-пластунски снова как можно ближе к "лагерю". Так я и сделал.

Натыкаясь на колючки и давленые помидоры, я пополз. Наконец, когда я был уже совсем близко к цели, я решил под прикрытием очень надежного кустика перекусить, дабы освободиться от еды, которая мне не только мешала, но и привлекала к себе внимание некоторых сорванцов.

Я съел кусок хлеба с мясом, и тут меня опять осенило: я решил оставить несъеденным больший кусок хлеба и, если придется туго, - употребить его в ход - разделить по кусочку между ними.

Сказано - сделано. И я пополз дальше. Только я подобрался к самим ребятам, как командиры с помощью колхозного деда решили пойти на кухню. Все пошли по направлению ко мне и я, решив не обращать на себя внимание, быстро пополз в сторону, с ужасом понимая, что мне не уйти от их взоров. Они, конечно, увидели меня и испуская дикие воинственные крики бросились ко мне, как псы. Я быстро поднялся и предложил им по кусочку своего хлеба. Это подействовало и дало неожиданные результаты. Они сразу утихомирились и я, стараясь подкрепить эффект, рассказал, как меня искали две колхозницы и милиционер (в действительности одна девочка, пасшая коров), заметившие меня во время ползания. Они, де подумали, что я шпион.

Ребята посмеялись и долгое время меня не трогали, только за столом вновь разгорелись страсти: в меня полетели камни и надоедливо-противные остроты. Это и продолжалось все время работы после обеда.

Завтра опять учеба. Хуже ада она для меня. Иногда во время занятий находят на меня такие отчаяния что, кажется, бросился бы в огонь, на смерть, на все что угодно, только бы не это.

После занятий зашел к дяде Люсе. Он уехал не попрощавшись. И, что больше всего обидно, - мама должна встретиться с ним в Минводах и даже не написала, чтоб я приехал

туда повидаться. Из Минвод они думают ехать дальше.

Только что приехала тетя Поля. Она рассказывала об ужасах бомбежки Минвод и Невинки. Недаром даже здесь в Ессентуках начали объявлять тревоги. Я очень рад что тетя вернулась благополучно. Я ужасно переволновался.

29.10.1941

Занятия прошли сравнительно спокойно. Пару раз кто-то бросил в меня камнем и попал по голове, но я сдержался, не ответил. Один мерзавец прозвал меня "Абрамом", не знаю за что - я с ним ничего не имел. Но я и на это не обратил, вернее, сделал вид, что не обратил внимание.

Всякий раз, когда я слышу антисемитские выходки, не только по отношению к себе - душа наполняется безудержным гневом, возмущением и обидой.

Нас, очень удачно для меня, разделили на две половины по 10 человек в каждой. В мою половину попали почти все тихие и порядочные парни, которые никогда не цеплялись ко мне.

Сегодня от мамы получил открытку.

Дядя Люся уехал в Минводы, не сказав, что, наконец, списался с мамой и решил с ней выбираться дальше в тыл. Когда я узнал о его отъезде от хозяйки квартиры, в которой он до этого жил, меня это огорошило своей неожиданностью. Ведь только накануне, за день до отъезда, я был у него. Он сказал, что готовится уезжать, но еще не получил телеграмму об отъезде в Минводы от мамы и тети Евы. Дядя Люся поступил как мерзавец и нахал. Мама тоже очень хорошо поступила! Быть так близко и не захотеть повидаться со мной. Не могу найти причины ее действиям.

Еще о многом хочется сказать, но поздно. Мысли плохо работают и слипаются глаза. Быть может завтра выберу лучшее для этого время.

30.10.1941

Шесть часов утра. Точно взрыв бомбы, поразило меня сегодняшнее сообщение Советского информбюро о сдаче противнику Харькова. С меньшим сожалением и печалью выслушал я сообщение о сдаче всего Донбасса. Но Харьков!... Впрочем, я не знаю, занят ли он сейчас немцами, Донбасс. Теперешние сводки так запутанны и так несвоевременны, что трудно разобраться в действительных фактах, событиях и настоящем положении дел, как на фронте, так и в тылу.

Но я верю. Я продолжаю слепо доверяться всем сообщениям правительства и центральных газет, хотя каждая новая подобная потеря заставляет меня все более разочаровываться и все менее доверять подобным заявлениям.

Так взятие Одессы, или, как сообщалось, "оставление ее нашими войсками по стратегическим соображениям" почти не вызвало недовольства и неверия в добровольно-вынужденную сдачу города. Но Харьков - тут теперь я не верю, что добровольно, по стратегическим соображениям. Крупный город, наводненный машиностроительной, военной и всякого рода другой промышленностью, имеющей величайшее значение для страны, особенно теперь, в военное время - оставлен немцам "по стратегическим соображениям"!

Ужас охватывает меня. Что будет дальше? Харьков стоил нескольких миллионов немецких жизней, а отдан так дешево - 120 тысяч человек, если цифры еще и соответствуют действительности.

Падение Киева было воспринято мною безболезненнее. Это падение было сопровождено многодневными и ожесточенными боями под городом и неоднократным занятием его окраин неприятелем. Но Харьков! Его падение можно сравнить только, разве что с Днепропетровским падением, как по значению, так и по своей внезапности.

Впрочем, с Днепропетровска и области сегодня весточка - опять действия партизан. Мне кажется, что партизаны здесь более решительны и действенны, чем регулярные войска и, будь они немного лучше вооружены и имей они большие силы и более опытных предводителей, они б горы, не то, что фашистов, переворачивали.

Семь часов с минутами.

Радуют еще меня действия сербских партизан, истерзанной фашистами Югославии. В течение короткого периода они уничтожили десять тысяч немецких и итальянских фашистов.

Существование советского Харькова радовало меня, вселяло в меня уверенность в победе, бодрость духа и надежды в лучшее.

31.10.1941

Сегодня у меня большой, радостный и печальный день. Радостный потому, что я увидел впервые за два месяца маму. Печальный потому, что мне пришлось вновь с ней расстаться.

Было так. После занятий, которые, кстати, прошли для меня сегодня благополучно, зашел на квартиру где жили Шипельские, - днепропетровские соседи тети Евы (они, оказывается, тоже выехали). С прибитым настроением я возвращался домой. Что теперь делать? К кому обращаться? Где мама? Даже не сообщить, даже не вызвать меня к себе в Минводы, откуда они с дядей Люсей потом уехали в направлении Баку. Все дядя Люся виноват. Это он наговорил ей на меня, заставив маму уехать, не повидавшись и не попрощавшись со мной. Почему я не зашел к

нему утром перед занятиями? Ведь я знал дядю Люсю, ведь мог ожидать такого исхода дела. Нет, это я сам виноват. Почему не интересовался живей, ходом подготовки дяди Люси к отъезду? Почему не засыпал, особенно в последнее время, маму письмами?

С этими невеселыми мыслями я и приближался к тете Полиной квартире, где сейчас живу. Открыв дверь, вдруг почувствовал чье-то присутствие, узнал родной и привычный голос в квартире. Быстро открыл комнатную дверь. Так и есть - мама. Слезы. Как не люблю я подобную сентиментальность. Слезы. Как тяжело давят они на мое сердце, терзают его и жгут. Слезы матери, даже пусть слезы счастья, - что может быть хуже этого? Слезы радости, слезы горя, слезы тоски о прошлом и отчаяния перед будущим.

Я не умею плакать. Кажется, никакое горе, никакая печаль не заставит меня проронить слезу. И тем тяжелее видеть, как плачет родной из родных человек. Я прижал ее, бедную маму, к своему сердцу и долго утешал, пока она не перестала плакать.

Но вот миновали первые минуты этой встречи с мамой, и наш разговор принял обыденную форму. К маме вновь вернулось прежнее состояние, в котором она пребывала до моего появления. Говорили о дяде Люсе. Я сказал, что он ужасно некрасиво поступил, не сообщив маме и не известив меня о своем отъезде из Ессентуков. Еще хуже, что он не пожелал помочь маме в ее беде, не хотел вызвать в Ессентуки, облегчить ей положение.

Мама оправдывала дядю Люсю. Даже пыталась обвинить меня в бестактном к нему отношении. Говорила что у меня нет родственных чувств, что я в такой тяжелый момент отказал ему в галошах, а он был болен и неужели два часа нельзя было пересидеть дома.

Тетя Поля, присутствовавшая при этом, молчала, соблюдая нейтралитет.

Я объяснил, что в тот момент, когда дяде Люсе нужны были галоши - я был на всеобуче и бросить занятия не мог.

- Ты лодырь, ты не хотел даже бабушке достать хлеба. Ты целыми днями книги читаешь и радио слушаешь. Почему ты не поступил на работу? Ты сел на тетину шею и решил, что так и нужно.

Я отвечал, рассказывал, объяснял, но она перебивала, не давая говорить и, заставляя говорить громче обычного.

- Чего ты кричишь не своим голосом? - прервала вдруг меня мама и лицо ее исказилось злобой. Передо мной была все та же, прежняя мать...но... Прежние картины и картинки нашей совместной, долгой жизни, мелькнув, прошли передо мной. Меня бросило в жар. Лицо матери, было чужим и неприятным, как

тогда, как в те, давно забытые мною мгновения, когда ею, в минуты наших ссор, пускались в ход и стулья и кочерга и молоток - все, что попадалось под руку.

- Я отвык от такого отношения. Вот уже два месяца я прожил в спокойной обстановке и не хочу, и не буду возвращаться к новым ссорам и бесчинствам твоим. Скоро на фронт добровольцем поеду, забуду, как так с тобой жить.

- Ну что ж, не хочешь, так и не нужно. Значит, все потеряно для меня в тебе, и я тебя вычеркну, совершенно забуду о твоем существовании, и голос ее стал прежним, обыденным.

Я ушел во двор. Когда вернулся, разговор переменился и стал снова сердечным и приятным.

Тетя предложила маме покушать, но она, несмотря на то, что проголодалась, отказалась от еды и только выпила стакан чаю.

Я предложил маме проводить ее до Минвод. Тетя Поля приготовила нам хлеб с повидлом, дала денег на дорогу и несколько кусочков сахара.

По дороге мы много говорили, делились впечатлениями, переживаниями, перспективами. Прежняя натянутость разговора исчезла.

Я спросил маму, как она попала к тете Поле, как она встретилась с бабушкой.

Бабушка произвела на нее гнетущее впечатление: состарилась, похудела и стала еще неряшливей, чем когда-либо была. Но приняла она ее хорошо и охотно поддерживала с ней разговор. Даже успела нажаловаться на меня, что я ей не всегда достаю белый хлеб и что я лентяй. С тетей Полей она встретилась по-родственному и они, вместе, наплакались изрядно.

Я напомнил маме содержание ее писем, в которых она снова придиралась к папе. Она ведь знала, что придется сюда еще приехать, увидеться с родными, зачем тогда себе позволяла эти явно враждебные и задирчивые письма?

- Я от своих слов не отказываюсь - убеждала мама. Твой отец - противный и мелочный, а его родные хорошие люди и я к ним ничего не имею.

Тут мне вспомнились брань и насмешки, которыми она наделяла бабушку, тетю Полю и Нюру, еще в Днепропетровске, но я ничего не сказал.

Вскоре мы приехали в Минводы. О дальнейших впечатлениях в другой раз.

02.11.1941

Утро провел с тетей Полей на толкучке. Тайком от нее купил журнал "30 Дней" за 50 копеек. Люди продают все. Мало людей найдется, умеющих поступить так, как мы - все оставить, и ничего

даже не продать.

Днем был в бане. Впервые за полмесяца. Все остальное время, помимо всеобуча, провел в очереди за хлебом.

Сегодня я бабушке достал свежего хлеба за 4 рубля 10 копеек кило. Она была в восторге и даже предложила мне немного сметаны. На прощанье она сказала: "Если тебя заберут, я буду очень за тобой скучать".

03.11.1941

В Минводах было спокойно и даже не видно следов недавней бомбардировки. Только маскировка привокзальных зданий защитной окраской говорила о постоянном ожидании новых вражеских налетов и о тревоге, связанной с этим.

В привокзальном саду было много людей. Беженцы. Они были грязные, измученные и напоминали о нашей с мамой эвакуации из Днепропетровска.

Тетю Еву с семьей мы нашли сразу. Она немного похудела, но, закаленная работой, приобрела более здоровый вид лица. Дядя Толя не изменился, а Санька не только не похудел, но и не потерял своего прежнего, ехидно-глупого выражения. Я уверен, на 99 %, что это он тогда выкинул из моего портфеля половину содержимого - статей и рецензий о литературе, писателях и их работах. Тогда же пропала и моя статья о Маяковском, помещенная, если не ошибаюсь, в 39 году в газете "Щастліва зміна", анонимка, посланная двумя девчонками нашего 8 класса на имя "Гельфанда-сына" и другое.

Тетя Ева, когда меня увидела - расплакалась, мама - тоже, не отказывая ей в поддержке.

Вскоре они погрузились на открытую, груженную углем платформу поезда, на Махачкалу.

05.11.1941

Позавчера взялся на учет в горкоме ВЛКСМ. По моей просьбе прикрепили к первичной организации школы им. Кирова, где учится Аня. Вся организация выехала на рытье окопов. Осталась только одна девушка, на которую и возложена роль временного секретаря комитета.

В горкоме комсомола мне предложили работу, с чем я радостно и согласился.

На сегодняшний день я работник ремонтно-восстановительной колонны связи 4 линейного участка. Начальник - очень толковый и сердечный человек. В первый день он обстоятельно осветил передо мной и еще двумя стариками условия работы. Работа серьезная, но и немногим выгодная: на всех работников накладывается броня. Ни в армию, ни на трудовой фронт они привлечены быть не могут.

Ставка пока 166 с чем-то рублей. Со временем - 201. Наиболее опытные уже сейчас получают 250-260 рублей. Карточку тоже получу, попозже, на 600 грамм хлеба. Находиться буду на казарменном положении. Все время на чеку. В нужное время дня и ночи могу быть направлен в любое место вверенного района - Пятигорск, Кисловодск, Минводы, Ессентуки.

Обмундирование пока не выдают и не известно выдадут ли. Работать надо в своей одежде.

Ну а пока хочу спать. Не выдерживаю. 9 часов 30 минут.

06.11.1941

Позавчера снова был у моего начальника. Сдал паспорт, написал заявление и договорился на вчера, позвонить ему узнать о времени и дне выхода на работу.

Уходя, забыл там галоши. Вчера решил не звонить, а зайти самому.

Утром, перед всеобучем, задумал побродить по базару, поискать теплый тулупчик для работы. По пути встретился с папой. Он сказал, что есть два тулупа: один у него, другой у тети Поли. Это намного облегчило мой денежный вопрос.

Звал его тоже поступить на эту работу, но он отказался, напомнив только, что мама просила меня выехать отсюда в Дербент.

На всеобуче было шумно и дымно, но меня не трогали. Проходили, кажется, гранату, но ни я, ни другой присутствующий на занятиях, за исключением может быть говорившего, ничего не слышал. После занятий я сказал командиру отделения что работаю и что, вероятно, не смогу посещать всеобуч. Он посоветовал поговорить с Казимировым, старшим лейтенантом, ведающим этим делом.

Был у того во время перерыва и успел углядеть обрывок картины, которая пускалась для развлечения сотрудников клуба медсантруда.

Взял серый хлеб в военной лавке - вот уже несколько дней в городе нет такого. Есть только черный в 90 копеек и белый в 4.10. И тот и другой одинаково невыгоден. Первый из-за плохой выпечки и постоянной черствости, второй из-за стоимости. Лавочнику сказал, что забыл дома военную книжку, и он отпустил хлеб, сказав, что видел меня не однажды и только поэтому верит мне.

Казимиров напугал меня законом и сказал, что от всеобуча меня не освободит. Разочарованный пришел я домой.

Вечером принес почтальон московскую "Правду" за 28 и 29 октября. С 14 числа "Правду" не получал. В это же время пришла Аня и принесла повестку на окопы. Тут я уж совсем потерял

надежду и предался мечтам о преимуществах окопов, о девушках, которых сейчас там несчетное число.

Аня обрадовалась, и заявила, что пока я иду на окопы, она будет спать с Раей в комнате. Сейчас она ночует у бабушки.

Связанный всем этим и разочарованный крушением перспектив, я отправился к своему начальнику. Он меня выслушал, сказал, что ни на какой трудовой фронт я не пойду, тут же написав справку для горсовета. Насчет всеобуча сказал - поговорит с комиссаром военкомата, и все будет улажено.

Сегодня рано утром первым делом направился хлопотать насчет освобождения от ночных дежурств и трудового фронта.

Долго никого не было - ни зам. председателя горсовета, ни начальника штаба МПВО. Вскоре туда пришел по своим делам мой начальник. И тоже, не застав никого, сказал мне ждать, а, добившись своего, прийти к нему и уехал в Пятигорск.

Сегодня впервые за свою жизнь ходил в "когтях". Пока неплохо получается, но когти слишком свободны и спадают. Боюсь провода.

Сегодня буду ночевать здесь, в общежитии

Ночью топили печку. Я принес воды. Со мной еще один человек пожилых лет, опытный и старый работник. Мы на казарменном положении.

Он попил чай с медом, я водички.

Подушка жесткая. Я набил ее колючками ***, которые огромной кучей навалены здесь во дворе. Сверху прикрою ее одеялом, которое с собой принес.

Спешу спать. Вдруг позовут ночью и я не успею выспаться.

Аня сегодня в восторге: одна с Раей в квартире.

Я взял с собой оставшийся кусок хлеба. Аня будет недовольна. Ну и пусть. Она ведь съела хлеб, который я себе дома приготовил.

07.11.1941.

Октябрьская площадь, 39. Здесь мое помещение. Только что вернулся сюда из города после двухчасового отпуска на обед.

Да, мой друг (давно я так тебя не называл), да мой дневник! Кончилась праздная жизнь. Теперь я рабочий, настоящий рабочий и нахожусь на казарменном положении. "Не мала баба клопоту, купила порося". Так и у меня. Вместо воинской службы выбрал непосильную, на мой взгляд, работу. Решился, и теперь повернуть не могу назад, не такой я человек.

Но... испугался слез матери, поддался ее просьбам и решил уйти от воинской службы. Что броня? Не лучше ли веселая окопная жизнь, жаркая воинская служба, сопряженная с опасностями, кровавыми боевыми этюдами и

самопожертвованием во благо Родины. Так нет - одинокое затворничество в подчинении нескольких начальников, зубрежка неинтересного, ненужного и нудного материала и вместе с тем необходимость этой зубрежки, бросающая меня в ужас, куда хуже самой опасной схватки с врагом. Там ты знаешь, что можешь быть в первых рядах. Здесь же тебе надолго обеспечено последнее место и низкий заработок, каких бы усилий ты не прикладывал.

09.11.1941

В общежитии спят два рабочих, опытных и имеющих стаж. Оба они пожилых лет и с одним из них я уже вчера ночевал. Из всех рабочих я один, наверно, не смыслю в работе, и каждый будет с удовольствием командовать мною и задвигать на задний план.

Один начальник, видимо, сильно хочет, чтобы я скорее ознакомился с работой и усиленно нажимает на меня, журит часто и говорит, чтобы я ухватился за него обеими руками. Ему, видимо, очень нужны рабочие, если он не побрезговал даже таким как я.

Трудная для меня наука. Что-то тяжелое, неумолимое, окутало мой разум. Чувствуется, что в глубине меня где-то, скрыт богатырский размах, неиссякаемый источник энергии, сильный ум и безудержные удаль и смелость.

XX.11.1941

*** столбами. Дорога крутая, почти везде по склонам проходит.

Туда ехал с одним бесарабским евреем***

Перед отъездом заправляли лошадей и, когда я, не зная как их заправлять, остался стоять без дела, начальник сказал: "С одним евреем еще можно работать, но с двумя никак. С одним, вероятно, придется расстаться". И это сказал внешне порядочный и культурный человек. И не первый раз я от него, между прочим, слышу такие высказывания.

Так, на днях, когда надо было напоить лошадь, и конюх этого не сделал вовремя, он сказал, обращаясь ко мне, видимо не предполагая тогда еще во мне еврея: "У них, наверное, в натуре заложена лень, у этих евреев". В другой раз: "Торговать вы умеете, а работать нет".

1942

03.05.1942

Кончились первомайские дни, кончился выходной день, а я все тут, в Ессентуках.

Вчера получил письмо от Оли из Магнитогорска. Она работает браковщицей на заводе. С ней в том же городе живут Ира Радченко и Майя Белокопытова. Они учатся в

металлургическом институте, и последняя из них записалась добровольно в армию медсестрой.

С Бусей она переписывается, а Лены Мячиной адрес прислала мне. Я порадовался письму, сразу ответил Оле и написал Лене открытку. Теперь дожидаюсь нетерпеливо ответа.

От мамы, как назло, не получаются письма. А сколько я написал ей!.. Счету нет. В другие места: тете Ане, дяде Исаку и прочим, тоже писал много писем, но молчание жестокое только лишь является ответом на труды мои. Это наталкивает меня на мысль, что мои письма и письма ко мне перехватывает кто-то. Сегодня не писал писем - надоело.

Вечером вчера посмотрел кинофильм "Маскарад", по одноименной пьесе Лермонтова. Мне стыдно признаться кому ни будь, но я эту пьесу всю не читал, в то время когда прочел массу малоизвестных и нередко неинтересных книг. Фильм произвел потрясающее впечатление. Женщины и девушки многие плакали.

04.05.1942

Сегодня приехал с фронта дядя Исак. Он похудел здорово. Много рассказывает о своей жизни в армии, но ничего о фронте - он не видел даже убитых, так как на передовые позиции не допускался, и перевозили они раненных только. Ради его приезда мы с Нюрой отменили посещение театра, в который давно собирались.

Писем нет ни от кого. За что меня так испытывает судьба? Сейчас ночую у бабушки, лежу в постели с папой вместе.

21 час. Пора на покой, сон.

06.05.1942

Сегодня произошло решающее событие в моей жизни - меня призвали в армию. Кадровым красноармейцем. Я был совершенно неподготовлен, а призвали внезапно в 9 часов утра: на 10 явиться с вещами в военкомат. Пришел в 11, но это оказалось тоже слишком рано.

Целый день длилась канитель с призывом. Я за это время успел сняться с учета в горкоме ВЛКСМ и выписаться из библиотеки городской и курортной.

Расстался со всеми очень тепло. Папа больше всех огорчился моим призывом, но хотел, чтоб я много вещей с собой не брал. Он прав.

Тетя Бузя даже расплакалась при расставании - нервы у нее сильно расшатаны. Аня была как всегда весела, только улыбка ее приобрела в этот день грустноватый оттенок. Нюра оставалась, какой всегда бывает. Бабушка говорила, что она меня больше всех любит, и что очень страдает что ***

07.05.1942

В поезде. Еду в армию из Ессентуков в Майкоп. Ручка сломалась, приходится пользоваться карандашом.

Что у меня на душе сейчас? Какие ощущения я переживаю? Скажу прямо нет уже той грусти и отчаянья, охвативших меня в первый день (т.е. вчера) призыва, когда я узнал, что не еду в военную школу. Хотя так хотелось получить побольше знаний военных, чтобы во всеоружии встретить фашистских вандалов. Но - время впереди и еще ничего для меня не потеряно.

Сегодня отправил письмо в Ессентуки - открытку с портретом Д. Дидро. В Армавире прогулялся по главным улицам и на базаре. Сало - 150 рублей килограмм, но я не купил.

В нашей команде, оказывается, все беспартийные, за исключением меня. Это хорошо - буду проситься политруком.

Все зеленеет, все цветет, на широких просторах земли Советской. Хочется жить, работать, и наслаждаться природой, и потому еще сильнее проникаешься ненавистью к гитлеровской шайке разбойников. Месть, священную месть везу я в своем сердце.

08.05.1942, Майкоп.

Лагеря. Красивая природа. Я сижу на крыше землянки, отведенной под карантин для вновь прибывших бойцов. В нескольких шагах от меня крутой обрыв. У подножья обрыва неширокий низменный бережок многоводной и бурной реки, стекающей откуда-то с гор. Горы снежные, далекие, раскинулись где-то очень высоко. Утром на горизонте вырисовываются их очертания, солнце блестит в их задумчивых куполах - они манят своей недоступной прелестью. Выступают над землей, вдруг, подобно голубоглазым красавицам, захотевшим мне понравиться. Их не скрывают ни стелющиеся змейкой по земле пугливые холмики, ни сердитые карликовые горки, ни другие возвышенности, так часто встречающиеся на Кавказе.

11.05.1942

Целый день не занимались: в баню ходили, уколы делали.

Отправил за пределами лагеря все четыре письма к маме в Ессентуки, Оле и тете Ане. Может теперь дойдут.

После бани замполитрука прочитал очередную сенсационную новость из газеты: немцы применяют газы на Крымском участке фронта. Сейчас, спустя пару часов после лекции, красноармейцы обсуждают совместно с политруком последствия, могущие истекать отсюда. Политрук уверяет, что не надо теряться и что мы, а также союзники наши, обладаем намного большими силами, нежели гитлеровцы.

Уколов я не делал - как я буду заниматься, маршировать, когда они (уколы) так болезненно на мне отражаются.

Старшина сзывает чего-то бойцов, как-бы не на уколы... Нет, точно не на уколы. Меня не трогали. Ушел за полотно железной дороги.

Женщины разыскивают своих мужей. Одна нашла - какая радость на ее лице! Только меня никто не разыщет и никто не придет - хоть бы скорей на фронт послали. Хочется поскорей вернуться домой, живым или мертвым, но скорее. А умирать не хочется и не верится в подобное несчастье. Верую в свою судьбу, хотя она не раз меня подводила. Хочу быть впереди в предстоящих боях, но иногда в мою душу закрадывается тень сомнения и становится страшновато за себя: а не струшу ли? Не испугаюсь? Нет! Тысячу раз - нет! Хоть бы скорее в бой.

12.05.1942

Сегодня вторично за мое пребывание в лагерях ясно вырисовываются на горизонте снежные горы Кавказа. Они далеко-далеко отсюда, еще дальше, чем Эльбрус от Ессентуков.

Тетя Поля, папа и все остальные члены семьи моей снабдили меня хлебом, салом, повидлом, сахаром, сухарями, пышками и пр. и пр. Все это получилось ликвидировать в несколько приемов, ибо здесь не разрешают хранить продукты, чтобы люди не травились.

Двумя часами позже. Тренировались в посадке, на платформе вагонов. Сейчас подготовка к присяге. Командир вызывает людей с противотанкового взвода и каждый зачитывает плакат с текстом присяги. Командир разрешил нам почиститься, побриться и привести себя *** Помкомроты приказал заниматься, а после обеда будем давать присягу. На днях (позавчера, кажется), меня вызвал военный комиссар роты и спросил, могу ли я писать. Я ответил, что пишу стихи и увлекаюсь литературой.

- Надо его в редколлегию - сказал он присутствовавшему тут же командиру.

- А немецкий язык знаете? - спросил он затем.

Я ответил, могу писать и говорить, что понимаю, но не быстрый разговор.

- А если надо будет говорить медленно, и у нас есть переводчик-словарь? Так значит, сможете?

Сейчас я решил поднажать на немецкий, дабы слова мои не оказались голословными.

Перед обедом командир нашего взвода дал мне задание переписать начисто список красноармейцев взвода. Сейчас ожидаю обеда возле столовой.

XX.05.1942

*** горы-великаны тоже приветствовали нас своим воинственным взглядом, всем своим видом выказывая

решительность; казалось, вручи им оружие - они бросились бы во всесокрушимую атаку на проклятых изуверов, посягнувших на их спокойное существование, на их красоту могучую. Мягкий ветер, слегка встрепенув зеленоглазую травку, понесся нам вслед подхватив песню горячую, гордо льющуюся из наших уст, проникающую в душу каждого, кто любит жизнь и свободу.

Два раза уже вблизи от Новороссийска наш поезд окунулся в два длинных, недосягаемых для ласкового света солнца, туннеля, надолго погрузив все вокруг во мрак густой и непроглядный. Только к вечеру мы приехали сюда.

Теперь нам осталось, как показывает карта, 145 километров, пока мы достигнем берегов Крыма. Там разгорелись ожесточенные бои и, как говорится в последнем сообщении Совинформбюро, бои идут уже в районе города Керчи. Новороссийск сильно пострадал от бомбежек, но защитники его готовы к любым испытаниям.

С самого двадцатого числа, мы находимся здесь. К вечеру двадцатого пошел сильный дождь и не переставал поливать нас своей холодной, отвратительно мокрой водой целые сутки. Нам негде было укрыться - спать приходилось под дождем. К большому удивлению своему спал хорошо и проснулся лишь когда меня разбудили товарищи.

21.05.1942

*** это было первое крупное мое испытание за всю службу в РККА. Правда, оно было куда легче переносимо мною чем, например, обивка гололеда, рытье мерзлых 1,5-2 метровых рвов, в снежную метель, рубка дров по колени и выше в снегу, в стареньких ботиночках и холодной телогрейке.

Однако, одно обстоятельство намного облегчало условия работы и испытания с ней связанные - теплая постель, где можно отогреться и отдохнуть.

Вечером нашли квартиры. Каждый взвод себе. Меня перевели в минометный взвод. Я сам попросился. Во взводе ПТР было много лишних людей (и я в том числе).

В минометном взводе коллектив значительно лучше пэтээрского и командир взвода (мой однолетка) славный парень и любит, к тому же, литературу. Он младший лейтенант. Закончил 8 классов школы.

Стал изучать миномет. Младший лейтенант назначил меня командиром 4 отделения. Но отделения по существу у меня нет. Дали мне одного человека, немощного и больного. К тому же он ничего не может и не хочет делать. Другого, полагающегося в мое отделение человека, нет.

Был на совещании младших и средних командиров, на

котором зачитывались приказы генерал-майора Пожарского. Многие сержанты и прочие командиры, не признавая во мне равного, презрительно на меня косились, как на случайно затесавшегося в их семью человека. А командир роты сказал лейтенанту: "Его и назначили командиром?!" Тот подтвердил. "Гельфанда?!" - опять спросил ротный и, махнув рукой, отошел.

Ну что ж, я докажу ему, что могу быть командиром, хотя действительно, какой из меня сейчас командир, да и не над кем командовать мне. Но все-таки мне льстило, что я нахожусь в одном ряду с лейтенантами и политработниками.

Позавчера стреляли из винтовки. Как волновался я и нервничал. Но сверх ожиданий результаты получились замечательными - пять зарядов попали в цель.

28.05.1942

Вчера опять стреляли из винтовок. Я дежурил в столовой. Вызвали внезапно. Целился плохо (совсем можно сказать не целился, ибо на огневую позицию пришлось бежать), без внимания и в результате - ни одного попадания. Вот что значит зазнаться хоть немного.

На кухне дежурил целый день. Наелся как никогда ранее в другие дни. Много увидел из закулисной стороны столовской жизни.

Утром порубили дрова (перепилили их) вместе с красноармейцем нашего взвода, членом партии Сухаревым (он хорошо знаком со старшим поваром). Я с младшим поваром резал колбасу, Сухарев курил. Колбасы хотелось до беспамятства, но я не решался попробовать хотя бы кусочек. Подошел сержант пулеметного взвода, попросил колбасы и, не дожидаясь разрешения повара, хватанул со стола большой кусок. А кусочков было считано.

Начали приходить за завтраком. За сухарями. Был тут и командир роты, и старший помощник его. Сержант подошел вторично и украл второй, меньший кусок со стола. И никто не заметил это, ни один человек, кроме меня и поваров, но те ничего не сказали. Я так захотел, так сильно захотел колбасы, что и себе попробовал взять кусочек. Повар заметил и, когда все разошлись, сказал мне что при всех брать колбасу нельзя. Так провалилась моя невинная затея, похожая на воровство.

Когда я шел в наряд на кухню, мне советовали украсть деревянную ложку, так как моя неглубокая железная очень неудобна. Но я не смог ни попросить, так как был уверен, что мне не дадут, ни уворовать, так как знал, что поймаюсь.

Воровство здесь процветает на каждом шагу, вопиющее и безграничное. Повар, к примеру, вместе с этим Сухаревым что-то

украли на кухне. К ним пришла женщина с двумя полными графинами вина и они, услав меня предварительно по воду, обменялись с ней товарами. Колбасу он крал, оглядываясь на меня (когда я писал), масло тоже, когда послал меня за дровами, (я успел заметить, как он что-то завернул в бумагу и положил в карман). Потом масло опять, когда "по воду". К вечеру он был пьян, и накормил всех нас хорошо и сытно.

Мы с Сухаревым (вернее, благодаря ему) больше всех наелись в это день. Но наработался я тоже, как никогда: ведь Сухарева-то он щадил за мой счет, и мне приходилось одному и котлы мыть и воду носить и чистить и резать и бегать и прочее, прочее, прочее...

29.05.1942

Вчера стрелял из миномета. Замечательный день у меня вчера был, особенный!

Идти на место стрельбы, на огневую позицию было далеко и трудно. Миномет впился в спину мою, привалился ко мне, как будто боялся отстать от меня, потеряться. Еле покрыли мы с ним расстояние это до огневой.

Первыми стреляли артиллеристы на 500 метров. Только один снаряд первого орудия попал в цель. Второе стреляло лучше. Снаряды один за другим ложились около цели и несколько раз угодили прямо в нее. Первый раз в жизни мне приходилось наблюдать стрельбу из орудий.

Но самой интересной была стрельба из минометов. Редко кто видел минометный огонь, начиная от бойца и до высшего командования. Батальонные минометы начали первыми свой огневой рассказ. Они поведали нам много нового, доселе невиданного. Мина летит долго, но наблюдать за ее полетом трудно. К тому же миномет очень неточно бьет в цель и, чтобы попасть из него в нужное место, необходимо высокое мастерство всего расчета.

Ни один из стрелявших минометов не попал в мишень, и редкие мины упали близко возле вехи. Разрывы мин почти так же сильны, и шум от них так же мощен, как и у орудийных снарядов. С одного и того же положения, при одном и том же прицеле мины ложились на различном расстоянии.

Ротные минометы оскандалились. Два миномета соседней с нами по огневой позиции роты выстрелили совсем неудачно - мины упали в 50-60 метрах от нашей позиции, осколки брызнули во все стороны и некоторые рядом со мной. Один осколочек стукнул по моему каблуку. Люди рассыпались по земле. К счастью все обошлось благополучно, никто не пострадал.

На линии огня присутствовали батальонный комиссар,

старший политрук, капитан и полковой комиссар с тремя шпалами. Капитан приказал из ротных минометов прекратить стрельбу, но помощник командира нашей роты отдал распоряжение обоим, не отстрелянным еще минометам, произвести выстрелы. Мы выстрелили. Мой выстрел оказался самым точным среди остальных всех. Мина упала над целью, выше ее, метров на 30-50. У соседа моего, Фогельмана, оторвало при выстреле прицельное приспособление.

Я предложил комиссару батальона испытать мины тех минометов, из которых выстрел оказался неудачным. Комиссар не разрешил, сказав, что жизнь моя и каждого дорога и рисковать он не позволит но, посоветовавшись с капитаном, нехотя и сомневаясь, разрешил.

Я взял мину, которую все считали отсыревшей (она действительно была мокрая) и опасной для произведения выстрела и направился к своему миномету. Комиссар пошел со мной. Всех людей с ОП удалили. Я остался один со своим минометом. Выстрелил. Мина пошла хорошо и комиссар, облегченно вздохнув, подошел ближе. Я попросил произвести еще выстрел. Мне разрешили. Потом выпустил еще и еще одну. Все они шли хорошо, но в цель не попадали - все рядом. Я закончил. Комиссар подошел ко мне и протянул руку: "Спасибо вам". Я ответил рукопожатием.

Это был знаменательный, славный день для меня.

31.05.1942

Дописывал сегодня. Сейчас меня послали в наряд - посыльным в штаб батальона. Пока что служба эта меня сильно не обременяет. Можно писать. Посмотрим как будет дальше.

Вчера опять стреляли из минометов. Командир 3 отделения заболел и мне дали двух человек из его расчета. Мой человек был в наряде.

Еще до стрельбы, когда я устанавливал миномет на ОП, ко мне подошел комиссар и спросил результаты стрельбы. Я сказал, что еще не стрелял, что только устанавливаю миномет. Он ушел. Пришел наш взвод (я ехал на машине, вместе с матчастью), и началась стрельба.

Первая моя мина упала метров на 10 ближе цели. Вторая выше, метров на двадцать. Две последующих - в самый центр мишени. По совету командира роты (он все время присутствовал рядом) стал вести огонь тремя минами сразу. Первая попала в середину цели, две других метрах в пятнадцати от нее, правее.

Стали думать, гадать, куда бить. Выбрали с командиром роты место подальше, но когда я начал уже подготавливать выстрел - он раздумал, сказал мне бить в старое место. Изменил прицел и

направление ствола. Скомандовал расчету выстрел. Мина упала в... самый центр мишени. Следующая мина тоже попала в цель. Итого пять мин из десяти - попали в цель, пять - упали недалеко от цели, кольцом окружив ее. Результаты были лучшие, нежели в батальонном миномете (хотя он стреляет точнее), который только двумя минами обозначил направление цели остальные, разбросав далеко в стороне от нее.

Жалко, что не было тогда комиссара батальона. Только командиры роты и взвода наблюдали за стрельбой. Теперь я оправдал свое назначение. Пусть вспомнит командир роты, как он сказал "Гельфанда?! Командиром?!". Сержант руководил вместе с командиром взвода стрельбой и результаты худшие намного, чем у меня. Я сам наводил на цель, сам составлял данные и устанавливал дальность по крану. Расчет только опускал мины в канал ствола - производил выстрел. Восемь мин опустил Кузнецов и две Бессарабов.

Командир взвода говорил, что нам присвоят звание сержантов (командирам расчетов), но пока что мы - это я и еще двое командиров отделений, остаемся без званий. Правда, нам выдали компас, очень точный и удобный, светящийся ночью (с фосфором на стрелках). Я одел его на руку вместо часов, которые так мечтал приобрести, но по сей день не приобрел.

01.06.1942

Сегодня выезд. Куда - не сказано, но поездом на Север.

Вчера меня выделили посыльным в наряд по штабу батальона. Вернее, позавчера вечером. Но только со вчерашнего дня мне пришлось фактически побегать. До этого я отдыхал, как говорится, душой и телом, всецело отдавшись писанине.

Написал стихотворение "Миномет", письмо, и вел записи в дневнике. Только часов в 12 меня послали в хозвзвод, потом в третью роту, потом в штаб УРА и, наконец, на поле.

В штабе УРА мне дали письмо, предназначенное лично командиру батальона. Я передал. Через час-полтора он пришел в штаб и приказал передать во все роты, чтоб комиссары и командиры рот и батарей явились к нему, занятия прекратив и разместив людей по квартирам.

Меня послали в расположение нашей и третьей роты. Я передал приказ комиссару нашей роты. Ротный тоже присутствовал здесь, и обе роты начали строиться. Второй и четвертой ротам сообщили другие. Вскоре все командиры и комиссары рот собрались у комбата, который зачитал приказ, о котором не хочу распространяться здесь, на страницах дневника, тем паче, что я был единственным, за исключением разве что часового, человеком из рядовых кто слышал этот приказ. Многое

из этого приказа нам огласили потом на собрании младших командиров, на комсомольско-партийном, комсомольском и собрании комсоргов. Нас призывали к бдительности, организованности и дисциплине. Везде мне надо было присутствовать.

После зачтения комбатом этого приказа старшее командование разошлось. Дежурного и его помощника приказали снять. Меня оставили. Я стал просить смены, так как здорово набегался и меня сменили человеком с нашего взвода. Так закончился мой наряд.

Вечером в поезде. Сегодня комиссар сообщил нам наше направление Харьковское!

Взялся за боевой листок. Передовицу и стих написал, статьи собрал. Остается переписать в газету. Темнеет и трясет в вагоне - условия трудные для писания. Отложу.

02.06.1942

Едем, едем - хорошо ехать! Только теснота необычная. Жутко сказать целая рота размещена в одном вагоне. Люди здесь разные...

Больше всех из всего командного состава мне нравится комиссар. Он всегда подтянутый, волевой. Глядя на него и сам становишься взрослее, серьезнее. Он, может меньше меня, учился (читает, например, он хуже меня) меньше меня знаком с литературой, а в некоторых случаях и с политикой (он говорит, что Прага находится в Австрии), однако если б я еще сто лет учился, я не стал бы таким подтянутым и дисциплинированным, как он. Наш комиссар образец среди всех, встречавшихся мне политработников.

03.06.1942

Степь, степь, степь... Гладкая, как стол, тихая, как-будто немая, травянистая, точно свежеиспеченный пряник, сдобренный ароматами; душно пахнущая своими степными цветами. Степь, степь, степь. Бескрайняя и зеленая.

Подъема еще не было. Мы едем все-таки в Сталинград. Солнце поднялось, чтобы видеть нас и заалело багрово. Как хорошо, солнце! Нам никогда с ним не расстаться, не правда ли, мой дневник?! Я не расстанусь с жизнью, как и с тобой, никогда на свете и, в особенности теперь, когда жить так хочется. Мы победим! Проклятые немцы, стремящиеся поработить нас, будут разбиты и уничтожены!

Говорят, что до Сталинграда осталось не больше 150 километров. Ростовскую область мы давно оставили позади.

Широкие, как море, необъятные, как океан, раскинулись степи здесь. Редко встретить удастся отдельную группу хат, полустанок или другие признаки человеческого существования. Степь, только степь, поросшая густым бурьяном, одиноко греется на солнышке, мечтательно глядя на такое же необъятное по своим просторам голубое небо.

На одном полустанке опустил письма в ящик - одно тете Ане, другое Оле. Третье письмо - маме, везу с собой. Опущу в Сталинграде.

Кончились сельские степи, теперь тянутся калмыцкие, а населенных пунктов все нет как нет.

Командир взвода заставляет остричь волос. Какая неприятность, а ослушаться приказа нельзя.

04.06.1942

Вчера, в соседнем эшелоне старший сержант, заряжая автомат, выстрелил и ранил троих человек, находившихся в вагоне. Двое получили тяжелые ранения. Вот что значит неосторожность! Эшелон задержан перед отправлением. В вагон, где это случилось, пришел генерал-майор - дивизионный комиссар. Это было уже в Сталинграде.

Город начался отдаленными на десять-пятнадцать километров от него пригородами. Крыши домов, как и сами дома - деревянные. Много было домов очень древних, но красиво исполненных и расписанных. Долго-долго тянулся этот деревянно-древний, приволжский город, когда начался, наконец, через несколько станций, Сталинград.

Впервые увидел знаменитую Волгу-реку. Здесь она была не шире Днепра, а возможно даже и уже.

Вечером. Сейчас сижу в степи, в том месте, которое и по карте не сыщешь. Комары мучают и доводят до бешенства.

05.06.1942

С утра вчерашнего дня не спал. Дневалю. С вечера шел дождь и капал на голову и за шею сквозь открытую форточку вагона.

Сейчас четыре часа. В восемь сменяюсь. Замучен я вчерашними бесконечными посылками по воду почти на каждой остановке. Командиры здесь все молодые, некоторые - мои сверстники. Но держат себя они слишком высоко. Не так дисциплинированно и стойко, как высоко. Так, например, лейтенант Ткалич, он 23 года рождения, ходит часто без пояса. Шалости и шутки у него детские, но попробуй с ним заговорить - он набросится на тебя и раскричится. Смешно очень он отдает приказания. Наш младший лейтенант Егоренко строже и дисциплинированней, но на комсомольские собрания не ходит.

Девять часов вечера. Темнеет.

Сегодня комиссар целый день обрабатывал нас политически. С каждым днем он мне все больше и больше нравится своей стойкостью, силой воли и неистощаемой энергией.

Сегодня он долго отрабатывал с нами дисциплинарный устав. Когда же его вывел из терпения боец Оглы своей неусидчивостью, он гневно стал внушать, кто он по происхождению и как он будет вести себя на фронте: "Если встречусь с нерадивыми элементами - рука у меня не дрогнет", и этим он еще больше полюбился мне.

Какой это замечательный человек! Сын рабочего, он стал учиться уже при советской власти и закончил два курса высшего учебного заведения. Имеет звание педагога. Но война не дала ему возможности доучиться и направила в ряды РККА для политической работы.

06.06.1942

Вечереет. Мы подъезжаем к Купянску, миновав недавно его сортировочную станцию. Только что здесь прошел дождь, да и сейчас продолжает еще накрапывать. Нам везет на дожди. Куда бы мы ни ехали - всюду наш путь сопровождается плохой погодой и дождем. Возможно, это и к лучшему: небо затянуто - на нас не могут налететь вражеские самолеты.

Сейчас находимся в прифронтовой полосе. Родная Украинская земля широко раскинулась повсюду. Но местность мне эта незнакома - я тут никогда не бывал.

Горю желанием попасть на Днепропетровский фронт, если таковой существует. Как отрадно и легко было бы сражаться за свой родной город. Но где бы мне ни довелось драться с врагами - я не отступлю и не струшу.

Собираюсь подать заявление в партию. Хочу идти в бой коммунистом. Буду проводить политическую работу, с которой до некоторой степени знаком и которая мне близка. В боях даю себе клятву быть первым и добиться звания лейтенанта, которого мне, волей случая, не довелось еще получить в училище. Многое еще мне не знакомо, многое непонятно, но буду учиться, чтобы больше знать. Литературную работу-учебу не прекращу ни при каких обстоятельствах, это моя жизнь.

Я не умирать еду, а жить, одерживать победу, бить врагов Родины своей. Буду бить их из миномета и словом - таковы мои мысли и чаяния. О смерти не думаю, ибо верю в судьбу мою, которая да сбережет меня от вражеских пуль. Опираясь на эту веру, буду бесстрашен в бою, буду в первых, лучших рядах защитников Родины.

Писем написал очень много. Мои товарищи по оружию смеются надо мной за то, что много пишу. А я не могу не писать, хотя и не хочу, чтобы надо мной смеялись. Написал за свой путь

из Новороссийска на фронт - маме в Ессентуки, в Магнитогорск, Астрахань, Дербент, и Лене Лячиной в Нальчик. Б. Лившиц еще не написал.

08.06.1942

Дождь, дождь бесконечный, ленивый, напоминающий Новороссийский. Правда, земля здесь тверже и не киснет под ногами после дождя, не липнет к ногам и не образует болота. Сегодня засветло мы должны были покинуть село, но остались здесь, по-видимому, из-за дождя. Нам выдали много сухарей и неприкосновенные запасы в виде концентратов каш и горохового супа-пюре.

11.06.1942

Из селения Кабанье вышли 9 июня. Вчера дошли до места, покрыв за это время 55 километров. Пока разместились в садике у одной из деревенских хат.

Вчера был дождь. Спрятались в хлеве соседней хатки. Сегодня нам, комсомольцам, объяснили нашу задачу. Командирам взводов и редакторам газет тоже объяснили ее. Так, что мне довелось трижды присутствовать на летучих собраниях.

12.06.1942

Со вчерашнего вечера, с пяти его часов, и до восьми часов сегодняшнего утра рыли блиндаж для нашего расчета. С 8.30, примерно, и до 4 вечера отдыхали (если не принимать во внимание ходьбу на один километр за обедом).

Сейчас роем запасную позицию впереди основной. Позади основной предстоит вырыть еще две запасных позиции.

По дороге сюда нашел две немецких листовки. Какие глупые и безграмотные авторы работали над их составлением, какие недалекие мысли выражены в них. Просто не верится, что эти листовки написаны с целью пропаганды перехода людей на сторону немецких прохвостов. Кто поверит их неубедительным доводам и доверится им? Единственный правильно вставленный аргумент - это вопрос о евреях. Антисемитизм здесь сильно развит и слова, что "мы боремся только против жидов, севших на вашу шею и являющихся виновниками войны", - могут подействовать кое на кого. Далее там указывается на то, что "жиды", дескать, засели в тылу, воевать не идут и не хотят быть комиссарами на фронте из-за своей трусости. Это уже чересчур смешно звучит, а выглядит в устах составителей листовок просто анекдотично.

В ответ на то, что евреи сидят в тылу - я могу сказать, что только в одной нашей роте насчитывается не менее семи евреев, что при малочисленности их по сравнению с русскими (на всем земном шаре до войны проживало около 11 миллионов евреев) -

слишком много. Насчет боязни евреев быть комиссарами мне и говорить не хочется. Я им покажу в бою на своем примере, какую они чушь несут. Я не только как еврей попытаюсь не избежать звания комиссара боевого подразделения, но буду добиваться горячо, страстно и цепко этого, как русский, советский.

Листовки никому не показывал кроме командира нашего взвода. Их тут очень много разбросано по полю - и наших и немецких.

Писем давно никому не писал - не было адреса, а сейчас нет свободной минуты. Пишу сейчас, когда мой напарник, единственный мне подчиненный боец моего отделения работает - роет окоп. А я, покопав, отдыхаю. Комары кусают безжалостно. Сколько их тут...

13.06.1942

На рассвете. До света работал - рыл окоп. Сейчас копает Хаустов - боец моего подразделения. Этот человек вызывает во мне брюзгливую жалость: он не так стар, как выглядит, не так слаб, как хочет казаться. Окопы, например, копает скорей и лучше меня, так как привык к физическому труду с детства. Но миномет, лопату и другие тяжести мне приходится носить самому: он говорит, что болят суставы. Пойти куда-либо он тоже не может.

Сначала мы были вместе во взводе ПТР. Потом нас перевели в минометный взвод. Меня назначили командиром, его определили в мой расчет. Это сильно ущемило его самолюбие.

Еще в Новороссийске он говорил мне, что болен сердцем и отсутствием зубов. Жаловался, что не вынесет выстрела и при первом же бое умрет от разрыва сердца. Когда же у нас проходила учебная стрельба, он ничуть не пострадал, однако стрелять из миномета побоялся, и мне пришлось опускать мины самому. Как было сказано выше - я в этом ничуть не раскаивался, но он, Хаустов, так и не выстрелил ни разу. Во время вторых минометных стрельб он стоял часовым и на огневом рубеже не присутствовал.

Когда мы приехали сюда он стал напевать мне совершенно другое: слушать и исполнять приказы мои не станет; затем вдруг стал говорить что я отдаю неправильные приказы. Иногда он просто зло издевался надо мной, командуя в присутствии остальных бойцов взвода: "Гельфанд, ко мне!", или, посылая меня к командиру взвода сказать, что он не будет со мной работать и слушаться меня.

- Ну, как, ты говорил лейтенанту, что я тебе сказал? - спрашивал он.

15.06.1942

Сегодня счастливый день - комаров нет и можно спокойно писать.

Весь взвод наш, за исключением двух человек охраняющих боеприпасы, улегся спать. С фронта непрерывно доносятся глухие и тяжелые выстрелы, похожие на раскаты грома. Передовые позиции отсюда недалеко. Часто гостят здесь вражеские самолеты - при одном из налетов один из наших бойцов был убит и двое ранены.

Ночью со всех сторон поднимаются ракеты. Долго висят в беспросветной тьме, освещая пространство и затем медленно начинают опускаться за горизонт; а на встречу им новые и новые ночные светила подымаются ввысь, ослепляя небо.

Лейтенант видимо забыл, что нам нужно заканчивать рытье складов и первый уснул после завтрака. За ним все остальные легли спать, не напоминая ему о складах. Сегодня уже пятый день как мы роем окопы, предназначенные для оборонительных боев.

Выстрелы как-будто стали отчетливей и ближе и политрук роты "тайком" нам сообщил, что на днях мы должны столкнуться с врагом.

Хочется спать, но еще больше хочется поговорить с тобой, дневник, высказать сокровенное, что накопилось. И я не сплю.

16.06.1942

Оказывается, немцы вели наступление против наших войск на Харьковском участке фронта. А я-то и не знал. Только сегодня, по рассказам товарищей и из "Красноармейской газеты" за 13 число, это стало известно.

Сегодня по радио, рассказывали красноармейцы нашего взвода, сообщили, что наступление немцев на нашем, Харьковском направлении, приостановлено.

Прервусь. Небо рассвирепело и шлет почти беспрерывно на меня дождь.

Через 15 минут. Как не грозны тучи были, а дождя все-же на этот раз не последовало. Ветер пошел мне на встречу и отогнал их отсюда, назойливых, чтоб не мешали писать. Хватит с них целой ночи, в течение которой они поливали меня своим холодящим дождем. Спасибо тебе ветер буйный украинский. Будем вместе гнать так же черные полчища немцев, тучами хлынувших на землю нашу.

Едут всадники сюда. Опять прервусь - ведь я на посту.

Всадники, два незнакомые мне лейтенанта, тоже проехали мимо.

Сейчас уже канун 16 числа, а я все еще не имею возможности списаться с родными. Им я пишу - боже мой, сколько мной им уже написано - счет потерял. А они не могут писать мне. Нет адреса.

Какая горькая, неотвратимая досада! Как бы мне хотелось побывать сейчас дома, повидать родных, отдохнуть пару деньков, понежиться в постели, услышать ласковое слово отца, матери, увидеть лица родных моих - сколько пожеланий связанно с домом! Не перечесть! А пища!? - хотя бы раз в десять дней видеть одну порцию из тех, что считались дома обыкновенными и невкусными.

С каким восторгом слушал бы я сейчас наставления моего папы милого, казавшиеся мне раньше надоедливыми и лишними. Сколько я отдал бы за жесткую трепку матери любимой, только бы увидеть ее на минуту. А Днепропетровск... Как много нежных чувств и приятных воспоминаний вызывает во мне жизнь и учеба мои в городе этом. А радио! - сколько дней я не слышал ни одного слова его. А газеты, а карты, а книги!... Все оставлено мною. Только изредка мне удается урвать минуту свободную, дабы почитать, пописать, помечтать немного.

Все книги, что вез я с собой - отдал бойцам на курение. Только одна Иванова о Лермонтове осталась пока у меня. Нести невозможно. НЗ пищи, куда входят концентраты и сухари (на пять дней и того и другого), патроны 85 штук, и еще кое какие необходимые вещи - все это страшно тяготит, но и необходимо в то же время. В противогазе стихи ношу, дневник старый, ессентуковский, и этот; бумагу, карты (которых тоже оставил минимальное число), чернила в верхнем боковом кармане, в котором ручка, карандаш, блокнот и прочие разности. В левом боковом кармане тоже полно. И все это нужно. И все это я не могу и не должен выбросить.

Чернила... Эх, недавно забегала по тебе, дневник мой, быстрая ручка, сея на просторах твоих белоснежных, синие полчища букв. После того, как командир взвода ПТР не по праву заставил отдать ему мои чернила, я уже было потерял надежду писать ими. Я уже вооружился химическими карандашами. И вот, неожиданно, пришел ко мне санинструктор и предложил обменять мою пачку табаку на его сухари, на сахар, на что угодно. Все условия его я отклонил, предложив свое - бутылочку чернил. Он согласился, но так долго с этим тянул, что я успел раздать и обменять половину пачки на селедку, ручку и сахар.

Оставшуюся часть пачки хорошего турецкого табака он был готов выменять на предложенные мною чернила. Но он решил меня обмануть и в чернильницу всыпал марганца. Попробовал я пописать - замечательный красновато-фиолетовый цвет, лишь водянистый немного. Он стал подогревать бутылочку, взбалтывать, и все это с самым серьезным видом. Я спешил тогда на рытье окопов и мне некогда было раздумывать. Поверив его

уверениям, что чернило устоится и не будет водянистым - я отдал ему табак. Когда же на другой день (вчера) я попробовал писать - оно действительно стало ярче намного, но как только я отводил ручку от уже написанного, замечал, что слово начинало желтеть и постепенно становилось еле заметным, своими очертаниями становясь похожим на ржавчину.

Больше санинструктора я с тех пор не встречал. А чернила я все-таки сделал, разведя химический карандаш в воде. Победа осталась все же за мной, ибо мое дело правое.

Со вчерашнего дня дневалю возле оружия и боеприпасов. Младший лейтенант стал относиться ко мне насмешливо и недобросовестно, хотя и выделил меня в командиры. Всегда он выделяет меня в наряды больше других, не в наказание, а по привычке и унижает честь и права человеческие и командирские, назначая, к примеру, в дневальство и при рытье окопов рядовых бойцов старшими надо мной. Отчитывая меня в присутствии бойцов, а также доверяя всяким жалобам на меня, как на командира, что не должно иметь места по уставу в Красной Армии.

Больше того, когда у меня произошло страшное по принесенным мне мучениям, расстройство желудка, он, по навету подчиненного мне бойца, признал это симуляцией и заявил, в присутствии красноармейцев, чтобы я больше ему не жаловался ни на какие болезни. А проверить в санчасти подлинность моего состояния не пожелал.

Вообще наш командир взвода находится под влиянием людей, умеющих рассказывать и способных трепать языком. Уверен, что расскажи я ему пару ругательных анекдотов погнуснее, и отношение его ко мне сразу бы переменилось - плохо память у меня ни к черту.

А сейчас пока что спит боец Бессарабов, командует он же. А командир отделения, в котором этот боец находится, ночью не спит, стоит на посту. Днем тоже из кожи лезет, выполняя приказания своего бойца. Кто же будет подчиняться мне в бою, если я сам вынужден подчиняться бойцам, которыми командовать должен?!

А потом, когда нет командиров, он, говоря о лейтенанте, начинает рассуждать, что во главе роты стоят одни пацаны, что сами бойцы их постреляют и что он, Бессарабов, знает больше командира взвода, ибо служит три года, а он, командир, всего лишь три месяца. Вот тебе и авторитет командира! До чего доводит малейшее уклонение от устава.

Если я не заслуживаю звания командира - можно снять меня с этой должности, предоставив бойцам быть старшими надомною.

Но я начинаю вступать в обсуждение действий командира, а это не по Уставу. Ладно, молчу об этом. Молчу, как рыба.

Опять комары появились. Ох, и надоедливы же они. И в глаза лезут и в уши и в нос - просто оказия какая-то - ни писать, ни читать, ни даже сидеть спокойно они не дают мне, грешному.

Орудия и в правду не бьют со стороны фронта, и самолетов меньше стало. Что дальше будет?

18.06.1942

Выстрелы стали глуше. Фронт, по-видимому, удалился значительно. Взводный ушел вместе с командиром роты выбирать новую позицию для рытья окопов где-то впереди прежней. Кормить со вчерашнего дня стали нас лучше. Появилось консервированное мясо в супе. Хотелось бы полакомиться хлебом свеженьким - ведь я так давно не ел хлеба - одни сухари. Табак вчера выдали нам. Это хорошо, что я не курю. С санинструктором договорился обменять его на молоко. Он извинился передо мной и дал мне чернильницу - невылевалку, загладив свою вину.

Ну а сейчас лягу отдыхать - все спят, только я один бодрствую.

Вечером на новой позиции. Рою совместно со вторым отделением землянку окоп для батальонного миномета. Нам, как об этом сообщил младший лейтенант Егоренко (наш комвзвода), ротным минометам землянки уже вырыты впереди стоящими подразделениями, которые, хотя еще ничего не знают, будут переброшены вперед для занятия и подготовки новых позиций. Какое разочарование ожидает их!

Сегодня к вечеру мошкара опять появилась. Она не дает вольно вдохнуть, широко раскрыть глаза и рот. Она лазит по всему телу и ест его, пьет кровь мою, страшно действуя на нервы. Я давлю, отгоняю и убегаю от этих надоедливых мошек но, увы, борьба моя безрезультатна. Писать приходится, зажмурив глаза, полузатаив дыхание и беспрерывно мотая головой.

Землянка уже готова. Теперь остается только накрыть ее сверху от дождя и от прочих шуток природы.

Только что здесь пролетал вражеский самолет. Он имеет какую-то странную форму - на хвосте у него прикреплена прямоугольная фигура, предназначенная неизвестно для чего. Он делал два залета, но под огнем зениток и прочих небесных трещоток, улетел. Я думаю что он еще вернется, ибо он слишком настойчиво стремился к ему ведомой цели, не страшась выстрелов рвущихся рядом снарядов.

Принесли ужин. Надо подкрепиться после работы. Потом, если скоро не стемнеет, стану продолжать.

После ужина. Мы, оказывается, находимся в полукольце. С

трех сторон от нас, на расстоянии не более 30 и не менее 18 километров, находится фронт. Только одна сторона, с которой мы пришли свободна от боев. Окопы мы роем в направлении Изюма (по объяснениям местных жителей Изюм и Барвенково находятся впереди нас километров на 18). Слева от нас Купянск, возле которого тоже, по словам людей (ведь газет и радио видеть не приходится) сейчас развернулись ожесточенные бои. Справа, на северо-запад - Харьков, в 120 километрах от нас, не более, и весь фронт Харьковский. Только позади нас узенькая полоска территории, свободная от вражеского присутствия и схваток с врагом.

Говорят также, что на нашем участке (Изюм), немцев отогнали на восемь километров. Говорили, что нам помогло орудие, называемое "Катюшей", сжигающее все на своем пути. Сегодня болтают другое: виновником победных событий на данном участке фронта является англо-советский договор и переговоры, с ним связанные, об открытии второго фронта. Немцы, дескать, испугались и отправляют свои войска во Францию, заменяя их венгерскими и румынскими. Не знаю чему можно верить, но ясно одно: положение наших войск здесь улучшилось и стоит ожидать переброски нас вперед, если войска, сражающиеся на фронтах, сейчас будут наступать.

Адреса у нас нет пока. Вот уже дня два-три не пишу писем - надоело писать, не имея ответов. Интересно подсчитать, сколько писем я написал за период службы в армии. Жалко, что я не вел счета. Теперь буду. Интересно также, сколько писем получили мои адресаты, а также получили ли дома (в Ессентуках) мою посылку из Майкопа и фотокарточки, посланные из Новороссийска доплатными письмами.

19.06.1942

Волнует меня вопрос, где сейчас папа. Не призван ли он в армию. Где дядя Люся, Сеня и дядя Исаак. И многие другие вопросы необходимо выяснить мне, но ответы точно застряли в непролазном болоте отчаяния, тоски и безвыходности положения. Что я могу сделать, чтобы списаться с родными? Ничего, только сидеть, сложа руки. Но сколько так можно ждать?

Вчерашний самолет опять визитировал сюда сегодня утром, но улетел, нахально покружив, как и раньше, над головой.

Под вечер

Страшно испорчен желудок. Понос и рвота. Ходил к санинструктору, но его не застал. Еще утром бойцы нашего взвода передали ему о моей болезни, но он только посоветовал (опять же через бойцов) мне ничего не есть, никакой другой помощи не оказав. Сейчас не знаю где его искать.

Писарю передал три письма в Ессентуки. Адрес на всех стрелковой роты, которую мы поддерживаем. Авось дойдут!..

20.06.1942

Здорово я, однако, разохотился писать в армии! Еще никаких особо знаменательных событий не произошло, а полтетради мною исписано. Надо сократить аппетит к писанию.

Наконец, сегодня явился санинструктор. Он сказал, что я умышленно отравляю себе желудок в надежде на госпиталь. Сказал, будем лечить на месте дисциплиной.

Все бойцы стали говорить, что я много пью воды, и он пригрозил мне трибуналом, если я не прекращу воду пить совершенно. Дав мне выпить слабительного, он ушел.

Ходил на двор, однако ничего не получилось. Или желудок настолько укрепился, или опять запор или же просто вся отработанная пища уже вышла из желудка во время моих сильных поносов.

22.06.1942

Сегодня год войны между нашей страной и немецко-фашистскими гадами. Эта знаменательная дата совпала сегодня с первым ожесточенным налетом на эти места.

Пишу в землянке. Налеты продолжаются и сейчас. Хаустов, мой боец, окончательно растерялся и даже от испуга заболел. У него рвота. Руки трясутся и лицо перекошено. Он сначала пытался скрыть свой страх перед бомбежкой, но теперь, уже не стесняясь, открыто признается мне, что больше терпеть не может - нервы и сердце не выдерживают - это вчерашний герой, который прошлой ночью матюгался на меня и говорил, что я "сырун", при первом же бое наделаю в штаны, оставив его погибать в бою.

Я положительно теряюсь в желании и стремлении, в мечтах, я бы сказал, образумить этого человека абсолютно не желающего мне подчиняться, заявляющего мне: "Хоть ты меня расстреляй сейчас, слушать тебя не буду!".

Вчера вечером у нас произошел один из повседневных споров, которые действуют на меня сильнее, чем самый жестокий и опасный бой, какой я только могу себе представить. "Какой ты командир? Да ты дурак. Ты глупей всякого дурака"...

23.06.1942

Сегодня тоже не прекращаются бомбежки. Только что закончил писать письма маме в Ессентуки, тете Ане и дяде Леве, по одному. Вчера, нет, позавчера, отправил маме письмо. Итого пять. Теперь веду счет им.

Сижу в землянке, на рубеже обороны. Хаустов продолжает болеть со вчерашнего дня. Он сильно струсил при налетах и

испортил себе желудок. Все приходится делать самому.

Вчера пришил себе два сигилька, как их здесь называют - два треугольничка на каждую петлицу и стал сержантом. "Вот чудо: в завтрак подходил к нам боец, в обед - сержант", - говорили повара, указывая на меня.

Хаустов стал миленьким. Я отдал ему свой табак, забочусь о его болезни, и он больше не ругается - лежит или спит, вскрикивая во сне.

Санинструктора не нашел нигде, хотя ищу его со вчерашнего дня. Спрашивал комиссара, командира роты, взвода. Командир роты обещал прислать его, но не прислал.

Нашему лейтенанту читал отрывки из своего дневника. Было там и о нем. Он с радостью слушал, когда я хвалил его, но дальше были места, где я о нем нехорошо отзывался, и я имел нетактичность прочесть ему это. Он обиделся. Сюда больше не ходит. А парень неплохой. Дружить бы с ним я мог. Только какое-то препятствие стоит на пути к дружбе с ним, невидимое, но ощутимое. Иногда оно исчезает, и он говорит со мной тепло и задушевно как друг, однолетка. Но это бывает редко. По-видимому, я сам виноват в этом.

25.06.1942

Обстановка здесь сильно изменилась. Сейчас будем уходить из нашего блиндажа-землянки, хотя привыкли и уходить не хочется. Но коварный враг угрожает нам с фланга, в то время как мы приготовились отражать его с фронта. Три дня враг бомбил окрестные деревушки, оставляя кровавые следы разрушений.

26.06.1942

Привал. Едем на машине в сторону восхода солнца. Проехали уже свыше 100 километров. По дороге большое количество военных. Все направляются в ту же сторону что и мы, или мы в ту же сторону, что и все. Масса машин.

Мирные граждане повсеместно эвакуируются. В воздухе гудят высоко-высоко, так, что не видно сразу их, вражеские самолеты. Не может быть, чтобы наши войска собрались оставить такую огромную территорию, столько всего немцам. Войска, вероятно, перебрасывают для подкрепления другого фронта.

Только сейчас я представляю себе ясно, из какого ада мы вырвались. Мы находились в мешке, который постепенно закрывался и, пробудь мы на месте этом до нынешнего утра, нам не довелось бы выбраться оттуда. Мы бы были окружены, взяты в плен или перебиты.

Впервые издали я увидел действие нашей "Катюши". Она зажигает все на своем пути, ровным рядом поднимая языки пламени и дыма на всей обстреливаемой территории. Но и

"Катюши" здесь не помогли. Больше всего в случившемся виновата вражеская авиация: три дня ни на минуту не затихали разрывы бомб, несомые беспрерывными потоками немецких самолетов. Вражеские коршуны налетали волнами, по 28 самолетов и подвергали всю землю вокруг огню и дыму. Небо хмурилось от разрывов бомб и шел дождь, не приостановивший, однако, варварских налетов фашистов. В конце третьего дня немцы сбросили на месте полуразрушенной ими деревушки, (с правого фланга наших позиций) парашютный десант автоматчиков, который бил в спину нашим войскам, находящимся на передовой.

В штабе батальона заинтересовались причиной выстрелов, перестрелки в селе и комиссар роты сказал о необходимости выслать разведку, чтобы узнать, что там происходит.

27.06.1942

Я попросил его назначить в разведку меня, но ротный назначил двух других сержантов. Мне не повезло. Не удалось рискнуть. А рисковать мне нравится. Не довелось узнать много нового, близко наблюдать и, возможно, вступить в бой.

Чернила у меня взял комиссар, но, против ожидания, вернул на другой день. Теперь снова пишу чернилами.

Отосланные в разведку имели интересное и рискованное приключение и вернулись с важными сведениями относительно хода событий впереди нас. Оказалось что фронт еще далеко, а против наших частей действует группа автоматчиков-парашютистов.

Село, подожженное утром бомбежками, продолжало гореть. Я попросил бинокль и, по рассказам и наблюдениям из бинокля, сделал выводы относительно создавшегося положения. Впереди нас, откуда мы ожидали противника, фронт удален на 18-20 километров. Западнее этого направления фронт еще дальше. На Восток от нас, с правого фланга, откуда мы меньше всего ожидали врага, а также на северо-запад, с тыла, враг не более четырех километров от нас. Причем, если днем там действовали десантные группы противника, то к вечеру перед нами была уже регулярная армия, прорвавшая один из участков фронта. Мы оказались в мешке, который закрывался и был готов нас сдавить, в конце концов, сплошным кольцом. Тогда бы спасенья не было, но, к счастью, мы вовремя ушли. Чем там закончились бои, куда девались наши войска там сражавшиеся - мне не известно. Только передвижение войск на этом направлении нельзя было не заметить, ибо они запрудили все дороги своей несчитанной массой.

Купянск, говорят, наполовину в наших руках (станция),

наполовину (город) в руках немцев. Отсюда эти город и станция очень близко находятся не более 10 километров. Бои здесь более напряженные, нежели на прежнем участке фронта, но наши (по разговорам всех) не отступают, а наоборот жмут немцев.

По дороге сюда я встретил восемь "Катюш". Все они тщательно закрыты чехлами, замаскированы, но легко было заметить, что каждая имеет по восемь дул.

Комаров здесь еще больше, чем на прежнем месте и они надоедливей и опасней. Самолетов в небе куда меньше и они летают на огромной высоте высоко-высоко видны лишь маленькие их очертания.

Наши самолеты тоже летают в небе, над нами. Впрочем, где наши и где не наши определить теперь трудно, ибо немецкие стервятники прилепили на своих грозных, замаранных тысячами невинных жизней крыльях, красные звезды. Немцев мы узнаем по бомбежкам и стрельбе по ним наших зениток. У них есть теперь какие то новые типы самолетов с двойным хвостом. Это паршивые штуки: летают низко, по-видимому, разведчики.

Газет не читал я с самого 22 числа, так что происходит на фронтах и в стране, мне не известно. Автобиографию написал, заявление подал еще раньше. Хочу в партию - она мне поможет пробиться в политруки. Сержанство, как и другой пост командирский, мне не по душе - не умею я командовать. А политработа - для меня.

Где-то потерял этой ночью значок КИМа. Он у меня открутился, вероятно, когда я боролся с комарами во время сна. Сколько я его не искал - не нашел. Мне везет - в каждом новом месте я должен что-нибудь потерять. На прежнем, например, потерял карандаш с ножиком-наконечником.

Написал только что четыре письма в Ессентуки маме, в Магнитогорск и Б. Лившиц. Думаю отослать в редакцию некоторых газет свои стихотворения незачем мне их мариновать, не такое время теперь. А стихи злободневны, хотя, возможно, и не безупречны.

28.06.1942

Наш младший лейтенант говорит, что дневник и другие записи следует вести простым карандашом, но никак не химическим и не чернилами. Бойцы также уверяют меня в этом. Они утверждают, что это гарантия сохранения написанного от дождей и от воды при переправах.

Письма вчерашние только что сдал писарю.

Живот раздулся сегодня у меня от пищи. Давно я так не наедался как сегодня. Мне вспоминается время, когда я жил у тети Поли, где наедался так, что штаны приходилось расстегивать

и ослаблять поясок. Сейчас я тоже по-домашнему распоясался. Боюсь за желудок свой - ведь я ел и кашу молочную и кислое молоко и сладкое, и все это в большом количестве.

Весь день сегодня я живу на молоке. Здесь много коров и бедные местные жители, напуганные беспрерывным гудением и разрывами снарядов из дальнобойной артиллерии, продают или меняют все, что у них есть. Сейчас им ничего не жалко, даже жизней своих детей. Единственная у них забота - это корова, которая кормит их и поддерживает. Хлебом здесь трудно разжиться, но я достал. Яиц и других продуктов питания нет.

Война разорила крестьян и отравила им жизнь. Они недовольны и немцами, сеющими бомбы, и нами. Кто-то уворовал курицу, два других забрали у местных обитателей гусей. Еще одни во время артобстрела повыбивали стекла в одной хатке и хотели туда забраться.

Думаю, что многое тут неверно. Жители просто хотят порисоваться, показаться обиженными, снискать у солдат к себе сожаление и поиметь моральную поддержку в часы испытаний. Но доля правды здесь имеется. В семье не без урода. И в Красной Армии находится немало головотяпов, которые ни с чем не хотят считаться, объясняя свои действия войной.

Их бы надо стрелять, и, думаю, так и поступит с ними наше командование при повторении подобных самоуправств.

Снаряды здесь рвутся как на передовой, хотя до боевых позиций отсюда не меньше пяти километров. Вчера осколком снаряда убило корову, другой - отбило ногу. Бойцы раскупили мясо. Мы не успели, хотя наши батальонные минометы расположены неподалеку оттуда. Выстрелы так оглушили наших минометчиков, и они так растерялись, что, обычно всегда первые в подобных ситуациях, вернулись ни с чем.

Магазин разбит, школа разбита и еще много других зданий пострадали от обстрела. Весь процесс обстрела я наблюдал своими глазами. Видел мертвую корову и разрушенные здания. Военные объекты, а так же войска - не пострадали и, выходит, что мины-то немцы побросали напрасно, невозместимо их стоимости по принесенным убыткам. Жалкие и бестолковые фрицы! Наша "Катюша" вам покажет, как нужно стрелять, а артиллерия поддержит ее своей огневой шквальной музыкой.

Только что мне сообщили, что едем на передовую. Наконец-то началось! Понюхаю пороху! Пора собираться.

В лесу. Движемся к передовой. Мы прикреплены к какой-то армии. "Будем сдерживать противника с фланга..." - услышал я обрывки из объяснений комиссара. Газет давно не читал - с 22.VI. О положении на фронтах ничего не известно. На данном участке,

надеюсь, увижу воочию.

Мне необходимо выдвинуться. Мой лозунг - отвага или смерть. Смерть, нежели плен. Жизнь за мной должна быть сохранена судьбой. Пусть она обо мне заботится, мое дело завоевать себе бессмертие.

Я теряю сознание от пореза пальца, при появлении, сколько ни будь значительной, струйки крови. Мертвых вид был всегда мне неприятен. В драках я всегда был побеждаем. И теперь я мечтаю о подвиге - жду и даже больше того - стремлюсь к нему!

До сих пор меня не страшили ни разрывы снарядов, ни бомбежки потому, что это было далеко в стороне от меня. Не знаю, но думаю, надеюсь не подкачать, выдвинуться, отличиться, стать комиссаром. Я добьюсь своего, пусть даже ценой жизни, иначе я не человек, а трус и хвастун. Клянусь же тебе, мой дневник, не быть серењким, заурядным воином, прячущимся в общей массе красноармейцев, а стать знаменитым, прославленным или хотя бы известным героем Отечества.

Комары жить не дают - пьют кровь, путают мысли и доводят до исступления своим гудением и количеством. Кончаю пока писать, ибо нет мочи выдерживать этих несносных насекомых. Как их здесь много!

01.07.1942

Какой, однако, бессовестный этот Хаустов! Какой неприятный человек! Вчера целый день он спал. Я не будил его, так как, во-первых стирал и писал в это время, и во-вторых решил дать ему выспаться, чтобы к вечеру он мне тоже не мешал. Но не тут то было!

- Вставай, Володя, мины уже близко рвутся - тормошил он меня после каждого разрыва вражеского снаряда, напуганный и растерянный.

Вечером ходил я по ужин и до 12 ночи ожидал, пока привезли его. Хаустов оставался сторожить миномет с минами и наше личное имущество. Пришел - он спит.

- Вставайте, Хаустов! Хаустов, проснитесь! - Вылез.

- Вы что же, товарищ Хаустов, спите, когда на вас лежит охрана военного имущества? Ведь вы не в тылу!

- Вздремнулось - отвечает - спать дюже хочется.

- А вы помните, что вы творили, когда я предложил однажды, будучи еще в тылу, пойти в ближайшую хатку переночевать? "Нельзя идти. Тебе спать хочется, какой же ты командир. Да ты хоть меня расстреляй, а я не пойду. А вдруг в боевую готовность миномет поставить придется" - Так? Мы ведь были в тылу, и хатенка та была всего в нескольких шагах от нас. Нет, вы настояли на своем, вам хотелось, как и теперь, делать все не так

как говорю я. В дождь и сырость мы провели ночь на улице, в то время, как остальные отделения и батальонные расчеты с лейтенантами, разместились по квартирам. Вы сказали: " Пусть буде так. Ты лягай сейчас, а я сбужу тебя, когда мне дюже спать схочется". И я лег. Но не успел я даже вздремнуть, как вы разбудили меня:

- "Вставай Володя, уже светает" - и я стоял до самого утра, хотя был разбужен вами в начале ночи - часов у нас не было, и вы этим пользовались. А теперь, когда мы на передней линии фронта, вы позволяете себе, находясь на посту, спать! Да за это действительно стрелять мало.

Тогда он ничего не ответил. Ночью нам предстояло закончить рыть окоп, ибо днем было невозможно это сделать, так как наша позиция находилась на открытой местности и была под наблюдением врага.

Мы поели и приготовились к копке, к часу ночи. Для того чтобы не носиться с минометом и всем остальным я предложил ему одно из двух: или я иду рыть окоп (там надо было только поровнять немного и замаскировать) а он остается сторожить наш шалаш, или наоборот.

- Я пойду, - сказал он - но тут же, спохватившись, полез на попятную, а хочешь - ты иди. Или нет! - надо вместе идти. Один я не пойду!

- Тогда я пойду, а вы сидите.

- Так, - говорил он, - мы оба ничего делать не будем. Один будет спати, другой вертеть лопаткой. Надо обоим идти.

- Хорошо, берите лотки с минами, я миномет и давайте же, наконец, идти!

- Я не буду их нести. Все надо оставить здесь, а с собой взять только вещевую сумку, винтовки и противогаз.

Долго пришлось его убеждать, упрашивать, уговаривать, прежде чем он согласился со мной. Он пошел копать, я остался охранять шалаш.

Через пол часа вернулся, доложил, что все готово и стал укладываться спать. Но пришел Кузнецов - боец второго отделения, звать его за завтраком. Он и здесь хотел на меня переложить: говорил, что он работал, а я сидел и прочее. Я ему объяснил, что когда я ходил за ужином - он спал, до этого весь день - спал, а я ни на минуту не прилег.

- Кто же виноват тебе, что ты не спал? - изумился он, - надо было спать, когда я копал. А днем я тоже не виноват, надо было тебе тоже лечь и соснуть.

- Стало быть, следовало разбудить вас и самому лечь?

- Зачем будить? Лягали б спать и все.

Трудно с ним столковаться. Но на этот раз за ужином он пошел. Поели. Уже стало светло. Я стал укладываться и предложил ему через два часа разбудить меня.

- Нет, не будэ по твоему! Я буду спать!

Ну, думаю, ладно! Посмотрю, сколько у него совести есть. Сейчас уже около трех часов дня, а он все спит. Вставал покурить в 12 часов.

- Ну, Хаустов, выспались?

- Нет, еще буду спать.

- А мне спать не нужно? Эгоист вы, Хаустов, и бессовестный человек!

Он ничего не ответил, стал прогуливаться около нашего шалаша.

- Ну, ложитесь спать, Хаустов, - и он ... пошел. Лег где-то в стороне, полежал, покурил, перешел в шалаш и - завалился в спячку.

Как мне командовать им? Миномет с минами, он говорит, бросить придется. Ключ для миномета, он говорит, не нужен и, издеваясь надо мной, говорит, что закопает миномет. Да ну его к черту, и писать о нем не хочется, но и не писать тяжело. Лейтенант в его присутствии говорит, что я строг с ним, что с ним надо быть мягче и прислушиваться к нему как к старшему по возрасту.

Вчера написал письма маме, в Ессентуки, Оле, тете Ане и в редакцию газеты "Сталинский воин", куда послал свое стихотворение "Здравствуйте, милые сердцу места".

Перестрелка вчера была сильнее. Бедный Хаустов чуть не умер, когда неподалеку падали осколки разорвавшихся мин (я ходил за ужином). Сейчас буду его будить. Хватит ему спать!

А природа здесь - только чтоб стихи о ней писать. Жаль голова в тумане - спать хочется, умираю.

Изредка где-нибудь засвистит снаряд и снова тихо, только кукушка кричит - беззаботно, может быть, ей. Весь лес: ку-ку, ку-ку, надоедливо гудят комары и птицы щебечут растревоженно, пытаясь перекричать одинокого соловья, но тщетно. Веселая птичка - соловей. Он не молчит ни минуты.

Низко над головой летит самолет. По-видимому, разведчик. Чей? Трудно определить - с обеих сторон его не обстреливают. Все стихло. Он улетел. Только ветер шумит листвой деревьев, разгоняя шумное щебетанье лесных птиц.

Я весь опух от укусов маленьких мошек и отвратительно уродливых комаров, проникающих даже под рубашку, чтоб только укусить.

02.07.1942

Недавно вернулся с села, в котором находились до прихода сюда. Лейтенант разрешил пойти поискать чего-нибудь из еды. Оттуда, оказывается, эвакуируются, или, откровеннее сказать - принудительно выселяются жители. Уже третий день страшная картина наблюдается мною: выбитые стекла оставленных жилищ, заколоченные двери и ставни, перья и головы недавно резаных курей, плачущие женщины и голые ребятишки, прибитые непрерывными окриками сердитых матерей.

Коров, оказывается, увели всех, не выдав селянам даже расписок. Одну женщину, отказавшуюся расстаться с коровой, какой-то лейтенант пристрелил ранил в живот, и она сейчас умирает. Никто даже не пытается спасти ее.

Жители деревни рассказывают, что у них изымаются произвольно и насильно куры, гуси и прочая живность бойцами и командирами нашими. И, как бы иллюстрацией к их рассказам, впереди меня появилась кибитка, доверху груженная овощами и резаными гусями. Им не хватало хлеба и бойцы, предводительствуемые лейтенантом, ходили по хатам, спрашивая у жителей хлеб. Жители деревни, а там остались одни старики, женщины и дети, негодуют и грозятся пойти сюда, на передовую, требовать защиты у бойцов. Они отчаялись и готовы на все. Конечно, мародерством занимаются единицы, основное большинство не позволило б себе подобного. Но тем необходимей пресекать все эти деяния, чтоб не повадно было другим. Пресечь быстрее и наказать виновников этого недостойного наших красноармейцев грабежа.

Их надо стрелять, мародеров, нарушающих воинскую дисциплину, порочащих честь и славу нашей замечательной, народной Красной Армии.

Люди были злы на нас, бойцов, и у них трудно было чего-либо достать за деньги или поменять. Только искренним сочувствием и горячим негодованием против их обидчиков мне удалось, вызвав симпатию, купить яиц. В другом месте мне дали вареного мяса, в еще одном девушка 25 года рождения вынесла кусочек хлеба, в третьем-четвертом угостили обедом (дал им, правда, коробок спичек). Молока не было, и купить ничего другого не удалось.

Там же, в селе, я узнал от писаря, что мне есть письмо (но, что его передали сюда), хотя боец нашего взвода мне сказал, что письма остались там. Какая досада, быть там и не отобрать свои письма. Однако на передовую я возвратился сытый и удовлетворенный тем, что много узнал и увидел, хотя, лучше бы всего этого не знать.

В нашем шалаше оказались гости с третьего отделения. Они

накрывают свою землянку плетнем, который тут же плели, и не хотели днем быть на своей, открытой для врага, более чем наша, позиции. Я, на радостях что наелся, раздал всем им свою пайку табака. Мясо спрятал. Хаустову отдал выпрошенные мною сухари. Бессарабов заискивающе косился на меня взглядом - ему хотелось, чтобы я поделился между всеми и мясом. Наконец он не вытерпел, встал и громко, так, чтобы слышали сидящие поодаль бойцы других подразделений, стал говорить, что я нечестно поступаю, не делясь мясом, хотя бы с Хаустовым. Хаустов бурчал и поддакивал. Когда тот ушел, Хаустов стал говорить что он и так перекусил и что с него "будя".

Он хитер, Хаустов, лицемерен и это, вместе с его манерой грести все под себя, вызывает брезгливое отвращение.

Он болен, к тому же, туберкулезом (по его словам) и я когда-либо заражусь от него - ведь я ем вместе с ним. А ему и сухари другой не дал бы на моем месте, за все обиды, оскорбления, неприятности и позаглазные поношения перед людьми, которым он меня подвергает систематически и неустанно.

Сегодня стрелял батальонный миномет. Выпустил пятнадцать мин и ни одной не попал в цель. Сколько денег ушло на их изготовление и все разбросали зря. Дали б мне пострелять - бил бы мой миномет хоть наполовину ихнего.

Вечером вчера отдал, наконец, парторгу свою автобиографию, теперь осталось собрать рекомендации двух партийцев и бюро комсомольской организации.

Сейчас уже вечер и скоро за ужином пора. Триста грамм сухарей (а нам выдали еще меньше) недостаточно для бойца в таких условиях. Сейчас дополучу, наверное.

03.07.1942

Ко мне нагрянул какой-то майор. Кричал, ругался, что мы не на огневой позиции, угрожал неприятностями и говорил, что немцы так не воюют. Записал фамилию, имя, отчество и еще что-то из моей красноармейской книжки.

Когда пошел докладывать лейтенанту (с ним были капитан и старший лейтенант, как я узнал, специалисты по составлению карт на географической местности). Я разговорился с ним, и когда он узнал, что я пишу, - стал говорить со мной откровеннее. С нами был еще связист Ципкин, член партии. Начали с того, что капитан заявил, что тоже писал когда-то, и что в нашем возрасте или становится слишком мечтательными (художниками, поэтами, изобретателями) - так я его понял, или слишком распущенными - хулиганами. Но это, говорил он дальше, до 25-26 лет. За рубежом этого возраста многие расстаются с мечтательностью.

Перешли на политику. Я поделился с ним, что в тылу иначе

смотрел на жизнь и особенно на ход военных действий на фронтах Отечественной войны, чем теперь, когда я увидел все собственными глазами. Газеты приукрашивают многое, многое скрывают или замалчивают, а я раньше всему верил, что узнавал из газет.

Заговорили о картах и о положении на фронтах. Капитан сказал, что у нас карты сейчас плохие, хуже немецких, так как наше командование не думало, что немцы займут такую территорию, так далеко вглубь, и карты составило только до Киевской области включительно. Немецкий же двуфлюзеляжный самолет-разведчик, снимая местность, увеличивает и складывает из кусков снимки, потом получает отличную карту местности, где всякая мельчайшая деталь нанесена. Я выразил удивление неуязвимостью разведчика-самолета двухвостого нашими снарядами, рвущимися рядом с ним.

- Эти самолеты сделаны из специального металла, - пояснил он. И дальше стал объяснять положение на фронтах.

По его словам, наши части одержали ряд крупных побед над немцами и вот-вот должны были завершить полное окружение Харькова. Оставалось каких-нибудь десять километров и немцы проиграли бы битву на Харьковском фронте. С Севера от Харькова наши войска сосредоточили большие силы для этого. Тогда немцы, наоборот, сгруппировали еще большие силы с Юга и двинули их, при сильной поддержке авиации, на армию (номера уже не помню, позабыл), еще не участвовавшую в боях. Страшные налеты с бомбометанием - до 800 самолетов - вызвали панику и растерянность среди личного состава. Армия дрогнула и в панике бежала. Командующий армией видя такое дело, приказал ликвидировать окружение и спасаться кто как может. Не встречая сопротивления, немцы овладели значительной территорией и окружили огромную группу наших войск. Многие прорвались из кольца окружения, многие ушли к партизанам, но большинство попало в плен. Орудия побили самолеты, много вооружения, не уничтоженного нашими бежавшими войсками, попало в руки немцев. И только у Изюма наступление немцев было задержано. А ведь наши войска обладали уже значительной, недавно отвоеванной у немцев территорией. Даже часть Днепропетровской области была в наших руках, и вот-вот должен был быть занят Павлоград. Теперь же все это осталось у немцев: и Балаклая, и Лозовая, и Барвинково, и Чугуев, и Сватово, и Купянск. Об Изюме, правда, он еще не имел сведений, но в том положении, в котором Изюм находился, устоять было бы трудно.

Таким образом, выйдя из полукольца и окружив наши войска, немцы, в свою очередь придвинулись к основной своей цели,

захватив Кавказ, присвоив себе его нефть. Приблизились к планам пробиться в Индию, на соседние с японскими войсками, дабы совместно действовать против наших миролюбивых стран - СССР, Англии и США.

Попробовали они пробиться через Ростов - орех оказался не по зубам. Тогда решили действовать опять окружением и двинули свои силы на Курск, на Воронеж, на Валуйки - на весь регион этих двух областей, дабы занять их.

Только что разорвалась мина неподалеку батальонного полкового миномета. Рядом упало несколько осколков, свистя и воя на своем пути. Я надел каску и лежу за толстым деревом, но мина вряд ли будет спрашивать у меня позволения упасть рядом. Но черт с ними, с минами. Я целиком положился на судьбу, а она меня не отдаст смерти в руки, не погубит меня, выручит. Мне не страшна смерть, хотя жизнью я дорожу, конечно, больше всего на свете - я просто смело гляжу опасности в глаза.

Сегодня утром видел троих, раненных осколками мины. Двое не так сильно - в руку, один - опасно в ногу. Они шкандыбали в село, где есть пункт первой помощи. Для них война временно, а может быть кой для кого и навсегда, закончена. Но мне хочется быть в строю, воевать до победы, на благо Родины каждому так, наверно, хочется - живым и невредимым - до конца. Но о положении на фронтах...

Газеты сейчас сообщают, что наши войска ведут бои с наступающими немецкими войсками на Курском направлении. Отныне я понимаю ситуацию глубже и шире, нежели до этого моего разговора с капитаном. Теперь я знаю цели этого наступления, и догадываться могу о последствиях в случае успеха в осуществлении плана. Если немцев не остановят - они могут нас отрезать, и я, вместе с другими бойцами этого участка фронта, попаду в окружение. Это худшее из того, что угрожает мне сейчас. Но в партию я все же поступлю, не пострашусь ни пыток, ни терзаний. И в плен живым, по-моему, не сдамся.

Анкарский процесс, по словам того же капитана, закончился присуждением нашим гражданам советским тюремного заключения. Какая вопиющая несправедливость! Не дали людям даже высказаться публично и обвинили ложно. Это пощечина грубая нашей стране. Турки начинают примазываться к немцам, по-видимому, испугавшись их, гады.

Оля написала два письма, но этого, конечно, недостаточно - всего не отразишь, что накопилось за период между днем моего призыва и днем получения письма в ночь на 2.V??. С бабушкой она тоже спорит и говорит, что это "черствый эгоист". Понятно, что этими словами не исчерпываются все думы ее о бабушке, но

мне многое понятней стало.

Только что читал газету за первое число. Умер Янка Купала. Какая огромная потеря, но война перекрывает ее.

На Курском и Севастопольском направлении ожесточенные бои. По-видимому, на Курск направлено наступление немцев ***

04.07.1942

Сегодня, когда я ходил за завтраком часа в 3,5 ночи, Хаустов опять уснул. Я пришел, взял лежавшие рядом с ним винтовки и перенес на другое место, и от миномета перенес некоторые наши вещи - он не слышал. Разбудил. Стал говорить, что за это могут пострелять нас и что так на передовой не делают. Он назвал меня говном, ...ным в рот, и прочей матерщиной.

05.07.1942

На рассвете, когда было еще темно, пришел, наконец, младший лейтенант. Хаустов принес мне завтрак и лейтенант сказал, что выберет вместе со мной позицию, когда я поем. Однако он не сделал как сказал, и выбрал позицию без меня, с Бессарабовым и Хаустовым. Когда я сказал, что она не годится приказал мне замолчать.

Хаустова прельщала выбранная позиция близостью к соседнему расчету Бессарабова - легкостью рытья ее. Ему, Бессарабову, лейтенант сказал помочь нам и тот, воспользовавшись случаем, нажаловался на меня, что я, дескать, с ним (Бессарабовым) грубо разговариваю. Лейтенант отозвал нас обоих и стал поносить меня за нехорошее обращение с таким же сержантом, как и я.

- В чем заключается это дерзкое, грубое обращение? - спросил я недоуменно, - откуда взялась такая претензия?

- Говорите, Бессарабов, - сказал младший лейтенант.

И тот стал говорить несвязно, что он мне сказал однажды, что нужно так делать что-то, а я ответил, что сам знаю...

- Укажите конкретно, в чем выражалось ваше указание, и когда я его не выполнил (не странно ли, командир отделения обязан выполнять - так требует младший лейтенант - приказания бойца, пусть даже в чине сержанта).

- Замолчите - прервал меня лейтенант. - Он знает вдесятеро больше, он самый старший во взводе, вы должны его слушаться и выполнять то, что он говорит, ибо он опытнее вас. Вы знаете, что я вас поставил на пост командира отделения только потому, что вы грамотнее Бессарабова (эти слова дали лишний козырь в руки этому человеку). Он копает хорошо, а вы долбитесь лопаткой, на что ему (Бессарабову) смотреть противно и он сам берет и начинает за вас копать (мы всего один раз копали вместе и никогда Бессарабов не копал за меня).

Вечер. Сейчас уезжаем (уходим) отсюда, куда не знаю. Хаустов говорит, что он слышал будто бы мы выходим из окружения.

06.07.1942

Село Вольшанка, кажется. Оно находится в тридцати километрах от того хутора, в котором мы стояли. До передовой отсюда нам следует пройти свыше ста километров.

Миномет удалось погрузить на машину. Идти будет легче, но тяжесть остается: вещмешок, противогаз, скатка, винтовка. У меня лишний груз, сравнительно с остальными красноармейцами - тетради, карты и пр. Будем, вероятно, участвовать в боях на Курском направлении, некоторые высказывают предположение, что под Ростовом. Точно ничего не известно.

07.07.1942

Ворошиловоградская область. Мы где-то около Славянска, в селе Туманово. Поздно пришли. Машин еще нет. Страшно устал, сил нет писать. Сейчас опять двигаться будем. Ноги опухли, покрылись мозолями и чирьями. Тяжело и хочется спать.

Жители готовятся к эвакуации. У одной женщины удалось достать пол литра молока.

Мысли путаются. Лучше оставлю записи свои...

Только что немцы бросали листовки. В них они называют нас плохими вояками и говорят, что на нашем месте, они за это время, были бы в Берлине. Глупые они и хвастливые - почему же, за это же время, им до Москвы дойти и занять не удалось?

11.07.1942

Шесть дней выходим из окружения. Нет ни сил, ни терпения. Идем пешком, по меньшей мере, километров двести. Мне они кажутся, эти несколько дней, месяцем, годом, чем-то невообразимым и тяжелым, похожим на кошмарный сон. Мытарства все не кончились. Сегодня будем занимать оборону, защищать, прикрывать отход и эвакуацию частей, имущества, войск.

Имею много интересного рассказать, но сильно устал, не могу.

12.07.1942

На привале в селе. Отдохнуть и поесть не успел. Приказано собираться. Когда же мы выйдем, наконец, из этого проклятого окружения? Только успеем выйти и расположиться на отдых, как оказывается, что немцы подобрались снова. Позавчера наперерез нам бросились...

13.07.1942

12 числа записать ничего не успел - комиссар забрал

дневник. Сейчас, во время привала - вернул.

XX.07.1942

Село Заозерское, Ростовской области. Здесь мы вчера ночевали - дождь помешал нам продолжить свой путь. Грязь не дала двигаться дальше.

Нас, немного отбившихся от части взвода минометчиков, - половина взвода, в команде с младшим лейтенантом, санинструктором, бойцами Пушки, Моторина, Кузнецова, Гончаренко, Александрова и еще двух. Всего нас не то 10, не то 11 человек. Сейчас опять вместе - несколько дней, как ходил один.

Впереди нас ожидают большие трудности, возможно, гибель. Немцы очень решительно, быстро и организованно действуют, с дисциплиной воюют. В этом источник их силы. Людские ресурсы, а также материальные, у нас несравненно больше, но использовать их как положено мы не умеем.

Позавчера, около одного из сел поймал живую курицу и ел, сплевывая пух и перья, пока не стошнило. Тошнит до сих пор и кружит в голове.

Боже, какая сила шла на Восток впереди и позади нас, сколько техники и вооружения...

18.07.1942

Сегодня, оказывается, 18 число. До ближайшего селения 13 километров.

Лейтенант хотел наказать меня - посадил верхом на лошадку. Вначале это было для меня действительно наказанием - ведь я никогда раньше не ездил верхом, но потом я настолько привык, что позволил себе даже писать на лошади. Это было не слишком удобно, зато много спокойней, чем в другом месте - никто не мешал, если не считать раскачивающуюся подо мной лошадь.

19.07.1942

Если правильно, то сегодня 19.V??. Сейчас в селении, до которого во время моей вчерашней записи в дороге оставалось 13 километров.

Ночь ночевали здесь. Приехали поздно, день был пасмурный, и сразу положились. Здесь работают еще некоторые общественные предприятия, хотя скот, колхозное и совхозное имущество а также банк - эвакуированы. Работают аптечка и магазин школьных принадлежностей. Военных здесь масса. Перед нами прибыл полк и разместился по всем закоулочкам. Нам не осталось места и потому пришлось вновь переезжать через речку на Западную окраину села, где мы уже были.

Ночью пошел дождь. Я чувствовал сквозь сон его крупные, леденящие капли, густо устилавшие все вокруг. Сжался в клубок,

подвернул под себя противогаз, накрывшись шинелью, но это, конечно, не помогло. Я промок до ниточки. Единственное, что осталось сухим - это противогазная сумка с тетрадями и верхняя часть туловища с боковыми карманами, где хранятся блокноты, фотокарточки и документы - эти места я наиболее берег.

В воздухе непрерывный гул самолетов. Непонятно, чего ожидают наши? Не нового ли десанта впереди? Им, видите ли, хочется побольше выжать из этой местности необходимых продуктов. Мед достали в пасеках. Много меду. Теперь меняют его на хлеб. Пшеницу понабирали в амбарах мешками и тоже меняют с крестьянами на хлеб, муку и пр. Хотят остаться здесь, чтобы набрать побольше хлеба, ибо, по их словам, за Доном много не наменяешь.

Младший лейтенант просто заносчивый мальчишка, хитрый, хотя и недалекий по уму, но практичный. Живет, как и все мое окружение, только для себя. Этому он научился, видимо, еще в училище. Сильно поддается влиянию бойцов и по любому совету готов все делать, вернее, заставить делать все меня и других, менее практичных в жизни и, следовательно, менее нужных и полезных ему для компании, бойцов. Но таких мало - раз, два и обчелся.

Мины выбросили они из повозки еще в то время, когда впереди нас был десант немецких автоматчиков (по словам прибившегося к нам младшего лейтенанта, бывшего соученика нашего командира взвода) разбивший наш и его, - 27 и 28 батальоны. Я не знал. В то время я не позволил бы им этого сделать. Минометы бросили под руководством младшего лейтенанта недалеко отсюда, километрах в двадцати, в селении не то Кухтачево, не то Вихлянцево. На мое замечание ему, что в приказе Сталина сказано о необходимости строжайшего сбережения военного имущества при любых обстоятельствах, лейтенант ответил: "Вы не понимаете обстановки, товарищ Гельфанд, вы не знаете в каком мы сейчас положении" и приказал мне принести лопату, чтобы закопать оружие. Я попросил оставить хотя бы один ротный миномет, (он весит всего лишь 10 килограмм), на что лейтенант мне ответил "несите его тогда сами на плечах". Ясно, что я нести один не смог бы, будучи на территории усеянной вражескими десантами.

Сейчас я пасу лошадей. Проклятье, они далеко заходят, и приходится без конца прерываться и гнать их обратно. Это мне уже надоело. Погоню их сейчас в сад, где мы расположились.

20.07.1942

Хутор Беленский. Сегодня мы уже здесь второй день. Войска все идут и идут. Одиночки, мелкие группы и крупные

подразделения. Все имеют изнуренный и измученный вид. Многие попереодевались в штатское, большинство побросало оружие, некоторые командиры посрывали с себя знаки отличия. Какой позор! Какое неожиданное и печальное несоответствие с газетными данными. Горе мне бойцу, командиру, комсомольцу, патриоту своей страны. Сердце сжимается от стыда и бессилия в этом постыдном бегстве. С каждым днем я не перестаю убеждаться, что мы сильны, что мы победим неизменно, но, с огорчением вынужден сознаться себе, что мы неорганизованны, у нас нет должной дисциплины, и от этого война затягивается, поэтому терпим неудачи.

Высшее командование разбежалось на машинах, предало массы красноармейские, несмотря на удаленность отсюда фронта. Дело дошло до того, что немецкие самолеты позволяют себе летать над самой землей, над нами, как у себя дома, не давая нам головы вольно поднять на всем пути отхода.

Все переправы и мосты разрушены, имущество и скот, разбитые и изуродованные, валяются на дороге. Процветает мародерство, властвует трусость. Военная присяга и приказ Сталина попираются на каждом шагу.

Сегодня я стоял на посту ночью. На рассвете пришла соседская женщина и тайком сообщила, что в селе немцы, что она сама их видела. Пришли, рассказала, они ночью и один из них, видимо старший, потребовал документы у ночевавших у нее бойцов. Он строго разговаривал с ними, спрашивал какой они части, почему не со своими подразделениями, куда идут и пр. Ее, женщину, он спросил, не красноармейка ли она, и когда она сказала, что нет, он приказал постелить им спать. Она уложила их и прибежала сюда сказать. По-русски все они плохо разговаривают.

21.07.1942

Вчера вечером к нам пришли командир нашей роты с другими командирами из офицерского состава батальона. С ним были ответственный секретарь комсомола младший политрук ***, парторг батальона *** и политрук Малов. Последний интересовался судьбой комиссара батальона, разыскивал его, но безрезультатно. Все командиры рассказывали, что когда на батальон напали немцы, он вел себя мужественно и отважно. Немцы (это были десантники) неожиданно ударили по батальону с тыла, из автоматов. Батальон размещался тогда по всему селу, на виду, и являлся хорошей мишенью для противника. Во время боя в село пробралось несколько немцев, попытавшихся поджечь сарай (это было ночью), и комиссар собственноручно застрелил двух фрицев, выползавших из подожженного сарая. В то время как

большинство людей растерялось - комиссар беспрерывно отстреливался, давая отпор врагам. Командиру нашей роты сказал выводить людей, и сам ринулся в самую гущу битвы. Больше его никто не видел. Немцы наделали большой переполох в батальоне, и тот частично разбежался, частично попал в плен, многих потеряв убитыми и раненными. Парторг батальона (!!!) сорвал с себя знаки отличия (на нем их не было, когда он к нам вчера приходил).

Вчера ночью мы вышли из села. Наш взвод ехал на подводе и у себя поместили мы трех командиров. Остальные, а их было больше, чем рядовых, шли пешком. Когда мы отъехали от хутора не более четырех километров остановились, так как не знали куда ехать дальше и вообще на какую дорогу мы попали.

Николаевка, где до сих пор была переправа, по рассказам многих занята немцами. Впереди, по хуторам и дорогам, тоже, по слухам и разговорам, высадились десанты. Толком, однако, ничего не известно. Сейчас, утром, мы движемся дальше на повозке. Только что наш младший лейтенант узнал, что в Николаевке никого нет и разговоры о немцах - вымысел. О нашем селе тоже ходили подобные слухи и всем пешеходам, спасавшимся от плена, выходившим из окружения, говорили, что село занято немцами.

Командир роты говорит, что если бы я был с ними - я побросал бы все тетради и дневники, но я твердо уверен, что сохранил бы все и сохраню, удайся мне сохранить свою жизнь и выбраться живым отсюда. Но со мной судьба. Не она ли остановила наш взвод, не с ней ли мы отстали от батальона, которому угрожала опасность.

Но мне хотелось бы, чтоб не так все было. Видеть все, участвовать в схватке, проявить героизм, показать, испытать себя и выйти победителем, вот чего мне хотелось бы. Но нет добра без худа, как и наоборот.

Подъезжаем к хутору. Отсюда разузнаем подробности о дороге, чиста ли она от противника. Комиссар - о нем печется мое сердце. Неужели он погиб или попал в плен? Не может этого быть, ведь он такой милый и отважный, прекрасный и честный человек. Такие люди не должны погибать - этого требует справедливость.

Солнце всходит ласковое и хорошее, в хуторе поют петухи. Все хорошо в природе. Плохи только люди, которые войны придумали, которые убивают друг друга. Мы не умеем пользоваться жизнью, которая так прекрасна, не умеем наслаждаться ею и любить ее.

22.07.1942

Ночью перебрались на другой берег Дона. Переспали, отдохнули в прибрежной деревушке и двинулись дальше. Я решил пренебречь всеми правилами приличия и стыдливостью дабы не помереть с голоду. Да и не я один. Вся изголодавшаяся, изнуренная, оборванная и жалкая наша масса, избежавшая окружения и плена, все силы свои и старания прилагает на добывание пищи. Хутор Камышевский.

26.07.1942

Из хутора Камышевского, что неподалеку от Дона, двинулись догонять наши воинские части, военную комендатуру, которая перед самым нашим носом уехала в соседние хутора.

25 километров до Мартыновки.

Пришли, а там никого нет. До Кутейниково еще километров с 30. Опять никого нет. И только здесь, в Зимовниках удалось, наконец, нагнать части воинские, комендатуру и формировочный пункт.

Вчера вечером, приехав сюда, мне повезло - встретился человек - зав. какого-то пункта, по взиманию налогов с населения и торговых точек. Он-то и подвез меня на своей одноколке до самых Зимовников, угостил в дороге пышкой. Вдобавок я нашел по дороге пару огурцов и подзакусил хорошо. Но и этим дело не кончилось. Когда мы расставались - он предложил мне в любое время при нужде прийти к нему - он и накормит и поспать у него можно будет. Я поблагодарил за любезность, и мы попрощались.

В селе встретился с красноармейцами, которые поведали всякие неприятные разности относительно формировки прибывших из различных участков фронта, а также, подобно мне, выбравшихся из окружения. Говорили, что всех прибывших сюда сразу собирают в группы и отправляют на фронт, сопровождая под усиленным конвоем автоматчиков, и морят голодом. Еще болтали, будто бы всех заставляют носить тяжелые грузы и не дают отдохнуть после утомительного и трудного выхода из окружения. Советовали не оставаться тут, а идти на Сталинград, где должна находиться 3 ((38 ?)) армия с которой, по словам Егоренко (мл. лейтенанта), мы воевали на фронте.

Дождь помешал моим намерениям и, переждав пока он немного затихнет в одной хатенке, пошел к тому доброму человеку, с которым сюда приехал. Там поужинал хорошо и лег спать. Спал много, как никогда. Утром позавтракал яичницей с хлебом свежим, и пошел опять узнавать, добиваться встречи со своими.

Я решил походить, поискать, может, увижу что-либо, узнаю. Половину поселка обошел никого из наших не встретив. Уже подошел к станции, но раздумал, решил не ходить больше и

повернул обратно. На обратном пути наткнулся на пункт пограничной охраны НКВД. Там отобрали у меня винтовку и оставшиеся в подсумке 36 патронов, выдав расписку. Мариновали там меня целый день до вечера. Пищи никакой не давали и разговаривали со мной строго. Это мне очень не понравилось. Я думал идти было самому, искать формировочный пункт, но у меня отобрали документы, и пришлось ждать.

Сейчас я нахожусь на формировочном пункте, куда меня привели под охраной. Здесь мне не сказали ни слова о местонахождении нашего УРА, но заявили, что все одиночные или групповые бойцы численностью не более батальона, попадающие в расположение данного пункта, остаются, по приказу командования, здесь.

Никого из нашего батальона, ни даже из нашего УРА, я не встречал. Сердце наполняется досадой: неужели я глупее всех что попал, не в пример остальным, как рыба в сети?

28.07.1942

Долго, долго я крутился по лагерям, где разместилась вся пойманная 51-й армией, масса измученных бойцов, младших и средних командиров. Ни одного человека, знакомого мне не встретил я здесь, как ни искал. Весь я погрузился в такое одиночество, что и передать трудно.

Попросил у комиссара этого формировочного пункта 51-й армии каких либо продуктов или хотя бы хлеба.

- Посидите - сказал он мне. - Вас вызовут.

- Но, простите, я целый день сижу здесь, и мне говорят все "посидите".

- Неверно, вы не могли сидеть целый день здесь потому, что за день у меня сегодня прошло очень много людей, а вас я впервые вижу. Посидите. повторил он и отошел прочь.

Я решил уходить. Стал спрашивать бойцов относительно шансов на успех при совершении побега. Один из бойцов, находившийся тут уже несколько дней, посоветовал идти на Котельниково, где, вроде, должен быть военно-пересыльный пункт. Уходить посоветовал он огородами, минуя посты охранения.

- Если - говорил он, - попадешься пограничному охранению НКВД, то может быть тебе большая неприятность. Тебя могут объявить дезертиром и направить в особый отдел. Если попадешься нашим или другим воинским частям, тебя могут препроводить обратно сюда, причем ты получишь, наверняка, встрепку. Но я на твоем месте, имея документы (красноармейскую книжку мне вернули), не оставался бы здесь, - поддавал он жару. Я рассмотрел его: без обмоток, в изорванной

одежде, он заставил меня отвернуться. И я решился.

Поздно вечером я пошел по селу вдоль по улице, выходившей в степь. Если кто-то встречный на меня смотрел подозрительно - я делал вид, что направляюсь в ближайшую хатенку спросить молока и хлеба. Я был к тому же голоден изрядно.

В одной из окраинных хаток я остановился. Хозяйка угостила меня молоком со свежей пышкой и разрешила мне переночевать в саду. Дома она боялась меня положить, так как были беспрерывные облавы на бойцов.

Я дождался утра, ибо ночью ходить по селу не разрешалось - оно было на особом положении ввиду близости фронта. Хозяйка дала мне в дорогу с собой пышку.

Когда я отошел далеко от села, мне вздумалось свернуть на дорогу. Там встретился мне патруль, проверивший мои документы. Я показал расписку, что у меня отобрали винтовку с патронами. Там стояла печать погранвойск НКВД и патруль, посмотрев на нее, даже не прочтя содержания, разрешил следовать дальше.

По дороге я нагнал группу с призывниками 24 года, которые направлялись из Шахт в Сталинград.

Встрепенулся, пролетев чуть ли не задевая лапками, над головами, воробей, и сел недалеко.

- Жид, жид полетел! - бросились они за птичкой с криком, сшибая его палками. Я быстро отстал от них.

- Боец, куда идешь? - окликнул меня лейтенант боевого эскадрона, расположившегося в степи на отдых. Я рассказал. Они, бойцы (все калмыки), пригласили меня покушать с ними. Я не отказался.

Варили они пару барашек. Жирные, признаться, эти барашки были. Я хорошо подзакусил.

Калмыки - славный народ, гостеприимные и добрые, угостили меня по приказу их лейтенанта, вдобавок, сухарями. Я почитал им стихи, отрывки из дневника. Они спросили какой я нации. Я страшно не люблю ни сам спрашивать, ни когда меня спрашивают об этом. Сказал русско-грузин. Отец, дескать, русский, мать - грузинка. Один из них, заявил мне: вы русские, нехороший народ, не любите нацменов, никогда не окажите им помощи, поддержки, не выручите в беде. Вы бы не угостили калмыка, если бы тот оказался в вашем положении. Что ему было тут сказать? Я ответил, что все люди неодинаковы, и что среди всех наций есть часть плохих людей.

Рассказал им случай как был оставлен нашим лейтенантом, когда мы шли по пути из Мартыновки на Кутейниково. Было так: в Мартыновке меня встретил младший лейтенант с Моториным и

его другом, младшим лейтенантом Анатолием из другого батальона. Они предложили мне ехать с ними.

В одном из селений, неподалеку, в десяти километрах от Мартыновки, нам встретился парень 25 года рождения, который там учительствовал (это было калмыцкое селение). С ним мы пошли в сад нарвали яблок. Я нарвал полную пилотку вкусных, сочных яблок. Одна калмычка наварила нам мяса и сделала пышек из наших продуктов, добытых в прошлом селении.....

*** тому парню лейтенант подарил ракетник с тремя ракетами и дал пострелять из пистолета. Из моей винтовки он тоже настрелялся изрядно. Словом, парень был в восторге, и ему настолько понравилось с нами, что он, хотя ему нужно было в Зимовники ехать на другой день (там он живет), перенес к нам пару мешков муки и поехал на нашей конке.

В дороге начали скрипеть колеса. Их надо было смазать чем-то. Послали меня. Не успел я обернуться, как они уехали, побросав на дороге мои вещи. Яблоки забрали, бросив на дороге пустую пилотку. Гранату вытащили из шинели и оставили у себя - рыб глушить.

Больше я их не встречал. А ведь это не первый случай, когда младший лейтенант Егоренко оставляет своих бойцов. Помнится мне еще один подобный факт, вопиющий несправедливостью командира нашего взвода. Это было как раз перед тем, как наш батальон разбили немцы.

Мы шли. Не доходя деревни дорогу стали обстреливать. Все растерялись, отстав от нашего взвода, предводительствуемого тачанкой. Егоренко тоже отстал, отстала и лошадь, на которой любил ездить он верхом и в упряжке, но которая усталая, голодная и непоеная брела дальше. Еще два бойца отстали и шли где-то сзади. Только началась стрельба из минометов, мой командир бросил лошадь не разнуздав, и побежал что духу есть к тачанке. Он вперед, я - за ним. Повозка тронулась и никакие окрики уже не могли остановить ее. Я решил обогнать их и пошел по прямой дороге через поле, пренебрегая опасностью, возмущенный трусливым бегством большинства бойцов. Они же свернули в сторону, чтобы миновать опасное место, и окольным путем понеслись вперед, аж пыль столбом!

И все-таки я настиг их. Их лошади сильно устали и от бешеной гонки трусливых беглецов еле плелись дальше.

- Товарищ лейтенант ведь не делают так - бросить бойцов в минуту опасности и бежать без оглядки, когда вашим подчиненным может угрожать гибель.

- Где я вас должен разыскивать, чтоб подождать, Гельфанд?

- Да я же был рядом, кричал чтоб остановились, ругался,

наконец, когда нагнал уже почти было вас в дороге. Я шел все время рядом с санинструкторской повозкой, которая следовала за вашей, но отстала, когда бежали вы. Вы же командир, комсомолец. Это не по-товарищески и не по-комсомольски, где же тут взаимная выручка в бою? Мне не было страшно, но боль ног и справедливость заставили меня идти прямой дорогой, догонять вас. Вы же командир, комсомолец. Как вы могли допустить такое трусливое бегство, когда там оставались ваши бойцы.

- Хватит разговаривать. Сволочь вы, товарищ сержант - проговорил он скороговоркой, и больше мы к этому не возвращались.

Выслушав мой рассказ, калмыки согласились со мной и поведали мне, как один русский их угостил вином тайком от товарищей. Значит, есть и хорошие люди среди русских - такой они сделали вывод. Расстался я с ними через пару часов сытый и довольный этой встречей.

По дороге я заметил паровоз доверху наполненный бойцами. Когда через полчаса нагнал его на полустанке - вижу, как будто меня ожидают. Я обрадовался, не знал еще куда он едет, ведь до Котельниково километров 70.

Какова же была моя радость, когда я узнал, что он едет именно до Котельникова. Как я доехал до места - не буду говорить - трудно, конечно, пришлось мне, ибо паровоз так был набит доверху, что можно было сорваться оттуда - давили кругом отчаянно, но доехал, и быстро сравнительно.

30.07.1942

На вечерней проверке.

Только сейчас могу писать, несмотря на страшную головную боль и трудности письма в это время и при данных обстоятельствах. Завтра, может даже сегодня уже, если не будет темно, опишу дальнейшие приключения мои и причину, по которой не смог сегодня писать.

Письма тоже не писал. Письма отправил когда приехал сюда, 28 июля.

31.07.1942

Утром перед завтраком во взводе при пересыльном пункте. С 28 числа я здесь. В школу отсюда без знаний устава попасть трудно. В УР свой тоже вряд ли попаду, но буду настаивать, чтобы меня послали туда.

Здесь 118 УР и в нем все нации. Вчера сюда приезжал представитель 9 армии. Он набирал своих людей для отправки в Астрахань, где эта армия сейчас находится. Если бы мне удалось туда попасть, тетя Аня, которая там сейчас работает, помогла бы мне устроиться в какое-нибудь военное училище. Страстно хочу

быть политработником. Особенно сейчас, после выхода из окружения. Безобразия, которые я наблюдал за это время, возмутили меня и пробудили во мне желание бороться со всеми видами недисциплинированности и нарушениями воинской присяги, однако с моим сегодняшним воинским званием противодействовать этому трудно. Был бы я комиссаром - всеми силами я бы противостоял отрицательному в армии, боролся бы за дисциплину, воспитывал бы в бойцах своих отвагу, мужество. Не словами, как комиссар нашей роты Могильченко, а своим личным примером. И что я, боец, младший командир, могу сегодня сделать без разрешения среднего командира? Ни выстрелить, ни сделать замечание бойцу, и, тем более младшему и среднему командиру, при неправильных их действиях, порой граничащих с предательством. Как, например, случай с минометами, выброшенными по распоряжению младшего лейтенанта во время нашего пребывания в окружении, хотя можно их было сохранить и вывезти. Ну что же я мог поделать? Не тащить же их, в самом деле, на своей спине сотни километров.

Отсюда, оказывается, никуда не выпускают, так что сфотографироваться и побриться мне не удастся сегодня. Напрасно я не согласился отдать всю пачку (20 листов фотобумаги) за семь снимков. Очень интересно запечатлеть на фотографии свой вид, в котором я пребываю все время, начиная с выхода из окружения и по сей день.

Итак, продолжу свои воспоминания. Котельниково. Большое село городского типа. Его называют поселком, но чаще городом. Прошелся по главным улицам все разрушено бомбежками. Много зданий с выбитыми стеклами, разваленными стенами и внутренними перегородками. Жители эвакуируются. Совет депутатов труда выехал, сельсовета и сельпо нет, общественные учреждения и магазины закрыты. Работала только одна столовая, в которой можно было позавтракать, но только позавтракать в 9 часов утра - один раз в день, да и то не всем. Работала еще милиция, и существовал райком комсомола. Больше ничего.

Обратился в райвоенкомат, который жил еще в лице одного человека, чтобы обеспечили меня и второго бойца питанием. Назавтра было обещано получение 400 грамм хлеба.

Я не стал ожидать милости и направился на станцию. По дороге окликнула нас женщина, которую смутил и обратил на себя внимание наш жалкий и измученный вид. Она привела нас в квартиру и угостила тюлькой, не совсем свежей, правда, но сытной и хлебом поцвевшим. Но и это было для нас хорошо. Другая женщина из этого же дома принесла нам пару пышек.

Мы разделились. Этот приятель, по его словам, сбежал из

плена. Немцы, он говорил, хорошо ко всем отнеслись - каждому пленному дали по десять рыбёшек и хлеб. Он был ранен и немцы, дескать, доставили ему бинты и прочее, а наш санитар, тоже попавший в плен, перевязал ему рану на голове. Я не верю его словам, хотя он выглядел (без пояса, без пилотки и документов) действительно побывавшим в плену.

Я решил присмотреть за ним, так как полагал и сейчас продолжаю думать, что он завербован немцами как шпион и провокатор, но на вокзале потерял его из виду. Сколько не искал - найти его не удалось. Во время этих поисков наткнулся на эшелон эвакуирующихся в Сталинград. Мне удалось втиснуться в один из вагонов.

Это было вечером 27-го числа. 28-го я прибыл в Сталинград. В вагоне эвакуирующихся меня угостили кусочком сала и чаем с сахаром, на дорогу дали хлеб.

На вокзале встретился с одним пареньком. Он был босой и без документов. На выходе из вокзала нас задержали, но солдат, которого послали доставить нас в комендатуру, не захотел с нами ходить и отпустил, объяснив, где комендатура находится.

Новый товарищ мой, оказывается, был уже здесь, и его отправили в другое место, где части его не оказалось, и на второй день он снова вернулся сюда.

Мы пошли в садик, где и решили расположиться, но этот парень здорово чесался - вши ползали по нему, и я решил с этим попутчиком расстаться.

Поехал искать пересыльный пункт. Нашел его, но меня в нем не принимали. Там собирались раненные и ученики разных школ. Направили на Историческую, 38. Допоздна спрашивал у людей и милиции эту улицу, но никто о такой не знал.

Расположился вблизи этого пересыльного пункта прямо на улице, вместе с рабочим батальоном, бойцы которого, узнав что я с фронта, пригласили меня остаться на ночь с ними. Им было разрешено расположиться там, в то время как меня могли задержать и отвести в военную комендатуру, где неизбежна трепка нервов и мозгов.

Я им рассказывал многое из увиденного, говорил о патриотизме бойцов и о силе нашего оружия. Но чем же объясняются наши неуспехи на фронте? Что я мог им на это ответить? Не мог же я им сказать, что первую роль тут играет измена и трусость многих высших командиров, неорганизованность действий и трусливость некоторой части бойцов. Мне самому стыдно в этом сознаться. И я молчал.

Утром встал рано. По улицам ходили пешеходы, и валяться было неудобно.

02.08.1942

Попал в 15 гвардейскую дивизию под командованием генерал-майора ***. Батальонный комиссар *** ознакомил нас с историей дивизии. Рассказал, что дивизия участвовала в финляндской, польской кампаниях, и с первых месяцев войны участвовала в Отечественной. За разгром группы генерала Клейсе под Ростовом эта дивизия, имевшая другой номер, но уже орденоносный, в финляндских боях получила звание гвардейской и второй орден. Так что она гвардейская, дважды орденоносная. Все полки здесь гвардейские, бойцы и командиры многие - орденоносцы. Батальонный комиссар с двумя шпалами в петличках тоже орденоносец, кажется, красного знамени. Командиры все здесь кадровые. В дивизии не было ни одного случая отступления без приказа или трусливого бегства. Даже из этого беспорядочного отступления она вышла целиком, почти сохранив весь свой людской состав и технику.

После беседы с комиссаром нас выстроили перед командиром дивизии. Он собственноручно распределял бойцов по полкам, спрашивая у каждого специальность.

Комдив - мастистый, большой человек с крепким баском, высоким лбом и добрым, простым выражением глаз. Он дважды орденоносец. В числе орденов орден Ленина.

Старший политрук прочел нам последний приказ т. Сталина. Этот приказ замечательный приказ, правильный приказ, но было бы лучше, если бы он был издан несколько дней раньше, до отхода наших войск с Харьковского фронта. Но ничего не поделаешь. И то очень отрадно, что во время всеобщего брожения и недовольства появился такой славный приказ, сумевший развеять страхи, растерянность и неуверенность в наших рядах и в рядах народных масс, постепенно нарастающие в результате временных, но крупных неудач Красной Армии. Сталин прав, что у немцев, хоть они и противники, хоть они и не имеют возвышенных целей защиты отечества как мы, можно многому поучиться.

В приказе т. Сталина за № 227 прямо и открыто говорится, что у нас нет дисциплины, минимальна организованность - что и является причиной неудач. Каждое слово приказа соответствует мыслям моим во время выхода из окружения.

Силы у нас много, вооружения достаточно чтобы разгромить захватчиков. Об этом и говорит т. Сталин: "Наши заводы работают на полном ходу, выпускают все больше и больше вооружения фронту". Я и сам наблюдал массу новейшего и современнейшего вооружения, беспрерывным потоком двигавшегося на фронт. И нас разве не вооружили минометами

1942 года выпуска? Зачем же мы их бросали, зачем оставляли, отступая. Кто виноват во всем этом, и как избежать повторения подобного? Как забыть утомительное и позорное отступление армий наших? О, если б знал т. Сталин обо всем этом! Он бы наверняка принял меры. Мне кажется, что он не осведомлен или же неправильно информирован командованием отходящих армий. Какова же моя радость теперь, когда я услышал приказ вождя нашего - Сталина. Он, кажется, все знает, он как бы присутствовал рядом, на фронте. Мысли его сходны с моими мыслями. Как отрадно это сознавать.

Мы поняли очень много. У нас теперь не должно быть и мыслей об отступлениях, хотя многие продолжают думать, что наша страна огромна, людские ресурсы неисчерпаемы и неисчислимы - и можно отступать. Но так думают те, которым недорога уже и так достаточно поруганная Родина. Ни шагу назад! Нам некуда больше отступать. Мы и так много потеряли с оставленными немцам Донбассом и Украиной; брошенными более 70 миллионов населения.

Теперь, после временных неудач на фронтах, многие сомневаются в возможности окончательного разгрома и уничтожения немцев, но на это можно лишь сказать: враг не так силен, как это кажется. Его можно и нужно остановить. Его нужно выгнать с нашей земли. Для этого нужна дисциплина и организованность.

После зачтения приказа мы долго разговаривали, обсуждали и отдыхали. Многие пошли в сад рвать фрукты.

Я залез на дерево, сорвал несколько груш, но не успел слезть, как попался вместе с группой бойцов. Пришел хозяин сада в сопровождении военного, который и отвел нас к комиссару. Я заявил от имени всех, что этого больше не будет, и военный смягчился, хотя старик долго еще замахивался на меня палкой. А я и действительно не знал, что есть хозяин у этого сада. К такому я привык уже здесь на фронте - что все покинуто, все без хозяев. Пока я разговаривал, защищался - остальные улизнули. Я еще немного поизвинялся и тоже ушел. А могла быть крупная неприятность.

После продолжительных процедур знакомств, переписей и бесед нас раздали по полкам и батальонам, отправив на машинах каждую группу в свою часть. Меня направили в Райгород, за Сталинградом, севернее его километров на шестьдесят.

Здесь нас тоже пропустили через огонь, воду, трубы и ругань командиров. Мы, правда, расхлябаны теперь и страшны на вид, многие из нас в штатской одежде, но...

Командир полка приказал нас накормить и назавтра

отправить на Волгу купаться и стираться. Мы разместились на улице под сараем, но пошел дождь и все разбежались кто куда условившись о месте завтрашнего сбора.

Трое человек пошли искать укрытие вместе: я, красноармеец Япченко и еще один боец. Япченко, оказывается, тоже из Днепропетровска, занимал там различные ответственные посты и сказал, что знает моих родителей. Мы с самого пересыльного пункта вместе и у нас завязалась некоторая дружба, с того самого времени, когда у меня украли буханку хлеба, выданную на дорогу. Тогда-то он и предложил мне хлеб. Я, конечно, не остался в долгу, угостив его яблоком, огурцами и арбузом - мне удалось это все достать во дворе, где не было хозяев.

Два домика, найденного нами за забором двора, были под замком, третий нет. Я толкнул дверь, и мы очутились в небольшом помещении, где и разместились.

На утро выяснилось, что это баня. На рассвете стали собирать нас и, выстроив, повели на Волгу. Было холодно, моросил дождь, но нам приказали раздеться и идти в воду, одежду - постирать.

Мне вспомнился в этой связи приказ Николая построить железную дорогу Москва - Петроград, в плане которой он начертил линейкой прямую линию между этими двумя городами, но в одном месте линейка была с изъяном и в этом месте получилось небольшое искривление. Так, сохранив ответвление, и была построена эта ветка, исключив логику инженеров. Все повторяется: лейтенант не напомнил командиру полка, что погода сырая и холодная, дабы тот отложил купание в реке. Командир полка - "прониколаил" линейкой.

Купались в шесть часов утра под дождем. Конечно, почти никто не купался. Многие простирали гимнастерки и брюки, которые так и не высохли до этого вечера. Я же ничего не стирал и, накрывшись шинелью, лежал до окончания "купания". Потом нас повели в расположение штаба полка, где выдали оружие, покормили с горем пополам и повели в степь за селом, где батальон занимает оборону.

Степь здесь голая, заросшая низкорослым бурьяном, который тоже сохнет, страдая от жары и безводия (а Волга рядом!). Здесь часто верблюды встречаются и я думаю, что они единственные существа, чувствующие себя уверенно тут и сейчас.

Воды сюда не подвезли ни вчера, ни сегодня утром (4.V???), когда я продолжаю вчерашнюю запись. Воды у нас нет. Ходим грязные и не целиком обмундированные - мне выдали только обмотки. С едой тоже плохо: утром и вечером одна и та же пища - водичка с крупой и, не каждому встречающимися, кусочками мяса.

Мы еще первые. В батальоне всего два десятка людей, да командиры одни. Люди постепенно будут прибывать. Может тогда лучше будет?

Узнал свой адрес, сейчас письма буду писать.

15.08.1942, приблизительно.

*** разговор. Но я ничего ему не ответил.

Пока он был командиром взвода, он еще не особенно старался навредить мне, ибо занимаемая должность для старшины была высокая, и ему льстило это. Но как только пришел новый лейтенант - он стал помкомвзводом, заняв сержантскую должность. Это больно задело его старшинское самолюбие, он стал министром без портфеля, хотя и с папкой. С этих пор он не давал мне жить, задавая всякие каверзные вопросы, которые приводили нередко к спорам. Портфель, равный по значимости старшинскому одинаковым окладом, заставлял его идти на всякие ухищрения, дабы сбить меня с толку, заставить сказать то, чего не нужно.

Так он говорил: "Тебе комиссар батальона приказал раздавать нам газеты. Почему ты их не приносишь?" Я отвечал, что без политрука не имею права этого делать.

- Но приказ-то тебе был дан?! - говорил он в надежде, что я самовольно возьму у политрука газеты, тем самым вызвав его недовольство на себя.

Много еще подобных вопросов задавал он мне всякий раз, когда приходил в окоп. Наконец, позавчера, это ему удалось и так крепко удалось, что он в никоей мере об этом не мог и мечтать - так быстро и просто удовлетворив свои желания. И все это получилось по моей глупости и необдуманности.

Политрук приказал мне вместе с новым командиром заполнить анкеты на желающих вступить в комсомол, собрать рекомендации от комсомольцев и коммунистов и анкеты затем отнести секретарю комсомольской организации полка.

Я беседовал с кандидатами. Смотрел их работу, узнавал биографии и настроения. Несмотря на непродолжительность моего знакомства с ними нашел нужным дать двоим бойцам рекомендации.

Лейтенант Голиков рекомендовал в комсомол своего бойца, а два бойца с третьего взвода никак не могли получить рекомендации, ибо Зиновкин медлил с этим.

В прошлый раз он говорил, что поручится за Акльбекова - даст ему рекомендацию, но тот подходит неправильно к этому вопросу и требует ознакомить его с уставом. 14 числа, когда я пришел во взвод, он стал говорить совсем иное: он не может поручиться за Акльбекова, так как чувствует, что тот не особенно

стремится быть комсомольцем. В чем выражается это предчувствие его, он мне так и не объяснил, но сказал, что не может ручаться за человека, которого не видел в бою. А вдруг тот окажется предателем? Сдастся в плен, струсит? Значит, ответственность падет на него, Зиновкина, рекомендовавшего в комсомол. Затем он открыл красноармейский устав партии и стал читать из него выдержки о том, что в партию принимаются люди проверенные в бою, показавшие образцы мужества и героизма. Я ответил, что немало есть примеров, когда прием в партию и комсомол оказывал большое влияние на человека и тот оправдывал это звание бесстрашными действиями на фронте. Партия и комсомол это немного разное, но и туда, и в комсомол принимают для воспитания непартийных людей в духе исключительной преданности Родине и беспредельного героизма. Бояться ответственности никогда нельзя, не следует, особенно в этот момент, когда Родина находится в опасности. Вот и в газетах, скажем, ежедневно можно прочесть о приеме в партию и комсомол непартийных бойцов, пожелавших вступить туда.

Но он уклонился от прямого ответа и завел разговор о другом. Не знаю, почему мы вдруг стали говорить об ошибках. Или что я ошибся - не ошибся, дав рекомендации бойцам непроверенным мною, или, что он может ошибиться при данной ситуации. Но спор у нас зашел так далеко, что я, не помня себя, стараясь, чем можно только защитить свое мнение, сказал: "Со всеми случаются ошибки. Сталин тоже ошибся, когда сказал, что с занятием Керчи положено начало освобождению Крыма, а потом оказалось, что Крым оккупировали немцы"... и тут же прервался, поняв, что я сказал и кому я сказал.

Мне и сейчас кажется, что это сон, что я не говорил этого, ибо мысли у меня не такие. А человек с такими мыслями не высказал бы их вслух и, особенно в присутствии коммуниста. Неужели я мог позволить себе такую необдуманность, неужели мог хоть на минуту засомневаться в гениальной прозорливости вождя своего, которого так незабвенно, так преданно и горячо обожаю?!

Я замолчал, сам пораженный своими словами. Лейтенант и боец, случайно оказавшиеся здесь, не заметили ничего особенного, а на лице Зиновкина я заметил вначале радостный смешок, а затем непродолжительную задумчивость.

Все это было мгновенно, миг один, лейтенант и боец не успели обратить даже внимание на эту нашу паузу в разговоре, но Зиновкин... тот недаром стал старшиной, он будет скоро, возможно, и лейтенантом, не так благодаря своим военным познаниям и умениям, как умением топтать, проходить по поверженному им человеку. Он все заметил, обдумал, понял, какие огромные выгоды принесет ему эта моя оплошность, эта случайно мной брошенная фраза.

- Сталин ошибся? - спросил он. - Да ты понимаешь, что ты говоришь?! И ты это заявляешь в присутствии бойцов?!

- Где бойцы? - спросил я.

- А это кто, не боец? - указал он на ***.

Я ответил, что присутствует всего лишь один боец, кроме того, я сказал эту фразу необдуманно, совсем не то имея в виду, что сам не могу объяснить, чем эта моя фраза вызвана к высказыванию была. Но Зиновкин не удовлетворился.

- Спроси любого бойца, может ли Сталин ошибаться? Вот ты скажи, повернулся он к бойцу - правильно ли он сказал?

- Нет! - ответил тот.

- Вот видишь, и больше ***

20.08.1942

5 писем: маме, дяде Леве, тете Ане, Оле, и в редакцию дивизионной газеты "На защиту Родины", статью "Побольше бы таких минут".

23.08.1942

Написал статьи "Мы сильны" и "Мы готовы к бою". Первую хотел отправить в газету "Сталинское Знамя", вторую в "Сталинский воин". Запечатал в конверт, но отправить не удалось. Письма теперь не ходят, связь с внешним миром прервана. Еще у меня лежат не отправленными письма тете Ане и открытка маме в Среднюю Азию.

Газет тоже нет. В последних сообщениях Совинформбюро говорилось о взятии немцами Майкопа и о боях в районе Минвод, Черкасска и Краснодара. А в газете за 10 число говорится уже о боях в районе Пятигорска.

Как там Ессентуки? Не сданы ли немцам? Это всего сейчас вероятней, но мне хочется думать, что Ессентуки еще в наших руках. Хоть бы скорей газетку прочесть.

Выпустил пятый по счету номер "Боевого листка". Написал специально для него стих "Глаза большие, синие". Все статьи от

передовицы и до мелких статьишек писал сам, только фамилии под заметками поставил других, не пожелавших не то что писать - побеседовать со мной. Некогда им. Карикатуры рисовал тоже сам.

Вчера стреляли мы из миномета. Мой расчет уничтожил и рассеял много гитлеровцев и даже вражескую автомашину с боеприпасами. Два наших взвода в целом уничтожили и разогнали до трех рот пехоты противника. Это ягодки. Яростный натиск немцев мы сдержали, но те основными силами обошли нас и окружили полукольцом.

Где-то совсем уже близко стреляют по нам из орудий и минометов. Снаряды и мины рвутся здесь рядом, а осколки залетают даже в окопы. Старшего сержанта Саранова ранило двумя осколками в живот. В хозвзводе убило лошадь.

С продуктами у нас совсем паршиво и в день мы получаем только 300 граммов хлеба, и тот намок во время бегства хозвзвода через озеро, когда мы уходили из обстреливаемого села. Село разрушено. Много убитых людей и животных валяются прямо на дорогах. Жители разбежались.

После перестрелки с врагом меня совершенно оглушило и я второй день ничего не слышу на правое ухо.

30.08.1942

Сегодня отошли без боя на другой участок обороны. Километров на 10-11 ближе к Сталинграду. Ушли ночью, незаметно, немцы не знали о нашем отходе. Только утром, когда мы прямо с марша стали окапываться здесь, появилось несколько ***

03.09.1942

Дневник, приятель дорогой! А я сегодня пил чай из кореньев! Сладкий, как с сахаром! Жалко, тебе не оставил! Но не беда - тебе, думается, достаточно понюхать запах корней - вот они, в руке у меня, чтобы ты убедился в правдивости слов моих. И зачем тебе иные сладости кроме моих, ведь ты переживаешь все-равно все наравне со мной, и радости и горести общие наши...

Сейчас рано темнеет. Корни сидят глубоко в земле и их долго выкапывать пришлось. Угостил и бойцов, насколько можно было угоститься из полторы кружки, что мне удалось сварить - ведь я грел чай вместе с Горшковым.

Письма сегодня не отправил - не было ездового.

Немцев наши, оказывается, отогнали далеко от сарая; об этом я узнал из своих наблюдений и со слов лейтенанта.

Прочел сегодня статьи о Тчедуше, Павленко, о Стальском Сулеймане, о Лермонтове, из тех, что еще остались у меня.

Дни стали коротки и не успеваешь заметить, как они теперь кончаются. А в остальном чувствую я себя неважно, очевидно

этим мясом отравился, хотя и не все мясо, как другие, поев. Слава богу, четвертый теленок, плененный, но не успевший быть зарезанным, удрал.

Только что встал. Долгое время лежал, переворачиваясь с боку на бок в надежде заснуть, но тщетно. Мухи и прочая дрянь не дают спать - кусают.

Утром приехал ездовой, привез четыре фляги. Передал через него написанные в Астрахань (два), Магнитогорск, Среднюю Азию, Ппс 1532, центральное пересылочное бюро Москвы, в Ленинград, дяде Василию и в Дербент, письма.

На наблюдательном устаешь стоять, ибо жара еще сильная и солнце душит жаром. Чай теперь буду пить ежедневно, независимо от того будет сахар или нет - теперь у меня есть коренья. Сегодня тоже хлебнул с пол кружки. Выпросил, в буквальном смысле, у Корнеева. Он что-то сильно стал нахален со мной, кричит на меня - не уважает, очевидно. Но я его заставлю присмиреть.

Холодное сегодня поделил с двумя бойцами - сам не смог одолеть, зато воды пил без счету. Из выданных нам продуктов, лейтенант взял себе всю чистую муку и масло, а ржаную, недомеленную - отдал нам. Досталось на отделение по четыре кружки. Горшков, получая, заявил вполне серьезно, и я уверен, так он и сделает: " Я раздам всем по пол кружки, а остальное себе заберу". Эх, сражает он меня. Я бы разоблачил кое-кого... И эти люди представлены к награде. За что? Этого никто у нас не знает. Понравились политруку - вот ответ.

Сейчас уже солнце зашло. Пора кончать. Дни коротки донельзя и ты не успеваешь за них ухватиться.

XX.09.1942

Когда же я, наконец, узнаю число?

Солнце уже у самого горизонта. Я на наблюдательном пункте. Как, спрашивается, могло случиться, что я такой горячий патриот своей Родины занимаюсь посторонними делами? Но чем же мне еще заниматься? Я, Терещенко, и меньше всех Горшков (тот ухитряется), весь день разделяем с собой на наблюдательном пункте. Но в сущности, что это за наблюдение? Рядом с нами, шагов триста впереди - большая высотка, наблюдательный пункт стрелков. Мы же наблюдаем из очень неудобного места, откуда ничего не видно. Сидеть, не отводя глаз от позиций противника - утомительно, да и результатов наблюдение почти никаких не дает. Горшков, идя на наблюдательный пункт, говорил сегодня: "Буду вшей бить, все равно делать нечего". А придя с наблюдения, похвалился: "Я сегодня на посту пять патронов выпустил!"

- В противника? - поинтересовался я.

- Да нет же, он далеко и его не видно. Просто в воздух.

Вот так мы и воюем. Тратим патроны понапрасну, когда каждым нужно поразить врага, стоим напрасно на наблюдательном пункте - девять человек стоит у нас ночью на посту. И выходит, что не отдыхает никто ни днем, ни ночью, кроме лейтенанта и командира взвода и толку никакого от этого. Все можно было сделать не так, расставить силы рационально, использовать возможности наши по-другому.

А вчера старший сержант Скоробогатов, которого я прославил, кстати, в далеко не искреннем, писанном исключительно по заданию, стихе, "Будем все герои, братцы!", поставил меня ночью часовым во вторую смену ночи, хотя я полдня провел перед этим на наблюдении.

XX.09.1942 Бузиновка

Большое красивое село. Хаты чисто выбелены глиной. Жители слегка нахмурены, но сквозь хмурость и грусть, отмеченную на их лицах за время хозяйнячинья немцев, проглядывает великая радость и торжество по поводу прихода нас, русских.

Ночью пришли мы сюда. Было темно, поздно. Но жители не спали. Только за день до нашего прихода сюда, немец ушел безо всякого боя, убежал.

Один мальчишка бойкий радостно рассказывал бойцам о своем счастье: немцы, перед уходом своим пригнали скот в это село, раздали жителям для откорма, но, убегая, угнать с собой не успели. Много скота осталось теперь у местных жителей.

Ночь переспали мы в этом селе. Я устал страшно от ходьбы. Мозоли на ногах пришли в ужасное состояние. Покоренные за этот день километры дали о себе знать и отдаются болью.

За время пути вчера имел повторный инцендент с лейтенантом. Когда командир роты предложил кому-либо взять опорную плиту и перенести ее на переднюю повозку (эта совершенно не двигалась - тяжела была), я взялся за это дело, с дуру не рассчитав своих сил, расстояния между повозками (600-700 м.), тяжести повозки и груз, который я нес помимо этого (автомат, вещи). Я, конечно, добежал до повозки, уложил плиту, но с огорченьем узнал, что не только не упрочил этим свое положение среди бойцов и командиров, но напротив, понизил свой командирский авторитет. Все думают: пусть сам таскает, раз выполняет приказания вместо бойцов.

Только уложил плиту - лег на землю, уставший. Догнала повозка. Командир роты приказал разгрузть еще заднюю подводу. Лейтенант приказал мне. Я отказался, объяснив отказ усталостью.

- Я приказываю взять!

- Не могу и не возьму! - ответил я.

- Я приказываю! - взвизгнул он, как мальчишка.

Но я, конечно, не стал.

Он мне сказал, что объявляет наряд вне очереди. Затем обратился к Скоробогатову, чтобы тот заставил меня нести плиту всю дорогу.

Ночью нам сообщили, что должно начаться наступление. Объяснили задачу. Начался митинг. Я выступил и выступил политрук. Командир рассказал обстановку. Мы приготовили ориентиры, вещи и одежду привели в порядок.

В 5 часов должен начаться бой.

06.09.1942

Третий день мы ведем ожесточенные бои с противником стремящимся перейти в наступление. Ни днем, ни ночью не затихают выстрелы из винтовок, автоматов, минометов и орудий всех калибров, которыми немцы неустанно засыпают землю, пытаясь сломить нас своею мощью, поколебать дух наш.

Бесконечно свистят и, вскрикивая, пискливо зарываются в землю пули. Вгрызаются с шипеньем и воем, разлетаясь десятками смертоносных осколков, снаряды.

Но все это зря. Редко-редко, и то, волей случая, немцам удается достичь цели. Сотни же тонн металла, беспощадно ковыряя землю, не приносят нам никакого вреда. Зато мы бьем, когда противник идет в наступление или находится вблизи нас - горе ему! Редко, но метко!

Горы трупов, масса уничтоженной техники - вот они, результаты нашего огня.

Вчера немцы несколько раз пытались перейти в наступление, то с правого, а потом все время с левого фланга нашей обороны. Весь день не прекращалась артиллерийская канонада, а к вечеру подняли, гады, такую трескотню, такой гул, что и передать трудно. Это они обстреливали село. Нашу оборону они не трогали, знали, что нам они не в состоянии принести вреда ни живой силе, ни технике. И озверелые мерзавцы стали остервенело разрушать село своими огневыми средствами. Принялись воевать с мирным населением, которое ничего им не сделало и ни в чем перед ними не повинно.

Дальнобойными пушками, отстающими от фронта на 10-15 километров, они подожгли лес, и тот горел до нынешнего утра.

Всю ночь и сегодня не прекращается стрельба из всевозможных орудий и оружий. Немцы никак не могут свыкнуться с мыслью о своем поражении, хотят наступать, хотя вчера получили от нас знатную трепку. Сколько их, кровожадных убийц, вчера поплатилось жизнью за свои преступления. Но это

ягодки. Наш счет только начался. Мин у нас много, гранат, винтовок и ППШа.

Сегодня на рассвете после усиленной артподготовки пьяные фрицы вновь двинулись сюда. Вначале двигались по одному - их встретили ружейным огнем. Лейтенант Черных из первого взвода собственноручно уложил трех немцев. Затем пошли вражеские танки. Много их подбили наши противотанковые орудия.

Немецкие самолеты - корректировщики, бросают над нашими позициями ракеты, но и это не помогает им. Выходит, разбрасывают попусту снаряды. Эх, и глупые же они, неумелые стрелки.

Мы-то знаем за что воюем и поэтому глаз наш зорче немецкого, снаряд точнее, пуля у нас не столь дура, как в руках немцев. Сегодня оказывается не 6-е, как я думал, а 7-е число. До конца этого года осталось 115 дней. За этот период должна решиться судьба многих стран и народностей в связи с разгромом немецких и всяких других фашистов, который назревает, который неизбежен в этом году.

Сейчас уже несколько часов на нашем фронте затишье. Только изредка пронесется далеко над головами одинокий снаряд, ухнет о землю, завизжит обиженно, или пуля, шлепнет о металл. И снова тишина. Противник, видимо, отчаялся в своих попытках одолеть нас, несмотря на численное и техническое свое превосходство на этом участке.

Ему никогда, сколько бы ни было у него сил, не заставить нас ослушаться приказа товарища Сталина, никогда не вынудить нас отступить. Мы - гвардейцы, и с гордостью отстаиваем, и впредь не перестанем отстаивать это славное имя, присвоенное Родиной.

Недавно я был в библиотеке села Чепуршское, разбитой бомбежкой фашистских каннибалов. Сколько книг, альбомов, словарей, сколько различных жемчужин культуры и искусства погибает от рук, ужасных врагов наших. Я взял несколько книг и мы читаем их с помкомвзводом Кукайло. Малой энциклопедии у меня было два тома - сейчас один при смене огневой позиции остался. Собрание сочинений Маяковского и литературные исследования о Глебе Успенском - очень интересные книги.

Книги я уже прочел. Сегодня отдохнул впервые за несколько дней боев, которые были не для отдыха. Мы славно поработали.

Меня все не покидают мысли еще раз наведаться в библиотеку за новыми книгами. Ведь эти я достал в ночное время при свете луны, и выбрать хороших книг из-за отсутствия света не сумел. Но это будет зависеть от обстановки и от разрешения младшего лейтенанта или политрука.

Писем не пишу и не получаю ни от кого уже несколько дней.

Газет тоже нет. Что там делается на Кавказе, в Калининской области? На нашем участке я вижу все воочию, а на других что?

Где теперь мои родные? Что стало с моими стихами, дневниками, книгами? Как хорошо было бы, если б их спасли Нюрочка или тетя Берта.

Бои на Кавказе в последнее время шли в районе Моздока и Прохладного. Сейчас у меня замечательная карта из энциклопедии - карта Орджоникидзенского края и я могу отмечать на ней все события происходящие там и связанные с войной.

В районе Прохладного (по газетам) положение улучшилось и наши войска заняли даже у противника один населенный пункт. На других участках немцы перешли к обороне, а в районе Калинина отбросили врага на 40-50 километров, освободив при этом 610 населенных пунктов и в их числе города Зубцов, Карманово, Погорелое и Городище. Это из вечернего сообщения 26 августа. С этого времени, т.е. с 31 числа, я газет не читал. Ничего нового не знаю пока.

08.09.1942

Странное дело - за все время пребывания на фронте я не видел ни одного убитого человека, а под огнем врага побывал не раз. Вот и сегодня небольшие осколочки от снарядов несколько раз угодили в меня. А во время сегодняшней, ночной ходьбы за ужином и вскоре за завтраком, пули свистели над самым ухом моим. На этот раз я сам напросился, чтоб меня послали в деревню, преследуя единственную цель - порыться в книгах, выбрать себе для чтения подходящее.

Вечером, когда ходил за ужином, я разузнал расположение кухни и нынче на рассвете решил по пути в хозвзвод заглянуть в обезображенное двухэтажное здание партийной библиотеки.

К несчастью ночь была темная, рассвет пасмурный и я ничего не смог выбрать, схватив четыре первые попавшиеся толстые книги, из которых две оказались томами произведений В. И. Ленина, а две других историей XV??? и X?X веков. Что ж, я не прочь получше ознакомиться со словом великого Ильича и историей стран земного шара, и с историей нашего великого государства в частности.

Начну с Ленина. Статья "О двоевластии" - прочту, когда стихнет немного артканонада, которая заставляет меня быть настороже и не отвлекаться посторонними вещами. И пока нет приказа открыть огонь - я записываю, ибо страшно не люблю когда время у меня проходит впустую.

Закончил читать книгу В. Хандрос "Творческая работа корреспондента". В ней автор инструктирует, учит редакторов и

корреспондентов, как, по его мнению, писать, выбирать тему, работать со своим произведением. Автор, вероятно, старый, опытный журналист и у него в книге имеется ряд ценных указаний. В книге много цитат наших вождей и писателей.

Вот что говорит автор о необходимости писать свежо и интересно, понятно для широких масс: "У сонного автора и читатель спит". И тут же приводит высказывание Калинина по этой же теме: "Корреспонденция должна быть не фотографией, а художественной картиной..." К этому я и стремлюсь, чтобы все мои статьи были художественны как по смыслу, так и по содержанию. Но я чувствую, что я слишком многоречив в своих писаниях и часто не употребляю нужные, краткие и верные слова, заменяя их массой ненужных.

Сейчас поймал себя на безобразном неумении писать давно знакомое мне слово "Корреспонденция". До сих пор я писал его или с одним "р" или "корресподенция". Мне стыдно сознаться себе, что это случилось от невнимания при чтении. Часто бывает, что я и сам удивляюсь, почему я не знаю об иных, общеизвестных фактах, вещах.

У меня есть большие прорехи также и в литературе. Я перечел столько книг, столько различных материалов и статей о писателях и их произведениях, что и припомнить, пересчитать трудно. Но читал-то я не по-людски бессистемно, хотя и пользовался рецензиями на прочитанное. Бездну книг я прочел, о которых многие и не слышали, авторов и названий коих никогда не встречали даже люди с высшим образованием. Но главные, самые выдающиеся произведения не прочтены мною, такие как "Тихий Дон" Шолохова, "Война и мир", "Воскресенье", "Анна Каренина" Льва Толстого, "Преступление и наказание" Достоевского, "Обрыв" Гончарова, "Клим Самгин" Горького, "Падение Парижа" Эренбурга, "Сыновья Фейхтвангера" - я не читал. Или читал только отдельные части и отрывки из этих книг. Только недавно, в последние два года, я принялся за ликвидацию этих прорех. Перечитал известные мне давно из рецензий на них в газетах и журналах: "Сын Америки" Р. Райта, "Изгнание" Фейхтвангера, "Лота в Веймаре" Манна, "Педагогическая поэма" Макаренко, "Петр ?" А. Толстого, "Севастопольская страда" Сергеева-Ценского и многое другое.

Еще один недостаток у меня имеется, тоже связанный с отсутствием системы в моей работе. Я не записываю наиболее нравящихся и необходимых мне слов и оборотов. И у меня, при всем этом, память абсолютно никудышная. Как-будто специально для меня В. Хандрос вещает в своей книге: "Все, что услышал, прочел - записывай, не копи в голове, это самая дырявая

копилка". Забудешь, а то еще хуже - перепутаешь. И, далее говоря о том, что многие любят по памяти говорить, разглагольствовать, о чем не знают - автор приводит образец ответственного отношения к каждому своему слову на примере великого Ленина, который отказался дать совет по одному вопросу потому, что не знал его исчерпывающе.

В этой связи ловлю себя на болтливости нескромной и ошибочной, когда говорил, что Карл Маркс изучил русский язык в 80 лет. Оказывается, ему было 50, когда он взялся за изучение русского.

09.09.1942

День подходит к концу.

У меня в окопе был политрук. Он долго объяснял задачи командира отделения. Крепко, но справедливо ругал меня за то, что в моем расчете не были свернуты скатки, и за другие неполадки в отделении за которые я ответственен. В частности за то, что я не знал до сих пор количество имеющихся в расчете мин и число мин, выпущенных нами.

Ошибки исправляю на ходу. Количество мин посчитал, скатки скатал.

Красноармеец Сазонов, политрук и ротный представляются к правительственным наградам. Сегодня политрук писал боевые характеристики на них. Сазонов из третьего взвода своим ротным минометом уничтожил 40 фашистов, не допустил неприятеля к нашему дзоту. Сейчас он легко ранен.

Днем немцы обстреливали все поле и село. Снаряды падали рядом. Пули ударялись о миномет тоненько звеня. Голову нельзя было поднять - так густо обстреливалась местность, и все-таки мы не имеем урона ни в живой силе, ни в технике. Немцы это почувствуют скоро.

10.09.1942

Сегодня весь день на нашем участке фронта затишье. Ожидается большое наступление немцев при сильной танковой поддержке. Миномет стоит в полной боевой готовности. Стреляли рано утром - произвели два выстрела. Весь день вместе с политруком, который находится у меня, копаемся в книгах. Я вырезаю необходимый мне материал по литературе, политрук - по истории ВКП(б).

Политрук рассказал мне, как вести дневник. После того случая, когда он обнаружил случайно увиденные в дневнике разные глупости, я пишу теперь так, как подсказал мне политрук. Он говорит, что в дневнике надо писать только о работе роты, о ходе боев, об умелом руководстве ротной команды, о беседах с воинами, проводимых политруком, о выступлениях по поводу его

бесед красноармейцев и т.д. Так именно я и буду писать впредь.

11.09.1942

Не хочу пропустить ни одного дня и каждую свободную минуту использовать для записи дневных впечатлений.

Вчера ночью спать не пришлось - рыли ходы сообщений к стрелковому батальону, который мы поддерживаем. Сегодня тоже, видимо, придется копать. Весь день спал и сейчас, к вечеру, поднялся по боевой тревоге. Наш расчет произвел один залп. Батарее в целом удалось одним выстрелом четырех минометов подавить огневые точки неприятеля, точно накрыв цель.

Политрук сегодня был целый день у меня. Я очень рад этому и уже привык к его присутствию так, что без него мне становится тоскливо.

12.09.1942

Ночью стреляли. Выпустил 11 мин, три раза у меня произошла осечка. Очень досадно мне было что так получилось.

Ночью спал у меня политрук. Сегодня днем тоже. Я теперь выбрался на площадку для миномета из своего окопа. Это, пожалуй, даже удобней для меня. Я в восторге! Ведь если бы не политрук, кто бы руководил моими действиями? И винтовка у меня блестит теперь и миномет в порядке. Каждое мое действие под контролем внимательным и чутким. Как бы было замечательно, если бы все бойцы и командиры находились под таким руководством, как я. Замечания я получаю ежеминутно. Это мне невероятно помогает. Я очень благодарен ему за все. Душа моя радуется, грудь вольно дышит. Хорошо, когда находишься под постоянной опекой - ошибок никогда не сделаешь.

Сегодня получили газеты. Бои идут в районе Моздока, Сталинграда и ... Новороссийска. Неужто очередь и за последним? Нет, не бывать этому. Скоро наступить должен перелом.

Писем не получаю и не пишу уже.

Кукайло только что направили учиться в военную школу. Меня никогда не пошлют никуда. Я вечно буду последним, как бы я не старался. За что меня наказывает судьба, чем я провинился перед ней?

13.09.1942

Кукайло распрощался со мной вчера ночью пообещав писать. В какую школу его направили - неизвестно.

Политрука сегодня весь день не было. Он пришел ко мне только один раз принес списки лиц представленных к награде и данные о нашей дивизии (в связи с недавно исполнившимся ее трехлетием) для боевого листка. Я остался помкомвзводом и

командиром расчета. Теперь у меня забот полон рот.

Ночью опять стреляли. Я выпустил 10 мин, опять была заминка со стрельбой.

Днем спал, писал боевой листок. Ночью был дежурный и опять стрелял. Не заснул ни на минуту. Спать хочется, но надо проводить читки и беседы среди бойцов - ведь я агитатор.

Уже вечереет. Надо спешить.

14.09.1942

Сегодня были письма.

Всю ночь стоял на посту часовым. Несколько ночей подряд уже не сплю.

17.09.1942

Сегодня написал большое письмо Оле. В нем вызывал на соревнование в учебе и бою сокурсников. Приветствовал всех знакомых, в частности Майю, Туло Лену. Маму просил поругать за молчание, послал также стихотворение "Глаза большие, синие".

Ночью спал хорошо. Сейчас я помкомвзвод. Кукайло еще здесь. Его пока не отправляют - пересматривают документы и пр. А Новороссийск оставлен нашими войсками. Самый трудный участок фронта в данный момент остается наш Сталинградский.

18.09.1942

Только что написал письма маме, Оле, в Дербент и в Ппс № 1532 ***

27.09.1942

Говорят, что сегодня 27/?X, но я еще точно не знаю.

Со старшиной (от тети Ани) пришло сегодня письмо (второе, за все мое пребывание в армии). Прислала чистую открытку для ответа (я ей писал когда-то, что бумаги нет). Ответ написал сейчас, но старшина уже уехал. Отошлю завтра. Я им уже и так передал четыре письма.

Ночью стреляли. Выпустил две мины с зарядом "5". Утром до самого дня просидел на наблюдательном пункте. Перестрелка не утихала очень долго. Наши продвинулись, очевидно, ибо немцы стреляли уже между домиком и сараем посредине и вправо оттуда. Наша артиллерия подожгла тот длинный сарай, что находился в стороне от села вместе с этим и еще другим домиком. Тот домик мы подожгли раньше. Теперь остался только один домик. Сарай сгорел дотла. Видел двух немцев по ту сторону озера, которые передвигались двумя еле заметными точечками. Я выстрелил и они скрылись.

Теперь относительно вещей. Разорили меня окончательно, ограбили. Конечно тут не без политрука обошлось, больше того - он главный зачинщик или, вернее, человек способный и, вероятно, совершивший это паршивое дело. Лазили у меня

повсюду и результатом обыска явилось хищение или, мягче сказать, конфискация: котелок, издавна нравившийся младшему политруку, два кусочка мыла, два коробка спичек, одна пара нижнего белья и трусы. Компас, который единственный являлся показателем (внешним) моего равенства среди лейтенантов и других командиров роты и, главное - литературный материал, составлявший для меня единственную отраду, ту сферу, в которую я мог целиком погружаться, забывая на время всю горечь и тяготу моей армейской жизни. "Французская литература" - большая, подробная статья из истории (не помню точно какого) века. Журналы литературные или, как их там - "Записки академии наук" - очень ценный журнал с богатейшим библиографическим материалом. Номера журналов "Красная новь" и "Новый мир", исключительно ценные материалы из газет, особенно старых, за 34-35 годы. Журнальные статьи, а также некоторые книги о писателях и литературе. Чернильница с чисто зелеными чернилами, которую я перед этим запечатал уже сургучом и еще многое, многое, о чем не упомнишь. Были там еще две газеты, в которых писалось о моих политинформациях и беседах, как агитатора.

В сущности, бесед под таким заголовком я не проводил и нигде не затрагивал в разговорах этого вопроса, разве кроме "Боевого листка": "Беседы о боевых традициях своей части" - так называлась статья, фамилию автора которой я позабыл. Но в смысле агитации я немало сделал для роты. Бесед, читок и информаций провел гораздо больше, (скажу, не хвастая) чем другие агитаторы и, пожалуй, лучше других. Поэтому мне было приятно иметь эти газеты, я чувствовал, что в них, хоть в некоторой степени отмечена моя неблагодарная дотоле работа.

Когда заметка была опубликована - подозвал меня к себе политрук, дал мне два экземпляра (Горшкову, например, он дал три экземпляра), и заявил: "Вот видишь, как я о тебе забочусь (статья эта, кстати, написана на основании моих политических донесений), видишь, как я отмечаю твою работу, а ты, неблагодарный, газет не выпускаешь ежедневно и недоволен часто, говоришь, что не ценю я твоих усилий".

На самом же деле в политических донесениях он совсем не сообщал о моих беседах, даже о тех, на которых сам присутствовал. И только поймался на этом однажды, когда у нас в роте был комиссар, который спросил бойцов какие беседы велись и те однозначно указали на мои. Комиссар удивился - почему о моих беседах нет ничего в политдонесениях, и дал выговор политруку. До того он информировал, что провел такие-то беседы, политинформации, хотя редко беседует с бойцами и, тем

более, на политические темы. Он даже читает плохо.

Но не об этом я веду речь... эти газетки он, значит, так же спрятал или ликвидировал. Оставил: консервы (банку), помидоры, коробку спичек (неполную), некоторые газетные обрезки, бумаги (часть); уворовав, кроме того, тетрадные листки чистой бумаги и целую тетрадку. Кружку оставил, но нет ни одной книги, за исключением "О писателях": Лермонтове, Маяковском, М. Андерсене-Нексе и Ванде Василевской.

"Ленин о литературе", "Беседы с начинающим автором", "Крокодилы", "Огоньки" - все исчезли.

Есть у меня маленькое подозрение на Кукайло и лейтенанта Черных, которые врядли могли остаться безучастными в этом деле, но главная роль за политруком, ибо консервы и другие мелочи ярко свидетельствуют об этом. Кроме того, лейтенант Соломкин сказал мне, что чернила у политрука, газеты забрал Черных, а книги политрук отдал старшине и тот закрыл их в ящик. Вот и вся история.

Ночью перед этим, после нескольких дней просьб, мне удалось уговорить лейтенанта отпустить меня на старые позиции. Однако когда я уже было двинулся пешком и был (мысленно) уже у цели моего визита, надежды мои внезапно рухнули с встретившимся мне помощником командира роты. Он приказал мне вернуться. Больше лейтенант Голиков меня не пускает. А я б с рук вырвал компас, отнял бы силой то, что добыл ценой жизни, под обстрелом, все то, что так ценно для меня.

Впервые здесь я открыто записал, ибо избавился от политрука, когда-то указавшего мне, как писать дневник, и что писать в нем!

30.09.1942

Закончить вчера не успел. На наблюдательный пункт пришел командир взвода вместе с командиром роты. Оказывается, вся рота переехала сюда.

Ночью вновь прибывшие рыли себе окопы, тогда же стреляли из миномета. Выпустили ужасно много мин - наши шли в наступление и мы их поддерживали. Сегодня, вероятно, уйдем отсюда. Командир роты и политрук полагают, что в Дубовый Овраг. Его отбили этой ночью у немцев.

Ротный и политрук слишком мягко со мной разговаривают. Правда, политрук не преминул меня сегодня пожурить за кружку, которая запылилась во время стрельбы ночной, за патроны Корнеева, что были разложены сверху окопа. Но... улыбаются мне, и ротный сказал политруку, что "Гельфанда надо в партию".

Приходом нового пополнения они весьма озадачены, тем более что в числе их имеются еще два еврея, о чем мне уже не раз

говорили политрук с ротным: "Из них один хорошо грамотный, а один хорошо роет окоп, хоть и еврей. Вы можете теперь вместе с грамотным выпускать боевой листок".

Однако, командир взвода и старший сержант со мной резки и надменны. Сейчас вновь послали меня на наблюдательный пункт. Я попросил разрешения сложить вещи и приготовиться к пути, но командир взвода сказал "Немедленно на наблюдательный пункт! Я приказываю! И будете стоять допоздна!".

А Горшков совсем не стоял сегодня. Он выдумал моду ставить вместо себя бойцов, заявляя: "Я специально для этого выучил человека. Научи его так, как я - тогда и ты сможешь ставить за себя. Он у меня сержантом будет!", и ему потворствуют в этом деле. Вот что обидно.

Кукайло еще здесь, и теперь он командир отделения. "Надо мной теперь стали так издеваться, как раньше над тобой" - заявил он мне сегодня.

Книги мои и вещи, оказывается, есть где-то в роте вместе с нижним бельем. Компас у политрука, он оказывается "выпал" и политрук его поднял. Чернила, думаю, там же, мыла они не видели, а спички (три коробки) видели у политрука в сумке.

Относительно международного положения политруку тоже ничего сейчас не известно. Число он сказал мне. Писем не писал сегодня, адрес теперь у нас другой, еще не знаю его.

Сегодня нам сказали, чтоб у каждого был листок бумаги с адресом и фамилией.

13.10.1942

Давно не писал. А за это время столько событий!

В часть нашу пришло новое пополнение. Среди них сержанты и старшие сержанты. Старшего сержанта поставили нам командиром взвода, Скоробогатова командиром отделения. Старший сержант слишком придирчив и неприятен. С ним мы не ладим, хотя внешне стараюсь с ним не иметь ничего общего. Лейтенант тоже криклив. Дело дошло до того, что сегодня они поставили меня третьим номером, сняв с командиров отделения. Недаром ко мне в суп заскочила лягушка этой ночью, я укусил ее посередине и чуть было не съел.

От папы получил письмо. Все родные за исключением его остались в Ессентуках. Он в Дербенте. От мамы получил два письма. Дядя Люся не в армии, а вместе с ней. От тети Ани четыре письма. Сегодня же написал письма маме, одно письмо Сане, два папе, два тете Ане, два Оле, одно Майе Б.

Вчера приняли кандидатом в члены ВКП(б). Политрук славный человек. Хорошо отнесся ко мне, поддерживал во время приема. В моей боевой характеристике он написал, что я

уничтожил 90 немецких солдат и автомашину с солдатами противника.

Сейчас новый командир послал всех за бревнами для накрытия строящегося блиндажа. Я остался, отговорившись тем, что дежурил.

Вчера получил письмо от Майи Белокопытовой. Ответил ей двумя открытками. Маме отправил 700 рублей. Уже совсем темно. Мне надо идти на пост.

22.10.1942

Теперь я третий номер в расчете. Было так: однажды, при проверке знаний миномета у личного состава нашего взвода, я не ответил на один вопрос. Все бойцы моего расчета ответили на отлично, а я ведь их обучал. Старший сержант сказал, что я не работаю с расчетом и что заставляю заниматься с бойцами Ягупова.

Вечером всех командиров собрали и командир взвода объявил, что я отстраняюсь от командования расчетом, а на мое место назначается сержант Абдулкадыров, который был самым отстающим в расчете Лайко. Меня перевели к Лайко. А на другой день политрук сказал, что я назначаюсь замполитом. Я страшно обрадовался, хотя политрук сказал, что должность политрука отменяется и, следовательно, непрочна теперь и должность замполита. Не сегодня-завтра и ее могут отменить, если не переименуют.

Но вскоре я убедился, что любая должность без звания ровно ничего не значит.

Теперь я ежедневно стою на посту по три часа, а сегодня даже четыре с половиной, потому, что дежурный проспал и не сменил вовремя часовых. Дежурным был Лайко.

В расчете меня называют Гельфандом, а Храмошин, издеваясь надо мной, зло везде и всюду, стараясь унизить меня и авторитет мой, называет меня "жидовский замполит".

Плохо стало мне теперь. Книги мои Лайко рвет и жжет на огне, вещи выбрасывает. Даже то, что я под голову положил - материалы, часто необходимые для бесед и читок - тоже подверглось частичному уничтожению. Теперь я сам себе не хозяин и у меня прибавилось начальства, все бойцы стали ко мне относиться без уважения, как раньше.

Так, сегодня, например, я проводил читку. Один из бойцов, по фамилии Байрамашвили, несколько раз подымался во время пауз и нетерпеливо спрашивал "это все?" - собираясь уходить. Я сказал ему, что объявлю когда закончу, но это не помешало ему повторять свои фокусы. Тогда я сказал, что после беседы все уйдут, а он останется и я с ним прочту всю газету от начала до

конца. Приказания моего он не выполнил, и когда все стали уходить, он вышел тоже. Я сказал, чтоб он доложил командиру роты, что он не выполнил моего приказания, но и этого он не сделал. Тогда я доложил старшему сержанту Скоробогатому об этом бойце. Скоробогатов - командир расчета, где Байрамашвили служит третьим номером. Тут же присутствовал лейтенант, который возмутился, что я не послал Байрамашвили к нему, а направил сразу к командиру роты, и - отменил мой приказ. Вот так!

Писем стал я получать много. Получил за время пребывания в этой дивизии два письма от тети Ани, четыре от Оли, два от мамы, одно от папы и одно от Майи Б. Ответил Майе и Оле, много написал маме и папе.

Пришлось мне раз подежурить на кухне в хозвзводе, как замполиту. Там не знали, конечно, о моем положении и отнеслись ко мне хорошо. Капитан хозвзвода угостил меня отличной кашей с маслом, которую варили для него и для старшин. В этот день я отъелся за все предыдущие и отдохнул от ежедневных постов, на которых мне приходится теперь бывать.

К великому моему сожалению, минометного батальона теперь уже не существует. Его разбили по стрелковым батальонам, а вместе с ним и хозвзвод. Теперь мы в составе второго стрелкового батальона, и получаем пищу оттуда.

Сейчас думаю ответить Майе Б. и написать родным по письму, а то уже темнеет. Боевые листки у меня выходят очень редко, что является предметом придирок Храмошина.

Только что был политрук и сказал, что меня хотят поставить командиром расчета в третьем взводе. Это облегчит условия моей работы.

23.10.1942

Эту ночь смотрел за работами по отрывке наблюдательного пункта и ходов сообщений. Спать ночью не пришлось. А вчера тоже целый день копал, в то время как бойцы расчета во главе с командиром и ночью спали (даже на часах не стояли) и днем вчера не работали. Теперь у меня одним командиром больше и он посылает меня и четвертый номер бойца куда потяжелей на работу.

Сегодня впервые в жизни пил водку, сразу двести грамм ухлопал. Закусил последним кусочком хлеба, так что остаток дня я без хлеба. Водка немного вскружила голову, но пьян я не был, хотя политрук с лейтенантом смеялись, говорили, что больше пятидесяти грамм они мне не дадут (они не знали, что я двойную норму выпил).

В роте теперь у нас три взвода 82 мм. Третий взвод 50 мм.

минометов передали стрелкам. Младшего лейтенанта Кизарева тоже туда отправили, а сюда прислали Голикова.

Ночью я походил по передовой, забрался на позиции противника. Дошел туда - там трупы, по виду - румынов.

XX.10.1942

Сегодня получили наши вещи со старых позиций. Я, кстати, давно не писал, с самого ухода из нашей роты, о чем даже дневнику моему ничего не известно. Сейчас я на посту - на наблюдательном пункте. Расскажу после.

21.12.1942 Ленинск.

Сегодня второй день как я переезжаю из одного госпиталя в другой с панарицием большого пальца правой руки. Думаю, что пока мы прибудем на место, я буду совершенно здоров. Сегодня решился взглянуть при перевязке на палец - он страшно изуродован - лишен ногтя.

Санчасть полка.

29.12.1942

Сегодня 9 дней как я езжу со своим панарицием большого пальца. Уже доехал почти до Саратова и не знаю сколько еще буду ездить. Рана моя, очевидно, уже зажила - я не чувствую такой боли как раньше, жаль только правая рука пишет иероглифами, которых могут испугаться ***

Какие мерзавцы имеются, какие бешеные антисемиты. Кроме того, трудно жить нам здесь, в безобразнейших условиях нашего госпиталя. Завтрак, например, получаем мы часов в 6-7 (скажу, не преувеличивая) вечера. В 5 часов утра должен быть ужин, но его не получаем вовсе. Причем пища жидкая вода одна с манкой вперемешку, да и то три черпачка всего. Хлеба - 600 грамм, масла - 20 грамм и 40 сахара.

Много других ужасающих неполадков, но люди (не все, правда) во всем обвиняют евреев, открыто обзывают всех нас жидами. Мне больше всех достается, хотя я, безусловно, ни в чем тут не виноват. На мне вымещают они свою злобу и обидно кричат мне "жид" и никогда не дают мне слова вымолвить или сделать кому-либо замечание, когда они сорят и гадят у меня на постели.

Сейчас здесь был политрук, тоже еврей. Он серьезно разговаривал со всеми, все со всем соглашались, но как только он ушел - посыпали в его адрес и в адрес всех евреев ужасные оскорбления. Гнев душит меня. Но сейчас стемнело и я не могу много писать, тем более что один из этих мерзавцев, что надо мной лежит, сыплет мне на голову всякий мусор, приходится отодвигаться на край нар.

В перевязочной мне сказали (сестра) что я пролежу здесь,

вероятно, месяца полтора, но я не верю.

Позавчера я написал письмо маме. Вчера маме, папе и в Магнитогорск Оле. Им я писал, что пробуду здесь не больше 10 дней, но не знаю, как оно будет в действительности.

1943

25.01.1943

Вот уже полтора месяца минуло с тех пор как я попал в санбат и расстался со своими, к счастью. К моменту моего выбытия из части положение мое там стало крайне шатким и неприятным.

В то время, когда большинство старых бойцов и командиров получали медали "За отвагу" и "За боевые заслуги" (нисколько ни того, ни другого не проявившие), я заболел с пальцем. Меня стали обвинять, главным образом Зиновкин, в нежелании работать, в боязни холода, в лени, и даже в умышленной симуляции болезни. Ничем нельзя было доказать ему обратное, что я всеми силами стремлюсь преодолеть свое нынешнее состояние и работать по-прежнему.

Темно, завтра об этом продолжу.

Сегодня узнал, что наши войска заняли Старобельск на Украине и уже дошли до Безопасной и Красной Поляны на Северном Кавказе, а вчера овладели Армавиром. С каким волнением я раскрываю карту и отмечаю на ней нами отвоеванные города. Когда началось наступление на Северном Кавказе, я еще был на передовой. Алагир и Котляровская - стали первыми нашими завоеваниями. С тех пор я с жадностью жду освобождения Ессентуков, Пятигорска, Кисловодска - моей второй Родины. Только что Совинформбюро принесло радостную весть о взятии Красной Армией Моздока, Нальчика и, наконец, Минвод, Георгиевска, Пятигорска, Кисловодска. И только на следующий день после сообщений о Пятигорске и других городах я узнал, что освобождены дорогие и милые мои Ессентуки, которые, по всей вероятности, так и остались мне родными. Теперь меня не покидает мысль, что они свободны.

С первых же дней освобождения Ессентуков я послал туда несколько писем, а также письма в Дербент, в которых поздравил папу с этим знаменательным для нас обоих событием. Впрочем, папе я писал еще и до освобождения Ессентуков, поздравлял его с предосвобождением их, но ни от кого я по сей день ответа не имею. В Зимовниках, Мартыновке, Кутейниково и Котельниково я побывал еще во время злополучного выхода из окружения, так что их освобождение было особенно приятно мне. В Армавире же я был только раз, когда ехал в часть в Майкопе.

Маме вчера добыл справку, что я действительно находился в

госпитале. В штабе ее обещали сами отправить по назначению.

26.01.1943

Не до писания. Узнал о страшной неблагодарности, которую встретила моя доверчивость.

27.01.1943

Когда я шел в этот госпиталь со станции, путь мой лежал через село Миловка, единственное впереди всей остальной группы прилежащих к нему деревень, немецких Шанталь, Шанфельд.

В одной самой крайней хатенке по направлению к селу Шанфельд я встретил человека, который тоже был ранен и находился там на излечении. Я обрадовался: теперь я мог с ним вместе отправиться в село и безо всяких блужданий попасть на место. Со мной было две сумки: одна кожаная, румынская - трофей, и другая сухарная, выданная на фронте. В одной были дневники и портреты некоторых писателей, в другой, сухарной - книги, бумага, чернила и прочее.

Пришли в село. Он привел меня в дом к своей знакомой. Мне надо было выйти и я, оставив сумки, на минуту покинул хату. Когда я вернулся - мой новый товарищ вдруг засобирался, и мы отправились в дорогу. По пути он предложил мне поселиться с ним в одной палате. Это был очень симпатичный человек, с первого взгляда располагающий к себе. Он много рассказывал об условиях в госпитале, о плохом питании там и о причинах его частых (он не раз ходил к Михай) посещений села: "Жить сейчас трудно, голодно, и я решил подыскать себе невесту, способную поддержать меня на время моей жизни в госпитале". Это было несправедливо, но в его устах выглядело вполне естественно и казалось, иначе и нельзя было в его положении на его месте поступить. Я верил и доверял каждому его слову.

Когда мы стали подходить к госпиталю, он вдруг мне предложил: "Знаешь, когда придешь в госпиталь, тебя накормят и сразу поведут в баню. В бане всегда крадут вещи, причем это делают сами рабочие из ранее больных, дежурящие там. Поэтому я советую оставить все у меня, а самому пойти скупаться, затем, даже если тебя не направят в четвертый корпус - прийти и лечь в третью палату, со мной рядом". Я засомневался - вдруг обманет? Но он меня успокоил тем, что показал палату, место свое, и назвал свою фамилию Мизонов.

После бани, в которой, кстати, никаких пропаж не произошло, я пришел в палату, которую мне прежде показывал Мизонов и лег на соседних с ним нарах. Документы свои я не решился оставить в палате Мизонову и на время своего купания, передал на хранение сестре, которая мне их возвратила в полной

сохранности.

То обстоятельство, что Мизонов часто отлучается в село, радовало меня я мог им передавать кое-какие вещи для обмена на хлеб. Я дал в первую же его отлучку для обмена мыло, сахар и кое-что из личных вещей. Но когда он принес всего кусочек хлеба, грамм на 300-400, в обмен на все, я решил больше ничего ему не давать. В другой раз он, одевшись во все мое (как и в первую свою ходку, уже при мне): ботинки, фуфайку, шапку, обмотки, и даже портянки - у него нет ничего этого - мне поручил получить на него обед. Соседи советовали мне съесть его хлеб обеденный, мотивируя его долгом передо мной за то, что я даю одежду свою, но я не решился на это - захочет - сам даст.

Пришел он поздно вечером. Принес много хлеба - на сахар и мыло он опять наменял, по кусочку раздав бойцам. Себе он оставил буханку хлеба, несколько пышек, несколько пирожков и много прочих лакомств. Кусочек не более 100 грамм он дал мне. Вот тогда-то я и пожалел, что не съел его 400 грамм от обеда. Позже он уже не брал у меня ботинок (может быть, неловко было) говорил, что тесны они на него и в них холодно. Но фуфайку и все остальное, он почти не снимал с себя. Я продолжал свое - уважительно относился к нему.

Палата действительно оказалась хорошей. Антисемитов почти не было здесь и я, за исключением нескольких случаев, забылся. Только почему-то у меня стали пропадать открытки. Пропала замечательная открытка, окаймленная украинскими рушниками, с Шевченко. Пропала книга классики марксизма-ленинизма, пропало несколько журналов. Это ребята выкрали на курение - думал я, и стал лучше прятать и закрывать. Но и это не помогло.

Обед, ужин и завтрак я всегда приносил Мизонову в палату, ибо ему не в чем было ходить в столовую. Когда я обнаружил еще ряд пропаж - я стал давать свои сумки на хранение Мизонову. Теперь я был уверен, что все-то будет в сохранности и, даже когда через несколько дней не нашел в сумке двух булавок английских, пуговицу и два конверта - решил, что их сам где-то положил или затаскал. И вдруг, за несколько дней перед самым моим отъездом в Карпенку, когда я ходил за справкой в Шанталь для мамы, обнаружил, вернувшись, свою газету у Мизонова. Он разорвал ее пополам, поделив половины между собой и Степановым (тот в этот день был дежурным по кухне). Кроме того, он дал Степанову полпачки табака, что мы получили вдвоем - за что тот его целый день кормил до отказу. Мне же, несмотря на то, что я таскал ему пищу, что табак и газета были моими, Мизонов, явно не чувствуя угрызений совести, еды не предложил. А приносил я ему по

полному котелку супа, полные банки каши, часто раза в три-четыре больше нормы. Лишь к вечеру, когда он был снова на кухне, нажрался там до отвала - принес мне двойную порцию, и то по указанию Степанова.

После истории с газетой я впервые стал не доверять ему. Я стал носить с собой кожаную сумку, а сухарную перепоручал хранить другим.

В один из обходов врачей я оставил сумку на верхних нарах. Гляжу - и Мизонов мой слез на обход - этого еще не бывало. С нар впервые слезли все Мизонов подействовал примером. Но лишь только врач приступил к обходу Мизонов вновь полез на нары. Это бросилось в глаза, и я стал думать о причинах его маневров, предположив, что он хочет избегнуть осмотра тем, что опять полез наверх. Но ведь он уже давно был выписан и нахождение его здесь мотивировалось только отсутствием обуви. В то же время я стал беспокоиться об оставленных мною вещах - госпиталь доживал последние дни и было много краж, я мог лишиться всего. Залез к себе наверх, осмотрел сумки - все в порядке. Пошел за информбюро и на перевязку. Вернулся - заглянул в сумку нет папирос, вместо них пустая коробка, набитая ватой. В этот день я перевязку больше не делал. Пошел в палату с намерением найти вора.

Вором был Мизонов. Папиросы он мне вернул сам, на основании многих улик - Степанов сказал даже в каком кармане они у него, так как Мизонов его угощал. Поймал я его во время обеда. Я не пошел на обед и, после разговора с глазу на глаз, потребовал под угрозой скандала возвращения их. Он долго отрицал свое воровство, но припертый к стенке возвратил папиросы. Украденные открытки он употребил на карты (на них еще были надписи "Вовочке", "Привет Вове из Ессентуков" и "На память от тети Ани". Даже пуговицы ***

31.01.1943

Сегодня написал семь писем - удовлетворил потребность свою. Маме, папе, Оле, в Ессентуки, в роту свою, тете Ане до востребования в Молотов, д. Жоржу на завод в Астрахань - их обоих очевидно уже нет там, на квартире, кончилось мое счастье.

Сюда привели еще трех человек, нерусских. Я даже не знаю, какой они нации. Они все страшно нахальны. Везде лазят. Один при мне, якобы рассматривая сумку, сунулся смотреть ее содержимое. Я хотел отнять у него сумку и перелил чернила. Сейчас один ушел. Двое разговаривают не по-русски. Один рассказывает, а другой все время гортанно вскликивает. Нервы не выдерживают писать. Прекращу.

01.02.1943

Встал сегодня рано, но успел только к концу последних известий.

Наши войска взяли в плен 16 генералов, много полковников и пять тысяч пленных солдат и офицеров. В районе Сталинграда, как показали пленные генералы, было не 220, а 330 тысяч человек. Тем большая заслуга Красной Армии на остальных участках фронта. Наши войска продолжают успешно наступать в районе Воронежа - заняли свыше 40 населенных пунктов, две железнодорожные станции. На Северном Кавказе заняли станцию и город Белореченский. Когда я ехал еще в Майкоп, я помню, что мы долго стояли на этой станции, ибо, как нам сказали - это последняя станция на линии Туапсе - Армавир. А на Майкоп отсюда идет отдельная линия. Так оно и было.

Теперь, не найдя на своей карте, я долго думал об этом знакомом мне названии и, только найдя ее на большой карте в госпитале, вспомнил об этом ***

02.02.1943

По-прежнему нахожусь на квартире. Нас разбили по взводам, в зависимости от местожительства, но это до сих пор ни в чем не улучшило своевременной и без толкотни раздачи пищи. Два раза на день при 800 граммах хлеба мы получаем по полмиски жидкости, называемой здесь супом. Это все.

Рана не заживает сейчас и напротив начинает сильнее болеть. Перевязку не делал с 28 числа. Лечения никакого. Мозоль и отмороженные пальцы беспокоят ужасно.

Радио встал рано слушать но, придя в сельсовет, узнал, что передача уже закончилась. Политрук сказал, что наши войска взяли Сватово и Лабинск.

Целый день читал историю ВКП(б) и материалы сессии Верховного Совета СССР. Многое из этого мне знакомо, кое-что и нет. Развиваю свой политический кругозор.

Дня два назад прочел "Гекльберри Финна" Марк Твена.

Писем не писал, стихов тоже.

03.02.1943

На палец наложили гипс, но он вновь нагноился так, что все проступило, присохло и трудно было бинт оторвать от пальца. Гипс положен был на 10 дней, по объяснениям сестры для покоя пальцу. Сейчас будут делать то же самое вновь.

Сегодня сообщили по радио о полном освобождении Сталинграда от немцев и ликвидации последнего оплота фашистов - группы, включавшей 4 генерала, 2500 офицеров, 91 тысячу солдат, а также огромное количество имущества ***

Сегодня на квартире один из бойцов - татарин, украл хлеб у хозяйки. Та поймала его на месте преступления. Вечером я

обнаружил пропажу у себя железной ложки.

04.02.1943

Хозяйка выгнала вора-бойца. Нас осталось 3. Утром встал как всегда рано. Всю ночь не смог заснуть и только ворочался на боку. На дворе было еще темно. Стал умываться. На горизонте слегка занялось красно-синим румянцем солнце, пророча ясную погоду.

На передачу не опоздал - даже пришел раньше на пол часа. Ровно в 7 часов по московскому и в 8 по местному началась трансляция последних известий, из которых узнал, что наши войска взяли Купянск, Красный Лиман, Рубежную и Пролетарскую на Украине. Я нашел у себя на ***

15.02.1943

Сегодня, наконец, были взяты долгожданные Ростов и Ворошиловград. Известие поистине ошеломляющее, тем более, что оба города взяты в один день. Радость всеобщая.

Утром к радио опоздал. Всю ночь, не переставая ни на секунду и перебивая мне сон, болел правый висок. Наутро встал поздно, хотя и не спал, все надеялся на прекращение боли но, не дождавшись, так и ушел с головной болью. Узнал об освобождении Ростова, Ворошиловграда и Красных Сулин от других. Районных центров никаких, но и на этом достаточно.

Татарин, что со мной в квартире, смешит своей глупостью и невежеством. Он говорит, что Ростов больше Донбасса, что в Донбасс приезжают люди на три года поработать и затем разъезжаются и поэтому население Донбасса малочисленно. Ругает нашу власть совместно с кулацки настроенной хозяйкой дома. Хозяин, хотя и глуховат, но всегда принимает мою сторону. Хозяйка, наконец, начинает оправдываться: "Против Советской власти мы не против, если б не было такого мошенства, а мы привычны до всякой власти". А ведь муж ее и зять - члены партии, и муж - бывший председатель колхоза. У дочери ее погиб на войне муж - она ругает и обвиняет во всем Ленина и Сталина.

17.02.1943

Вчера мы втроем сговорились и, когда хозяйка ушла, набрали себе по карману семечек. Так она все равно не дает, хотя целый день они (хозяева) грызут, и, несмотря что мы отдали им все свои конфеты - по 7 штук - грызут сами.

Сегодня нашими войсками взят Харьков. Эта победа взволновала и обрадовала всех. Меня даже больше всех.

Поэму "Сталинградская эпопея" не смог много продолжить. Во-первых, читал сборник "Сталин" за 39 год, посвященный 60-летию нашего вождя, во-вторых, пытался написать стихотворение, посвященное освобождению Харькова, но ребята мешали -

отставил. Вечерком взялся за поэму, но написал только три четверостишья - мне хозяйка сплетничала ***

19.02.1943

Сегодня меня выписали в часть, но когда я спросил, уеду ли я отсюда раньше 23 числа, врачи, посоветовавшись, решили меня оставить до вечера 23, ибо я должен буду выступать со стихами.

Письма написал сегодня маме, папе и родным в Ессентуки. Прочел комедию Щедрина "Соглашение".

Днем Горчин прочел мне письмо сестры-хозяйки, которая пишет о нас "квартиранты, и их обуздаем". Это из-за кусочка хлеба, который тот боец искал, но так и не нашел.

Палец на ноге болит ужасно. Резали до крови, но так и не вырезали окончательно.

23.02.1943

Сегодня день Красной Армии. Здесь я доживаю последний день. Будет вечер - я выступлю со стихами. Помощник начальника госпиталя - устроитель вечера, сказал: "Будете читать, пока не устанут слушатели. Все стихи неплохи".

24.02.1943

Контора госпиталя. После чтения стихов на вечере одна девушка из Гомеля (фамилию и имя я еще не решаюсь спросить у нее), подозвала меня к себе и долго восторгалась моими стихами. Польщенный и обрадованный, я, в свою очередь, выразил ей свою признательность и обещал подарить на память несколько стихов.

Сейчас, когда я переписываю для нее стихи, она подошла и попросила написать и о Тамаре... я понял ее намек и ответил, что возможно, если я здесь еще пробуду, то напишу и о ней для нее. Ее имени до сих пор не знаю (ей мое уже знакомо). Она молода, училась на первом курсе института, но не успела окончить - война.

27.02.1943

Сегодня разругался с хозяйкой - высказал откровенно ей все, что о ней думал. Она ругалась как никогда еще нецензурно, ругала "еврейню, що посідала на наші шиї", ругала Советскую власть, потом побила жестоко внука своего Кольку, называя его "советский выводок", "советская блядь", и все время кричала "сволочи, вас научат еще жиды" и т.д.

Он ее называл "германской фашисткой" и прочее, отчасти будучи прав в своих эпитетах. Подробней о нашей ссоре я напишу, когда позволит время.

В итоге, обругав меня по последнему слову матерщины, она сказала, чтоб я уходил туда-то и туда-то (повторение всего, или хотя бы части сказанного недопустимо). И, хотя она пообещала запереть дверь и не впускать меня - я не уйду (как это сделал

невинно обвиненный ею в воровстве) товарищ, пока меня не выпишут, а это будет завтра, очевидно...

01.03.1943

Село Логиновка.

Сегодня я с 10 утра двинул из госпиталя в Красный Кут, имея при себе запас продовольствия (600 грамм крупы, 250 голландского сыра, 50 грамм бараньего сала и 4 килограмма хлеба) на пять дней и письмо одной сотрудницы госпиталя своей сестре в Красный Кут, где я надеюсь переночевать.

Вчера я неожиданно узнал, что сегодня первое. Я думал, что в том месяце будут еще 29 и 30 числа.

Итак, я отправился в путь 1 Марта, когда мне исполнилось 20 лет.

Мне выдали две справки. Одна о том, что я не получал денег в госпиталях (за два месяца) и справка о ранении (с дополнением, что я, как раненный на Сталинградском фронте, имею право на получение отличительного значка для раненных). Выдали мне также новую и хорошую фуфайку с воротничком. Старую я продал за 500 рублей и пол фунта сливочного масла. Выдали портянки теплые. Нижнее белье осталось мое.

По дороге, не доходя до Логиновки (сюда от Карпенки 18 километров) у меня закружилась голова, стало мигать в глазах, потемнело, и заболела голова. Только в самом селе судорога (так я это назвал) прекратилась, но голова болит и сейчас.

Так неважно проходит мой день двадцатилетия. Плюс к этому треть хлеба и почти все другие запасы съел уже. Со мной по одному направлению и с продаттестатом на двоих, старший сержант Горжий. Он трижды ранен, родом из Перещепино, Днепропетровской области, на Украине.

06.03.1943

Три с половиной дня провел я в Красном Куте. Ночевал у сестры-сотрудницы Кархенского госпиталя. Спал на полу. Временами было холодно, но тепло по сравнению с тем, что перетерпел я за время моих скитаний. Горжий, который получил аттестат и направление на свое имя, пользуется этим, управляет мною, хозяйничает над общим пайком. Жалею теперь, что разрешил ему получить документы на нас двоих, а не отдельно каждому.

В первый же день пребывания в Красном Куте посетил редакцию районной газеты "Сталинский путь" с намерением напечатать там свои стихи, но редактор сказал, что в настоящее время они ничего кроме сводок Совинформбюро не печатают.

Узнал там свежую сводку об успехах наших войск, а еще я узнал из разговора с сотрудником редакции, что в Красном Куте

живет и преподает на курсах военных комиссаров (замполитов) Лев Израилевич Гладов. Эта весть обрадовала меня и я решил во что бы то ни стало разыскать его, тем более что я был занят мыслью о поездке в Москву, сопряженной с трудностями и риском большим. Поэтому хотелось посоветоваться с Гладовым.

Директор школы ? 80, в которой я учился, автор ряда статей на исторические темы, печатавшихся в днепропетровских газетах, хорошо знавший меня лично был мне особо необходим как советчик и консультант, так как занимал немалый военный пост и чин.

Он работал в высоком двухэтажном здании, но я долго блудил, пока до него добрался. Сначала я попал в роддом, затем в райисполком и лишь после этого - в здание военно-воздушной школы, курсанты которой показали на дом за базаром и церковью - там находились курсы.

По дороге я встретил двух женщин, которые мне даже адрес его домашний сказали.

К редкой для меня удаче я застал его дома. Он сразу узнал меня и обрадовался. В петличках у него по три кубика - звание старший лейтенант. Он много расспрашивал обо всем, изумлялся как я его нашел и добрался до него. Я сказал, что мне его отрекомендовали как редактора крупной Днепропетровской газеты. Он пытался оправдаться и говорил, что даже не имеет понятия, откуда в редакции взяли это. Спрашивал о родителях. Удивился, когда узнал, что они разошлись. Интересовался, когда я выехал из города и кого из литераторов и высоких лиц города я видел в последние дни перед эвакуацией из Днепропетровска.

Я назвал только Циммерманн, ибо больше никого не помнил. Он с сожалением сообщил, что у Циммермана были больные дети и ему нельзя было уехать.

09.03.1943

Вчера, наконец, добрался до Сталинграда. Поезд вез очень быстро и мы менее чем за трое суток доехали сюда. Поезд завез до самого знаменитого города, где только недавно закончились бои таким славным успехом наших войск и таким бесславным поражением немецких (каких еще не знала история).

Километра три пришлось идти пешком. Только перейдя Волгу мы сумели сесть в машину, на которой и приехали в город. По дороге видели страшную картину разрушений на окраинах города. Скалы, что круто спускались к Волге и все Сталинградское побережье великой реки русской, были усеяны множеством блиндажей, обломками техники и вооружения противника. Между двух скал, близких друг к другу своими остроконечными вершинами, лежал огромный, разбившийся о

них немецкий самолет со свастикой. Сгоревшие подбитые и искореженные танки, танкетки, автомашины, орудия, в том числе самоходные пушки, пулеметы, пара наших "Катюш", масса железного лома и человеческих трупов.

Трупы, между прочим, почти все собраны и погребены. Однако, на всем пути к Сталинграду и в самом городе нам встречалось еще много трупов, собранные в кучи и еще не собранные, одетые и с оголенными задницами. Дети и женщины, кое-где попадавшиеся нам, тянули куда-то зацепленные железными рогачами полуистлевшие *** человеческое происхождение. Кругом кипела работа по восстановлению разрушенных мостов *** от огромнейшего тракторного завода остались одни обломки, полуобвалившиеся трубы и стены от близлежащих зданий, причем некоторые держались на тонких основаниях огромными кусками, которые, казалось, вот-вот обвалятся при малейшем колебании даже ветра.

Еще более страшную картину разрушений и смерти мы встретили в городе. В центре его. Огромные многоэтажные здания были полускелетами, не сохранившими нисколько былой своей прелести довоенного периода. Улицы, поражавшие своим великолепием до прихода сюда немцев, теперь были изрыты и изуродованы ямами *** Особенно меня поразила картина разрушения одного здания, у входа которого живописно красовались два льва. Теперь одного вовсе не было, а другой был разбит снарядами и вырисовывавшийся из-под отбитой оболочки гипса красный кирпич создавал впечатление крови на белом теле израненного зверя.

От многих зданий остался один след: кровати, чайники, самовары, обломки кирпича и прочее. Несколько зданий каким-то чудом сохранились и теперь дымили своими квадратными коробками. Это немного оживляло картину мертвого города, бывшего ранее таким огромным и суетливо-живым. Впрочем, город не совсем умер. В нем уже вновь начинало биться сердце советской власти. Здание Воропаевского райкома ВКП(б) и ВЛКСМ вполовину разрушенное, дымило из окон ***

Где-то за городом слышались частые взрывы. Это подрывали минные поля наши саперы.

По городу - группы военнопленных, грязные и жалкие на вид - немцы и румыны возили на колясках и телегах разные грузы. За ними ходил одиночный конвой. Под развалинами зданий валялись намокшие книги наших классиков, немецкие книги, одежда, щетки всякие, вазелин и прочее. В одном месте я нашел два куска мыла - оно не растаяло и сохранилось. В другом - атлас на немецком языке, в котором отсутствовал (был

вырван) СССР.

Горжий все старался уйти от меня, не давал останавливаться; не дал походить по городу, лишил возможности больше увидеть и узнать. Однако и то, что мне удалось увидеть, не всякому дано. Был бы я один - остался здесь на пару дней и собрался бы огромный материал о настоящем падении Сталинграда особенно с рассказов очевидцев. Но он все торопил, крутил мною, пользуясь аттестатом и направлением, что выданы по моему соглашению на его имя.

Проходя по городу, мы встретили патруль из двух человек. Оба молодые бойцы, они рассказали о последних боях в городе, участниками которых были. Их дивизия выловила последние остатки немецкой армии и пленила фельдмаршала Паулюса. Один из красноармейцев указал мне на огромный многоэтажный, оскелетившийся дом, в подвале которого был пленен главнокомандующий 6 армией Паулюс. Другой рассказал о трофеях, которые кучами захватывали наши бойцы, также личные вещи. В подтверждение оба показали свои руки, увенчанные великолепными немецкими часиками. Зажигалки, ножики, шоколад, - всем этим вдоволь насытились наши воины. Целые тюки с шоколадом и продовольствием отбирались у немцев. Запросто снимали и вешали себе на плечи все понравившееся. Часы и любое желаемое снимали, указывая "абы на кого". Полковники были очень заносчивы даже в час их пленения, а фельдмаршал Паулюс не хотел вести переговоры с лейтенантом и требовал, чтобы с ним говорило лицо повыше, позначительнее. На прощание они мне подарили румынскую складную ложку-вилку***. Ее нужно будет почистить, ибо она заржавела. Теперь у меня есть ложка взамен украденной в госпитале из шинели, когда я ходил на перевязку.

Мирные жители в Сталинграде еще не живут, но уже ходят по городу, что-то возят, таскают в мешках и кошелках (женщины и мальчишки). Они живут по окраинам города.

Трамваи не ходят - разрушены электростанции и разворочена местами линия. Пригородный ходит, но редко. Дальнего следования курсирует регулярно. В городе много военных - все гвардейцы. Есть надежда, что меня направят ***

Через пару часов мне удалось сесть на машину, которая довезла нас до Бекетовки. В дороге нам попадались сотни пленных, определенные уже в лагеря, где они работали. Но только раз человек сто военнопленных вел крупный конвой (ранее встречались один - два конвойных на группу, теперь человек пятнадцать). Это были, несомненно, отборные головорезы - на погонах у них было по два кубика и прочие

отличительные знаки. Все они были хорошо одеты, некоторые были в очках. Проезжая мимо одного лагеря я увидел, как по нему бродила нарядно одетая немка в теплой черной шубе и шапке. Это очевидно немецкая переводчица или медсестра или врач.

Из Бекетовки (она почти не разрушена) я пошел пешком по ***

Еду на Котельниково. Продовольствие кончилось и привелось менять табак (грамм 80) на три сухарика. Я их съел, но еще голоден. Спал на вокзале, на холодном каменном полу, как и все другие бойцы, так, что пройти нельзя было - тесно. Лежали буквально один на другом. Ночью проверяли документы два лейтенанта НКВД. Всю ночь лежал с закрытыми глазами и чесался остервенело. Вши, величиной с жуков, ели меня беспощадно, не давая покоя.

Они и сейчас объедают меня всего, пьют кровь - от них не избавишься. Какое мучение - бессонница мучает, но вши еще больше. Я закусываю до крови губы от нетерпения и боли - чесаться и искать вшей в вагоне на публике неудобно.

За три дня я покрыл расстояние от Красного Кута до Сталинграда, а совсем недавно проезжал уже станцию Авгонерова. В Красном Куте долго пришлось проторчать в ожидании поезда.

По адресу одной из сотрудниц госпиталя (родом из Бесарабии) и по нации еврейки, которая часто рассказывала мне о своей жизни и о тяжести своего положения и которая попросила доставить в Красный Кут ее письмо сестре, мне удалось поселиться на квартиру. Хозяйка дома, где я прожил несколько дней преподаватель иностранных языков, переводчица. В Бухаресте служила при советском посольстве, преподавая иностранные языки. И, таким образом, научилась свободно говорить по-русски. Сейчас она не работает. Муж ее зубной врач, коммунист. Очень оригинальный тип румынского коммуниста. Из интеллигенции. Он много рассказывал о своей работе, в частности о литературной работе среди солдат в армии, где служит год. Интеллигенцию, как и евреев (большинство интеллигенции было в Румынии евреи) не любили в армии, видя ее преимущество над собой, культурное и интеллектуальное; его заставляли голым ложиться на пол в казарме и прочее. Доктор мне рассказывал о методах своей борьбы с командованием армии.

Живут они, доктор и его семья (так рассказывала мне его жена) исключительно благодаря приношениям клиентов. Раньше они выгоняли всякого, кто приносил взятку или подачку, а теперь без этого жить нельзя: зарплата и паек маленькие.

Каждую ночь я отрывал по просьбе жены врача доску от соседнего забора и приносил на растопку. Горжий ничем не помогал и, однажды, даже привел к ним товарища в квартиру, с которым улеглись спать, совсем не спросив у хозяев разрешения.

11.03.1943

Вчерашняя сводка информбюро весьма опечалила всех. Восемь городов в Донбассе оставили наши войска. В том числе Краматорскую, Славянск, Лозовую, Павлоград и Красноград. Рухнули мои надежды на освобождение в этом месяце Днепропетровска. Что может дальше быть? Не отступление ли, как в прошлом году? А ведь я еду на фронт. И мне страшно не хочется опять, как и в прошлом году, отступать, выходить из окружения на расстояние в сотни километров. Особенно паршиво в этом случае раненным, которые не умея двигаться, обречены на гибель или плен.

На поезд здесь в Котельниково очень трудно попасть ***

Вчера утром бродил с Горжием по базару и городу. Базар представляет собой двух - трех теток с молоком (50 рублей литр) в окружении многих покупателей - красноармейцев. Один, не желая стоять, предложил 60 рублей за литр, другой 70. Так бойцы сами создают цены.

На вокзале Горжий решил *** кожу и умываться. Я предложил пойти поискать квартиру, но он отказался.

Учитывая сообщение коменданта о том, что поезд будет после обеда, я решил рискнуть и пошел сам в село искать квартиру. По пути, зайдя в парткабинет, узнал информацию.

В первом же доме, куда я направил свои стопы, мне разрешили остановиться.

Я сам принес воды, хозяйка подогрела, я умыл хорошо лицо и руки.

12.03.1943

Весна. Солнце весь день светит и пригревает. Сегодня впервые в нынешнем году, встречаю что-то похожее на весну. Отъехали только что из Куберле, где простояли вместе с нашим еще несколько эшелонов полсуток.

Вечереет. Думаю слезть на станции "Пролетарская". В Зимовниках вчера долго искал человека принимавшего меня у себя на три дня в прошлом году. Нашел на месте хаты и забора землянку. Хату разрушило. Хозяина нет призвали в армию. ФИО: Иван Максимович Еременко.

13.03.1943

Ночевали на станции Двойной. Здешние жители - казаки.

Сталинградцы, выгнанные оттуда в эти места немцами, говорили, что здесь плохие люди, что они не пускают даже на

квартиру переночевать. Но, к счастью, нам повезло. В первой же хате куда постучали приняли и разрешили переночевать. Хозяева - старик и старуха, угостили медом и кипятком. Спать положили на деревянной кровати. Было тепло и приятно. Насекомые не мучили я снял все с себя: и фуфайку, и шинель, и гимнастерку. Зато сейчас они опять дают о себе знать.

Утром встали рано, закусили пирожками и медом. Мед серый какой-то, со специфическим вкусом перца. Хозяйка рассказывала о немцах. Жили они здесь, как и в предыдущих селах, что я проезжал. Пятеро немцев. Старикам и старухам выдавали хлеб бесплатно. Молодежь заставляли работать. Жителей не убивали, хотя все что хотели - забирали. Бывало, румыны грабили. Особенно цыгане, имеющиеся тут в избытке, у них воровали. Стояли они у хозяйки один раз. Пришли, вырвали замок (было холодно). Но ничего в хате не трогали. Затопили имевшимися нарубленными дровами и легли спать. Хозяева застали их спящими.

За каждого убитого немца убивали сразу жителей - правых и неправых. Так что о партизанах здесь и не думали. Вблизи станции Двойная группа людей сговорившись, за издевательства, ранила выстрелом в ногу из револьвера одного немца. Весь поселок, в котором это произошло, фашисты сожгли дотла, а оставшихся без крова жителей погнали в Германию. Хорошо еще предупредили жителей выйти оттуда, а то бы все погибли. Евреев всех вывезли: расстреляли даже годовалых детей.

Утром был на базаре. Две женщины продавали яйца - 50 рублей десяток. Дорого (в Красном Куте, правда, 100 рублей десяток).

Пошел по хатам. Никто не хотел продать молока и яиц. Только одна женщина вызвалась продать молоко. Я предложил ей мыло, грамм 50. Она пекла хлеб - предложил портянки в обмен на буханку. Она дала еще и пышку к молоку. Тоже рассказывала о немцах. Она жена коммуниста. Ее вызывали на допросы, таскали по комендатурам. Больше русские. Их было много здесь, украинских и казачьих полков.

Проезжал также генерал Краснов. Немцы думали с его помощью организовать здесь былое казацкое кулачество - не вышло. У сестры *** бывший полковник, трижды орденоносец, коммунист, сдавшийся немцам в плен и бывший у них в услужении. Теперь он руководит полком русских изменников, перешедших на сторону врага. Ордена он носил в кармане. Он открыто показывал их обеим женщинам. Немцы его заслуг не отнимали. Он всегда доказывал этой жене коммуниста и политрука Красной Армии, а так-же ее сестре, что русские сюда

не придут, что победят немцы и прочее. Женщины спорили с ним, доказывая ему обратное.

Евреев и здесь уничтожили всех поголовно. Коммунистов брали на учет и расстреляли только самых ответственных. Остальных не успели. Расстреляли также одну пионервожатую и двух комсомольцев. Жены коммунистов работали без отдыха на оккупантов и получали лишь 200 грамм хлеба, но по словам этой гражданки, местные жители симпатизировали немцам. И, когда те оккупировали их территорию, стали выдавать евреев, коммунистов, и просто друг друга врагу. Староста выехал с гитлеровцами, убоявшись возмездия. Долго местная женщина рассказывала мне о немцах, о зверствах, чинимых ими на нашей земле.

Хлеб испекся. С великим удовольствием пробовал я домашний, горячий крестьянский хлеб.

Гудок паровоза прервал мои разговоры. Спрятав хлеб, поблагодарив хозяйку и распрощавшись я поспешил на поезд, который уже стоял у водокачки. Паровоз собрался напиться воды.

Когда поезд тронулся - перед взором моим опять пронеслись обширные поля сельских степей, усеянные сплошь побитыми танками, пушками, автомашинами и прочим ломом грозной вражеской техники, брошенной им при отступлении.

Вскоре показалась станция Пролетарская. На фоне бесконечных желтовато-серых полей она выделялась своими большими, когда-то красивыми зданиями. Подъезжая к станции, увидел здесь еще более страшные следы опустошительных разрушений, чем в прежде минуемых пунктах. От станции и от всех прилегающих к ней построек остался лишь страшный след обломков. В станице на улицах зияли колоссальной величины воронки от бомб весом не менее тонны. Все это больно сжимало сердце досадой и безудержным гневом на отвратительных и звероподобных людей-гитлеровцев, виновников всех этих бед и страданий нашего народа.

Здесь поезд остановился. Рядом стояли два эшелона, выехавшие из Зимовников раньше нас. Так что на быструю отправку в Сальск нечего было надеяться. Комендант сказал мне, что один из поездов уйдет через два часа. Я поверил и поспешил в село купить поесть.

Яиц не достал. В одном месте случилось натолкнуться на кислое молоко по 50 рублей за литр. Я взял поллитра за 25 рублей. Поел. Хозяйка налила еще поллитра, сладкого. Наелся донельзя. Вздулся живот и я решил дать передышку своему накормленному желудку - остался посидеть немного. Стал расспрашивать хозяйку о немцах.

Она охотно рассказывала. Было холодно. У нее их много стояло. Приходили группами и в одиночку, приказывали хозяевам сходить с постели и сами ложились спать туда. Хозяйничали в доме как могли, женщин при этом не стеснялись. К мужчинам были настороженны и подозрительны. Попадались и хорошие люди: они угощали детей конфетами, были вежливы, держали себя как гости, а не захватчики, не обманывались насчет перспектив своих и не обманывали других.

У хозяйки этой квартиры одно время (перед отступлением своим) стояло несколько немцев. Они говорили ей часто: "Рус придет, матка, даст тебе пулемет, и ты будешь пук, пук на немец?" Она отвечала, что боится ружья и пулемета и никогда не станет их брать в руки. Ответ всегда удовлетворял их и они одобрительно кивали головами.

"Ты ждешь русских?" - спросил однажды у нее немец. Она ответила: "Как же мне не ждать, когда мой муж с ними дерется". Один из немцев улыбнулся, но лица других посерели. "Нет, нет, - поспешила она их успокоить - мужа моего давно уж нет в живых". Этот немец, который улыбался, когда другие обозлились за ее ответ, был очень добрый и сочувствовал женщине. Он часто говорил ей, в отсутстствие других своих совоинов, что Красная Армия близко и что русские скоро вернутся. Так оно и получилось. Накануне своего отхода они предложили хозяйке уйти за километр, а сами, установив у одной из стен пулемет, стали отстреливаться из хаты от наступающих наших войск. Это было ночью. А наутро в станицу вступили красные. Немцы при своем отходе расстреляли многих жителей Сальска. Здесь же расстреливали одних евреев и немного коммунистов (наиболее ответственных).

Эти рассказы о массовых казнях ни в чем неповинных евреев заставляют меня с еще большей тревогой думать о дорогих родных моих из Ессентуков, об их судьбе. Как бы мне съездить туда, узнать хоть что-либо, ведь от Сальска до Минвод сущие пустяки. Попрошу коменданта на пересыльном пункте разрешения съездить в Ессентуки, хотя вряд ли мне что-либо удастся. Насчет немцев я навсегда решил - нет врагов для меня злее и смертельнее их. До гроба, до последнего дыхания. В тылу и на фронте я буду служить своей Родине, своему правительству, обеспечившему мне равноправие, как еврею. Никогда я не уподоблюсь тем украинцам, которые изменили Родине, перейдя в стан врага и находясь теперь у него в услужении. Чистят сапоги, лижут им ж...., а те их лупят по продажным собачьим харям.

Впрочем, пленных расстреливают немцы много, особенно при отступлении. Раненных пленных добивают.

Сейчас устроился на квартиру ночевать. Поезд не идет - где-то впереди разрушен мост. Лягу спать. Ах, да! Сегодня, говорят, взяли Вязьму. Я от многих это слышал, но пока не доверяю рассказам, пока не прочту сам информбюро.

17.03.1943

14 марта, после ночевки на Пролетарской в семь часов утра пошел с Горжиевым на базар. Горжий опять крутил мною и заставлял почти бежать за ним. Это вывело меня из терпения и я раздраженно попросил его идти нормально.

- Мені надо швидко. А тоби як не надо, то я не підгоняю - ответил он, не снижая темпа своей ходьбы.

Я отстал. Мозоль сильно мучила меня. Когда я пришел на базар, Горжий уже купил хлеб (променял на бритву) и торопил меня на вокзал. Но я не спеша купил молоко и кушал его возле продавщицы. Тогда Горжий говорит: "Піду на вокзал, буду тебе тамо ждать". Я согласился. Он ушел. Но когда я уже подходил к вокзалу - поезд, оставив за собой белый прощальный дымок, ушел. Горжий уехал. Он все время старался почему-то убежать от меня. На перроне его, конечно, как и нигде, не было. Люди на станции сказали, что вслед пойдет еще поезд, но не скоро.

Я зашел в один дом возле станции. Хотел посидеть, отдохнуть. В комнате было темно, тесно и сыро. Хозяева мне посоветовали взять попутную машину. Я так и сделал. Было ветрено, но солнце светило жарко. День был теплый, безоблачный, весенний - идти было хорошо, только медленно. Меня сильно беспокоила, часто заставляя останавливаться и отдыхать, нога.

Так дошел я до полустанка. Ни один шофер меня, как и многих других пешеходов на машину не брал. Гнев вызывали эти люди - обюрократившиеся шофера, нисколько не заботящиеся о близких, о людях своей Земли, защищающей ее ценой своей жизни.

Возле полустанка отдохнул, осмотрел брошенный и разбитый немецкий танк и пошел дальше.

Сальск. Сейчас я стою здесь на квартире. Целый день я провел здесь. В город сегодня не ходил. Завтра схожу на базар.

Только что возвратился домой с базара. Цены на хлеб повысились. Купил шесть яиц за 30 рублей, поллитра молока за 25, три стакана семечек за 5, кусок хлеба грамм на 800 за 35. Итого у меня ушло только за день 95 рублей.

Вчера совсем никуда не ходил. Целый день слушал рассказы ребят о немцах. Позавчера купил десять яиц за 65 рублей, пять пирожков за 15, четыре стакана семечек за 10. Таким образом у меня осталось 544 рубля в наличии.

В городе на почте узнал весьма неприятную новость. Наши войска по приказу командования эвакуировали Харьков.

В фотографию опоздал. Редактора газеты так и не нашел (честно, и не искал его особенно).

В баню пускают только раненных Сальска. Мне обещали что пропустят, только я не стал ждать - было холодно, у меня все равно не было мыла, и я решил отложить это дело на завтра. В парикмахерской, кстати, я побывал еще позавчера - побрился и постригся за 5 рублей.

Сегодняшних новостей не знаю. Почта их еще не принесла. Отправил два письма: в Ессентуки и Дербент.

Возвращаясь, еще с улицы, заметил вывешенное на ветер одеяло, которым я укрывался здесь и в комнате пустую разобранную кровать и двух красноармейцев. Я решил, что их привели сюда на квартиру, но оказалось хуже - хозяйка видимо решила от меня избавиться, по причинам мне неизвестным. Я предполагаю, что, во-первых, из-за скупости (ведь пришлось вчера вечером хозяевам пригласить меня за стол). Ужин был славный! Варенные "тыйшлых" (тесто с масленой подливой) - и я ел, пока они не кончились. Хозяйка (ее мать и сын уже поели) ела со мной из одной посуды. Когда же тарелка опустела, она стала есть уже из кувшина, чтобы не делить со мной оставшееся.

Сама хозяйка - бригадир в колхозе. Имеет много трудодней, корову, кур, но все прячет и старается не брать постояльцев, ибо их приходится иногда кормить - "садить за стол" - как она выражается. Другое обстоятельство: вчера ночью я пересыпал перед сном одежду, найденным мной порошком немецким, предназначенным против вшей. Хозяйка, видимо, решила, что я очень завшивел. А они, между прочим, боятся не всяких вшей, а пришлых. "У мене своя воша" говорил хозяйский сын, когда я спросил его, не от вшей ли он болел (во время прихода сюда немцев) тифом. "Це бойці от вший болеють, а мы ні. У нас бувае тільки своя воша. Тільки чужа приносить тіф". Эта боязнь чужой воши, впрочем, вполне понятная, возможно и послужила поводом моего изгнания из квартиры.

Бабка сказала, что "Приходіли з с/с и казалі, чтоб він йшов в город, шукати соби хату, а до нас, чтоб ми без дозвілу коміданта не пускали".

Я пока что решил побыть здесь, пописать (ведь не выгонят же они меня до вечера) а потом искать квартиру.

Мне положительно сегодня не везет. И с Харьковом, и с квартирой, и с фотографией. Пойду искать квартиру. Шесть яиц только что съел за один раз.

18.03.1943

Сегодня фотография не работала. Был на почте - отправил письма. Было холодно и руки замерзли. В баню не ходил.

Вши опять закусали. Оказывается, я их вчера не всех выжарил утюгом. Сейчас опять грею утюг - буду жарить.

В редакции - ни какого результата - ни редактора, ни секретаря не застал. Оставлять стихов не хочу. В 11 часов был на квартире где и провел весь день, до конца.

Хозяйка два раза угощала пышкой, а вчера вечером - затиркой. Хозяева бедные, по сравнению с предыдущими, но щедрые.

Темно. Ничего я сегодня не успел написать. Даже досадно.

На фронте без изменений.

19.03.1943

Сегодня, напротив вчерашнего, круглый успех у меня везде.

Сфотографировался, отпечатал на машинке и сдал редактору ? часть поэмы, сходил в баню и продезинфицировал белье - надеюсь, избавился от вшей. Склеил конверты на почте, узнал сводку и читал в райкоме партии газету. И даже семечки на базаре дешево купил - три стакана за 4 рубля.

Видимо завтра начнутся неудачи и с редактором и с остальным. Тем более что машинка в стихах наделала массу ошибок - он и читать не захочет - скажет безграмотный автор.

Быть здесь доведется до 22.

20.03.1943

Сегодня написал пять писем: в Дербент, Таджикскую ССР, Саратовскую область, Ессентуки, Магнитогорск.

Был у редактора. Послезавтра за результатами.

Почти весь день провел в райкоме ВКП(б) в ожидании аудиенции к секретарю райкома.

Вечером оказался случайным участником собрания колхозников, где обсуждались вопросы о хлебе и о сборе с населения зерна в помощь Красной Армии. Присутствовал бывший председатель колхоза. Теперь председатель колхоза - бывший при немцах староста. Это редкий случай ***

Вечером приходили проверять есть ли здесь красноармейцы. Как бы меня не потурили отсюда еще до 22 числа.

21.03.1943

Сегодня у меня был весьма успешный базарный день. Может внешность моя или какие либо другие причины вызывают у всех такую реакцию по отношению ко мне, не знаю. Но факт остается фактом.

Толку, что продавали за 30 рублей - мне удалось получить, после долгих уговоров, правда, и колебаний хозяйки, за 10. Молоко - за 20 рублей поллитра (его продавали за 50 рублей

литр), яиц вареных - за 33 рубля (продал один пацан). Картошку 2 килограмма - за 20 рублей (продавали по 40). Хлеб купил за 60 рублей буханку, правда он оказался на одну треть кукурузным (сволочь торговка тут таки надула, не одного меня, правда).

Было холодно. Я замерз и зашел погреться в одну из близлежащих к базару хат. Там как раз женщины пекли сырники и блинчики из муки и на масле. Меня угостили. Так что мне насчет пищи крупно повезло в этот день. Картошку я отдал хозяйке и она сварила вкусный суп с лапшей и картошкой.

22.03.1943

Получу сегодня фотокарточки и узнаю насчет ? части моей поэмы. Если получу положительные результаты, сегодня же заявлюсь в пересыльный пункт хватит лодырничать, пора и на фронт.

Теперь уже здесь погода теплая. Весенняя по-настоящему. Небо безоблачное, синее, и нередко сюда заглядывают оттуда непрошеные гости самолеты немецкие. Но только и всего. Хозяйничать здесь им не дано. Наши "ястребки" прочно охраняют город.

Вчера сводки не слушал. Бабские языки, опережая и сводку, и факты, и цифры, распространяют самые невероятные новости ежедневно. Одну разительнее другой. Так, вчера говорили, что Харьков немцы даже не брали и что наши войска вышли из города, думая взять в кольцо противника. Но тот не вошел туда и теперь наши вновь вернулись в город. Позавчера говорили, что немцы заняли Ставрополь. 19 говорили, что наши оставили Ботайск и Новочеркасск. Вчера - что наши заняли Чернигов (последнее принес из госпиталя раненный старшина). Что США и Англия предложили нашему правительству отдать им часть территорий СССР и те взамен этого введут сюда свои войска и выгонят немцев (говорил один лейтенант). Хозяйка дома где я нахожусь - каждому слуху верит и придает значение. Меня же эти сплетни раздражают только и смешат своей несуразностью.

Сейчас хочу еще поработать над стихами и написать несколько писем. Затем пойду в город. Я живу на самой окраине его, которую отделяет от Сальска две балочки. Недалеко отсюда течет речка. Она видна со двора, названия ее не знаю.

Фотокарточки получил.

Был в редакции - там новый редактор, литератор по призванию. Сам пишет пьесы и стихи. Он обещал просмотреть поэму и результаты сообщить через день. Решил остаться подождать. Спросил его относительно гонорара, как выплачивают его. Но он меня не так понял и сообщил, что после опубликования. Случайно в разговоре я упомянул, что мне необходим один экземпляр (я два экземпляра отдал в редакцию) стихотворения, отпечатанного на машинке, быть может я опубликую его в другой газете. Но он заявил, что обычно принято печататься в одной газете. "Во всех случаях мы стремимся удовлетворять интересы автора, даже если произведение слабо - мы даем консультацию. Вы можете быть довольны, что я сам литератор и смогу разобраться в ваших вещах. Наша газета невелика, материал в ней помещается очень ограниченный, но это не мешает мне, как литератору, уделить художественному отделу должное внимание. Литературные произведения послужат ценным пособием-материалом для агитаторов".

На этой квартире, где пишу сейчас эти строки, решил больше не оставаться. Сейчас буду искать другую квартиру, ибо здесь я уже очень долго, дней пять - соседи могут заявить. При проверке пострадаю и я и хозяйка, тем более что хозяйке надоело приглашать меня за стол, когда они кушают в моем присутствии. И она даже сейчас не угостила меня пирожками (вся семья ела), пышками, когда ели все. И только вечером, часов в 8, угостила супом, но без хлеба и то, после долгих колебаний. Видимо все уже поели, и остатки она все же решила мне дать.

На почте написал сегодня пять писем. Маме и родным в Среднюю Азию, в Магнитогорск, в Дербент папе, в Ессентуки.

23.03.1943

Вечером вчера распрощался с хозяйкой. Принялся искать квартиру. Обошел несколько хат, пока, наконец, в одну пустили. Хозяйка молодая, красивая, однако страшно скупая. Утром подала пол тарелочки борща и намеками дала понять, чтоб искал другую квартиру. Спал на полу под соломой.

Наутро опять - разные хозяева и собаки встречали меня неприветливыми взглядами и лаем. Наконец впустили. Хозяйка не возражала, чтоб я остался, но два деда в один голос завопили, что без разрешения правления, без бумажки, они не могут позволить ночевать. Посылали меня в правление, говорили, что только спровадили трех человек и прочее. Вперед выставляли аргумент, что нужно кормить, а у них забирают хлеб, последний. Мешков семь заготовлено для отнятия, а сколько тогда у них осталось?!

Я вынул свой последний кусочек хлеба, тонко разрезал его и положил на плитку освежить. Они кушали оладьи с кислым молоком. Когда я стал есть хлеб - хозяйка налила мне кислого молока. Теперь у меня кроме маленькой луковицы ничего не осталось за душой. Что дальше делать - не знаю. Сейчас только 9 часов, а мне предстоит прожить целый день еще.

Сейчас 6 часов вечера. Только что возвратился после поисков хлеба. Кстати, неудачных, на новую свою квартиру. В три часа дня, проголодавшись, я спросил хозяйку, не продаст ли она мне хлеба за 30 рублей, которые якобы у меня остались. Я надеялся на их доброту, думал, что они предложат мне (за деньги) буханку хлеба. Но нет. Хозяйка не угостила меня и не продала за деньги ни грамма хлеба. Мне пришлось идти добывать хлеб по хатам.

В первых двух хатах отказали. В третьей отсюда хате хозяйка отрезала мне порядочный кусок хлеба и угостила вареным горохом. К ней приехал раненный под Ростовом сын 23 года рождения. Он посоветовал мне ходить просить хлеб, ибо за деньги мне не продадут. И я пошел еще в одну хату, где хозяйка, вынув буханочку и перерезав ее пополам, дала половину мне и принесла один сморщенный огурец. Денег не взяла. Фамилия ее Мусиенкова Христина Вакиловна. У нее муж, два сына и дочь на фронте. С ней осталась одна девочка Катя (Петровна). Мужа хозяйки звать Петр Акимович. Много рассказывала хозяйка о нужде своей, о том, что у нее, как и у всех колхозников, отбирают хлеб ныне, горько жаловалась на судьбу, отобравшую в ее семье четырех человек и угнавшую их туда, где гибель. Дочь грамотная ушла добровольно и говорила матери, что так нужно Родине. Много рассказывала о немцах. Жалея мою молодость, советовала уйти к немцам (после того даже, когда я сказал ей, что коммунист). Я возразил, что с немцами мне не по пути, как бы хорошо они не вздумали ко мне относиться. Во-первых, я не люблю быть лакеем (а немцу нужно лакействовать - я не говорил ей еще, что я еврей, и что немцы со мной не цацкались бы, попади я им в руки). Во-вторых, я не хочу быть изменником своего народа, своей Родины. Лучше погибнуть, чем предать свой народ, свое государство. Все равно возмездие ждет всех многочисленных изменников, по-холопски прислуживающих ныне фашистским оккупантам. Ты прав, сказала тогда она мне. Моя дочь тоже так говорила когда уходила на фронт. Когда я стал уходить - хозяйка дала мне и вторую половинку хлебинки.

24.03.1943

Утром выпал снег. Весь день был холодный и ветреный и сейчас холодно. Опять холодно. Спал на соломе - было мягко и легко спать. Ночью хорошо выспался. Мозоль мучает

беспрерывно. Терзает всю ногу жестоко.

Наши войска оставили Белгород. Вновь положение на фронте ухудшилось. Под Таганрогом тщетно бьются наши части и по сей день. Враг хорошо укрепился. Странно, почему Таганрог не обходят, ведь столько жизней он отнимает у Красной Армии. Не весело мне теперь. Неужто опять я попаду в такую историю как окружение, отступление, неужто опять доведется мне этим летом бить ноги на протяжении сотен километров пути. Ведь я так не хочу повторения прошлого лета, так не хочу убегать один и вместе со своей армией, от врага, пятиться под его нажимом. Разве мы не в состоянии остановить его на Украине, в Курской области, как остановили под Сталинградом? Это больной для меня вопрос, ибо я на днях вновь попадаю в часть. Куда попаду? На Ростов или на Украину? Это тоже важный вопрос, терзающий мой рассудок.

26.03.1943

Хозяев фамилия - Пастернак. Дарья Петровна, Надежда Кирилловна и Кизил Федотович.

Хозяева, где я живу, весьма состоятельные колхозники. У них есть и хлеб, и масло и прочее. Словом, я попал, наконец, на такую квартиру, о какой мог только мечтать с самого моего прибытия в Сальск. Борщ с промасленной сдобной пышкой, кислое молоко, сладкое молоко с великолепным домашним хлебом, жареный лук на сливочном масле - всем этим вдоволь наедаюсь я здесь каждое утро и вечер с первого дня моего заселения в эту квартиру. Фамилия хозяев, если не ошибаюсь, Буткуль. У них есть белявенькая девчушка Нюся, с которой я занялся учебой. Она учится в первом классе, но учится плохо, хотя не лишена известной сообразительности. Я решил помочь ей научиться работать, думать. Результаты кое в чем сказались. Но за три дня, конечно, трудно восполнить то, что потеряно в течение года.

Примеры она стала решать правильно. Но только после вторичных попыток. Читает совсем плохо. Пишет чисто, но безграмотно. Посетил вчера школу. Говорил с учительницей. Школа-четырехлетка обслуживается всего-навсего двумя учителями. Та, с которой я беседовал, была одновременно и директором школы. Вся школа состоит из одной комнаты-класса. В этой комнате одновременно обучаются 1-й и 2-й классы. На одном таком уроке я присутствовал с разрешения учительницы. Урок математики был в первом классе. В четвертом география. Учительница написала примеры на доске, задала решать их ученикам, а в это время спрашивала учеников старшей группы заданный урок географии. Выходило, что и половины внимания едва уделялось ученикам каждого класса. Я заметил, что это

смешение классов затрудняет учебу. "А кто мне будет платить, если я стану отдельно заниматься с каждой группой, в 1-й группе ведь только 4 человека?" И, отчасти, она была права.

В редакции еще вчера договорился насчет поэмы. Редактору хотелось побольше выпустить из моей поэмы стихов, чтобы только немногое поместить, поэтому он был чрезмерно придирчив. Больше всего ему понравился разговор Гитлера с Паулюсом. И менее всего последние, заключительные четырехстишья, якобы насыщенные плакатным, ложным пафосом. Итак, после 3-х часового спора и обсуждений поэмы, он решил поместить только "Разговор с Паулюсом" и, если будет место в другом номере, начало поэмы. В Сальске будет выходить с 19. IV. литературная страница, в 1-м номере которой, он думает поместить отрывок из моей "Сталинградской эпопеи". Оставил 2 стихотворения - "20 лет" и "Мы придем", написанные от руки. Заскочил в райком ВКП(б), где машинистка отпечатала мне 2 экземпляра "Эх еще ударим-ка", "20 лет" 3 экземпляра и 4 экземпляра "Ты пришел".

Написал вчера заказное письмо в Дербент, в которое положил свою фотокарточку.

На пересыльном пункте позавчера никого не застал, а к вчера еще не набралось до ночи 70 человек (меньшую партию не посылают). На Батайск 170 километров за 10 дней пешком. Сегодня, очевидно, отправят. Я поздно вечером вчера все же вернулся на квартиру, хотя и зарегистрировался на пересыльном пункте. Утром выпил 3 стакана горячего молока с хлебом, а только что поел борщ с мясом. Жаль уходить отсюда. Я дал девчонке в благодарность за все бумагу чистую, а дедушке-курцу книгу "Литературные очерки" М. Серебрянского, на курение. Больше ничем мне их не отблагодарить.

27.03.1943

Станица Егорлыцкая.

Вчера опять целый день промучили нас на пересыльном пункте. Несколько раз выводили на построение. Тех, кто ночевал там - заставили работать, так что выиграл тем, что ночевал на квартире вдвойне - и спал хорошо, и питался, и не грузил на голодный желудок овес, как другие десять бойцов. Только к вечеру, когда надо уже было идти, нам дали продовольствие на два дня (300 грамм хлеба, стакана полтора крупы и грамм по 20 масла) и сказали, чтоб двигались. Но мы все же решили отложить на утро наше движение.

Вчера задумал я написать несколько писем, но едва написал (да и то не закончил полностью) письмо маме. Сегодня весь день провел в пути. Писать было некогда.

Две комнаты отвели для ночлега бойцов на пересыльном пункте. 70 человек, конечно, не смогли поместиться там, и часть направилась в поиски квартирного ночлега. Стал и я искать квартиру, но как назло не нашел - всюду отказывали, мотивируя постановлением "Не пускать никого на квартиру без бумажки от коменданта". А заходить далеко от места ночлега команды не хотелось, ибо сбор был назначен на 6 часов. Махнув рукой на ненайденные удобства, вернулся в отведенные нам комнаты и кое-как улегшись на грязном, замусоренном куске незанятого пола, продремал с перебоями ночь. Ноги свешивались у меня над головой, ноги шевелились у моей шеи, ноги толкали меня в спину, в бока, били по ногам. Руки тоже давились отовсюду. Спать, разумеется, спокойно было нельзя.

Утром отправились. Сменял ботинки на валенки, чтобы легче было идти с моей мозолью. Но идти было еще тяжелей, неудобней. На машину не брали. Случайно мне удалось сесть на подводу (одному из всей команды), доехать до станции Трубецкой. На Трубецкой сел на товарный поезд, что обогнал меня еще в пути из Сальска, и попался мне тут, на станции. Этим составом доехал до станции и районного центра Целина, где поезд остановился надолго. Там набрал семечек три кармана - были рассыпаны на станции - сейчас пожарил их. Сел на эшелон, что стоял тут еще со вчера (эшелон с танками) и на нем доехал сюда.

Здесь тоже долго искал квартиру - всюду отвечали надоевшее "У нас есть уже". Причиной всему - отнятие у крестьян излишков хлеба - они теперь не хотят кормить бойцов, как делали раньше. Когда уже сильно утомился - нашел квартиру. Поужинал полмиской картофельного супа с хлебом.

Опять начинают тревожить насекомые.

Утром завтра здесь базар будет - схожу. Поменяю кальсоны на сало и еще на что-нибудь.

28.03.1943

Буханочку хлеба за 15 рублей, булочку за 3 рубля, поллитра кислого молока - вот и все мои покупки. Кальсоны скинул с себя, хотел менять на сало, но давали всего лишь грамм 300-400 - недостаточно.

Хозяйка угостила борщом, хлебом из кукурузы. Остальное ели сами, мне не предложив. Только что закончил письмо маме, начатое еще 26. После базара пошел на почту, слушал сообщения Совинформбюро и передовицу "Правды", посвященную Максиму Горькому. Сегодня день рождения его.

На фронте без существенных перемен.

29.03.1943

Станица Мечетка. От дороги железной она два километра. Вчера вечером прибыл я сюда на машине. Дело так было. Проискав по всему селу сало и не найдя его (немцы, болезни и отчасти сами хозяева, вывели их (свиней) из числа населяющей станицу живности), я уже было собрался уезжать. Но в одной хате, куда я зашел уже просто отдохнуть по пути к железной дороге, меня угостили супом и хлебом, а боец находившийся там, посоветовал мне пойти в рядом стоящую пекарню и там попросить хлеб. У них бывает бракованный и они дают, если просят бойцы. Но здесь ничего не вышло - хлеба не дали. Я пошел на станцию.

Пересекая шоссейную дорогу, я наткнулся на грузовую автомашину, груженную продовольствием для госпиталя. Попросил подвезти. После колебаний долгих (связанных с кражей хлеба и сапогов, с машины таким же случайным пассажиром в чине лейтенанта), шофер согласился меня подвезти. Итак, я приехал в Мечетку - районный центр Ростовской области.

Опять здесь, как и в прочих, ранее посещаемых мною деревнях, долго искал ночлег. Начал с Северной окраины станицы. Нашел. Но вижу, что долго мне здесь не жить - хозяйка скупится. Это главное. Кофем угостила вечером, сказала - вынимай свой хлеб, мой - сырой, недопечёный. Утром ничем не попотчевала. Тогда вынул хлеб, стал есть. Налила полстакана молока, оправдываясь, что корова не доится. Сейчас печет для дочери хлеб и булки. Дочь у нее сидит за работу у немцев официанткой. Она ей носит передачи. Посмотрю, угостит ли меня она, когда напечет булочек.

Только что отсюда уехали две девушки - жители Новочеркасска. Одна из них - учительница. При немцах, когда шла мобилизация девушек для отправки в Германию, они бросили квартиру и переехали недалеко отсюда, на хутор. Сейчас собирались возвращаться в свой город, но слухи о бомбежках напугали их и они решили отложить свои намерения до освобождения Таганрога. Здесь рассказывают, что Таганрог уже несколько раз переходил в наши руки, но наши не закрепились в нем. Это не просто слухи, а рассказы побывавших там шоферов.

В селе еще не был. Сейчас рано, но к 12 часам думаю исследовать его. Исхожу вдоль и поперек, поищу сало, найду лучшую квартиру.

30.03.1943

Мечетка. Нашел квартиру на удивление скоро. Хозяйка говорила, что не трудно пустить переночевать, но трудно кормить. Но я решил, что как-нибудь перебуду, так и заявив хозяйке. Она согласилась пустить.

Вечером на ужин дала суп из молотой кукурузы с картошкой. Сегодня утром - такой же, и немного вареной картошки.

Весь вчерашний день искал редакцию местной газеты, почту, фотографа и сало. Кто ищет - тот всегда найдет. Правильно говорится в песне. Нашел и я. На почте узнал сводку - без изменений на фронтах. В редакции и у фотографа убедился о плохом состоянии дел там. Во первых из-за отсутствия редактора и бумаги, во-вторых, из-за отсутствия материала. В редакции обещали посмотреть стихи неизвестно когда, а фотограф мог сфотографировать только на документы. Я там и там отказался от всяких начинаний.

Сала здесь нигде не было, только в одном месте наткнулся на торговку, видимо владевшую этим базаром. Она отрезала грамм 400, но потом, решив, что и это много, отрезала оттуда кусочек грамм на 100, предложив оставшееся сало в обмен на кальсоны. Мне хотелось ей в это время дать по морде, тем более что она сама говорила, что немцы забирали у крестьян сало, не спрашивая их на то разрешение. А бойца она хотела обсчитать на кусок сала. Но я не стал толковать и взял в обмен на снятые с себя кальсоны 300 грамм сала. 100 грамм я съел еще вчера, остальное оставил - хочу довезти до Ростова на случай голода там.

Когда я шел по направлению в центр отсюда, мне встретилась женщина, несшая два мешка. Оба были тяжелые. Она, перенося на определенное расстояние один, возвращалась за другим. Так у нее уходило много времени и сил. Я вызвался ей помочь. Ей оставалось до дома квартала два-три. Когда я принес ей один мешок - она вынула из мешка хлеб и отрезала мне кусок, грамм на 300.

01.04.1943

Зерноград. Город, или вернее всего - рабочий поселок. В центре остатки былой красоты. Памятник Ленину с отбитой головой. Одно туловище с вытянутой вперед рукой. Я интересовался историей разрушения этого памятника. Жители рассказали, что он был разрушен не сразу. Во время наступления на этом участке, немцы прямо по шоссе двигались дальше, на Мечетку. Там они через много дней после взятия последней впервые показались в Зернограде. Они засели там, где большие дома ровным квадратом обступили памятник. Однажды, очень долго глумившись над образом нашего вождя, обезобразили его памятник. На пьедестале осталась надпись "Ленин". Теперь около разрушенного памятника братские могилы. Вчера вечером, проходя по улицам Зернограда, я увидел там ***

*** желтый лоб, да пара закрытых глаз вырисовывались на

белом покрывале, протянутом через весь гроб, в котором покоилось тело. Больше ничего нельзя было видеть. Был выстроен почетный караул. Гроб вынесли, вслед за ним вынесли знамя *** Какой-то старший лейтенант открыл митинг. Он сказал несколько слов об усопшем, из которых я только запомнил, что покойный Герой Советского Союза и фамилия его Долг***, если не ошибаюсь, Сергей Сергеевич. Звание его - старший лейтенант.

Раненные на балконе противоположного здания, занятого под госпиталь, во все время митинга и погребения шутили, смеялись, даже неловко было. Затем гроб на веревках опустили вниз. Я не стал больше ждать и ушел искать ночлега.

Дорогой читал известия - ничего существенного.

*** полковой направил к коменданту, но без волокиты не обошлось. Поздно вечером я наконец-то попал на квартиру в большом трехэтажном доме в центральной части города. Жители - все рабочие совхозов. В их рассказах уже не услышишь "русские" по отношению к советским войскам, как повсеместно я слышал от жителей всех предыдущих городов и деревень, начиная с Котельниково и кончая Мечеткой, а "наши", "немцы". В этих выражениях не видно резкого отделения себя, тоже русских, от своего народа, общества, армии.

Сейчас сходить возле госпиталя. Хочу узнать известия, и может мне здесь аннулируют мое несчастье - мозоль?!

03.04.1943

В госпитале приписали какую-то мозольную жидкость. Выжечь мне не обещали, так как для этого нужно продержать меня с ней в госпитале несколько дней, а этого они так просто не могут, но это уже кое-что, хоть какое-то средство. Мазать нужно несколько дней, потом попарить и срезать часть, и снова мазать, после *** после того, как я получил свою жидкость, собрался уходить из Винограда - Верблюда.

Возле регулировщика мне сразу удалось сесть на машину и через какой-то час, или даже того меньше, я был здесь, в Котельниках.

Долго искал квартиру. На краю села нашел. Хозяйка попалась нехорошая. Колхозница, но не взялась меня даже угостить чем-либо. Попросила у меня бумагу. Дал ей большой лист, из которого мог бы сделать тетрадку на несколько листов. Продаст она его. Теперь пожалел что дал. У нее и кушать-то нечего.

Ночью пришел еще один боец, калмык, очевидно. Несмотря на ее требования показать справку - самовольно расположился в квартире так и не показав ей разрешение из с\с (у него его не было). Ночью он стал похабничать с хозяйкой, говорить, что ляжет с ней, довел ее чуть ли не до обморока.

Она причитала, что и спать не ляжет, будет бояться. Я и сам засомневался - а вдруг и правда подрежет и ее и меня, чтобы ограбить. Человек он хулиганистый, не армейский. Спорил со мной, доказывал, что большинство украинцев с немцами, на стороне немцев (он считал, что я украинец потому, что назвался родом с Украины). Я возражал, что украинцев 40 миллионов, и если бы даже треть нас предала, то были бы многие миллионы предателей. И говорить, что большинство украинцев предатели он не имеет права, ибо на стороне немцев всего несколько тысяч изменников.

Он спорил, нападал и, наконец, договорился, что я спорю, как еврей. Я опять стал доказывать, убеждать, что нельзя оскорблять целые народы... Так мы и не договорились ни до чего.

Хозяйка сказала ему, что я русский. Так она решила по разговору моему. Но ночь я спал все-таки спокойно, позабыв о страхах. Зато хозяйка не спала. Наутро она нас рано подняла. Мне сказала, что ей надо на базар, а другому бойцу, что ей надо уходить и она запрет хату. У нее было двое детей.

На базаре купил маленькую булочку хлеба, грамм на 200, за 14 рублей. Одна женщина, торговавшая кислым молоком, налила мне стакан бесплатно. Поел.

В одном месте отдохнул после вторичных поисков квартиры. Женщина отрезала три кусочка хлеба, грамм на 300.

Квартиру нашел, опять таки на другом конце села. Кормить нечем - сразу предупредили хозяева. Но я согласился. Они интеллигенты. Муж - преподаватель химии, физики, естественных наук в средней школе. Был начальником штаба батальона, попал в плен немцам, при ранении бежал, прятался, и при отступлении немцев вернулся домой.

Сейчас я собираюсь дальше, к Ростову. Был тут в райкоме, читал сводку газет. Узнал о лауреатах Сталинской премии нынешнего года, от литературы. Опять Толстой А.Н. за старое, Корнейчук, Леонов, Василевская, Рыльский, Исаковский М.В., Вересаев В.В., Серафимович А.С. - по 100 тысяч. Бажов, Соболев Л.С., Алигер М.И., Симонов, Габрилович Е.С. - по 50 тысяч.

Сегодня встретился со своей командой. Многих бойцов не было. Получил хлеба ячменного грамм 600-700 и кружку пшена.

Старшину пришлось очень долго ждать - до часу дня. Некоторые бойцы волынили, лезли в душу своими нападками.

- Мы вас(!) знаем, вы(!) только любите по госпиталям да по тылам отсиживаться, а не воевать. Ты нас не считаешь за людей, раз не хочешь ехать с нами. Ты хотел отстать от нас и для этого отбился.

Особенно изощрялся в антисемитских выпадах один калмык.

Грамотный и хорошо изъясняющийся по-русски, он больше всех надоедал своими приставаниями.

Старшина разрешил все споры: "Езжай куда хочешь, но чтоб вместе с нами был в Ростове. Кто в день нашего прихода не явится в запасной полк, на того подаю рапорт как на дезертира". Мне ничего больше и не нужно было. Все разошлись по хатам.

На шоссе - девушки-регулировщики. Разговорились. Они 22 года рождения, из Москвы. Призваны по мобилизации в июне прошлого года. Часть их всегда находится в тылу, близкому к фронту. Я решил, что это хорошо, так как риска меньше, но они говорили, что и здесь очень опасно, что часто шофера наскакивают машинами на девушек. Одна, зеленоглазая - учительница. Окончила педагогический техникум, преподавала химию и физику в 5-7 классах. В день девушки стоят дважды, по шесть часов.

Девушки были славные. Одна даже немного красива. Весело улыбались, разговаривали, и, несмотря на дождь, с ними было хорошо. Они заинтересовались моими документами. Посмотрели фотокарточки, поразились переменам лица моего.

- Ты видишь, какой он был раньше! - Восторженно заметила одна из них, заставив залиться меня краской - еще красивее!

- Да, как вы похудели, изменились - дополнила вторая.

Они усердно старались посадить меня на машину, но все, как назло, дальше этого села не шли из-за грязи. Я распрощался и отправился на поиски квартиры.

Нашел сразу. Здесь много детей - мал мала меньше. Они обступили, галдят и мешают писать. Но ночевать здесь необходимо - земля еще мокрая и машины не ходят.

04.04.1943

Всю ночь напролет шел дождь. В квартире этого не чувствовалось. К утру земля немного обсохла и я думаю попробовать ехать дальше. В хате горела плита и всю ночь было так жарко, что я вынужден был снять с себя все и спать нагишом, прикрывшись шинелью. Женщины спали тоже совсем раздетые, в одних нижних рубахах, а девчонка, 27 года рождения, в одних трусах.

Спал я неважно. Вечером меня хозяева угостили кашей. Ел со своим хлебом.

Помогал весь вечер хозяйке крутить самодельную мельничку, в которой они мололи пшеницу.

05.04.1943

Вчера добрался с грехом пополам в Злодейскую. Ехал машинами, но то ссаживали, то буксовали, и большую часть пути прошел пешком.

Так что в Зверево приехал и попал на продпункт много позже других из нашей команды. На продпункте получил продукты на два дня: хлеб, полкотелка муки, кусочек мяса, ложечку соли (мясо дали, правда, на день). В дополнению к этому пообещали назавтра вместо мяса накормить обедом.

На кухне месили тесто, резали мясо, чистили картошку, и мы, предвкушая вкусное кушанье, согласились ждать обеда. Ждать довелось очень долго. Наступил вечер, когда нас пригласили в столовую.

Столовую обеспечивала, видимо, воинская часть, и она была красиво украшена портретами, газетными фото, лозунгами и плакатами. Один грамотно-въедливый старик-калмык, обратился с речью к Сталину, к его портрету, в которой жаловался на тяготы и лишения, переносимые красноармейцами всвязи с войной.

Бойцы смеялись, шутили с официанткой. Но вот принесли обед. За нашим столом сидел старший сержант-регулировщик. Ему принесли второе: пюре картофельное с мясом. Мы думали тоже получить второе и потому суп съели быстро, не обратив внимания на его вкус и количество. Спросили о втором. Второго не обещали. Все зашумели, вспомнили, каким вкусным был проглоченный впопыхах, нераспробованный суп. Стали ругаться и кричать, в особенности на официантку, которая теперь уже не улыбаясь, широко разводила руками, указывая на свою невиновность и не желавшую вызывать начальника: "Идите сами беседуйте с ним". Наконец его вызвали, но добились мало чего. "Кто поел суп, те могут выходить, кто не ел - тому подадут суп с галушками".

Когда мы вышли из столовой - пошел дождь. Надо было искать квартиры. Вся наша братия, сплоченная недоданым вторым, отправилась в хуторок, что полкилометра вправо от совхоза, где продпункт, если смотреть в сторону Ростова. Злодейское оставалось влево от железной дороги.

Квартиры не нашли - всюду полно бойцов, все направляются в Зверево. Пошли назад. Я и еще один из нашей команды остались, и, после недолгих поисков, нам удалось найти квартиру. Хозяйка, встретившая нас неплохо, варила вареники с сыром, пекла пирожки. Нас ничем не угостила, напротив, забрала полчашки от моей каши для *** еще до того, как я начал есть. К ней приехал муж из госпиталя, больной. Она его угощала.

Когда я спросил дочь хозяйки (хозяйка вышла), можно ли сварить кашу, она ответила: "Не знаю, я не хозяйка". Это было утром уже. Вечером я съел кусочек хлеба и лег спать на своей шинели - хозяйка ничего не дала подстелить. Наутро, кое-как умывшись, отправились в дорогу.

Со двора барака отъезжала машина. Было очень грязно (всю ночь шел дождь) и машина скользила, не шла. Я попросил шофера подвезти - он отказался. Тогда я сам, когда никто не видел, запрыгнул внутрь. Машина была накрыта брезентом. Я сел на скамейку. Только когда мы проехали километров пять шофер заметил меня, поругал, но не выгнал. Еще немного проехав остановил, решил ждать пока подсохнет дорога. Я вылез. Сзади шло много машин - стал махать. Шофер одной из них, притормозив, усадил в кабину. До Батайска ехал с ним. Он молодой, но самый знающий из всех четырех, ехавших под его началом, машин. Он старший сержант. Рука у него была перевязана и из-под бинтов проступила высохшая уже и запыленная дорогой кровь. Я, в порыве благодарности за взятие меня, дал ему свой бинт.

За несколько часов мы доехали. В кабине сильно качало и подбрасывало до потолка, на что шофер сердито ругался, честил дорогу.

Вышел в центре Батайска. На продпункте наших не было. Пошел прогуляться. Встретил на шоссе эвакуирующихся из Матвеева Кургана. Вещи у них были на тачке гружены, сзади привязана тощая и печальная коровенка. Тачку везли старик и мальчишка спереди, одна женщина пожилых лет сбоку и одна сзади. Я прошелся немного с ними, хотя мне было не по пути. Расспрашивал.

Матвеев Курган противник бомбил ежедневно. Там голод и жить *** наши войска от Матвеева Кургана недалеко, в сторону Таганрога, на Запад продвинулись дальше всего и перешли за лиман. Хату свою они оставили красноармейцам на блиндажи. Идут в Ставропольский Край.

Сейчас здесь налет вражеской авиации. Небо гудит моторами, земля громыхает выстрелами зениток. Дрожат стекла и стены комнаты, но хочется, несмотря на все, рассказать где я сейчас нахожусь, похвалить хозяев квартиры за их доброту и человечность.

Много-много домов обошел я в поисках жилья, но нигде не пускали, говорили "У нас стоят". Здесь тоже мне сказали обычное "У нас стоят", но потом одумались, и я услышал долгожданное "оставайтесь". Остался. Попросил сварить кашу из оставшейся у меня пшенной крупы, но хозяева ... угостили борщом вкусным с картошкой и рыбой, хлебом и дали поллитра молока свежего! Ел медленно, заставлял себя так. Насколько мог - затянул радостную встречу свою с пищей.

Спал я в отдельной комнате на кровати. Хорошо и удобно. Сейчас я здесь и пишу. Только что написал три письма в Среднюю

Азию, Дербент и Магнитогорск.

Известий вчера не слыхал, сегодня тоже. Позавчерашние известия узнал в редакции местной газеты. Газетка выходит здесь махонькая, и редактор сказал, что даже свой материал они не имеют возможности всегда помещать полностью. Все из-за отсутствия бумаги. Он мне показал прошлогодние номера, выпущенные здесь до прихода немцев. Они были вчетверо больше и состояли из двух страниц каждый. Теперь в Батайске ничего нет. Ни фотографий, ни магазинов, ни непокоробленных взрывами зданий - налеты здесь почти ежедневны.

Кстати, сейчас уже нет налета, хотя и отбоя тревоге тоже не было.

Много зданий разрушено и много целых пустуют - люди эвакуировались. На почти всех дверях висят замки. Разрушения принесены самым различным уголкам города - и центру и окрестностям. Бомбы бросаются неприятелем беспорядочно. Сам Батайск, оказывается, не является пригородом Ростова и отделен от него степью в расстояние 11-13 километров (не 8, как я полагал).

Сегодня ясно, безоблачно, и солнце тепло согревает и землю и воздух.

Команда наша собирается ночевать здесь, но я поеду в Ростов, пусть даже без продуктов. Здесь два обстоятельства, но самое главное - желание побродить по Ростову, повидать, сфотографироваться вторично и отпечатать в газете свои стихи. Второе - антисемитизм, преследующий меня везде, где собирается группа.

Крымов. Сам не русский, но антисемит и шовинист. Это тип, подобный Сеньке-еврею (с производства) и еще многим нерусским людям, способным осмеивать свой народ, нападать на него вместе с русскими антисемитами, предавать его интересы в угоду собственному благополучию. Таких любят, такие везде в числе счастливцев. Взять Сеньку. Он дразнил евреев и чистил их под общий смех и одобрение. Его любили за это. Я же всегда спорю и доказываю, что никакая нация и народ в целом плохими не бывают, а находятся отдельные люди, да, быть может преобладающие в какой-то конкретной нации, обладающие скверными качествами. Со мной спорили, меня не любили за это.

Помню одного украинца, утверждавшего, под общее одобрение многих, что украинцы все трусы и предатели и большинство (!) их перешло на сторону врага. Я и тут стал доказывать, что большинство - значит больше половины, а украинцев 40 миллионов и, если б даже половина их перешла на сторону немцев, то это составило бы 20 миллионов, а разве это

так в действительности?

Меня готовы были ненавидеть за невозможностью доказать мне обратное, и теперь Карымов, он был *** я был там замполитом. Он - старшиной одной из палат. Вместе нас выписали. Никогда я не слыхал от него ничего плохого, и вдруг ... стали говорить о начпроде, ругать его. Кто-то сказал, что он еврей (хотя тот и был русским).

- Евреи все такие, все мерзавцы - подметил вдруг Карымов, - они и в госпитале засели. Выписали меня, когда рана еще не залечилась. Где хорошо там евреи - жиды и жидовки. Их недаром немец стреляет. С нами тоже "Абгам" закончил свою тираду он, театрально махнув рукой в сторону меня.

- Он и на фронте еще не был, гад - сразу в госпиталь - подхватил другой.

Это меня задело. Я накричал на него.

- С какой стати, дурак, ты называешь меня гадом? На каком основании? он не ответив, поспешно ретировался.

Я слышал, что защищать евреев или какую-либо другую нацию, будучи ее представителем, неправильно, и называется это как-то вроде национализма. Поэтому я сказал:

- А вы знаете, какой вы нации?!

- Какой? - раздалось вокруг.

Я ответил - Советской! Мне не важно, какая другая нация есть у каждого, мне важно, что это за человек. Это главное. И если Карымов сегодня по дороге ругал сам свой народ, к которому он сам принадлежит, называя его трусливым и вороватым, я считаю это ничем иным как предательством, изменой своему народу. Никогда не бывает плохих наций, есть люди, представители наций, порочащие свою, пусть даже за счет унижения других.

Меня поддержали узбеки, казахи и некоторые русские. Остальные, подняв вой, в буквальном смысле слова ***

07.04.1943

Ростов. Хозяйка страшная антисемитка. Безграмотная, но много воображающая о себе. Верит в бога. Не подозревая во мне еврея, почем попало чистит мою нацию. Ночевать вторую ночь она не позволила. Все время говорит: "Какой у нас воздух плохой" - она хочет меня выжить скорей. Сейчас ухожу.

08.04.1943

Как только вышел из квартиры - пошел на базар. Там не успел сделать нескольких шагов, как меня подозвал какой-то военный с красной повязкой на руке:

- Товарищ военный подойдите-ка пожалуйста сюда - и он, отведя меня в сторону, предъявил документ об его полномочиях. Потребовал мои документы. Я предъявил справки из госпиталя.

- Пойдемте-ка со мной к коменданту. Он вас направит к замполка. Я пошел.

- Вы, кажется, хотели купить что-то на базаре? - спросил он меня дорогой.

- Да.

- Тогда пойдемте, купите - сказал он.

На базаре я ничего не нашел кроме жареной рыбы, которую и купил за 15 рублей. За мной в это время уже следовало восемь человек, исключая этого, с повязкой.

Привели меня в комендатуру. Там помучили, подержали полдня. Дорогой меня окликнул боец из нашей (задержанных) группы. Он сюда приехал раньше команды, несколько дней шлялся и, наконец, его забрали вместе со всеми.

Сейчас я на пересыльном пункте. Ночевал на квартире. Отпросился у дежурной по п.п., так как валенки насквозь промокли - здесь несколько дней не прекращаются дожди. Спал на диване, на мягких перинах - по-домашнему. Это, наверно, в последний раз, сладостный последний денечек. Такое блаженство я испытал. Теперь опять буду спать где попало и шинель мне заменит любую перину, а локоть самые мягкие подушки. Кончался праздник кончалась мирная тыловая, домашняя жизнь.

Ростов так и не увидел как следует. В первый день прибытия дошел до главной улицы, почитал сообщения Совинформбюро, еще немного прошелся у кинотеатров. Но пошел сильный дождь, и я вынужден был поспешно ретироваться на квартиру. Во второй день, как я уже писал, мне удалось дойти только до базара. Правда, во время следования от базара в комендатуру и из комендатуры на пересыльный пункт и оттуда, наконец, в запасной полк, я повидал немало улиц и зданий города. Трамваи стоят невесть с каких пор без движения. Стекла выбиты в каждом вагоне. Здания многие разрушены. Но сравнивать Ростов по причиненным здесь войной разрушениям со Сталинградом, конечно, ни в коем случае нельзя. В основном город еще целый и живой. Чего нельзя сказать о Сталинграде.

Самые большие и красивые дома в большинстве случаев разбиты или разрушены до основания. Кое-где одни стены остались, кое-где остовы от стен. Четырехэтажные и меньшие дома, сохранились во многих местах. А одно-двухэтажные - почти не пострадали. Тревоги в городе часты, но бомбежек еще не было.

Мост через Дон восстановлен. Но деревянный, на понтонах (больших железных лодках). Железнодорожный, в местах, где он разрушен - залечен деревянными вставками. Дон мне показался маленькой, незаметной речушкой. И я, когда переезжал через него, не подумал что это Дон. Мне даже почему-то показалось,

что он течет где-то на запад от Ростова, но потом, взглянув на карту, увидел что ошибся.

Сейчас я в запасном полку. Утром банился и у меня сняли прическу "политику", как ее здесь называют. Я не хотел, но ничего не мог поделать. Расческа теперь моя ни к чему. Несколько раз проводил я ею, по привычке, по голове - она только царапала больно то место, где еще недавно была черная прядь моей любимой "политики".

Вечереет. Становится темно. Заканчиваю.

09.04.1943

Сегодня большинство людей нашего взвода (нас, гвардейцев, определили во второй взвод) отправили на работу на аэродром. Меня, в числе больных и босых оставили в казарме (из-за валенок). Заставили оставшихся мыть полы и убирать помещения. Потом стали собирать комиссию.

Я еще вчера просил санинструктора помочь мне ликвидировать мозоль, но он только засмеялся мне в лицо и сказал, что о таком пустяке не следует даже разговаривать. Я решил с ним действительно не разговаривать, а пойти на комиссию. Несмотря на многократные угрозы гауптвахтой (десять суток) я все же решил пойти на комиссию, авось мне там помогут.

Сейчас отсюда (с санчасти) сбегал на базар с одним грузином-бойцом. Я сказал ему, что там могут задержать и направить в комендатуру патрули, но он храбро заявил, что не боится, и что его не поймают. На базаре он углубился в самую гущу рынка. Я, приобретший однажды опыт, ходил с краю, стараясь избегать всех военных похожих на патрулей. Но вдруг совсем неожиданно подходит ко мне старший сержант и спрашивает документы. Насилу отпросился у него, чтоб отпустил. Без оглядки бросился сюда, в санчасть. Сопутчика моего действительно не задержали, хотя я и думал (он долго отсутствовал), что его отправили в комендатуру.

Отсюда, из запасного пока, оказывается, посылают в военные школы.

Я сблизился здесь с одним сержантом - Гусевым Борисом Григорьевичем. Мы вместе думали попасть в военную школу. Он рассказал мне по секрету свою историю. Он окончил десять классов живя в Москве. Имел и сейчас еще имеет много высоких знакомых там. Был интендантом. Но многие люди пытались путем дачи взяток откупиться от воинской службы. Многие в интендантстве брали взятки. Взятками соблазнился и мой приятель. Всю интендантскую службу во главе с полковником, после суда разжаловали и отправили на передовую. Так из лейтенанта по званию, техника-интенданта по должности, мой

нынешний товарищ превратился в сержанта. Теперь он тщательно скрывает свою историю и мечтает попасть в военное училище. Сейчас он, как и большинство наших бойцов, на работе.

Вечером. Собрались на партийное собрание. Много высоких начальников здесь.

Еще по нескольким улицам Ростова прошелся сейчас. Увидел скверик, проспект еще один ростовский.

Впервые встретил в Ростове, за мое пребывание здесь, красивую девушку. Она и сейчас прогуливается по тротуару мимо меня. Но мне и думать нельзя о девушках и я, отворачиваясь, начинаю мыслить о другом. О евреях. Зачем я еврей? Зачем вообще существуют нации на свете? Принадлежность к еврейской нации является неизменным моим бичом, постоянным мучением, от которого нельзя сыскать спасения. За что не любят евреев? Почему мне, как и многим другим, приходится скрывать свое происхождение?

10.04.1943

Вчера на полковом партсобрании обсуждались очень серьезные вопросы, затрагивающие честь и славу полка. После приема трех человек в кандидаты ВКП(б) собрание перешло ко второй части повестки дня. Выступил майор *** помощник начальника политотдела тыла 2-ой армии с докладом по поводу безобразий, обнаруженных в полку при проверке. Несколько случаев дезертирства, невыполнения приказаний, случайных отравлений, членовредительства и т.д. Отсутствие агитационно-политической работы, воспитательной работы. Долго говорил майор. Когда он закончил, начались прения. Выступало много людей, в том числе полковник и его заместитель по политчасти, подполковник. Выступление подполковника произвело исключительное впечатление. Я еще не встречал в армии такого сильного оратора.

12.04.1943

Сотни километров освобожденной советской территории, тысячи городов, деревень и миллионы населяющих их жителей, испытали на себе беспримерные злодеяния фашистских чудовищ в образе людей. От Сталинграда до Сальска, от Сальска до Майкопа и Ворошиловграда, от Сталинградской до Курской области, от Смоленских лесов до полей Калининской области и вплоть до самого озера Ильмень, всюду вопиют о мщении, страшные следы фашистских разбоев.

*** красавец, город-гигант Сталинград стал неузнаваем за время хозяйничанья у его стен немецко-фашистских мерзавцев. Огромные многоэтажные дома превратились в руины. Улицы сплошь изрыты воронками. Асфальты великолепных проспектов и

бульваров наполовину перестали существовать. Парки разрушены и осквернены устроенными в них фашистами кладбищами своих солдат и офицеров. Уцелевшие здания музеев и общественных учреждений превращены в уборные. Всюду видны следы разрушений, следы чудовищных преступлений современных выродков человеческого рода.

Котельниково, большое как город, недавно еще живое и красивое село и районный центр - превращено теперь в полуживое и израненное место. Куберле, Пролетарская, Зимовники - в каждом из этих пунктов с еще большей очевидностью вырисовываются следы кровавого немецкого сапога, истоптавшего наши советские земли. Жители, не успевшие еще оправиться от страха, со слезами на глазах рассказывают о причиненном им горе, стыде и унижении. В одном доме на станции Зимовники мне рассказывали, как немцы избили пятилетнего ребенка только за то, что он из детской любознательности подошел к их вещам. Много жителей, особенно цыган и евреев, было умервщлено в Сальске. В Пролетарской немцы заставляли бесплатно работать не успевших выехать оттуда коммунистов и их родственников, за малейшую провинность били, издевались, грабили их имущество, причем не щадили даже детей.

В Трубецкой, Целине, Цорлыцкой, Мечетке, Кагальницкой, Зерограде и в Батнийске - всюду немцы чинили произвол и насилие над беззащитными мирными гражданами нашей страны. По-разбойничьи врываясь в квартиры мирных жителей, оккупанты выгоняли, вселяясь сами, не считаясь ни с возрастом, ни со здоровьем. Иногда у них проявлялась жалость, и жильцов оставляли дома, но сгоняли с кроватей и располагались сами. Жильцы вынуждены были забиваться в страхе по уголкам своих комнат, ежеминутно ожидая смерти.

На станции Верблюд в поселке Зерноград немцы расстреляли много жителей перед своим отступлением. Еще задолго до этого, в первые месяцы оккупации Зерограда, немцы выдали временные паспорта всем коммунистам и комсомольцам, им семьям и родственникам. Всех их немцы собирались расстрелять, и только стремительное наступление наших войск помешало осуществлению этого зверского замысла, и свыше 200 жителям из числа намеченных к казни удалось спастись.

"Мстите немцам!" - говорят измученные пятимесячным пленом люди. "Не дайте им вернуться сюда снова - грабить, жечь наши города и села, надругаться над нашим народом и увязнуть
***

13.04.1943

Четыре месяца исполняется сегодня со дня моего выбытия с передовой. Сейчас я в запасном полку. Выпустил ротную стенгазету. Вчера написал два письма маме и в Магнитогорск.

С первого дня я не хожу на занятия. Работаю с газетой. Сейчас я подготавливаю следующий, майский номер ее.

Здесь есть один еврей-боец. Хотя он и имеет некоторые привычки не нравящиеся мне, как, например, сильно размахивает руками при разговоре, крутит у собеседника пуговицу, тянет за руку во время разговора - он все же близок мне и симпатичен. Ибо он также презираем, как я, его так же не любят, как и меня. И хотя я, обладая привычками культурного человека, лицом своим похож скорее на грузина или армянина, что мешает распознавать во мне еврея фамилия моя вскрывает сразу корни моего происхождения.

14.04.1943

Сижу в президиуме партийно-комсомольского собрания совместно с беспартийными. Доклад делает заместитель командира роты по политчасти лейтенант Авраменко.

Сегодня весь день работал над оформлением стенгазеты. Переписал с помощью девушки Саши передовицу майского номера, а также свое стихотворение. Шура - девушка из Ташкента, 22 года, окончила десять классов. Она хорошенькая на лицо и наиболее чистая от всякого разврата из всех здешних девушек - сестер и санитарок. Я слегка увлекся ею. И с удовольствием проводил сегодня время возле нее.

Заглавие в стенгазету написала тоже она. Шура хорошо рисует. Сегодня я оставил с собой Бориса Гусева. Он не хотел идти на занятия и попросил меня оставить его переписывать газету. Но когда он стал писать, оказалось что почерк его не подходит для этого. Пробовал и комсорг роты, замполит старший сержант Славин. У него был лучший почерк, но и он не подошел. Шурин почерк, был наиболее приемлем, но хотя я и не закончил газету - завтра обязательно пойду на занятия, ибо многие думают, что я симулирую, прячусь, на самом деле ничем не занимаясь.

Командир взвода, лейтенант *** антисемит. В первый день моего прихода сюда, когда я назвал во время записи в канцелярии роты свою фамилию, он спросил меня - "Ты не еврей, случайно?" Я ответил, что "да". И когда на второй день моей неявки на занятия он меня увидел недалеко от строя на улице - заставил встать в строй, хотя я и имел разрешение замкомроты остаться. Я не смел ослушаться приказания и пошел на занятия. Только случайная встреча с политруком позволила мне продолжить работу. Политрук заставил комвзвода, несмотря на все его нежелание, отпустить меня в казарму. Вчера на занятиях, мне

рассказывали бойцы, он говорил заместителю командира роты по политчасти, чтобы тот любого, даже безграмотного человека заставил выпускать газету вместо меня. "Это хитрый народ - говорил он - они любыми путями увильнут от работы и занятий". Понятно кого он подразумевал под этим "они".

А сегодня утром он долго искал меня и спрашивал бойцов "где Гельфанд?". И, когда я, наконец, встретился с ним в коридоре, он спросил: "Вы все еще пишите?". "Да" - ответил я. "До каких пор это будет продолжаться?". "А вот, пока закончу газету" - сказал я. Он ничего не ответил. После него помкомвзвод несколько раз спрашивал, когда я пойду на занятия. Я знаю, что комвзвода завтра будет меня гонять и мучить, но не пойти на занятия я больше не могу.

Люди спят во время доклада замкомроты по политчасти. Устали.

Сегодня произошел у нас серьезный случай, могущий повлечь за собой плохие последствия. Один из бойцов нашей палаты-комнаты поймался с шинелью, которую он стащил на днях из машины начальника управления штабом Южного фронта, майора. В ней (шинели) были секретные документы и майору объявили выговор, отдали под суд и, очевидно, исключат из партии. Он заявил этому бойцу Дмитриеву, что застрелит его собственными руками, если не получит документов.

15.04.1943

Готовлю материал в следующий номер газеты. Шура тоже симпатизирует мне и исполняет все мои желания, касающиеся редактирования газеты. Командир роты назвал сегодня меня своим корреспондентом:

- Где мой корреспондент? - спросил он, и, когда нашел меня глазами, пригласил пройти с ним к газете. Там указал на необходимость заклеить надпись старого ***

Вечер. Ротное собрание. Присутствует какой-то капитан. Командир роты ведет вступительную речь. Рядом со мной сидит Шура. Она только пришла сюда.

Закончил командир роты. Говорит политрук. Он малограмотен, но речь его пафосная.

- Трогает за сердце нас матушка Украина, ждет нас, сынов своих... неоднократно повторял он вчера, и сейчас повторяет. Он украинец и любит свою Родину. Эта любовь его к своей (и моей так же) Украине, очень трогательна и понятна мне.

Капитан Кучеров Сергей Иванович - командир второго батальона - держит слово. Он говорит о необходимости учиться даже для бывалых людей, фронтовиков. Лейтенанта Авраменко он называет Авриенко - не знает еще своих людей, видно недавно

здесь. Говорит, что он депутат. Зачитал телеграмму, присланную ему с производства. Говорит складно, умно, грамотно, убедительно и просто. Хорошо слушать, приятно даже.

16.04.1943

Вчера после собрания поздно легли спать, а встали сегодня - еще темно было. Часы, по своей неисправности, сильно забежали вперед, и подъем был у нас в четыре часа.

Утром вышел на зарядку, затем на построение, как положено. Но после командир взвода не позволил мне остаться в казарме и, хотя идет дождь, заставил меня в валенках идти на занятия. Всем, особенно антисемитам, это доставило большое удовольствие и они не преминули произдеваться в этой связи надо мной: стали требовать, чтобы мне дали винтовку, нацепили противогаз. И, хотя противогазов на взвод всего пять штук, мне все-таки дали нести один. Помкомвзвод сбегал за винтовкой, и, за неимением таковой, принес карабин. Некоторые стали кричать, чтобы мне дали винтовку, и помкомвзвода исполнил и это их желание, заменив карабин винтовкой - все-таки тяжелей!

Сейчас лежим в поле. Я решил все снести и выполнить, что прикажут. Проклятая жизнь!

17.04.1943

Вчера мне все же удалось не пойти на занятия, и я написал несколько статей для газеты, одну большую, под названием "Обзор боевых листков".

Сегодня утром командир роты всех без исключения, даже девушек, выгнал на занятия. Но было уже поздно и пока мы дошли занятия окончились. Все вернулись обратно.

После завтрака опять пошли на занятия.

Сейчас беседа санинструктора. Хабибуллин - сержант-самозванец, страшно нахальная сучка. Маленький, заносчивый татарин со звонким голоском дворняги-собачонки. Он ко всем лезет, со всеми ругается и всеми командует. Из Сальска он вместе со мной в одной команде был направлен сюда. В дороге он утверждал, что является младшим сержантом и на петлицах у него было по одному секильку. Придя сюда, он вызвался быть командиром отделения. Когда спрашивал его командир, он заявил, что сержант, и через день прицепил себе еще один секилек. Когда я спросил его для чего он это сделал (документов на сержанство у него никаких нет), он ответил, что сейчас и средние командиры не имеют никаких документов, оправдывающих их звание.

А сейчас он пристал ко мне: "Сними винтовку!". Я, конечно, не выполнил его глупого и незаконного требования, не снял винтовку. Тогда он стал вырывать ее у меня. Завязалась борьба,

после которой ремень на винтовке был оборван. Я привязал ремень, а он, ругаясь: "Еврей!, я тебя застрелю! говно!", производил жалкое впечатление. Но я только смеялся над ним. Смеялись бойцы и командиры, которым он уже надоел своим лающим голосом и склочным существом. "Дурашка ты, собачонка лягавенькая, и ты берешься быть командиром?!" Он не нашелся что ответить, и еще долго и исступленно лаялся. Вот так их, гадов, обуздывать надо!

23.04.1943

Ростов. Запасной с.п. В поле на занятиях.

На днях получил зарплату - 125 рублей. Какова же была досада многих младших командиров, и в том числе Хабибуллина, получивших всего по 20 рублей.

Вчера у меня был крупный неуспех, или, вернее, ряд неуспехов в быту и учебе. Стрелял на 200 метров - плохо. Из 10 патронов ни одним не попал в цель.

Получил два наряда вне очереди от комроты за то, что купил стакан семечек. Он запрещал покупать их. Многие бойцы и командиры покупали их до и после меня, и ни одному не досталось за это. А на меня донесли свои же бойцы, товарищи. Хочу поговорить с замкомроты, написать рапорт о своем желании на фронт.

Вчера написал письмо в Магнитогорск с фотокарточкой.

24.04.1943

Дмитриев отделался строгим выговором с предупреждением на ротном комсомольском собрании. На днях его выпустили и он ходит на занятия.

Сегодня купил еще семечек. Лущу их так, чтоб никто не видел.

Вчера дезертировал или исчез каким-то образом старший сержант, медаленосец, член ВКП(б), агитатор нашего взвода Гайсек. Лейтенанта, командира нашего взвода, направили на пересыльный пункт как красноармейца, рядовым. Документов у него, что он имеет звание нет. Только в красноармейской книжке написали, что занимал должность в ЗСП командиром взвода. Так ему и нужно мерзавцу, антисемиту. Помкомвзвода теперь комвзвода. Свое назначение он ознаменовал двумя нарядами вне очереди одному красноармейцу. Приказал ему две ночи подряд не спать и работать, а после этого ходить на занятия за то, что тот не вовремя вышел на построение. Помкомвзводом назначен сержант-орденоносец Маслов.

Сейчас готовлюсь к выступлению на полковом партсобрании. Сержант Маслов освободил меня от занятий ради этого. Он хороший парень, хотя и старше меня намного. С ним я поделился

сегодня своими бумажными переживаниями.

На партсобрании записался в прениях по докладу полковника. (Полковник Аликанов). Но было очень много выступавших, а я записался одним из последних. Половину из списка не пропустили решением общего собрания. Лейтенант Авраменко выступил. Ему пришлось самому отдуваться за дезертирство и другие безобразия в роте. Позже он мне сообщил, что ему дали восемь суток ареста только потому, что вместо заслужившего наказание среднего командира назвали его, Авраменко фамилию. Замкомроты лейтенант Авраменко вообще очень простой и сердечный человек. И, имей он образование, он бы высоко поднялся по служебной лестнице.

Вчера отобрали девять человек из нашей роты для отправки в училище на средних командиров. Однако сегодня, оказывается, отменили эту посылку. И все из-за этого проклятого карантина.

Еще 24-го мы вышли на полковые учения, на расстояние в 19 километров отсюда к Новочеркасску. Вчера мы отправились сюда. Я ехал на машине. Сегодня пришла рота. Кузин, боец по прозвищу Рыжий, долго кричал, что я симулянт, что нас, евреев, давно следует перестрелять, что я "проклятая еврейская морда". А когда я сказал ему, что он не соображает что говорит, и это будет говорить потом, в другом месте, он стал бросаться, душить меня, пока я его не оттолкнул как следует. Большинство сочувственно ему ухмылялось, а некоторые, как Хабибуллин и один поляк, открыто поддерживали его.

29.04.1943

Три дня назад составляли на полковых учениях списки кандидатов в училище на средних командиров. Я был болен - 38,5?. Но когда замкомроты попросил меня составить характеристики на этих лиц, я, скрывая болезнь, решил написать. Когда написал - замкомроты, по моей просьбе, записал в школу и меня.

Сегодня после бани ожидаем на ОВС своего дообмундирования. За эти два-три дня отдохнул и хорошо поел. Только этой ночью не спал, ибо всех курсантов командир роты выставил для усиления караула, во время формирования и отправки маршевых рот из батальона.

Выпустил стенную газету и наполовину подготовил третий номер (майский).

Сегодня купил три булочки за 50 рублей. Итого: за два дня потратил 125 рублей.

Вчера записывали в училище. Записался в минометное отделение. Здесь в запасном полку был один лейтенант-еврей. Сегодня его отправили отсюда в штаб. Он побывал в плену, сумел

скрыть свою национальность, фамилию - и спасся. Он много рассказывал об ужасах плена.

Написал вчера два письма в Дербент отцу и в Среднюю Азию матери.

30.04.1943

Возле штаба училища. Прошел "медкомиссию". Я пишу в кавычках потому, что это был всего-навсего поверхностный осмотр врача. Писарь записывал некоторые данные из автобиографии. Отсюда, оказывается, выпускают сержантов и младших сержантов тоже, не только средний комсостав. Многих отсылают в штрафные роты за малейшее нарушение дисциплины.

Узнал адрес этой части: полевая почта 05958.

01.05.1943

Письмо в редакцию газеты "Сальский большевик".

Уважаемый товарищ Бадальян! Прошу переслать мне опубликованный в вашей газете отрывок из моей "Сталинградской эпопеи" и причитающийся мне гонорар. Также очень прошу сообщить, какие из оставленных мною стихов Вы опубликовали. Я сейчас на курсах средних командиров обучаюсь минометчиком. Стихи я и сейчас пишу. Смогу также присылать Вам корреспонденцию с курсов. Отвечайте, пожалуйста, как можно быстрее. Поздравляю Вас с днем 1 мая и желаю Вам большой плодотворной работы на благо Родины. Уважающий Вас глубоко и искренне, Владимир Гельфанд.

Весь день сегодня отдыхал. Пища вкусная и сытная. Концерт артистов Госэстрады. Выступали: Тамарина, Кириллова, Жаров и другие.

Написал письмо в Среднюю Азию с фотокарточкой и в Магнитогорск родным со справкой для мамы, в редакцию "Сальский большевик", в госпиталь села Карпенки, в Дербент папе с фотокарточкой.

Прошли здесь большую программу. Заниматься будет трудно. Все будет зависеть исключительно от меня самого. Партийная и общественная работа, а также стихи и проза могут тормозить ход моей учебы. Об этом приходится задумываться. Посмотрю завтра на занятиях как обстоит дело.

Хозяева на квартире хорошие. Водку сегодняшнюю и спички (коробку) я отдал им. Ребята на курсах как-будто тоже неплохие.

03.05.1943

Закончились майские праздники. Вчера был концерт самодеятельности. Я записался в программу последним. Однако выступал первым, открыв своими стихами концерт. Имел большой и шумный успех. Комсостав подошел в конце моего выступления, все офицеры восторгались стихами. Командир

нашего взвода с гордостью рассказывал, что я в его подразделении. Ротный тоже остался доволен и пожал мне руку. Не понимаю, почему стихи мои кажутся несовершенными и недоработанными только литераторам-профессионалам, таким как Шихтер и Ор, а народу всегда нравятся.

Евреев и здесь не любят. Дразнят "Абгам и Йошка". Поэтому, когда я сказал что я еврей, на меня многие неприязненно посмотрели, некоторые с тех пор стали дразнить. Только стихи сгладили (надолго ли?) антагонизм между мной и коллективом.

Сейчас в степи. Занятия по баллистике прошли неплохо. Пока мне все понятно и доступно.

07.05.1943

Вчера исполнилась годовщина моего пребывания в армии.

Вечером был на репетиции. Репетировали только мое выступление. Со мной полковник, подполковник и капитан - начальник клуба.

Сейчас занятия по тактике. Перерыв.

08.05.1943

Вчера весь взвод наш выделили в наряд. Я остался, так как меня вызывал полковник на репетицию. Однако она не состоялась.

Вчера отослал письма маме, папе. Сейчас тороплюсь, ибо замкомроты хочет использовать меня в писарском деле. Сказал, чтобы я явился к нему через два часа после завтрака.

09.05.1943

Вчера был на совещании агитаторов. Подполковник выдал всем агитаторам по две тетради. Провел инструктаж относительно бесед, которые мы должны будем провести.

17.05.1943

Несколько дней не писал - совсем не было времени. За этот период написал ряд писем маме, папе, в Магнитогорск, в Сальск - в редакцию газеты, в госпиталь.

Сейчас политподготовка. Большинство курсантов не интересуется политикой и вспоминают о ней только перед уроком. Несколько раз мне пришлось проводить занятия, во время которых нужно было упрашивать курсантов прослушать приказы т. Сталина за № 195 и 95. Но мало кто захотел прослушать их. Теперь карлик-уродец, кривляка Попов, стал жаловаться преподавателю, что я не читал и никому не давал читать приказы. А на дом я дал как минимум семерым.

Командир расчета нашего сержант Костенко - ужасный мерзавец, расист и беспардонный юдофоб. Ежедневно он издевается надо мной, заставляет постоянно таскаться с минометом и прочее. Однажды он открыто заявил, что я

"еврейская морда, что Абрамы все хитрые и скользкие" и т.п. В другой раз, на заданный ему вопрос "Чем я хуже тебя?" во время новых издевательств его, ответил надменно и нагло, глядя мне в лицо: "Как чем? Ведь я русский, а ты кто?!..."

Курсант Кружилин сочетает в себе еще больше мерзости и расизма. Тот и "Кукурузой" меня через "г" называет, и "Абрамом" через то же "г", и "Кривой винтовкой", которую, якобы, любят носить евреи не желая по-настоящему воевать...

Однажды после беседы с агитаторами, которую проводил подполковник, я заявил ему об этих фактах. Он обещал ликвидировать подобные безобразия. И действительно, об этом говорили на комсомольском собрании. Об этом узнали от секретаря партбюро капитан Захаров, командиры роты и взвода. Меня вчера вместе с парторгом вызвали к капитану, где он опросил меня подробно (и парторга) о положении в роте. Я рассказал ему все, но просил не винить нашего командира, лейтенанта Сатарова, со стороны которого я никогда не встречал антисемитизма, а напротив, всестороннюю поддержку и доброе ко мне отношение.

20.05.1943

После беседы об этом мы перешли к политическим, насущным вопросам. Я рассказал, что собираюсь провести беседу о борьбе в Тунисе и успешном завершении ее. Капитан обещал дать материал для беседы и сказал, чтобы я сообщил ему о дне и времени, чтобы он смог присутствовать. Это будет очень удачно для меня: создаст тишину, порядок и смирение.

После этого разговора капитан Захаров привел меня к себе на квартиру, где вручил богатый материал - статью "Победоносное завершение союзниками войны в Северной Африке" полковника М. Толченова в "Красной Звезде" за 13 мая.

Капитан Захаров - высокий, чернобровый, с мужественным и спокойным лицом. Толковый, политически развитый (что редко встречается теперь), образован и сердечен. Подполковник - еще выше ростом, лыс, усат - похож на старого генерала. Раньше он был редактором центральных газет СССР. Знает Суркова лично и многих других, печатавшихся у него поэтов. Это в высшей степени образованный человек, особенно в литературе. Он взял у меня стихи для просмотра. Много стихов прослушали они вместе: полковник и капитан начальник клуба. Чтение затянулось до позднего вечера.

Полковник же - толстый, низкого роста, почти шарообразный человек, весь морщинист лицом. Он полная противоположность подполковнику и капитану Захарову - высоким, стройным и худым.

Начальник клуба капитан Горовцев - в прошлом кинорежиссер. Отлично поет, образован и ... с бритой головой (очевидно плешь). Первое впечатление - наш географ в 8 классе, завпед 80 школы, что был до Исаака Абрамовича Инбера. Горовцев похож, и сочетает в себе этих двух, хотя, конечно, и имеет свои отличительные черты.

22.05.1943

Петр Иванович - так зовут капитана Горовцева.

Вчера он вызвал меня на репетицию - курсы дают сегодня концерт для райкома ВЛКСМ. Это будет - сказал капитан - репетицией для выступления на концерте самодеятельного армейского масштаба. На концерте будет много девушек-комсомолок.

Читал стихи "Глаза большие, синие", "Мы пройдем" и ? часть поэмы. В этом концерте принимает участие курсант ***, в прошлом кинорежиссер. Он хорошо, со вкусом умеет читать стихи. Просил ему дать прочесть мои. Я согласился, но переписанных начисто у меня не оказалось.

Сейчас в средней школе. Мало молодежи. Одни девушки. Человека три юноши. Все они или калеки, или слепцы. Один из них, комсомолец, читает доклад по какой-то теме, мне непонятно даже по какой. Тут и об успехах Красной Армии, и об англо-американских успехах, и желаниях Германии заключить мир, и о вассальных странах, и о кризисе в них, но, в общем, получается обо всем и ни о чем.

Некоторые девушки довольно таки красивы.

Вышло не так, как думали комсомольцы (комсомолки) - они хотели встретиться с нами как друзья, потанцевать, повеселиться. А мы явились сюда в роли артистов.

Сейчас мы расселись в зале, где проходит собрание. Девушки рыщут глазами по нам, улыбаясь. Вошел капитан - начальник клуба и девушки заулыбались еще сильней. Здесь сидят многие наши преподаватели, в том числе капитан (преподаватель танка) и старший лейтенант Губарец (тактики).

Позже выступил. Шумно аплодировали. Конферансье, кинорежиссер ***, назвал меня красноармейским поэтом. Остальные все тоже хорошо выступили, тем более что слушатели неприхотливы. Особым успехом пользовались капитан и помощник ***

XX.05.1943

В школе сегодня, на занятиях курсант Малометкин продолжал строить козни против меня. Он подговорил некоторых неустойчивых курсантов и те, во время урока иной ***

Левицкий - хороший парень. Я с ним до этого ничего не имел.

Однако сейчас, когда мы были должны идти обратно в расположение роты, и я сказал Бекасову (у нас такой порядок носки) чтобы он нес ствол орудия (я нес сюда) - все стали шипеть что я хитрый, что евреи вообще такие, а Левицкий выкрикнул несколько раз: " Що казати, комерційний народ!"

Панов сейчас, когда я пишу, тоже болтает: "Вот я знаю, этот воевать не будет, им только писать..." И ко мне обращаясь: "Вот ты не серчай, но ты почему пишешь? Это люди больные в тылу могут сидеть, но не ты. Ты же здоровый человек, а пишешь. В тылу хочешь отсидеться?". "Послушай! - отвечал я ему - разве мне нельзя писать, и почему ты так необдуманно бросаешь слова: в тылу, тыл... Ведь ты не знаешь где я был. Я, возможно, больше тебя воевал. И как ты можешь говорить о человеке, не зная его нисколько? Я так же, как и ты был на фронте, как и ты, нахожусь здесь, учусь...". "Ты был в тылу. Кто видел тебя на фронте? Там вашего брата нет, и никто вас там не видел, хотят ***

Халкин - полковник.

Неподчинение командирам - Карымов.

Полий - массовая работа.

Дезертирство, шпионаж, многие не являются на занятия. Кража рыбы.

Шатилов.

Никому (кроме Подойникова) ничего не давать. Пропажа дневника на тактике, случай с таблицей и карандашом - Замула. Лопатка - Бекасов.

Тщательно беречь свои вещи (3 линейки, карандаши пропавшие и проч.)

Стараться сдерживаться при выкриках Панова. На выкрики Костенко не обращать внимания, точно его совсем не существует. С Малометкиным избегать споров.

На занятиях в строю и вообще, где бы то ни было, прекратить грызть семечки.

Лейтенанту не отвечать на придирки, а поговорить с ним отдельно.

Не глядя ни на кого, приносить с собой все - скатку, лопату, противогаз.

Систематизировать свои действия, не распыляться в работе по мелочам.

Натренироваться в наводке прицела и корректировке огня (Подойников и пр.)

07.06.1943

Вчера написал и опустил в ящик два письма - маме (в Среднюю Азию) и Магнитогорск.

Сейчас в поле после стрельбищ. Все ушли обедать, а я остался

ждать машину.

Тринадцатого будет шесть месяцев моего нахождения в тылу. Командир взвода у нас теперь старший лейтенант Захаров. Написал письмо в Карпенский госпиталь. Пишу письмо папе.

Мне идет смена - прервусь.

12.06.1943

Под выходной. В карауле.

С курсантами имел целый ряд столкновений. Анищенко - помкомвзвод. Ничего себе парень, но со мной не ладит, любит делать мне замечания, назначать посыльным и прочее. Он младший сержант, но решил, что он самый высокий начальник среди прочих курсантов.

Подойникова я всегда уважал, да и он тоже относился ко мне с уважением. Но когда я попал к нему в расчет, поведение его резко изменилось. Он кричит и, я думаю, не уважает меня ни на йоту. А жаль, очень жаль, его мнением я дорожил.

24.06.1943

От папы получил уже девять писем. Послал сегодня ему еще одно письмо я много пишу. От мамы, родных и знакомых до сих пор ответов нет.

Позавчера исполнилось два года войны нашей страны с фашистской Германией. День этот ничем особенным не выдавался над остальными. Даже еда была повседневная: суп с галушками, тюлька, суп с рисовой кашей и колбасой.

Вечером было партсобрание. Присутствовал ответственный секретарь партбюро капитан Захаров. Он выступил с докладом о роли партийной организации роты в боевом и политическом воспитании курсантов. Много ругал Малометкина и Беловсета за нарушения воинской дисциплины, Баерстанова и Пташкина за неуспеваемость.

28.06.1943

Вчера был концерт. Я выступал со своими стихами. Читал "Глаза большие, синие", "Девушкам". Третье не разрешили читать - кто-то, откуда-то посторонний приказал капитану. После концерта я спросил подполковника, в чем причина запрета на третий стих. Он ответил что "оно вульгарно, в нем отсутствуют рифмы". Насчет первого я еще могу согласиться, но насчет второго мог бы поспорить.

На концерт я предложил пойти хозяйке, но навязалась Дора, эта домашняя проститутка. Неудобно было отказать, пришлось взять и ее с собой.

02.07.1943

Кино. В клубе. О Сталинграде. День, по сравнению с другими, прошел у меня неплохо.

Знания у меня без плана и порядка уложились в голове, образовав там такой сумбур, усугубленный, кроме того, какой-то скрытой болезнью парализующей мой мозг, что только привычка моя и потребность оставлять все на бумаге, быть может, дадут мне возможность, вернувшись к этому когда-то потом, вспомнить и понять сегодняшнее, страшное и непонятное.

XX.07.1943

*** на партсобрании говорили обо мне. Началось с выступления капитана Клименко, и за ним всех, под одну с ним, заводилой, дудочку. Малометкин особенно. В своем выступлении он бил себя в грудь и кричал (вслед за похвалой капитана) - я исправился! В то же время он предательски говорил о своем друге "этого ничем не исправишь, на него ничего не действует (о Костенко), этот никак не реагирует..." и закончил мною.

Было неловко слушать и то, как капитан Клименко и все партсобрание, так безответственно отнеслось к его восклику: "Гельфандом нужно закончить!"

И это сказал не кто-либо, а Малометкин, тот, который сидел на ротной гауптвахте, тот, который, после того как его выпустили, попал на городскую гауптвахту, а придя оттуда, заслужил новую, ротную; о котором говорят на всех партсобраниях как о самом первом нарушителе дисциплины, который, несмотря на свое хвастовство и вранье перед членами партии насчет улучшения своего поведения - сегодня не явился на проверку, зарядку, политподготовку. И придя, наконец, после завтрака на огневую - спал, потом ел абрикосы. На тактике, во время занятий лег в окоп и до окончания их проспал, игнорируя преподавателя старшего лейтенанта Губарца, за что получил предупреждение. Винтовки он, как правило, не носит. И этот человек был удостоен права так нагло заявить обо мне собранию. Не знаю, что уж дальше можно сказать. А ведь это пример не единичный.

08.07.1943

Весь день сдерживался. Все курсанты, которым приходится вести занятия по тактике, уже по привычке при разборе называют мою фамилию. Только Подойников вчера не затрагивал меня ни одним словом. Занятия прошли вчера неплохо, но Замула, который был назначен командиром расчета, установил миномет совсем в противоположную сторону от противника. И вел стрельбу, отлично зная, где находится "противник".

Сегодня на уроке Малометкин спал. Из-за него подняли на ноги взвод. Спал Замула, спал Анищенко. Вторично его вместе с Чухлебовым из третьего взвода заставили выйти на середину и его строго отчитывал преподаватель бронетанковых войск майор

Авденин.

Только что получил два наряда вне очереди. Опять незаслуженно. Еще когда мы становились в строй и была отдана команда: "Равняйсь!", Замула стал дергать за мою сумку руками. Я сказал ему: ведь ты не маленький, понимаешь, что из этого может получиться неприятность. Он прекратил, но когда мы двинулись - подставил мне ножку. На вторичное предупреждение он не реагировал и вновь пытался подставить мне ножку, но, когда он подсунул свою ногу за мою, я неожиданно подсек и он упал на руки; вскочив, стал драться. Помкомвзвод сделал ему замечание и направил нас докладывать к командиру взвода. Замула доложил: "Помкомвзвод послал меня доложить, что я ударил Гельфанда".

Два наряда вне очереди обоим - отрезал ст. лейтенант Захаров, и не дал мне даже рассказать, как что было и почему произошло.

Придя в строй, Замула хвалился, что ему десять суток ареста дали и мне тоже. Затем перешел на пять, а потом только признался что два наряда - весь подвиг его оказался незначительным. Он еще стал говорить, что вел себя мужественно когда получал наряд и даже обрадовался этому, а я, дескать, испугался, растерялся и струсил. Дурак.

25.08.1943

Вчера сдавал последний экзамен - огневую. Ответил, против ожидания, на все вопросы. Лишь дополнительно заданные о ШУ и КУ спутали меня. Получил "хорошо". Теперь у меня такие оценки:

Политика - отлично
Тактика - отлично
Топография - отлично
Танко-истребительное дело - отлично
Артиллерия - отлично
Уставы - отлично
Химия - хорошо
Огневая - хорошо
Связь - хорошо
Строевая - хорошо
Военно-инженерное дело - хорошо
Физподготовка - хорошо

Испытания кончились; я - офицер! На испытаниях присутствовал капитан Клименко - командир нашей роты, старший лейтенант Захаров - командир взвода, и майор Козлов - преподаватель огневой.

Вчера от Советского информбюро поступило радостное сообщение о взятии Харькова нашими войсками. В боях под

Харьковом сражалась и моя дивизия 15-ая гвардейская, в которой я пребывал до госпиталя около шести месяцев. Жаль только, адреса ее не знаю, а то бы написал письмо туда.

От тети Ани было позавчера письмо. От дяди Левы - сегодня. Он чудаковат немного. Когда ему написал, что капитан не отдает письма пока я не научусь строевому шагу, он (дядя Лева) решил, что то - его письмо, и написал специально капитану Клименко чтобы тот возвратил письмо, ибо "письмами не шутят". А письмо он мне возвратил на пятый день.

Сегодня получил форму. Не знаю, даст ли мне капитан сапоги. Боюсь, не даст. Он вообще не любит меня.

29.08.1943

Крюково, Ростовской области.

26 числа после зачтения приказа получил звание младшего лейтенанта. Теперь ношу звездочки на погонах. Как-то странно и непривычно: "Товарищ младший лейтенант" - это немного смущает, я не привык еще к этому званию.

Когда меня одевали, старшина сказал выдать мне ботинки. Я отказался получать их и, когда пришел командир роты, я обратился к нему с просьбой выдать мне сапоги (он обещал раньше). Но теперь он и знать ничего не хотел об этом - "Сапог ты не получишь!" - отрезал категорически. Когда я стал настаивать - пригрозил револьвером, обругал хорошо при курсантах и приказал замолчать.

Я отказался от ботинок и стал требовать только обмотки. Обмоток мне не давали. И я, несмотря на то, что был в наряде, остался ждать окончания выдачи обмундирования, чтобы все-таки добиться своего. О сапогах я уже и помышлять перестал.

Пришел полковник и сразу обратил внимание на мой вид. Я объяснил ему все. Он, записав по памяти мою фамилию, распорядился выдать мне сапоги. Однако, как только полковник Шапкин ушел, они вновь принялись издеваться надо мной. Выдали 46 номер сапог, в то время как мне нужен был 43. После долгих споров и пререканий удалось получить 42.

Победив там и отобедав, я отправился в строевую часть исполнять обязанности связного. Там делать было нечего и я попросил майора помогать ему в сортировке личных дел курсантов (для отсылки на присвоение звания).

Все личные дела взвода были в моих руках, в том числе и мое. В моем листке поощрений и взысканий не было ни того и ни другого. Даже благодарность полковника приказом по курсам, не была внесена в мое личное дело. В партхарактеристике было, однако, написано, что имел я предупреждение на партсобрании за пререкания с командиром взвода. В остальном ничего плохого

в моем личном деле нет, как говорится, "за исключением пустяка".

На другой день после того как нас обмундировали, мы были собраны для отправки с курсов. Некоторые из нас по приказу направлялись в часть, в число этих попал и Подойников Миша и Левицкий. Я в числе почти всего нашего взвода, к великому сожалению своему попал в резерв. Теперь опять нас гонять будут.

Прощался со многими: с майором из строевой части, с капитаном-инженером, с капитаном Клименко и старшим лейтенантом Захаровым. Не смог попрощаться с майором Дмитриевым, подполковником Лихановым, капитаном Горовцевым, старшим лейтенантом Гоусом, капитаном Жадановым и другими - их не было.

Последним прощался с полковником. Его теплое рукопожатие надолго осталось со мной. Какой хороший, добрый человек. Не гордый, не кичливый, несмотря на его чин и должность. Я никогда не забуду как он хорошо и заботливо относился ко мне, всегда выделяя меня из общей массы курсантов, часто интересуясь моими здоровьем, учебой и писаниной. Сапоги он мне выдал наперекор всему и вразрез с желанием командира роты отправить меня в часть в обмотках. Впрочем, и командир роты в конце совершил таки акт милосердия, выдав мне шинель в обмен на тряпку (что я отобрал у хозяйки, уворовавшей мою шинель. Я отомстил той изрядно, забрав из дому все туфли и в тот же день продав их за 800 рублей).

Решил сфотографироваться. На окраине Ростова, откуда должен был быть отправлен в село Крюково, зашел на базар где и сфотографировался на пятиминутке у лилипута. Всего изготовил он 11 снимков но, к сожалению и досаде моей, испортил все. Выкинул я 220 рублей. И за отсутствием лучшего поотсылал эти.

Сюда, в Крюково, приехал только сегодня. Две ночи переночевал на окраине (Северо-западной) Ростова. Последнюю ночь в огородах я поохотился маленько, ибо был голоден после привычной курсантской пищи, разбаловавшей мой вкус и аппетит.

30.08.1943

Денег у меня осталось мало.

Вчера и позавчера писал письма. Сегодня буду продолжать - во все концы, пока свободен. Завтра снова начнутся занятия.

Нас разбили по ротам. Командир минометной роты Шутиков - тщеславный человек, - в погоне за славой и чинами поспешил сюда раньше всех приехать. Теперь он свирепствует. Не успел он много времени покомандовать нами будучи помкомвзводом на курсах. Сбросили мы его, и он никогда не

поднимался выше командира отделения. Только изредка, в отсутствие помкомвзвода Анищенко (тоже хорошей птицы), он спешил замещать его, прокатываясь по самым мягкотелым курсантам. Мне от него доставалось чаще других, но и всем остальным он не нравился, так как добивался чтобы равные ему перед ним на цыпочках ходили и дрожали в его присутствии. Но у нас народ не из пугливых и по его не выходило. Он жаловался, докладывал командиру взвода, роты, за что и получил кличку "сексот". Теперь он добился того, чего жаждал.

У него мы с Племаковым узнали адрес свободной квартиры и заняли ее. Спали вместе на одной кровати. Кровать мягкая, пружинная. Комната большая. Только мух много.

Сегодня и завтра мы остаемся без пищи и только первого нам выдадут продукты, ибо в селении Саултан-Залы, где мы, 15 человек, получали продукты - нас надули. На всех получил один аттестат младший лейтенант-пулеметчик. Мы не посмотрели что там написано, а он проворонил, прошляпил, и кладовщица вписала нам лишний день пользования продуктами. В результате 15 человек без еды. Не знаю, как мы перебьемся эти дни после четырехмесячной сытой жизни на курсах.

Сегодня пока еще не голоден - недавно съел остатки своего пайка, кашу и сухари. Но купить здесь трудно, все много дороже чем в Ростове и базар только раз в неделю. Все село заполнено военными, преимущественно офицерами, много капитанов и даже подполковников.

Командиром роты тоже младший лейтенант. Начальник штаба резерва капитан ***, бывший помкомроты на курсах - черненький представитель азиатных народов - не знаю точно какой нации. Он тихий, славный парень, культурный. Роста ниже среднего.

Комсостав здесь чересчур надменен. Бекасов влип в историю. Когда его попросил дежурный лейтенант уйти подальше от штаба, он его назвал на "ты": "Что ты, мол, в самом деле!". Тот ему заявил что, мол, "ты еще сопляк, ты только с курсов вышел и так со мной разговариваешь!". Бекасов ответил ему матюком. Лейтенант потребовал, чтобы Бекасов подошел к нему. Вмешался какой-то капитан с медалью, дошло до драки... Бекасова направили к майору, где он получил двое суток и угрозу разжалования.

31.08.1943

Сегодня у меня день поста. Кушать нечего. Решил выкручиваться из положения. Утром пошел в правление колхоза и выписал огурцов 4 килограмма, на себя и Георгия Плешакова. Достал кусочек хлеба. Поел, но сейчас опять голоден.

В пути нас надули здорово весовщики, написав в аттестате что выдали продукты на три дня, фактически выдав на два. Свои аттестаты вся наша группа лейтенантов из 15 человек сдала, получив взамен один общий аттестат, который взял один из нас - Бобров. Тот не посмотрел на правильность написанного и уехал. Только здесь мы настигли его. Так мы и прогавили паек за одни сутки.

Здесь многие ходят с медалью "За оборону Сталинграда". Я решил, пользуясь свободным временем, возобновить хлопоты о медали. Начальник штаба резерва, капитан, сказал, что на днях мы переедем во второй эшелон и там можно будет об этом говорить, ибо там есть медали.

04.09.1943

Село Маныч. Латоновского с/с, Матвеево-Курганского района.

Сюда прибыл вчера на рассвете. Из Латоново, куда завез нас (офицерский состав) шофер. Он не хотел нас везти и даже пытался драться с командиром второй роты, лишь под угрозой револьвера утихомирился, но завез нас на семь километров западнее Соколовки, где разместились наш штаб и кухня. Но там все мы поместиться не могли и переехали частично (вся рота) сюда, в хутор Маныч.

07.09.1943

В Маныче пробыли два с половиной дня. Ел арбузы без нормы и молоко. Со мной опять поселился Тишаков. Спали на полу. Мух много и они буквально съедали нас днем и ночью.

Семья у моих хозяев большая: две девушки, одна 24 года - Маруся, другая 26 - Надя. Старушка - мать девушек и двоих детей. Они отнеслись очень внимательно к нам, ко мне особенно. Я взял у них адрес чтобы писать.

Когда приказали всей роте выстроиться с вещами, я распрощался с хозяевами и ушел. На дорогу захватил пышку (хлеба не было) и четыре арбуза. Два съел дома.

На построении выделили 20 минометчиков для отправки в часть. Я оказался вычеркнут из этого числа и настаивал на отправке. Когда всю партию все-таки отослали, командир роты вдруг почему-то спросил: "Кто еще из минометчиков остался?". Все разбежались, попрятались за домом: и Замула, и Кружилин, и Герасимов - никто не обмолвился словом, показав свою трусливость и нежелание служить своему отечеству. "Я остался" - заявил я перед притихшими командирами. "Гельфанд здесь останется" - заявил командир роты резерва - он прослышал, что я пишу стихи и редактирую газеты и не хотел со мной расставаться. "Нет - сказал я, - Мне хочется воевать, а не в тылу оставаться".

"Гельфанду не терпится. Ну ладно, идите, замените Киселева, а он подождет следующей партии".

И я пошел. Два дня мы ехали, шли. Дорогой встречали полуукраинские-полурусские хутора и деревни, жители которых рассказывали нам о немцах, о том, как они (немцы) жили, грабили, хозяйничали, убивали но, вместе с тем... плакали, кляли Гитлера, ели сухой, заплесневелый хлеб (по 200 грамм) и драпали, застигнутые врасплох, бросая свои ложки и недоеденную кашу, отступая. Два немецких трупа, нагишом уложенные в окопы пехотные, мне повстречались в стороне от дороги. В пути нашел я также две немецких листовки, исключительно антиеврейские. Там они насмешничают над еврейскими именами и обычаями и, в конце концов, призывают "громить жидовское правительство, ввергнувшее Россию в войну". Вот он и единственный козырь, за который они ухватились с отчаяньем утопающего. Рассчитывая на неприязнь к евреям, которая еще не совсем изжита в России со дня Октября, немцы намереваются хоть этим подействовать на мысли и чувства советских людей. Но поверить врагам и клюнуть на их удочки могут только маловерные люди и врожденные предатели. Я же докажу мерзавцам гитлеровским, кто такие советские евреи, как они любят Родину, ненавидят фашистов, готовы на любые подвиги во имя разгрома иноземных пришельцев. Сохраню листовки, чтобы потом когда-либо приклеить их плененному мною лично немецкому офицеру или борзописцу на лоб. Я дождусь этого момента, я исполню свое намерение.

Сейчас мы в Хутке, где находится штаб 248 дивизии, в которую я направлен. Здесь, совместно с моими товарищами по курсам Плешаковым, Анищенко, Гостевым, Ткаченко и другими, ожидаю старшего команды, который вместе с шестью бойцами где-то едет еще. Двух младших лейтенантов встретили мы вчера в пути и затем здесь. Они еще со дня выпуска с курсов были направлены сюда и до сих пор (дней 15, как они рассказывают), не могли найти дивизию. Были в отделе кадров, их поругали там, пригрозили отправить в штрафной батальон, но потом послали, дав точный адрес, сюда. А вчера их отправили уже в командировку в тыл за пополнением. Вот такие люди редко отвечают за свои действия. А ведь мотание, в то время как ждет фронт, равносильно измене. Но для них все сошло безнаказанно. И еще много и много людей таким поведением своим затягивают войну, вредят Отечеству.

08.09.1943

Сейчас нахожусь в резерве при полку. Просил старшего лейтенанта, что заправляет строевым отделом полка, разрешить

сходить мне на передовую и лично наблюдать за действиями минометчиков. Но тот не разрешил.

- Может ты еще хочешь пойти в качестве рядового бойца в штыковую? Нет, нельзя на передовую - там убить могут - ответил он безапелляционно, как-будто я приехал сюда от снарядов и пуль прятаться. Обидно даже немного стало.

Уф, проклятые немцы! Прервали меня на самом интересном месте. Стали обстреливать хутор из миномета в разгар моего писания. Вокруг стали кричать, чтоб я ушел под дом. Я не геройствовал и отошел под стенку дома.

Сегодня отправил много писем, написанных еще вчера: папе, тете Ане, Лямошке, Майе, Оле.

Я попал в 899-ый полк 248-ой стрелковой дивизии 28-ой армии Герасименко. Адрес мой: полевая почта 28318.

Пополнение еще не прибыло и выходит что командиров очень много, а командовать некем. Создался резерв дивизии и резерв полка. В полку нас больше двадцати человек среднего комсостава. Есть здесь и старшие лейтенанты, и лейтенанты, но больше всего нас, младших лейтенантов. Проблема командования взводом меня очень волнует и тревожит. Справлюсь ли? Особенно трудно будет в управлении и корректировании огнем. Глазомерная подготовка тревожит мою мысль.

09.09.1943

Ночью немцев выгнали. Наши части далеко продвинулись вперед. Сейчас будем трогаться и мы.

Ночью я несколько раз выходил. Видел ракеты на передней линии, но выстрелов не было. Я все мечтал о продвижении, но мне казалось это только мечтой, ибо все было спокойно. Перед рассветом уже кто-то крикнул "В ружье! Подъем!".

Кто-то сказал про Сталинград и другие города, про триста населенных пунктов, что заняли *** люди, зашевелились, но не поднимались. На рассвете стали поднимать нас. Лошади оказались запряженными и имущество наше на колесах. Ждем приказ двигаться. Впереди трофеи и много нового, много зрелищ, предопределяющих нашу победу.

Вперед помчала конница, оглашая тишину громыханием колес и повозок.

Вечер. Прошли мы, то есть продвинулись вперед, километров на 5-6. Враг остановился у железной дороги, окопался, и никакими силами его нельзя было оттуда выбить. Так мы и остались здесь по сейчас, до захода солнца. Ночью, по общему мнению, противник уйдет под прикрытием темноты. О виденном в занятом нами селе и о трофеях, расскажу завтра, повернутую ***

15.09.1943

Село Захаровка.

Здесь, наконец, догнал свой комендантский взвод, где я числюсь сейчас, до прихода пополнения вместе со всем офицерским, резервом.

Это было позавчера утром. Подполковник Рыбкин, командир нашего полка, вызвал нас всех, офицеров, и сказал: "Хватит, проболтались без дела. Пора и повоевать".

Старшего лейтенанта он назначил старшим над нами. Тот распределил места и мы стали отрывать парные окопы. До самого вечера мы были в земле. Старший лейтенант сразу приобрел важную начальственную осанку, стал приказывать, ругать нас. Так, на меня напал за то, что, как ему думалось, я не ходил на оборону с утра, а где-то околачивался и на оборону поздно пошел. В то время как на самом деле я с самого утра просидел в окопе вместе с одним младшим лейтенантом и пришел только тогда, когда пришли наши офицеры подменить меня с санкции старшего лейтенанта, а на самом деле - самостоятельно.

- Я вам приказываю немедленно уходить на оборону! - кричал старший лейтенант.

- Я и так пойду, - отвечал я - без вашей ругани и ваших приказаний.

И пошел в свой окоп.

Там застал двух младших лейтенантов - Германова и еще одного. Германов решил остаться со мной, а тот ушел. Прокопали глубже окоп, шире, но в длину не копали, и он оказался коротким. Я нанес соломы и мы устлали его. Было тепло, мягко, но коротко. Всю ночь я не мог заснуть как следует - то и дело просыпался, ибо скорчившись, как говорится в три погибели, тяжело было лежать. До самой темноты и после наступления ее немцы не прекращали перестрелки с нами. Затем наступила тишина. Только ракеты пугливо ***

*** я неоднократно просыпался, вставал, и, шатаясь как пьяный, выходил оправляться. От внезапного подъема кружилась голова и я опять вваливался в окоп, нечеловеческими усилиями предохраняя себя от падения. Наутро я встал еще до восхода солнца, опять шатаясь на ходу, спросонку осмотрелся и вдруг заметил, что оборона пуста. Только где-то метрах в 200 от нас приготовились к отъезду грузовые машины с прицепами-пушками 45 мм.

Быстро встали, собрались. Машины с пушками не брали - шли пешком. Позже узнали, что полк наш еще ночью ушел вперед, и мы отстали километров на двадцать. Долго пришлось нагонять. Пешком, потом на машине.

В одном из сожженых сел мы наткнулись на случайно уцелевшую хату. Хозяйка не знала что ей делать от радости что спаслась. Всех соседей угощала едой и помогала имуществом. Нас она очень тепло встретила и хорошо угостила прекрасным украинским борщом с курятиной и арбузами. Потом повела нас в сад, где мы переели фруктов - яблок и слив.

На другой день мы догнали своих.

Только что прошли Андреевку - районный центр Запорожской области. Она наполовину сожжена. Столбы телеграфные вдоль дорог срублены до пней. Всюду огонь, всюду плач взволнованных нашим приходом, утешенных жителей; но вместе с тем глубоко опечаленных разорением и зверствами фрицев. Даже скот те убивали, а имущество грабили и жгли.

- Как жаль, что вы вчера не пришли - говорят бедные, настрадавшиеся люди. - Днем раньше б, тогда была цела бы наша хата, был бы жив наш скот и цело имущество.

Мы рвемся вперед, на юг и на запад - бить немцев. Сергеевка, Захаровка пройдены нами. Первая, еще Сталинской области, разорена до ужаса - вся в огне, дыму и пепле. Там замечательные сады, и яблоки оттуда по сей день сохранились у меня (я попал

туда в момент своего отрыва от части). Одна хатенка сохранилась на всю деревню.

Хутора Новоселовка, Андреевка менее пострадали, чем все другие, но тоже горели во многих местах. Здесь течет какая-то речушка.

22.09.1943

Еще немного продвинулись. Теперь в резерве остался я один. Большинство младших лейтенантов отправили по частям в резерв дивизии, а также в командировку за пополнением. Но даже и теперь мне приходится идти пешком.

Вчера сел на бричку из батальонного обоза. Всю ночь спал и слишком далеко зашел к передовой. Попал под артиллерийский обстрел, наткнулся на бахчу. Целый день жил дынями и арбузами.

Встретил Богатского. Он здесь командует штрафниками. Кричит и ругается так, что слушать страшно. Вот он - тихоня-курсант! Теперь он гроза! Ныне так преображаются люди.

По сообщениям информбюро узнал колоссально-радостные новости: Бердянск, Брянск, Павлоград, Кировоград, Духовщина, Прилуки, Лубны, Хорол, Пирятин, Борисов, Новгород, Новороссийск ***

Два часа ночи. Взяты Синельниково и Чернигов.

Меня направили во второй батальон. Здесь командир роты дважды орденоносец и медаленосец капитан Хлыстов.

Здесь три командира взвода, я - четвертый и капитан - пятый. Так что хоть отбавляй.

Письмо отправил папе, вчера - маме.

24.09.1943

Оказывается здесь восемь средних командиров со мной.

Трое, во главе с капитаном и вместе со своими взводами, ушли вчера на другую ОП. Я с тремя младшими лейтенантами и двумя расчетами решил остаться здесь. Четвертый день как мы ни шагу.

Вчера написал стихотворение "Вперед, советские солдаты!". Писем вчера не писал и записей в дневнике тоже не вел.

Пребываю здесь как бы в резерве. Не на должности. И никто ничего мне не говорит, не указывает. Я сам себе хозяин. Вчера захотел арбузов - пошел и нарвал. Вообще, арбузов объедаюсь я тут. И дынь тоже. По пятнадцать за один раз. Не раз меня дрисня такая прохватывала! (извини за выражение, мой дневник) что ой-ой-ой! Но желудок мой крепче стали. Выдерживает все лишения и снова за работу! С сегодняшнего дня - как положено. Но арбузоедство я, конечно, не бросаю, и сегодня съел, по меньшей мере, штук пять.

На днях видел старшего лейтенанта-химика с курсов. Он был там командиром химзвода. Теперь он находится при армии (в штабе) и приехал сюда для проверки (комиссии) нашей работы боевой. Он обещал писать (я дал адрес ему) и взялся передать в армейскую газету одно из моих отпечатанных на машинке стихотворений.

Секретарь комсомольской организации полка - младший лейтенант Бахандан - хороший парень. Вчера он был здесь и мы разговорились. Он очень жалел, что не знал меня раньше, а то поставил бы меня на комсомольскую работу комсоргом батальона. Штатная должность. Я обещал ему помогать в работе, главным образом пером и словом. Мы вчера вместе ходили на бахчу и часа два охотились на арбузы. Хорошее дело! Но не всякому оно дано в настоящий момент. Сумки я не нашел и часть тетрадей и записи приходится носить в сапогах.

Часто я думаю насчет звания и наград. Мне очень обидно, что до сих пор я не имею никаких наград, хотя неоднократно заслуживал их. Всему виноват мой характер: спорил часто, не ладил с начальством. Другие, менее меня отличившиеся или вовсе ничего хорошего не сделавшие на благо Родины, как Зиновкин, к примеру сказать, - сейчас награждены и имеют звания. Звание и я сейчас получил, но что толку, если я теперь даже не гвардеец. Я согласился бы быть сейчас рядовым, но с орденом. Осталось мало времени, но я постараюсь его использовать, отличиться. Стыдно без ордена или хотя бы медали, выходить из этой войны, совестно даже.

Сейчас находимся вблизи Мелитополя. На нашу дивизию возлагается роль сковывающей группы. Совсем недалеко отсюда лежит село Астраханка.

От стрельбы минометов звенит в ушах. Сейчас нам приказано поддержать штрафную роту своим минометным огнем. Нас четыре средних командира, так что я почти безучастен. Лишь совещательное значение имею я сейчас.

Письмо в редакцию "Красное Знамя".

Уважаемый товарищ редактор! Посылаю Вам свое последнее стихотворение-песню, написанное мною вчера, для опубликования на страницах Вашей газеты "Сталинско-Красное Знамя". Ваши замечания и указания очень прошу переслать мне по адресу: Полевая почта 9318 Т. Гельфанд Владимир.

При опубликовании допускаю сокращения четырехстиший или принятие приведенных мною вариантов, вместо неугодных Вам. Если для Вас желательно могу прислать другие свои стихи фронтовые, а именно... Заканчиваю на этом.

Тепло приветствую Вас и Ваших сотрудников, желаю Вам

большой плодотворной работы на благо нашей могучей Родины.

С уважением, Ваш Владимир Гельфанд. 24.?X.43.

26.09.1943

Утро. Началась сильная артиллерийская подготовка. Немцы отвечают, но слабо. Очевидно пойдем в наступление. Снаряды рвутся поблизости. Немцы активизируются. Разбудил младшего лейтенанта на НП. Он пошел.

27.09.1943

Наблюдательный пункт (НП) полка. Большой выдающийся курган. Немцы хорошо знают, что здесь НП. Не раз они посылали сюда ночью разведку за "языком". Снайперы-наблюдатели не сводят глаз отсюда. В бинокль и простым глазом смотрят они, патрулируют пространство.

Кругом кургана масса воронок от мин и снарядов. Немцы яростно обстреливали курган, но снаряды ложились вокруг него, у подножья. В курган они так и не попали. А боеприпасов у них мало. Так что они оставили пока курган в покое.

Наблюдал в стереотрубу за противником. Фрицы свободно и открыто ходят по передовой во весь рост. Многие без рубашек - загорают, некоторые вшей ищут друг у друга в голове. Иные по телу с такой яростью ловят их (и на рубашках), что кажется, там им числа нет.

Рыжих много, но есть и черные. Стоят, улыбаются, ходят, лазят в окопы или лежат на поверхности. Они, совсем не окапываясь, расположились в рощах. Беспечны, как-будто у себя дома. Наблюдения, правда, не прекращают. Какой-то в бинокль наблюдал все время, потом пошел оправляться и передал бинокль другому. Так они меняются все время.

В селе взрывают хаты и амбары. Каждый день видны столбы густого то белого, то серого, то красноватого дыма.

30.09.1943

Позавчера немцы накрыли нас своим артогнем. Да так точно, что только чудо какое-то спасло нас всех и ни одного не убило, не ранило. Я остался последний в окопе во время артогня. Решил не выходить - будь что будет. Но снаряды рвались так близко и такой силы они были, что мой окоп разрушило от сотрясения и меня всего присыпало землей.

Темень. Завтра закончу.

01.10.1943

Самая первая передовая из всех передовых.

У нас существуют различные понятия слова "передовая". Коренные обитатели тыла, никогда не видавшие настоящего фронта, но причисляющие себя почему-то к числу фронтовиков, называют "передовой" территорию, отстающую от таковой на

10-50 километров. Фронтовые тыловики, что в 5-10 километрах от нее, называют "передовой" полосу в 2-3 километра от передних цепей. А мы, минометчики, считаем "передовой" территорию, отстоящую от ближайших немцев в 800 метров.

Но все это, конечно, не передовая в полном смысле слова, ибо впереди еще есть люди. Передовая, самая настоящая - это окоп, в котором я сейчас нахожусь. Впереди меня ни одного нашего человека. Впереди меня в густой заросли деревьев, в земной, разползшейся по земле зеленокудрой травке, в подсолнухах, в складках местности и в глубоких земляных окопах притаился враг.

Отсюда до немцев 300 метров, не более. Я долго всматривался в сторону противника, но ни одного фрица не заметил, хотя они должны быть хорошо видны отсюда. Маскируются.

Я задумал выявить огневые точки врага стрельбой из автомата, но тщетно - выпустил целый диск и лишился патронов. Противник не отвечал. Он притих в своей звериной злобе и притаился коварно в земле.

Рядом со мной пополнение. Слева, справа и сзади меня. Их только вчера сюда прислали. Они в гражданской одежде. Не им ли я посвятил вчера свое стихотворение?

Вчера я принял взвод и решил перейти к нему поближе, хотя землянка, в которой я находился до этого, была накрыта, обширна и глубока - я проработал над ее устройством три дня или около того.

Младший лейтенант Чернявский по приказанию командира роты остался в резерве, и я принял его "взвод". Пишу взвод в кавычках, ибо количество людей в нем меньше, чем в нормальном минометном расчете - пять человек и один миномет.

Ночью командир роты, старший лейтенант ***, передал через адъютанта своего, чтобы я выдвинулся к командиру стрелковой роты и пронаблюдал огневые точки противника. Я пошел сегодня еще до восхода солнца. Пришел, а командир стрелковой роты говорит, что от него нельзя ничего заметить, ибо противник находится в лощине. На местах расположения взводов противник хорошо виден, даже пехота его: как ходит, откуда стреляет. Но все это видеть можно только ночью или вечером, а сейчас немцы бездействуют.

- А можно ли туда добраться и далеко ли до взводных окопов?

Он указал мне на еле заметный холмик слева впереди себя, но несколько раз предупредил, что сейчас днем идти опасно и рискованно, даже ползком трудно пробраться - посадка засажена

сплошь их снайперами и на всякое шевеление по засеченному месту открывают ураганный огонь. Многих бойцов, таким образом, немцы вывели из строя. Но иначе чем ползком двигаться нельзя.

Он посоветовал мне дождаться пока взойдет солнце, которое собралось уже вот-вот взглянуть на свет божий, просыпаясь от недолгого ночного сна.

Я переждал немного, минут тридцать и двинул в путь-дорогу. Это был риск, но риск благородный. А я люблю риск, если нужно для пользы дела. Только мне удалось пробежать во весь рост до середины пространства между бугорком и отдельными деревьями, у которых расположился КП роты, как открыли огонь фрицы и пришлось остальной путь ползти, только изредка делая коротенькие перебежки. От бугорка было меньше половины пути до окопов, и я благополучно покрыл это расстояние.

Здесь встретил двух младших лейтенантов с курсов. Один - командир пулеметного взвода, другой - стрелкового. Они заросли бородами, гимнастерки и шаровары-брюки на них чистые, в отличие от моего - я успел измазаться на арбузах так, что и узнать трудно в моем костюме свежий материал - ведь я недавно только получил обмундирование, всего месяца два назад.

Говорят о смерти ребята, о том, что их жизнь - это постоянный риск.

Только что противник обстрелял нашу территорию - посадку в километрах двух-трех отсюда, из минометов. Направление примерно я засек. Остается уточнить только ночью по вспышкам пламени при выстрелах их действительное местоположение (ибо немцы ведут огонь кочующими, по всей вероятности, минометами) и их количество. Сколько их - трудно определить, но не меньше четырех находятся за близлежащей посадкой в направлении отдельных деревьев.

А тот обстрел нашей позиции закончился для нас благополучно. После первых выстрелов ребята побежали в посадку, а я стал одеваться, ибо был нагишом: в брюки, сапоги и под рубашку насыпалось много земли и пыли. И я, не очень-то обращая внимание на отдаляющиеся разрывы, стал одеваться и отчаливать отсюда подобру-поздорову.

Еще несколько снарядов разорвалось в двух-трех метрах от землянки моей. На позиции осталось нас трое: я и два бойца - Панов и ***. Осколок огромной величины, пробив крышку от ящика с минами, которым я накрыл свой окоп, с визгом врезался в землю, каким-то чудом не зацепив меня.

Обстрел не прекращался, и снаряды ухали и ревели, рассыпаясь вдребезги от соприкосновения с землей. Кругом все

гудело и дрожало, я был еще и еще обсыпан землей и оглушен. Наконец побежали последние бойцы - я остался один. Быстро ухватив сумку с дневниками и кое-какие тетради, я пустил драпака от того места, которое казалось теперь мне адом.

Немец не видел нас. ОП нашу, очевидно, выдала "рама", накануне летавшая над нами. Даже когда мы убегали, он продолжал обстрел позиций наших, и только когда уже стали добегать до посадки, фрицы сделали доворот, посылая вдавливающие в землю ***

05.10.1943

Позавчера днем старший лейтенант сказал, чтобы я собирался за "Максимками". Что за "Максимки" он не знал и сам. Нужно было взять три подводы и отправляться в штаб полка. Я был удивлен такому приказу, ибо, если это пулеметы "Максимы", то их надо было б брать в боепитании, а не в штабе. Разве что другие, поскольку в штабе? Но все же поехал куда приказано было, прихватив с собой старшину и трех ездовых.

В штабе разъяснилось, что "Максимки" - это "Максимы" и ехать за ними нужно в тыл полка, то есть в запасной учебный полк, что стоит от посадок до самого села Астраханка. В этом полку обучается пополнение.

Командир полка, когда я обратился к нему с вопросом по поводу "Максимок", спросил в упор: "Знаешь ли ты, где стоит полк?". "Не знаю" отвечал я. "Так что же вы тогда знаете?" - спросил он. "Я знаю передовую где рота расположена, батальон, где ОВС, боепитание, начфин, тыл батальона обоз, и, наконец, где штаб полка". Он ничего не ответил на это, но только заметил, что старшина должен знать и стал давать мне указания по "Максимкам".

Их надо было взять в учебном полку вместе с расчетами (по пять человек на пулемет) и лентами (десять лент на пулемет). Всего надо было получить пять пулеметов. Третий батальон должен был получить столько же. С наступлением темноты их надо было доставить на передовую.

Я спросил полковника нельзя ли их сейчас довезти до посадки, где находятся тылы нашего батальона и затем, с наступлением темноты, выдвинуть на передовую. Но он заметил лишь мне: "Какой вы непонятливый человек! Я ведь сказал не выдвигать до темноты!" После чего разразился продолжительной нотацией, в конце которой заставил повторить приказание три раза. Написал записку своему новому помощнику, на котором теперь лежит обязанность возни с пополнением, подполковнику Захаркину.

Старшина, как я выяснил, не знал расположения полка. Мне

довелось вторично расспрашивать насчет дороги, но к подполковнику я снова обратиться не решился, - пошел к майору Хоменко, начальнику штаба полка. Тот объяснил сразу, коротко и ясно.

Я поехал. Старшину оставил, ибо ехать ему было ни к чему. Там сразу наткнулся на зам. командира полка по политчасти. Он взял записку, прочел и направил меня на одной повозке в Астраханку, где находится штаб, две повозки посоветовав оставить в посадке, ибо мне все равно придется возвращаться сюда, к посадке. Я поехал.

Там подполковника Захаркина не оказалось и приказание насчет "Максимов" отдал заместитель его, капитан, заметив при этом: "Узнаю в этом командира полка (он назвал по фамилии) - это его очередное чудачество" (Сыбкина).

Я отправился (имея на руках письменное приказание) к посадкам, где располагалась рота пулеметчиков. Захватил с собой агитатора полка - капитана Андреева, которому нужно было в штаб, что на передовой - теперь у нас два полка и два штаба. Дорогой прочел стихотворение агитатору, рассказал ему об искажении того редакцией "Кировца". Он пообещал поругать редакторских чиновников, так безжалостно отнесшихся к моему труду и передать (на днях он должен был там быть) мое письмо в редакцию. Но письмо я так и не передал оно еще не дописано.

Приехав к посадке я застал там концерт с музыкой и пением. Обратился к подполковнику, - тот приказал вызвать командира пулеметной роты. Побежал сам, думая успеть прочитать на совсем недавно открывшемся концерте свое стихотворение "Пополнению", так кстати написанное мною.

Командир роты - тот самый старший лейтенант, что командовал нами, когда мы окапывались в резерве полка для обороны его КП. У него в роте только один лейтенант, остальные - командиры взводов из пополнения. Характерно, что когда я привез их в батальон и их спросили: "Кто у вас командир взвода?", они ответили в один голос: "Тут пацан один", и потом стали звать: "Алешка, скорей сюда!". Командир батальона пожурил их за такое отношение к командиру.

Капитана-агитатора отправил на подводе, и пока командир роты не пришел, обратился к капитану (замкомполка) с просьбой прочесть свои стихотворения. Тот сказал, что слышал мою фамилию и читал стихи мои. Я прочел.

Встретил много младших лейтенантов, с которыми был в резерве.

Ночью привез и сдал пополнение. Но спать не пришлось. Посреди ночи стали звонить насчет подвод и их пришлось

отправлять обратно. Когда ехали туда - все волновались, спрашивали: "А как на фронте? Не страшно ли? Не слишком ли опасно?". Некоторые говорили: "Я боюсь, как бы не убили меня. Мне страшно". Но когда возвращались, ни один не будучи даже раненным, храбрились, считали себя уже обстрелянными и повидавшими фронт.

Из пяти пулеметов только один оказался рабочим и был оставлен с четырьмя человеками расчета на передовой. Остальные, отстреляв одну-две ленты, более не стреляли - были перекосы и *** извлек, а в теле не оказалось.

Остальные я увозил обратно. Дорогой подобрали раненного. Он меня узнал и спросил: "Это вы, товарищ лейтенант, были в окопе, что впереди нас и что-то писали?".

"Да, я".

"А я попросил у вас закурить...".

Вспомнил я тот день моего пребывания на передней стрелковой линии. Теперь один из этих стрелков был ранен во время отрывки хода сообщения.

С рассветом, отведя людей на место, вернулся в роту. Оказалось, что обе роты разделились и моя ушла поддерживать 3-ий батальон. К вечеру я нашел роту, упрекая себя за доверчивость и послушание, которые сделали меня игрушкой в руках хитрого старшего лейтенанта. Предвидя, что роты разделятся, он решил использовать меня в качестве козла отпущения.

Ночью здесь было жарко. Всю артиллерию полка сосредоточили на этом участке. Мы постреляли (только по моему расчету - 5 или 6 ящиков мин). Немцы активно отвечали, и снаряды падали то недолетом, то перелетом неподалеку от нас так, что осколки долетали до наших окопов.

Несмотря на сильную артподготовку - атаку и наступление провалили. Немцы открыли сильный огонь из всех видов орудий, подпустив пехоту близко. Подполковник звонил, просил чтобы вернулись на старые места, хотя цель была достигнута и посадка была в наших руках. Видя, что мы ушли, - немцы поспешно вернулись в посадку. Людей в нашей пехоте оставалось мало, более 40 человек было ранено, четверо убито и столько же пропало - человек 60 осталось у всего батальона.

Ночью пришлось окапываться по-пехотински и занимать оборону нам, минометчикам, так как впереди никого не было. Хорошо еще, что немцы не контратаковали.

На всех фронтах нет заметного продвижения. В газете читал, что вся Орловская, Сумская, Харьковская, Смоленская, Полтавская области и Донбасс очищены от немцев.

Наступает вечер. Солнце зашло. А я не написал даже письма.

06.10.1943

Ночью не спал - дежурил, проверял посты.

Утром сообщили по телефону, что в посадке со стороны противника накапливаются неприятельские танки. Готовимся к встрече.

Уважаемый товарищ редактор!

Стихотворение "Вперед, советские солдаты!" читал в Вашей газете. Но никак не могу признать на него своего авторства, ибо только три четырехстишья действительно написаны мною, остальные же, целиком или частично, принадлежат чужому перу. Недоволен я такой бесчувственной правкой моего стихотворения.

Не желая обидеть Вас, я все же не могу пройти мимо факта искажения моего стихотворения и хочу просить, чтобы в дальнейшем Ваши литературные правщики не допускали такого вольного отношения к произведениям, стоящими мне известных трудов и стараний.

Не первый раз я печатаюсь в газетах, но ни разу стихи мои не искажались до такой степени, чтобы я не мог в них признать своей руки. Стихотворение "Вперед, советские солдаты!" помимо всего прочего сокращено Вашей газетой до пределов невозможного. Слова заменены безграмотными, вроде "бежат", когда надо "бегут" (от слова бег, но "побежали" - корень меняется).

"Бежат, бежат, фашисты - каты". Слова "каты" и "солдаты" - оба существительные, а одноименные (по частям речи) рифмы теряют силу звучания. Тогда, как "обратно" куда лучше, по отношению к "солдаты".

Фраза "Лишь сверкает тучный зад" - меня возмутила ужасно. Ведь под этим всем моя подпись! Мало того, что рифма "зад" сюда насильно втиснута (конечно, зад - назад - замечательная рифма (!)), но здесь "зад" и неуместен, и не нужен. Вновь созданная фраза поражает еще и своей вульгарностью. И потом, почему обязательно зад у гитлеровцев должен быть тучен? И почему он сверкает? Получается, что все свое старание автор (то есть я) приложил к описанию "тучного", да еще "сверкающего зада" бегущих немцев?! Кроме того рифма совершенно теряется в данном стихе с постановкой сюда этой фразы.

В следующем стихе рифма "трудов" к слову "городов" заменена гораздо более слабой - "врагов", помимо прочего исказив мысль мою последней фразой в значительной степени.

В пятом стихе упущена рифма, и первая фраза "Нам говорил наш вождь, наш Сталин" - весьма неудачна, по сравнению с выброшенной: "Нам говорил комбат когда-то". В итоге получилось полуистерзанное рукой правщика стихотворение, в котором

ничего почти не осталось от замысла автора, но зато добавились какие-то отнюдь не поэтические фразы, предельно искажающие содержание и форму стиха.

Сегодня посылаю следующее свое стихотворение, посвященное пополнению. Оно звучит более злободневно, чем предыдущие и, надеюсь, Вы его поместите безо всяких искажений. В крайнем случае, если Вам не полюбится уж настолько какой-нибудь из стихов - выбросите его целиком, но не исправляйте, ибо все это - мое время, труды и переживания.

С уважением и приветом, Ваш младший лейтенант Владимир Гельфанд.

Пишите обязательно. Хоть выругайте, но пишите.

06.10.1943

Сегодня, когда я заканчивал свое письмо в редакцию, к нам пришел старший лейтенант. Это, как оказалось, был корреспондент газеты "Кировец". Фамилия его Червонный.

Мы долго разговаривали, и я передал с ним письмо редактору. Стихотворение "Пополнению", он сказал, напечатать нельзя, ибо это, якобы, раскрывает военную тайну. Просил присылать стихотворения и фронтовые зарисовки прозой. Я обещал.

Старший лейтенант говорил, что я буду присутствовать обязательно на конференции читателей, которая будет на днях. Почта, говорил он, идет медленно, поэтому лучше будет отправлять стихи-прозу через пункт сбора донесений, но писать прямо в редакцию газеты "Кировец".

Сегодня у меня ночь свободная. Завтра дежурю на НП.

Весь день варили курятину и крольчатину из разной живности, оставленной в селе (в подвалах).

Зам. командира по политчасти проводил беседу по уставу с коммунистами. Словом, масса событий.

07.10.1943

Сегодня весь день дежурю на НП.

Сейчас формируется 1-ый батальон, и мы пока находимся в третьем и поддерживаем его.

Мечтаю стать комсоргом батальона, но все это только лишь мечты, хотя, может, при желании сильном я мог бы добиться этой должности у комсорга полка. Он как-то жалел, что не поставил меня комсоргом батальона, а теперь, к сожалению, я его не вижу.

08.10.1943

Написал вчера письма маме, папе, и в редакцию "Кировец" послал два стиха - "Украина" и "Миномет".

Сегодня ничем полезным не занимался, если не брать, что еще на один штык углубил свой окоп.

Мы теперь перешли в третий батальон в роту лейтенанта Соколова. Мне должны дать еще один расчет. Узнал новости: Невель взят, Кириши и Кубань очищена. И также в трех местах форсирован Днепр. В том числе возле Кременчуга. Посмотрим, что дальше будет.

09.10.1943

Со вчерашнего вечера по сегодня только разговоров и хлопот, что о наступлении ожидающейся армией нашей.

С рассвета началась артподготовка. Мы выпустили мин 400, артиллерия била, шли танки и летела на флангах авиация. Но противника не сломили. Продвинулись всего лишь метров 500.

Сейчас наша пехота в 150 метрах от посадки, за которую долго дрались (днями). Но это, конечно, не продвижение.

Противник помалкивал. Только теперь он открыл артогонь. Он перехитрил нас немного - приберег на всякий случай снаряды. Здесь осталось 4 миномета два моих и два младшего лейтенанта Канаткалиева, но младший лейтенант безучастно отнесся ко всему, и мне пришлось руководить всей батареей. Ничего получилось. Один раз, правда, путаница вышла с дополнительными зарядами, и мне пришлось долго переспрашивать.

Сейчас темнеет и снова ночь. Мне некогда вести записи.

11.10.1943

Вчера весь день стрелял. Выпустил мин 700, чтоб не соврать. Сколько постреляли "огурцов", как их здесь по телефону именуют, никто нас не спрашивал, но, сколько их осталось - спрашивали ежеминутно.

Весь день противник молчал, на наши выстрелы не откликался. Я по-прежнему оставался один хозяйничать над четырьмя минометами. Младшего лейтенанта Канаткалиева Мизамгалима (в месяц рожденный, что ли, мизам месяц) попробовал для разнообразия поставить покомандовать за себя, но он так начал свою работу, что я решил оставить эту свою затею.

- Вставить мина на стволы, - раздалась команда, и все прыснули со смеху.

Он только наблюдал за стрельбой сидя в одном из своих расчетов. На меня же пала и хозяйственная (подвоз мин, водки, продуктов), и боевая (подготовка мин, протирка их, чистка минометов, отрывка щелей, расстановка людей и порядок на батарее, и сам процесс стрельбы), и политическая (раздача и читка газет) работа. Я с удовольствием командовал во весь голос (ветер относил мои команды и надо было громко кричать), ощущая на себе взгляды проходящих мимо нас бойцов и

начальников, восхищавшихся, наверняка, одновременностью выстрелов и красотой стрельбы.

Днем подошел ко мне младший лейтенант Колесник и спросил разрешения разместиться его батарее на наших трех свободных ОП. Их 2-ой батальон в период подготовки наступления на случай прорыва противником нашей обороны, некоторое время находился в резерве дивизии.

На месте их обороны остались лишь одна стрелковая рота, два 82 мм миномета и еще кое-что. Теперь их прислали сюда. Я разрешил, восхищаясь и радуясь мысленно своей властью и правами, удивляясь в душе своей серьезности и взрослости. Ведь до войны я ничего не знал, кроме детских забот и ребяческих шалостей, кроме литературы, книг-учебников, да тетрадей всевозможных.

Колесник, кстати, еще моложе меня, на взгляд совсем ребенок. Так и хочется его обнять и прижать при встрече к себе. Это голубоглазый, красивый 19 летний паренек с чистым и нежным, почти детским лицом. Я люблю его светлое и чистое, как у девушки, личико ребенка.

Он протянул мне руку, и я крепко и по-отечески пожал ее, обняв его. Колесник, получив мое разрешение, стал выдвигаться на ОП. Но на самой позиции его ребята подняли такой гвалт и хождение, что мне пришлось неоднократно бегать туда, кричать, требовать, чтобы они не маячили немцам и ходили пригнувшись. Но заставить их пригибаться было проблематично большинство ребят было из свежего пополнения, греки по национальности. Им трудно было втолковать что-либо - они плохо понимали русский язык. Бедный Колесник несколько раз подходил ко мне и с таким простодушием говорил, что у него голова от них кружится и болит, что мне казалось, будто это у меня болит и кружится. Я как мог утешал его, рассказывал о своих трудностях, о том, что мне тоже приходится иметь дело с новичками. Мне казалось глаза его прояснялись, он отходил от меня бодрее, собраннее.

Постепенно на ОП появилось 4 расчета, во главе с младшим лейтенантом Артуняном и командиром роты старшим лейтенантом ***. Артунян тоже молодой парень - грузин. Черноглазый брюнет с красивыми чертами лица, он нравится мне своим взглядом прямым и острым, своей улыбкой простодушной. Когда он не смеется - он очень серьезен и мужественен. Он высок ростом, деловит, но наивен в поступках своих. Курсы младших лейтенантов он кончал в той же школе и у того же Клименко в роте, что и я. Но, хотя прошло уже более шести месяцев с тех пор, он все еще младший лейтенант.

Он ходатайствовал насчет переаттестации и вполне, на мой

взгляд, заслуживает ее. Русским языком он владеет свободно, по его словам - лучше, чем грузинским. Он только немного метушлив (суетлив, в переводе с украинского), но весьма сообразителен.

Старший лейтенант *** хитер как лиса, опытен в комбинациях всевозможных, хладнокровен и спокоен, пока поблизости не рвутся снаряды. Захочет - любого перехитрит и обманет, особенно людей моего характера, в ком, как основное качество, преобладают доверчивость и вера в человека.

Все они, и некоторые бойцы в том числе, приходили, приветствовали меня и радовались встречей со мной. Я тоже радовался, тепло пожимал руки тем, с которыми провел более полумесяца боевой жизни, и с которыми меня разлучила судьба, перебросив в другой батальон.

К вечеру у нас осталось 70 мин и старший лейтенант, у которого тоже были мины - подходил, кричал, просил, требовал, настаивал, чтобы мы выбросили еще 50 мин, ибо пехота надеется только на нас. Я объяснял, что не могу, что я не хозяин, что у меня мало мин, что командир роты запретил стрелять, но он продолжал настаивать вместе с каким-то майором (кажется, замкомбата по политической части). Я тогда не вытерпел и предоставил ему право разговаривать с командиром роты по телефону. Он звонил, звонил, но не дозвонился, ибо в линию были включены и батальон, и полк, и прочие и прочие - каждый кричал и ругался, мешая разговаривать. Бросив трубку он ушел, говоря, что меня бы он отправил на передовую, чтобы я почувствовал каково сейчас стрелкам.

Встретил комсорга полка, которого так долго мечтал повидать. Он был рад не менее моего. Ходит согнувшись, так как шею его обсели чирьи. Я напомнил ему насчет штатной должности комсорга батальона, но он сказал (чего я больше всего опасался), что комсорг батальона уже назначен, и пожалел вместе со мной об этом. Ведь я мог ему так много пользы принести своим пером, и у меня было бы больше времени и возможности для писания. Мы расстались, и он пообещал заходить ко мне почаще.

Парторг полка дал мне анкету для вступления в партию. Мне остается написать заявление и автобиографию (анкету я заполнил, а остальное не мое дело). Я кандидат уже около 10 месяцев. Пора переходить в члены. Я хочу поспешить, пока меня еще не знают здесь. Разругаюсь или поспорю с кем-либо из начальства, и партии не видать мне тогда, как ушей своих без зеркала. Ведь то же и на курсах случилось, где мне предоставлялась со временем возможность для вступления в

ВКП(б), но я разругался с Клименко.

Вечером пришли с НП ротный Соколов и лейтенант Запрягайло. Привезли спирт для питья, спички, хлеб, мины. После этого я пошел к своей землянке и начал ее накрывать. Там засел Артунян и шутил, что будет очень благодарен мне за накрытие землянки для него. Но опять началась стрельба, и я вынужден был взять с собой сумку и идти на позицию.

Стемнело. Привезли ужин. Я поел, и, захватив с собой вещи, отправился в землянку. Там сидела Рая - еврейка-санитарка-медаленосец. Она была у телефона, который сверху окопа. Я копаю просторные и удобные окопы, и поэтому предполагал, что мой окоп займет кто-либо из лейтенантов, или командир роты или же, наконец, его КП. Так оно и получилось, тем более что был он очень глубок и мягок - устлан травой и сеном, имел ступеньку-скамейку.

Я попросил, чтобы мне очистили землянку, но командир роты отказался. Я сидел вместе с Раей разговаривал. Вещи свои я тоже перенес туда. Позже пришел связист.

Фамилия связиста Першиков. Это большой, пожилой, лет 38-40 человек. Себя он считает умудренным жизнью и командиров ни во что не ставит, держа себя надменно и заносчиво со всеми. Он стал меня выгонять из моей, собственными руками вырытой землянки. Я выгонял его. Вдруг начали рваться снаряды, и всем троим нам пришлось притаиться на дне ее. Потом связист ушел, ибо нам втроем в землянке было тесно и опасно - земля вздрагивала вокруг и стенки землянки, дрожа, ссыпались на лицо, за ворот и на голову.

Я накинул шинель на голову и, дергаясь при каждом новом гроханье снаряда о землю, прижался ко дну окопа. Рая тоже. Она как и я не сильно боялась и до сердца ее боязнь доходила только в момент взрыва. Долго так падали снаряды - то справа, то слева, то впереди и казалось - сам ад низвергал их, чтобы попугать нас или ранить со злости. О смерти я не думал и только опасался ранения. Прятал руки и голову - самое необходимое в жизни. Снаряды грохали уже на правом фланге, где помещалась наша рота. Оттуда как угорелые помчались налево вдоль посадки люди, и я не мог понять - чьи они и откуда.

Наступило затишье. Люди возвращались, и среди них я узнал командира роты и лейтенанта Зачапайло или Запрягайло, не знаю как его зовут там. Старший лейтенант и его шатия от всей души смеялись над трусостью наших бойцов и командиров, и те обиженно озирались им в ответ.

Они вернулись на позиции. В это время подошел связист и начал снова пугая применением силы выгонять меня, - обещая

вышвырнуть(!) меня(!) из моей(!) землянки. Я наоборот настаивал, чтобы убирался он. Связист ругался и угрожал. Рая ушла, и я лег в окопе, подостлав под себя палатку. Из-под головы вырвался маленький белый кролик и заметался по землянке. Это был мой старый друг, которого я ласки ради брал к себе вот уже три ночи подряд, но всегда он уходил от меня, хотя обитал возле моего окопа. Я взял кролика и так лежал. Связист ругался. Потом, заявив, что он меня не считает за командира потому что я не в его батальоне, и как бойца он меня вышвырнет из окопа. Я возмущался поведением этого зарвавшегося сержанта-связиста и потребовал от старшего лейтенанта призвать его к порядку, но ничего не помогало. Тот прямо по мне пошел к телефону и остановился, поставив ногу на грудь. Я вышел из землянки, вырвавшись из-под него, и дрожа от возмущения обещал ему рассчитаться на следующий день. Он отвечал "пожалуйста" и победно усмехался улыбкой скотины.

Не успел я вещи вынести и кроля, как ко мне прибежали два бойца, испуганно провозглашая: "Товарищ лейтенант, во время обстрела у нас двоих ранило и двоих убило". Я бросил вещи, бросил кроля и побежал к своим.

В окопе, подле миномета лежал, тяжело стеная вновь назначенный мною командир расчета Матросов (у первого врученного мне миномета). Он был тяжело ранен. В другом месте был ранен в руку Крюков-боец. Это все из моего взвода. Крюкова я не знал почти, но Матросова знал хорошо, уважал за его бесстрашие и хладнокровие при артобстрелах, а еще за его изумительно интересные сказки, которые он нам рассказывал по вечерам. Он знал их бессчетное количество, и каждая была длинней и интересней предыдущей. Я побежал в санчасть, что была впереди нас в посадке, мысленно радуясь случаю уйти из этого ада. Снаряды начали вновь рваться и грохотать, и это мучительно действовало на нервы, заставляя невольно трепетать видавшее виды сердце.

Дорогой я встретил два трупа бойцов из взвода Канаткалиева. Они были убиты во время рытья могил для стрелков - их направили на край посадки для погребения. Там же были ранены и мои. В санчасти батальона заправляла медсестра Маруся со второго батальона. Она сказала, что не может их (бойцов) перевязать, ибо осталась одна на всю санчасть с четырьмя ранеными. Возвращаясь, я побаивался проходить через это страшное место, куда и сейчас обрушивались снаряды и где произошла эта трагедия, забравшая человеческие жизни.

Пришли подводы за ранеными. Старший лейтенант уже был здесь и тоже боялся выходить отсюда, сидя в окопе с ранеными.

Я решился и, переборов страх, бросился мобилизовывать ребят, чтобы сами перевязали и подготовили раненных. В нескольких шагах ухнул огромный снарядище и осколки со звериным визгом посыпались кругом. Я вовремя упал в канаву и чудом ни один осколок не зацепил меня. Побежал. В окопах было полное безмолвие. Командир роты лейтенант Запрягайло и все бойцы - позарывались в щели и ждали смерти с минуты на минуту. Еще несколько снарядов завыло исступленно в воздухе и грохнулось об землю. Я бросился в щель, и когда наступило затишье кратковременное, стал подымать ребят. Рая бесстрашно перевязывала раненного, и мне было жаль, что никто не видит ее бесстрашия. Она заслуживала еще не одной награды.

С трудом удалось заставить двух бойцов помочь погрузить раненных на подводу, которая уже стояла тут. Кучер торопил - боялся, бойцы ежились от страха и холода (в этот день дул холодный, как и сегодня, зимний ветер) и метались вокруг раненного Матросова, у которого все тело болело, и не было места, за которое можно было взяться. Я взял его за руки, остальные двое за туловище, и, невзирая на крик, ухватили его, с трудом погрузив на подводу. Не успела она отъехать, а люди спрятаться - как вновь зашумели в воздухе снаряды. И так всю ночь: они вздымали землю, и та дрожала как обезумевшая в душевной лихорадке.

Половину ночи я сидел с ребятами, подбадривая их в моменты обстрела. Потом меня позвал Канаткалиев в свой окоп, и мы всю ночь пролежали, согнувшись от тесноты и вздыхая при каждом новом разрыве снаряда.

Наутро противник бросил еще несколько снарядов и больше до настоящего времени не стрелял пока. Когда я вышел из землянки, то нашел кругом такую массу колоссальных воронок и разрушенных окопов, что и вообразить себе трудно.

У Канаткалиева пропал без вести боец, и я пошел смотреть его среди убитых. Подошел - вижу три трупа. Присмотрелся - тот самый телефонист, что ругался со мной, лежит мертвый. Я изумился, но решил, что мне показалось. Еще рассказывают лейтенант и бойцы, что во второй минометной роте ранена санитарка и убито два человека. Дальше Артаньян приходит и говорит: "Ты счастливый человек. Тот окоп, где ты хотел остаться - разворочен весь снарядом, а связист убит и Рая контужена тяжело". Пошел, посмотрел. Действительно, от окопа, что был почти в мой рост, теперь ямка только глубокая осталась. Земля вокруг того места изрешечена и продырявлена глубоко массой осколков. Деревья вокруг срублены по корень; котелки, фляги растерзаны в куски железа. Так я и не успел написать

рапорт на этого человека - судьба сама разделалась с ним. А может он специально подослан был судьбой в жертву, во имя моего сохранения?

Но я должен жить, и живу наперекор всему, и даже смерти, ибо с моей смертью умрет свет, и книга не будет написана мною. Я должен быть великим человеком. Без этого мне нельзя умирать. Старший лейтенант тоже говорил, что мне следует благодарить его за свое спасение и вообще за то, что он заставил меня убраться из окопа.

Сейчас холодно, паршиво. Закрылись палаткой и сидим с Канаткалиевым в своей тесной земляночке. Хочу написать еще автобиографию и заявление в партию.

Мелитополь, говорят, взят, но газет не имеем и не знаю пока точно ли это.

13.X, или черт его знает, какое число.

Два дня и днем и ночью шли. Вышли позавчера вечером. В одной из деревень отдохнули в посадке шесть часов и снова весь день и всю ночь ходу, не евши, не пивши. Лошади падали в дороге, а люди шли и шли. Какие мы все-таки выносливые! Покрыли 50 километров. Шли на юг, к Мелитополю. Но и сейчас мы находимся, по словам жителей, километров 18-20 от него.

Еще за день до нашего ухода со старых позиций летели гуси, и все почувствовали приближение зимы, потом пошел дождь, и ветер, наступая, стал разгонять тучи, но ветер этот - зимний, холодный, северный, и пыль от него невозможная. Вот уже третий или четвертый день не ослабевает холодное дыхание северного ветра. Было еще темно сегодня, когда мы сюда пришли, окопались, но снова поступило распоряжение уходить на новые места, окапываться. Мне особенно было жаль уходить, ибо там, где я разместился, был глубокий окоп, а на новом месте предстояло зарываться в землю заново.

Люди тоже были недовольны: все запылены от ветра и черные от пыли, уставшие от ходьбы и полуторасуточной бессонницы. Несчастные пехотинцы, и я в том числе, их командир. До сих пор в голове проносятся картины движения ночью. Острая боль в ногах, резь в глазах воспаленных от ветра, бурные выделения из носа и жар болезненный возле ноздрей, холод в прооперированном в госпитале пальце правой руки.

Движемся, движемся без привала, изнывая от голода и усталости, бессонницы и от желания пить.

Ночь темная. Ветер холодный, но холода не чувствуешь - один только палец мерзнет в ходьбе. Мимо нас, то обгоняя колонну, то навстречу ей, то и дело шныряют машины, создавая невероятную пыль. Эти мельчайшие частички земли лезут в глаза,

накапливаясь и разрезая их, лезут в ноздри, мешая дышать, лезут в легкие, оседая там тяжело.

Движемся, движемся. Ног не чувствую - одно шевеление колонны и ощущение, что ноги мои производят движение сами, а я вроде и не властен над ними. Шевелятся колеса повозок, люди движутся, те, что вблизи меня, а чуть подальше, кажется, что стоят без движения - темно. Привал? На минутку мелькает радостная мысль, но нет. Расстояние не уменьшается между передними и нами. Значит, идут впереди.

Движемся, движемся. Чувствую только тяжесть в ногах и голове. Чувствую одну боль в теле и мысли бегут и бегут, не успевая ухватиться одна за другую. Лягу - мелькает в голове, но тот час же отбрасываю эту мысль - ведь я командир взвода. От бойцов требую, чтоб не отставали, а сам отстану. И кто ж тогда будет взводом руководить? Иду, иду, еле шевеля ногами, проклиная все на свете, весь проникаясь жалостью к себе и бойцам-страдальцам. Начинают болеть лопатки в ногах (ляжки, как их называют здесь).

Ветер теребит плащ-палатку, оставшуюся у меня после Матросова. Пыль заедает глаза и кажется - нет пощады ко мне со стороны судьбы. Хочется чего-нибудь хорошего, облегчающего боль мою, и я начинаю думать, что все-таки я дойду, боль пройдет после отдыха, и я снова буду бодр и работоспособен. Но эта мысль долго не держится в голове и на ее место приходит старая: о привале, отдыхе, привале как можно быстрее, сейчас, в сие мгновение. Хочется лечь, упасть даже посреди дороги и уснуть непробудным, спасительным сном. Но ведь я не один. Ведь 14 бойцов моих идут радом и тянут ноги, не думая, может быть так, как я. А я должен быть стойче их, бойцов моих. И я иду, забыв о боли и усталости.

Двое бойцов заболело - их надо поместить на подводу. Сажаю их - лишь бы не отстали. Проверяю людей: все идут, только одного нет - Карлова. Переживаю, и остальные мысли покидают меня на время. Но он нашелся. Ко мне возвращается спокойствие и мысли, касающиеся самого меня.

Привал. Я падаю прямо на дороге, закутываюсь в палатку и командую ложиться ребятам. Те долго не заставляют себя просить, укладываются вокруг меня. Кое-кто ложится мне на ноги, кое-кто на плечо - но мне не больно, а даже тепло и радостно, что и у меня есть свои "орлы", способные любую задачу выполнить.

Первый расчет, где командиром сержант Лопатин (парторг роты), самый обученный, но послушный менее остальных. Второй расчет менее обучен, но послушнее. Третий расчет - новички все,

но самые исполнительные, хотя все старички. Командиры расчетов: Лопатин, Бирюков, Засыпко.

Бирюков - молодой парень, знающий наводку, но ленивый и не заботящийся о своих людях, больше думающий о сне. Я его думаю заменить Слетой, если мне только удастся забрать его, выхлопотать у командира первого взвода лейтенанта Савостина.

Дорогой я встретил младшего лейтенанта Бакандыкова (комсорга полка), и долго шел вместе с ним, разговаривал. Поделился с ним остатком воды, что была у меня во фляге.

Он назначил меня членом комсомольского бюро полка, и просил помочь в выпуске газеты посвященной комсомолу. Вообще - он свой, хороший парень.

Он получил полевую сумку (я не получал), говорит, одним командирам рот давали. Узнал у него маршрут следования: мы должны были пройти села Дачное, Южное, и остановиться у села ***.

Дорогой напоролся на комбата Бондовского, что был у нас на курсах командиром роты.

- Почему отстали? - набросился он.

Я молчал. Он опять задал вопрос. Не узнавая его, решил, что это какой-то ротный спрашивает. Он опять спросил. Я посмотрел в лицо прямо и увидел черное, заросшее и грязное лицо небольшого человека, спрашивающего с таким строгим, начальственным видом.

- Я не отстал - с досадой, надеясь, что он отвяжется, ответил я.

- А что ж вы?

- Я людей собираю.

- А почему не отвечали? Вы кто?

- Командир взвода.

- Командир взвода, командир взвода - заговорил он недовольно, подумаешь, командир взвода! - и ушел.

Я спросил у Запрягайло кто он, и только тогда узнал, что разговаривал с комбатом Бондовским.

Сейчас мы недалеко от фронта. Люди усиленно болтают, что Мелитополь взят наполовину. Говорят, наши продвинулись, а мы здесь бездельничаем. Сегодня или завтра, по всем видам, уйдем на переднюю линию - нас взяли, очевидно, для прорыва под Мелитополем. Но все это только лишь предположения, точно ничего сказать нельзя.

17.10.1943

Кажется, 17 число.

Вчера произошел один из случаев жизни моей, откуда вышел живым я каким-то чудом.

Красные чернила кончились и мне приходится разводить карандаш химический зеленого цвета, а пока просто этим карандашом писать и, не смотря на то, что идет сейчас сильный дождь - чистой воды негде достать. Остаток чернил я накапал из бутылочки на тетрадь и всосал в ручку.

Сижу в окопе, вырытом для меня бойцами, ибо сам я копать не мог - рука болела ужасно после вчерашнего, о котором расскажу особо. Окоп свой накрыл плащ-палаткой, но она дырява и вдобавок на ней оказалась земля сверху и крупные капли воды, просачиваясь, грязно падают на меня. Поэтому я еще на голову набросил шинель и, согнувшись в три погибели, взялся за ручку. Фрицы тоже из-за дождя, очевидно, не стреляют и на душе как-то легче.

Наши артиллеристы все-таки колотят в сторону противника, а дождь все идет и идет непереставая.

XX.10.1943

Мы сидим клином на немецкой обороне. Только вчера днем мы находились на сравнительно безопасном участке (немцы не могли нас отрезать и окружить) в 6-7 километрах от Мелитополя, южнее его. Теперь мы в 12 километрах от города.

На прежнем месте стояния мы чувствовали себя гораздо тверже и увереннее, хотя от снарядов спасения не было. А здесь мы находимся в весьма неприятной игре, очень опасной - чуть-чуть ошибочно поведут высшие командные чины и вся затея наша лопнет и уведет в пропасть (к гибели) всех находящихся здесь людей (а их столько, что и не счесть).

На вчерашней позиции снаряды безудержно носились и рвались около нас, и так близко, что при одном свисте пролетающих снарядов мы гнулись, вздрагивали и ожидали смерти, или (в лучшем случае) ранения.

Характерный случай произошел со мной (больше ни с кем опасней случаев не было за последнее время). Судьба и на этот раз оказалась со мной и за меня. Когда я лег в окоп отдохнуть - начали рваться снаряды. Я взял в окоп с собой качан от капусты и принялся его чистить. Вдруг разорвался снаряд. Так близко, что оглушил меня. Окоп завалило, меня присыпало землей и, наконец, что-то больно стукнуло меня по руке, по подбородку, по губе, по брови. Я сразу решил, что тяжело ранен, ибо ничем пошевелить не мог, а по лицу бежали струйки крови. Несколько минут не мог встать. В голове шумело, и впечатление от произошедшего не вылетало из головы. Наконец, выбравшись, я решил сделать перевязку. Когда я вышел, все воскликнули "Жив?!", и потом "Ранен!". Я посмотрел на воронку и изумился - снаряд упал как раз на краю окопа у моих ног. Стенку развалило,

но ног не зацепил ни один осколочек, а в лицо угодил. Не контузило меня именно благодаря тому, что снаряд упал перелетом, и вся его сила была направлена в сторону от меня. Лицо мое находилось от разрыва на расстоянии моего роста, плюс стенка окопа. Оглянулся я на ящики с минами, что лежали впереди окопа (если считать с нашей стороны, с тыла нашего) - они все были истерзаны осколками. Я чудом - опять чудом - уцелел. А когда я осмотрелся в зеркало, то к радости великой убедился, что только поцарапан небольшим осколочком. Он пролетел, очевидно, один зацепив лицо в трех местах и оставшись, кажется, в последнем - в брови. Но он не тревожит меня. А руку только ударил плашмя осколок побольше, ибо даже отверстия раны не было, хотя кровь все-таки пошла. Так я отделался и на этот раз.

После этого случая взял двух бойцов и отрыл окоп почти в рост человеческий, накрыл его и расширил. Было замечательно, но уже к ночи надо было выбираться из него, бросать.

Здесь я тоже вырыл глубокий и уютный окоп, просторный очень, настелил травы наземь и накрыл, насыпал земли сверху. Сейчас ночь, и я пишу в своем окопе при свете двух свечей.

Пули на поверхности свистят, хотя мы в лощине. Так неприятно, что аж сердце щиплет. Это первое неудобство здесь (на предыдущей позиции пули не свистели). Снаряды, а иногда и бомбы с самолетов бухают по селу, и некоторые недолетом падают близко от нас.

Пока у нас, кроме легкого пулевого ранения у одного бойца, ничего еще не случилось. Клин, этот клин, которым мы врезались, беспокоит меня. Бойцы у меня не плохие, но с дисциплинкой у них неважно и заботы обо мне нет. Так, например, оставляют часто без завтрака, ужина, а вчера чуть не остался я на позиции - не предупредили, ушли. Если б не лейтенант Запрягайло, сообщивший мне об уходе со старых позиций - так бы там и сидел. На зов мой не отзываются и редко приходят, пока сам не подойдешь и не пожуришь их за это.

Писем не писал со времени дня ухода от позиций, где мы воевали все время нашей дивизией и полком. Не получаю тоже.

Спать хочется, завтра писать буду.

Да, Пятихатки, говорят, заняты и большие трофеи и пленные взяты.

20.10.1943

20, кажется.

Сутки прошли спокойно. Только сегодня противник немного обстрелял нас из шестиствольных минометов, но свои угостили.

Сегодня началось новое наступление, поддержанное

слаженной работой минометов, артиллерии, танков, "Катюш" и авиации. Радостью было нам, когда авиация, тучей проносясь над нашими головами, бомбила врага.

Вдруг у самых позиций просвистели несколько бомб. Какой-то летчик-дурак (на самолете были красные звездочки, и летел он вместе с другими нашими бомбардировщиками) не осмотревшись как следует, бросил по своим одну за другой несколько бомб. Все вздрогнуло, из земли поднялся столб пыли, земли и дыма. Стена моей землянки задрожала и осыпалась. Бомба упала как раз в болото, что в 15 шагах от наших позиций. Добро еще у нас никого не повредило, но среди наших соседей, очевидно, есть жертвы - люди ходили повсюду, не скрываясь от авиации и радуясь ей, краснозвездной стае соколов советских.

Только что пришел командир роты - лейтенант Соколов - и повернул стволы минометов совсем в другую сторону. Там, куда вели мы огонь раньше, противника уже не было.

Только что пошли вперед наши танки, за ними пехота. Всюду разрывы снарядов. Мы вели огонь, но сейчас пока не ведем - не ударить бы по своим. Артиллерия замолкла и дым, устлавший от глаз всю землю, рассеивается. Пехота в атаке. Гул авиации не прекращается. Она у нас хорошо работает сегодня, если б не этот нерадивец-летчик, сбросивший бомбы на нас.

Савостин много из себя ставит, и сегодня даже позволил себе сказать: "Я приказываю сделать то-то и то-то". Но я сказал, что и слушать его не хочу. Но когда вели огонь, - я уступил ему, пусть командует! В бою важнее единоначалие.

Соколов и Запрягайло со вторым взводом в другом месте - здесь нельзя было всем минометам расположиться. Противник всю территорию обстреливает и невозможно найти на всем нашем участке живого места, свободного от воронок. Я даже удивляюсь, как он, немец, не обнаружил нас здесь. Нам помогает село, что метрах в ста сзади нас расположено. Только отдельные недолеты случайных мин и снарядов рвутся в 40-50 метрах от позиций наших, а то и совсем рядом в 5-10 метрах.

Вот и сейчас завывая, падают, разрываясь мины шестиствольных минометов врага.

Сейчас я написал 5 писем: маме, родным в Магнитогорск, папе, тете Ане, дяде Люсе.

Нахожусь в своей землянке, которую самостоятельно вырыл и оборудовал. С некоторого времени мне удается доставать доски и палки на перекрытия и я, хотя везде мы стоим не более 2-3 суток, рою окопы глубже и просторнее, чем раньше. Затем накрываю сверху. Дверцы наверху моей землянки очень узкие и я вылазию только когда требуют общественные и военные интересы. А так

сижу здесь, все больше раздетый - без шинели, - здесь не холодно.

Вши замучили меня. Их такая масса и все они такие мелкие, что хотя я и делаю каждый день ревизию у себя в белье, уничтожая их тысячами, на новый день их опять много и они грызут мое тело с прежним натиском. Глисты тоже мелкие и из-за них я вынужден потреблять много пищи, но всегда быть голодным - эти маленькие беленькие червячки, пожирающие пищу мою в желудке моем - неистребимы. Выводил я их чесноком и луком, но и, в то же время, от сладостей не отказывался, и не вывел.

Землянка у меня мягкая - я много сюда настелил травы, сделал в стенке нишу для свечей, и за вчерашнюю ночь сжег пять немецких восковых лампочек-коробочек. Осталась одна. Теперь читать ночью не придется.

У ног в углу я сделал что-то вроде уборной - ямку. И ночью, чтобы не выходить под пули (снарядов не так много кидают), оправляюсь туда по небольшим делам, а также выбрасываю туда всякий мусор.

Известий сегодня не знаю, но, говорят, взяли Пятихатки - много трофей и пленных. Почитаю сам, тогда буду судить об этом.

Во взводе у меня 14 человек. Помкомвзвод у меня малограмотный, кажется, 4 класса окончил. Но все это не мешает ему быть командиром. Он сержант, очевидно, не впервые помкомвзводом и чувствует себя среди начальства и подчиненных твердо. На мой зов редко откликается, даже часто отмахивается рукой, будто не слышит. Приходится долго кричать, пока он приходит. На подчиненных крепко кричит, те его слушают и расчет его лучший во взводе. Он воспитанник командира роты. Тот его сделал минометчиком, присвоил звание и всегда с восторгом отзывается о нем. Лопатин двемедаленосец (за отвагу и трудовую доблесть) - обе он получил от Соколова. Так он исполнительный, только, если б являлся своевременно, когда его зовут.

Вообще, все здесь разбалованы и недисциплинированны. И бойцы и командиры. Все одинаково поступают, когда зовет их командир.

Махов окончил ВУЗ, но боец. Человек крайне противный, дурноватый и нахальный. Он высоко о себе думает и дерзит. Сегодня, когда я стал требовать свой хлеб (он оказался у Махова), тот сказал что не знал чей это хлеб и отломал корочку, съев ее. Когда же он вернул остатки - там было не больше половины. Я отказался взять этот огрызок, тогда он вынул другую половину хлеба и отдал.

Таковы бойцы некоторые. Трудно с Маховым, но есть еще Карлов. Тот безразлично относится ко всему и, несмотря на свой возраст, крайне неповоротлив (он 25 года). Минометное дело никак не прививается ему, хотя он окончил 4 класса - и такое образование редкость в моем взводе. Почти все 2-3 класса, только один - ВУЗ, Бирюков - 9 классов.

Любит зато Карлов погулять, "полазить" по деревне в поисках продуктов и еще черт знает чего, поэтому часто и отстает в походах. В стрелки его тоже жалко отправлять, но и у себя держать не хочется.

Бирюков сварлив и неопытен к командованию расчетом, да и ленив вдобавок, а так - парень молодой (24 года) и грамотный.

Обо мне и о товарищах своих все мало думают, часто оставляя меня без пищи, а один раз, вчера, чуть было не оставили одного при смене ротой позиций и при переходе сюда. Все зато страстно думают о пище для себя и заняты всецело своими личными интересами. Другие хоть бы все погибли каждого не касается. Что за люди теперь на свете?

Засыпко призван, как и весь его расчет, в этом месяце, но общественной заинтересованности и дружбы между ними больше, чем у старожил. Весь расчет его из старичков состоит. Уважения у них много больше ко мне и ко всем командирам, чем у старых вояк. Я люблю этот расчет, хотя он новый и неопытный и с грамотностью плохо у них дело (больше трех классов нет).

Все. Противник отогнан. Клин расширился невообразимо. Один танк наш загорелся. Видел их экипаж. Он цел. Снаряды от вражеских танков катятся по земле, рикошетя. А больше ничего уже не летает - ни пули, ни снаряды - так далеко отогнан враг. Вперед движется пехота и прочие ***

26.10.1943

Мелитопольский плацдарм.

Позавчера фрицев прогнали с прежнего участка обороны. Выгнали танками, минометами, катюшей, пушками, авиацией, наконец.

30.10. или 1.11.

Столько событий и случаев произошло в жизни моей со дня моей последней записи.

Сейчас вечер. Почти совсем темно. Солнце давно село. Мы подошли к озеру Сиваш, или, как его иначе называют, "Гнилое море". Оно является заливом Азовского.

Здесь заняли оборону. Пока, очевидно, до завтра. Ведь это первый раз мы можем отдохнуть и поспать более двух часов. Последний раз, где я хотел описать "Игру судьбы" - еще два случая, чуть было не ставшие для меня роковыми, я был у села

Акимовка, на северо-восточной окраине его, где размещалась опытная станция. Оттуда и начался наш безостановочный путь до самого Сиваш озера. Акимовка, Петровка, Сиваш - крупные села, которые мы прошли за это время.

Продвигались с боями. Снаряды рвались вокруг да около, неся смерть. Многих ранило, многих убило - особенно пехота потеряла. Сейчас фактически у нас пехоты нет. Остались в батальоне минометчики, пулеметчики, санчасть, и прочие "тыловики" по-пехотински.

Мои родные Днепропетровск и Днепродзержинск освободили мои доблестные собратья по оружию. Об этом я узнал еще вчера или, кажется, позавчера из газет, которые я держу у себя.

От папы получил два письма.

Полтора суток бродил, отстав от своих - обо всем подробней в свободное время. Сейчас уже совсем темно и я не вижу букв своего письма.

02.11.1943

Партсобрание полка. Командир полка полковник Паравишников, его зам по политчасти капитан Чертовской, агитатор полка капитан Андреев.

4 или 5.11.1943

Чехово. Ночью подошли сюда, сделав 25 километров. Это расстояние впервые покрылось быстро и незаметно. До Днепра отсюда километров 70.

Крым отрезан. Позавчера ночью нашу колонну бомбили фрицы. Бомбы попали в центр 2-го батальона. Пострадали и минометчики. Ранен был капитан - дважды орденоносец Хлыстов, ранены младший лейтенант Герасимов, с которым я вместе учился, лейтенант Киримов и младший лейтенант Колесник. У моего бойца Пластуна убило брата.

Старшего лейтенанта со второй минроты сняли и хотят отдать под суд, ибо он растерял матчасти минометов. Хуруленко назначен на его место.

Игра судьбы, о которой мне хотелось рассказать, трижды касалась моей жизни за это время. Первый раз - когда снаряд, прорвав стенку моего окопа, целиком улетел прочь и разорвался лишь на верху балочки, где мы стояли. Я тогда глубоко врылся в землю по длине, и это обстоятельство спасло меня.

В другой раз меня постигло еще более опасное происшествие, оставившее неизгладимое впечатление на всю мою оставшуюся жизнь.

Возле опытной станции села Акимовка, в лесопосадке, что перед станцией, заняли мы оборону. Вскоре туда подошли санитары 2 батальона и расположились в окопах (одиночных и

глубиной в три штыка). Среди них была и Марийка, та самая Мария Федорова, с которой я не раз беседовал, будучи во втором батальоне и которая так часто веселила минометчиков своей болтовней и смехом. Некрасивая и чуть горбоносая, но симпатичная астраханка, она была постоянным гостем нашей минбатареи.

Теперь я вновь увиделся с ней и долго с интересом разговаривал. Мы сидели в одном окопе. Она показывала мне свой пистолет ТТ и просила поставить на предохранитель. Потом ребята из моего взвода принесли мне соленых огурцов с перцем, и я угощал ими Марию. Мы кушали их с хлебом, и она наслаждалась вкусом украинских солений. Кругом рвались, ухали и гудели снаряды, поднимая то близко то далеко густой серый дым разрывов. Мария, обычно совсем не боязливая и решительная, была сейчас уныла и растеряна. Она вдруг стала говорить о смерти и еще о многом страшном и тоскливом: "Я чувствую, что нам всем не жить здесь сегодня ... Здесь такой ужас ... И зачем только я сюда пришла ... Я могла остаться там, в санбате ... Знаешь, я так боюсь одна ... Я не выдержу сидеть в окопе". Я обещал, что вырою окоп на двоих, и успокаивал ее как мог. Потом снаряды стали пролетать рикошетом над самой головой с таким ужасным шипом, что казалось, что они специально пугают, издеваясь над человеческими нервами.

Вдвоем было нельзя сидеть в одиночном окопе - была опасность попадания осколков и пуль, трещавших над самым ухом - разрывных. Я решил перейти в другой окоп, что был рядом. Окоп был помельче и находился в метре от первого. Только поменял я окоп - новый заурчал снаряд, зашипел неистово и с остервенением ударил в землю. Я упал навзничь, в окопе почувствовав страшный толчок вдруг в уши и голову. На минуту не мог прийти в себя, и, когда опомнился, понял, что был разрыв снаряда. Пилотки у меня на голове не оказалось, с носа брызнула кровь и до одури заболело в висках. Сбросив с себя землю, присыпавшую меня, встал и стал звать Марию. Она не отзывалась. Было уже темно, и я решил, что ее присыпало в окопе. На мой зов пришли санитары и обнаружили на месте Марии и ее окопа одно месиво. Снаряд, пролетев по поверхности земли метров шесть и сделав в земле длинную канаву, упал, разорвавшись в окопе Маруси. Понятно, что от нее не осталось ничего.

У самой моей головы, оставив небольшой лишь слоек земли, между мною и своим движением, промчал снаряд. Канава, проложенная им, служила ярким свидетельством опасности, которая могла мне угрожать, сверни снаряд, буквально несколько сантиметров в сторону, ближе к моему окопу.

Пилотки я так и не нашел. Лишь наутро я обнаружил ее метрах в трех от спасительного окопа, в котором тогда находился. Марию наутро раскопали, расковыряли. Нашли одну ногу, почки и больше ничего. Да, - и пистолет ТТ нашли санитары. Марию зарыли и оставили в земле безо всякого следа и памяти. Я приказал своим бойцам сделать Т-образную табличку, и, надписав на ней маленький некролог в память Марии, установил ее. Так закончила свой жизненный путь Мария Федорова, 19 года рождения, астраханка, медаленосец и кандидат ВКП(б), старшина медицинской службы. Недавно, в дни Октября, приказом по полку Мария была награждена посмертно орденом Отечественной войны ? степени.

На другой день наши войска выбили противника из Акимовки и значительно раздвинулись вперед, во все стороны света.

Мы двигались ночью за боевыми порядками нашей пехоты. Когда мы вышли из посадки, я вспомнил, что забыл шинель командира роты, которую он мне дал после этого случая с Марией на подстилку спать. Я вернулся за шинелью и, мигом взяв ее, побежал догонять своих. Я бежал на звук отдаления подвод с пол часа и когда добежал до двигавшейся по Акимовке колонны, то оказалось, что это 400-какая-то дивизия.

Я потерял свою часть. До самого рассвета я метался из конца в конец Акимовки, попал на колонну 547-ой, если не ошибаюсь, дивизии. Потом наткнулся на 347-ю. В селе нашел немецкие консервы, массу журналов и листовок на немецком языке, в которых везде фигурировала отвратительная морда вожака немецких разбойников - головореза Гитлера, выступающего перед своей шайкой. Нашел также коробочку, доверху наполненную сливочным маслом, сухари, семечки. Этим и жил весь день: чтением и съедобными остатками немецкой роскоши.

Днем, оторвавшись, наконец, от 347-ой дивизии я наткнулся на 118-ю, соседку нашу. Потом встретил начальника строевой части полка старшего лейтенанта Полушкина и тот мне указал вероятное нахождение нашей дивизии (он был на коне и тоже искал наш полк). Однако в том месте, куда указал Полушкин, дивизии не оказалось, и я продолжал блудить по полю до самого вечера.

Кругом попадались знакомые номера дивизий, но своей я так и не находил. Со 118-ой дивизией я вновь встретился уже в полдень. Там встретил Сатарова бывшего своего комвзвода, кем он был на курсах. Он замкомбат теперь. Сатаров угостил меня хлебом, и я подкрепился немного. Потом встретил трех офицеров и двух бойцов, прибывших откуда-то из армии с корреспонденцией для нашей дивизии. Они заехали на машине

слишком близко к противнику и их обстреляли из пулеметов. Машина отказала, и им пришлось ее бросить на произвол судьбы до темноты, когда можно было б взять ее на буксир.

Вдруг один из офицеров заметил рядом со своей машиной еще одну. Мои новые спутники в один голос решили, что то немецкий танк и галопом пустились бежать к скирдам, как-будто могли найти там спасение. Я с сожалением посмотрел на этих трусливых людей и решил пойти проверить страшные догадки моих спутников по несчастью. Кроме ракетницы у меня ничего не было, и я, зарядив ее ракетой, двинулся на встречу неизвестности. Мои друзья далеко отошли назад к скирдам соломы и оттуда в страхе и любопытстве наблюдали за мной. Когда я приблизился метров на 15 к машине - увидел, что там никого не было - машина стояла одна на виду у противника. Внизу я заметил большое движение по дорогам и улицам большого села с церковью, далеко выделяющейся своей высотой, массивностью и блеском купола. Машины то тут то там сновали на немецкой стороне и казалось, что немцы не чувствовали ни близости фронта, ни опасности быть обстрелянными нашей артиллерией.

Высота, на которую я взошел, была свободна от войск воюющих сторон, и обороны ничьей здесь близко не было. Обойдя кругом машины и попав под пулеметный обстрел немцев, я возвратился к напуганным хозяевам ее, и рассказал им о действительном положении вещей.

Я решил идти вперед и направо, правее другого села с мельницей, что находилось рядом и справа от села с церковью. В этом селе, где виднелась далеко ветряная мельница, оказался 905-ый полк. Уже стемнело, когда я вышел из села.

Ночью наткнулся на минометчиков 905-го полка, где командиром взвода был Замула, мой соученик по курсам. Он сказал, что наши должны находиться правее села с мельницей километров 5 (по фронту). Ночью я нашел свой 899-ый полк. Попал в батальон. Хуруленко командовал минротой. Там встретил Герасимова, Киримова (с одним знаком по курсам, с другим - по работе во втором батальоне) и Канаткалиева. От них пошел искать село, где должны были находиться мои.

Пошел в указанном направлении. Дул сильный ветер, ночь была темная, и из-за туч виднелось всего несколько звезд. Я выбрал звезду и по ней стал двигаться, но когда уже прошел порядочный путь, звезды вдруг не стало. Все небо заволокло густыми непроглядными тучами, стал моросить дождь. Кругом по горизонту пылали пожары, учиненные немцами при отходе, а также затеянные врагами еще во время пребывания своего по эту

сторону от подожженных сел. Трудно было определить где наши, где противник, и я не находил выхода из своего отчаянного положения. Я и свистел, и кричал во все горло, но ни один человек не отзывался. Я решил рисковать, и, зарядив, единственное оружие ракетницу - бросился бежать в одном из выбранных наудачу направлений. Кругом дул ветер, темень окутала небо и землю, издеваясь над моим положением. Я бежал, крича и ругаясь во все горло, взывая ко всему живому. Но лишь ужасающее молчание встречало меня повсюду. Один лишь ветер задорно посвистывал мне вдогонку, подхватывая мои окрики, уносил их неизвестно куда.

Вдруг, о радость - человек! Свой или чужой - кто его знает, но, наверное, свой. Я стал звать его и что есть силы побежал к нему. Но он вел себя странно и, как будто дразнясь, убегал от меня, не давая приблизиться ни на шаг. Потом я заметил, что он что-то копает. Я удивился, стал звать его еще сильнее, но когда он чуть приблизился к моим глазам - я с горечью увидел, что он продолжает убегать. Копнет землю и бежит дальше. Еще нагнется, копнет - и опять бежит. Что за чудак? Зачем он убегает и для чего копает землю? Нет, догоню его! - сказал я себе и еще сильнее побежал навстречу пугливому человеку. Выбежал на дорогу, что как раз вела в направлении его. Он, видимо, бежал дорогой. Бежать мне стало легче, и я догонял его еще стремительнее. Постепенно человек стал уставать, приближаться, увеличиваться в моих глазах. Но бежал он тем же манером, копая землю и пригибаясь. Наконец он совсем вырос и остановился, покачиваясь из стороны в сторону. Я бежал из последних сил и, приблизившись, увидел на его месте какой-то шевелящийся предмет - не то столбик, не то бревно. Досадное разочарование охватило меня при виде отдельных столбиков, вырисовывавшихся среди черного поля. Никакого человека, и вообще, ни одной живой души не было поблизости. Разочарованный вконец я приблизился еще на несколько шагов к очертаниям каких-то разрушенных, на мой взгляд, построек, из которых самое большое было принято мною за человека. И вдруг, о счастье! - я увидел мельницу. Ту самую мельницу, на которую мне указывал Хуруленко. Еще несколько десятков шагов - и передо мной раскинулось село, с его домами, хатами, улицами и садами. Я достиг каким-то неведомым образом такого желанного мною места. Теперь оставалось отыскать свой батальон и свою роту.

КП 2 батальона я нашел быстро. Там переночевал. В селе, правда, забыл у дороги великолепный немецкий эсэсовский костюм, найденный еще в начале своего странствования по дивизиям и полкам 28-ой армии. Но я о нем не жалел особенно и

как счастью был рад отдыху и сну.

Наутро я отправился на розыски своей роты. КП своего 3 батальона нашел сразу, но роту, как ни странно, до самого вечера найти не мог. Капитан *** замкомбат по политчасти, не знал тоже о местонахождении минной роты, и, ругая меня за то, что отстал, требовал, чтобы я немедленно разыскал ее. Связной от минроты, боец моего взвода Карлов, тоже не знал где находится рота. Только к вечеру я случайно наткнулся на своих.

Соколов не ругался. Он был рад своей шинели, но у меня с повозки пропала вещевая сумка, а там были два полотенца, портянки, носки, наставления и уставы воендела, газеты, чистая бумага, письма, две порции хлеба, масса немецких свечей-лампочек, сушеные фрукты, бритва, мыло, помазок, кружка, котелок с крышкой, ложка, перчатки, фонарик и многое другое, чего и не вспомнишь сразу. Теперь пищу мне получает кто-либо в свой котелок, вытираюсь я носовыми платками (штук 6 пропало с сумкой) оставшимися у меня двумя.

С тех пор я больше не терял своей части и прошел с ней путь до самого Сиваша, и от Сиваша до сюда.

Ново-Петровка - селение, у которого мы стоим. В километрах семи назад село Чехово, которое мы прошли, идя сюда.

Все левобережье Днепра очищено от гитлеровцев, и в их руках остался только узкий плацдарм протяжением по фронту километров в 100 и в глубину 30, который и составляет наш участок фронта. Мы стоим напротив Николаева. Противник здесь сильный. Панцирный полк имеет.

28-я армия ушла на формировку и наша, 248-я стрелковая дивизия, перешла в третью гвардейскую армию. Таким образом, мы теперь полугвардейцы. Нам достаточно небольших усилий и звание гвардейцев обеспечено.

Киев очищен от немцев и, далеко продвинувшись вперед, наши войска овладели в районе Киева городом ***. Крым отрезан от противника. Наши войска имеют плацдарм в районе Керчи протяжением от 10 и более километров.

Читал октябрьский приказ и доклад тов. Сталина. Безумно люблю, когда т. Сталин выступает. Все события в ходе войны становятся настолько ясными и обоснованными логически ***

Намек, опять этот тонкий, но дружелюбный намек союзникам, насчет второго фронта. Немцев, оказывается, больше теперь против нас стоит. Чехи молодцы - сдаются в плен и переходят к нам во всеоружии. Об этом, правда, Сталин не сказал, но ирония по отношению к союзничкам Гитлера и к самим гитлеровским головорезам холодная, но жгущая ирония, ни на минуту не сходит с уст вождя, когда он говорит о "пышках и о

синяках и шишках", про которые не думали орды разбойников, нападая на нашу страну.

Сегодня мы в первом эшелоне - 905-ый полк поменялся с нами местами - мы пришли на готовые позиции.

У меня ординарец Глянцев. Он страшно труслив, но трудолюбие его не имеет границ. Временами он бывает чрезмерно заботлив обо мне. Теперь, когда один из минометов у меня пробило осколком - их осталось два, с расчетами. Во взводе 11 человек. Сержант Лопатин, командир расчета Засыпко, Глянцев и 8 остальных. Расчет свободно может существовать в составе 5 человек, и Глянцева я взял поэтому себе в ординарцы.

Вчера написал ему письмо домой - он неграмотный. Ходатайствует перед производством об отзыве его из армии как специалиста. Семья у него большая 5 детей: старший - 12 лет, младший - грудной ребенок. Жена работать не может - ребенка кормить и пестовать надо. Так что положение его семьи незавидное, тем более что он житель Мариуполя, а в городах с продуктами трудней.

Картошку, фасоль и прочие разности я достал вместе с Кубриным в хуторке, что в 200 метрах от немцев. Его яростно обстреливают из артиллерии и минометов, и Глянцев мой побоялся идти туда. Я журил его, но страх не переборешь. Он за то варит и носит продукты.

Взяли город Фастов, за Киевом. Наши, конечно.

13.11.1943

Перебросили нас на другой участок, левее 905-го и 902-го полков. У нас, кажется, 3-ий Украинский фронт, а не Южный, как было раньше. Армия наша ушла на формировку и нас передали в 3-ю гвардейскую. Тем лучше. Не люблю бесславных дивизий и армий. Может и мы вскоре заделаемся гвардейцами - в гвардейской армии это легко.

Теперь мы стали получать только "Кировец" - дивизионную газету. Во вчерашнем номере за 12 число из сводки за 11 узнал о взятии города Радомышль, железнодорожных станций Тетерев, Чернявка, районных центров Брусилов, Корнин и многих других. Это все в районе Киева.

В Крыму (вчера по радио передали), якобы, взята Керчь и 26 тысяч пленных. Это нам сказал наш телефонист Калинин, но я пока еще нигде об этом не читал.

Накатал вчера два письма маме и папе. Получил за три месяца около трех тысяч рублей. 2000 отправил аттестатом папе, 700 рублей на заем отдал, а 47, кажется, за перевод денег уплатил.

Глянцев сейчас варит картошку. У нас в запасе осталось всего

7 картофелин. Но есть еще фасоль, горох и лук. Здесь мы нашли готовую землянку и расположились вдвоем, но землянка большая и в ней холодно.

Большой палец правой руки безбожно мерзнет. Ноги я перевязал бинтом, ибо невозможно переносить боль отмороженных пальцев.

Сегодня все время летает и бомбит авиация наша, явно где-то здесь наступаем.

Мы опять во второй эшелон попали, очевидно, нас перебросили для поддержки наступления. Немцев здесь сила страшная и они упрямы, как бараны, ничем и никак их не выбьешь, не погонишь. Это единственный участок их на левобережье Днепра и они стремятся его удержать любыми средствами.

В Германии, в вассальных и союзных странах зреет недовольство.

18.11.1943 или 19.11., точно не знаю.

Вслед за Житомиром, Фастовом и рядом других городов - сегодня узнал пала Речица и еще какой-то город.

Позавчера прорабатывал с ротой доклад тов. Сталина и приказ за ? 309. Приказ 227, что еще до подхода врага к Сталинграду был издан, позавчера опять зачитывали в роте, по приказу замкомбата по политчасти.

Разбил роту на две части, ибо целиком ее нельзя было собрать в окопах, а на поверхность выходить весьма рискованно - стреляет и наблюдает враг.

Вчера обмундировался. Выдали всем офицерам английскую форму. Устроили баню и дезкамеру. Так что совсем освежился я и ожил духовно. До этого весь день перечитывал дневники.

Ночью командир роты поставил задачу. Наш фронт собирается наступать. Одновременно все части 3-го Украинского фронта (так, кажется, наш участок называется) штурмуют вражескую оборону. Сначала огневой артминподготовкой, а затем атакой пехоты и танков. От 28-ой армии мы окончательно отбились и распрощались с нею. Теперь и газета у нас армейская - не "Красное Знамя", а гвардейская "Боевой товарищ".

С письмами только плохо. Нам сказали, что в течение десяти дней в связи с переменой армии писем получать не будем. Плохо стало и с получением газет - бывают дни, когда мы их вовсе не получаем.

Сегодня уже, несомненно, наступать не будем. День клонится к концу и ни одна из противных сторон - ни мы, ни немцы, не проявляют активности. Происходит лишь редкая арт-пулеметно-ружейная перестрелка.

Мы стреляем впервые сегодня с этой позиции. Мы впереди села Ново-Петровка, в посадке. Очевидно, командир роты хотел подавить НП, что на скирде в центре большой высоты занимаемой немцами. На позиции я один. Соколов и Савостин на НП. А Запрягайло, так же как и я в совершенно другом месте с тремя минометами находится. Ночью, по получению задачи, вблизи пехотных окопов отрыл для своих минометов три стола и ячейки к ним запасную позицию (для продвижения вслед за наступающей пехотой в момент прорыва обороны противника). Наша задача взять Чапаево, затем Шевченко, затем овладеть высотой за номером, название которой позабыл, и оседлать грейдер. Когда наступать будем - неизвестно, но ясно, что этими днями сегодня ли, завтра ли, но быть в готовности необходимо.

Получили водку, консервы - перед важной операцией всегда так. И бойцы догадываются, что что-то будет. Немцы, впрочем, тоже догадываются и очень тревожны. Ночью нервничали, как обычно, но стреляли меньше, а днем почти не стреляли из орудий - по-видимому, берегут снаряды. Стреляют с интервалами 1,2 часа, что впервые, особенно на этом участке, где они никогда не прекращали обстрел более чем на 20 минут.

Писем я не писал уже дней семь. Отпала охота писать, когда не получаешь ответов. С пищей - превосходно. Я себе заимел ординарца, которому отдаю свой табак, спички, которого снабжаю газетами и прочим, о котором забочусь, но который в то же время проявляет известную заботу и обо мне - готовит и достает продукты, хлеб. Кухня же наша нередко питает нас водичкой, похожей на помои, к тому же абсолютно несытной. Хотя картошка и еще кое-что валяется под ногами, на огородах и в сараях.

Вот оно! Задрожала земля. Кругом разрывы, но сюда еще не попадает. Да и ну его! Что суждено то и будет! Не стану же я из-за того бросать пера, что немцу ждать тошно стало, и он нервничает, стреляет, совершая то здесь, то там огневые налеты на нас.

Сейчас примусь за письма. Некоторые этнографические данные из своей жизни хочу написать для агитатора полка капитана Андреева и замкомполка по политчасти капитана Чертовского, обещающих дать мне рекомендации для вступления в ВКП(б) имея под руками эти сведения.

Огневой налет прекратился. Только одиночные выстрелы из орудий кое-где грохочут неохотно, часто даже не разрываясь снарядами на нашей земле. Изредка отвечаем и мы. Так в большинстве и тянутся дни на обороне, последние два дня...

Сапоги мои тесные, а валенок не выдали. Брюк теплых тоже нет. Тельники обещают дать. Бойцам уже выдали зимнее

обмундирование, в том числе ватные брюки и фуфайки. Обувь - валенки - еще никому не давали. Ноги мои, отмороженные еще в Сталинградскую зиму 42-го года, мерзнут ошалело и заставляют меня почти не выходить из землянки, сидеть, укутавшись ногами в плащ-палатку и зарывшись в солому.

Неотрывно мечтаю о сладкой девушке и о блаженной любви. В глазах моих мерещится нежная, гладкая девичья грудь, такая широкая и родная, что в ней утонуть можно, забыв о горе и невзгодах. Когда же я наконец встречу ласку и любовь милого существа и почувствую трепет пробудившегося счастья в моем сердце? О, девушки, выделите ангела (а их среди вас немало), способного приголубить мою молодость, способного сделать жизнь мою счастливой и красивой.

О половых сношениях, которые с таким азартом любят восхвалять мужчины, я почему-то и не мечтаю, не думаю, ибо, не имея их никогда не могу вообразить даже. Будущее покажет, что произойдет дальше из любви моей. Но по мне - необязательно любить, имея половые сношения с любимой девушкой. А в остальном я не доктор, как говорят некоторые. Жизнь моя нужна не только мне, ибо в противном случае судьба сделала б меня уродом, лишила б меня всего, чем я обладаю сейчас и давно покинула б меня на съедение и растерзание лютой смерти, разбушевавшейся до предела в эту войну.

А раз так, то найдется и для меня красавица, будет парить надо мной прекрасный ангел любви, и прочее необходимое и неизбежное придет ко мне с течением дней. Только бы я не был ранен, не стал уродом - мечта единая моя сейчас. И вторая мечта моя - стать писателем. А что для этого надобно? Талант, трудолюбие и время.

Еще не достает мне награды. Столько воюю я и никто не оценил мои усилия. Девушки санитарки, артистки, плохонькие дивизионные завскладами - и те носят медали на груди, а я? Не заслужил, должно быть...

Грохочет "Катюша" славная, может вскоре и начнется. Нельзя сейчас так азартно расписываться, не время. Я кончаю. Темнеет. Где-то дрожит пулеметная дробь, тявкает басистое орудие, и хлюпают ружейные выстрелы.

Фронт настороженно ожидает чего-то.

24.11.1943

20-го числа наступали. Началось наступление еще невиданной дотоль артподготовкой с участием нового, могущественного представителя советского оружия - "Ивана Грозного". Об "Иване Грозном" говорили не раз до того, но никто еще ясно не представлял себе, что это за оружие, сколько стволов

имеет, какими снарядами стреляет. Теперь мы впервые увидели "Ивана Грозного" в действии, и, хотя не все еще узнали, но представление сложили.

Когда раздался дружный и ожесточенный гул артиллерии, я понял, что началось то, чего мы ждали с минуты на минуту, со дня на день артподготовка - марш к наступлению. От первых выстрелов наших орудий наполнилась дымом вся земля на немецкой стороне. По бугру, куда вели огонь наши артиллеристы, забегали и заметались фрицы и снаряды, "как на зло", рвались в самой гуще их скопищ. Особенно хорошо ложились снаряды у скирды, где были немецкие наблюдатели-корректировщики. Оттуда выбежало несколько человек, но еще снаряд - и ничего больше не стало видно.

Артиллерия врага, таким образом, ослеплена и ведет беспорядочный и неприцельный огонь.

Вдруг я заметил в стороне огненные точки, вылетавшие с огромным грохотом по направлению к немцам. Что это? Но никто не знал. Вот еще и еще засверкали, загрохотали невиданные орудия. Со злостью и ненавистью вырываясь, огненные снаряды переворачивались в воздухе, исчезали на время, отзываясь грохотом лишь на немецкой стороне.

- Иван Грозный - закричал кто-то, и все поняли - это и есть то самое орудие, предопределившее свое появление молвой надежды.

"Катюши" тоже подмогнули в нашей артподготовке. Мы стояли ошеломленные такой силой огня, такой мощью и многометностью оружия, будучи убеждены, что враг не выдержит и побежит.

Так оно и случилось. Вскоре по телефону передали, чтоб мы готовились к передвижению. Пришли подводы - нагрузили мины и двинулись вперед, уходя из того страшного места в посадке, пробудь в котором мы еще пару дней наверняка были бы накрыты и уничтожены без особого труда вражескими орудиями.

Когда мы заняли окопы нашей пехоты (та далеко продвинулась вперед), перед нами открылась картина боя группы немецкой пехоты с нашими продвигающимися войсками на левом фланге. Мы вели огонь из минометов, винтовок и автоматов и, наверно, не одного фрица положили там. Но меня поразило бешенство немецких солдат, с которым они дрались. Их было не более батальона, они были обойдены справа и слева, находились в окружении, но это не помешало им долго сопротивляться, сдерживать нашу пехоту. Позже я увидел целую колонну пленных, которую вели внизу по балке к нам в тыл.

Вскоре началось дальнейшее продвижение наших войск. Мы

дошли аж до этой балочки, сзади и справа хутора Шевченко, которой овладели к исходу дня. Задача была выполнена.

Дорогой обнаружили такую массу брошенного немцами вооружения и имущества, что и представить трудно. Нет человека, которому хоть чего-либо не досталось трофейного. Я нашел целую планшетку с немецкой бумагой, конвертами, карандашами и открытками; мыло, бритву, одеяло и прочее. Кое-кто - часы, немецкие брюки и фуфайки, теплые одеяла, оружие или что-то другое.

Мы овладели целой минометной батареей и вели огонь по немцам из немецких минометов немецкими минами. Потом стреляли из брошенной немцами 75 мм. пушки.

К вечеру на минах, оставленных в земле немцами, подорвалась наша повозка, а другая вместе с ездовым уцелела, только бричку разломило надвое. Оказывается, дорога была заминирована. Вместе с лошадьми подорвавшейся повозки погиб ездовой Ермилов, кажется. Я был очевидцем этой сцены, видел всю трагедию во всей последовательности. Как ехали обе повозки и я ждал мин, как на месте задней повозки раздался взрыв - это была повозка Пшеновского, что раскололась надвое. Он потом рассказывал, что его подбросило на бричке и он упал. Другая повозка помчала что было духу вперед, но ее настигла та же участь, но с еще худшими последствиями. Я думал, что это снаряды разорвались, но выстрелов не было - я догадался, что мины.

На другой день с самого утра началось что-то невероятное. Мы все время рассчитывали, что будем продвигаться дальше, что немец уйдет, как вдруг увидели на левом фланге - побежала пехота, поехали машины, пушки - назад на восток. Признаться, сердце захолодело от этого зрелища. Потом заговорила немецкая артиллерия. Снаряды бухали и взрывались в самой гуще убегающих, люди метались из стороны в сторону и не находили спасения от немецкого огня.

Все больше и больше людей пробегали туда в тыл с переднего края, и мне казалось, что это последние остатки нашей пехоты действовавшей слева, ибо в тыл побежало очень много людей, машин, лошадей и прочих. По телефону передали приготовить повозки и многие, побледнев, стали готовиться в путь, в драп-марш, который вот-вот, казалось, должен был совершиться. Я боялся за своих ребят и, чувствуя смятение в их сердцах, перебарывая унылость, пытался развеселить их своей жизнерадостностью. Смеялся, успокаивал. В тот самый момент, когда казалось, что немцы вот-вот ворвутся к нам в тыл, окружат нас, - пехота слева остановилась и повернула назад к танкам, что

неожиданно выстояли под огнем артиллерии.

Присутствие танков подняло дух пехоты, и она повернула обратно. Радость охватила нас. Но не тут то было... Снова забила артиллерия, снова заметалась пехота и снова побежала назад, как прежде. И так несколько раз, вплоть до самого вечера.

По телефону сообщали, что наша пехота стоит на месте. Но вот наступила темнота и пехота соседа, которая, оказывается, 905 полк, вернулась на свои места. Наутро мы узнали, что погнали пехоту "Тигры" и "Фердинанды", и что отступил и побежал только второй эшелон. Первый, что на передней линии был выстоял. Вчера примерно такая же картина была на правом фланге. Только в нашей балочке санитары перевязали шестнадцать раненных 902-го полка нашей дивизии. А убитых сколько было - неизвестно.

Опять побежали, уже на правом фланге.

Встретил одного младшего лейтенанта-минометчика из роты Клименко, что был на курсах. Он остался один с двумя бойцами со всей минной роты. Обвинял и ругал артиллерию, которая своевременно не дала помощи, и ругалась в ответ на его просьбы, на подачу огня.

Позавчера с самолета был брошен снаряд, ранив в голову двух наших бойцов. Вчера снаряд артиллерии убил трех лошадей и ездового Пшеновского, которого не раз спасала судьба до этого. Одна лошадь у нас осталась, да и та ранена.

Вчера-же окончательно оформил дела в партию. Парторг Голомага, что был во втором батальоне, теперь у нас. Он знает меня давно, и дал мне рекомендацию. Другую рекомендацию дал Лопатин и, наконец, агитатор полка капитан Андреев, с которым мы в очень хороших отношения - третью. От капитана Чертовского - зама по политчасти командира полка - не дождался. Он далеко и я не знаю где его искать.

Вчера ночью получил письмо от тети Ани. Сегодня написал четыре письма. Маме со справкой, папе со стихом, и тете Ане со стихом, дяде Люсе.

Глянцев, ординарец мой, просит, чтобы я и ему написал. Тороплюсь закончить, чтобы написать ему письма.

Весь день дождь, но перестрелка не прекращается. Немцы активничают, особенно из "Ванюш". Снаряды очень близко громыхают, так, что в землянке обваливается земля и она вся дрожит.

25.11.1943

Утром, когда еще не развиднелось, в нашу балку привели, так называемых, противотанковых собак. Эти собаки, бессознательно жертвуя собой, бросаются вместе с надетыми на них

противотанковыми гранатами под танк, и, подрываясь, выводят его из строя. Собак было очень много.

Сейчас началась наша артиллерийская подготовка. Стреляем и мы из минометов. Немцы отвечают тяжелой артиллерией. "Катюша" и "Иван Грозный" наши молчат пока.

Сегодня на рассвете выдали грамм по 25 водки - это она, пока дошла сюда, "усохла".

27.11.1943

Вчера прошел ДПК, и теперь я уже окончательно член партии большевиков. На ДПК мне задали много вопросов - я первый разбирался. Капитан Андреев постарался, выполняя мою просьбу, пропустить меня первым. На все вопросы я ответил без запинки. Один вопрос, хотя и не из устава и не из истории партии, показался мне самым сложным.

- Вы пишитесь в анкете редактором стенгазеты. Вот выпустили ли вы стенгазету?

- Выпустил - ответил я, хотя на самом деле не выпустил еще, - бой помешал. Так пришлось мне соврать.

Вчера получил письмо от мамы. Ответил ей немедленно. Выслал справку из госпиталя.

С нашей роты забрали для стрелков еще 10 человек. Теперь у меня во взводе 6 человек и я седьмой.

Всю ночь слушал Руднева. Он знает хорошие песни о любви. Я вспоминал свою жизнь на гражданке, как у нас говорят, и под звуки песни жалел свою молодость, не встретившую любви и ласки женской на всем пути своем.

Вчера сменял ножик и ручку на другую ручку - самописку. Понадеялся, что она лучше, и поверил Зарыбкину, что она пишет. Потом, когда разгляделся увидел, что она без пипетки. Выменял пипетку на мыло у бойцов, но и с пипеткой ручка оказалась негодной - перо было плохое. Позже Дьяченко принес мне ручку, тоже поломанную. Я скомбинировал из двух одну - переставил трубку-наконечник с Зарыбкинской на Дьяченкину, и ручку Зарыбкина отдал Рудневу.

С минуты на минуту у нас ожидается наступление. Противник обстреливает нас. Где-то летает наша авиация, очевидно соседи наши в наступлении.

У меня теперь три полевых и одна вещевая сумка, но все не вмещается, приходится часть носить в карманах. Главное - у меня на вооружении имеются тетради, бумага и некоторое количество газет. Вещей, как таковых, нет.

Мечтаю написать какое-нибудь душещипательное стихотворение, но все это - вопрос времени.

Наши стреляют - артиллерия, и над нами появился самолет.

Но это мало, конечно, для наступления. Нет, в данный момент наступать не станем, может позже...

Только что ходил в штаб батальона узнать относительно писем и газет и познакомился там с весьма и весьма неприятной новостью относительно ночного наступления нашей пехоты.

Немцы подпустили наш атакующий батальон к своему переднему краю без единого выстрела, и затем зажали его со всех сторон. 1-ый батальон драпанул, а 2-ой и 3-ий попали в окружение. Вырывались боем. Из 60 человек 27 не вернулись. Таким образом, от двух батальонов осталось 30 человек, 4 раненых.

Наша десятка, очевидно, тоже участвовала в боях. Интересуюсь узнать их судьбу, но пока еще не знаю кто именно не вернулся. Известно только число. Обо всем об этом мне рассказал батальонный писарь Санько.

Сейчас, когда я писал, противника "Мессершмиты" сбили два наших самолета.

Бои продолжаются, особенно на левом фланге. Необходима адская артподготовка, как у Ново-Петровки, чтобы осилить и выгнать звероподобного врага с однажды выбранной им для обороны позиции.

Пишу письма. Летит вражеская авиация. 26 единиц. Но продолжу, пока еще не рвутся здесь бомбы, писать. Надо маме еще одним письмом и справкой ответить.

Написал и отправил три письма: маме, папе и Оле. Майе Б., и еще одно письмо со справкой для мамы, пока не отправил.

Хочу записать в дневник сказку свою, дабы все записи были у меня в одном месте. Итак:

Как волк сразу за двумя зайцами погнался.

Однажды, после кратковременной передышки, вслед за артмин дуэлью с кровожадными гитлеровскими разбойниками, будучи на одном из южных фронтов Отечественной войны, я нашел написанную на непонятном мне языке толстую книгу с истрепанной временем обложкой. Долго я вертел эту книгу вокруг да около глаз своих, но тщетны были все попытки мои понять смысл, содержавшийся в этих 1501 страницах удивительных закорючек, так не похожих на буквы и слова человеческих языков.

Книга казалась мне настолько интересной, была так заманчиво влекуща, что я решил, во что бы то ни стало понять и прочесть хотябы малость из написанного в ней.

А у нас в роте было, к слову сказать, очень много национальностей: и русские, и украинцы, и грузины, и армяне, и азербайджанцы, и евреи, и казахи, и туркмены, и греки, и даже нашелся один турок. Да-да! Вы не смейтесь - представители всех национальностей Советского Союза сражаются насмерть на фронтах Великой войны с фашизмом.

Так вот, показал я эту книгу бойцам и командирам нашей минометной роты. А личный состав у нас, надо сказать, очень грамотный и любит книги читать на своем родном языке. Иной раз в передышках между боями как начнут наши воины книги читать вслух - уши затыкаешь - столько звуков и такое многообразие содержания вылетает в одну человекоминуту из стольких человеческих уст.

Но тут произошло нечто неожиданное - никто сразу при виде книги не сумел ни слова понять и прочесть в ней. Ребята мои, надо признаться, приуныли от такого неожиданного конфуза, растерялись, опечалились и в первую минуту не могли даже выронить ни единого звука из своего многоголосого коллектива. Но потом заговорили все сразу: и по-русски, и по-украински, и по-грузински, и по-азербайджански, и по-казахски, и по-туркменски, и по-гречески, и по-татарски, и даже турок-боец стал сам с собой на своем языке так громко разговаривать, что казалось, он хочет перекричать всех.

Я с трудом устоял на месте при виде столь шумного обсуждения ротой занимавшего меня вопроса, и, выслушав множество советов относительно отыскания ключа-ответа к моей находке, ушел, или вернее убежал, едва сдерживаясь, чтобы не закричать от боли в висках.

Больше решил я этого вопроса не поднимать, хотя книгу не бросал, мечтая втайне, когда-нибудь потом разрешить волнующий меня вопрос.

Вскоре начался бой. Вокруг падали снаряды, земля вздрагивала и низвергалась то и дело столбиками комков и пыли высоко вверх. Канонада артиллерии с каждой минутой становилась все напряженнее и сокрушительней. Кругом все гудело и казалось - сама земля гудела в унисон нашим минометным стволам, зло выплевывавшим навстречу врагу мины.

Вскоре противник ослабил пальбу, но мы продолжали обстрел с прежней силой и, после полуторачасовой артподготовки, пехота наша пошла в атаку.

К вечеру противник был выбит из населенного пункта, и у одной из его окраин наша рота заняла огневые позиции. Ночью наступило затишье, честно завоеванная передышка. Укладываясь спать, я вновь вспомнил о моей неразгаданной находке, как вдруг подошел ко мне сержант-украинец по имени Панас, который тоже все время думал об этой любопытной книге. Он был известным у нас коллекционером и, естественно, интересовался всем древним и малопонятным.

Это был молодой белокурый парень с красивыми глазами небесного цвета цвета незабудок. Среднего роста, быстрый и живой - он был душой нашего коллектива.

Крепко не любил Панас немецких нашественников, и, казалось, никто не мог сравняться с ним в ненависти к врагам Отечества - два ордена на его груди и медаль за отвагу крепче слов свидетельствовали о любви и преданности коммуниста Панаса своей Родине. Еще до войны учился Панас в педагогическом институте на филологическом факультете, но случившаяся война призвала его в ряды защитников страны, и он бросил не задумываясь учебу, не успев окончить 3-й курс института.

- Знаете что, товарищ лейтенант, - сказал Панас, - для прочтения этой книги необходимо непременно обратиться к Николаю Федоровичу.

Я внимательно посмотрел ему в глаза, ибо мне казалось, что он шутит. Николай Федорович - это большой серый пес породы имярек, найденный нами еще щенком в одном из освобожденных нами городов подле Сталинграда зимой прошлого года. Эту умную и понятливую собаку Панас сумел приручить к себе, откормил, и со временем из неказистого щенка, вырос большой статный пес, похожий на волка.

С первого дня Панас, воспитывая своего приемыша, обучал его всем премудростям собачьих наук. Мы смеялись над повседневными занятиями Панаса со своим воспитанником, но он доказывал нам правоту и необходимость своих трудов, не обращая на наши шутки внимания, кропотливо и настойчиво

продолжал свои занятия с собакой.

Назвав пса Николаем Федоровичем и дав как следует привыкнуть к своему новому имени, Панас стал обучать его постепенно человеческому языку. И, как это не покажется невероятным, теперь Николай Федорович свободно владеет человеческой речью, хотя разговор его и отдает врожденным собачьим акцентом. Тут уж ничего не смог поделать Панас - ведь против природы далеко не попрешь!

Но вернусь к своему рассказу. Советуя использовать в качестве дешифровщика Николая Федоровича, Панас был серьезен, намерения его целиком внушали доверие.

- Эта книга, по-моему, написана на зверином языке, а Николашка - самый грамотный и самый ученый из всех собак, каких знаем мы, и, уверен, без его вмешательства нам не обойтись.

Я, подумав, согласился, и оказавшийся поблизости пес принялся за разбор и чтение книги.

Панас оказался прав. Только одному нашему псу смогло быть понятно и доступно для чтения это произведение звериного сочинительного искусства.

Я размещался в глубокой и просторной землянке, в которой когда-то, очевидно, прятались мирные жители от немцев. Но теперь, когда немцы угнали все население деревни с собой, землянка оказалась пустой и ничейной. В ней были стол, две кровати и масса вещей, свидетельствующих о еще недавней обитаемости ее. Мы зажгли трофейные немецкие лампы-свечки и всю ночь просидели над книгой, оказавшейся летописью звериных государств.

Николай Федорович с увлечением читал и переводил нам целые главы увлекательных и поучительных вместе с тем историй, написанных на родном ему языке. Одну из этих историй я хорошо запомнил и попытаюсь рассказать вам.

В одно далекое историческое время покрытое плесенью столетий, в одном из великих звериных государств правил огромный и ненасытный Волк Великан. У этого Волка была большая и страшная пасть, вмещающая тысячу зубов и сто клыков. В эту пасть мог запросто поместиться за один раз большой звериный город, с его садами, улицами и бульварами, с его пригородными хозяйствами и пастбищами, с его жилищами и всем-всем разношерстным его звериным населением.

Страшен был правитель Волк Великан. Все его боялись и повиновались ему. И государство его было настолько большое и богатое к началу его царствования, имело такое изобилие всего, что передать и вообразить трудно. В нем было столько городов и

деревень с сотнями и тысячами жителей-зверей, больших и малых, сколько было волос на длинном, густом чубе Волка, свисавшего на его глаза, а может и много больше. Однако за время своего прожорливого хозяйничанья в своем зверином государстве Волк Великан умудрился опустошить и ограбить свои земли, свои владения. Он пожрал весь скот, всю рыбу в морях и реках, попил все молоко, и, сохранив неудовлетворенным и неутоленным свой аппетит, оставил всех жителей своих без еды и питья.

- Ничего, - говорил Волк, высасывая последние пчелиные соты, - ваша сытая жизнь впереди. И роняя слюни от предвкушения сладкой поживы, указывал на два великих соседних государства, которые были еще огромней и богаче государства его.

Царствовали там звери-великаны похожие на зайцев. Они были так богаты мясом, шерстью, рыбой и вином, так густы лесами и широки полями, что дух у Волка и изголодавшихся его подданных захватывало от предвкушений сытости.

Волк давно, еще будучи Волчонком-подростком-правителем, зарился на них.

Между государством Черного Волка Великана и государством Ясноглазых Зайцев Великанов был целый ряд мелких государств: государство Хитрой Лисы, Морского Зверя, Кичливой Мартышки, Веселой Белки и Тихого Крота.

И вот в один из Дней Великого Голода вздумал Волк насытиться мясом Зайцев Великанов. Наточил клыки, заострил когти, и двинулся в путь-победный-дорогу.

Долго шел Волк, сметая и пожирая, кусая и пугая, побеждая и разоряя города и государства. Не осталось в пройденных им местах ни зверя, ни птицы, ни рыбы, ни даже зеленой травы и кроны деревьев в лесах.

И пустился он тогда за непокоренными еще Двумя Великанами Зайцами. А говорит пословица: "За двумя зайцами не гонись!". Но Волк был настолько кровожаден, так окрылен задарма съеденным им безнаказанно уже в чужих государствах, что не послушался ни разума затменного своего, ни совета, который не могли дать ему разожравшиеся при всех этих бесчинствах шакалы-прислужники, падаль уминающие. И он погнался за обоими Великанами, неистово щелкая зубами, пуская жадную, голодную слюну.

Но не долго бежали Зайцы. Один, добежав до Синего Моря, прыгнул со всего разбегу на остров зеленый и встал на берегу. Удивился Волк. А Заяц постоял - постоял и вдруг, превратившись в Синего Слона, стал поливать Волка ненасытного холодной

струей морской, из хобота длинного, змееобразного.

Испугался Волк, продрог весь, изголодался. Не знавал он доселе отпора еще, неповиновения.

Погнался он тогда за другим Зайцем. Но и здесь - не тут то было - опять не повезло зарвавшемуся хищнику.

Недолго гнал он Зайца, но много земель он его разорил и разграбил, питаясь в пути-погоне. А Заяц стоит, его дожидается у большой и широкой реки. Подбегает Волк - глядь, а Заяц уже превратился в Слона Красного, и поливает Волка леденящей струей с реки.

Окоченел Волк, задрожал, забил чечетку зубами своими клыкастыми, и посыпались они, покрошились. Оторопел Волк. Стоит, подбирает с земли осколки зубов своих, швыряется ими в Красного Слона. Долго стояли они друг напротив друга перекидываясь и водой обливаясь. Замерз Волк, обессилел, а Слон еще большим сделался, еще длиннее хобот его, и вода холоднее, Волка поливающая.

Стал Волк уходить, - а Слон за ним. Волк прибавил шагу, но и Слон не отставал, поливая его ледяной, запасенной еще в речке, водой. Побежал Волк а Слон за ним, не отпуская его ни на шаг. Долго так бежали они, пока не добежали до огромной горы, окаймленной цепью остроконечных скал и широкой речкой со стороны бегущих.

Заперся Волк в горе этой, а сам гонцов-шакалов к себе на родину шлет, помощи просит.

Но только помощи не пришло, и только весть одна с гонцом принесена была, дурная весть - другой Слон, Синий Слон, идет на их землю из заокеанского острова, идет-движется в его страну великую и разоренную. Испугался Волк. Озлобел еще больше от страха, съел гонца, и отправил послов к Синему Слону заокеанскому с просьбой о мире и пощаде.

Ничего не ответил Слон, только хобот грозно приподнял и еще упорнее стал продвигаться к Земле Волчьей.

Услыхал Волк, что не удалось послам его мир заключить, разгневался, начал земли Слона Красного жечь и грабить, зверей убивать и увечить. И Слон Красный, так долго охраняя загнанного в горы Волка лютого, у горы-острова пил воду из реки-пояса, окаймлявшей гору, и выпил всю до дна. Стал он тогда скалы ломать, крепость Волкову крушить, выгонять зверя. Побежал в страхе Волк к земле своей, но нигде не отставал от него Слон, везде настигал его.

Видит Волк, что не убежать ему от расплаты и превратился он тогда в Зайца Черного Быстроногого. Он бежал, скакал, через леса и горы, поля и реки, города и деревни, но Слон везде

настигал его. Видит Волк - нет спасения ему, и стал через послов своих, не съеденных еще, просить-добиваться мира-снисхождения у Слона Красного, но тот лишь усмехнулся в ответ, и преисполненный презрения и ненависти стал яростнее еще преследовать Зайца Черного.

Совсем обезумел Заяц Черный, чувствуя свой близкий конец, голодный и бесславный.

Так загнали Слоны Великана кровожадного на самый край звериного мира, и тот от страха стал прежним Волком, потерял свои ноги быстрые, шерсть пушистую.

Собрались звери всех земель, стали над Волком Великое Звериное Правосудие вершить. И будучи отданным на растерзание жителям всех разоренных им земель и государств, Волк не оставил после себя и следа на все исторические времена, кроме тягостных воспоминаний обиженных и пострадавших от жестокостей его зверей.

А оба Слона Великана, обратившись вновь в миролюбивых и свободолюбивых Зайцев, и поныне управляют своими и Волчьим государствами, на благо и радость звериную.

27.11.1943

Устал уже. Вечереет. Я решил ежедневно переписывать по две страницы и для этого оставил место в тетради. А сейчас немножко попишу стихи.

Вечереет. Сегодня был на редкость солнечный, хотя и морозный день.

Фрицы бомбят все время наших право - и левофланговых соседей.

28.11.1943

Бомбят, гады. Соседняя балочка, что метрах в ста или того меньше отсюда, подверглась бомбежке 26-ти самолетов противника. Теперь еще 20 кружатся над нами.

После тех 20-ти, что отбомбили свою порцию, новая шестерка появилась и улетела куда-то на фланг. Сейчас еще 18 штук летит.

Темнеет.

Отправил письмо тете Ане.

30.11.1943

На НП с Запрягайло.

Командир роты после разговора, который мы вели с ним и Савостиным однажды, на замечание Савостина о том, что командир роты все время на НП, а мы в землянках, сегодня решил послать меня, как тогда подметившего: "Он сам и виноват - может высылать командиров взводов и оставаться при роте".

Я не жалею. Здесь я хорошо увидел оборону нашу и немецкую, увидел фрицев. Подводы нескончаемым потоком

двигались по высоте, и где-то далеко впереди сливались с горизонтом. По телефону передал, что замечено большое скопление противника.

Внизу, вблизи от переднего края, несколько немцев несли на носилках раненного, скорее всего офицера, так как много людей уходило с ним в тыл. Они несли его пока не дошли до дороги. Я передал свои наблюдения, и артиллеристы открыли по ним огонь - дорога была хорошо пристреляна. С первых же двух снарядов их группка была рассеяна, но раненного не бросали - двое побежали вдоль дороги, унося в носилках свою бесценную ношу.

Позже, по той же дороге, из двигавшихся двух повозок от огня артиллерии одна была подбита, а другая умчала в балку. Немцы, когда стих огонь, стали возиться у подводы и вскоре ее отталкали куда-то. Еще позже четыре человека, двигающиеся в сторону от фронта, опять же недалеко от этой дороги, на определенных интервалах один от другого что-то мерили - может быть минировали поле?

Подводы, обозы движутся и сейчас слева направо по дороге, что на высоте слияния с горизонтом. Небо тоже неспокойно сегодня: сначала 13 самолетов, потом 7, потом 10 бомбили различные участки нашей обороны. Ново-Петровку бомбила семерка "мессершмитов", остальные буйствовали на флангах. Бомбили со страшно большой высоты.

Сейчас два фрица копаются в кукурузе - чего они там делают?

Снайперы щелкают неустанно. Немецкие снайперы. Вот только что, едва я высунул голову чуть-чуть повыше, над самым ухом прожужжала пуля.

Фрицы отсюда очень близко и мне хорошо сверху видны их окопы, котелки, каски. Наши окопы лежат тоже как на ладони. Позиции у фрицев более выгодные против наших. Хутор Шевченко, где залегли стрелки, весь истерзан - в нем всего несколько хат, но и от тех нескольких остались лишь одни стенки, без дверей и окон. Хутора, что у немцев, тоже оскелечены.

Телефонист наш - фантазер порядочный. Ему передаю: движутся две подводы, он перефразирует - десять. Ему говорю: шесть подвод, - он передает: тридцать. Так что, у тех, кто запрашивает обстановку, может сложиться представление совсем другое, чем на самом деле. Но с другой стороны он прав: движение замечено большое и целый день по высотам. Очевидно перегруппировка сил у немцев. А перегруппировку сил делают в большей части перед наступлением. Во всяком случае, из всего виденного можно заключить, что противник к чему-то важному готовится.

Теперь обстановка: левые соседи продвинулись весьма далеко вперед, километра на два от нас. Правые соседи - шляпы, и нас подвели (902 полк двоечка, по телефону) когда мы, то есть наша пехота, продвинулись вперед, заняв окопы противника, и левого соседа не поддержал. Противник, воспользовавшись промахом этим, окружил пехоту с флангов, и, бросая ракетами, стал сжимать кольцо. Созвонились. Связь была еще цела с батальоном. Был дан приказ о планомерном отходе. Но пехота при виде создавшейся обстановки, стала отходить еще до приказа. В результате планомерного отхода не получилось - отходили кто как мог. Утро застало отходящих, возвращающимися на свои позиции, поодиночке и группками.

Семнадцать человек остались лежать в поле до вечера, до темноты. Поздно вечером пришло еще четыре человека. Таким образом, пропало без вести всего-навсего четыре человека. Во втором батальоне примерно такие же потери.

Видел откуда бьют немецкие "Ванюши". Они стоят километрах в двух отсюда в балке.

01.12.1943

Сегодня ничего не успел написать. Утром кашу подогревал, днем банился замечательную баню мы себе устроили. Прожарил белье. Позже пришел младший лейтенант из редакции, что с наших курсов и что у Рыбкина в адъютантах служил. Теперь он представитель редакции "Кировец" и приехал сюда за материалом.

Сейчас на НП. Соседний полк наступает. Немец положил пехоту нашу с самого начала выступления: артогонь ответный дал, что называется. Снаряды рвались близко отсюда, и осколки долетали до блиндажа.

Снайперы охотятся не смыкая глаз. Наш НП они хорошо проследили, и не успеешь высунуть бинокль понаблюдать - свистят пули.

Заметил наблюдателей фрицевских. Открыл огонь Хуруленко. Своим начальникам я не решился сказать об этом. То мин мало, то еще чего... Накрыл цель.

02.12.1943

Ночью вызвали за партбилетом в дивизию. Она расположена (это я думаю, что вызван в штаб дивизии) в Ново-Петровке. В два часа ночи получил билет. На фотографии я получился чумазый какой-то, черный, как цыган. Впервые снимался с усами.

Рапорт, с просьбой выдать мне взамен кандидатского билета справку о том, что я находился в 5 гвардейской стрелковой дивизии, подал. Майор заместитель начальника политотдела обещал удовлетворить мою просьбу.

Всю ночь блудил в поисках ночлега. Был туман и слякоть, так что я несколько раз падал в пути.

Савостин и Запрягайло обманули меня, пообещав еще в политотделе обождать (они вышли первые) - когда я вышел, их уже не было. Я остался с лейтенантом Резенковым. Мы долго пробродили в грязи, стучали и ругались с военными. Пришлось однажды мне даже раму вынуть, и чуть было нас не отправили на тот свет какие-то начальнички, но все благополучно обошлось.

Ночевали там, где наш старшина Урасов находится.

Днем пришел и сразу Соколов на НП отправил, где и пишу это.

Отправил 4 письма. Правильнее - написал, и сегодня отправлю - маме, папе, тете Ане, дяде Люсе. Маме впервые намекнул о необходимости сближения вновь с папой.

04.12.1943

Вчера ночью ходил на передний край к стрелкам за людьми. Был у Булатова в 9 роте и в 8 роте, где взял по три человека в каждой (мы отдали им 9). Из старых наших людей забрал одного Чипака. Двоих взял молодых, 23 и 24 года, а остальные три, тоже вроде не плохие, хотя возрастом постарше.

У Булатова большой, вместительный блиндаж. С ним вместе живут старший лейтенант ***, лейтенант Брамен, младший лейтенант Комагорцев и еще два командира взводов. У них тепло, тесно и весело. Все шутят насчет нашей стрельбы, насчет жизни нашей. Называют нас тыловиками и говорят, что не стали бы нас кормить за нашу стрельбу плохую.

Жить стрелкам, действительно, куда хуже нашего. Даже ночью там нельзя головы поднять - всю ночь немец стреляет из пулеметов и винтовок, преимущественно разрывными пулями.

Командир 8 роты - нацмен, не то узбек, не то казах. Он живет куда хуже Булатова, и блиндажа такого, и света, в частности, не имеет. У него маленький крытый окопчик на двоих, где он живет со своим ординарцем.

Когда я пришел в роту, то не застал командира ее. Он был у старшего лейтенанта Кияна, созвавшего совещание командиров рот и взводов, и мне довелось бегать за ним под обстрелом метров 200 и минут десять. Потом обратно в 8 роту, и затем в 9.

Позвонил Соколову и допустил большую ошибку, назвав 8 роту по телефону незашифрованно. Старший лейтенант Докучаев, услышав, начал ругаться - "Я вам дам, 8 рота!", чем еще больше усугубил. А когда я пришел в 9 роту, он меня встретил там и начал отчитывать. Я объяснял, что у меня случайно вырвалось это слово, и что я не знал кода.

Когда я собрал всех нужных мне людей - ушел вместе сними в

свой тыл. Разговаривать громко нельзя было - только шепотом. Немец все слышал и неоднократно перекрикивался голосом с нашими передовиками. " Эй, рус, почему не наступаешь?" И прочее. А стоило нашим крикнуть, как тот час же минометно-пулеметный огонь наносился на то место противником.

Газет вчера не читал. Писать не писал, вообще, вчерашний день, говоря по-украински, "марно провел".

Сейчас положение у нас очень напряженное - в любую минуту может явиться приказ о наступлении и мы готовы выступать. "Грозных" навезли и артиллерии неисчислимо, только неизвестно, станет "Грозный" нас поддерживать или соседей, ибо наш участок не столь важный, как их.

06.12.1943

Теперь я здорово зажил! Проделали мне печку. Весь день горит она у меня и тепло ее напоминает мне дом.

Руднев перешел ко мне в землянку и мы теперь вдвоем. Он проделал свет. Просит меня написать его девушке письмо, но сегодня уже некогда. Темно. Ночь. Я пишу при свете бензинового коптильника.

Сегодня был у меня, ну кто бы ты подумал, мой дневник? - Онищенко Алексей! Он в 962 полку, в батарее 120 миллиметровых минометов. Рассказал много новостей. Одна весьма печальна - Плешаков погиб. Хороший был парень. Перед смертью он работал начальником штаба батальона.

Стихи мои они читали в газете, и это было случайным напоминанием для них обо мне. Читал он мне письма свои от любимой и просил составить стихотвореньице для нее. Я теперь хоть отведу душу написанием стихов посвящений чужим девушкам, раз своей нет у меня.

Еще одна весьма неприятная весть - умер, престарелый уже, академик-коммунист Емельян Ярославский. С большим прискорбием известил об этом Совнарком и ЦК ВКП(б) нашего Союза.

07.12.1943

Вчера получил квитанцию на посланные папе 2000 рублей. От него писем не имею, и не знаю, получил ли он деньги. Мама настойчиво просит о справке, но что я могу сделать? Справки ей старые выслал, а добиться здесь новых невозможно. Кроме аттестата мне ничего не обещают для родных. Да и аттестат лишь в 44 году. Положение мое аховое: и отцу помогай и матери. А как - никто из них не подумает. Если бы они жили вместе - я бы имел постоянно один адрес, и посылал в одно место и справки, и деньги. А так я распылил свою помощь, и в оба места едва-едва чего-либо поступает. Даже письма не доходят мои.

Вчера написал два письма маме и папе. Сегодня мечтаю еще написать.

Я на НП. Мороз сердитейший. Руки-ноги замерзли и в сердце холод. Фрицев почти не видно, только слева за целый день показалось человек шесть: копаются в огородах, ищут чего-то. Рама летает над нами, высматривает оборону. Артиллерия била наша по бугру на горизонте. А фрицы обстреливали из минометов посадку, что перед входом в Шевченко с нашей стороны.

Голод тоже стучится мне в желудок, и тот отзывается лишь унылым урчанием. Больше сказать нечего. Сейчас туман прояснился, и стало видно хорошо оборону.

08.12.1943

Сейчас проводил беседу с ротой по докладу товарища Сталина. Зачитывал доклад, а потом объяснял и спрашивал. В газетах опубликована декларация от имени руководителей трех государств - Сталина, Рузвельта, Черчилля о совместных военных действиях против Гитлера и его сообщников с трех сторон Востока, Запада и Юга. Декларацию я зачитывал перед строем роты. Кроме этого была опубликована в сегодняшнем номере декларация об Иране, а также сообщение о праздновании в Тегеране 69-летия Черчилля, в котором приняли участие Сталин, Молотов и Рузвельт с женой и сыном Черчилля. На стол был подан пирог с 69 свечами. Воображаю, что это был за вечер! Хотя бы одним глазом присутствовать мне там. Больше ничего не хотел бы в данный момент.

Я весьма и весьма рад сближению наших руководителей с руководителями Великобритании и США. Так рад, как был огорчен когда-то сближением с Германией - страной мракобесия. Это большая, необходимая дружба цивилизации и демократии. Черт с ним, что обе союзницы буржуазные страны. Война сделала то, чего не смогли сделать десятилетия мирной жизни - объединила, наконец, нас в борьбе и ненависти к антисемитам, шовинистам, варварам-гитлеровцам.

Из сводки узнал, что наши войска заняли Александровск на Украине и на других участках продолжают продвигаться вперед, овладевая все новыми и новыми, думается расколошмаченными, населенными пунктами.

Наше наступление, что назначено было на сегодня - временно отложили по приказу свыше.

Сейчас обучают новичков. Обучают группу разграждения. В бане перемыли всех. Вчера была баня. Я не купался, так как был на НП. Теперь опять в батальоне три стрелковых роты, из которых меньшая насчитывает 40 человек.

Кругом подтянули большие силы, и опять "Иваны Грозные"

остановились сзади нас. Работа артиллерии обещает быть интересной и гибельной. Немцы не имеют права устоять.

Вчера у нас ходили слухи, что Сталин, Рузвельт и Черчилль подписали декларацию и ноту, в которых требовали от Германии немедленного вывода войск к 12 числу, иначе поведется война с трех направлений. Интересно только, как эта "правда" пришла к нам, еще до опубликования самой декларации?!

В Ленинграде обстреливаются минами из орудий жилые кварталы, не имеющие военно-стратегического значения и свободные от *** Немцы варварски участвуют в этой гадости. Они поплатятся в свое время за все. Мои родные, погибшие от рук варваров, постоянно перед глазами моими и совесть зовет и зовет справедливо меня - мстить беспощадно.

Сейчас у меня спит замкомбат по политчасти - старший лейтенант Киян. Он пришел ко мне посидеть, но когда я стал читать ему свои произведения заснул. Ну и неспокойно же спит он. Эти кляксы он наделал, ворочаясь и жестикулируя во сне.

Сейчас уже темнеет. Камин у меня в землянке еле теплится, неудобно подбрасывать дрова. Руднева нет - он наружи. Погода сегодня не особенно холодная, хотя уже начался зимний месяц.

Немцы утром молчали. Мы сделали небольшую артподготовку в результате которой они испугались и разнервничались - стреляют весь день сегодня. Командир полка приказал убрать из села Ново-Петровка все батальонное хозяйство, стало быть, нужно место для кого-то свыше. А село уже не вмещает новых посетителей.

Вчера в ночь и сегодня под утро получал комсоставскую пищу: вкусно, сытно и питательно. Суп с картошкой и кусками поджаренного мяса, и на второе жаркое с подливой - это вчера. Сегодня суп такой же, и на второе кабачковая каша.

09.12.1943

Выпал снег. Такой мягкий, пушистый, и в большом изобилии. Началась зима. Но на дворе - то есть за стенами моей землянки - тепло и снег тает. Грязи много, и это мне не нравится. Лучше б морозец нагрянул.

Один из бойцов, что попал к нам в роту от стрелков - Лозовский, находится у меня во взводе. Ему, как и мне, 20 лет. Он даже на пол года моложе меня. Я решил сделать его ординарцем. Пригласил к себе в землянку его землянка сырая и холодная. Нарубил он мне дров, перемыл котелки, в общем, парень на ять.

Сегодня я мылся в бане и белье парил от вшей. Удивительно только почему вдруг после бани у меня зачесалось тело - ведь до этого я не чувствовал ничего. Может, не уничтожила их дезинфекция?

Писем не писал. Уже ночь. Снова ночь. Только что привозили ужин, поел уже. Свет наладил, и он горит без перебоя. Печка догорает. Вчера похитили у меня котелок - стрелки, черти! Глянцев ругался и кричал. Завтра моя очередь на НП дежурить.

Сегодня накатал три стиха. Один закончил и переписал в дневник, два недоработал. Написал письмо Оле. Завтра на НП, наверное, еще больше напишу, в особенности там.

10.12.1943

Часов в девять утра, когда я уже было решил что не буду на НП дежурить, меня вызвал Соколов и сказал: "Подежуришь на НП часа четыре, а потом тебя сменят". Я обрадовался что не весь день мне стоять, и сказал ему, что давно надо было так делать. Старший лейтенант - замкомбат по строевой, присутствующий при этом, говорил, чтобы докладывал о всяких перегруппировках, замеченных на стороне противника. Я пошел, взяв с собой Глянцева одеяло, плащ-палатку, телефон и сумки. Лозовскому заказал вареную картошку.

Однако пробыть на НП довелось до половины четвертого. Ноги намокли, замерзли, и я с трудом стоял, наблюдал за противником. Глянцев не умеет говорить по телефону. Так, один раз он стал говорить: "Товарищ лейтенант просит командира роты подойти к телефону...". Я не дал дальше ему договорить. В другой раз он заявил, что мы разговаривали с НП. Пришлось мне и наблюдать, и разговаривать, а дел было много.

Вся земля побелела, и все предметы отчетливо видно на фоне белизны серебристого снега, устлавшего все вокруг. Я долго наблюдал, замечая вдали отдельные фигуры немцев, группки их, двигавшиеся где-то в отдалении километра на два. Как вдруг справа, на месте бывшего зеленого поля, у самого края его, где виднелся небольшой курганчик, я заметил фигуру наблюдателя-немца и внизу возле него сидящего снайпера. Позвонил по телефону, и Соколов предложил корректировать стрельбу по немецким наблюдателям.

Открыли огонь. Первая мина упала 1-20, правее цели. Указал необходимый доворот. Вторая упала 0-40 от цели, но дальше ее значительно. Третья, по недоразумению, упала в створе с целью, но в метрах 10-15 от наших позиций. Сказал повторить, и мина упала в 0-10 от цели. Скомандовал доворот. Мина накрыла цель, и фрицы забегали по горизонту. Их было двое. Один пробежал немного и упал, другой впрыгнул в окоп.

Скомандовал "беглый". Первая мина из серии "беглым", заставила убегать и второго, но последующие - вторая и третья, разорвались подле него. Я заметил потом, что он нагнулся над чем-то. Думал, что над убитым, но спустя долгое время он не

менял положение - очевидно и он был убит или ранен.

После того, как уничтожил снайпера и наблюдателя, стал еще внимательнее наблюдать за противником, и заметил целую группу немцев, двигавшихся из отдаленного, Безымянного хуторка в ближний к нам. Потом заметил вражескую пушку у ближнего Безымянного хуторка, слева, возле отдельно стоящего дерева. Передал по телефону. Потом в этот же хуторок спустилась та самая группка людей, и я заметил, что несли они две платы, два ствола от миномета и сидя *** Вызвал Соколова ***но другом ***

12.12.1943

Ничего особенного не случилось у меня за нынешний день. Не вылазил из землянки. Писал днем, писал ночью, сжег три пэтээровских патрона (из него у меня лампа сделана) бензину.

Написал стихотворение, письмо папе. Вчера получил письмо от тети Ани, но накануне отправил ей письмо, и опять не писал больше.

Газет не получали сегодня. По вчерашним сообщениям, наши войска в районе Кременчуга освободили от немецких нашественников город Знаменка.

Наш фронт - 4-ый Украинский.

На дворе мороз колоссальный. Я вышел минут на десять умыться и оправиться - и заморозил за это время ноги. Сейчас сижу разутый совсем и греюсь. Лозовский топит печку. Дров он раздобыл много в деревне, и в землянке очень тепло.

Сегодня (только что) наша автомашина подвозила на левом фланге, сзади нас, пушку 76 мм. Немцы заметили и обстреляли. Машина ушла, и немцы долго ее обстреливали, но не попали.

Сейчас спустилась ночь на оборону, и пушку удалось укатить с открытого места.

14.12.1943

Получил письмо от папы, датированное 22.Х?, и от тети Ани за 15.Х?. Папино письмо, впервые из всех полученных от него, имеет в конце букву "Ы". Все пять писем тети Ани - на "Х" - 2 батальон.

Написал всего два письма - маме и тете Ане. С Рудневым писал письмо его дорогуше, от имени Руднева. Но в письме том прошу, чтобы она или ее подружки по школе, написали мне письмо - все это именем Руднева

Взял у Соколова несколько адресов его девушек. Двум из них он разрешает передать привет от его имени, а остальным писать не хочет.

Папа и тетя Аня, да и мама тоже, в один голос заявляют, что от меня нет писем, когда вся рота знает и удивляется частоте, с

которой я их пишу ежедневно по два-три письма. Майе Белокопытовой написал тоже несколько писем, и хочу еще написать. Оле тоже. Ее подругам собираюсь. Почему же никто из них мне не пишет?

Написал Лялечке письмо, послал открытку с рисуночком детским и надписью под ним "Для милого дружка и сережка из ушка". Чудненькая голубоглазая девочка вынимает из ушка "сережку для милого дружка" - мальчика. Другой мальчик, который, очевидно, не мил ей и не дружок - стоит нахмурясь в стороне, завистливо поглядывая черненькими глазенками на счастливого своего соперника.

Перед вечером Запрягайло стал задираться со мной. Ну и завелись. По всей земле проволокли друг друга и, в конце концов, я одолел его. Несколько раз я был сверху его, но брюки измазал основательно, и вообще - неудобно было перед бойцами. Но он как маленький, не понимает слов, и одно дело прыгает на меня, задирается. Влез в землянку и набедокурил - все вверх дном перевернул, хорошо еще не взял ничего. У меня сверху лежала бумага и дневник, письма, конверты и сумка.

К вечеру, попозже туда, бросил мою вкладную книжку, что им передал для меня начфин, на двор. Вообще-то, он крайне несерьезен - 24 года, а Митрофан Митрофанович Запрягайло.

Сегодня немцы стреляли по единственно уцелевшему домику хутора Чапаево, что в метрах 50 от нас. Снарядов двадцать выпустили, но только одним попали в дом, да и то вскользь, по боку. После этого еще два-три снаряда выпустили и оставили, видно надоело им. Вот она цивилизация немецких варваров! Бойцы с горькой иронией говорили: "Немцы нам дрова заготавливают. Вот сейчас добьют этот дом, и мы пойдем, соберем дров".

Несмотря на обстрел, возле дома прятались люди, они ***

XX.12.1943

*** набрать дров для топки. Пишу при свете догасающего камина, проделанного в стенке моего окопа.

Вчера был на ПП. Туман непроглядный был кругом, но пришлось отбывать. Когда развиднелось - заметил наблюдателей фрицовских. Открыл огонь по телефону. Хотел минометом, но Соколов дал всей батареей и я не мог скорректировать - разрывы были очень далеко, и даже не видно их было почему-то, только одна мина упала метрах в пятидесяти от наших стрелковых окопов.

Ночью фрицы открыли такую бешеную артподготовку, что страх. В особенности по Ново-Петровке. Старшина Урасов рассказывал, что всех лошадей поразгоняли вражеские разрывы в

селе.

От нас метрах в пятнадцати тоже упал один снаряд. Сегодня упал близко возле артиллеристов. Немцы активничать начинают. Очевидно у них есть боеприпасы, и вдоволь.

15.12.1943

Опять догасающий камин - очаг света.

Утром написал и отправил письмо папе. Сейчас писал Майе Б., Соколовой, девушке Юле Петровой. Больше некогда, хоть и есть куда писать мне.

Был сегодня у нас капитан Андреев, беседы проводил. Он очень хороший человек и по-отечески заботлив, в особенности ко мне.

Ночью копали ход сообщения.

У Савостина газета свежая и в ней портрет Сталина, Рузвельта, Черчилля вместе снятых. Сталин постарел маленько. Он в военной маршальской форме, Рузвельт - в штатском - у него умное и хитроватое дипломатическое лицо. Черчилль - толстяк в военной форме. Савостин восхищается Рузвельтовой физиономией.

Разговаривал с Савостиным насчет жизни и несправедливости, повсюду царящей. Савостин говорил, что повидав несправедливость, обман, преследование людьми мелочных интересов, он решил после войны уйти от суеты, от жизни городской и поселиться в деревне, где заняться хлебопашеством.

16.12.1943

Ночь копал. Я не спал - отмерял направление и протяженность работ. Днем дежурил на ПН. Ни одного фрица, да и к тому же и бинокля под рукой не оказалось. Далеко на горизонт опустился и стоит хмуро-серый туман.

Читал. Почти ничего не написал. Газет сегодня не было. Писем нет. Два письма, что вчера написал - сегодня отправил.

Спать хочется: усталость и бессонница.

18.12.1943

Позавчера в ночь был вызван на партбюро батальона: я член бюро. Повестка: "Подготовка к партсобранию". Вчера в 14 часов партсобрание. Присутствовал капитан Андреев. Он доцент, оказывается, и политрук гражданской войны еще 1926 года, член партии.

Выступал и я, вторым, после старшего лейтенанта Кияна. Выступали комбат, капитан Андреев, наши минометчики из боепитания, военфельдшер, начальник особого отдела и прочие. После собрания пошли сразу на партактив трое от нас: старший лейтенант Киян, парторг Голомага и я.

Там выступали большие люди дивизии, был командир корпуса генерал-майор Горохов. Он очень умный человек. Грузный, большой и красивый.

Поздно вечером вернулся домой, предварительно зайдя со старшим лейтенантом и парторгом в хозвзвод и покушав плотно с водкой.

Капитана Андреева я выдвинул в президиум.

Сейчас наступать будем. Каждый взвод действует самостоятельно. Все зависит теперь от моей инициативы.

Артподготовка - полчаса, и затем - вперед!

Ночью спал у меня комиссар. Долго разговаривали и не спали.

Получил письмо от мамы. Больше писать некогда.

21.12.1943

Плачевен исход наступления. Мы почти на старых позициях. После артподготовки продвинулись и заняли Безымянный хутор. Но ночью немцы с криками ринулись в контратаку. И пехота, и мы стояли совсем близко от немцев, в контратаке чуть было не попав врагу в лапы. Но подробности после. Сейчас артперестрелка.

Две наши артперестрелки ни к чему хорошему не привели, а наступать надо. Мы на другом месте, где более опасно. Немцы обстреливают болото, а мы-то как раз на его склонах.

На Витебском участке, говорят, снова продвижение.

24.12.1943

Написал три ответных письма маме, папе, тете Ане. Вчера получил от них такое же количество. Сейчас получил шестое уже по счету письмо.

Наступление наше приостановилось в самом начале своем. Пехота продвинулась не более километра. Правда, соседи справа потеснили вчера противника до самого Днепра.

Позавчера противник контратаковал нас ночью. Довелось удирать, особенно нам, минометчикам.

Всю ночь рыл землянку. Дело уже было к рассвету - сильно устал и приготовился спать. Но вдруг всех подняли: "Быстрей собирайтесь!". Бросил лампочку с горючим, плащ-палатку и Савостина топор. Он потом ругался. Соколов, Савостин и Запряйло выбрали себе место в стрелковых окопах противника - там сидели. Тогда все это и случилось. Бежали изо всех сил. Пехоту нашу значительно потурили, но и сейчас она сидит в немецких окопах. 965 отстал и не вытеснил немца ни на метр.

Вчера ночью немцы опять ходили в атаку, немного оттеснили нас, но утром артиллерия выбила их, и погнала на прежние места. Потеряли они около 300 человек при этом. Еще сегодня

днем лежало много убитых и раненных на ничейной земле - немцы не могли их убрать.

Поймали восемь немцев сегодня. В первый день наступления видел раненного немца. Язык. Клял Гитлера. Вот когда они только начинают понимать! Его перевязали, и он сам пошел в сопровождении нашего раненного в тыл.

Просиднин и Булатов ранены.

Сегодня переходит на эти позиции и Запрягайло. Я живу вместе с Савостиным. Вместе рыли землянку, оборудовали точку. А теперь я приболел порядком: насморк, кашель и боль в глотке, знобит все тело и кости. Савостин не верит и ругается. Говорит, что не хочет быть для меня нянькой и заставляет рубить дрова. Мне весьма неудобно мое положение и я делаю все, несмотря на слабость.

Ночью немец делал большие артналеты.

26.12.1943

Получил вчера еще одно письмо от мамы. В нем она сообщает, что ее премировали валенками, просит справку. А ведь я ей высылал много справок. Не получила, очевидно.

Над нами здесь все время висит Дамоклов меч. Кругом, то далеко, то совсем близко, рвутся немецкие снаряды, мины. Только чудо какое-то спасает меня от смерти. Сегодня перед рассветом снаряды стремительным воем вонзились в болотце, что внизу, метрах в двух от нас. Землянка вся содрогнулась, но не больше.

Капитан Чертовской ранен позавчера, или еще раньше, днем. Помню, как он шел по передовой во весь рост. Я сказал ему, что снайперы обстреливают, указал на склонившийся в ходу сообщения труп и на другие, кругом валявшиеся тела бойцов - всех убитых снайперами. Но Чертовской только рукой махнул. По-видимому, был пьян. Позже я узнал, что он ранен в ногу и живот.

Убит командир роты Петров. Насмешник большой был он. Его, старший лейтенант Боровко - наш комбат, отправил во второй батальон. Там он и убит.

Вчера ночью у меня забрали одного человека в стрелки. Выделил Лозовского - новичка. Но он очень хороший парень и мне жаль его.

В газетах новый гимн вместо интернационала. Тут, конечно, не без влияния союзников.

Написал только что письмо маме.

23 или 26 сегодня? Савостин пишет 23, а я 26.

27.12.1943

Сегодня было две артподготовки, но безуспешных. Только на

правом фланге, где участвовали в артподготовке "Иваны Грозные", некоторое продвижение.

Письмо маме уже второй день держу и не могу отправить - не является почтальон.

С болезнью улучшается. Опасения мои напрасны - все-таки избежал госпиталя.

Уже ночь. Печку распалил до предела. Савостин спит, а я решил пописать. Где-то на улице повели немца. Он случайно заблудился и попал к нам, об этом говорили часовые.

27.12.1943

С Савостиным долго беседовал сегодня на бытовые темы. Он все толкует насчет деревни, садика, ручейка, спокойной от сует и трудностей жизни. Жена-хозяйка, даже пусть неграмотная, некрасивая, но здоровая, трудолюбивая.

Я насчет литературы все твердил; он же попробовал отвлечь меня от любви к писанию, уговорить, что я неталантлив, не имею способностей быть писателем. Он даже попробовал сам написать стихотворение, уверяя, что лучше меня напишет, но, конечно, у него ничего не получилось.

Долго еще он внушал мне, что я буду обыкновенным щелкопером, не более, а потому буду испытывать и нужду и лишения. С карандашом за ухом буду стоять в очереди за куском гуся, которого мне не хватит. А у него в это время будет несчитанный запас гусей, свиней и прочих живностей и он не будет бесцельно стоять за последние гроши в очереди.

Позже он пошел на НП. Я топил печь и решил назло ему, Савостину, еще больше писать. Заточил карандаш, приготовил бумагу, как вдруг, прибегают:

- Товарищ младший лейтенант, вас к телефону. - Пошел. Спрашиваю, кто вызывает?

- 89, - отвечают.

- Я вас слушаю.

- Вы что окончили? - Ответил.

- Так вы младший лейтенант?

- Да.

- А стрелковое дело изучали? - тут я решил, что меня хотят отправить в стрелки и сердце мое чуть-чуть екнуло, но потом решил: все равно нигде не погибну, но ответил: "Нет, не изучал, только минометное".

- А не можете ли вы мне посоветовать кого-либо?

- Нет, этого я не могу.

- Очень жаль, а нам нужны стрелковые офицеры.

Позже опять вызвали.

- Щетинин. Вы меня знаете? Слышали меня?

- Да, слышал.

- Так вот, нам нужен корреспондент. Я узнал, что вы можете им быть, и хотел бы вас забрать к себе в редакцию. Вы согласны?

- Да, но я должен быть с людьми, и изучать людей. Я согласен быть вашим корреспондентом, но находясь здесь.

- А так, чтобы вас отозвать для своей газеты совсем?

- Так я не могу. Я должен быть здесь, с людьми.

- Да, но вы, по-моему, уже достаточно с ними ознакомились. Так что если вы согласны, буду договариваться выше насчет вас.

- Я не возражаю.

Пошел к Соколову, рассказываю ему, а в это время телефон в третий раз вызывает. Пошел.

- Суботин, начальник контрразведки. Ящики. Как наладить подсчет, и почему они пропадают?

- Не знаю.

- Так вот, 1986 рублей разобьем на вас четверых и взыщем.

Опять пошел к Соколову. Вдруг снова... "С вещами быть на "Гомеле". Но прежде, чем туда идти - подойдите к телефону". Начали дознаваться, кто вызывает. Выяснилось, что всю эту комедию разыграл Савостин.

Потом он радовался и смеялся, как ловко он меня надул. А погода была к тому же неважная - ходить, грязь месить.

Вечером комсорг Колмагорцев младший лейтенант, весельчак и трофейщик убит. Он полез за телом старшего лейтенанта Петрова, а у того было много трофеев: часы золотые немецкие, трое женских часов, портсигары, цепочки, два револьвера и многое другое. Взяли труп они вчетвером, но вдруг разорвалась мина. Колмагорцев и боец были убиты разорвавшейся миной, а двое других с перепугу забежали аж в другой батальон. Саперы говорят, что труп Петрова был заминирован немцами, и сейчас он еще лежит, не разминированный. Этой ночью должны извлечь мины.

Кипнис, бывший комсорг батальона - убит. Он, еврей, в звании красноармейца сумел быть комсоргом батальона. Но как только прислали сюда лейтенанта - его отправили в роту комсоргом и командиром отделения. Его убила мина и пулеметная очередь. Комсорг-лейтенант обо всем этом мне рассказал.

Ночью выдавали валенки. Бойцы мне получили, но у меня оказались один 39 один 42 размера.

28.12.1943

Сейчас на НП. Пишу письма домой.

Руднев украл бинокль и дал мне. Соколов прослышал от бойцов, что я взял сюда ящик жечь, ругался, что голову оторвет за

него. Я не хотел неприятностей и стал искать выход из положения. Руднев пообещал выручить и через минут десять гляжу - тащит ящик. Позвонил Соколову: достали ящик. Ничего. Не ругается больше, удовлетворен.

А пока за письма. Напишу папе и Федоровским.

29.12.1943

Ночь поздняя. Писал рассказ. Немцы совершают временами (по ночам) сильные и беспокойные артналеты, очень короткие. В такие минуты всякий раз я подготавливаю свои вещи - на фронте всяко бывает.

Сегодня достал немного картошки - здесь всюду кучи валяются. Оттепель, и часть оттаяла, но снизу мерзлая. И она хорошей оказалась. Варил, кушал с маслом.

Мы стоим в балочке за Шевченко. Перед нами большущий фруктовый сад его уже на половину изрубили. Нам жалко, печально, но не будешь же мерзнуть и пропадать, щадя сад, и мы рубим его без зазрения совести - люди пропадают и сад жалеть не время. Я сегодня тоже нарубил веток и топил ими целый день. Особенно хорошо идет на топку абрикос.

Ходил на КП батальона, отдал письма и взял газеты.

В районе Витебска прорыв линии фронта по глубине. Взят городок и другие населенные пункты. Много трофеев, пленных.

Черчилль заболел, но пишут - выздоравливает.

Савостина нет. Он вчера показал еще одну сторону своего характера. Я разжигал печку и задремал - он начал вопить. Тогда я заявил: "Топи сам!". Он начал выгонять меня и заставлять замолчать. Мы поругались. Он весьма заносчив, самолюбив и думает, вероятно, что на нем свет стоит, а остальные люди должны вращаться все вокруг. Даже Соколовым он крутит по-своему, неохотно повинуясь его приказам.

30 или 29.12.1943

От тети Ани получил письмо от 8.X??.43. Это седьмое письмо от нее. От папы - четыре. От мамы - шесть.

Савостин ушел, и я еще написал часть рассказа. Много не удается мешают. То Руднев со своими песнями, то Соколов со скандалом за ящики.

Он очень хороший человек и я напрасно его обидел, не выполнив приказания насчет ящиков - сжег один, а с него высчитывают. Трое суток домашнего ареста, говорит, даст мне с занесением в личное дело. А может и не занесет, не даст ареста?

Сюда перешел Чернявский со своей ротой.

Газет еще не получал. Сейчас напишу несколько писем, а потом продолжу. Бумаги у меня очень мало. Дневник кончается, и даже писем не на чем скоро будет писать.

31.12.1943

Передовая. КП стрелковой роты. Тесно, хотя блиндаж очень большой. На дворе слякоть, грязь, но ветер холодный, и я пришел сюда. Замерз, особенно ноги. Тут младший лейтенант Подбельский, Маслаков, Рогачев.

Подбельский был, оказывается, уже в плену, в штрафбате, и после плена звание младший лейтенант носит уже более года. Так он рассказал мне, в ответ на вопрос, не с одних ли мы курсов.

На Житомирском фронте, где действуют войска 1-го Украинского фронта большие успехи. Взяты Коростень, Черняхов, Сквира и 250 других населенных пунктов. В районе Запорожья наши войска прорвали фронт, овладели островом Хортица на Днепре, пригородом Запорожья на правом берегу Днепра. Заняты еще населенные пункты. Много их. Для нас это наступление играет немаловажную роль. Если там хорошо нажмут, то фрицы могут попасть в окружение. Прямая угроза нашим прямым противникам.

Неприятель тоже заволновался теперь. Говорят, что по имеющимся сведениям, глубоко в тылу немцы отводят свои силы на правый берег Днепра. Но здесь он дает еще жизни: обстреливает передовую еще сильнее, чем прежде. Впрочем, это, до некоторой степени, признак отхода.

Эйзенхауэр назначен главнокомандующим сил вторжения союзников на Европейский континент. Он заявил в своем выступлении, что вторжение в Европу не должно и не может помешать действиям союзников в Италии. Югославские партизаны Тито насчитывают 250 тысяч человек - 26 дивизий, вооруженных артиллерией, минометами, отвоеванных у противника. Они имеют свою печать, радио, железную дорогу, связь, авиацию и прочее, необходимое для ведения современной войны. В Италии Ортона пала под нажимом союзников.

Вчера на НП дежурил. Соколов сказал, что в наказание за ящик пошлет меня опять сюда. Но я захотел на передовую.

Всему виноват Савостин. Он пришел к Соколову, злорадствуя и намекая, что необходимо послать меня еще два раза на НП. "Ты же обещал" - упрашивал он, глядя Соколову в глаза. Я смотрел и с трудом мог выносить его подлость, затем не вытерпел и пошел, принес три перекладины с ящиков, что он повыдергивал накануне.

На НП написал письмо дяде Люсе, и по просьбе красноармейца Чипака, написал его родным.

Потом стали говорить по телефону об ожидающемся наступлении пятерки (то есть 905 полка), просили поддержки огнем.

Пришел Соколов стрелять. Пятерка наступала неудачно. Мы стреляли. Потом Соколов мне передал описание боевых действий роты. Для чего - ни он, ни я, ни Митрофан Запрягайло не знали. Соколов лишь сказал мне, что старший лейтенант Киян поручил составить, и передать мне это описание.

Я прочитал Соколову свой, неоконченный пока, рассказ, и они с Запрягайло пошли.

Вдруг позвонили.

- Вас вызывает немедленно в Ново-Петровку 30-й - передал мне телефонист.

Я решил, что опять Савостин балует, и позвонил Соколову. Соколов отправился на КП батальона "на балку", узнать насчет вызова. 30-й - это капитан Андреев. Комбат не разрешил мне никуда уходить - так передал мне Соколов.

Вечером от парторга (наш парторг - Голомага отозван в полк) младшего лейтенанта Епифанова узнал, что вызывал меня Андреев для того, чтобы дать мне задание, рассказать о боевых традициях своей части. Для этого, очевидно, и составлялась сводка действий минроты Соколовым. Ему, между прочим, привесили еще одну медаль "За отвагу" - он счастливец. Только нас, командиров взводов, он не хочет награждать. Шутил, что медаль даст, если я засеку ОТ противника, но это, конечно, только шутки.

Сейчас вспоминали со связистами боевые дела нашего батальона, место, где из-за посадки более чем полмесяца бились безрезультатно. Нами командовал тогда подполковник Рыбкин. Очень много людей погибло из стрелков. Редко кто остался из тех дней.

Потом нас перебросили южнее Мелитополя. Посадку ту немцы оставили, как стало известно, без боя, после нашего ухода. Стояли во втором эшелоне. Перешли Молочную вслед за первым эшелоном, заняв оборону возле одного сада и большого красивого дома в центре его. Мы стояли несколько дней. Там было много помидоров, огурцов, капусты, моркови и мы объедались. Варили картошку, кабак.

Затем пошли вперед и вскоре перешли все в первый эшелон. Стояли в полевом, большом и узком клину. Расширяли его. Кругом были горы и балки, и наш полк наступал, хотя и неудачно. Соседи имели успех и вскоре клин мы расширили, ликвидировали. Стали продвигаться и вскоре попали в еще более узкий и дугообразный клин. Кругом нас обстреливали. И справа, и слева, и спереди совсем близко раздавались выстрелы артиллерии и пулеметов, в особенности 6-ти ствольных. Пулеметы врага не давали нам прохода. Лишь едва проходимый

узенький коридорчик соединял нас с большой землей. Пришли танки, пришли свежие мотомеханизированные соединения. Наступали и мы и соседи. Постепенно клин расширили, наш батальон перешел на левый фланг. Стрелки заняли оборону впереди бригадного двора. Мы позади его. Были свежие сушеные фрукты: вишни, яблоки, груши. Были мука, картофель, компот, сало и мясо. Жили мы хорошо. Там я добыл у мертвого румына блокнот. Подле него лежали фотографии - их я отдал Чертовскому. Здорово там постреляли, повоевали. Потом справа нажали наши танки. Немцы драпанули, и мы далеко продвинулись вперед. Захватили 6 шестиствольных минометов, пушку, много других трофеев и вооружения. Немцы остановили нас только подле одной посадки. Там налетела авиация: бомбила нас, обстреливала из пулемета. Побило лошадей, людей поубивали бомбы, но мы остались целы.

Потом опытная станция, где убили Марию, и вывело снарядом мой миномет из строя. После этого опять насели на немцев и опять далеко загнали на Запад. Там я отстал и нагнал своих после целого ряда приключений и хождений по различным полкам и дивизиям. Нашел своих к концу следующего дня в деревне с мельницей, имени ее не помню. После той деревни много боев и деревень было. Немец все отходил и на промежуточных рубежах закреплялся, встречая нас сильным огнем. Много людей вышло из строя, и так аж до Сиваша. После Сиваша и после перехода многодневного неизвестно куда, мы очутились в Чехово и затем в Ново-Петровке.

Дольше всего мы находимся здесь.

Сегодня наши начали артподготовку. Соседи. Опять пятерка. Но опять неудачно. В бинокль наблюдалось движение, суета в траншеях: вот поднялась пехота, перебежками по одному пошли вперед. Забила немецкая артиллерия, и пехотинцы повернули назад. Таким образом, наша артиллерийская подготовка успеха не имела. Немцы усиленно обстреливают наш передний край. Здесь особенно близко рвутся все время снаряды большой силы.

Позже. По телефону передали, чтоб я немедленно, если только есть возможность уйти с передовой, явился в дом ? 60 в Ново-Петровке. Пошел. Немцы обстреливали всю местность из пулеметов, так, что очень трудно среди белого дня покинуть передовую. Но я рискнул. Не первый раз мне приходится рисковать. Речка не вся оттаяла - снизу лед прочный. Так что я, чуть намочив ноги, перешел ее два раза.

Пришел на КП батальона. Комбат Боровко сказал, чтоб я шел побыстрее в Ново-Петровку. Кто такой 33 он не знал, но связист сказал, что замкомполка по политчасти. Явился в роту. Оставил

бинокль, вымыл руки, лицо и пошел. Да, попил еще немного чаю, что Савостин приготовил. А я ему потом отдал табак.

В Ново-Петровке, в доме 60 застал какого-то капитана. Я спросил "Кто вызывал?". Он ответил - "Я", и рассказал что от меня требуется.

- Вам придется много поработать и принести этим самым пользу всему полку. Возможно, дня три придется поработать. Завтра с утра явитесь к нам, а сейчас идите: мойтесь, брейтесь, отдыхайте.

Написал письмо маме.

1944

01.01.1944

Вот и новый год. Сейчас пойду к 33. Утро.

Старший лейтенант Шакуров - парторг полка. Капитан Суслин - зам. по политчасти.

Пришел. Уже было часов 10-12. Замкомполка не было, только парторг и комсорг Бикандыков в квартире.

Писал письмо Оле. Посетителей там было очень много, так что много не написал.

Разговаривал с капитаном Кестельбоймом - (он еврей), который является парторгом тыла. Он пятнадцать лет в партии, старый житель этой дивизии и многих в ней знает - он мне рассказывал. О себе тоже постарался рассказать не жалея красок, скрывая свое бахвальство фразой: "О себе не удобно говорить". Сейчас он работает где-то в тылу и помимо основной работы имеет партийную нагрузку парторга, всяких там ОВС, ПФС и прочее.

Разжился бумагой.

02.01.1944

Весь день писал. Написал письма маме, папе, дяде Жоржу, дяде Мосе.

04.01.1944

Написал две больших статьи о капитане Андрееве и о Соколове. Написал и отправил четыре письма: Майе Б., папе, тете Ане и дяде Люсе. Получил четыре письма: от мамы два, от папы и тети Ани по одному. Эти письма они держали на передовой четверо суток. И хотя многие из минометчиков были здесь - никто не привез раньше. Лишь вчера одно письмо привез Савостин, а позже ездовой доставил остальные.

05.01.1944

Написал письма тете Ане и маме. Весь день переписывал свои труды.

09.01.1944

Вчера получил пять писем. От мамы два, от папы, от тети Ани

и от Нестеренко - по одному. Сейчас уже ответил Нестеренко. Отвечаю тете Ане. Маме и папе тоже отвечу - надо подумать.

12.01.1944

Позавчера получил четыре письма. Три от папы и одно от дяди Левы.

Сегодня Руднев мне отдал три письма от мамы, папы и д. Жоржа. Сейчас отвечаю. В Астрахань - дяде Жоржу, дяде Леве в Дербент, маме в Магнитогорск. Маме выслал справку.

Ночью в ожидании. Ужинал при свете камина, догасающего, бледного и холодного. Балочка. Ближе к стрелкам чем прежде, но опять таки в районе Шевченко.

Вчера только вернулся на ОП после десятидневного отсутствия. До этого находился в Ново-Петровке, что в пяти километрах отсюда, где писал материал для выставки, статью о Соколове, о Кияне, об Андрееве и о боевом пути полка. Меня отпустил замкомполка на время, нужное ему для собирания материала по истории полка. Он хочет, чтобы я это писал.

Пришел позавчера перед вечером. Солнце ужу село и свет его еле держался над землей. Землянки не было. Соколов, Запрягайло и Савостин - живут вместе. При них ординарец Ращенко. Они не хотели меня пускать, и говорили, чтоб я приказал отдать ***

Привезли ужин. Ночь темная. Редкая ружейно-пулеметная перестрелка. В воздухе кукурузник, но чей - неизвестно. Оставлю дневник до рассвета, когда приедет завтрак. Карандаш затупился.

14.01.1944

Написал письмо тете Ане со стихом, посланным в "Боевой товарищ" "Гремят бои". За эту ночь и день написал два стихотворения. Одно - для Соколова, любовно-фронтовое.

Сейчас ночь. Приказали приготовиться и взвод приготовить, в полный боевой вид привести. Поэтому упаковал вещи и дневник, который, кстати, кончается. Туда я буду вписывать свои стихотворения.

Печка в землянке. Перекладинами от ящиков с минами топлю - больше нечем. Осталось три штуки, четвертая догорает.

Немцы все стреляют. Сегодня наша авиация работала. Опять один какой-то сбросил мелкие бомбы на нашу территорию.

Свистят пули поверх землянки.

Только что написал письмо Оле. Теперь три письма. Мушняну написал письмо в редакцию с запросом о родных.

Старшина назло выдал мне при обмене белья старую, прогниженную рубашку и кальсоны. Было темно, когда переодевался и сразу это не заметил.

Партсобрание далеко заполночь. Я секретарствую.

15.01.1944

Правые соседи наступали при поддержке самолетов, но продвинулись всего на 80 метров. Фрицы бешенные теперь.

Послал стихотворение "Идут бои" и Нине-2 в редакцию "Сталинское знамя".

Немцы обстреливают. Один Ванюшин снаряд упал на бугре метрах в пяти от меня. Вся землянка осыпалась, завалилась, печь-труба упала. Пришлось восстанавливать. Сердце замирает при каждом подобном выстреле - передать трудно. Но теперь не страшно - не стреляют сюда.

Ночь. Темень безумная. Сейчас набрели сюда дивизионные саперы. Они разведывают местность.

15.01.1944

Началась артиллерийская подготовка. Действуют соседи. Слева - большая пятерка, и справа - большая двойка. Их задача - поравняться с нами, а нам задача - в случае успеха поддержать их продвижение.

Вчера ночью написал два письма. Папе и тете Ане со стихотворением "Пополнению", но не отправил. Несколько дней подряд пишу письма другим лицам. Вот Петру Соколову - нашему командиру роты написал два письма для его девушки Нины. Потом Калинин попросил ответить его дочурке маленькой, которая просит прислать статью в местную стенгазету, а он не знает, как лучше ответить, чтобы не обидеть ее чувств. Раньше Рудневой девчурке написал. Гаянцевой жене - два письма, Чипаку - письмо домой и т.д.

Только что хлебнул сто грамм водки, а ее разбавил сахаром и глаза мои, в первую минуту чуть посоловели. Теперь все прошло.

В газете опять ерундовину обо мне написали. Эту газету я имею у себя. А пока спешу закончить - уж больно сильная артиллерийская подготовка на флангах. Может чего получится? Начинаем мы стрелять.

16.01.1944

Написал письма в редакцию "Красной звезды" Таленскому Н.А. - статья "Старший лейтенант Киян" и стих "Нине". В редакцию газеты "Кировец" майору В. Щетинину стихотворение "Гремят бои". Маме и папе написал. Итого 4 письма.

Ночь. Свет кончается, а я ни одного протокола не составил. Ведь на ротном партсобрании я тоже секретарьничал, выступал по некоторым вопросам.

Лучина из целлулоида (с кабины самолета) догорает. Спешу закончить.

17.01.1944

Ночь. Только что всех подняли, приказали приготовиться. Оказывается, противник снова наступает.

Спички, как назло, отсырели. Пришлось половину коробки вычиркать, но ничего не получилось. Тогда чиркнул одну за другой две группки спичек, и они, пошипев, вспыхнули. Лучина от целлулоида-самолета кончилась. Пришлось разжигать печку, но, опять таки, бумаги не было - сжег целую газету и не растопил. Тогда схватил солому и камыш (у меня его здесь еле-еле), минут десять раздувал и запалил. И сейчас раздуваю. Хорошо еще, что ничего за это время не случилось - в темноте я много растерял бы, если б драпать пришлось.

Перекинул кашу.

17.01.1944

Получил 6 писем. 1 от мамы, по одному от дяди Люси, тети Ани, тети Любы, и 2 от Оли. Мама расстроила меня. Она, очевидно, забывает о тяжести настоящего времени и продолжает оскорблять папу. Папа совсем напротив поступает. Мама опять называет его мелочным, говорит, что он хнычет и жалуется. А на самом деле он даже не хочет использовать моих денег, пишет, что для меня будет держать их, и даже на мое желание соединить их - не отвечает отказом. Совсем иное делает мама.

Оля стала ужасно грязно и бестолково писать. Самый худший шрифт моего письма не идет в сравнение с ее чёрканием, а ведь она в институте. В общем, она разочаровала меня кругом. Я так ведь ждал и любил ее письма. Адресов девочек не присылает. О Лене и Майе сообщает только, что потеряла с ними связь и что Майя выехала в Москву, а я ведь ей столько писем отправил!

Тетя Аня хорошо пишет, приятно, но немного наивно. Так же она пишет: "Попросишь у своего начальника отпуск в Днепропетровск", будто не понимает, что ни я, ни начальник не можем устроить мне эту поездку туда - ведь я на войне, и кто немцев бить будет, вдруг я разъезжать стану? И другие наивности есть.

Дядя Люся не письмо, а записку написал. Пишет, что, возможно, выедет. Письма холодом пахнут.

Тетя Люба обвиняет в постоянной перемене адресов. Письмо у нее короткое - открытка. Ни словом не заикнулась о Лялечке.

Вообще, на всем и на всех печать занятости, напряженной работы, поэтому и письма короткие.

Мама пишет, что обеспечит мое обучение после войны. Она забывает, очевидно, что я не ребенок и имею уже заработок.

Оля пишет, что Нестеренко ей рассказал о каких-то наградах, якобы имеющихся у меня, и что мы с ним жили как братья. Меня это немного трогает, но и смешит. Возможно, он хочет пожить лучше, вот и притворяется. Тут, дескать, меня за брата считают, кормят и ухаживают. Так сейчас все военные поступают, ибо это

лучший для нашего брата выход в жизни.

18.01.1944

Я сейчас слегка пьян - выпил грамм триста. В глазах подтемнело, они как бы сузились, а голова отяжелела и тянется к плечу. Шалит, не свалится, я не пускаю!

В землянке не топлено, но я достал перекладин и буду топить когда отрезвлюсь.

Ручка тяжела, как точно не перо держу, а брусок железа неподъемного, и в груди огонь. В груди тепло, а в голове плохо - мысли сумбурничают. Они опьянели, их опутало что-то, похожее на туман, а писать как хочется, но оглупевший разум не может овладеть мыслями - нет единоначалия в моей голове. Командиром надо назначить одно из полушарий - пусть исполняет свои обязанности - оглашает арест не подчиняющимся также глазам. А глаза, глупенькие, стесняются наверно, или стыдятся что я выпил маленько - ничего, на то и война, привыкать надо!

Эх бы мне еще сюда девушку горячую, как водка эта - и глаза б шире смотрели. А пока остается песню петь. Хорошо стало, и снаряды не рвутся. Дескать, пьяному все нипочем. Но ведь не совсем пьяный я. Чуть трезвости у меня есть - даже холод чувствую, я ведь не топлю ничем, хотя и планки есть, но решил их придержать - пусть привыкнут ко мне и к моей квартире.

А пар врывается в щель, оставленную мною, это холод - к черту его! А ведь я не столько выпил, чтоб опьянеть. Неужели я настолько слаб? Что если с немцем столкнуться придется с глазу на глаз? Нет, гнев сильнее слабости.

6 писем получил вчера, помню, а от любимой нет письма. Где эта любимая? Где-то в облаках, да мыслях лишь витает... но такая раскрасавица, такая умница она... Эх, далась мне война и фрицы распроклятые! Ах любимая девушка-краса, приди, пожалуйста, обними мое сердце, оно сохнет, бедное...

Снаряды молчат, очевидно образумились. Только зенитчики активничают не знаю наши или немецкие, и самолет не знаю чей. По всей вероятности наш, но тогда выстрелы чего с нашей стороны звучат? Мне наверно кажется, ведь я сейчас балбес чистый. И снаряды забалбенились - летают где-то далеко, не приближаясь ко мне. Им, железным, где б летать.

А в груди раздолье! Только ноги мерзнут, несмотря на валенки. Холод все же пробрался в мою берлогу. "Weg" - говорю я ему по-немецки, но он не слушается. Придется применить оружие, но ведь нет у меня оружия-то. Позор воевать без пистолета. Добуду в бою. Даже с холодом не могу справиться, а с немцем-то ведь трудней.

Дед мороз в белой пилоточке. Удивляюсь, как ему не холодно. И дышит сюда белым душистым паром, в единственную щелочку, дышит дурак. И трубу заморозил. Палкой его! Палки нет. Ну его! Темно станет, ночь мала, надо выспаться за ночь. Днем. Нет, это не день, это мне просто кажется - снег ведь белый, вот он и блестит, вот он и морозит ноги и руки, тело, горящее сумбуром. А что значит сумбур? Это что-то смешное, вроде войны и мира, любви и холода всепроникающего.

Опять самолет. Нет, это наш самолет, фашистам нет места в небе нашем голубооком.

Полдень. Отрезвился, выспался. Занимаюсь освобождением сумки от писем, не имеющих особой важности - места для них не хватает. Газеты тоже; выбираю наиболее ценные статьи - вырезаю, остальные долой.

21.01.1944

Сегодня снялись со старых позиций. Двигаться будем неизвестно куда.

Ночь поздняя, темная. Жаль, спать ночью не придется.

Послал второе письмо в "Правду". Сегодня ничего не писал. То вшей бил, то ручку починял, спать, тоже не спал.

По радио весть о взятии Новгорода.

Здесь в комнате битком набито: и отъезжающие, и мы, и новоприбывшие. Стрелки сегодня прибыли. Их еще не кормили, и еще долго им придется ждать. Куда мы пойдем? В тыл на доформировку, на отдых, или же на другой участок фронта?

Вчера отправляли на курсы танкистов Горбатюка. Старшина скандал устроил, хотел ехать сам. Его уговаривал К., обещал произвести в офицеры. "Что мне звездочки! - говорил он надменно в моем присутствии - повесите мне младшего лейтенанта, только место в армии занимать..."

22.01.1944

Рассвет. Только что пришли в Белозерку. Бойцов разместили в большой хате, что по соседству, а мы здесь - лейтенанты и связисты.

Спать хочется.

Вечер. Темнеет. Сейчас уходим.

23.01.1944

Гавриловка. Круглое село. Дома расположены кругообразно.

Шли всю ночь, с вечера прошли не менее 40 километров.

2-ая польская дивизия имени Генриха Домбровского под командованием полковника Войцех Бевзюк.

Отдельная югославская добровольческая часть в СССР под командованием подполковника Месич Марко.

02.02.1944

Ночью в хату набилось полно людей - она точно проходной двор. Хозяева всех приветливо встречают и зазывают к себе. Дело в том, что живут они богато по сравнению с мало-лепетихскими: имеют корову, барашек, картошку и, главное, молоденьких девушек, которые могут говорить и нравиться.

При немцах они, очевидно, с неменьшим азартом гонялись за молодыми фрицами. И многие замечают, входя сюда, что там, где есть девушки, немец не разграбил хозяйство.

Павел торопится - боится потерять свою часть. Мне некуда торопиться должность моя уже, очевидно, занята и кроме того - необходимо позавтракать прежде чем уходить, ибо по аттестату продуктов мне не получить: проел еще вчера.

03.02.1944

Партсобрание. Капитан Пичугин зачитывает нам секретный приказ о наступлении.

04.02.1944

Константиновка. Стоим в одном километре. После "отдыха", уставших и обессиленных двинули на фронт. Дорогой грязь, слякоть, дождь взялись совсем доконать нас. Идти невообразимо тяжело, стоять невообразимо холодно. В деревнях, избранных для нас, нас даже на чердаки не пускали. Промокли насквозь, к тому же изголодались.

В квартиры-чердаки полезли насильно, невзирая на плач хозяек. С пищей кое-как перебились, выменяв одеяла.

Три дня мы не видели хлеба во рту. На второй - убили подстреленную немцами лошадку, добили умирающую кобылу, тоже раненую снарядом. Весь день ели конину и перебивались сырой кукурузой, а потом нашли в одном доме спрятанную картошку и тоже перекусили.

Сегодня хлеб Руднев принес.

Снаряды неистовствуют - ранило Гореленко, Иващенко, минометчиков Соловьева и других.

Землянка никудышная. Холодно. Условия безобразные. Грустно и темно. Но не писать не могу - пишу на ощупь. Руднев и

Засыпко со мной. Снаряды ложатся по бокам, и я мысленно прошу рваться их подальше.

Писем не получал и не писал.

05.02.1944

Константиновку немцы оставили вчера ночью. Мы узнали об этом, когда они не стали отвечать на выстрелы нашей артиллерии и пулеметов.

Всю ночь не спал из-за зубной боли, которая просто таки невыносима. Все нервы передергивает и болит голова.

Вчера нам утром подвезли кашу, вторично за эти пять дней. И хлеб.

Из батальона вышло из строя 7 человек, 2 ранено.

На рассвете вошли в село. Пехота - еще ночью, и к нашему приходу успела напечь пышек и наварить картошки. Мы опоздали, и нам досталась одна картошка, но вдоволь - от пуза. Запил грязной, желтой от мути водой. В животе урчит.

Отсюда, из-за безбрежных равнин степи, вдали виден Днепр.

В селе ни одного человека, кроме собак ничего живого немцы не оставили. Это впервые, ни одному человеку не удалось скрыться и остаться в селе, не говоря уже о скоте и птице. Хаты целые. Поле кукурузное за селом.

Окопались, дали несколько выстрелов по впереди лежащему хуторку. Немцы стреляют по Константиновке через наши головы. Только что упал снаряд совсем близко, а я еще не окопался. И зуб терзает так, что места себе не нахожу.

Не так далеко разорвалась шрапнель, свистят пули, а поле чистое-чистое - ни бугорка, ни единой неровности, за которой можно бы было укрыться.

06.02.1944

Подошли еще ближе к противнику. Ночью. Соколов еще до этого пошел на КП батальона узнать задачу, но был ранен шальной пулей в руку. Теперь Запрягайло командует. Мне он передал свой взвод и половину моего. У Савостина остался его взвод полностью и расчет Лопатина я отдал ему.

Местность совершенно открытая, что и голову высунуть нельзя. Противник обороняется одними пулеметами и винтовками. Ночью особенно рьяно обстреливает. Я как раз пошел за лесоматериалом для землянки. Пошел с Горбатько. Близко ничего не нашли, решили идти в деревню. Я зашел с ним слишком далеко и, боясь заблудиться, если остаться самому - пошел с ним.

Пришли в село. Попросил его сходить со мной в хозвзвод, где мои вещи остались, но он не согласился, и сказав, что ему там нечего делать, взял необходимый дрючок и стал собираться

уходить. Меня он ждать не хотел. Пришлось, схватив первые попавшиеся палки от уборной, вонючие, черные и промозглые, догонять.

Подошел к колодцу. Боец один набирал воды в котелки.

- Дайте, пожалуйста, напиться - говорю ему.

- Сам набери, буду я для тебя еще воду таскать - отвечает.

- Но, товарищ боец, ведь из-за глотка воды вы мне советуете целое ведро вытаскивать. Неужели для вас составляет большую ценность глоток воды?

- Не составляет, а хочу, чтоб ты сам потаскал, как я.

- А что если я вас заставлю вытащить? Ведь я могу это сделать!

- Смотри! А то я заставлю, кажется, - проговорил он угрожающе.

Но тут Горбатько сам взялся вытащить воду.

- Конечно, может он тебя заставить, ведь он лейтенант, - попугал Горбатько грубияна-бойца.

Такое обращение здесь сейчас сплошь и рядом. Даже у нас в роте вчера я подошел к красноармейцу Ковалевскому, попросил у него котелок, но тот дерзко и нахально ответил мне: "Уходите ради бога от меня, не морочьте мне головы!"

Вчера этого бойца передали мне во взвод. Теперь его следовало бы проучить, но я не могу мстить и придираться к человеку беспомощному против меня.

Хороший человек у меня Засыпко. Спокойный, добрый, исполнительный. Пожилой и усатый. Он тракторист, комбайнер. С большим увлечением может часами рассказывать мне о своей работе в колхозе, о процессе работы на тракторе, о хорошей, зажиточной жизни своей до войны, о сале, масле и сливках, сам делал которые; яйцах, домашнем хлебе, борще с перцем, курятиной и чесноком. Обо всем том, что мы сейчас не видим. И даже не всегда представляем себе ясно. Это было давно.

Сейчас небольшая земляночка на двоих сырая и холодная, сидеть в которой можно только согнувшись, покусываемыми вшами да блохами. На шинели, сапогах, руках, на всем теле и обмундировании - грязь, въевшаяся, кажется, навсегда, неискоренимая в наших условиях. Грязь, набранная за весь десяти, или еще больше дневный период времени в походах и продвижениях, в боях и преследовании противника. На дворе и сейчас грязь, впитаем которую после мы, упрочим существующую. Воду пьем из луж - мутную и невкусную - на губах песок оседает и на зубах хрустит.

Орудия почти бездействуют с обеих сторон. Маленькие пушки наши, частично и 76-мм., действуют, ведут огонь по врагу,

но каких усилий стоило подвезти их сюда... Два ящика с минами 82 мм. нам везла одна бричка, запряженная двумя парами лошадей всю ночь, доставив груз только к рассвету. А пушки... - и говорить не стоит, как сложно было их сюда доставить. Немцы свои давно повывозили, чтобы не бросить в случае нажима с нашей стороны. Строчат одними пулеметами. Даже минометы отсутствуют у них сейчас, но держатся, гады.

А Днепра не видно отсюда. Это мне показалось с первого взгляда.

Всю ночь вдали горели села. Немцы, очевидно, отчаялись удержать этот свой плацдарм и собираются сматываться.

07.02.1944

Несколько раз вчера просил Запрягайло отпустить меня днем в хозвзвод за вещами, но тот отказал, мотивируя отказ подготовкой к наступлению.

Ночью привезли суп с галушками, и хотя галушек было мало и суп оказался жидким, я и мои товарищи по оружию впервые за несколько дней почувствовали себя наевшимися. Посреди ночи привезли перловый суп, но он оказался невкусным и я его поел с большим отвращением, хотя чувствовал голод. Съел, правда, все, что выдали.

Еще было темно через час после завтрака, как нас подняли по тревоге. Я не спал, и что немец ушел, догадывался еще ранее. Так оно и получилось. Мы шли часа два, по бокам слышалась пулеметная трескотня; где-то совсем недалеко слева - орудийные раскаты. Я радовался и мечтал втайне увидеть Днепр. О, тогда я сумею записать в дневнике свои впечатления, и мне будет отрадно, что вчерашнее предположение теперь окажется явью на деле.

Вдруг засвистали трассирующие светящиеся пули, захлопали разрывные, загремели дальнобойные. Все положились на землю. Дальнейший путь проходил под непрерывным обстрелом неприятеля: много раз приходилось ложиться, спасаясь от режущего и косящего потока пуль. Но идти оставалось недолго. Наступил рассвет, когда наша пехота остановилась, а вслед за ней и мы.

Немцы окопались совсем близко на буграх, что влево от выдающихся над местностью курганов. Им очень хорошо было видно все, что делалось на нашей стороне. Было, правда, еще слегка серовато вокруг, когда мы стали окапываться, и противник ощупью преследовал нас своим огнем. Но мы успели все же окопаться, и достаточно глубоко, чтобы защитить себя от пуль и осколков в кукурузе. Однако "немец" - очень подозрительная штука. Вскоре он стал щупать все поле вокруг, и особенно

кукурузное, своим надоедливым минометным огнем. Особенно он давал жизни, когда по полю мимо нас проходили отдельные группки людей. Он, видимо, решил, что здесь есть люди и стал долго и аккуратно прочесывать местность. Одна мина попала в центр нашей позиции и вывела из строя миномет, пробив двуногу и плиту. Другая ранила в палец Дьяченко и разбила в щепы котелок, ведро, сумки и прочее. Тогда мы не стали пускать через наши позиции людей, но это, конечно, не помогло. Людям военным все на войне нипочем - и ругань, и угрозы, и предупреждение, и простой человеческий язык. Стали отгонять, приземляющихся возле нас, проходимцев. Немного помогло, но не все подчинялись, и немцы продолжали стрельбу.

Вечереет. Солнце опустилось низко, почти касаясь горизонта. А фрицы проклятущие, все садят и садят из минометов по нашей кукурузе. Небольшой участочек кукурузного поля они бесперебойно и настойчиво обстреливают вот уже почти на протяжении всего дня. Даже удивительно - как это ни одна мина не задела ни меня, ни других, или даже не упала в окоп. А ведь их он столько набросал, враг, на этой площадке, что и сосчитать трудно. И справа и слева и по бокам все изрыто воронками. Вот слышится глухой звук - это выстрел. Ждешь: секунда, другая, третья, четвертая ... наконец - разрыв, крякающий, беспощадный, неотвратимый. Вот несколько - целый десяток выстрелов, и длинная очередь буханий. Комбата Рымаря ранило.

Написал письмо тете Ане, а там - бах, бах, бах, бах. Ноги замерзли. Третий день нас не кормят хлебом. Опять бах, ба-бах, ба-бах... "Що ж, скількі ти іх кидатимеш іще?" - говорит, сидящий со мной в окопе Засыпко. Я присоединяюсь к его возмущению. "Знову, знову" - шепчет задумчиво он, и раздаются разрывы. Затем отдаленней и опять ближе.

Сегодня обещают привезти сухари, и мы с Засыпко с нетерпением ждем захода солнца - это самое хорошее время. Там и ужин придет и выстрелы, может быть, прекратятся. Неужели им не надоест? Бьют и бьют. Нескольких человек ранили, нескольких убили здесь неподалеку. А зачем мы здесь стоим? Ведь мы и стрелять не стреляем, и миномет-то у нас один на роту. Только людей под огонь врага вывели. А тот все садит и садит.

Солнце скрылось за занавесью горизонта. Если жив останусь - напишу завтра подробней.

Мы стоим у какого-то большого села, что на юг от нас. Между селом и нами - шоссейная дорога, и, кажется, железная. Отсюда видны только телефонные столбы и три мельницы. Немец на курганах. Одно время он перестал было стрелять, хотя кругом двигалось много военных - решили, что он ушел. Но недолго так

длилось, всего с полчаса, а потом снова как начал стрелять - не передать.

Холодно. Окоп не накрыт и материала для накрытия нет. Если не уйдем пропаду от холода. О сне и речи тогда быть не может.

Ели с Засыпко кукурузу, которую кое-как на огне поджарили. А то бы пропали вовсе. Ведь это который день мы не едим нормально, и хлеба вовсе не видим.

29.02.1944

Ново-Александровка.

Вчера, позавтракав в Сергеевке свежим картофельным пюре, отравился вместе с П. Сушиковым.

Дорогой, на правобережье Днепра, отыскивая часть свою, не доходя Михайловки, встретил на переправе в плавнях капитана Кестельбойм. Он рассказал, что по дороге на главную переправу я увижу слева скирду, где и находится ОВС. Там готовится к отправке их трофейная, немецкой марки машина. Она едет как раз на передовую. Костельбойм посоветовал, чтобы я передал его приказание (взять меня на машину) шоферу.

Машины на месте не оказалось. Вошел в землянку начальника ОВС капитана Побиянова. Тот написал записку и сказал чтобы я бежал на переправу - там стоит машина и лейтенант Голубев в ней. Помчался.

Переправа стояла. Трактор потопил одну из понтонных лодок, и ее заменяли новой. Там застал Голубева и машиной доехал до ***

Ночью под Зеленым Гаем. В темноте пишу.

Сегодня нашел хозвзвод, но, не пожелав мерзнуть, дожидаясь отъезда подвод, пошел в Ново-Александровку, где решил временно пересидеть.

Вскоре показалась подвода и я пошел за ней, но не угнался, потерял из виду и окончательно сбился. Долго блудил, ноги устали и проголодался.

Потом выяснил, что наши расширяют плацдарм по берегу Днепра. Вчера ночью взяли Гавриловку и Анновку, а сегодня на рассвете Зеленый Гай.

Свернул на Гавриловку. Кругом были балки, овраги, курганы, лесные заросли - местность сильно пересеченная. Наткнулся на немецкие блиндажи. Бросился собирать трофеи, но ничего не нашел кроме трех свечек и немецких журналов.

Сбился с дороги. Стал искать - гляжу, передо мной вырастает большая обрывистая возвышенность, под ней балка и журчание ручейка. А вокруг ни живой души. Заметался из стороны в сторону. Вдруг встретил человека. Он шел, как предполагал сам,

на Гавриловку. Пошли вместе. Дальше заметили девушек они собирали по блиндажам немецкое барахло и забирали свое, что немец унес: веники, примуса, кастрюли.

Дальше встретил обоз. Это был наш обоз - радости моей предела не было. Деревня оказалась Анновкой. Урасов, увидев меня, почернел от печали неожиданной. Письма мои - торжествующе заявил он мне, с весельем в глазах сожжены все, все до одного. Я не поверил, думал обманывает.

Пошел искать воду, хотя ноги были избиты и устали. Вскоре ездовые и прочие солдаты при хозвзводе поехали. Меня ни Урасов, ни Соловьев не посадили. Вторая обида. Вот как ныне уважают офицера. Правда, Янковский тепло поприветствовал меня: "Не могу не приветствовать!". Не знаю, однако, насколько искренна его встреча.

Анновка плакала. В одной хате заметил толпу людей. Зашел - вижу распростертый труп девушки. Голова ее вся перевязана бинтами, ноги красные и опухшие. Она голая, но накрыта простыней. Ушел разочарованный и печальный.

Был приказ двигаться, и рота пошла вперед, но лишь успели пройти шагов 200, как начался сильный артналет. Вместе со старшинами спрятался в балочке. Снаряды рвались рядом на бугре в селе Зеленый Гай, через которое предстояло проходить, и впереди, куда ушли наши. Сошло у меня благополучно, но среди пехоты имелись убитые и раненные. Об этом я сейчас узнал. Еще какой-то начальник штаба, нашего или второго батальона, ранен.

Надо спать, хоть сидя в блиндаже, что за бугром в 300 метрах от 3 с.д. Комбат майор Рымарь и лейтенант Ростовцев на полу разложились. Соловьев и Луковский тоже. А мне приходится сидя.

Сейчас начало первого. Завтра мне 21 год исполнится, а рука поет и поет.

01.03.1944 Анновка.

Всю ночь не спал - сидел на стуле - лежать негде было, а вздремнуть сидя я тоже не смог: ноги замерзли и кругом толкотня была. В блиндаже спали Рымарь-майор, Ростовцев и старшины. Для меня места не оказалось.

Сегодня взяли хлеб на два дня. Буханку. В кармане у меня было две банки консервов: одна рыбных, другая - я и сам не знал чем начинена была. Решил идти искать квартиру.

В Зеленом Гае места не оказалось. Чуть было не забрел в злополучное Дудчино, о котором мне еще на переправе рассказал подполковник, как о месте расположения дивизии. В Зеленом Гае встретил женщину гражданскую. Гражданских там осталось вообще 4 семьи. Она-то мне и сообщила, что по соседству

Дудчино (я уже было вышел на окраину Зеленого Гая, смежную с этим селом). Повернул в Анновку.

Дорогой противник обстреливал: пришлось пройти понизу, вдоль берега по-над плавнями. Дорогой проверял немецкие блиндажи. В последнем, из прошедших мою ревизию, решил подзакусить. Вынул хлеб, банку консервов рыбных, - поел. Отдохнул и пошел дальше.

Путь свежий, весенний. Травка проглядывает уже повсюду. Тает все. Солнце появилось посреди дня и ласково усмехнулось мне в лицо.

Сделал перевязку. Майор Суслин был в перевязочной и узнал меня сразу. Он снова на своей должности. Пичугин - агитатором.

Сегодня обнаружили на одной из окраин села труп старшего лейтенанта Кияна. Немцы, очевидно, добили его раненным. Какой ужас! Какой позор и укоризна всем этим мелочным, несчастным людям, не забравших, не вынесших его с поля боя. Ведь они, пожалуй, все вместе не стоили старшего лейтенанта. Да, эти люди любят получать чины и награды, но и готовы бросить своего друга и товарища, пусть даже начальника, на гибель и растерзание во имя спасения собственной шкуры. Они готовы жечь письма, торговать вещами лишь только выбывшего на время соратника по оружию. Они способны на все. Мало сейчас, особенно в военное время людей, способных на самопожертвование ради спасения близких, знакомых им людей. Мало. А большинство мелочных, преисполненных животных страстей.

Сейчас, после перевязки, остановился при комендантском. Здесь много места. Спит здесь резерв - офицеры. Закусил консервами и колбасой. Сытно поел. День рождения - так ты проходишь у меня.

Темнеет. Фриц, гад, беснуется. Бьет, бьет, обстреливает - гром орудий не смолкает.

Только что погрузили на подводу раненную женщину. Ее ранило осколком при бомбежке, она кричит и плачет: "Дождалась браточків, а вони не хочуть спасать мене". Но, слава богу, ее погрузили на подводу.

Напишу несколько писем и этим закончу праздничный день.

03.03.1944

Гавриловка.

Вчера пришел сюда из Зеленого Гая на ночевку. Опять совершил глупость: зашел в разваленную хату. Меня прельстило, что хозяева откапывали продукты думал хорошо живут. Но хозяева не только убоги и мелочны, но и скупы безмерно. Понабирали они, правда, барахла. Три шинели, однако, ни одной

мне даже не предложили, хотя видели что я совсем раздет.

Вчера стал кушать хлеб, - вошел хозяин.

- Что это у вас, хлеб? А мы уже давно хлеба не видели!

Я отрезал ему скибку. Он отломил от нее "детям по кусочку". Я дал и детям. А меня даже ужином не угостили.

Зато вшей я набрался за ночь! Полную пригоршню вычесал расческой. И по телу еще лазят. Сейчас жду ужина и затем пойду снова в Зеленый Гай. Ведь хлеба у меня осталось грамм 200.

Только что пришел в Зеленый Гай. Здесь резерв находится, решил спать с ними.

04.03.1944

Написал три письма - маме, папе и дяде Люсе.

Наша дивизия переехала на 7 километров вправо, а я решил пока остаться здесь, в Зеленом Гае.

Жители, где я снял квартиру, кажется бедные, и насчет жизни будет скверно. Но подожду денек, посмотрю. А пока я своим хлебом перебиваться буду.

05.03.1944

Александровка.

Отправил письмо тете Ане.

Сегодня немец сделал на село-совхоз крупный артналет. Я попал в самое пекло. Поспешил спрятаться и набрал полные сапоги воды.

06.03.1944

Гавриловка.

Написал одно письмо маме.

Ночевал здесь, совершив ночной переход из совхоза Александровки, села Ковалевки. Полночи проблудил, но не важно - зато поел нынче сытно: суп, каша и хлеб (выменял за табак). Выменял буханку, но половину отделил хозяевам. Они живут в 17 номере.

Из газеты узнал о желании Финляндии выйти из войны и о ведущихся в связи с этим переговорах. Дай бог!

Сейчас ухожу на передовую, опять в Александровку.

07.03.1944

Вчера пришел сюда (в совхоз Александровка) поздно вечером. Своих хозяйственников на старом месте не нашел. Пошел искать, когда встретил дорогой кухню, старшину Галкина, Урасова, Тютюнникова и других. Пошел с ними в роту.

На передовой увидел замкомбата по политической части. Он, по-моему, неплохой человек. Его молоденькая жена спит с ним - вот хорошо кому, счастливый человек! Редко кому дается счастье такое - воевать с женой!

В Александровке долго искал ночлег. Люди хуже зверей

стали. По несколько человек в одной хате находится и не пускают. Тесно им!

В одну хату полуразрушенную вошел. Не пускали - "секретный отдел" мотивировка. Наконец согласились дать место в сарайчике. Там была солома и, пусть сарай без двери, было сухо, хотя на дворике шел дождь. Переспал. Как светать начало, пошел искать хозвзвод.

Моросил дождь, дул ветер - было холодно, а в хозвзводе даже костра человеческого или какого-либо не было. Хорошо было только Рымарю - он помещался в палатке, отделанной из плащ-накидок. Внутри палатки горела печь и из нее шел приятный душок. Я постоял, посмотрел с завистью и пошел в село искать притулку, как по-украински говорится.

Попал в санчасть 320 с.д. Здесь много раненных, ухода за ними никакого - всего один санитар. Подвода с медикаментами и врачами еще не переправилась. Люди страдают нечеловеческими муками. Двое за нынешнюю ночь и утро скончались, хотя их можно было бы спасти, при наличии лучших санусловий.

От папы получил письмо за 30.I.44. Насчет аттестата ни словом не упоминает, а ведь прошло уже около двух месяцев, как я ему его выслал.

Память крутит по-прежнему, но я думаю пойти на передовую как только станет мне лучше. Первая неделя весны миновала и на дворе все пасмурно, грязно, холодно, снег еще не везде растаял.

08.03.1944

Александровка.

Погода сырая, мокрая, моросит меленьким дождем. Но мне все нипочем - я обосновался в хорошей (после степного холода), уютной и, главное, теплой комнате. Трещит затопленная печь. Приятно думать, что еще один день пройдет хорошо для меня, и я избегну холода и мокроты надворной.

Сюда пришел вчера вечером, когда уже и без того серое небо, заволакивалось темной мутью ночного времени. После непродолжительных поисков ночлега мне удалось напасть на удачное местечко.

В соседней комнате ОВС 416. Когда я, их найдя, спросился переночевать, мне наотрез отказали, заявив, что у них ночевали капитаны и украли самогон. Спросил относительно этой комнатки.

- Там помещается 13 офицеров, среди них майор и подполковник.

Я понял, что они врут, ибо в такой комнатке вряд ли могла поместиться такая масса народу, к тому же такие высокие чины не покусились бы на эти условия.

Зашел, спросил можно ли переночевать. На койке сидел какой-то человек, по-видимому, офицер. Он ответил отказом. Но когда я сказал, что я лейтенант из 9, он позволил мне остаться.

Много меня расспрашивал. Из разговора я увидел, что он весьма серьезный и представительный человек. Стало уже совсем темно. Лица и формы я его не видел, но по тому, как он говорил о капитанах, майорах и полковниках, решил, что он, по меньшей мере, капитан. Но он оказался комсоргом полка. Бурскер фамилию его я слышал не раз из газет и от Бихандыкова. Он пишет стихи и любит литературу. Медаленосец.

Ночью не мог заснуть: среди ночи к нам постучались корпусные связисты. Они затопили, стали печь пышки. Их было трое. Потом, когда уже все легли спать - немец начал стрелять по селу. Методично, в течение всей ночи он обстреливал весь участок, где размещалось село. Снаряды падали совсем близко.

Вши тоже мучили. Лейтенант Бурскер не спал, а когда начался артналет противника, такой налет, что земля подпрыгивала - он ушел в момент непродолжительного затишья вон из Александровки к себе на КП. Но у меня КП не было, и я вынужден был долежать до рассвета. С рассветом ушли и связисты. Я остался один.

Соседи не имеют печки, кухни - вот они и топят-варят в моей комнатушке. У меня тепло. Днем я прожарил утюгом вшей на одежде. Они лопались и выделялись жирным в складочках рубашки. Ох, и сколько же их было! Стало невтерпеж бороться с ними. Я бросил на середине, оделся - стало немного легче.

Днем немец еще беспросветнее забил по деревне. Снаряды падали со всех сторон от нашего домика. Снаряды, к счастью, были маленькие и, хотя ложились рядом, вреда нам не приносили. Но в хатенке, что по соседству с нашей, случилась целая трагедия, заставившая их немедленно после налета очистить жилплощадь. Снаряд упал у самой двери домика. Одному оторвало ногу, троих ранило осколками. Было там и криков и суеты!

В другом месте, как ошалелая сорвалась тройка лошадей с кухней и помчалась по улице, а снаряды все ухали и ухали, подгоняя их страх.

Еще в одном месте бегала обезумевшая серая лошадь. Она не знала где остановиться и металась, вскрикивая. Люди метались кто куда, широко раскрыв полные ужаса и волнений глаза. Это было страшно видеть.

Вечером пошел в хозвзвод. Там получил хлеб - больше ничего не было 800 грамм на два дня. С продуктами туговато. Поужинал кукурузным супом, нежирным, противным, но выбора не было.

09.03.1944

Взял с собой одного болеющего по ранению минометчика (он тоже находится при хозвзводе). Выпил перед уходом грамм 200 водки.

Голова болела надоедливо, но водка помогла мне уснуть. Посреди ночи вши разбудили меня. Они наползли еще в большем количестве и кусали, кровожадные, ненасытно, без всякой жалости. Я ворочался, чесался, но бесполезно. Перед утром вздремнул, и мне даже что-то приснилось, но быстро опомнился и проснулся. Что снилось?

Рассвет был серым и холодным, но вши... не понимали этого - им было тепло и сытно. Сегодня я устрою им Отечественную войну! Пусть и они познакомятся с ужасами и беспокойствами военного времени.

Только что немцы выдумали новый артналет на деревню тяжелыми снарядами. Не знаю, из каких соображений они раскидывают их вокруг да около нашего дома, на расстоянии 4-5-6 метров. У соседей с ОВС вылетели все стекла, и они надумали сейчас сделать у себя печку. Дыма хоть отбавляй. У них особенно, но и у нас хватает.

Сейчас устрою жарильню вшам, и смерть, а потом - в санчасть на перевязку.

Прожарился, будто заново на свет народился.

На стенке моей комнатушки надпись: "Виіжаем направлэния на Трифановка". По-видимому немцы перед отступлением оставили.

10.03.1944

Село Украинец.

Ночь. При восковом свете.

Вчера вечером возвращался из санчасти, когда услышал, не доходя до села, разрывы снарядов. Немцы обстреливали тяжелыми ту окраину, где находился мой заветный ночлег, моя маленькая, теплая комнатка. Снаряды долго выли, в последний раз высоко взвизгивая, уже перед падением. Это сильно действовало на нервы, заставляя сердце трепетать перед каждым разрывом, а визг и вой долго летящих снарядов понуждал плотнее прижиматься к полуразрушенным стенкам домов. Нечеловеческими усилиями воли удалось добраться до хаты. Но лишь только я дошел до соседнего дома, огромной величины снаряд тряхнул о землю и зазвенел массой осколков и осыпающихся стекол. Я вовремя спрятался в брошенную кем-то щель. Когда все стихло, я поднялся и бросился в хату. Там оставался боец, поселившийся со мной, и я волновался за его судьбу. Все стекла вылетели, угол хаты отвалился, и внутри хаты

никого не нашел.

Спал в холодной хате. Дул ветер. К утру ноги закоченели. Поспешил убраться с села, пока не рассвело, ибо опасался нового налета. Но каково было мое изумление, когда я увидел свободное движение по обороне.

Противник, оказывается, ушел. По дороге длинной вереницей тянулись вперед на запад обозы, шли люди, двигались тылы. Передовая давно уже покинула прежнюю оборону противника и занималась преследованием его.

Кухня и повозка с двумя лошадьми и ездовым поехала вслед за передовиками. Большая же часть обоза осталась и готовилась, в ожидании одного майора. Ему еще не приготовили котлет. Наконец, когда котлеты были готовы и он поел, мы двинулись. Когда дошли до того места, где была оборона - увидели много трупов наших бойцов, двое из них были офицерами, но в лица распознать невозможно было.

Шли долго до вечера.

11.03.1944

Когда подошли к селу Украинец, увидел 11 пленных. Один русский был среди них. Они говорили, что им был приказ дождаться темноты и отступить.

Я поместился вместе с резервом офицерским на окраине села. Женщин здесь очень много, они почти в каждой хате. Немцы спешили, и им было не до них.

В этой хате молоденькая девушка, но сюда набилась такая уйма людей, что пришлось спать скрючившись, да и то толкали в бока и в зад ногами. Почти не спал.

Палец разболелся, как в последний день перед операцией. Сегодня пойду в санчасть.

Покушать за счет хозяев нам тоже не довелось. Своими консервами (банка на 8 человек) закусывали.

12.03.1944

Суханово.

Вчера вместе с резервом пришли сюда. Здесь оказался строевой отдел и санчасть нашего полка. Нашел великолепную квартиру. Хозяева гостеприимные, хлебосольные. Сжарили мне картошку на остатках свиной консервированной тушенки, имевшейся у меня. Тушенки было мало и картошка плохо прожарилась, но поел с большим аппетитом. Хозяйский хлеб вкусный, пожалуй еще вкусней картошки. Наелся до предела, как в Ессентуках когда-то.

Двое ребят из резерва хотели ко мне перейти, но не довелось и мне здесь остаться надолго. Среди дня, когда я вышел - мою квартиру занял медсанбат нашей дивизии. Я как раз ходил на

перевязку в санроту.

Палец мой болел все сильнее и сильнее. Невыносимо было. В санроте посмотрели, и оказалось, что вторично на том же пальце появился панариций и опять надо делать операцию, но еще больший разрез, чем прежде. Палец заморозили. Операцию делали в санроте, ибо я не хотел идти в медсанбат. Еще до операции, когда замораживали палец, меня стало тошнить, а во время операции я совсем обеспамятел. Давали нашатырь нюхать, но долго еще меня тошнило и в глазах было темно. Я очень мнителен и нервы мои чувствительны ко всякой боли.

Вскоре мне стало легче и я ушел. Дорогой, однако, палец отошел от обморожения и так заболел, что мне казалось, что не выдержу. Поспешил на квартиру. Пришел - медсанбат уже хозяйничает там: стелет матрасы, одеяла, укладывает подушки.

Лег на одну из постелей, но не мог улежать - сел, но не смог усидеть встал, но и стоять плохо было. Заходил по комнате. Нервы взбудоражились, сердце застучало жалобно, но плакать я не умею.

Как назло тут пришла проститутка, что вместе с Васильевой смеялась надо мной, когда я приходил в первый раз туда. Она завела песенку, что мне придется уходить, ибо помещение занято раненными и для того, чтобы в нем находиться, нужно иметь направление от санроты в медсанбат. Я еще пуще разнервничался, но не хотел скандала и ушел молча искать квартиру.

Нашел, но хозяйка даже не предложила мне ничего поесть и когда я сам попросил сварить мне картошку (она варила ведро для бойцов и командиров, что пришли позже меня), ответила "конечно". А у них, к тому же, была мука и свои продукты - у меня, кроме двух кусочков хлеба - ничего (мне их дала на дорогу прежняя хозяйка).

Позже пришел майор-доктор с двумя старшинами и двумя бойцами. Они все бегали и суетились вокруг майора, как-будто он был бароном или помещиком. Ухаживали, варили для него вкусную еду, но он не хотел есть: выпил чай и оладьи поел. Меня никто не угостил.

Позже, когда совсем уже стемнело, старшины начали ворковать вокруг меня, чтобы я уступил майору место и лег на полу (мне, как первому поселившемуся, а также из-за болезни, хозяйка уступила койку). На полу же было тесно и неудобно. Людей набилось много, и повернуться нельзя было от тесноты, особенно с рукой больной.

Я не соглашался. Майор стал искать место в соседней квартире, но там для него оказался испорченным воздух, хотя

была хорошая лежанка. Снова взялись обхаживать меня. Я объяснял, что не могу на полу спать с больной рукой, но им ничего не нужно было знать.

- Старший будет лежать на полу, а младший на койке? Где это видано?!

Майор, грузин или азербайджанец по национальности, прикрыл глаза и притворился спящим, но когда он увидел, что у них ничего не получается, встал и проговорил:

- Лейтенант, лейтенант... встань с койки! Ляжешь на полу!

Мне стало страшно неловко, я покраснел от обиды и унижения, но в присутствии мирных граждан не хотел ему ни грубить, ни стыдить его, ни вообще объясняться с ним, с этим нахалом-помещиком. Я встал и лег на полу.

Майору постелили несколько одеял, подушку. Видно было, что он привык к этому обхаживанию и тыловой жизни. Он был, кажется, начальник медслужбы Двойки Большой.

Всю ночь мучался и только к утру заснул. Но сон мой был прерван приказанием - "Будите его, будите!" и "Эй, боец, боец, вставай!" бесцеремонно тормошили меня старшины, хотя знали, что я старше их по званию. Они вытащили из-под меня плащ-палатку, что расстелили еще вчера - я спал рядом с одним из старшин, пошумели и ушли.

Наступил рассвет. Рука мучила. Я решил встать. Вдруг увидел заблестело что-то в соломе. Подумал, что это моя серебряная ложка, но это оказался ножик складной немецкий. Я взял его, конечно, и спрятал. Эта вещь весьма необходима в условиях фронтовой жизни.

С утра хозяйка ушла. Я ждал до полудня, но она не приходила. Детям оставила буханку хлеба - они ее ели все и ели. Я перебивался семечками. Полежал, посидел и пошел из дома.

В одной хате хозяева предложили сами затирку, но без хлеба - его у них не было. Поел и пошел дальше. Наконец, набрел на эту хату. Здесь был один боец с нашего хозвзвода. Он искал медсанбат для лечения зубов - вся щека у него распухла. Завтра пойдем вместе.

Немец ушел километров на 45. Догонять далеко, но и уходить не хочется.

Погода сегодня пасмурная, сырая. С утра шел снег, а сейчас моросит дождиком. И хозяева, к тому же, такие хорошие. Побрили меня, умыли, и даже голову помыла мне самая молодая, мать четверых детей. Она мыла и приговаривала "мой сыночек", и рассказывала, что так же мыла она своего мужа. Поесть тоже дали. А сейчас уложили спать. Как дома.

Поспал маленько, но скоро проснулся.

Староста приходил. Он, говорят, плохого людям не делал, но боится злых языков. Спрашивал совета, что ему делать? Он остался сам, хотя немцы его угоняли. Я посоветовал не бояться и взяться за восстановление хозяйства, за уборку кукурузы и прочее. Особенно посоветовал ему не выделять из общего крестьянского фонда муку и другие продукты всяким проходимцам без проверки документов, ибо этим могут воспользоваться авантюристы для обмена на самогон и спирт. Он поблагодарил.

Интересовался, что с ним будет в дальнейшем, как поступят с ним органы власти.

Вечереет. Болит голова и ноет тело, а руку и передать трудно, крутит как. Хватит писать, тяжело.

13.03.1944

Сегодня день хороший. Солнце, но слегка ветрено, холодновато.

Сейчас на квартире эвакуированных из Сталино Жуковых. Они очень сердечны, городские люди, делятся последним, не как деревенские.

Думал ехать дальше, на своих, конечно. Фронт уже километров 90 отсюда. Надо догонять. Пойдем сколько сможем.

Уже вечереет, а до деревни, что у нас на пути, километров семь.

14.03.1944

Чехово или хутор Конский Загон.

День сегодня великолепно-солнечный, теплый, мягкий. Говорят, по-старому сегодня 1 марта. Теперь началась уж настоящая весна.

Орудийных выстрелов со вчерашнего дня не слышно. Фронт неизвестно как далеко, может даже у Буга. Может Николаев и Херсон уже у нас? Известий не слышу, газет давно не читал. Последнюю газету видел, кажется, за 10-е число, но сводки там за 7-е.

Поели вкусную жареную картошку. Непочатый - боец из хозвзвода, с которым я сейчас двигаюсь вместе, достал сала. Наелись до отказа. Он, Непочатый, богат деньгами - дал хозяйке сотню или две, так что теперь она на все согласна, чтобы нам удружить. Деньги решают все.

Вечер. Солнце уже низко над землей. Ново-Кубань, дом ? 70. Лахтионова Матрона Демьянова, Тина.

15.03.1944

В хуторе осталась одна хорошенькая девочка 24 года. Она пряталась от немцев, избегала их, и те ее называли гордой. Несколько раз они лазали к Тине, но мать чуть глаза им не

выцарапала, и враги отстали. Тина заболела, отощала, но сохранила девственность, не стала одной из соблазненных неприятелем и уехавших с ними в Германию.

Непочатый уговорил меня ночевать в другой квартире (через дом), предпоследней от окраины. Там он достал самогон, картошку, сало.

Ходил к Тине побеседовать. Разговаривал с ней, а потом и с ее матерью допоздна, пока стемнело. Но рука - боль неимоверная, мешала мне спокойно беседовать, и я поспешил уйти, чтоб не выказывать людям своих страданий и не заставлять их еще и за меня переживать.

Выпил два стакана самогона, но не опьянел, а только отяжелел в ногах. Рука болела всю ночь, только перед утром вздремнул, но тот час же проснулся, спохватившись, что необходимо двигаться дальше. Узнал у одного майора из 416 с.д. дальнейший маршрут.

Херсон занят нашими. Он посоветовал двигаться на Николаев.

Рука мучает безжалостно. Медсанбат в Новосибирске. Вчера я видел как он проходил. Может он перевяжет мне руку там, ведь я 4 или 5 дней перевязки не делал после операции.

Непочатый намекнул, что он отдал и шинель, и деньги, и палатку. Мне неудобно стало, и я отдал фуфайку хозяйке, фрицевскую. Теперь я снова в одной шинели, а Непочатый выменял у хозяйки мою фуфайку на плащ-палатку. Пусть носит на здоровье - мне не вековать во вражеской одежде.

День обещает быть великолепным. Сейчас двигаться будем дальше. Фронт, по словам майора, 50-60 километров отсюда.

Новосибирск. Наткнулся на одну часть. Военврач был очень любезен. Делали ванночки, но даже они не размочили повязку - пришлось отрывать. Вместе оторвался и кусок мяса. Перевязали мне руку.

Юдиндорф - по-немецки. Колхоз Чкалово 2 участок - по-советски.

Бывшее еврейское село-хуторок. Немцы расстреляли всех евреев и позакапывали в противотанковом рву, вплоть до малолетних детишек. "До ляльки" - как говорят крестьяне. После непродолжительного перехода из села Новосибирск, остановились здесь на ночлег.

Погода весь день была дождливой, сумрачной, и казалось, конца-края не будет этим быстро бегущим, нахмурившимся облакам небесным. От горизонта до горизонта небо передернуло серой пеленой.

В хате было тесно, но ветер не пробирался сюда, в квартиру,

сквозь толстые стены и чувствовались лишь его голодные шорохи за окном. Но я хотел найти квартиру с девушкой, мечтая провести лучше время. Мне рассказывали, что на хуторе остались девчата. Нашел только одну, правда, весьма приятной наружности девушку - замужнюю, хотя и однолетку мою. Договорился насчет квартиры, но мой спутник боец Непочатый предпочитает сытно покушать, и я из-за него остался в первой, найденной им, квартире.

Поели, и Непочатый решил перейти в другую, почище. Я посоветовал пойти в мною выбранную. Вечерело. Квартиры все были заняты и мы, проходив порядочно времени по селу, вернулись на старое место. Та хата, что я выбрал, была уже занята.

Утром решили в путь. На дворе поднялась невообразимая метель. Снег сыпет беспрестанно, пытаясь вновь затоптать, приподнявшуюся от многодневного сна и зазеленевшую на солнышке, землю. Ветер сшибает с ног. Ветер шумный и злой. Он сердится и грозно скалится в лицо, от него становится страшно и тоскливо.

7 километров думаю сделать сегодня. Раньше мы рассчитывали на километров 18-20 продвинуться.

Узнал, что наши войска форсировали Буг. Херсон давно наш.

Фрайдорф. 8 километров совершил добавочных. Теперь до Калининдорфа осталось не более 12 километров. Слегка выглянуло солнышко из-под светло-серой небесной шапки во время нашего пути, спряталось, и больше не показывалось. А ветер... он мечется, рвется куда-то, прыгает и играет. Дикий ветер. Он хочет возврата зимы, но тщетно: весна уже в силе.

После перевязки стало мне легче. Врач наложил мазь Вишневского на рану, чтоб не приставала к бинту кровь. Ведь, шутка сказать: вся вата и часть повязки была окрашена ссохшейся кровью. И все это пристало к пальцу. Разбинтовать нельзя было. Больше часа держал в ванночке, но до конца не отмочил и, когда ее отрывали, вслед за марлей потянулась и кожа. Перевязал он легко и аккуратно. И, хотя я чувствую сейчас боль, но несравненно меньшую, чем прежде.

По радио хорошие известия: наш фронт форсировал Буг; на одном из участков окружена немецкая воинская группировка. Хороши дела и на других фронтах. Тяжело, правда, с подвозом вооружения, боеприпасов и продовольствия. Так, вся тяжелая и средняя артиллерия находится еще здесь. С продовольствием тоже так. И боеприпасы. Это создает большие трудности для успешного наступления и вообще для ведения боя.

Фронт отсюда далеко-далеко. Орудийного гула не слышно.

Рассказывают, наши уже в 13 километрах от Николаева. В основном фронт у Буга остановился. Пока.

Остановился в одной квартире у края села. Молоденькая девушка 28 года рождения, почти девочка, но уже большая. Красивенькая, однако еще не искушенная в любви. Смотрит, смотрит и молчит, как будто хочет узнать неизведанное. Смотрит бесконечно своими прекрасными голубыми глазами. Миленькое-миленькое созданье! Жаль, что я не твоих лет, а то я б показал тебе, что такое любовь.

17.03.1944

Поселок Червоно-Любецке по другую сторону реки от Калининдорфа.

Остановился у хорошей, доброй хозяйки, спасавшей от гибели несчастных евреев и горько сожалеющей сейчас о смерти многих их от рук немецких палачей.

Рассказывала об ужасной трагедии убийства еврейского населения, разыгравшейся с первых дней хозяйничанья немецких разбойников на Украине.

Сегодня разговаривал с одним сотрудником красноармейской газеты. Старший лейтенант. Допоздна разбирал стихи мои, кое-какие обещал напечатать. Он личным секретарем Тычины был, друг Голодного.

Яцеленко Параска Антоновна - хозяйка квартиры. Мать. Два сына у нее летчики. Она так похожа на Горьковскую "Мать". Мужа убили в Германии и она сейчас одна. Книги советские и портрет Сталина сохранила. Книги закопала в землю, а портрет висел на стенке и при немцах, только под портретом Тараса Шевченко.

Угощала всех военных последним и лучшим из того, что у нее имелось: сахар, повидло, компот из фруктов.

Картошку отдал ***

30.03.1944

Развалины. Миновал за эти два дня Варваровку, Ново-Ивановку. Ночевать буду здесь.

Много пленных румын, есть пленные немцы.

Хозяева негостеприимны. У них остались коровы, но до сих пор не угостили даже молоком. Врут, что в первый час прихода сюда наших, они угостили всех вином, молоком, сметаной. Сейчас они едят, пьют и не предлагают, и вряд ли предложат.

31.03.1944

*** заявил, что это за нахальство распоряжаться моим супом, но хозяйка, с моего же разрешения налила супу, когда я увидел, что пришел командир роты. Я ведь не знал, что это для него. И, кроме того, Лепин заявил мне, что я, дескать, не имею права являться туда, где расположен командир роты.

- Конечно, ведь я не пойду туда, где комбат находится, без его вызова не пойду. Так и вы должны поступать.

Это больше всего задело меня. Запрягайло и Колесник повседневно находятся там, где Третьяк, а мне нельзя туда даже входить. Даже Горбатько и иже с ним, неотлучны. Но я смолчал, сдерживая обиду.

- Нарядов вы тоже не имеете права давать не своим бойцам. И еще вы не будьте о себе такого высокого мнения. Я буду вынужден ходатайствовать, чтобы вас от меня перевели. Вы меня не уважаете, не уважаете бойцов. Объяснений не надо, - закончил он, когда я попросил слова. - Мне достаточно того, что бойцы о вас говорят.

- Нет, говорят не бойцы, а Запрягайло, - вот что обидно. Склоки, ложь я думаю, этого не должно быть среди нас. А еще обидней, что вы не хотите меня выслушать, верить мне, и что показания любого человека для вас авторитетней, чем действительность, рассказанная мною.

Третьяк относится теперь с недоверием ко мне.

Вчера угостил я его медом. Кстати, с медом опять ерунда получилась. Зашел мой взвод в помещение, выбранное мною для отдыха в Варваровке. Запрягайло и своих туда ввел. Двое из его бойцов пошли по хатам побираться. Я оставался на улице некоторое время. В хату меня позвал старший сержант Полтавец: "Идите, товарищ лейтенант в хату, там ребята мед-повидло едят". Когда я пришел - уже все поели, встали из-за стола. Пригласила хозяйка и меня, но я решил лучше купить за деньги оставшуюся четверть банки меда. Заплатил хозяйке 50 рублей. Банку, правда, со стола не убрал. Пришел Пустовой и Аминов. Стали есть варенье, а потом и за мед взялись. Ребята сказали им, что мед куплен. Пришел Руднев, тоже стал ложкой есть. Ему сказали, что мед мой. И тогда Руднев стал разглагольствовать, что, коль я не спрячу его, - они все поедят. А позже Запрягайло подошел ко мне и сказал: "Ты опять подлость сделал: отобрал мед у бойцов, что ели его и заплатил свои 10 рублей". И потом, не удовлетворившись этим необоснованным упреком, подошел к бойцам и стал среди них пропагандировать эту выдумку.

Я заявил, рассказал обо всем парторгу. Рассказал и о прежних склоках Запрягайло. Епифанов обещал поговорить с ним.

Яблоневка. Сейчас пойду дальше - на Чапаево. Санчасти своей не нашел здесь, видно она уже где-то впереди.

01.04.1944

Анатолиевка, Суворовского района.

Ночевал в Суворовке, что в двенадцати километрах отсюда. Хату занимал эвакуированный гражданин, возвращавшийся после

освобождения к себе на родину за Буг. Совершил двенадцатикилометровый переход. Погода была совсем лето. Дошел легко. Пошел дождь и я поспешил в квартиру.

В комнате сидели две молодые девушки: Ковалева Надежда Ивановна и Барбелат Людмила Федоровна. Одной двадцать два, другой двадцать пять. Обе боевые, бойкие девчата. Хотят на фронт. Первая совершила много подвигов при спасении от эвакуации сельчан.

В день прихода наших она выбежала навстречу, несмотря на предупреждение румын: "а то убьем". Когда вошли наши - она, и кто-то еще - побежали навстречу, и первый был сражен пулей.

02.04.1944

" *** - с подполковником, я вдруг вспомнила, что у меня сидит еще замурованный один молодой парень. Я его спрятала в скалы, в глубокую яму и заложила яму такими камнями, что с трудом могла поднять. Его убежище я так тщательно замаскировала, что румыны и немцы, строившие там свою оборону, не смогли обнаружить его."

Вместе с бойцами мы отрыли человека - он натерпелся страху! Несколько раз фашисты проходили по его щели, а потом установили там свою пушку. Совсем рядом.

Надя была руководителем и организатором борьбы с врагом, саботажа его постановлений. Два раза ее возили в Одессу на допросы, два раза - в Суворовку. Сидела она и в немецком гестапо, но расторопность выручила ее. Немцы обвиняли ее в связях с партизанами и организации передач из Москвы. Последние известия по радио, сведения о местонахождении наших войск - все это известно было Наде и немедленно передавалось жителям окрестных деревень.

"Надя у нас герой!" - заявляет Люда. Казаки ее чуть было не расстреляли, и обе девушки наперебой рассказывают, как это было.

- Надя была в степи. Казаки приехали за ней домой и, не застав, поехали верхом в степь. Там они поставили ее на 10 шагов, но потом отложили свое намерение и сказали: "Жди здесь, мы еще одну партизанку разыщем", и поскакали дальше в степь. Люди, присутствовавшие при этом, посоветовали Наде бежать. Она так и сделала. Пригибаясь и прячась в степной растительности, она скрылась в деревне, там переоделась в одежду старухи и ушла из округи.

Казаки, приехавшие за ней, остались ни с чем. Больше они ее не смогли найти.

- Это ее заслуга, и всех нас - ее друзей и подруг, что у нас остались все до одного мужчины. Это мы, их перепрятывая,

спасли от эвакуации рассказывала Людмила. - А на днях мы были в Одессе. В машине, где мы ехали, было полно румын. Так мы их изрядно попугали: "Знаете, господа, Сталин только развертывает свои силы. Он скоро придет в Румынию и Германию и отомстит вам жестоко!". И румыны в ужасе схватывались за головы.

03.04.1944

Снег, снег, снег.. Что еще за погода? Думаю двигаться на Червону Украинку. Вчера задержался здесь, встретив друзей из резерва.

Палец перевязал тут в больнице.

Уже сильно просрочил свое прибытие в часть, но сегодня думаю догнать. А погода, как на зло, испортилась, и так не хочется выходить из теплой квартиры на волю.

Анатолиевка, Телегуло-Березанский район,

Николаевская область, Садовая, 5

Ковалевой Надежде.

Одесская область, Ананиевский район,

село Байталы

Людмиле Барбелат.

04.04.1944

Капустино. Вчера пришел сюда, попал на партийное собрание и удивился. На партсобрании не было начальства нашего батальона. За исключением начальника штаба и парторга Петрушина со второго батальона, все люди незнакомые мне. Кончилось собрание, и я отправился в роту, где узнал о преобразовании двух батальонов в один - "второй". Комбат и все руководство батальона отослано куда-то в резерв. Мне указали новый расчет и еще одного командира расчета. Теперь у меня 10 человек. Со мной - 11.

Я сдал в дезкамеру одежду, а бойцам приказал почистить миномет и личное оружие.

Командира роты пригласил кушать со мной яички, но он был занят. Вдруг он явился вместе с Запрягайло и лейтенантом из резерва.

- Товарищ лейтенант, передайте взвод лейтенанту, - указывая на вновь прибывшего, заявил ротный.

Позже вызвал меня новый комбат капитан-золотопогонник Пархоменко. Он ругал меня за якобы самовольный уход из части и сказал, что в наказание направляет меня в строевой отдел - в резерв.

Да, теперь позабыли эти люди, командир роты Третьяк в особенности, о том времени, когда я остался один на роту в самый трудный момент, под Анновкой, откуда драпали. Тогда я нужен был. Савостина убило, Запрягайло был при хозвзводе, и

Третьяка не было при роте. Я задержал пехотинцев, минометчиков отправил к переправе, спас и матчасть, и людей. Третьяк тогда сам говорил, что если бы матчасть растеряли, то его бы расстреляли за это. Даже мины вынесли из оставляемого участка, и потом открыли огонь по немцам! Третьяк появился только тогда, когда уже все уладилось и пехота ***

06.04.1944

Сычавка. Вчера еще был снег, а сегодня теплый, необыкновенно солнечный день.

Написал письма маме, папе, Ане Лифшиц, тете Ане, Майе Белокопытовой, Ане Перкиной - итого шесть писем.

Сейчас иду в Визирку.

07.04.1944

Хутор Вороновка. Ночевать буду здесь, в стороне от дороги. Всю ночь ходили люди, просили есть, просили переночевать.

Сейчас с подвозом трудно: дороги не просохли, а транспорт не успевает за передней линией двигаться.

Гул стал слышен отдаленней, чем прежде - фронт удалился. Очевидно, наши перешли уже за второй лиман.

Крапает дождь на дворе, а мне предстоит длинный путь. До Визирки 4 километра.

09.04.1944

Одесса. Вторая застава. Вчера ночью вместе с передовыми частями чужой дивизии вошел в город.

11.04.1944

Одесса.

Несколько дней назад я познакомился в резерве со старшим лейтенантом Басюком. Ему 22 года, молодой, интересный. Рассказал, что одессит, что дома есть родные, подговорил меня идти вместе в Одессу первыми.

После нескольких дней скитаний мы, наконец, вошли, вслед за наступающими частями бог ведает какой части, на окраину Одессы - станцию сортировочную. Остановились в одном доме неподалеку от железной дороги. Группа домов этих расположена отдельно от других строений.

Вошли, и застали в доме траур и слезы. Посреди комнаты лежал женский труп. Голова трупа-женщины была перевязана и вокруг стояла лужа крови. Девяностолетняя старуха-мать, молодой муж и стайка детишек навзрыд плакали рядом.

Нас угостили молоком и муж мертвой рассказал нам об обстоятельствах гибели своей молодой жены.

Была ночь. Немцы накануне издали приказ никому не показываться на улице с наступлением темноты. Женщина выглянула в приоткрытую дверь, немец прицелился и

хладнокровно застрелил ее. День освобождения стал для семьи днем траура. Я не мог долго видеть страдания их - мы перешли в соседний дом, там и заночевали.

Ужинали: по стакану вина, вкусное жаркое, сало. Опьянел - вино было крепкое. Лег спать после двухдневной бессонницы, связанной с ночными хождениями.

Гремел кругом бой, очень жесткий и страшный. Трескотня не прекращалась ни на минуту, орудийные залпы гремели бесконечно. Уснуть нельзя было. Потом пришел Павел, разделся и тоже лег. Всю ночь не спали, и только перед рассветом вздремнули.

Наутро фронт отодвинулся значительно, и мы пошли с Павлом на 1-ю заставу. Зашли к его любовнице. Там остановились. Маруся бросилась Павлу на шею, и соседи дворовые говорили, что "муж Марии пришел". Павел холодно к ней отнесся и рассказал после, что это не главная его любовница.

Она прижималась к нему, нежилась, но он холодно и грубо отодвигал ее. Так протекала эта встреча. Наконец Павел собрался уходить. Меня оставил на квартире с Марусей. У нее живет одна девушка 22 лет. Она длинная, противная, хотя лицом ничего.

Когда Павел "ласкался" со своей, другая говорила, что муж убит, и что в моем лице она надеется найти достойную замену. Приготовила мне воду, помыла голову и спину, постирала нижнее белье и платочки. Но любезности ее я не мог выносить и, понятно, не отвечал ей взаимностью. За все только вежливо благодарил, хотя она намекала настойчиво, что одной благодарностью мне не отделаться.

Возле железнодорожного полотна, в будке 191, живет симпатичная девушка, 23-го года. Она не красавица, но и не дурнушка, однако с ней очень приятно разговаривать. Когда я пошел за трофеями - она тоже со мной пошла. Нашел и отдал ей немецкое обмундирование, себе бритву. Она нашла платочек и подарила мне. Позже пригласила меня к себе в квартиру. Родные угостили меня оладьями и мамалыгой.

Несколько раз в течение двух дней забегал к ним, и всякий раз был угощен медом, кипятком и прочим.

12.04.1944

В доме у родственников Павла. Костецкая улица.

Павла радостно встретили, расцеловали - какой он счастливый! Рассказали об ужасах немецкого хозяйничанья в Одессе, о партизанах одесских, о коммерсантах.

Вечер. Недавно вернулся из города после большого и интересного экскурса по его улицам. Видел массу трупов, обломков машин и прочих остатков, уже разобранных трофей

врага.

На одной из улиц в центре Тираспольской улицы мы увидели большую толпу людей. Подошли ближе и увидели виселицу - автомашину, на которой стояли три мерзавца: два румына и один русский. Один из румын был сильно расстроен и еле держался на ногах от предчувствия смерти. Два других гада ничем не выдавали своих чувств, и глаза их смотрели безразлично в толпу. Ни страха, ни гнева, ни злости, ни мольбы - ничего не читалось в этих жутких разбойничьих, предательских глазах. Я подошел ближе и выслушал приговор. Потом отъехала машина, они стянулись с борта и повисли в воздухе. Средний, безразличный румын, забился ненадолго в судороге, и все кончилось. Два других даже не шевельнулись - в агонии они были слабее среднего. В тот же миг им накинули таблицы с надписью "Казнен за такие-то провинности".Последние слова приговора и момент казни сопровождался овацией собравшихся одесситов. Бесчинствовали эти разбойники в Анатолиевке. Так они и остались висеть.

После этого мы пошли посмотреть порт, море, оперный театр, вокзал. Увидели костел, собор, памятник Пушкину, высокую церковь, на которой при немцах кто-то вывесил наверху колокольни красный флаг. Больше всего мне понравился оперный театр. Трудно даже рассказать, какие великолепные архитектурные узоры и оформления были на его стенах. Ознакомились с историческими положениями о театре, об условиях его возникновения и прошли по наиболее выдающимся местам. Особенно Потемкинский вход великолепен. А также зрительный зал - стулья в нем мягкие, сцена, и за сценой железобетонные своды для охраны сцены, и пр. и пр.

До этого я расхваливал перед Павлом и его родственницей Лидой свой город, рассказывал о его преимуществах перед Одессой, но после театра мне оставалось только помалкивать. Он - второй в мире по красоте. Даже немецкие мерзавцы, и те не решились посягнуть на это редкое сокровище. Они, правда, потом стали каяться и бомбы бросать, но не угодили, и только один кусочек лепного потолка обвалился.

У двери театра собрались артисты на митинг. Это было трогательно и радостно. Артисты были готовы дать спектакль для Красной Армии завтра, но мы, к сожалению, двигаем с Павлом.

Порт весь разрушен, и сейчас еще горят его постройки. Вокзал тоже разрушен и сожжен до основания. Перед его входом висит еще один румын, за насилие и расстрел мирных граждан.

В Одессе много красивых девушек. Некоторые, правда, чересчур модничают и расфуфырены до красноты. Этого я не

люблю. Простота красит человека. Почти все они смотрели на меня влюбленными или вернее восторженными глазами, и это доставляло мне удовольствие. Я определенно нравился многим, тем более что я был в новой офицерской форме и шинель носил внакид. Только вот держать себя я с ними не умею, и страшно боюсь того момента, когда придется разделить постель с девушкой. Страшно сказать - мне 21 год, и я до сих пор не имею насчет этого понятия и опыта. "Живой п.... не видел", - смеются товарищи, и это верно. Ведь я не знаю, как даже приступить к этому; или попробовать может на уже видавшей виды?!

Вчера, правда мертвую видел, но не пригляделся к тому, что у нее меж ногами находится, - постеснялся, а о живой и говорить не приходится...

Только картинки меня забавляют. Вчера, правда, Мария, что живет с павловой Марией, намекала на это дело, и даже почти открыто предлагала, но мне она не нравится, и мне противно с ней бы было.

На дороге встретились со знакомой Лидии, польской старушкой Чубановой. У нее три сына: двое на фронте, а один увезен в Германию - и она страдает. Она захотела меня принять у себя за сына, повела к себе.

Павел с Лидой ушел домой, тем более что его поджидала Нина. Долго не задерживался - взял Одесские газеты, пошел тоже к Лиде. Оттуда вместе с Ниной пошли сюда, к сестре Павла. Нина решила нас по пути завести в свой особняк, как она выражается, и мы пошли.

Ее мать - добрая хозяйка и женщина. Поговорили немного. Мать заметила мне, что я очень похож на Нину, как брат родной. Вдруг появился ликер на столе, и мы выпили по полтора стакана.

Поздно ночью вернулись к сестре Павла. Они уже спят, а я все пишу и не успеваю излить дневных впечатлений на бумаге. Адресов теперь у меня уйма, и я боюсь перепутать их.

Случайно встретил здесь одну днепропетровскую. Шел в уборную и заблудил. Пошел возвращаться - нет калитки. Решил через забор перемахнуть, и наткнулся на проволоку колючую, когда на пути встретил ее. Из разговора узнал, что она из Днепропетровска эвакуирована и собирается туда выезжать, а сестра ее жила в 4 номере на улице Жуковского. Записал ее адрес и ей дал свой.

Группу пленных видел - три немца, два русских и одна девушка. Красивая, но дрянь - изменница или проститутка.

Читал приказы о возобновлении работ на производстве, о призыве лиц призывного возраста. О взятии Одессы. Командующие, генерал-полковник Цветаев и генерал-майор

Горохов, тоже упоминаются в приказе.

Время позднее, сердце мягкое мое не может так долго переживать тяжелых впечатлений от оставленных врагом разрушений и пепелищ, оно настаивает, чтоб я прекратил свои записи. Глаза мои тоже устало слипаются - воля не в силах с ними совладать. Иду спать. Завтра может чего допишу, если не уедем рано.

14.04.1944

Вчера решили трогать. Утром я забежал к павловым Мариям. Забрал свое нижнее белье, попрощался с ними, отобрал свою фотокарточку, что взята была ими нахально, записал адреса и дал свой адрес.

Потом отправился за стеклами. Достал в парниках большие и длинные стекла - 6 штук, но их у меня отобрали охранявшие помещение местные жители, угрожая майором. Взял только два стекла и несколько маленьких. Маленькие занес в будку 191 к Галине. Распрощался и с ней. Большие - занес сестре Павла. Днем двинули.

Дошли до сухого лимана, и уже хотели было идти дальше, как встретили майора - начальника контрразведки дивизии. Он сообщил нам, что часть наша ушла в тыл в направлении Раздельной. Пошли обратно.

В Одессе что-то взрывалось. Когда мы пришли на заставу - взрывы затихли. Это, как оказалось, взорвался оставленный немцами минный склад боеприпасов. Все небо заволокло густым облаком дыма, который стремился уплыть как можно выше, в широкий небесный океан.

Мы пришли в город когда уже смеркалось. Идти дальше нельзя было сильно устали. Решили еще ночь побыть в Одессе. Начали договариваться, как проведем время. Павел, после моего признания о несведущности в этом вопросе, пообещал устроить и научить половому сношению с девушкой. Посмеявшись, дал слово сделать меня таким же профессионалом, как и он сам.

Дома сестра ему посоветовала подойти к двум девушкам, якобы интересным и хорошим. Прельстила тем, что они играют на гитаре и прочее. На деле оказалось, конечно, не так - просидели до ночи за столом, разговаривая и играя в карты.

В два часа ночи вернулись к сестре Павла. Спать не ложились, попили чай и пошли догонять своих. Догнали их на третий день, после многих странствий, приключений и мытарств.

Сейчас мы находимся невдалеке от Раздельной, в хуторе Владимировка два километра от станции.

На станцию прибыл вчера машиной после того, как я вторично отстал на ночевке в одном из сел.

Получил сегодня множество писем, но не ответил еще, так как мешают посторонние - бойцы, заполнившие комнату и усевшиеся без разрешения за стол.

Хочу написать стих об Одессе, а письма разбирать завтра буду.

От Ани получил четвертое письмо. Одно от Лившиц, одно - от незнакомой девушки Короткиной Ани (немного малограмотна, но содержательна), от Оли, от тети Ани три, дяди Жоржа, тети Любы, мамы - три, папы - два.

Ответил всем. Два письма написал на имя родных погибших лейтенанта Савостина и старшего лейтенанта Кияна, в которых извещал об их гибели.

Написал Короткиной Ане - незнакомой сотруднице дяди Сени, написал Оле.

19.04.1944

Глинное на берегу реки Турчанка в днестровских плавнях. Позавчера еще пришли сюда наши пехотинцы, наш полк и вся дивизия, с намерением переправиться на другую сторону Днестра. Пехота, минометчики, артиллерия и даже часть "Катюш" переправились в плавни, но неожиданно вода в плавнях стала прибывать и затопила их постепенно. Никто не успел опомниться, когда вода поднялась по колено людям и создалась угроза гибели орудий. Много пушек и "Катюш" уже нельзя было вывезти.

21.04.1944

Чебручи.

Галаем был отдан приказ полковнику Паравишникову, вывести людей и технику из угрожающего района.

Днем на Глинное налетели самолеты врага. Они бомбили, и несколько бомб средней величины упало во дворе, где находился комендантский взвод. Я в это время убежал в подвал и находился там до окончания бомбежки. Женщина-хозяйка плакала и кричала. Бойцы и командиры - военные, опасались, что в подвале может убить волной, ибо отдушины-выхода наружу не было, но все обошлось благополучно, и только снаружи были убиты четыре лошади. Тела двух были прямо таки разрублены во многих местах, две других были убиты взрывной волной.

Гражданские стремглав выбежали из села, жители с котомками на плечах и отчаянными причитаниями побежали прочь оттуда, но паники не получилось много военных оставалось в Глинном и жителей это успокоило.

Вечером хоронили подполковника, убитого бомбежкой. Позже был получен приказ об уходе под Чебруги, чтобы в другом месте переправиться через Днестр. Здесь, в Чабругах, реки Турчанки нет, но форсировать Днестр за ночь не удалось, так что

полк и поныне пребывает в плавнях.

Умер Ватутин, подал в отставку Бадольо, отстранен от руководства борющейся Франции Жиро, и де Голь получил большие права. Благодаря ему в правительство Франции введены представители компартий.

Сейчас полк впервые принимает знамя.

25.04.1944

Вчера написал письма маме, папе, Лялюшке. Сегодня - тете Ане, Нине Каменовской, Лахтионовой Тине, Свищеву Николаю, Бусе Кац.

Получил письмо от мамы и от Буси Кац.

27.04.1944

Написал в Днепропетровск Наде Викторовской, в Москву во всесоюзный радиокомитет в отдел радиовещания; Магнитогорск, Дербент, маме, папе, Бекасову, в Астрахань дяде Жоржу, в Николаев Шунько.

20, кажется, придя в комендантский, застал всех в сборе. Возле кухни стояла бричка с запряженными в нее лошадьми. Поел, и вместе со всеми резервистами отправился в лагерь, где формируется батальон Рымаря. Мне сказали, что минрота тоже комплектуется там.

Но оказалось совсем иначе. Я попал стрелком. Лейтенант Черепахин, вместе со мной окончивший курсы, командиром роты - он стрелок по специальности.

Уважаемые товарищи!

В 1942 году я находился в 15 гвардейской дивизии в 50 гвардейском сп, и вместе с вышеуказанной частью воевал в минометной роте под Сталинградом на протяжении 6 месяцев. Райгород - место формировки, откуда я вместе с частью попал на фронт под Дубовый овраг, потом фронт приблизился к Б.Чепурникам, где долгое время стояли в обороне, затем Цаца, Бузиновка и, наконец, окружение вражеской группировки, в которой моя бывшая дивизия учавствовала вот этапы моего пути.

13/12/42 я выбыл из части в госпиталь. Это было накануне ликвидации вражеской группировки под Сталинградом.

Сейчас я попал в другую часть, где нахожусь в звании лейтенанта. На руках у меня никаких документов не осталось кроме справки из госпиталя, свидетельствующей о том, что я воевал на сталинградском фронте. Кандидатский билет в члены ВКП(б), выданный мне в ноябре 1942 года политотделом 15 гвардейской дивизии отобран у меня в связи с вступлением в ряды действительных членов ВКП(б) в 1943 году уже в части 28318, где я сейчас нахожусь. Красноармейская книжка в которой было указано о моей принадлежности к 15 гвардейской сд -

отобрана у меня на курсах мл. лейтенантов в Ростове.

При отсутствии у меня адреса 15 Гв. сд мне не представляется никакой возможности не только восстановить свое гвардейское звание но и получить вполне заслуженную мною медаль "За оборону Сталинграда".

Прошу Вашего содействия в моем деле.

28.04.1944

Наконец-то, о чем я лишь слегка догадывался, осуществилось. Сегодня Полушкин назначил меня командиром стрелкового взвода. Подумать только, в награду за восемь месяцев боевых действий на фронте в этой части! Но назло всем чертям он не погубит меня, этот человек, ненавидящий меня исключительно за то, что я еврей, очевидно мечтающий: "пусть повоюет, раз еврей!". Он думает, что я еще не видел то, что называется передним краем. Страшновато, конечно, и жить так хочется, что и выразить трудно, но... ведь не может быть, чтобы судьба погубила меня столь внезапно. Ведь так приятно, что я и жизнь столь неразлучны были до сих пор, и трудно подумать, поверить, что они могли бы разлучиться в дальнейшем.

Буду смелым в бою. Забополь и Николаев, с которыми я попал в роту - мои повседневные противники во все дни прошлого в этом полку. Как-будто специально все так подстроено. С ними будет тяжело и даже опасно, так как Николаев застрелил кого-то еще в тылу, а здесь, на фронте, это проще простого. Другой - командир роты, тоже отчаянный и вспыльчивый.

Из нас создали отдельную роту в 80 человек. Она будет пока в резерве полка, очевидно для штурма. В моем взводе - 40 человек. Завтра или послезавтра - в бой. Сейчас обмундировываемся.

Поздняя, глубокая ночь. Половина четвертого. Слегка сереет темень ночи.

Со всеми распрощался. Старший лейтенант Лапин обещал, что пойду я с ним вместе, а сейчас совсем иначе получилось, хуже, чем я мог предполагать когда-нибудь. В зубы зверю, да еще в какие - в крепкие и злые зубы. Выход только в личной отваге. Мне нужно получить награду - орден, не меньше.

С нашей ротой разговаривает гвардии полковник Паравишников. Он рассказывает, что "от села Галмуз, которое нам предстоит занять, наши находятся метрах в 75. Так что для занятия его необходим лишь один дружный рывок. Но у нас очень жиденько там было, и поэтому противника не выбивали сразу, в первые дни сближения с ним на эту дистанцию. Теперь, конечно, другое положение".

Полковник обещает, что со временем я опять попаду в свою минометную роту.

01.05.1944

Весь вчерашний день, всю ночь, и даже часть утра шел проливной, холодный дождь. Накрылся шинелью и сидя спал. Шинель вся промокла, отяжелела, под меня тоже вода проникла. К утру вода добралась в верхнее нижнее белье и до самого тела. Промок, как говорится, "до ниточки". Только возле живота и

груди осталось место сухим. Сюда шинель не прилегала плотно и здесь, "за пазухой", я хранил партийный и другие документы.

Сейчас в основном высох. В окопчике на два штыка глубиной полно воды, только сидение сравнительно сухое, да плюс к тому я под себя подкладываю сумку. Ноги мокрые и холодно в них, руки и щеки горят огнем.

Вечером прояснился горизонт и солнце, еле греющее и ветреное, слегка приласкало взор. Но портянок и шинель полностью не сумело высушить.

Село рядом, метров 300 отсюда. От передовой - метров 50.

Сегодня был у Пархоменко. Он говорит, что пока ничего не будет делать для того, чтобы я попал в минроту. Я возразил, что если он желает проверить мою смелость - пусть даст мне индивидуальное задание. Вечером он написал мне до одури несуразный приказ: одному переправиться на другую сторону к затопленным водой ПТРам, и, войдя в село, забросать гранатами или другим путем уничтожить ДОТ с амбразурой станкового пулемета. Я расписался, что читал, но едва ли буду выполнять, если невозможно будет безопасно все это сделать. Ведь я командир, средний командир, а он мне такие задания дает.

В селе кричат петухи и лают собаки, а там, за ним, сухое место. Село на круглой высотке расположено, похожей на курган, но значительно больше. Дома и улицы отчетливо видны, но ни один немец не показывается наружу.

Написал письма маме, Лялюшке и Лапину.

02.05.1944

Написал Ане Лифшиц в Москву с фото Гурченева, маме в Днепропетровск, папе в Дербент, дяде Жоржу в Астрахань, дяде Люсе в Калинин, Бебе Койфман на станцию Баская Молотовской области, Бусе Кац в Ярославль, Селивестровой в Одессу, Оле в Магнитогорск и Валентине Буховец в Николаев: итого 10 писем.

Мы на прежнем месте. Наблюдал за противником. Видел жителей: двух взрослых бесарабцев - мужчину и женщину, двух ребятишек с ними. Все они были с котомками за плечами.

03.05.1944

Написал маме, папе, Алле Беспарточной, Марии Бойко в Одессу, Замуле Н., Майе Белокопытовой в Москву и Романовой Н.Г. - близкой покойного Савостина.

Вчера ночью перешел вместе с взводом на передний край. Говорили нам, что нами подменяют на ночь, затем на сутки, передовиков, якобы те предались, но, очевидно, соврали. Постарались поскорее пихнуть меня в пропасть, но нет, шалят, я буду сверху, над пропастью, и не погибну назло всем врагам внутренним и внешним.

Фрицы активничать стали - обстреливают и нас, и тылы. А окопчики у нас никчемные - два неполных штыка. Так что стоит начать - и все мы попадем в нехорошее дело.

Здесь в обороне быть опасно. С продовольствием тоже безобразное положение. Хлеб, по неизвестным причинам, мы получаем не полностью - буханка на четверых, а то и на шесть человек. Пищу - один раз в сутки - 200-300 грамм супу фасольного. Добро еще, что выдали в качестве доппайка сало свиное, не то я не знаю, как жили б.

Погода сегодня неважная. Ветер и солнце холодное. В селе орут петухи, мычат телята. В плавнях кукушка кукует, но и тут и там грохочут снаряды. Ими перебрасываются, как мячиками, обе стороны через нас, и везде такое молчание между разрывами, как-будто и войны нет, а так - кто-то шалости ради бросается. То справа, то слева, то далеко, то близко. А один, метрах в четырех от меня, сзади перелетом упал как раз на мертвую корову, и ту подбросило и закрутило метра на два в сторону. Последние, еще не сгнившие, кишки вывалились наружу.

В ночи холодно. Сумку я свою оставил в хозвзводе у ездового одного, а там портянки мои, гимнастерки.

Вечереет. Перо у меня что-то испортилось.

07.05.1944

Вчера исполнилось два года моего пребывания в Красной Армии.

Сейчас передвигаемся. Ушли с плавней назад, перевалили через Днестр и теперь очень тяжело двигаемся по эту (левую) сторону реки на север, вдоль фронта. Очевидно, где-то намечается новый прорыв.

Рапорт полковнику начисто еще не переписал. Сейчас займусь.

Вчера получил письмо от тети Ани, а сегодня два письма от нее же и три от папы.

Ноги болят немного, и что-то горит рука.

09.05.1944

Командирское собрание. Выступает полковник. Зачитывает секретный приказ: "Я полковник. Слов попусту ***

Сейчас, когда ведется эта беседа, четверо офицеров из батальона 120 мм. минометов устроили стрельбу из автоматов в погоне за зайцами. В результате убит один заяц и три лошади. Их привели сюда.

11.05.1944

От дяди Люси получил вчера второе письмо за последние месяцы. Оба 23/IV и 31 марта 44 года. Отвечаю вторично. От мамы третье - ответил опять сегодня. От тети Ани за 27/II, 4/IV,

7/III, 25/I, 18/IV, 19/III, 10/IV. От папы - 23/III, 14/IV, 28/III. Папе написал. От Сани два письма, от Нины Каменовской - одно. Написал Нине Каменовской вчера и сегодня. Выслал стих "Жизнь" Сёме.

Сегодня уходим на передовую. Будем занимать оборону по эту, левую сторону Днестра, на окраине села Красная Горка.

Уже вечереет. Скоро опустится солнце, скроется за горизонт, и, когда посереет воздух, мы двинемся.

12.05.1944

Написал письмо в редакцию газеты "Боевой товарищ" со стихотворением "Жизнь". Зое Гродинской с портретом Шолохова.

Получил письмо от тети Ани, две открытки от Ани Лившиц и одну от Маи Б. Кроме того, получил обратно свои письма к Бекасову, за выбытием адресата.

Открытки Анины кратки, но и в этом виде любая весточка от нее вызывает во мне теплоту и трепет радости. Как хорошо получать письма от таких славных и умных девушек! "Вовочкой" называет она меня в письмах, но это ничуть не умаляет меня, а напротив, радует.

Вовочка - это старое школьное имя, которым звали меня все соученицы и даже некоторые соученики. Я был большим сторонником девочек, одним из самых может быть ярых и преданных им, среди всего мужского многолюдья. Мне нравилась в девочках их культурность, тактичность, нежность и бережность в обращении друг к другу, их красота, фигурки и даже голоса. Все нравилось, в противоположность Олиным вкусам, все говорили даже, что я похож на девочку (и мне это льстило), называя меня ласково и нежно "Вовочка".

Я помню, как я переодевался в женскую Олину одежду, а ей давал свой, мужской костюм, и так мы прохаживались по улицам - никто не мог уличить тогда во мне мальчика. Ради девочек я вступал в их шайки - в подражание мальчикам - руководителями которых, были самые озорные девочки: Нюра Лещинская и Лена Мечина. Но я в душе не одобрял озорства, и только не желая ронять своего престижа и достоинства в глазах Олиных подруг, скрывая свои чувства, вступал в их "тайные организации", занимавшиеся черти чем: там, постучат к кому-нибудь в квартиру и убегут, стукнут в другом месте палкой в окно и т.п. Со временем, однако, мой путь и пути этих "шаек-групп" разошлись. Нюра превратилась в одну из самых распущенных девушек, Лена не больно хотела со мной дружить, ибо я был отшельником, не имел товарищей, и водиться со мной было неинтересно.

Аня Лившиц когда-то нравилась мне до безумия, но я не

находил ничего лучшего, чтобы передать ей свои чувства иначе, как дерганье за косы и подбрасывание всяких гадостей (открыто) и неподписанных стихов (тайно) в ее портфельную сумку. Потом о моей симпатии к ней узнала она сама и все девочки нашего и параллельных классов.

Девочки, а затем и девушки, были самыми близкими и откровенными подругами моими: Зоя Гродинская, Лена Малкина. Оля с подругами были ближе мне, и почти всегда я делился с ними своими чувствами, сомнениями и переживаниями. Меня очень просто было переубедить во всем, даже в чувствах, и вскоре Оля с подругой отговорили меня от этого (от Ани) увлечения. Аню Лившиц, тогда и после, я стеснялся, ибо до последних дней еще не разгладилось и не исчезло во мне впечатление чувств прежнего увлечения. Сейчас мне особенно отрадно получать ее письма. Тем более что они дышат такой теплотой и лаской, от которой еще больше хочется жить и радоваться всем благам земным.

Когда-то, помню, шел я по школьному двору и увидел вдруг, что на меня несется целая туча девочек. Когда бывало так на меня бежали мальчики - я прятался за спину самого сильного и старшего из учеников нашей группы, симпатизировавшего мне и часто защищавшего от побоев злых на меня мальчишек. От девочек я убегал. Убегал, а потом жалел об этом. Убежал и тогда. О том бегстве вдруг как-то так вспомнилось.

Мальчиков и дружбы с ними я избегал, так как не любил ругательств, краснея за каждое грубое или непристойное слово в присутствии девочек; не любил драк, которые были так часты. Делиться с мальчиками своими чувствами и мыслями не пытался даже, так как знал, что встречу насмешку, вместо разумного, дружеского совета. Меня за это все не любили, часто колотили, давали клички "бабник", "жених", "юбочник" и др.

23 школа, 4 класс, Мила Ломиковская - это второе мое уже увлечение, но не сердца, а моей натуры. Она была отличница в параллельном классе (характерно, что нравились мне только отличницы) и я перешел на следующий год в ее класс. Перешли со мной сын директора или классного руководителя и еще кто-то. Я часто смотрел на нее, думал о ней и рассказывал Оле и ее подругам о своей симпатии к ней.

На смену им пришло более продолжительное увлечение, которое можно в некотором роде назвать любовью - увлечение Бебой Койфман. Но прежде, чем перейти к этой предпоследней пока моей "любви", расскажу о Киме Городецкой в моей жизни увлечением в классе перед Бебой. Так звали хорошенькую девочку, брюнетку, без косичек и не отличницу, но со светлым

умом и веселым характером***

Сейчас ночь. В обороне. Северо-западнее хутора Ташлык.

14.05.1944

Все дни моего пребывания здесь (вместе с частью я здесь нахожусь с 9 числа) кругом гремят бои страшные. Особенно по ту сторону Днестра, где наши занимают небольшой, но довольно укрепленный плацдарм. Несколько дней назад немцы потеснили наши части и отодвинули их от села влево, но дальше все их потуги ни к чему не привели, и теперь фронт вот уже несколько дней стоит на месте.

Днестр здесь не широкий - всего 100 метров, и вот ежедневно на ту сторону Днестра наведываются группы самолетов, на протяжении всего дня по 20, по 30, по 15. То наши, то немецкие. Наши, конечно, преобладают сейчас в воздухе.

Ответил Ане письмом со стихотворением "Жизнь", Майе - со стихотворением "Маю". Написал в редакцию "Кировца" стихотворение "В Одессе". Отправил письма маме, папе, тете Ане. Написал письма Сане и Ляле Цюр в Днепропетровск.

15.05.1944

Получил письмо от Оли, в котором она требует, чтобы я помог ей занять ее же собственную квартиру, в которую забрался какой-то военный, и соглашается пустить туда только Олю, из всей ее семьи. Думаю написать в редакции газет "Зоря" и "Днепровская правда", чтобы помогли.

Получил письмо от Ани Перкиной из Мал. Лепетиха - изорвал его в клочья от досады и решил не отвечать. Она учительница, но ее письмо до ужаса несодержательно - бестолковщина, да и только: "Я преподдам тебе этот ответ..." и т.п.

Написал письмо в редакцию "Днепровской правды", в котором прошу их помочь Оле выселить проходимца в военной форме, третирующего ее с семьей. Два письма - в "Зорю" и Оле, для военкомата. Отошлю завтра.

Ляле Цюр написал в Днепропетровск, Нине Каменовской - в Одессу, со стихотворением "Одесса"; Сане в Магнитогорск.

Сейчас уже стемнело. Только что принесли газеты, и я прочел пространную статью в "Кировце" о Третьяке. Этот подлый человек только из-за того, что ему наклеветали на меня, что я, якобы, запретил угощать его супом своим бойцам, постарался спихнуть меня сюда в стрелки, а сам, чисто случайным стечением обстоятельств, приблизился к славе. Было даже неудобно читать, как его расхваливали - врали. Такие люди царствуют и живут в свое удовольствие, а кое-кто из-за них страдает.

Сегодня наши на той стороне подобрались совсем вплотную к немцу по берегу, но почему-то вернулись. Вероятно, пулемет

сорвал наступление - немцы установили его у самого берега, и он хлестал пулями в течение всего наступления.

16.05.1944

Написал в редакцию "Зори" по Олиному вопросу, тете Еве в Магнитогорск, и в редакцию газеты "Кировец" послал стихотворение "Жизнь".

День прошел почти даром. Создать ничего не успел, хотя пытался доработать стихотворение "Я мечтал о Днепре".

Здесь все лейтенанты - молодые парни, хорошие ребята. Но мне очень тяжело, и сердце мое ноет от бессилия и досады. Что мне делать? Как мне выйти из этой трясины, опутавшей меня всего? Пархоменко, как низкий человек, вскрыл мое письмо к Лапину и прочел его, включая, конечно, то место где было сказано о его вздорном приказе мне: "Переодеться солдатом и забросать, переправившись лодкой на немецкую сторону, их амбразуру гранатами". Теперь он мстит мне, и даже рапорта моего не принимает к командиру полка с просьбой о назначении меня по специальности. Он меня определенно хочет угробить и вместе с Полушкиным, который ненавидит меня исключительно потому, что я еврей, - спихнул меня на прозябание в стрелки.

Бойцы тяжелые. Суровым я с ними быть не могу - мне жалко людей. Ругаться на бойцов матерно я тоже не умею. Упрашивать, уговаривать, объяснять - вот что остается мне. Но люди этого не принимают, и хорошее отношение вызывает в них непонимание. Заборцева, правда, все боятся: он кричит и ругается. С ним бывает трудновато, когда он горячится, и мне.

Чернилами я не пишу, так как их у меня забирает Заборцев. Отказать ему неудобно, но, когда я прошу обратно - он не возвращает, говорит заняты.

Фриц спокойно сегодня себя ведет - изредка попукивает из винтовок и ахает минами недалеко. Чудом никого не убило из моих бойцов, когда они рыли блиндаж. Случайно они перед тем порасходились, и в каком-то полуметре от того места упала мина 81 мм.

Сапоги продырявлены - надо починить, а сапожника нет. Как бы не довелось одеть обмотки. Руки мою через день - некогда. А нахожусь у самой воды.

Самолеты реже летают. Винтовки подготовил к ночной стрельбе.

Вчера здесь были Хоменко и Рымарь - я читал им свои стихи. Потом подошли Забоцев и Телокнов. Напомнил как бы невзначай о своем наболевшем. Они отвечали, что не все стрелки погибают, и чтобы я не отчаивался. Я объяснил, что не смерть меня страшит, а люди, с которыми работать нужно. Но все мои

разговоры впустую. Стихи мои нравятся им, а сам я, очевидно, нет. Вот в чем беда. Хоменко, правда, мало меня знает, а Рымарь любит, уважает и ценит самого себя только.

Эх, если бы с полковником удалось мне переговорить!

17.05.1944

Уважаемый товарищ редактор газеты "Советский воин" Н. Филиппов!

Препровождаю Вам этими строками одно из последних своих стихотворений "Жизнь".

Надеюсь, что оно будет опубликовано на станицах "Советского воина". Ваш отзыв и замечания по поводу моего стиха, прошу направить мне по адресу: Полевая почта 283/8-Ы, Гельфанду.

В условиях многодневного пребывания на передней линии, в окопах, что в 100-150 метрах от неприятеля, мне очень трудно, а вернее, вовсе невозможно услышать мнение и серьезную профессиональную критику своих произведений. Поэтому настоятельно прошу Вас не отказать в моей просьбе, тем более, что ввиду отсутствия у меня спокойного и свободного времени, в стихотворении возможны недоработки.

Если желаете, могу прислать и другие свои стихотворения: "Одессе", "Я мечтал о Днепре", "Миномет", "Гремят бои", "Вступление к поэме "Сталинградская эпопея" и другое.

На этом тороплюсь закончить. Крепко жму Вашу руку и оставляю Вам и Вашим сотрудникам свои наилучшие пожелания.

Жду Ваших писем.

С большевистским приветом Гвардии л-т Гельфанд.

20.05.1944

Уважаемый т. ответственный редактор газеты "Советский воин" и его сотрудники по редакции!

Посылаю Вам для публикации на страницах газеты свое последнее стихотворение "Я мечтал о Днепре". Очень прошу прислать мне почтой один экземпляр того номера газеты, в котором оно будет опубликовано, а также Вашу критическую оценку моего произведения с указанием недостатков и достоинств.

По своему усмотрению Вы можете выбросить четверостишья, показавшиеся Вам неуместными и слабыми, но, пожалуйста, не искажайте смысла добавлением или же сокращениями, противоречащими замыслу автора. Мне уже случалось встречать подобную безжалостную правку на страницах некоторых уважаемых красноармейских газет.

Заканчивая свое письмо, я не хочу терять уверенности в том, что Вы ответите мне в самом ближайшем будущем. Буду

стараться быть полезным Вам своей корреспонденцией с передней линии фронта.

Гвардии л-т Гельфанд.

Вечером получил три письма: от Ани, Нины Каменовской и Галины Селивестровой. Написал сам тете Ане, в редакции "Советский воин" и "Советский боец", Третьяку о письмах и Короткиной Ане.

Вчера у меня было происшествие - не первое и, к сожалению сердца, не последнее, очевидно.

Заборцев собрал всех командиров для беседы. В середине нашего собрания мы заметили каких-то двух неизвестных гвардейцев-командиров, проходивших по нашей обороне. Кавалеры нескольких орденов - они сразу обращали на себя внимание. Я сказал Заборцеву, что их нужно проверить, и он поручил это делать мне.

Тем временем оба человека прошли по верху ворот в дамбе, мимо которых у нас были вырыты специальные хода сообщений.

- Подождите, - окликнул я незнакомцев. - Одну минуточку! - и когда те остановились, стал узнавать у них: кто они, откуда и для какой цели пришли.

Охнул снаряд в трех шагах от нас. Несмотря на свою большую величину, нас не поразил, так как мы упали, но лишь припугнул, заставил спуститься в траншею. Мы вернулись назад, откуда спутники мои начали движение, и с изумлением наблюдали, как точно по дамбе, изменяя угломер, противник бросал свои железные чудовища, по пути нашего вероятного следования.

Переждав немного и дав мне подробные объяснения о целях и причинах своего прихода, оба орденоносца снова пошли вправо вдоль дамбы, по теперь уже ходам сообщений, а я вернулся к командиру роты. Отчитавшись перед ним о результатах "переговоров", я собрался к себе во взвод.

- Товарищ старший лейтенант, - отрапортовал боец - упавшим у дамбы снарядом, насмерть ранило человека.

Мой путь во взвод лежал через эту траншею, где на отходной вехе, в ячейке на посту наблюдателя трагически закончилась жизнь красноармейца. На месте живого, зрящего, действующего бойца, сидела одна спина, в которую, казалось, ушла и свесившаяся голова и безжизненное туловище. Рядом, по всей стенке бруствера, грязно алело, разбрызганное во все стороны кровавое пятно - та часть человеческого существа, которая своим непрерывным движением и беспокойством заставляла чувствовать и мыслить сердце и разум жившего человека. Я смотрел молча, без страха и ужаса в глазах, привыкших к подобному. Кругом стояли бойцы и тоже смотрели.

Мне показали ботинки покойника перед его погребением: обувь, как и одежда, были целиком изорваны и исковерканы безобразными, бесформенными кусками металла, которые принято в военном деле называть осколками. Так неожиданно и так бесценно превратилось в ничто то большое и необъятное, выраженное в человеческом облике. Так улетучилась, обездолив, ограбив, лишь недавно клокотавшее сердце, так предательски осиротила разум, спасовавшая перед смертью частица человеческой жизни. Да, это не вся жизнь, это именно частица, так как жизнь - самое сильное, самое непреодолимое понятие во всем живущем, никогда не уходит бесследно из человеческого существа. Она оставляет о себе воспоминания, память, которая продолжает долго, а порой бессмертно, жить в людях.

Почему же меня сохранила судьба? Ведь я мог сделать еще три шага вслед за неизвестными мне дотоль военными и очутиться в лапах злорадной кровопийцы-смерти. Почему жизнь не бросила меня и тогда, когда несколько дней назад, долго целившийся в меня снайпер, метнул пронзительно свистнувшую и трахнувшую меня затем, слегка зацепив, (царапнув ухо) медную разрывную пулю? Я долго тогда стоял с привычной беспечностью на просматриваемой немцами поверхности земли, и, позабыв об опасности, объяснял задачу бойцам по усовершенствованию ОП.

Почему не покинула меня жизнь и во многих других смертельных опасностях, о которых была речь раньше? Значит, жизнь любит меня, значит, она дорожит мной, значит, она ждет от меня чего-то, и вынуждена дать отсрочку моим юным годам, моему бьющемуся сердцу и страдающему от несправедливости людей разуму. Выходит, - я полезен чем-то величавой красавице в разношерстном кудрявом платье, которая носит такое нежное, такое неповторимое, такое сладкое имя "Жизнь".

Я знаю, я понимаю мысли и чувства жизни. Она любит, когда живущие платят ей дань, благодарят ее чем-либо возвышенным, хорошим, неисчезающим и бессмертным. Она любит, создательница, создания, ею живущих, и она щедро удерживает за собой в минуты, когда смерть особенно нахально берется за судьбу человека; отвоевывает на долгие-долгие годы его дыхание, его мысли. Разве не долго боролась она со смертью за судьбу Ильича Ленина? Разве не хотела она спасти от смерти Николая Островского? И в том-то ее и величие, что даже в смерти она умеет быть бессмертной. Может ли костлявая смерть похоронить произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гейне? Может ли она, ненавистница всего созидаемого жизнью и природой, что-либо сделать против величайших памятников древности, и по сей день сохранивших свое великолепие? Может ли она руками

Гитлера и К? варварски ликвидировать культуру и свежую мысль современного человечества? Может ли она загубить бесследно великих писателей, ученых, мыслителей текущих годов: Ромен Роллана, М.А.Неки и других, очутившихся и частично вызванных из лап убийц шайки Гитлера? Нет, нет, нет!

Таков смысл жизни. Жизни на войне, жизни в грохоте и кровавом шабаше разгулявшейся сейчас смерти. Не значит ли это, что я должен отблагодарить жизнь за свое спасение, за возможность, не кланяясь снарядам, не сгибая головы, не прячась в убежище, жить, любить и сознавать жизнь, до настоящего времени включительно? Не потому ли я полюбил бумагу и карандаш, не потому ли я полюбил искусство доверять беспорядочно струящиеся в голове мысли бумаге? Не потому ли, что я полюбил жизнь, мне так страстно хочется быть писателем?

Написал сегодня письма тете Любе, Оле, тете Ане, папе и Галине.

23.05.1944

Первое чрезвычайное на фронте происшествие - это посылки. Впервые за службу в Красной Армии мне посчастливилось получить посылку от мирных советских граждан: кусочек сала, печенье, бумага. Прислали жители Одессы. Ответил им письмом. Но, конечно, всего, что одесситы выслали, не было в посылке. А в сегодняшней партии посылок, кроме бумаги и мыла, вовсе ничего не оказалось. Первые посылки были, хоть и в распечатанных, но мешочках. Зато вчерашние - даже мешочков не имели, а бумага, в которую они были завернуты, была изорвана. Ясно, что мешочки или сумки, в которых посылались посылки, были распечатаны и половина (если не больше) содержимого в них, украдена. Сумки вскрывались, очевидно, так безобразно, что держать их больше нельзя было. И эти мерзавцы-тыловики были вынуждены залепить их бумагой, но и та, неоднократно развертываясь, к нам дошла полностью изорванной и содержимое вываливалось наружу. С трудом удалось мне из девяти посылок сделать шесть более-менее приличных и передать бойцам. В одной из посылок была записка, в которой писалось о носках и платочках носовых, посланных бойцу. Ничего этого, конечно, не оказалось - одна бумага, конверты и мыло. Так тыловики отнимают последнее удовольствие, развлечение и отраду наших стрелков, беззастенчиво грабя даже посылки. Так в некоторых посылках были помазки, баночки для мыления, лезвия, а бритв не оказывалось, и пр. и пр.

Заборцев у себя в роте тоже подчищает что возможно, выгоняя из помещения бойцов, распечатывает и забирает ценности. В первый день ему неудобно было самому хозяйничать.

Он выгнал всех связных, всех, кто нес посылки, заявив, что остаются лишь он и парторг, - то есть я. Под предлогом распределения посылок он вскрывал каждую, забирая себе платочки и зеркальца, расчески, конфеты, спички, карандаши, туалетное мыло, зубные щетки и порошок, пасту и прочее, что еще уцелело от тыловых грабителей. Мне было страшно неудобно присутствовать при этом деле, но ничего поделать я не мог. Жаловаться тоже нельзя и некуда. Он пытался меня подкупить зеркальцем, бумагой и карандашами, но я ничего не брал. Одно зеркальце я все-таки принял из его рук - все равно он его кому-либо отдал бы - такому же подлецу, как и сам. Теперь жалею, что взял - чувствую себя слабым, униженным и никчемным.

Сегодня он решил меня и вовсе не звать. Но я понял со слов бойцов, по виду посылок и по его разговорам, что и сегодня он все посылки перерыл. Сейчас еще привезли. Если бы я имел возможность сам принять посылки, хотя бы из полка! Ведь и сегодня бойцы останутся ни с чем. 16 посылок за два дня можно было свести, и даже без разборки, за пять к половине, а с него и того меньше осталось.

Второе, не менее важное чрезвычайное происшествие - высадка немцев на правом фланге в районе обороны и обращение ими в бегство целой роты - 8. Беспечные люди проспали и допустили немцев на берег. К тому же они были трусами и драпанули. Два ПТРовца, которые остались на месте, представлены к ордену Славы. Схватка, в конечном итоге, закончилась двумя ранеными с нашей стороны и двумя со стороны немцев.

24.05.1944

Вчера во время моего дежурства один пулеметчик тяжело ранил старшего лейтенанта из вновь прибывшей (и нахально расположившейся, без согласия командования) 88 части. Раненный скончался.

Я проходил траншеей по расположению роты, проверял бдительность часовых и накопанное за день по оборонительнным работам. Вдруг услышал шум и поторопился туда. Когда уже был недалеко, услышал: "Товарищ старший лейтенант, за что вы меня бьете?" и другой: "А ты знаешь что я замкомбат!? Прыгай в траншею! Пи... тебе! Расстреляю тебя! Ты еще будешь меня к командиру взвода вести?! Сейчас тебе капут!". Завязалась борьба.

Присутствовавшие при этом бойцы рассказывали, что в это время старший лейтенант схватил бойца за винтовку и стал тянуть в траншею. Винтовка была на боевом взводе. Когда я уже подбежал близко - через крики и ругань услышал выстрел, раздалось громкое "О-ой!". Забегали и заволновались люди. Я

спустился увидеть. Стрельнувший боец со слезами тянул: "Товарищ лейтенант, перевяжите человека... винтовка была заряжена... я не знаю как это получилось... он тянул ... я не виноват..." Подошел санитар и стал перевязывать лейтенанта.

Потом мне люди рассказали обо всем, что произошло до моего прихода. Бойцы-пулеметчики Толокнова переносили на старое место украденные у них бойцами вновь прибывшей на оборону 88 Гвардейской СД доски. Пулеметчики накрывали блиндаж. Пришел старший лейтенант и сказал бегом отнести все назад. Боец стал объяснять, что все это их и не отдавал.

Лес, который хотел тот забрать, боец самоотверженно защитил, пусть даже ценой гибели старшего лейтенанта. Все бойцы и командиры, в том числе заместитель командира роты удовлетворенно констатировали, что правильно сделал боец, ибо этого замкомбата все ненавидели: он бил бойцов рукояткой своего револьвера, многим бойцам и командирам без причины угрожал расстрелом.

*** с ней я познакомился в Днепропетровске в 8 классе 10 школы, где вместе учились. Сначала не обращал на нее внимания, так как голова была занята совершенно другим. Она была хорошенькая, занималась лучше всех - была круглой отличницей, слегка увлекалась литературой - чтением. В это время я был в очень дружеских отношениях с ее задушевной приятельницей - нашей одноклассницей Галиной. Та однажды мне поведала о том, что Тамаре я нравлюсь. Несколько дней спустя я уже внимательно приглядывался к ней, вначале с любопытством, затем уже с наслаждением и трепетом в сердце. Наконец, глаза мои и вовсе оказались ослеплены красотой девушки, а голова и сердце опьянены безумством увлечения.

Увлекся я не на шутку, и часто не замечал, как на уроках писал стихи на обложках тетрадей, на учебниках, в дневнике и пр. Учителя часто находили меня погруженным в задумчивость, замечали, что я отвлекаюсь от занятий. Некоторые из них злорадно смеялись, один - однажды прочитав стихи перед всем классом. Иные, более чуткие и тактичные, подзывали меня на переменах и советовали прекратить на уроках посторонними вещами заниматься. Но это не помогало.

В нашем классе было две девочки, которые мне не нравились, но сами добивались моей любви. Они часто строили козни, пытаясь отвлечь меня от Тамары, а Тамару отвернуть от меня. Они писали мне почтой анонимки - Зоя знает, я ей читал. На уроках рисовали меня (одна из них была художницей) и, надписывая рисунки словами "милый", "любимый", - бросали незаметно на мою парту. Это еще больше разжигало мою любовь

к Тамаре и отвращало от всех людей, стоящих на пути моего увлечения.

Однако счастье не пожелало быть спутником моей жизни и, как не раз прежде, покидало меня, и тогда покинуло подло.

Тамара была очень стыдливой и застенчивой девушкой. Я был тоже весьма робок, и ни в чем признаваться не решился ей. Однако, стихи мои и дневник, выкраденные двумя завистливыми девчонками из портфеля, вскоре стали достоянием всей школы. Стенки в коридоре, шкафы, учебная доска и пр. пр. пр. были исписаны выдержками из моих стихов. На Тамару это сильно повлияло, и она стала избегать меня, стыдливых насмешек подруг. В свою очередь и я, после многодневных переживаний, решил забыть Тамару. Под впечатлением решения разума, написал стихотворение "Я разлюбил".

Наконец, кончился учебный год и я постарался уйти из той школы, чтобы окончательно выкинуть из своего сердца ее и тоску о ней. Вскоре началась война. Я окончил третий курс рабфака, выехал на уборку урожая а там и вовсе эвакуировался из Днепропетровска. С тех пор, т.е. с начала войны, больше не встречал Тамару, не имею даже ее фотографии и не знаю, где она сейчас находится. Однако имя ее стало символом для моих стихотворений периода войны.

Такова история моего увлечения Тамарой. Такова история возникновения стихов, связанных с ее именем.

До этого у меня было еще два увлечения. Эти увлечения связаны с пребыванием в 67 школе. Я не умел скрывать своих чувств, и они быстро становились достоянием многих. Об этих увлечениях я не буду тебе рассказывать, так как самоочевидно, дневник, ты знаешь и сам.

Написал открытку М. Белокопытовой, папе, маме.

28.05.1944

Холодно. Ветер после дождя жестокий и безжалостный. Я в шинели, на голове - плащ-палатка. Под плащ-палаткой - сумки и бумага. Я накрылся с головой и мне не видно ничего, что творится снаружи. Ни самолетов, что гудят где-то в один голос, ни снарядов, что привычно рвутся и гуркают, ни неба, которое серьезно нахмурило тучи, нераздуваемые ветром. Холодно, только писать необходимо. Спать тоже хочется.

Ночью я не прилег ни на секунду, так как лазил на передовую к Чубу командиру четвертой роты. Надо было прокопать ход сообщения вниз от бугра и до минометчиков. До самого спуска мы прокопали, но когда я решил проверить с минометчиком спуск, то оказалось, что там обрыв глубиной в 50 метров. Помимо этого был мост. Проверкой установили, что обрыв на всем своем

протяжении скалистый, и, чтобы найти более пологое место, необходимо вырыть ход сообщения длиной не менее 700 метров, а это нашим и без того изнуренным каждодневной ночной работой людям физически не под силу. Выбравшись вниз с минометчиком и своим ординарцем Кальмиусом, я направился в лес к Чубу.

Минометчик еще вверху стал ныть и спрашивать, что ему делать и как рыть проход в обрыве. Я посоветовал ему проверить, исследовать весь спуск сверху донизу. Но он боялся, утверждая, что прошлой ночью, спустившегося со своими бойцами младшего лейтенанта Соснина, обстрелял секрет, заставил залечь, а одного бойца убили. С трудом удалось его уговорить на "подвиг", и втроем мы стали спускаться. У минометчика, как и у меня, не было оружия. На троих был один кальмиусов автомат. Несколько раз я падал и спускался вниз при спуске. Обцарапал руки. Внизу проходила дорога, а за ней лес. Когда мы углубились в лесную чащу - темнота резко ослепила наши глаза. Ночь была облачная: не было ни звезд, ни луны - вечных спутников ночного путника. Мы ударялись лбами о деревья; длинные сучья назойливо лезли нам в глаза, но мы шли. Наконец я заметил траншею, и втроем мы опустились в нее. Траншея вела к берегу. Метрах в четырех от берега я наткнулся на небольшой отход от хода сообщения и направился через него прямо в ячейку одиночного бойца. Забрался на приступку, сделал еще шаг и очутился лицом к лицу с человеком.

"Гельфанд, куда ты полез?!" - испуганно заговорил минометчик. Но я не слушал его и стал расспрашивать человека в ячейке, оказавшегося бойцом-пехотинцем. Винтовка его находилась внизу, метрах в трех от его места. Сам он сидел спиной к Днестру, на котором наша часть занимала оборону. Видно было, что кругом царит беспорядок и беспечность. Вражеский лазутчик (догадайся он сюда прийти), безо всякого труда сумел бы наделать делов в районе обороны. Боец не знал с какой он части и кто у него командир. Ко всему он был какой-то недотепа, несмотря на молодость свою - 20 лет.

Чуба я на КП не застал (на КП нас проводил командир отделения дежурный по роте). Там сидел один Толокнов. Минометчик не захотел возвращаться назад ночью - боялся, и я решил идти сам. Кальмиус - верный спутник мой и товарищ, не покидал меня ни на шаг. Проверив весь берег и убедившись в невозможности рыть вниз проход, мы стали, цепляясь за камни, выбираться наверх. Противник, страшась темноты, непрерывно пускал ракеты. За каждым разом приходилось ложиться. В перерывах удавалось подняться на три-четыре метра вверх. Когда

мы преодолели подъем и оказались на ровном месте, - уже начало светать.

Бойцы мои нехотя копали, и хотя мы вчера в селе добыли лопаты большие работа шла медленнее, чем всегда прежде, и многие бойцы почти ничего не выкопали. Помкомвзвод тоже копал и не наблюдал за работой. С трудом удалось мне доказать Заборцеву невозможность прорыва хода сообщения вниз. Он не верил, что обрыв крутой и скалистый. Наступил рассвет, и мы тронулись сюда. Так мне и не удалось поспать. Кроме того, я не успел даже писем написать.

Получил два письма от мамы и от О. Селивестровой. Второе - в распечатанном виде. Какая-то сволочь даже и здесь пытается ущемлять мои интересы, чувства и свободу. Только гады, мутящие свет, умеют жить счастливо и на войне и на фронте и в глубоком тылу. Хороший, честный, преданный человечеству гражданин, при всем своем материальном благополучии, не будет весел, беззаботен в наши дни кровавой войны. Лишь свиньи и мерзавцы типа Полушкина способны жить в свое удовольствие, пьянствовать, веселиться, фронта не видя на войне, награждать себя орденами (в буквальном смысле слова). Подумать только! Толокнов получил уже две награды, ничем особенно не отличившись - орден Красного Знамени и Отечественной войны II степени, Третьяк - звездочку, Пархоменко - звездочку, Петрушин, Епифанов - по звездочке! А все они, и еще многие другие, значительно меньше меня воевали в этой части и имеют меньше меня заслуг. Достаточно сказать, что из всех командиров воевавших в этой части более четырех месяцев, только я один остался не награжденным. Кто виновен во всем? - Полушкин, Третьяк, Пархоменко. Три человека, сделавшие меня стрелком, пытающиеся меня загубить на каждом шагу, препятствуют к тому же получению ценой жизни завоеванной мною награды.

XX.05.1944

Уважаемый товарищ Гвардии полковник Паравишников!

Товарищ майор Суслин!

Настоятельно прошу Вас обратить внимание. 8 месяцев пробыл я в минометной роте 3 батальона. За это время я прошел большой и почетный путь с боями нашего полка почти от Миуса до самой Одессы. Был в 52 УРе, был 6 месяцев под Сталинградом в минометном батальоне 15 гвардейской дивизии.

За время своих боевых действий был представлен под Сталинградом к награде, но ранение помешало ее получить, так как в настоящее время я потерял всякую связь со своей бывшей частью.

По специальности я минометчик. Никогда на другой работе,

кроме политической в армии не состоял. Учился также исключительно только минометному делу. В минроте старшего лейтенанта Соколова, а затем лейтенанта Третьяка никогда не был на плохом месте среди комсостава, о чем могут свидетельствовать комбат капитан Боровков, замкомбат старший лейтенант Лапин, парторг батальона Епифанов и другие.

Не раз приходилось мне встречаться с опасностью, много соратников по оружию погибло за это время на моих глазах.

Возле меня, в рядом расположенном окопчике, на куски разорвало Марию Федорову - батальонную героиню-санитарку, а меня только оглушило и слегка контузило. В другой раз, еще под Тирасполем, когда была накрыта *** людей выведено из строя и я опять остался невредим, лишь отделался небольшим осколочком в спину, и поныне сидящим у меня в теле.

Под Молочной снаряд упал в ногах моего окопа и только благодаря тому, что упал он перелетом, я опять-таки остался жив, отделавшись лишь небольшими царапинами по всему лицу и на руках от разлетевшейся от разрыва земли. Смерть никак не хотела меня брать. Достаточно сказать, что из минометной роты уцелело с начала моей боевой работы в ней и по настоящее время только 5 человек - я, лейтенант Запрягайло, сержант Михайлов, красноармейцы Руднев и Мусипян, и она уже не раз разбавлялась пополнениями.

Трусом только никто меня посчитать не может, и даже напротив, под злополучной Анновкой, где случилось нашим драпануть, и пехота в основной своей массе пробежала уже ОП моей минроты и оставила нас впереди себя к противнику, мне удалось задержать группку стрелков из последних остатков пехоты, и заставив ее отстреливаться, снять минроту и благополучно вынести матчасть, мины и самое драгоценное - живых людей из угрожаемого участка и организовать их затем в обороне на новом месте огнем по врагу.

Командира минометного взвода Савостина убило пулей, Запрягайло тогда болел, а командир роты лейтенант Третьяк пошел выбирать ОП и еще не вернулся в роту. Я тогда один из офицеров остался на роту и получил благодарность от лейтенанта Третьяка за то, что не растерялся и сумел заменить его.

Под селом Анновка, в плавнях, именно во время этого драпа, извините за неприличное выражение, я получил небольшое ранение в палец и царапину от разрывной пули. Сначала я не обратил внимание, но через несколько дней у меня началось заражение крови, и несмотря на то, что переправа не работала, мне удалось переехать на другой берег в госпиталь.

После операции я не согласился лежать в госпитале, отказался, наконец, от эвакуации в госпиталь в Мелитополь на лечение и отправился в часть с предписанием врачей об амбулаторном лечении при санчасти.

Побыв некоторое время при хозвзводе, я вновь устремился в свою роту, и несмотря на морозы и тяжелые условия фронтовой жизни, решил вернуться в строй. Вскоре, однако, палец вновь нагноился и пришлось вторично делать операцию силами санчасти полка. После операции я снова вернулся в роту и отлучался только на перевязки непрерывно сам

*** садился там вместе с ротой и брал Николаев и ряд других крупных и мелких населенных пунктов. Невдалеке от одесских развалин с разрешения командира роты я ушел на перевязку, но санрота еще не переехала на эту сторону лимана и мне пришлось задержаться на пару дней в поисках ее. Так и не найдя санчасть, я перевязался в гражданской больнице в Анатолиевке и вернулся в часть на берегу второго одесского лимана, который нам довелось форсировать.

Приняв взвод от своего помкомвзвода, я приступил к руководству им, однако к вечеру неожиданно пришло предписание сдать взвод вновь прибывшему из резерва лейтенанту, а сам я направлялся в резерв. Трудно передать, как тяжело мне было уходить из минроты, к которой успел крепко привыкнуть и которую полюбил, как родную.

Когда я явился в распоряжение начальника строевого отдела капитана Полушкина, он поинтересовался источниками моего откомандирования в строевой отдел, не выслушал меня, а нашел нужным лишь выругать и обвинить в увиливании от работы, и (под предлогом самовольного, якобы, ухода в санчасть и за остутсвием освобождения санчасти) на мою просьбу направить меня скорее в роту обещал: "Ты долго не будешь в резерве. Можешь не беспокоиться". И действиельно, вскоре я был направлен в учебный батальон майора Рымаря на должность командира стрелкового взвода. А оттуда, дней через 5, в той же должности был послан на передовую линию. Мне объяснили тогда ***

Так, под самой Одессой. Когда все участники боев были по достоинству отмечены и прославлены наградами, я был отстранен без каких-либо веских на то причин от командования взводом и один из всех участников Никопольских, Николаевских и Одесских сражений не получил не только награды, но и благодарности т. Сталина. А ведь я вложил все свое умение, всю душу свою в воспитание бойцов и командиров, в бои, которые проводил в составе минроты.

***не имея возможности учавствовать в них в действующем подразделении, но испытывая огромную жажду освобождать украинскую красавицу Одессу, я, вместе с одесситом старшим лейтенантом П.Басюком, все время в дни освобождения Одессы находился на передней линии полка и одним из первых вошел в Одессу. Однако, Одесса явилась источником еще большего моего морального угнетения.

Днестровские плавни. Меня вызвал к себе капитан Полушкин и объяснил, что для выполнения срочной боевой задачи необходимо создать отдельную стрелковую роту и спрашивал, сумею ли я временно в ней работать командиром взвода. Я ответил, что по опыту работы - нет, но как коммунист - я обязан. Так я был зачислен командиром стрелкового взвода в 6 роту старшего лейтенанта Заборцева, после 8 месячного пребывания в минометной роте 899 сп. Однако, вскоре 6 роту влили в состав 2 батальона и опять комбат Пархоменко заявил мне: "Вы повоюйте в стрелковой роте, а потом будете говорить о минометной роте", и неоднократные рапорты командиру полка о несправедливости моего назначения, особенно в момент распределения штатов по военной специальности, он возвращал обратно, или же не доводил до командира полка сведения. Так, все мои хлопоты остались гласом вопиющего в пустыне.

Между тем в полк пребывали со школьной скамьи младшие лейтенанты-минометчики, неискушенные в боях и необстрелянные. Их направляли на должность командира минометного взвода или держали в резерве. Их ценили. А меня...

Со мной никто не хотел считаться. Моя грудь была по-прежнему лишена заслуг, мой боевой путь был по-прежнему бесславен, а постоянное желание работать, все мысли и стремления, отданные служению Родине, не встречали сочувствия и понимания и всячески ущемлялись со стороны некоторых ответственных лиц. Я оказался на положении штрафника, хотя по сей день ни одного дисциплинарного и партийного взыскания не имел в процессе своей работы, а напротив, повторяю, моя работа отмечалась только с хорошей стороны.

ОБОРОННЫЕ РАБОТЫ.

На всем протяжении работ по *** я немало поработал с бойцами и сумел добиться самых лучших результатов в своем взводе, а как парторг - в 6 роте из всего 899 сп. Однако когда работа была готова, пришла комиссия проверять результаты работы, меня за день до этого отодвинули на неокопанный еще участок обороны, служивший до этого стыком между ротами, а мой участок передали 1 взводу младшего лейтенанта Николаева. В результате младшему летенанту Николаеву объявили

благодарность приказом по батальону за произведенную мною работу, а мою роль обошли молчанием, не смотря на то, что и второй участок напряжен***

Теперь, когда в полк прибывают неумудренные опытом боев младшие лейтенанты и назначаются на должность командира минометного взвода, когда стрелковых командиров имеется в избытке в связи с расформированием 1 сб, когда даже недавно прибывших бойцов и командиров награждают орденами и медалями, а старых, даже не проявивших ничем себя, только за продолжительность их пребывания в части, когда всех ветеранов полка посылают в отпуск, такое бессердечное отношение ко мне абсолютно не объяснимо. Чем? Чем я заслужил такое непонимание со стороны командования, чем заслужил я такое пренебрежительное отношение со стороны некоторых ответственных лиц. Не своей ли многомесячной борьбой с немецкими варварами, не тем ли, что третий год я сражаюсь на фронтах отечественной войны? Что ненавижу - неправду и бездушие в отношении бойца, что люблю - человека, и готов всю свою энергию и старание до остатка отдать за него?

Настоятельно прошу Вас помочь мне выйти из этой трясины, в которую меня так недостойно затянули бездушные люди, для которых личные интересы превыше всего и дать мне работать в знакомой отрасли работы.

* * *

От командира взвода
6 стрелковой роты
2 стрелкового батальона
лейтенанта Гельфанда В.Н.
Начальнику штаба
899 стрелкового полка
майору Хоменко А.
РАПОРТ

Прошу Вас содействовать моему назначению по специальности командиром минометного взвода. 8 месяцев пробыл я в 899 сп на должности командира минометного взвода. За это время ни единожды не имел взысканий или замечаний со стороны командования, напротив, всегда выделялся за умело поставленную работу на делегатные собрания, совещания и т.п., не раз отмечался в резолюциях батальонных партсобраний.

За время пребывания в полку прошел с боями значительный путь от х. Терпение до Одессы, имея увольнение в связи с заражением крови от санчасти полка из госпиталя

я не ушел с поля боя, о чем могут свидетельствовать все бойцы и командиры бывшие со мной тогда в 3 сб и в тяжелых

условиях ранней весны продолжал учавствовать в сражениях за Николаев, Одессу. В результате получилось вторичное нагноение и вторично мне оперировали палец уже в полковой санчасти. Но и тогда, сразу после операции я вернулся в свою роту, хотя имел трехдневное освобождение от работы.

Однако, под самой Одессой неожиданно мне предложили в момент образования из двух одного батальона, сдать взвод прибывшему из резерва лейтенанту.

От Оли 2 карточки

Секретарь Днепропетровского КП(б)У Найденов

Предисполкома Днепропетровского областного совета депутатов трудящихся Дементьев

Письма от А. Кропоткиной за 12/V/44

От Нины Ременовской за 19/V/44

07.06.1944

Наконец-то свершилось то, чего так напряженно, так нетерпеливо ожидали люди всего мира: началась высадка войск союзников на французском побережье. Трудно передать словами чувство радости и счастья, охватившее меня при этом сообщении. Вчера был митинг, уже ночью почти. Я выступал, и из всех выступлений, по определению бойцов, мое было самое волнующее, самое захватывающее и проникновенное.

Вообще событий много. Я стал получать массу писем от девушек, знакомых и незнакомых.

Недавно сфотографировался у фотографа из Одессы.

Заборцев достал бочку вина, но меня с Николаевым угостил чаркой лишь на второй день пьянствования, когда все начальство батальона уже перевалялось пьяным.

Каюнов - замкомбата - мнительный молокосос (24-го года), вчера в пьяном виде пришел к нам на базу и, грозясь кулаками в сторону противника, кричал им матом: "Почему не стреляете, поганые фрицы?!" А в это время некоторые бойцы копали траншею и могли подвергнуться, спровоцированному Каюновым, огню противника.

Сегодня Заборцев достал еще вина, но меня снова угостил чарочкой, когда лишь сам был пьян, как и все угощенные уже им, до свинства. Так вот оно и бывает. Старшины и прочие шкурники пили, а командир взвода остался с носом. Это тогда, когда 25 ведер вина было откопано Заборцевым.

За освобождение Никополя, Николаева и Одессы были получены благодарности от т. Сталина. В нашей дивизии все старые - получили, один я нет. Зверская несправедливость нависла навеки над моей головой.

Сколько души, сколько сил, здоровья и времени я положил на

дело борьбы с немецкими варварами. Сколько работы проделал по воспитанию бойцов, и после всего такая мерзкая неблагодарность. Люди ходят увенчанные лаврами, наградами и чинами, воюя так, что война для них торжество, а не смертельная опасность. Все эти Полушкины и К? - бездушные, никчемные нелюди, наживающиеся и властвующие за счет подкупа и обмана.

Сегодня я прошел по ротам, объяснил людям и показал по карте все, что касается высадки союзников и международного положения в Европе. Бойцы меня очень благодарили и просили еще приходить к ним. В 5 пулеметной роте и в нашей, я рассказал людям все, о чем узнал из газет.

10.06.1944

Вчера отправил в "Кировец" и "Советский воин" стих "Мне восторгом глаза голубят небеса". Папе и маме по письму.

Сегодня отправил письмо Б. Койфман и опять маме и папе.

Получил фотокарточки - сильно не похож на себя: лицо там у меня какое-то угловатое, глаза исподлобья смотрят.

12.06.1944

Письма Ане Лифшиц, Б. Кац, тете Ане, Г. Селивестровой.

16.06.1944

Сегодня получил пять писем: от мамы, тети Ани, от папы два, и от Майи Б.

Весь день занимались. В свободное время пишу, тороплюсь гнев свой вылить наружу. Множество офицеров 1 батальона едут в резерв или же на формировку. Много офицеров из числа ветеранов полка едет в отпуск.

У всех старых бойцов и командиров груди увенчаны лаврами, на руках у большинства "старичков", у всех, вернее, - благодарность Сталина. На ногах новые изящные сапоги, новые шинели, перешитые на комсоставский манер. Все офицеры пьют вино, развлекаются. А мне нечего сказать хорошего, незачем развлекаться. У меня кругом горе и неудача. Ко мне нет ниоткуда чуткого отношения и внимания, меня третируют отовсюду.

Из дому тяжелые вести о плохом отношении к маме, об отсутствии у нее решения на въезд в Днепропетровск. От папы - о болезни, от тети Ани и других родных - об их затруднениях в жизни. Всем надо помочь, обо всех нужно думать***

*** идет кино "Машенька". Только в кино, только в искусстве, в книгах, в поэзии, нахожу я отраду и отдых.

Вечный блат, круговая порука: хозвзвод не для бойцов существует и не для средних командиров, а главным образом для комбата, его заместителей и приближенных. Кагонов пошил себе третью пару сапог, но и этого ему показалось мало. Он вздумал шить новые какие-то сапоги, а когда ему сделали передок из

грубого материала, он отдал сапоги ездовому своему и пришел, раскричался на сапожника, чтоб тот где угодно доставал материал и шил ему новые хорошие сапоги.

А мне так и не удалось из своего материала добиться пошивки сапог.

18.06.1944

Колосово. На репетиции в клубе дивизии.

Прочел стихи "Жизнь", "Я мечтал о Днепре", "Одесса", "Мне восторгом глаза голубят небеса". Стихи мои, конечно, подошли к репертуару.

Командира взвода 6 стрелковой роты
2 стрелкового батальона
лейтенанта Гельфанда В.Н.
Начальнику штаба
899 стрелкового полка
майору Хоменко А.

РАПОРТ

Прошу Вас оказать мне помощь в следующем вопросе.

Моя мать Городынская Надежда Владимировна, эвакуировавшаяся из Днепропетровска в Магнитогорск в дни оккупации, теперь получила от директора завода им. Ленина, где она до этого работала секретарем отдела кадров, вызов с производства, но разрешения на въезд в город у нее нет. Для этого нужно ходатайствование командования моей части перед органами Днепропетровского НКВД.

Моя мать уже свыше трех месяцев назад получила расчет на производстве в Магнитогорске в связи с планируемым въездом в Днепропетровск, но все хлопоты ее и требования о разрешении не увенчались до сих пор не только успехом, но даже ответа не поступило на них. Прошу Вас помочь мне в этом деле.

21.06.1944

Вчера перешли на передний край в оборону. Под Григореополем, у самого Днестра.

Какое здесь великолепие! Какая замечательная природа, воздух! Курортом называли эту оборону наши предшественники - пятерка большая, которую сменили мы вчера ночью, и которые так не хотели отсюда уходить.

Весь день работы никакой. Солдаты спят. А я занимаюсь писаниной. Так привольно здесь! Блиндаж у меня величиной с комнату: две койки, подушка пуховая, посуда всевозможная. Неприятно, что фактически все разворовано по квартирам и принесено сюда, но удобно в том смысле, что чувствуешь себя по-домашнему.

Ходы сообщения широки, просторны. Везде чувствуется ***.

XX.06.1944

Трехдневные сборы, куда я прибыл еще... числа, сегодня подходят к исходу. Артисты клуба дают нам концерт.

А вообще, ничего хорошего и полезного я не получил за эти три дня. К тому же, ни минуты свободной. В ночное время мне, правда, удалось поговорить с Щетильным насчет моих стихотворений. Много стихов недошло до редакции, утеряно. Говорили мы с ним часа два.

25.06.1944

Вечер. Недавно узнал о двух письмах, полученных в мое отсутствие - от тети Ани и Маи Б. Много оставшихся без ответа имеется у меня и по сей день.

Вчера был вечер и обед у командира дивизии полковника Галая. Ночью кино. Киножурналы и фильм "Освобождение Орла". Картина ужасно потрепана, склеена из кусочков, так что невозможно было ее смотреть без досады. Не досмотрел и пошел спать в Колосово, хотя полковник и отдал нам распоряжение идти ночью на передовую.

Наутро встал и никого из своей группы командиров ***

28.06.1944

Колосово.

Семинар парторгов. Лекцию о Брусиловском прорыве читает полковник Вергаев - замкомполка по строевой.

Слушали лекцию о боевых традициях 5 ударной Армии, в связи с исполняющимся двухлетием боевых действий. Майор Нодченко - о плане партработы.

Только что здесь был полковник Галай и майор Коломиец. Галай говорил о задачах стоящих перед нами, парторгами. Он очень сердечный, хотя и грубоватый мужичище. Мне он нравится своей простотой и непосредственностью. Иной комбат, к примеру Пархоменко, превозносит себя манерой поведения, выставляясь много значительней человеком, нежели комдив Галай и другие, много выше того.

Еще понравилось мне в Галае, что он любит бойцов, разрешает разговаривать с ним о своих нуждах и запросах. Свой вопрос я тоже думаю поведать ему, если у меня ничего не получится в полку.

- Вопросов нет? - закончил полковник свое обращение к нам.

- У меня есть вопрос, - произнес я из другой комнаты.

- Кто ты такой? Иди сюда! - сказал комдив, и я, войдя в другую комнату на середину, стал истолковывать свои мысли.

- Лично я ни в чем не нуждаюсь и ничего не прошу ***

01.07.1944

Опять получил письмо от этой Ани Короткиной из

Магнитогорска. По ее письмам я сделал для себя вывод о ее бессодержательности и наивности, а фотокарточка утвердила во мне мнение, что она некрасивая к тому же. Порвать с ней переписку - вот первая мысль моя, но так поступить неудобно и я решил, постепенно снижая тон и сокращая частоту письма, вынудить ее самой отказаться от каких либо претензий на мое расположение. Фотокарточку высылать не стану, под предлогом отсутствия таковой. Не должен же я всякой девушке, навязавшейся мне письмами в жизнь, дарить свой образ.

Она прельщает меня купанием в Днепре, указывает, подчеркивая многозначительно, на свою молодость, пишет, что комсомолка. Добивается признания относительно ее внешности и говорит, что она очень веселая девушка. Это все глупости, а насчет Днепра я ей сегодня ответил, что с меня довольно множества водных преград, в которых я искупался во время преодоления их. Напоминание, что "победа сама не завоевывается", тоже ни к чему. Пускай она себе его возьмет и работает лучше для нашей победы, а мне указывать эту, давно усвоенную истину, да еще и из глубокого тыла - излишне. Письма у нее громоздки, а содержания - на копейку, по ценам военного времени.

От Сани. Он уже пишет как взрослый и предлагает даже делиться с ним в отношении моей любви и т.п. Но много детского замечается и сейчас у него. Тут, правда, ничего нет удивительного - он ведь еще подросток. Отрадно, что он стал отличником в учебе без отрыва от производства. Саня способный парнишка.

От папы. Он все со своей ногой возится. Его болезнь меня сильно беспокоит. Побольше утешения и ласки требуют и его раздраженные нервы. Я делаю все возможное. Бедный папочка!

Из редакции газеты "Советский воин" за подписью зам. ответственного редактора подполковника З. Грек. "Ваши стихотворения потеряли всякую актуальность", - пишет он.

Конечно, если бы они продержали их под сукном еще месяц-другой, то они совсем устарели бы. Я напишу ему об этом, когда создам что-либо новое.

09.07.1944

Наконец-то свершилось долгожданное - ушел из стрелковой роты и, надо думать, никогда в нее не возвращусь.

Отправил письма в горисполком Днепропетровска, Оле и дяде Люсе.

Сегодня узнал, что Заборцев ранен тремя разрывными пулями в ногу.

Вчера был партактив, на котором выступил капитан Пичугин

и критиковал меня за то, что я не имел конспекта. Он не знает, или вернее, не хочет знать, как я провел занятия по политподготовке. Тема: "Успехи наших союзников". Парировать его обвинение мне не дали, под предлогом подведения черты прениям. Я об этом говорил майору Суслину после собрания.

Вечером. Резерв. Здесь хорошо, времени вдосталь, не гоняют, и вообще в тысячу раз лучше, чем я предполагал. Одно только плохо, что из числа нашего назначают оперативным дежурным ежедневно одного человека.

Писем никому не писал, хотя давно пора.

На фронте большие события. Один за другим возвращаются в семью народов СССР все новые и новые земли и города. За границей тоже успехи. А я и стихов не пишу.

"Кировец" опубликовал мое стихотворение "Миномет", но при этом изменил название на "Мой миномет" и допустил, помимо неудачных исправлений в тексте, грубейшую ошибку: вместо "удостоен" написав "удостоин". Я возмущен до предела. Но ответ еще не написал - все нет времени: едва соберусь - что-либо мешает. Сейчас займусь письмом Щетинину непосредственно.

Уважаемый товарищ майор Щетинин!

С удовлетворением констатируя исполнение Вашего обещания опубликовать на страницах "Кировца" мои стихи, я, однако, должен передать Вам, что возмущен допущенной в тексте грамматической и некоторыми ошибками стилистического характера, сделанными правщиком при замене первоначального текста иным, ничего общего не имеющего с моим.

Соглашаясь еще с изменением заглавия, я никак не могу согласиться что слово "удостоен" пишется как "удостоин", а предпоследний стих:

Я миномет до блеска чищу
И он послушен, как живой
Приятно мне как мины свищут
Когда врага в раздумье ищут

Так высоко над головой... - выиграет, если его заменить оригиналом:

Я миномет до блеска чищу
И он послушен, как живой
Приятно мне как мины свищут
Они врага везде отыщут
И на земле и под землей.

Во втором стихе, выпустив выражение "неустрашимые обое", правщики нарушили строение стихотворения - размер, а также ослабили мысль автора о неразрывности дружбы и силы миномета и минометчика. Я, конечно, не сомневаюсь, что Вы

учтете мои замечания, особенно в отношении слова "удостоин", и что сотрудники Вашей газеты будут впредь внимательней относиться к подаваемому на страницах "Кировца" материалу. Надеюсь, что Вы не обидитесь на некоторую резкость моего письма и не поймете меня в превратном смысле. Руководствуясь интересами своего стихотворения и нашей общей с Вами дивизионной газеты, я не мог не написать Вам этого письма, которое, на мой взгляд, должно послужить на пользу общему делу. Примите от меня, товарищ майор, в заключение этих строк, заверение в моем уважении к Вам и сотрудникам редакции "Кировца".

С приветом и наилучшими пожеланиями. Жду ответа.

Гвардии лейтенант Владимир Гельфанд.

17.07.1944

Дежурю в оперотделе. Помдеж - капитан Щинов. Но фактически всю работу дежурного я выполняю сам, так как Щинов очень занят штабной работой - он один остался на оперотдел. Телефонистки-девушки есть хорошенькие, поэтому я увлекся работой. Вначале я немного робел от мысли быть дежурным, но потом настолько привык, что свободно говорил с Армией, с представителями опергрупп и др.

Начальник штаба полковник *** часто сюда заходит. Капитан Щинов доверил мне всю работу в отношении запросов, сводок, донесений от полков и передачи их в Армию: мы сейчас подчиняемся непосредственно ей. Передача приказаний лично командирам полков, прием от них сводок и обстановки - все это было мною выполнено, к радости и торжеству моему.

Щинов рассказывает, что его семь раз исключали из школы. Как я теперь жалею, что только раз, да и то на несколько дней меня исключили из школы. Лучше бы я был в детстве и юности босяком и хулиганом, нежели таким нерешительным в любви и жизни человеком, как теперь.

23.07.1944

Мои любовные похождения не блещут удачей и не таят в себе ничего привлекательного, за исключением, я бы сказал, элемента приключенчества.

Еще в первый день прибытия в резерв ***

25.07.1944

Начинаю снова все сначала. 902 полк. Сегодня меня направили из резерва в первый стрелковый батальон этого полка. Посмотрю, постараюсь быть посерьезнее. От людей стану скрывать свои мысли и намерения, как учил Чернявский, до того, пока сам хорошо не узнаю характер и натуру людей.

По совету Чернявского решил сегодня знакомиться с

помощью записки.

27.07.1944

Рота, куда я прибыл, не полностью укомплектована. Имеется здесь два взвода, но и те насчитывают по 3-6 человек, а в них по два расчета. Командиры взводов мне хорошо знакомы (как и я им). Лейтенант Филатов, с которым мы вместе учились, и лейтенант Бархударов, с которым мы познакомились на сборах командиров взводов, а после на партсеминаре. Командира роты я, правда, не знаю, но он показывается мне сейчас, на первый взгляд, неплохим человеком. В нем много серьезности, замкнутости. Но он много разговаривает, если это касается деловых вопросов. Вообще, в этой роте жить будет неплохо, надо только ни на минуту не терять равновесия и быть серьезным, серьезным и еще раз серьезным. Надо учиться, военное дело совершенствовать, чтобы в знаниях не отставать и не быть ниже остальных командиров взводов.

Литературу не забываю и не думаю. Времени мало - оно уходит большей частью на перекладывание старых бумаг и просмотр их.

С бойцами еще не ознакомился. Взвода мне сейчас не дают, поработать поэтому придется в роте. Конечно, придется. А раз работать, то и знакомиться. Сегодня ночью дежурю по роте как-раз.

Письма написал вчера во все концы с сообщением своего нового адреса. Много придется волокиты перенести и трудностей, прежде чем я начну получать свои письма из Девятки, а там уже большое скопление их имеется.

От Бебы получил письмо. Это последнее письмо, полученное в Девятке. Она упрекает меня в нежелании писать и понуждает каяться в грехах, пробудив угрызения совести. Все это, конечно, напрасно. Совесть у меня есть, но только не для того, чтобы служить для бесплодных покаяний. Но в данном случае совесть у меня исключительно чиста, так что она напрасно обвиняет меня. Я немедля ответил на это письмо и собираюсь написать другое, более подробное.

Характерен тон письма, постепенно снижающийся у нее в корреспонденции. Первое письмо было более нежно написано, и в самом заголовке заключалась интонация всего письма: "Милый Вовочка!". Во втором, уже безо всяких оговорок, "Милый Вова!", а в третьем - без всяких нежностей и прочей мишуры: "Володя!"

29.07.1944

НП - наблюдателем. Скучно. Жара невыносимая. Впереди великолепная картина Днестровского ландшафта: гладь реки, зелень берегов и земных просторов. Позади Григориополь, а в

НП - мухи, мухи, мухи, заедающие, как шакалики маленькие. Они до того теперь обнаглели, что не боятся когда их отгоняешь - лезут прямо в руки, в рот, в сапоги и везде, куда только можно пробраться с их крохотным тельцем. Берешь их за ноги, за крылышки - они барахтаются в руках. Отпустишь - не улетают, пока насильно не прогонишь. Мелькают перед глазами, жужжат, до одури беспокоят.

Палец тоже действует на нервы. Его красный, безногтный конец раздражает взор, и хотя почти совсем не чувствуется боль, но тоска какая-то вкрадывается в душу от одного вида изувеченного его.

Противник методически обстреливает Григориополь. Вот уже снарядов 20 он выпустил, но продолжает со звериной тупостью метать снова. Впереди никто не показывается. Бинокль тоже не видит немцев. Вообще, место для наблюдения очень неудобное: земля сыплется со стен блиндажика, сектор наблюдения узок.

Вчера на город налетала вражеская авиация и побросала мелкие бомбы. Ранило военфельдшера. Хороший парень был - шутник, и у него была интересная книга "Записки проститутки".

Писем не получаю, но пишу много.

31.07.1944

Был в Девятке 30 числа. Одно письмо получил, да и то не в ПСД, а от почтальона 3 с.б. Симпатичный старичок. Пишет понемногу. Вот он-то и сохраняет, и вручает бережно мне всю попадающую к нему корреспонденцию.

В полку меня встретили безразлично и неприветливо.

***вечером, перед уходом, я зашел к комбату за разрешением. Мне указали на дверь, которая была слегка приоткрыта. Едва я зашел в дверь, которую считал коридорной, как ставня отворилась. Сестра комбата открыла ее, и я застал комбата и Фигириту в постели. Бесстыдная кошка - она лежала раздетая, полуголая и даже не попыталась прикрыться одеялом. Я попал, по крайней мере мне так показалось, в неловкое положение, и хотя поздно, но попросил разрешение (уже будучи в квартире) войти. Комбат разрешил. Я изложил ему свое дело. Он опять разрешил, предварительно сказав, что этот вопрос можно было урегулировать и без него.

Я ему сильно помешал. И потому я страшно испугался, когда за мной пришли на НП и передали приказание прийти на КП 2 стрелковой роты. Ужасного ничего не случилось: вызывал не комбат, и вызывали меня по другому поводу.

А вообще, закон счастья и благополучия на войне - бойся ссоры и неприязни начальства.

02.08.1944

Сегодня опять был на НП. Написал письма всем своим основным адресатам. Но мне письма не ходят, а если и бывают, то очень редко и нерегулярно. Сегодня ни одного, а вчера 10.

Сильно кусают блохи.

Вчера напился крепко. Днем спал, а в ночное время, до рассвета, никак не мог уснуть.

Наши войска (из газет я узнал) успешно продвигаются, режут и окружают вражеские силы.

Эстония и восточная часть Латвии накануне изоляции от остальной оккупации Германской территории. Остальная часть Латвии и северо-западная часть Литвы - тоже накануне. Пруссии грозит та же участь.

04.08.1944

Сегодня прибыл старший лейтенант. Приехал с орденом "Красной Звезды". Хотя он здесь совсем недавно и еще не участвовал в наступлении - орден ему вручили, очевидно, в дивизии.

Старший лейтенант мне не доверяет и, наверное, опасается меня - дело рук Филатова - ибо скрывает от меня все секреты. Вот и сейчас - он, зайдя в ленкомнату, сказал: "Остаются Бурлаков и Филатов". Я вынужден был уйти вместе с младшим лейтенантом и другими людьми-бойцами, бывшими в ленкомнате. Мне весьма непонятно такое ко мне отношение. Ведь я только первые дни здесь и меня никто не знает. Лучше бы он меня выругал, если ругал обоих, но оставил с ними. Ведь он разделяет меня и их. Мне странно. Мне досадно. Но я бессилен что-либо изменить. Остается молчать и терпеть, смотреть, что из этого получится в дальнейшем. Но бойцы очень чуткий и внимательный народ: они уже видят это отношение и начинают не уважать меня - а это самое пагубное на фронте для командира.

05.08.1944

Только что получил 8 писем. Самое дорогое - от Нины (с фотографией и ласковыми словами). Грамотное письмо, если не считать отдельных срывов. Она, хотя и кончила 8 классов, а пишет красивей (я имею в виду красоту слога), нежели студентки институтов, даже самые грамотные. Я буквально разочаровываюсь в них - девушках, которых я считал более своего развитыми и способными до начала переписки с каждой.

Софа Рабина - отличница в литературе, всегда обладала ясностью мысли и свежестью ума. И теперь она, студентка филологического института (3 курса!) закатала мне такую философскую стряпню, что еле-еле, при всей внимательности моей к письму, я мало чего разобрал в нем. О стихах говорить не буду - они, конечно, хлипки у нее, но здесь ее винить нельзя. А

мыслью письменной владеет она слабовато, по сравнению с другими моими адресатами.

Еще хуже обстоит дело с Бусей Кац. Эта надоела своими предметами, которые она проходит в институте. Ничуть не интересно.

Это о лучших письмах. Что же говорить тогда об Ане Короткиной и Тине Лахтионовой?! Первая от начала до конца неинтересна. Какие-то общие, заученные фразы за абсолютным отсутствием живой души и мыслящего человека в ее письмах. Точно попка она повторяет все, что уже всеми и везде подхвачено, и от этого ее письма производят впечатление касторки, от которой ужасно хочется рвать. Вторая безграмотна и ничуть не уступает первой.

Мама пишет, очевидно, впервые из Днепропетровска. Второе ее письмо я получил раньше этого. Все мои хлопоты - "глас вопиющего". До сих пор мама без квартиры. Это просто из рук выходящее явление. Хуже смерти не могу выносить своего бессилия в каком-либо вопросе. Не верю, чтобы нельзя было помочь маме, хотя она абсолютно со мной не считается и не хочет понять моего положения. Я просто теряюсь - за что раньше браться?

Литературу почти оставил. Стихи не пишу. В газетах не печатаюсь - мечты и клятва в душе - дать о себе знать врагам моим в газетах, в литературе бесплодны и преждевременны.

В войне фиаско за фиаско. Орденов нет. Даже медалей, хотя бы за Сталинград. Репутации нет. Снова фактически начинаю вступать в жизнь, испытывая на себе подозрения и неискренность со стороны начальства. Почва под ногами шатка и ухабиста.

Любви тоже нет. Странно, но до сих пор, за свои 21 с половиной года, я даже не поцеловал, не взял под руки ни одной девушки (кроме Оли), не говоря уже о другом, чем хвалятся многие, даже на несколько лет моложе меня. Робость, трепетность души и идеальность любви и чувств - вот они, губящие мою жизнь вещи. Жизнь пошла, в ней нет настоящей любви, стремлений, взаимоотношений между людьми, в ней слишком много подлости, коварства, злобы, и они-то преобладают во всем. Вот что я понял, вот чему меня научила жизнь и война.

От папы и тети Ани по одному письму. Ничего особенного в них нет, но они, эти письма, приятны мне.

Семь писем отправил только что (писал еще вчера): Оле, Бусе, матери Селивестровой, Ане Л., Сане, дяде Люсе, дяде Жоржу. Позже буду отвечать на новые письма, а сейчас стану выполнять поручение хозяина по сбору фруктов, ведь сегодня мы

отчаливаем во второй эшелон, а там фруктов не будет.

3 часа дня. Только что выяснилось - уходим на плацдарм для прорыва. Наше направление, основное на всем протяжении Днестра - Кишиневское, поэтому и положение серьезное на том участке, куда мы сегодня пойдем. Но я рад этому. Люблю, когда события меняются и переплетаются важными моментами, уводя из застоя и однообразия. Воевать так воевать - пусть жизнь в опасности и нервы в напряжении - но это ведь замечательно! - а остальное возлагаю на судьбу - она, да сохранит мне жизнь и здоровье!

Старший лейтенант Семенов недоволен - я не выполнил его поручение фрукты не нарвали и сейчас мы уходим. Но меня он не ругал - старшину; зато сам я ругал себя больше.

06.08.1944

Вчера вечером получил еще два письма. От мамы и от Ани Лифшиц.

Мама опять пишет, что с квартирой у нее не улажено. Вещей тоже ей не отдают. Ведь это просто страшно и странно: собственных вещей не хотят отдавать случайно поселившиеся в квартире люди! Работы опять же нет у мамы. Просит моей помощи. Но что же я могу еще сделать? Напишу гневные, угрожающие письма всем, кто мешает моей маме жить, как должно жить матери фронтовика.

О Тамаре Лаврентьевой мама обещает узнать, но не сразу. Спрашивает, почему я ей не пишу о своих наградах - "девочки все говорят, что я имею орден!". Откуда они взяли? Но обида сердечная гложет мое сердце: у других уже вся грудь в орденах и медалях. А разве все награжденные герои? Или хотя бы смелые люди? Сколько трусов и мерзавцев с орденами ходит! Некоторые фронта не видели, но характер у них таков, что они понравились начальству. Вот и ордена! Милые, наивные девочки. Им ордена нужны! Но если бы они знали как эти ордена добываются... За деньги, за водку, за хороший, подхалимский подход. Бывает, правда, когда по заслугам наградят человека, но очень редко.

Анино письмо потерял. Она в нем извиняется, что не отвечала и обещает писать теперь часто. Теперь она выехала в Киев работать (?) и просит писать ей туда на главпочтамт. Я письмо едва успел прочесть дорогой, но черт его знает, где утерял. Очень жаль, но ничего не поделаешь.

09.08.1944

Сегодня дежурный по батальону. Дежурство мое, как и все на свете с чем я сталкиваюсь, знаменательно.

Утром, после завтрака, батальон выстроили, и я докладывал комбату Розпаданову, а когда батальон ушел, мне довелось

встретиться с рядом весьма ответственных лиц. Первым появился во вверенном мне районе, командир полка майор Линев. Затем майор Ладышников, потом замкодива по строевой полковник Веречев и, наконец, на машине полковник какой-то из корпуса. Всем им докладывал, и все они делали замечания, непременно находя недостатки в подразделении. Особенно ругались за ящики с минами, оставленные невкопанными в землю, и за людей тоже, оставшихся (или я бы сказал, не успевших скрыться от взоров придирчивых) в расположении батальона.

Начальник штаба заставил меня переписать всех пойманных, как с, так и без уважительной причины. Я постарался вполовину ошибиться, но и в этом случае набралось 32 человека. Во втором батальоне таких людей было 40. Я рад был в душе, что у нас "оказалось" меньше.

Когда пришел комполка, и я узнал об этом - мне случилось бриться; довелось бросить бритье на середине. Затылок так и остался недоработанным.

Особенно много хлопот доставил неожиданный случай с полковником в посадке - он укололся о кустарник, и на щеке у него выступила кровь. Пришлось поднять на ноги и военфельдшера, и санинструктора, для оказания помощи высокому лицу.

10.08.1944

Наконец-то сегодня уходим на плацдарм. Безумно надоело здесь. Мы - на пароме, другие батальоны - по мосту.

Писем нет уже много дней.

Вчера смотрел кино "Кутузов", позавчера "Два бойца". Оба фильма удались. Первый сильнее по тематике, второй - по своей исторической значимости.

На фильмах, в числе других девушек из штаба дивизии, была и Галя, но я решил с ней не разговаривать из гордости и обиды за такой ответ.

11.08.1944

На плацдарме. В саду, перед выходом на участок обороны.

С утра читал книгу Горького о Толстом, Чехове, Короленко. Эта небольшая, красивая суждениями и простотой книга произвела на меня сильное впечатление. Хорошо сказано в ней о великих писателях прошлого, с которыми Горький был в близких отношениях. Но еще лучше в ней показан сам автор грубоватый и крепкий, испытавший трудности жизни, но упрочивший на пути своем замечательную, тонкую впечатлительность в себе, знание людей и их характеров, умение понимать их мысли, настроения.

Я вторично читаю эту книгу, но кажется мне, что еще не раз буду ее читать впредь.

Налет авиации. Рокот моторов, выстрелы зениток и пулеметов. Обстрел вражескими орудиями территории плацдарма.

"Воздух, воздух!" - волнуются и шумят люди, а мне все равно, я еще под впечатлением прочитанного. Бомбежка где-то недалеко справа.

Улетели. Все стихло. Зенитчики молодцом поработали.

Трижды прилетали самолеты.

12.08.1944

Плацдарм. Балка у самого Днестра - здесь наша огневая.

Бессарабия... Первые шаги по бессарабской земле. Как интересно здесь загибает Днестр. Получается, что враг у нас спереди, справа, слева плацдарм ведь. И, наконец, сзади тоже враг. Один только узенький участок сзади слева чист от неприятельских огней-ракет.

16.08.1944

Метрах в пятидесяти сзади КП 1 роты. Сюда меня направил Семенов с расчетом из трех человек. Место хорошее. Главное - свобода! Нет начальства, никого нет, кто бы указывал и командовал мною. Живу один с бойцами, целиком и самостоятельно распоряжаясь своим временем и действиями. Одно плохо: близко от передовой (100 метров). Опасно. Нужно очень бдительно нести службу часовым.

Обстрел позиций весьма интенсивен.

19.08.1944

В прошлый раз действовать не пришлось, и ночью мы вернулись обратно в роту. На позиции оставили 7 мин, глубоко отрытые (2 метра) щели.

Вчера, однако, я вновь получил задачу и был направлен сюда с расчетом из трех человек, что был со мной и раньше. Фамилии и характеры каждого я хорошо успел изучить.

Миха - командир расчета, наиболее уравновешенный и спокойный, исполнительный красноармеец.

Шаповалов - норовистый, как молоденький жеребец, которого все время хотят и не могут оседлать. Но я наблюдал его при артналете и убедился, что он крепко любит жизнь, и ни за что не согласился бы с ней расстаться. А накануне он говорил мне, что пойдет (я посылал его в роту) днем поверху ходов сообщений - так сильно они ему надоели. Тогда я еще подумал о нем, что он способен на такое безумство, но теперь я твердо уверен в обратном.

Третий - Мартынов, встретив спокойное и чуткое отношение ко всем им с моей стороны, решил даже грубить мне и нахальничать, полагая, что это сойдет безнаказанно.

Все они очень обозлены на комсостав тем, что тот не интересуется их нуждами и запросами, и решили в лице Мартынова выместить на мне всю свою злобу. Но я дал понять, что они меня не за того принимают. Да, я добр, вежлив с бойцами, но если нужно я могу быть строгим. Они это поняли и теперь между нами дружеские отношения.

Накануне ухода сюда я получил письма от Бебы, Ани Короткиной и два от папы. Я не смог их сразу прочесть. Только сегодня. О них пойдет речь позже.

Направляя меня сюда, командир роты упомянул о награде. Запретил делать пристрелку, запретил стрелять в артподготовку - только когда все стихнет и будет появляться противник, или если противник будет контратаковать. Обещал сто мин, но на деле я получил их меньше. Вместе с семью спрятанными, здесь их общее количество 97 штук.

Прорыли ниши для мин и гранат, установили миномет, зарядили мины, приготовились. Поставил часового, остальным решил дать отдохнуть до рассвета. Было два часа ночи. Сам я долго не мог заснуть, и только когда утренняя дымка стала постепенно рассеивать ночную мглу, меня разбудили первые выстрелы артиллерии - задремал. Отдал распоряжение бойцам быть наготове. Наблюдение нельзя было вести: землю обволок в окружности густой белый туман.

Артподготовка была непродолжительной и с большими интервалами, потом началась сильная ружейно-пулеметная трескотня. 20 минут и все стихло.

Я начал стрелять по немецким траншеям, предполагая, что наши туда не дошли. Мины ложились хорошо. Одна, правда, упала в воду. Стрелял на километровую дистанцию, а на деле казалось, что до траншей немецких 700-800 метров.

Замкомбат Каратаев ставя ночью задачу мне, говорил, что туда всего 300-400 метров. Он-то совсем ошибся и хорошо, что я его не послушался.

Мин 20 выпустил. Оставил стрельбу, решил выяснить обстановку. Она оказалась плачевной. Артподготовка только сорвала операцию. Пехота уже была возле траншей. Немцы ничего не ожидали и стреляли вверх. Стоны раненных своей же артиллерией всполошили немцев, и они открыли крепкий огонь, сначала ружейно-пулеметный, затем артиллерийский. Этот особенно силен был над нашей ОП. Все содрогалось от разрывов. Саперы по неопытности пустили дымовую завесу при встречном ветре, и он отнес запах химии в нашу сторону. Кто-то из бойцов сказал, что газы. Я поддержал это мнение для того, чтобы на случай обвала стенок, готовых при разрывах снарядов и мин вот-вот обрушиться на нас, мы могли дышать под толстым слоем земли. Осыпались стенки, валились целые куски глины нам на спины. Мы же лежали один на одном в противогазах, в касках, готовые принять все, что только способна была нам преподнести злополучная судьба. А она играла нами, прислушивалась, как замирают наши сердца при выстрелах, как стучат и вздрагивают при разрыве, при визге разлетающихся осколков.

Самое тоскливое на войне, самое кошмарное в момент боя - сидеть в окопе, в щели, наблюдать дым от градом разрывающихся снарядов, чувствовать дыхание земли, запах гари, и ощущать неровное сердцебиение в своей груди. На воле, в бою, в момент схватки с противником, забываешь и страх, и опасность, и никогда не испытываешь такого неприятного ощущения, как сидя на одном месте, в бездействии, проникнувшись навязчивой мыслью о неудобном соседстве с кромешным адом смертельно злых и беспощадных ***

От роты осталось человек 30. Было 70. Два командира взводов убиты, один ранен. Я присутствовал, когда они получали задачу. Те, что убиты лейтенанты-узбеки или калмыки, были бледны, и на их лице я прочитал смертельную тень мертвецов. Я испугался при взгляде на безразлично-мертвенное лицо одного и на его ровные, безжизненные ответы, на торопливо-неровные расспросы другого и испуганное движение глаз и понял, что им не жить. Мне хотелось тогда закричать, остановить, пожать им руки и успокоить перед боем их сердца, но я не посмел этого сделать, ведь не ребенок же я. Младший лейтенант отвечал бойко, чуть испуганно, но уверенно, и в его словах чувствовалась жизнь и способность за нее бороться. Не знаю, жив ли он, но, кажется, здравствует.

Третьего командира взвода, младшего лейтенанта Елисеева, я

не видел перед боем.

Видел раненных. Они возмущались артподготовкой и во всем винили этого "бога войны". Да, сегодня бог артиллерии был немилостив к людям и отсюда результаты, возможно. Я, конечно, понимаю, что здесь преувеличение, но доля истины, большая доля чувствуется в показаниях пехотинцев.

Много оружия осталось на поле боя. Пехотинцы, оставшиеся в живых, проявляли большой героизм. Одного такого героя, который, очевидно, так и останется безвестным и не награжденным, я видел сегодня. Он был ранен в обе руки, но раненными руками перевязывал других раненных (не было санитаров), вынес этими же руками 10 автоматов и одиннадцатый свой. Больше у него не хватило сил, и когда я встретил его - он истекал кровью.

20.08.1944

Оказывается, пехота сама подлезла под артогонь, раньше времени начав наступление, а саперы не разминировав минное поле, отделяющее противника, ушли. Петрусян мне рассказывал, что он сам разминировал большой участок у окопов противника. Первая линия ходов сообщения оказалась ложной - вырытой на пол штыка. Вторая была значительно дальше и обе разделяла сеть проволочных заграждений и минное поле. Часть людей подорвалась на минах, часть погибла от нашего артогня. Противник не стрелял, и если бы согласованные и правильные действия пехоты и артиллерии с саперами, можно было бы удачно завершить операцию.

Язык мой - враг мой! Совершил огромную глупость. Читал Пугачу дневник в присутствии бойцов. Особенно в присутствии Тарнавского. Это исключительно подлый, коварный и нахальный человек. Мне теперь придется бояться его и добиваться расположения, но я знаю, что никогда не пойду на это и при первом же выговоре ему или взыскании, он постарается меня угробить путем доноса о непозволительных записях в дневнике.

Это может повлечь за собой отнятие у меня (конфискацию) дневников и даже больше. Вот почему я хочу начать новый дневник.

Вот так из-за какого-то подлеца можно пострадать невинно. Кто его знает, что могут приписать мне за этот дневник, возможно даже позабыв о моей жизни, о моей честной службе в Красной Армии и беззаветной преданности Сталину и правительству, советскому народу. Ведь я еврей, и этого никогда не забываю, хотя абсолютно не знаю еврейского языка, а русский мне является самым близким и дорогим на свете. Я, конечно, буду изучать и другие, особенно основные западноевропейские,

но тем не менее - русский язык останется для меня родным языком. Советская власть, и в первую очередь Сталин и партия, стерли грань между национальностями и народами, и потому я обязан им всей своей жизнью и старанием, не говоря уже о другом, за что я так люблю и беззаветно предан СССР и ВКП(б).

Дежурю по роте. Ночь, темная, глубокая. Ребята хорошо несут службу. Враг не пройдет! Гул орудий, самолетов, ружейно-пулеметная перестрелка впечатление рубки мяса секачом - Чак! Чак-чак! Чак-чак-чак!

Где-то на других плацдармах и участках фронта бои сильнее, чем здесь.

Собираюсь написать много писем. 5 писем получил вчера-позавчера и еще не ответил. На новый адрес мне уже пришли письма от Нины К. и Ани Л. От Б. Койфман получил письмо. Легко, свежо пишет, но с ветерком холодным. Рассказывает о своем желании и цели переехать в Днепропетровск, а пока едет в Молотов в мединститут.

О Жене Максимович: "Между прочим, знаешь ли ты, что у нее есть уже сынок?", и дальше: "Вот молодец! Я хвалю ее за храбрость!" Интересно, есть ли у Жени муж? Очевидно, Берта тоже несмелая, как и я, в разбираемом вопросе, иначе бы она не назвала это все храбростью.

21.08.1944

Хозяин спрашивал относительно дневника. Потребовал его у меня. Я дал ему, но он, конечно, ничего в нем не нашел предосудительного. Те записи я уничтожил. Жалко их, но ничего не поделаешь.

Кажется, сама жизнь препятствует моему желанию писать. Но я буду, хотя может не так подробно, продолжать ведение дневника.

Написал сегодня много писем. Утром получил два: от тети Любы и А. Короткиной. Ответил обеим. Аня К. скоро совсем обезумеет. Странное дело, как можно не видя в лицо, ни на фотографии человека, увлечься им только по одним буквам письма. Но может у дяди Сени была фотография и он показал ей? Не знаю.

22.08.1944

Немец зол: весь день бросает снаряды кругом нашей балки. Но в балку ни-ни! Как-будто это для них запретная зона. Мины тоже пролетают прочь отсюда, оставляя за собой лишь неприятное шипение. Видно подвезли снаряды проклятым врагам, а может они последние выбрасывают перед отходом? Дай бог! Ведь говорят, что Бендеры пали, перешли в наши руки. Действительно, с левого фланга и на противоположном

плацдарме ожесточенные бои длятся вот уже несколько дней подряд и днем и ночью, с участием "Катюш" и авиации. Только у нас сравнительно тихо.

Определенно фриц играет отходную. Это хорошо, но и плохо: пострадает село, которое он беспощадно избивает снарядами, на той стороне - в Молдавии, но близко от нашей ОП.

23.08.1944

5 часов утра. Началась война. Фриц, по-моему, драпанул, хотя Пугач еще докладывает по телефону, что бросает гранаты.

Только что с передовой. Тишина. Ни одного выстрела. Ночью до самого раннего рассвета он стрелял, враг, и подрывал свои противотанковые мины, стрелял из винтовок и автоматов, бросал ракеты. Утром все это стихло. Я нарочно пошел по брустверу на передке - не стреляет.

Ну, вот новость! Второй батальон уже село занял, а здесь не верят...

Что я делал на передовой? - корректировал, но огня наша рота не вела. Да и разве можно корректировать огнем ночью? По совету Пугача лег отдыхать до второй половины ночи с двух часов.

Говорят, заняты Бендеры и Яссы, а еще говорят, что на нашем участке соседи взяли 5 или 6 тысяч немцев в плен.

Писем не получил, хотя отправил вчера пять во все концы: Ярославль, Калинин, Одесса, Днепропетровск, Дербент...

Село Бытпарешты. Стоп! Заминировано! Обоз стал. Я двигаюсь с минометными повозками в середине обоза. Саперы занялись очищением дороги. Все противопехотные мины сняты - тронулись. Впереди артиллерия - 2 пушки, за ними двуколка со связью и затем весь обоз.

Вдруг взрыв. Большой силы. Движение прекратилось. Все бросились ближе туда, пошел и я. Оказалось, что подорвалась повозка со связью. Две лошади ранило, ездового контузило и он без памяти. Артиллеристы проскочили.

Стали разминировать и выяснилось, что поверх противотанковых немцы положили противопехотные мины. Противопехотные только и сумели обнаружить противотанковые были глубоко заложены, имели помимо основного боевой взрыватель, и сила взрыва от этого увеличивалась.

Долго пришлось щупать и ковырять дорогу, пока она стала безопасной. Обоз тронулся.

24.08.1944

Село Трейсте. За ним, на западной окраине, возле села Броска догнал своих минометчиков. Единственный раз ехал тогда на повозке, да и то не всю дорогу. Сильно устал и едва тяну ноги.

Мозоли и натертости, бессонница, но настроение бодрое - ведь каждый шаг - на запад, пусть трудный, тернистый, приближает окончание войны. Это утешает и поддерживает.

Бытпарешты, Броска, Синджары, Бичай, Приесте - все села позади маршрута.

Зреет виноград. Уже сладкий, но, тем не менее, набил себе оскому им. Арбуз тоже попробовал, еще зеленый, но сочный. Изо всех овощей и фруктов самое любимое кушанье мое - арбуз.

Почты нет. Газет - со вчерашнего дня, писем - с позавчерашнего.

26.08.1944

Под Котовском. Здесь окружили группировку противника - 12 дивизий! Нам предстоит ее ликвидация. Другие части ушли далеко на запад от этого места и уже находятся в Румынии.

После трудного, двадцатидвухкилометрового перехода, хорошо отдохнули. Побрились за пол месяца впервые. Все некогда было - писанина заедала.

Вчера не писал писем, а сегодня получил сразу 6: четыре утром и два сейчас. Одно - дорогое - от Нади Викторовской. Люблю ее письма, хотя всего два получил. От Ани К. - три, но она надоела, и ее письма служат лишь незначительным утешением, когда совсем ни от кого не получаю.

27.08.1944

Поистине события опережают воображение. Вчера Румыния вышла из войны. Сегодня она уже воюет со своей бывшей "союзницей" - Германией, и даже посылает делегацию в Москву с заверением о предоставлении нам своей территории транспорта и отдаче всех пленных... Словом, полный политический поворот на 180?.

Болгария изгоняет немцев из своей территории - и вдруг заявляет о своем полном нейтралитете.

А наши войска все дальше идут на запад, уничтожая и беря в плен все новые и новые вражеские дивизии и полки. Румыны сдаются дивизиями без боя. Во Франции очищаются патриотами крупнейшие города - Лион, Дижон, Троес, часть Парижа и другие, а союзники захватывают и очищают от неприятеля целые районы и области на французской земле. Почти вся Франция изрезана и посечена войсками наших союзников. В разных местах французской территории, в разных уголках страны немцы бессильны что-либо предпринять во имя удержания своего плацдарма. Так бы я охарактеризовал сейчас позицию немцев во Франции.

Италия наполовину в руках союзников, как и Югославия. Положение в другой, даже еще более катастрофичное для немцев,

чем во Франции, хотя значение Югославии несравнимо менее велико.

С востока наши войска вплотную подошли к Пруссии, а на западе союзникам предстоит еще один сильный рывок, и кто знает, как далеко они сумеют продвинуться, может и до Берлина?! Событий ход сейчас трудно предугадать. Но факт очевиден - слова Сталина, что наш удар совпал с ударом по врагу наших союзников, сбываются как нельзя лучше. А так же и те его предсказания, которые характеризуют союзников Гитлера как очень ненадежный материал помощи нашим врагам.

Сейчас буду отвечать на письма.

По дороге мимо нас проезжают бесконечные вереницы бессарабцев: брички, груженные барахлом, черные причудливые одеяния, сказочные шляпы и босые ноги - все это напоминает старые картинки из детских книжек или школьных учебников истории. Цыгане! У Пушкина хорошо сказано: "Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют". Но сейчас последние слова не подходят - бессарабцы возвращаются домой.

Непрерывным потоком еще со вчерашнего дня движутся мимо пленные немцы. По шоссе. Колона за колонной. По 4 человека. Вот и сейчас сереет их темная масса, равномерно движущихся фигур. Полк. Нет, больше - дивизия, и конца краю нет этому шествию обанкротившихся вконец ненавистных фрицев.

Идут изнуренные, жалкие, пугливые - это еще терпимо, но... русские! Трудно выдержать, чтобы не закричать: свои люди - предатели!

- Из Ярославля никого здесь нет? - спросил один старший сержант из числа зрителей.

- Я из Ярославля - вызывается один из пленных предателей.

- Иди сюда - позвал старший сержант.

И когда тот вышел из строя, он его, со словами "Ну, здравствуй, земляк!", изо всех сил ударил по лицу кулаком. Брызнула кровь, и предатель поспешил спрятаться в середину колонны. Тогда солдаты начали честить весь хвост колонны подряд. Нашли откуда-то и толстого, мордатого калмыка, вытянули и начали бить. Шариком покатился он под ударами многих кулаков, ног, и рубашка его быстро окрасилась кровью. Удивительно, как он ноги унес! А когда он втесался в строй и спрятался за пленного немца, тот в свою очередь, оттолкнул подлеца, указав нам на другого калмыка.

30.08.1944

село Нудьга (Сарота-Галб)

Фронт от нас более 200 километров. Костанца, Галац и

другие крупнейшие румынские города заняты нашими наступающими частями.

Сегодня отчаливаем в обратном направлении. Строго на восток будем идти километров 15. В пять утра - привал. Нас перебрасывают на другой участок.

Получил два письма: от папы и Берты Койфман. Папа о болезнях. Беба намеками говорит о таких вещах, что и предполагать трудно было об этом ранее. Без моих писем она жить буквально не может, ибо... она говорит словами стихотворения, с которыми не согласна. Очень приятное письмо. Удивила она меня. Замечательно удивила. Трепетная радость и удовлетворение пронеслись по моей груди.

31.08.1944

Со старшим лейтенантом Семеновым у меня появились трения еще в самом начале прихода моего в минроту.

Как-то на второй или третий день моего знакомства с минротой Семенова, еще в городе Гргориополе, я вышел в сад, предупредив об этом Бурлакова. Когда я, минут через 15 вернулся в расположение ОП, ротный мне сказал: "Чтоб это было в последний раз - в сад ходить не разрешаю!"

Целыми днями Семенов пьянствовал. На свои вечера-пьянки и веселья он обычно приглашал старших начальников. Изредка, когда мы случайно оказывались к моменту сбора гостей в помещении, где совершалась пьянка, доставалось и нам, ротным офицерам, по стопочке. Но это было в исключительных случаях. Чаще мы сидели вместе с бойцами под окнами помещения, где мы жили в Григориополе, и почти ежевечерне слушали волей-неволей доносившиеся до нас дикие выкрики и песенные визги веселящихся "верхов". Люди маленькие, мы не имели права сказать начальству, особенно своему "хозяину", о том, что игра гармошки, крики и ругань, хорошо слышимые из-за разбитых стекол помещения, доносятся и к фрицам, (враг был от нас в 50-70 метрах по другую сторону Днестра) и они открывали не раз по нам стрельбу. Иногда на "вечерах" присутствовала Катя, и тогда было особо шумно в помещении и за его пределами. Уснуть нельзя было при всем желании, а немец воротил вокруг нас огромными снарядищами и ковырял землю.

Катю легко удавалось напоить, и ее пьяный голос своеобразным визгом смешивался с клокочущими переливами капитана Садукевича. Было весело, но только не очевидцам со стороны.

Однажды, в первую неделю моего пребывания у Семенова, решил и я повеселиться. Бойцы варили Семенову самогон. Я был в саду (несмотря на предупреждение старшего лейтенанта).

Поднесли мне стакан - выпил. Второй боец поднес мне чашку самогона. Долго отказывался, но все же выпил и чашку, доверху наполненную - в голове слегка помутилось. Тогда еще два бойца поднесли мне новую порцию самогона и фруктовую закуску. Я не отказывался больше. Как я вел себя в дальнейшем - не помню. Филатов только рассказывал, что пришел я из сада в каске, сильно улыбаясь, шатаясь, и тотчас завалился спать.

Разбудил меня боец, присланный командиром роты. Я еще не совсем отрезвился тогда, но чувствовал себя легче, когда явился пред ясны очи "хозяина". Обедали.

- Чтоб это было в последний раз. Предупреждаю вас, товарищ лейтенант, пейте, но не напивайтесь! Я, например, пью, вы сами видите, но я никогда пьяным не бываю.

- Это правильно - подтвердил я.

- Я никогда не говорю неправильно - заключил Семенов.

На этом разговор закончился.

Еще много раз старший лейтенант Семенов меня "в последний раз" предупреждал по разным и любым поводам, и я отчетливо чувствовал невозможность свою с ним ужиться при моем характере.

В роте старший лейтенант был не только "хозяином", но и полным тираном: обругать бойца по всем правилам матерщины, нагрубить своему подчиненному или человеку младшему по званию и должности - было плевым делом для него.

Небольшого роста, простоватый, с маленьким лицом и пятачкообразным носом хрюшки, он обладал вечно жестокими глазами, сердитым, нахмуренным взглядом и надменным поведением. Со старшими же начальниками это был милый, улыбающийся, исполнительный, готовый по первому же кивку выполнять любое, предугаданное им желание начальства. Водка - ясно понимал он, - первый источник вдохновения, действующий на всякого влиятельного военного. При помощи этого чудодействующего снадобья он сумел расположить к себе все офицерство полка. Редкий командир, начиная от командира роты, и до... бог ведает до кого, разве что за исключением командиров взводов, не выпивал с ним за одним столом. Бойцы дрожали от его одного взгляда. Вряд ли решился бы кто из нижестоящих, поделиться с ним чем-либо сокровенным. Не раз я видел в разговорах бойцов и младших командиров неприкрытую ненависть к тирану. Боялся и я его взгляда, его надоедливо-злой физиономии. Боялся и не знал, как избавиться от его неуемного гнева. А на днях...

Собрали мы, командиры взводов, деньги, на "что-нибудь покушать". У Семенова денег не было, но мы трое сумели собрать

достаточную сумму. Я лично сдал все свои ресурсы - 100 рублей.

Старшина купил яйца, вино, курицу, огурцы, помидоры, картошку и был приготовлен замечательный обед, но когда дошло до кушанья... пришли два командира батальона, один командир батареи 45 мм., заместители нашего комбата, Катя и еще две девки - одна в чине лейтенанта, другая - солдат. Старший лейтенант пригласил их всех за стол, и началось пиршество, пока, опьянев, все гости не разругались между собой, а мы, виновники обеда, оказались совершенно в стороне и даже не имели возможности покушать. Вот образец отношения к нам.

Вчера на привале, после пятнадцатикилометрового похода, старший лейтенант созвал бойцов в полном боевом. Я пришивал воротничок к гимнастерке, и не будучи оповещенным в необходимости тоже присутствовать, остался на месте. Закончив разговор с бойцами, Семенов позвал меня через связного и "в последний раз предупредил, чтобы этого не было".

- Раз вызываю - должны являться. Не стану же я вас персонально вызывать. Еще раз, учтите, повторится, - заявил он мне на последок - и я вас разжалую.

- Не так-то легко разжаловать - ответил я.

- Что?! - и ушел, а я в душе подумал только о возмутительном нахальстве и подлости этого зверя, и возжелал избавиться от этого проклятущего ига.

Сегодня меня отозвали в батальон. Пропадай моя война и награды - все, что есть у меня желанного в дни наших побед. Опять как дым рассеивается все, но зато - свобода! Как хороша и желанна она теперь!

Расчесываясь, обнаружил у себя седые волосы. Значит, горе и разочарования, особенно в людях, сильно на меня подействовали. Вот чем я обязан войне и фронту.

Хочу ответить Бебе. Ее письмо неожиданно и важно для меня. Смысл письма тонкими намеками завуалирован...

Сейчас отвечать некогда. Серийная ракета - 6 цветов - сбор. Стало быть, трогать будем сейчас.

01.09.1944

Константинешти.

Сейчас уходим отсюда. Маршрут - 25 километров. Движемся на восток. Очевидно, вторично будем переправляться через Днестр в обратном направлении на левый берег, ибо железная дорога работает только по ту сторону Днестра.

03.09.1944

под Тирасполем.

Вчера получил письма от Ольги Михайловны, два от мамы. Сегодня - от Нины Каменовской. На письма ответить некогда.

Едва успеваешь выспаться - "в поход строиться!".

Писать смогу, очевидно, только в поезде. Сегодня еще 30 километров маршрут.

Войска союзников подошли к границам Германии, заняв Верден, вышли на Бельгийскую территорию, а наши, от Дуная до Ч*** - на границу с Болгарией.

05.09.1944

90 километров от Одессы, 46 от Кишинева и 4 от железной дороги села Подкольное.

Прошли Нелешт, Мершени, Нудьга, Чиска, Тирасполь.

Жители называют наш приход вторым фронтом. Все огороды, бахчи, сады приведены в полную негодность, опустошены. Виноградники истреблены на всем пути нашем. Ужас и только. И никто не в силах сладить со славянами. Судят, расстреливают, наказывают, ругают - все бесполезно. Люди одичали на фронте, и постоянная близость смерти сделала всех отчаянными.

Обеденное время. Где-то недалеко слышен гудок паровоза. Как это удивительно и интересно мне, одичавшему жителю фронта. Неужели я буду ехать в поезде сегодня?

Читал о Финляндии. Снова эта политическая хамелеонка запросила у нас мира или хотя бы перемирия. Знать ей поистине теперь "не до жиру". Опять начались переговоры, по всей вероятности, окончательные, предрешающие выход Финляндии из войны. И сам пресловутый палач, и инициатор войны - с нами манерней, и теперь отнекивается от прежней своей политики, и даже заявляет, что не разделяет политики *** Рютч(?)

Но шут с ним. Мы - миролюбивая страна и нам нужен мир. Будущее покажет, как развернутся события.

Вот когда они сбываются, слова т. Сталина о полной изоляции Германии. Одна оккупированная немцами Венгрия не в силах отрешиться от политики сговора с Германией и войны на ее стороне. Однако эти венгры - не хозяева в Венгрии, хотя при желании они могли не допустить до этого еще прежде.

06.09.1944

Финляндия приняла все условия и сейчас между СССР и ней установлено перемирие. Столица Бельгии и крупнейший город Антверпен в руках союзников. Германия падает в пропасть с поразительной, на международной арене, быстротой.

09.09.1944

Вчера заходил в штаб полка поставить печать на расчетную книжку. Там был командир полка майор Лынев. Он спросил, почему я продолжаю носить длинную прическу, а затем произнес: "Так вот: за то, что вы не выполнили моего приказания..." Но я поспешил его перебить, ибо понимал, что он хочет меня наказать.

- Я стригся, товарищ майор, но со времени отдачи вашего приказания, с момента прихода моего в полк, волос опять отрос.

Тогда он оставил свое намерение дать мне взыскание.

- Вы что, писатель? Или вы занимаетесь сочинительством, или просто пробуете писать? - спросил он вдруг и в упор.

- Пробую писать.

- Что же вы пишите?

- Стихи.

- Почитайте нам, я люблю стихи.

И я принялся за чтение. Прочел один, "В Бессарабии".

- Все? - спросил майор - или еще есть?

- Еще есть.

- Тогда читайте.

И я снова читал: "На привале", "В Одессе", "Глаза большие, синие" и другие.

Когда я кончил, он сказал, обращаясь к НША:

- Нужно его использовать для создания истории полка. Я еще раньше говорил, почему не исполнили?! Смотрите! Человек больше месяца шатается без дела в резерве, и мы не можем его с пользой использовать! И затем ко мне:

- Вы что же не пишете о героях полка, о своей части? Вероятно, вы большой лодырь, раз за такое время нахождения в резерве ничего не написали на актуальную тему!

- Я люблю лирику.

- Так вот, теперь придется перейти к сухой прозе.

Вчера ознакомился вечером с состоянием дела. Оказывается, история полка была уже однажды написана. Бурксер сказал, что ему медаль даже дали "За боевые заслуги", отмечая его роль в ее написании.

- Сейчас - информировал меня Бурксер - уже 15 листов этой истории печатается, а остальные почему-то задерживаются в редакции. А ведь я на нее больше чем полтора года трудов положил и ее одобрил политотдел дивизии.

Однако майор только посмеялся, когда я передал ему слова Бурксера:

- "История" забракована, ее нужно переделать.

Назначил мне аудиенцию на 9 часов утра 9 числа, то есть сегодня. Обещал поехать со мной в редакцию.

10.09.1944

История с моей "Историей" слишком запутанна и неблагодарна. Материал неоткуда выкапывать, а имеющийся под рукой далеко недостаточен.

От мамы два письма. Пишет, что жизнь у нее улучшается, и она стала даже получать ежедневно 500 грамм хлеба. Мои письма

подействовали до некоторой степени, однако в редакции местной газеты маму ругали за то, что она мне писала о своем положении, и представитель редакции заявил ей категорически, что квартирный вопрос не его дело и не дело редакции газеты.

Написать снова придется, но уже в другое место. Как они мне все надоели, эти бюрократы-тыловики, дополняющие мои страдания, чинимые мне здесь некоторыми мерзавцами в больших санах.

Ругает меня мама за усы, говорит некрасиво. С каким-то майором познакомить хочет из авиачасти. Спрашивает и о папе. Папа в письмах о маме не раз упоминает. Но почему же они, черт возьми, не хотят возвратиться к совместной жизни, чего ожидают? Пока их за руку не сведешь?

Тетя Люба готовит мне нового братика или сестричку - забеременела Саня сообщает.

Софа Рабина наивничает в письмах, говорит: "Ты, очевидно, не в самом пекле, ибо пишешь чернилами и на хорошей бумаге". Зато у нее "товарищ есть пишет мне на клочках бумаги, грязно и карандашом". Она считает, что он "фронтовик". Что ж, напишу ей на самом паршивом материале, раз она любит романтику и такое направленное представление о фронте. Бестолково пишет, скверно, неграмотно, глупо: "Ты даже не передавай привет девочкам, потому я знаю, что они только посмеются тогда".

13.09.1944

Станция Веселый Кут.

Здесь мы грузимся. Возле самой железной дороги расположена школа семилетка. Преподавательницы - молоденькие, хорошенькие девушки. Мечта, одним словом!

Жаловались на отсутствие у них бумаги - пришлось поделиться с ними моими трофеями. В школе есть свободные классы, в одном из них я и пишу сейчас.

Рядом со школой небольшая хатенка. Я зашел туда, когда там было много офицеров наших. Разговаривали. Молоденькая семнадцатилетняя девчушка восторженно поглядывала на меня. Ее хорошенькое личико нравилось и мне.

Пришел и Тарадзе - нашумел. Девушка говорила, что он очень страшный и у него большие, неестественные глаза.

- Ему хорошо быть артистом. Вам тоже хорошо быть артистом, - сказала она, обращаясь ко мне.

- Почему? - поинтересовался я.

- А потому, - скромно проговорила, опустив ресницы, она, - что на сцене нужно быть красивым, сильным, с большими глазами людям.

Комплимент относился явно ко мне.

Маженов что-то писал за столом. Я снял с него фуражку и примерил на себя. Посмотрел в зеркало.

- Вам любой головной убор идет - сказала девушка - даже, наверно, и платок женский.

Я поблагодарил ее за вторично отпущенный мне комплимент. Маженов отнюдь не был польщен ее отношением со мной. Он поспешил перевести разговор:

- Вам пора выходить замуж, ведь вы уже взрослая, - повернулся он к ней, - как вы терпите?

- Что? - спросила девушка.

- Как вы терпите, ведь вам нужно... пора... - сбился Маженов исполнять ваши естественные потребности.

Она поняла, покраснела и вышла из комнаты. Я сказал ему: "Видел дураков, но такого еще не видел!"

Действительно, пошлость этого глупца не имела границ.

Между тем девушка рассказала все матери и та попросила нас выйти под предлогом своего ухода на работу. Все вышли, только Маженов продолжал сидеть, а Пугач, стрелой вылетев из квартиры, долго продолжал еще ругаться вслух - "видали ли такого дурака!"

Семенов ужасный мерзавец и невежда. Когда я по приказу комбата вошел в вагон, где грузились лошади, и попытался проследить за их погрузкой, он крикнул в присутствии бойцов: "Выйдите вон, выйдите вон!" Такое ничтожество!

Старшина его тоже себе позволяет вольности. Сегодня, например, он вошел в тот-же дом, о котором шла речь выше, и ничего не говоря, стал шарить по комнате: "Где бы поместить больного?" Была хозяйка, мы, наконец, три офицера - я, Пугач, Маженов, а он, безо всякого разрешения и спроса позволил себе хозяйничать в чужом доме. Я попросил его выйти из квартиры, но он стал пререкаться и говорить "Не указывайте мне!"

Ишь ты, какой герой! Даже хозяева и то заметили, что "сколько военных не было на станции, еще никогда не было такого случая, чтобы старшина так разговаривал с офицерами, и чтобы военные в глубоком тылу распоряжались в чужих квартирах".

Тарадзе продолжал чудить. Я зашел в свободный класс, он за мной.

- Вы с какого класса? - спросил я, шутя, его.

Он тоже начал шутить, при том мы сильно шумели. Я, опять-же шутя, сказал:

- Вызывайте своих родителей. Вы нарушаете дисциплину.

Он вышел и привел с собой трех молоденьких учительниц:

- Вот мои мама, тетя и бабушка.

Мы посмеялись. Он, тем временем, шептал на ухо одной из них: "Он хочет завести с вами любовь. Он хочет вас".

Пошел на базар: вино 60 рублей литр. Подошел - ругань: бойцы грозились конфисковать вино за то, что дорого продается. Хозяйка просила пощадить ее и оставить вино. Я спросил: "В чем дело?" Боец, назвавшийся представителем комендатуры и успевший уже проверить документы торговки, предложил: "Вы хоть офицера угостите стаканчиком! Офицеру в первую очередь полагается!"

Продавщица налила шестисотграммовую кружку. Я долго отказывался, но боец настоял на своем. Выпил. Сразу ничего, но потом почувствовал действие напитка.

Сейчас только все прошло и голова освежела, только боль продолжает кружить ее.

Отправил сегодня письма маме, папе, Ольге Михайловне, Софе Р., Ане К.

"Историю" довел лишь до Днепра (от Ново-Петровки). После вторичной обработки неплохо получилось, на мой взгляд.

14.09.1944

Веселый Кут.

Вчера ночью старший адъютант капитан Бондаренко, ошеломил меня:

- По приказу комбата берете пушку!

- Как это пушку, ведь там командир есть?!

- Вас назначает комбат. Бывший командир 45-ой отстранен от командования командиром полка.

Я был страшно удивлен назначением внеочередным, но как дисциплинированный военный только повторил "Есть!"

И вот теперь - на открытой платформе, на передке 45-ой пушки вольно-невольно восседаю.

Предыстория этому следующая. Командир взвода еще вчера утром, перед погрузкой, отправил за сеном парную повозку с двумя бойцами. Ни повозка, ни люди не пришли. Конечно, получился большой скандал. Лейтенант голову потерял в поисках.

Поезд тронулся. Час дня.

Перед взором открылся быстро плывущий навстречу мир. Родина дает смотреть своим бесстрашным защитникам на свои просторы. Как горячо люблю я эти минуты! Навстречу ветру, навстречу судьбе! Вперед, куда бы ни было, но только вперед!

Ехать будем через Котовск. Оттуда, говорят, два пути: на Киев и на Днепропетровск. Оба одинаково приемлемы для меня. Как бы мне хотелось хоть на одну минуту встретиться со своими земляками! Мечты...

Полустанок. Маленькие, замурзанные ребятишки, женщины-железнодорожницы, хата, с отметкой "87" на стене. Вдали стога, целый ряд аккуратно сложенных пирамид спрессованного сена. Небольшая деревушка, чуть-чуть выглядывающая из-за балки, спрятавшей ее. И военные, лошади, повозки...

Поехали. Минуем эшелон, который грузится на параллельном пути. Одинаковые все, что и отличить невозможно. Только офицеры различаются кое-как друг от друга.

На одном из вагонов собралась группа бойцов и офицеров. Капитан, по-видимому, старший из них, отчитывает, виновато опустившего голову, бойца. На другом вагоне группа бойцов обнимает попеременно находящуюся с ними девушку-сержанта. Она с медалью.

Таковы мгновенно возникающие и так же внезапно исчезающие картинки жизни. Глубочайший тыл в дни войны.

Прощай еще один полустанок, снова тронулись. Вклиниваемся в длинную, многорядную вереницу составов, минуем ее и выползаем на широкий простор полей, на гору. Поезд стремительно мчится вперед. Навстречу летят столбы, поля, посадки. Я высоко-высоко на своем пьедестале. Как хорошо лететь так высоко и так воздушно. Со всех сторон, исключая сидение, меня омывает воздух. Он рвет и развевает мне волосы, одежду, мысли. Он поет мне прекрасную песню жизни. Как хорошо и как страшно!

Но вот поезд замедлил ход.

22.09.1944

Несколько писем получил за вчерашний и сегодняшний день. От мамы три. Она благодарит за чуткость и заботу, но пишет, что все мои хлопоты до сих пор не дали результатов. И поныне мама без квартиры, а надвигающаяся зима рисует перед ней плохие перспективы.

Пообещал в своем ответе во что бы то ни стало помочь маме добыть себе жилище.

Из писем маминых становится очевидным, что Оля стала совершенно безразличной ко всему, отупела в своей отчужденности от людей и загрязла в своих личных интересах. Она совершенно не имеет понятия о родственных чувствах и месяцами не видится с мамой. Я поражаюсь переменам в характере Олином.

Встретила мама в городе преподавательницу украинского языка, которая крепко интересовалась мной, и заявляла, что я все-таки "был ее любимцем". Мама не называет фамилии, но я догадываюсь, что это Ульяна Алексеевна. Неплохо было бы списаться с ней, завязать переписку.

О Гуревичах тоже сообщает. Липа - инвалид Отечественной войны.

Емельянченко - очень хороший человек. Она внимательна и заботлива к маме, как родная. Вся семья Емельянченко не уступает ей в чуткости ***

27.09.1944

Кажется, меня отзывают в полк. Начальник штаба по приказанию комбата разговаривал обо мне с начальником строевого отдела полка. Тот вызвал, но сейчас его не застал, и потому решения еще не знаю.

Положение мое в батальоне сделалось невыносимым. Через день назначают меня дежурным, причем старший адъютант говорит, что дежурному положено два часа в сутки отдыхать. С питанием тоже много хлопот и унижений. Обмундирование порванное, грязное. Денег не выдают мне, так как Семенов совместно с Бондаренко и еще бог его знает с кем сделали махинацию: оформили приказом по минроте какого-то несуществующего младшего лейтенанта, а я остался таким образом за бортом довольствия. Вот уж поистине - воскресают гоголевские "Мертвые души"! Традиции отвратительного прошлого, с которым нам, современникам новой Советской власти, вести борьбу.

Бойцы тоже позволяют себе разные вольности. Парикмахер Егор заявил сегодня, что не побреет меня, пока не кончит обработку всех бойцов роты. Но когда я пообещал дать ему мыло, он побрил. Вот до какого унижения перед бойцами довело меня сердечное начальство.

Сами же верхи батальона решительно погрязли в своих личных интригах. Бойцы и офицеры их мало беспокоят: как ходят, что едят. Зачем им! Лишь бы сами в довольстве жили! Зато требовать! О, это - пожалуйста. И чего только не прикажут, и как только не изощрятся использовать имеющиеся у вас клочки времени!

Дома тоже не все в порядке. Мама, хотя ей и обещали, - до сих пор без квартиры. Папу призвали в армию. Письма получаю плохо, в сравнении с тем, как я сам пишу. Регулярно пишут только мама, папа, Нина К., ну и Аня К. Остальные редко. Вчера получил бездарное и безграмотное письмо. Кто-то, оказывается, перехватил мое письмо к Гале Казус и решил удивить меня своей сообразительностью: "Ты манэ изменяеш", и т.п. подобные глупости. Все ничего, но как бы они и ей не вздумали отправить подобную пилюлю.

Сегодня еще лучше: получил свое собственное письмо, которое писал в редакцию "Советский боец". Очевидно

дивизионная цензура нашла нежелательным пересылать заметку о своей газете и вернула мне. Я переписал адрес уже по всем правилам, с полевым номером. Не думаю, чтобы еще раз вернули. Написал также в ТАСС. Узнавал о Ромен Роллане.

Говорят, сосновый лес полезен для здоровья. Воздух его используют для лечения людей, больных легкими.

Комбат заглядывает, как я пишу, и улыбается. Как я хотел бы освободиться от его контроля, и вообще, быть немножко более человеком, нежели здесь меня считают.

У командира полка. Читает только что полученный БУП, и проделывает все на практике. У него красиво получается. Он подтянут, имеет изящную выправку, и вообще - человек, созданный, казалось бы, для военного дела специально.

Начальник штаба стрижется-бреется. Ему некогда. Долго жду. Но вот майор Лынев смотрит на часы и говорит начальнику штаба: "Ты запаздываешь, пора на строевые занятия" и последний, быстро заканчивая туалет, одевается.

Я понял, что медлить нельзя, и спросил:

- Товарищ майор, разрешите передать начальнику строевого отдела, чтоб меня откомандировали в полк?

- Обязательно, обязательно...

И я, обрадованный, отправляюсь в строевой отдел. ПНШ(а)-4 где-то отсутствует. Его долго жду.

Ночь. В полку идет кинокартина, еще не знаю какая. Сел в удобном месте, куда нахально пролез, несмотря на протесты некоторых лиц.

Писем до сих пор нет, а ведь интересно, что мне ответят мои новые адресаты.

28.09.1944

На мой взгляд, задача фильма не только дать американцам понятие о мужестве, героизме и любви к Родине, которую проявил в этой войне наш народ, но и навсегда рассеять представление о нашей стране, как о стране варваров, которое и сейчас еще царит в головах американцев, показав нашу высокую технику, нашу интеллигенцию, нашу молодежь и неиссякаемые памятники культуры...

Впрочем, больше всего для просвещения мирового общественного мнения о нас сделала наша кровь и наша борьба, в особенности же - наши победы. Когда немцы, легко пройдясь по Европе, вздумали совершить не менее быструю и удачную прогулку по России, весь прогрессивный мир (об этом недвусмысленно говорит фильм), считал, что дни России сочтены. Один за другим падали города и села под силой немецкого натиска. Немцы шли легко, бодро, надменно полагая,

что Россия упадет на колени в течение нескольких недель. Но тут случилось чудо.

И фильм показывает битву за Москву, окончившуюся полным поражением немцев. Перед нами освобождаемые города Московской и Тульской областей, встреча населения и Красной Армии, слезы, радость. Жертвы немецкого мракобесия, дети-сироты, дети-калеки, мертвые дети и взрослые невинные граждане. Об этом говорится - русские никогда не забудут.

Бегут опрокинутые враги. Совсем иной вид они имеют, апатия и сомнение охватывают их. Впервые за время войны немцы вынуждены отступать. Ленинград продолжает еще оставаться в блокаде - непередаваемые ужасы блокадников. Потрясающи картины разрушения города. Голод, норма питания - 100 грамм в день - все это не требует комментариев. Но люди не бросают работу - на каждый выстрел немецкого орудия, ленинградцы отвечают увеличением темпов и улучшением качества работы. Самоотверженность людей не имеет границ. Прокладывается на льду в Онежском озере дорога, по которой до последней возможности (даже по сильно оттаявшему льду) продолжают идти автомашины. Бомбежки, артобстрелы - ничто не останавливает советских патриотов. Ленинградцы прокладывают по льду железную дорогу - поистине изумительны и чудотворны дела русских. Но вот и освобождение. Сказываются в успехах войск Ленинградского фронта, как нельзя лучше, две тактики.

Фильм показывает одновременно на экране советских и германских генералов. Вот столкнулись их стратегии. Немцы отступают, блокада Ленинграда ликвидирована. Освобождается от немцев Кавказ, изгоняются немцы из Сталинграда.

Столкнулись две армии, и фильм представляет одновременно и ту, и другую на экране. Русская стратегия - лучшая в мире. Немцы захватили европейские страны потому, что они сосредоточили все свои силы у границ своих, тогда, в 41 году. Но советские генералы противопоставили немецкой тактике молниеносного сокрушения главных сил противника и внезапного окружения войск свою, рассчитанную на долговременную оборону и сопротивление. И немцы, которые были уверены в сокрушении России в несколько недель, оказались перед фактом позиционной длительной войны. Их прежняя тактика не действует здесь, в условиях России.

Вот она, двухмиллионная армия ринулась на Советский Союз. Немцам удалось сокрушить первую линию, небольшая часть которой остается окруженной и плененной, но позади есть вторая, третья, четвертая линии. И опять повторяется та же картина: отходящие войска первой линии сливаются со второй,

второй - с третьей, третьей - с четвертой, образуя, наконец, линию такой толщины и упорства, о которую разбиваются все усилия захватнических войск.

Наступает небольшая пауза. Сталинградская битва - после которой советские армии переходят в наступление. Развертывается туго сжатая пружина и отталкивает на сотни километров захватчиков от предельной черты немецких завоеваний. "Кто к нам с мечом придет - от меча и погибнет!" - эти слова великого предка-полководца Александра Невского, являются лозунгом и стимулом всей картины.

Хорошо показаны города-герои Ленинград, Одесса, Севастополь и, наконец, Сталинград; захваченные немцами страны; сателлиты фашистских разбойников Германии с их богатствами, армиями.

Вот она морда бандита-Гитлера. Типичная морда убийцы с большой дороги. Он выступает: речь его самодовольна и величественна. И недаром приходит на ум Паулюс - германский фельдмаршал, два года, или того меньше назад, плененный под Сталинградом. Какая унылость, потерянность и унижение в его лице. Поистине, парадоксальный контраст.

А вот он - итальянский друг Муссолини. Он произносит, сопровождаемую бурной мимикой речь. Но теперь где он, этот жалкий лакей Гитлера? Украден Гитлером у итальянского народа!

Антонеску, сколько гордости в нем от полноты власти. Так ли он себя чувствует сейчас, находясь под стражей в ожидании суда?

А Хорти? Ведь и его черед наступает. Удивляюсь, почему не показаны финны. Разве из-за излишней симпатии к ним американцев?

Оригинально звучат слова бойцов в канун нового года: "С новым годом, гвардейцы, огонь!"

От тети Ани получил на рассвете три письма сразу. Она все пишет, чтобы я берег себя. Какая наивность! Вместе с тем она забывает о народе и обществе, когда говорит: "ты в опасности, только бы ты вернулся!"

А другие люди? Всем жить хочется, но больше всех должна жить Родина. Об этом я никогда не посмею забыть и жизнь свою посвящу ее счастью. Беречь себя, прятать свою голову в кусты - подло и преступно. Это ли любовь к Родине, когда человек хочет ее победы, любит ее... издалека? Душой патриот, а делом трус, погрязший в личных мелочных интересах. Так я жить не могу и не желаю.

Многие офицеры в армии живут сейчас для себя. О солдатах говорить не приходится - они рабы своего начальника и его воля

для них закон. Но есть офицеры (и много их), которые воюют на словах, отсиживаясь в тылах и получают, благодаря пронырливости и изворотливости, ордена и славу: Ромазанов, Рымар, Гержгорин, Пархоменко - комбаты, увенчанные наградами, но провоевавшие: первые - два, и последний - три месяца всего на фронте. Действительные люди фронта редко по заслугам оцениваются. Разве только о заслугах его узнают старшие начальники. Иначе все его дела и подвиги не выходят из зоны хозяйничанья всяких полушкиных, пархоменковых и других мерзавцев. А сами-то они, люди тыла, непременно (само)награждены орденами.

Бойцы. Те вообще остаются за бортом внимания. Разве только лесть (опять-же эта лесть и подхалимство) или же какой-либо кричащий о себе подвиг, отмечаются орденом. Медаль, и, в последнее время, "Слава 3 степени" - удел бойца и младшего командира.

Я, наверно, не буду иметь награды. И если выйду из войны невредимым, незнакомые со мной по схваткам с немцами люди скажут совершенно резонно, что так я и воевал. Но пусть их, людей! Я люблю человека, но за последнее время абсолютно перестал дорожить его мнением - так много несправедливости и неприятностей встретил я от людей в период войны и фронта.

Сейчас хочу попасть в резерв полка, оттуда в дивизию. Буду стараться, чтобы затем вернуться в свою Девятку. Если не удастся из полка - буду требовать, чтобы немедленно, в первый же бой, я был направлен в действующее подразделение. Конечно, много больше пользы принес бы я, будь политработником. Но опять-же, меня никто не хочет понять, и дальше начальника политотдела мой рапорт, уверен, не ушел. Здесь, видишь ли, дневник мой, предпочитают неграмотных людей-полуневежд человеку способному вести дело и любящему работу.

Маженов, Епифанов - эти "парторги", не умеющие двух слов с третьим связать, руководят мозгами, много больше их знающих и понимающих бойцов и командиров. Не обидно ли? Не жутко ли? Но я бессилен что-либо сделать, хотя меня неплохо знает и начальник политотдела, и его помощник подполковник Коломиец.

Круглый день не перестает лить дождь. Я забрался далеко в лес, в самую глубину его. Здесь нарыто много землянок. В одной из них я расположился. Этим я нарушаю, конечно, приказ командарма генерал-лейтенанта Берзарина - не ходить в лес одному, так как здесь свили себе гнезда украинские национал-социалисты, продавшиеся немцам. На днях они убили двух офицеров и одного бойца. Но что же я могу сделать - в батальоне

находиться мне негде. Я на положении лишнего человека. Просить впустить меня куда-либо в землянку неудобно и стыдно, а собственного пристанища у меня нет. Кроме того, здесь у меня полное уединение. Вероятность нападения процентов пятьдесят, не больше. И хотя у меня совершенно нет оружия, я чувствую себя здесь много спокойней, чем в батальоне. Мое отсутствие могут мне верхи батальона квалифицировать самовольной отлучкой и пришить в этой связи дело. Но и этот вариант благоприятней тех мытарств, которые мне приходится переносить ежедневно. Сюда могут забрести бойцы моего или же другого батальона и полков, могут принять меня за шпиона, арестовать до выяснения и создать вокруг меня ненужную шумиху. Это самое паршивое.

Слышу, недалеко кто-то ходит. Группа людей. Свои или чужие? Тихо разговаривают. Вот они прошли совсем близко. Голоса удаляются, люди с ними.

Ночью сегодня опять шел дождь. После картины я нашел пустую, огромнейшую землянку-шалаш и уснул в ней. На рассвете меня разбудили разбиравшие ее бойцы и хлынувший, в образовавшиеся отверстия, дождь. Так нигде, как бездомный бродяга, не могу найти себе я места в своем подразделении.

Начальник штаба Бондаренко грозил исключить меня из довольствия. Требовал, чтобы снова я шел к начальнику строевого отдела. Тот, когда я к нему пришел, начал ругаться, назвал меня недисциплинированным и сказал, чтобы я больше не приходил к нему, пока он сам не вызовет. В конце сказал, что поговорит с Антюфеевым. Мне бы это очень нежелательно было, ибо тот может дать плохую характеристику (которую запросил комбат), но, тем не менее, теперь для меня уже ничего не изменишь. Я готов на все, лишь бы вырваться из этой ловушки и не попасть снова к Семенову, где я совсем окажусь в безвыходном положении. Ведь он хотел еще на Днестре бесцельно меня загубить, когда вывел с тремя бойцами и минометом под огонь вражеской артиллерии, и запретил в то же время, ввиду боязни неприятеля, самому вести стрельбу.

Пора обедать идти, а я еще не написал писем тете Ане и некоторым другим.

Несколько дней назад радовался, что не болею. Ведь почти все окружающие меня люди были охвачены повальной малярией и другими заболеваниями. Сырость, однако, повлияла и на меня. Грипп и насморк вот уже несколько дней со мной, но я переношу все на ходу, ибо отвык лежать. Днем вообще не люблю валяться в постели и свободное время стремлюсь заполнить работой - писаниной. Много времени у меня забирает, однако, любовь к перекладыванию и пересматриванию содержимого сумок, но

беспорядок и теснота портят бумагу и являются одной из самых больших трудностей для меня.

29.09.1944

Дядя Лева пишет, что очень хорошо и заботливо относится к папе. Он подчеркивает, что папа, семья его и я - единственные на свете родные. Упрекать, говорит он, не за что его. Тетя Роза имеет вспыльчивый характер, но она очень рада папе и хочет, чтобы он жил с ними. А папа сообщает другое.

Вечером. Прогуливаясь по расположению лагеря, задумался над словом "талант". Вот, например, сегодня опубликована песня одного поэта в газете. Обыкновенная, заурядная. А ведь у меня есть стихи, много сильнее звучащие, но почему-то их не печатают. Секрет мне доподлинно известен. Стихотворения мои необработаны, неотесаны как следует, и в отдельных местах сопровождены неровностями, в то время как у печатающихся сочинителей все очень гладко и чинно, хотя рифма куда слабей подчас, а смысл уже.

Читал я много авторов умных, знаменитых, храбрых, настойчивых, чванливых и скромных, народных и замкнувшихся в личных интересах. Читал, но почему-то кажется мне, что я способен достичь положения любого из них. Бахвально несколько звучат мои слова - безызвестного неудачника и мечтателя. Но не только потому, что "плох солдат, который не мечтает быть генералом", не только потому. Уверен я, что непременно добьюсь своего. Гвоздь уверенности моей в том, что я не признаю врожденную талантливость как силу, способную сделать его великим. Человек сам делает себе дорогу, сам обогащает свой ум, сознание свое, и при желании, сопряженном с необыкновенными усилиями, волей может заставить восхищаться собой, следовать за собой миллионы людей.

Вот, скажем, я - теперь и раньше. Мог ли я на школьной скамье, скажем в 5-6 классе, мечтать хотя бы обворожить своими мыслями (я не говорю о природной красоте человека) одну девушку, которая нравилась мне (ведь я уже в 4 классе начал интересоваться девушками)? Ясно, нет. Ведь за литературные только сочинения я не раз получал посредственную оценку. Чтение любил я, правда, и диктанты всегда писал грамотно, хотя ненавидел грамматику (о чем сейчас весьма сожалею).

Мне вспоминается, как пытался я присвоить себе чужие мысли только из-за слабости собственной. Брал отдельные фразы от различных критиков и писателей и складывал их в одно целое "сочинение". Учителя не замечали моих комбинаций и ставили мне хорошие оценки. Однако я не мог ограничиться плагиатством, довольствоваться им. Мне хотелось большего, и я

стал сочинять стихи. Потом вставлял их в свои сочинения, выдавая не за свои. Но и этого было мне мало. Я много читал и научился воспринимать мысли, стал мудрее. Постепенно стал отрываться от сковывавших меня прежде чужих, мертвых мыслей, и, наконец, приобрел собственные взгляды на жизнь и вещи. Во многом способствовала этому война.

Дневники, стихотворения, попытки в прозе - все это расчистило дорогу непросыхающему от чернил моему перу, дало широкий простор моему воображению. Еще в школе мои сочинения стали лучшими по глубине мысли (8 класс) во всей школе. В армии "Боевые листки", статьи, и особенно письма и дневники, довершили обработку моего сознания и научили передавать то, что думаю, на бумагу.

Конечно, я еще далеко не на грани совершенства, но могу считать себя не последним человеком в литературе. Не только потому, что есть неграмотней и ограниченней меня люди, которые пишут, нет! Я не хочу уподобиться невеждам, воображающим себя знатоками, мастерами своего дела. Я стою у основания опаснейшей в мире дороги, на которой столько, выйду на нее если, предстоит падений, неудач, переживаний и отчаяний. Но я твердо на нее стал, и когда двинусь вперед, не упаду безвозвратно.

Я много натерпелся за мою жизнь. Мои литературные опыты вызывали у многих людей насмешку, пренебрежение и снисходительность (М. Шехтер), желание покровительствовать мне. Некоторые меня просто отговаривали писать (Савостин) из злобы, другие из зависти. Но я упорно двигаюсь к цели и не остановлюсь, чего бы мне это не стоило. Я добьюсь своего! Добьюсь.

Сделаю себе талант. Многие говорят, что талант - врожденное качество. Некоторые даже утверждают, что неталантливые писатели доживали подчас и до глубокой старости, но из них ничего не получилось. Аргумент этот приводился для того, чтобы отговорить кое-кого из начинающих от их желания быть литератором. Но я с этим не согласен. Если человек не будет работать над собой ежедневно, если он не будет неустанно упражнять свою мысль, не научится правильно и умело держать в руках перо и заставлять его оживать на бумаге - да, ничего не получится, даже если "талант". Но тут есть и причина. Она ясна и вполне определенна: этот человек не вполне отдался делу, он не полюбил пера, не полюбил бумагу, которую трогает перо, не полюбил беспредельно слово в силу своей закупоренности, и не в состоянии предвосхитить ни в настоящем, ни в будущем, ни других, ни самого себя.

Есть и великие люди, которые любят литературу, но еще любят больше самого себя в ней и не хотят дать дорогу новому человеку, идущему, хотящему идти рядом, не в силу самовыражения амбиций своих, а по воле души, чувств, устремлений. Поэтому они выдумывают всякие небылицы для нас, начинающих. Пугают всем: и трудностью пути и словом "талант". Очевидно, эти "гении" сами-то забывают о том, что все это достижимо человеком, и что все это процесс труда, желания, наконец. Сами-то они не родились умными и образованными, и даже не стали ими теперь. К чему же эти старческие запугивания? И, наконец, какая кому польза или вред, если я прегражу дорогу растущему гению? И кто он этот гений, и гений ли он, если дорогу ему сумел преградить какой ни-будь я?

Потому-то у меня зародилась мысль о таланте, что сам я хочу приобрести его, хотя считаю себя еще не талантливым человеком. Талант - это не случайная находка, удачный выигрыш, благосклонный подарок судьбы, а постоянная и напряженная борьба ума и воли, мыслей и желания. Это большое и тяжелое завоевание, которое нужно, как переходное знамя, удержать в руках. Талант рождается любовью. Любовью к матери, к девушке, к дереву, пусть старому, сухому и безобразному, любовью к жизни и, если надо, к смерти.

Получил письма. Желанное от Нины. Очень мило пишет, но низко ставит себя, когда говорит обо мне. Аня Короткина по-прежнему наивничает. Она, например, спрашивает: "Как ты смотришь на эту переписку? Чем все это должно кончиться?" Отвечу им обоим. Дяде Люсе не буду - ему написал вчера.

Какая масса мышей в лесу, не говоря уже о квартирах и землянках. Но по лесу, по траве, не можешь и шага сделать, как дорогу пересекают быстро бегущие серые шарики с визгом неудержимым. Опротивели они ужасно.

Ночью мышь забралась ко мне в сапог, который я не разувал, разбудила меня, проклятая. Долго шевелил ногой, пока она вылезла и убежала.

Сплю на полу в комнате опергруппы. Холодно. К утру ноги мои закоченели. А сейчас ПНШ-1 дал мне работу - проверить караул и доложить к 12.00.

С 12 часов парад. Маршируют и люди, и лошади. Музыка. Невообразимая картина. Беготня запряженных в повозки лошадей под звуки марша, топот человеческих колонн, крики "Ура!", "Здравия желаем!" и прочие. Парад принимает полковник Коняшко. Вчера - комдив генерал-майор Галай.

Мне поручил начальник штаба полка проверить оборудование и уборку караульного помещения. Много пришлось

самому делать, поэтому все время было занято.

Сейчас отошел в сторону от леса, лег на травку, где и пишу.

Опять зачесало меня что-то. Неужели насекомые? Заботы обо мне нет.

Перед вечером получил три письма от папы. Он в Красной Армии. С больной ногой и уже очутился в городе Шахты. Но, полагаю, он сможет добиться освобождения от службы - больной и в преклонных летах. Но в любом случае он строевым не будет.

Берта написала небольшое и слабо запомнившееся письмо, но присланная ею фотокарточка явилась для меня изумительным сюрпризом. На обороте, помимо посвящения, написано: "Цветы осенние милей роскошных первенцев полей". Слова эти настолько противоречат раннее сказанному Бертой: "Я ведь не согласна, что "Цветы осенние... и т. д.", что совершенно сбивают меня с толку. Что же тогда правильней? Очевидней всего, что когда она пишет, то очень невнимательна и забывает, сказанное прежде. Я нарочно перечитал еще раз свои последние письма к ней. Очевидно, письмо от 31.VIII., в котором я просил ее пояснить значение приведенной в письме цитаты, она не получила. Но, тем не менее, она пишет, что получила письмо, после того, в котором я говорил о Жене М., т.е. от 21.VIII. Почему же она тогда не отвечает на вопросы ни того, ни другого письма? Вероятно, она не читает моих писем, когда отвечает на них. Очень странно. Факт, однако, реален. Берта первая прислала свою фотокарточку и скоро готова будет, как и Нина, пасть передо мной ниц и просить о моем расположении.

Решил не писать пока, подождать следующего письма от Бебы. А сперва-то соблазнился мыслью отправить ей свою единственную фотокарточку еще периода пребывания моего в Сальске. Это одна из лучших.

Чтение своих и Бертиных писем охладило меня. Ведь я столько вложил старания в свои письма. А она безынициативно пишет, не отвечает ни на один из поставленных мною вопросов. Просит писать, но сама пишет коротко и ограниченно.

Софе Рабиной, пожалуй, отвечу. Не просил ее, но она сама обещает мне выслать свои фотографии, и просит мою. Где уж всем высылать! Для этого ***

03.10.1944

Получил 4 письма. Все не особенно привлекательные. От мамы плохие вести об отсутствии у нее по сей день квартиры и сообщение, что 18 дней не получала моих писем.

Саня не по-детски пишет. Неинтересно тетя Аня. Аня К. совсем неразборчиво. Желанных писем нет как нет. Ни Маруся Р., ни другие, кому я так давно написал, не отвечают. Троим первым

ответил.

Вчера был в Девятке. Встретил там много старых бойцов и командиров, с которыми вместе служил. Многие стали старше по званию, некоторые получили ордена. Целый ряд офицеров новых прибыл в Девятку за время моего отсутствия. Я их не знаю.

04.10.1944

Всю дорогу в Девятку находился под впечатлением лесной природы, наслаждался ароматом соснового леса, щебетанием птичек, забавной лесной тропинкой, которой шел. Пел песни, и на "привале" попробовал написать стих, но получился только один куплет. Стихотворение дописал только сегодня и назвал его "Дорожка".

Собирал ягоды в лесу, сами черные, но всем остальным, и листьями и кустом, и даже ягодами, похожие на малину. Видал мухоморы, большие красные с белыми пятнышками грибы, - как на картинке, - и я долго не мог оторваться от их дивного созерцания.

В Девятке меня встретили очень любезно бойцы и командиры. Однако, нашлись и такие мерзавцы, как старший сержант Левин, с которым я был в одной минроте когда-то, пожалевший мне 100 грамм хлеба, когда мне предложили покушать в столовой второго батальона.

Петрушин, Бобров, Скоробогатов - уже старшие лейтенанты. Николаев лейтенант. Боровко, Пархоменко - майоры и с медалями.

Непрерывно в течение всего дня слышатся слаженные крики приветствий, марширующих беспрестанно красноармейцев. Парад за парадом, смотр за смотром. Музыка, суета, большое начальство. Распространено мнение, что готовят нас специально для каких-то выдающихся событий. Целая армия занимается шагистикой! Ежедневно, с утра до темноты!

Каждый из нас помнит недавно опубликованное мнение видных политических кругов о порядке оккупации Берлина. И поэтому живет в каждом из нас трепетная и величественная, хотя и несколько затаенная мысль, объясняющая столь тщательную подготовку наших бойцов и командиров, и специально выделенное для этого время, возможностью участия нашей армии в оккупации Берлина. Ведь это необычайное счастье и удача побывать и закончить эту ужаснейшую войну в городе-разбойнике Берлине вместе с нашими союзниками на одной из трех частей города, оказаться на последнем этапе победы. Эту мечту лелеет каждый, переживший все ужасы и неудобства этой войны, желающий расплатиться с немцами ***

06.10.1944

Вчера получил свое письмо. Придется чаще писать, тогда хоть в случае выбытия на другое место адресата буду получать свои письма. Ведь и это своего рода утешение. Тем не менее решил не писать на каждое письмо по одному ответу. Нет писем и я молчу, - таков мой девиз на сегодняшний день.

Просматривал адреса и даты отправки по ним писем. От всех (30 человек) ожидаю писем, за исключением, правда, одной, которой я не писал еще ни разу и, возможно, и писать не буду.

На рассвете людей вывели на парад. Всю дивизию! И людей, и технику, и лошадей! Удивляюсь, как только вместила нас всех площадь.

09.10.1944

Антюфеев уже второй раз заявляет, что отправит меня в роту.

- Что вы здесь делаете? Пишите?

- И пишу, и нет, - отвечал я ему.

- Завтра последний срок. Пойдите к командиру полка и спросите его, что вам делать!

Новости! Буду я еще ходить спрашивать. Пусть сам дознается, если я ему мешаю.

11.10.1944

Ни одного письма не получил сегодня. Адресатка, с которой познакомился в пути и на которую тщетно израсходовал деньги - не пишет вовсе. Попробую ей вторично написать.

Вчера написал пять писем. Большое место в моей переписке занимают хлопоты о квартире для мамы. В строевом отделе, когда пришел, печатали письмо в горсовет. Они говорят, что это второе, но я им не верю, иначе уже давно были бы результаты.

Все эти бумажные крысы, типа антюфеевых, полушкиных - крайне бездушные люди. К великому удивлению не далек от них и теперь уже старший лейтенант Скоробогатов, что в Девятке. Он тоже говорил, что отправил письмо от имени части, но все это чистый блеф.

Сегодня выдают пистолеты, бинокли, компасы. Я опять за бортом остался.

Историю полка писать перестал. Подполковник Шаренко, который обещал мне помочь создать условия для писания "Истории", уехал в отпуск в Киев. Остальные не понимают, не хотят понимать и содействовать в моей работе. Но я ведь должен выслушать чьи-либо мнения.

Часто раскаиваюсь, когда знакомлю кого-либо со своим неоконченным произведением. Критика неоконченного, пусть даже мало понимающими в поэзии людьми, тем не менее способна вызвать у меня отвращение к своему детищу и я не могу дальше продолжать писать. Однако и без критики я не могу жить.

Часто она служит стимулом для серьезной обработки и переосмысления написанного еще начерно стихотворения, или... Впрочем, прозой я писать не умею, за исключением разве критических вещей и дневника, с обработкой которых я еще так-сяк справляюсь. Мне не достает грамотности в русском синтаксисе и в грамматике, пожалуй.

Писем решил не писать сегодня, хотя очень трудно отвыкнуть от переписки, даже на один день.

Антюфеев меня уговаривает обратиться к майору, чтобы тот меня направил в батальон. Нашел дурака!

Сейчас очень тяжелое для меня время: муштровка, муштровка и снова муштровка. До чего же не люблю я ее! Хотя пополнить свои знания теоретически не мешает - ведь мне придется еще воевать, и в предстоящих боях я должен добиться, наконец, того, чего не добился раньше. Но это секрет. Я не хочу больше об этом упоминать.

Майор Ладовщик получает третий большой орден Отечественной войны I степени. Теперь будет чем гордиться после войны. А я? Впрочем, для тех, кто видел фронт, и знает, как и за что награждают на нем - орден не удивление.

Начальник штаба предложил мне отмечать у него по карте ход военных операций на фронтах Отечественной войны. Я, однако, не сумел этого сделать сразу, и только получив серьезное замечание с его стороны, отправился исполнять приказ.

К этому времени командир полка обедал, и когда я пришел и спросил разрешения войти, он недоуменно посмотрел на меня и сказал: "Иди-ка ты на хрен, дай хоть покушать!" Я ушел и решил больше не приходить, но на другой день майор Ладовщик опять поругал меня. Сегодня я окончательно решил заняться этим, выбрав удобную минуту, когда будет отсутствовать Лынев.

Карта очень громоздкая. Их две. Населенные пункты очень мелкие, и не те, что нужны, названия на них немецкие и потому их нелегко отыскать, ибо они часто расходятся с действительно существующими. Поморочил себе голову сразу после проведенных мною занятий и до самого обеда. Потом решил наугад отмечать линию фронта, ибо точно невозможно указать на карте.

Занятия прошли неплохо, но Попкову не понравились. "Опять лекция?" спросил он меня. Он требует живой беседы, а мне эта форма несколько трудней, ибо я очень медлителен в соображениях и не нахожу своевременно нужных слов. Приходят они мне на ум лишь тогда, когда без них уже можно и должно обойтись. Заключил я свою беседу показом карты. В ней я наиболее силен. Международное положение - отрасль моих

устремлений. Бойцы и сержанты слушали меня в конце беседы с особым интересом. Вначале же дремали, и мне было очень больно и неуютно. Аудитория моя сегодня - самая большая на политзанятиях во всем ***. Присутствовали полковой агитатор Попков и командир полка.

Где-то потерял топографическую карту с записями на чистой стороне. Нашел Троицкий - старший сержант и секретарь Шишикина. Мой почерк узнали и вызвали к себе. ПНШ-1 - Шишикин. Он говорил о могущих возникнуть последствиях, если бы карту нашел командир полка, или, еще хуже, Фурманов. Я понимал все это, ведь все карты являются секретными, поэтому молчал, ждал взыскания. Но Шишикин ограничился распоряжением не давать ни мне, ни другим лицам, карт. Для меня хорошо окончилось это дело.

Вечером после обеда ушел в лес, выбрал себе землянку и принялся дописывать стихотворение "Карта", но долго ничего не получалось, и у меня возникла мысль переделать его с самого начала. На четыре куплета ушло все время, и я спохватился о том, что поздно, когда уже начало темнеть. Сложил в сумку разбросанные по земляночке бумаги и ушел прямо в столовую.

Уже очень поздно, сейчас буду спать. Ксеник ушел на "бл..ки" и я, кажется, буду спать сегодня на его месте, а не под кроватью, как прежде.

12.10.1944

Антюфееву я как бельмо в глазу. Сам-то он боится направить меня в батальон и поэтому изыскивает окольные пути. Сегодня, например, когда он стоял с замкомполка по строевой, и я проходил мимо, ему пришло на ум напомнить майору, что я без дела и меня нужно направить в батальон.

- Он, товарищ майор, сидит только в дудки играет, - разрисовывал Антюфеев.

- Немедленно в батальон! - сказал майор, и потом, подумав, - нет, лучше не ходите пока. Я переговорю с командиром полка, и мы посмотрим, может перемещение сделаем (я говорил им, что не хочу к Семенову).

Так до сих пор и не решили этого вопроса.

Писем и сегодня не получил. Третий день! Это же невообразимо! Впрочем и я не стал писать сегодня, хватит баловать их!

С квартирой совсем плохо вышло. Теперь даже под кроватью мне места не было. В комнату Шишикина перешел Ладовщик, а Шишикин - в нашу, и всех выгнали. Но все хорошо, что хорошо кончается - я попал в лучшее место. Рота автоматчиков приютила меня, "сиротинушку".

Семенов, старший лейтенант, дежурил сегодня. Он пришел в мою комнату и смотрел журнал боевых действий, который я веду.

- Это полезная и хорошая вещь - сказал он, покивав головой, а потом спросил - Вы здесь спите?

- Да! - я ответил. Он удивился.

Майор из политотдела проводил беседу с офицерами в батальонах. Мне удалось попасть на заключительную часть. Речь шла о победах, одержанных полководцами прошлого в борьбе с врагами, об их тактике и стратегии, а также о нашем военном мастерстве, о гениальности наших генералов, о прозорливости и умении нашего Сталина руководить войной.

Эта интересная тема была, однако очень сухо развита. Лектор говорил плохо, заученными фразами, и слушатели дремали или смотрели в потолок. Когда он окончил - все облегченно вздохнули. Вот пример плохой лекции!

Волей случая привелось слушать ту же лекцию во второй раз - майор Ладовщик заставил. В штабе. И опять лились те же неинтересные, скучные слова, тянулись бесконечно, так, что хотелось даже закрыть уши и думать о другом, о чем-то совсем отвлеченном.

13.10.1944

Антюфеев не унимается. Он как злой демон преследует меня. Вот и сегодня он напомнил обо мне командиру полка, когда я оказался в штабе по вызову Шишикина, который, кстати сказать, поручил мне переписать в батальонах и спецподразделениях в общий лист, специально для этого заготовленный, людей. В результате чего я всю ночь не спал (только возле Бондаренко я простоял около часа - он ужинал, потом курил, а затем просто действовал мне на нервы - я ушел, и только вечером сегодня получил сведения на него у писаря).

Командир полка вызвал меня.

- Вы пишете?

- Пишу.

- Стихи пишете?

- Пишу.

- А "Историю" пишете?

- Нет, ее я оставил, но веду теперь журнал боевых действий.

- Вот-вот, это же и нужно! - обрадовался майор Ладовщик, но майор Лынев этим не удовлетворился.

- А миномет знаете?

- Знаю.

- Людьми командовать сумеете?

- Смогу.

- А на какое расстояние стреляет миномет?

- На 3100, - ответил я неуверенно

- А для чего служит стабилизатор?

- Для направления полета мины, придания ей устойчивости в полете, растерявшись обилию вопросов со стороны присутствующих штабных, ответил я.

Но все молчали, а сам он, как видно, был не глубоко осведомлен в правильности моих ответов.

16.10.1944

Долго я простоял в кабинете начальника штаба, где собиралось совещание, в ожидании выйти, но командир полка не отпускал. Наконец ПНШ-1, сказал, чтобы я вышел. Я обрадовался и незаметно выскользнул из комнаты.

На другой день Антюфеев придумал новый трюк, который, наконец, ему удался.

Вечер. В резерве дивизии. Сейчас все выезжают. Село Крупичи.

Командир полка, когда я сказал ему о намерениях Антюфеева, согласился было оставить меня в полку и сказал даже начальнику штаба об этом. Но когда я его вторично спросил, он отклонил мое желание, и я решил не добиваться больше. Так я попал в дивизию.

Майор Ладовщик, которому я дал посмотреть чернила, не отдал мне их, а когда я стал добиваться - часа два заговаривал мне зубы, танцевать меня тянул. Нахальный он человек до невозможности. Сегодня, например, забрал у одной санитарки часы, а когда та стала требовать их назад - грубо вытолкнул ее.

Но черт с ними со всеми. Главное - писем жалко!

Напоследок написал Песню о 902 полку. Пусть поют солдаты! Может в песне найдут отраду и справедливость...

17.10.1944

Село Нири.

Саша Лобковенко устроился в транспортную роту командиром взвода. Теперь и мы возле него.

Ночевали в деревне. Дивизия уже выехала, но транспортная рота еще на месте. Полагают, что мы будем действовать в Чехословакии. Я бы этого очень желал.

Капитан Романов и лейтенант Султанов жалеют, что не попали в армейский резерв - там лучше, говорят они. Но я нет. Моя единственная цель - быть на передней линии и заслужить хотя бы один орден, о котором так мечтают глупенькие девочки, и без которого на меня будут смотреть с презрением люди тыла. Что я смогу ответить им, чем оправдаться? "Ты не воевал!" - скажут мне, и это будет внешне выглядеть правильно. Какой парадокс!

Пархоменки и полушкины, не видевшие смерти такою, какой она есть в бою, все эти люди, которые лишь пропивали и прогуливали государственные деньги, живя в свое удовольствие, не испытывая нимало чувства патриотизма и не понимающие в настоящем смысле что такое любовь к Родине, к народу, к человеку - они выйдут героями из войны, будут, и уже увенчаны, лаврами героизма и мужества. Но все-таки все их ордена и медали, все их незаслуженные чины и отличия, не стоят, гордой пусть, пустой подчас, груди настоящего воина, сына своего отечества, который верой и правдой, кровью и жизнью, послужил и не устает служить своему народу.

Не хочу я славы этих людей-лицемеров-шкурников, рвачей, лишенных и тени совести. Но все-таки, одна награда - скромное и вполне заслуженное желание мое.

Смотрю на природу и вспоминаю. Темно-густые леса, с чуть сероватым туманцем, далеко раскинулись вокруг, и кажется, нет им конца и предела, ни в пространстве, ни во времени.

Но теперь эти леса не привлекают моего внимания так, как вначале. Теперь мой взор не загорается восторгом и в глазах не рябит от их зеленого бархата. Я привык, пожил в лесу, подышал его сосновым запахом и вдоволь насладился его высотой и бескрайним величием. Хочу перемены и без тоски покидаю эти места.

Ночь. Без пяти минут 2. Немного тряхнул. Хозяйка скупа, без денег не соглашалась нам дать. Николай предлагал ей гимнастерку - она стояла на своем. Тогда я вынул свою последнюю сотню. Поллитра на троих - конечно слабая штука. Закусили.

Перед этим, еще при дневном свете, в другой квартире познакомился с девушкой. Она 26 года. Хотел у них остановиться, но там находился один лейтенант, и отпала всякая необходимость и даже возможность для этого.

Второй раз туда пошли вместе с Николаем Султановым. Он увлекся меньшей сестрой (29 года), я, конечно, старшей. В этот день я был смел, как никогда. Началось с фотокарточек. Мать не возражала, даже когда Катюша называла меня Вовочкой, была раскованна и, как мне думается, искрила страстью.

Подробности завтра, но сейчас я решил ее поцеловать, взять под руки. Ведь никогда еще я не умел и не смел делать этого. Попросил девочек проводить нас. Мать, к моему удивлению и радости, сама помогла нам в этом, сказав Кате одеться потеплей, - ветер, и проводить нас к соседям, показать их квартиру, где мы, по ее словам, могли бы переночевать.

Дорогой, как только мы вышли, я взял ее под руки, затем

обхватил за талию. Наконец, стал целовать в щеки, шею, лоб, губы. Все лицо исцеловал, но мне не показалось это вкусным. Почему, не знаю.

Люди, особенно поэты, считают, превознося, поцелуй самой великолепной вещью. Я первый раз целовал девушку, не считая Оли, и разочаровался в этом. Катюша - красивая, но, тем не менее, даже поцелуй в губы не произвел на меня возможно должного впечатления.

Она не противилась, но сама не целовала, и только открывала или смыкала губы для поцелуя. Самое нежное во всей нашей встрече - это прикосновение моего лица к ее мягкой, ласковой шее, и рук к еще не вполне развившейся, груди. Руки у нее были жесткие, хотя маленькие, девичьи, но измученные работой.

Когда еще днем я пробовал ей помочь молотить зерно, то, показав свое неумение, вызвал смех у нее. Катя - жемчужина, выросшая среди чертополоха. Жизнь ожесточила ее своею требовательностью и суровостью. Она так хочет жить! В ней много любви, и потому даже поцелуй незнакомого ей человека явился для нее неожиданной радостью. Я не решился сделать последний шаг, о котором так много и часто думал.

18.10.1944

Вот сегодня выпил неплохо. Водка крепкая. Говорят, что я пьян, но нет, это впустую, и кляксы... - люблю кляксы. Когда напился - так хорошо стало на душе, тепло, и весело в сердце.

Чернила разлил. Чем я буду писать? Горе мне и только! Люблю писать и хочу писать... Мне сказали - закрой дневник и не порть его (капитан Романов), и я решил закрыть и не портить, но не имею промокашки - все в чернилах. Пьяный, сумасшедший бред, бред ума, лишенного смысла, по причине выпитой самогонки.

Сам знаю, что ерунду пишу, но иначе не могу. Лейтенант Султанов говорит - пиши, а капитан не разрешает. Мне неудобно быть неграмотным, но я не умею держать себя и поэтому мне все безразлично. Султанов говорит: пиши про себя и заткнись. Надоело.

Сильно подвыпил, дорогой сильно занемог и насилу волочил ноги. Чернила перелил еще на квартире, где выпил. К счастью догнала нас подвода. На подводе лег и стало легче, но все равно тошнит.

Лучше всех держался капитан - он почти не отставал от меня. Он всю дорогу чудил.

19.10.1944

Районный центр Волынской области. Местечко Мацеев.

Идет сильный дождь, и я решил укрыться в райпотребсовете "Райспожилспілка", как по-украински.

Подводы транспортной роты далеко уехали вперед, но мне все равно, ибо я мечтаю доехать до Любомля машиной.

Секретарь здесь очень красивая и толковая девушка. Она 27 года. Но красота ее изумительна. Какое чистое, белое лицо, какие широкие брови и ясный открытый взор! Она напоминает во многом Иру Гусеву, но эта гораздо красивее.

Город Любомль - Село Пища. Неожиданно мне повезло - чудесную девушку встретил я здесь. Она невысокого роста, фигура у нее хорошая. Образованная, умная, и вся кипит, дышит жизнью. Они сами нас зазвали к себе. Николай решил, что он имеет право претендовать на ее расположение. Я держался, старался сначала не выдавать своих чувств.

Я не хотел идти в квартиру, куда меня звал Николай, но он настоял. Девчата, предложившие свои услуги, показались мне на первый взгляд неинтересными и слишком молодыми. Они не привлекли меня. Лишь только придя в квартиру, я обратил внимание на карие глубокие глаза, на высокий нежный лоб, на розоватые щечки и мягкую красивую фигурку одной из них. Между тем Николай вовсю заигрывал с девушкой - хозяйкой

квартиры, с той самой, чьи нежные женственные черты привлекли мое внимание. Я решил не мешать ему, но получилось совсем иначе, нежели я ожидал. Клава - так звали ее, обратила на меня все свои ласки-взоры, и я не выдержал, подсел к ней, стал разговаривать.

Все больше и больше в процессе нашего разговора вырисовывалось мое преимущество. Девушка увлеклась мною, моими стихами и, казалось, совсем не замечает моего Султанова, уставшего сдерживать перевес над ее чувствами. "Мой девушка", "хароший девушка" думала совсем по-своему и дала Султанову понять, что не расположена к нему. Он помрачнел, насупился, и когда мы с ним случайно встретились взглядами, - метнул сердитый, быстрый взгляд, демонстративно углубясь в чтение.

Я не понял его мыслей и решил, что он не особо и огорчен отставкой Клавиной.

Пододвинул к ней ближе стул и почувствовал ее легкое, горячее дыхание. Впрочем, тело ее имело какой-то специфический запах. Моя мама тоже так пахнет, и это сделало Клаву чем-то родней, ближе для меня. Только имя ее мне не особенно нравится, ибо оно связано ассоциациями с уродливой Клавой Пилипенко, ставшей со своей любовью тогда, в 8 классе, на дороге моей с Тамарой. Но это дело прошлого и потому не явилось серьезной помехой моему сближению с девушкой.

Я твердо стал на дороге, ранее казавшейся мне столь запретной и святой. Взял ее за руку, потом за плечи, прижал к себе. Она не предпринимала сама никаких шагов навстречу моим желаниям, но и не отклоняла моей нежности. Я становился смелей и азартней.

Николай неистовствовал - нужно было с ним объясниться. Мы вышли, испросив разрешения у девушек. Не помню слов, которые мы употребляли в нашей беседе, для взаимного объяснения чувств, но, во всяком случае, знаю, что ни слова матерного не вылетело из моих уст. Однако разговор, очевидно, был очень бурным, ибо из комнаты вышел капитан Романов и предупредил, чтобы мы осторожней были в выражениях, после чего мы быстро свернули разговор. Вошли, и встретили укоризненный взгляд Клавы.

- Вы о чем говорили?

Я не мог ей передать содержание нашего разговора и потому поспешил замять этот вопрос. А Николай говорил о своей ревности, хотя и немного завуалировано, но вполне для меня понятно. Он был смешон в своих претензиях ко мне, и я открыто заявил ему об этом. "Если она расположена к тебе больше - пожалуйста, я уступлю тебе дорогу". Эти слова я передал и Клаве,

но она поспешила лишь заявить, что ко всем одинаково расположена. Тем не менее, я и мои друзья хорошо видели действительное положение вещей.

Галя - другая девушка, тоже было пробовала начать со мной "разговор", и даже предложила сесть возле нее, но я, даже сев рядом, не очень-то сентиментальничал с ней, и она поняла, что все напрасно.

Капитан вышел с Галей прогуляться, а я тем временем все больше наслаждался женственностью и теплотой моей девочки: гладил ее руки, шептал нежно и прижимал губы свои к телу ее. Николай молчал, был сердит, и когда капитан пришел, решил оставить нас самих. Галя, тем не менее, сразу после ухода Николая, легла спать, и капитан оказался в цейтноте. Самым счастливым оказался "юноша" - я, по словам капитана.

Ко времени нашего знакомства с Клавой я зарос и выглядел отнюдь не свежо. Моя щетина, очевидно, сильно колола.. А Клава - о, это олицетворение нежности и блаженства! Я не помню, как я ее впервые обнял, впервые поцеловал, как ласкался к ее нежной груди и лицу, но помню, что это было. Я был пьян душой и телом.

Но вдруг влетел Николай.

- Пойдем Володя, пойдем капитан! - сказал он.

Капитан вышел, с ним поговорил, и затем они вместе вошли в комнату и стали собираться. Я недоумевал, но, тем не менее, поспешил собраться. Клава на прощание сунула мне свой адрес.

Николай привел нас всех в квартиру, которую он нашел после своего ухода. Капитан не захотел оставаться и решил вернуться к девушкам. Тогда и я решил последовать его примеру, тем-более, что уходил я только из-за предчувствия чего-то недоброго, ибо капитан оставался - проверял телефон, смотрел открытки.

На улице капитан вдруг сказал, что это очень честные и далеко не развратные девушки, свои тем-более, с родных мест, и с ними нужно быть вежливым и не позволять себе вольностей, как с "хохлушками". Я не понял направленности его заявления, и когда вернулся к Клаве, отдался своему чувству. Одно мне не нравилось, что они употребляли в своей речи сальные слова, но это где-то было нахватано, и казалось им, почему-то, веянием новой моды. Капитан, правда, заметил, что "хватит прибавлять к своей речи крепкие слова - девушкам это излишне и не идет", а я старался не замечать этого.

До поздней глубокой ночи я ласкался с ней, Клавой. Странное дело, такая маленькая, 25 года рождения девочка, обладала таким морем любви, что я окунувшись в него с головой, чуть было не потонул в нем. В этот день я был пьян, как и

накануне, от водки, однако я не любил Клаву, как должно любить настоящей любовью, а только наслаждался ее нежностью.

Как бы в подтверждение своей девственности, Клава легла с Галей, а мне постелила с капитаном отдельно. Я плохо спал ночью, и наутро, лишь поднялся, как Клава позвала меня к себе, а Галя предусмотрительно уступила мне место. Я лег сначала сверху на одеяло, а потом, осмелев, забрался и в середину. Вот тут-то и началась самая золотая пора. Уж я то ее обнимал и целовал, и прижимался к ней! Как было трепетно моему сердцу. Оно и сейчас, когда я (22.X.) дописываю свои воспоминания, трепещет и жарко бьется, осознавая, что та минута, увы, безвозвратно потеряна мною.

Клава тоже меня обнимала, целовала и остро смотрела мне в глаза своим задорным, но ласковым взглядом. Я не помнил что делал. Помню, ласкал, целовал и трогал пальцами соски ее нежных грудей. Она нисколько не мешала мне и не сопротивлялась, даже не стыдилась меня. У меня все нервы были возбуждены, но я так и не решился на большее, на запретное, хотя Николай и капитан, потом стыдили меня и ругали, а Клава, не знаю из каких соображений, назвала "мордочкой", а потом "юношей".

21.10.1944

Село Пища.

Клава ушла на работу, и обстоятельства помешали нам - мы хотели сфотографироваться.

Неужели не повторится больше замечательный миг нашей встречи, и особенно утра перед расставанием? До сих пор нахожусь под обаянием того блаженства, того счастливого забвения, которое испытал в то памятное утро (20.X.) Но, увы, судьба так предопределила нам.

Денег я не достал - сберкасса не выдавала еще, а отсюда и остальные последствия. Друзья мои решили ехать. Как-будто специально, во исполнение их намерений, нам подвернулась машина, и мы через пару часов оказались в 48 километрах от Любомля. Возможно я показался ей наивным, лишенным гордости и достоинства, так нет! Война, ожесточившая сердца многих, сделала меня, напротив, склонным до предела к ласке, любви, и при встрече с ней я не рассуждая, не задумываясь, отдался моему чувству.

В армию ушел я слишком молодым и неопытным в жизни. Таким я оставался до встречи с Клавой. Любовь я слишком идеализировал, любя на расстоянии, глазами. Я мало встречался с девушками ***

Томашевка. Возле регулировщика ожидаю. Отсюда до

Владова 5 километров.

Дорогой окончательно разругался с Николаем. Он безумно глуп и все время пути нашего от Любомля не переставал ругать и рисовать самыми мрачными и непривлекательными красками Клаву и все наше знакомство. Конечно, он ревновал и завидовал, но я ведь не виноват, что девушке он не нравился. Он хотел драться даже со мной, но я не такой горячий и предпочитаю с людьми, подобными Николаю, лучше не иметь дела. Решил ехать отдельно, тем более что капитан предпочитает его сопутствие моему, ибо Николай пропивает буквально все, что имеется у него. Мало того, он пропил и мое стиральное мыло и оба куска туалетного. Мне с ним очень разорительно было ехать. Вчера он даже мою рубашку хотел пропить, обещал, что отдаст, но я ему не верю. Плащ-палатку, он говорит, куда-то положил на подводу и забыл. Опять-же для того, чтоб пропить.

22.10.1944

Польша. Село Ганна.

Вчера расстался с Николаем и капитаном Романовым. Они пошли, а я остался на почте. Там написал несколько писем. Продавали почтовые открытки, а денег у меня не оказалось - я обанкротился в дороге. Надо было найти выход из положения. Тогда зашел в первую же попавшуюся хату и предложил хозяину помазок и мыло. Просил 20 рублей, но тот торговался, и я отдал за 15. Все деньги вернул за открытки, но пришли еще какие-то майоры-медики и стали требовать, чтобы им тоже отпустили открыток. Вынужден был купить только 50 открыток на 10 рублей. 5 рублей осталось в кармане.

Через границу переехал с этими майорами - у них было командировочное предписание, три машины, люди и имущество. Однако у пограничного поста люди, с которыми я ехал, указали на меня, что я подсел в дороге к ним. К счастью сумок не проверяли, а только документы, но так как по этому пути ехала вся дивизия, меня пропустили.

Во Владове везде были наши. Натолкнулся на Пятерку. Там у меня были знакомые из офицеров и бойцов, и они указали мне, где штаб дивизии. В оперотделе застал Щинова, топографа и других. Щинов уже майор.

- Здравствуйте, старший лейтенант, - сказал он мне, но сразу запнулся увидел, что лейтенант.

- Меня не повышают - сказал я ему, и рассказал мою историю со времени направления в 902.

- Ты неисправимый. Когда же ты начнешь воевать? Вот увидишь, попадешь в стрелки, и там тебя убьют.

Я ответил, что в стрелки не пойду, но его слова обидны мне

стали, и сердце мое екнуло от боли. На груди у Щинова две звездочки и орден Отечественной войны. Он-то себя считает воякой, и мне, который непосредственно на передовой находился, и будет еще находиться, заявляет "когда ты начнешь воевать?!" Узнал маршрут и вышел.

Магазины переполнены, все в них есть. Вынул свои деньги и хотел купить несколько карандашей, но оказалось, что карандаш стоит 40 рублей, а лист бумаги 25 рублей или злотых. Я спрятал свои капиталы и решил поскорее убраться из города, чтобы не умереть от голода, который предстоял мне здесь. Однако уже на окраине вспомнил, что я без сумки с дневниками. Вынужден был вернуться в оперотдел. Щинов меня встретил на улице и укоризненно покачал головой. Вот она - моя рассеянность к чему приводит! Но, к счастью, сумка оказалась на месте и я, довольный ее возвращением, без оглядки поспешил на дорогу прерванного маршрута.

Дивизионного банка тоже не было. Я был почти нищий, если бы не две звездочки на погонах, которым здесь оказывали большое предпочтение.

На дороге за городом остановился возле наших машин. Они должны были с минуты на минуту отправиться, но сами шофера не брали, и нужно было подождать майора - начальника колонны.

Вдали вырисовывался оставленный мною город с польским названием, с красивыми полячками, гордыми до омерзения.

Мне вспоминается встреча с одной полячкой-старухой, еще в Западной Украине. Ей было 70 лет, она была без зубов и морщины безобразно сплюснули ей лицо.

Мы вошли втроем к ней в квартиру, и нам сразу бросился в глаза, вывешенный в центре комнаты на стене, большой, вышитый золотом польский герб.

- Что это? - Спросили мы.

- Это герб Польши - высоко подняв голову, ответила она. - Я обязательно поеду к себе на Родину, в свой край.

- А здесь вы давно живете?

- Здесь я родилась, но моя Польша - там, - указала она гордо. - Здесь моей Польши нет, здесь чужой край.

Мне было противно, и я постарался поскорее уйти оттуда. Капитан сказал, что ее мысли и спесивая гордость нас не должны огорчать, нам важно уже то, что она нас покормила и приняла по-человечески.

В Владове и в других местах польские солдаты и офицеры первые приветствуют нас. В их приветствиях хорошо заметно униженное достоинство и подобострастие, которое они испытывают перед нами. Вся Польша наводнена польскими

войсками. Они всюду, и в городах и селах, и везде они первые приветствуют нас, даже младших себя по званию. Я не приветствовал их первый. Чувство законной гордости своей Армией, народом, и ничтожество этих петушиных манекенов, - разукрашенных солдат и офицеров, барышень, и даже глубоких старух, мужчин, всех степеней и рангов - преобладало. Я презираю этих глупцов, чья зловредность явилась во многом причиной той войны. А теперь они, поляки, вооруженные до зубов, расхаживают по тылам - не воюют. Очень ничтожная часть их на передовой. Призывают здесь только молодых, от 18 до 35 лет.

Эта часть Польши, где много русских и украинцев, хорошо еще, за некоторым исключением, нас встречает. Но туда дальше - звери и русскоменавистники. Евреев тоже здесь не любят и открыто называют "жидами", - так принято здесь. Еще бедные люди, особенно русские и украинцы - те так-сяк, сочувствуют даже им, но поляки... те со скрежетом зубов отзываются о евреях.

Мне рассказывали о польских женщинах: те заманивали наших бойцов и офицеров в свои объятья, и когда доходило до постели, отрезали половые члены бритвой, душили руками за горло, царапали глаза. Безумные, дикие, безобразные самки! С ними надо быть осторожней и не увлекаться их красотой. А полячки красивы, мерзавки.

Здесь в деревне я один. Долго разыскивал украинцев, чтобы у них стать на квартиру, хоть и это было опасно, ибо без оружия меня быстро сумели бы отправить на тот свет, но рискнул. К счастью, хозяева хорошие и с уважением и любовью отзываются о русских. Я ночевал здесь, и кормили они меня, что называется "от пуза". Живут они не особенно хорошо, но и не плохо, однако жиров у них нет.

Солдаты наши ходят, молока просят, самогонку, воруют лошадей, скот, и вообще, движение армии сопровождается слезами и причитаниями жителей. Немцы хуже делали, но и нашими славянами в этом отношении здесь недовольны. А ведь здесь глубокий тыл, польская власть и совсем чужая страна. Страна, где не прощают и вредят.

О партизанах тоже здесь отзываются с неприязнью, говорят, что партизаны грабили население, насиловали паненок.

23.10.1944

В Ганнах хорошо провел ночь. Утром плотно покушал и взялся за карандаш. Хозяева очень добрые и славные люди. Мне они дали несколько карандашей и бумаги три листа. Карандаши, правда, разноцветные, а бумаги на один раз хватит едва ли, но, тем не менее, здесь это редкость - в Польше это большая доброта.

Когда я собрался уходить, в комнату вошли девочки деревенские. Они очень мило разговаривали. Одна из них была красива, и я решил подождать, остаться еще немного в Ганнах. Имя самой красивой было одноименно с названием села - Анна. Она попросила у меня ***

24.10.1944

Колония Горбув. Дорогой сюда встретился с Галаем. Я ехал на подводе местного жителя, и узнав, поприветствовал Галая. Большую ошибку сделал, ибо это обратило на меня его внимание. Он остановил машину, пальцем показал, чтобы я шел к нему. Подбежал, доложил.

- Куда идешь? Почему сам? Сукин сын ты! П...к ты, х... моржовый!

Слыхал я от него матерщину, но такую впервые. Я молчал, ибо знал, что с генералом, особенно таким как Галай, лучше не разговаривать. Между тем комдив продолжал.

- Лодырь ты! С гражданскими едешь! Не стыдно ли тебе? Эх ты, рас...й! И махнув рукой закрыл дверцу машины.

- Как фамилия? - спросил он в заключение.

- Гельфанд - ответил я, и машина тронула.

Переждав, пока она скроется на горизонте, я снова сел на подводу. Но мне не везло. На пути опять столкнулся с машиной Галая, но не доезжая до нее, спрыгнул с подводы и спрятался за дерево. Однако кто-то из его спутников заметил и указал пальцем на меня. Галай посмотрел, но не стал предпринимать чего-либо, звать, и после пятиминутного моего ожидания за деревом, уехал вперед.

Еще раз я встретился с машиной Галая в одном из сел где была Пятерка, но поспешил обойти ее как можно дальше огородами. И наконец, в последний раз в течение дня - к моменту моего прихода в село, где расположен штаб дивизии.

Перед этим, будучи очень голодным, зашел в одну хатку и попросил за деньги дать мне чего-нибудь поесть. Хозяйка говорила, что наши деньги в Польше не принимают, но взяла последние мои 6 рублей и налила суп - чистую водичку, причем даже в хлебе отказала, оправдываясь, что раздала его бойцам.

Села есть рядом. В то-же время налила себе довольно-таки густой суп, положила пюре картофельное и вынула свежий хлеб. Я бросил суп, и не попрощавшись вышел из квартиры. Вот она, приветливость поляков!

В Польше много лесов. Они густы и зелены, но принадлежат не государству, а отдельным лицам. Земля тоже - вся огорожена и поделена на части, на хозяйства. Встречал и больших, и малых хозяев, видел, как в поте лица работают бедные, но молодые и

красивые девушки и парни на какого-то уродливого, но богатого старца-пана. Как гнут спину старики и дети, мужчины и женщины, и все-таки хвалят ***

Сегодня, придя в село, где находится штаб дивизии, как раз перед его отъездом, решил разыскать письма свои.

Добирался разными путями: машинами, подводами, пешком... Когда с одной машины пересел на другую, наткнулся *** Полушкин не хотел брать. Сел исключительно с помощью майора Щинова. На дороге, однако, этот подлец Полушкин дважды пытался ссадить меня, а когда приехали на место, рассказывал о моем письме, которое невесть каким образом попало к нему (речь идет о письме по поводу безграмотности газеты "Кировец"). Теперь понятно мне, почему майор Щинов даже не обернулся ко мне лицом, когда я зашел в оперотдел, где он играл в шахматы: ему все известно. Обидней всего, что невежда Полушкин назвал мое письмо неграмотным, и еще более обидно, что оно к нему попало в руки.

Солнце спускается. Минут двадцать назад прибыл в село Домброва. Квартиру себе выбрал как всегда в стороне от села. Сюда никто не придет, и я себя буду чувствовать свободно, особенно потому, что подальше от галаевского гнева.

Начальник отдела кадров капитан Лысенко тоже ругался и грозился, что мне попадет, что я шляюсь самостоятельно, а не в полку. Я объяснил ему, что капитан Романов дал аттестат в АХЧ и передал мне, что нам разрешили находиться в дивизии.

- Вам приказал НОО дивизии, а вы слушаетесь какого-то капитана. Вам попадет!

- Но я же ведь не дурак плестись пешком, ноги бить, когда в этом нет абсолютно никакой надобности!

Завтра последний раз наведаюсь в штаб дивизии с тем только, чтобы устроить свои некоторые дела: получить деньги, продовольствие, письма. И больше меня не увидят здесь - буду с транспортной ротой двигаться.

"Пан!" - интересное дело! Еще ни разу не был паном и вдруг сделался им. Как-то режет слух это.

Видел сегодня настоящего барина-пана и чуть не засмеялся - живой, толстый, тот самый, которого я видел до этого так много на картинках. Настоящий Мистер-Твистер, каким его рисовали в детских книжках. Он стоял в одном городе, который мы проезжали, и о чем-то рассуждал-жестикулировал.

Польские деревни и города очень красивы издали. Надо всеми строениями величественно господствуют, возвышаясь, церкви. Дома великолепной архитектуры. Внутри, однако, огромное несоответствие с внешним видом резко бросается в

глаза.

О церквях. Здесь веруют все. И неверующих бойцов и командиров наших сразу безоговорочно называют коммунистами. Это тоже характеризует убогость мысли среднего поляка.

Сегодня спутницами мне к одному из сел оказались красивые полячки-девушки. Они жаловались на отсутствие парней в Польше. Тоже называли меня "паном", но были неприкосновенны. Я одну из них похлопал по плечу нежно, в ответ на ее замечание о мужчинах, и утешил мыслью об открытой для нее дороге в Россию - там де много мужчин. Она поспешила отойти в сторону, а на мои слова ответила, что и здесь мужчины для нее найдутся.

Попрощались пожатием руки. Так мы и не договорились, а славные девушки, хоть и полечки.

В городе Бела-Подлески разыскал банк. Но оказалось, что деньги выдают в нем только по особым документам.

- Где же можно будет получить деньги, наконец? - спросил я кассира.

- В СССР - ответил он, и я сразу почувствовал - как тоскливо, что я за рубежом. Сердце защемило от его слов.

Наши войска покорили уже три столицы Европейских государств, одну освободили целиком - Белград, одну наполовину - Варшаву, и возле одной Будапешта - близко очень находятся. Наши части дерутся на территории Германии. Перед нами последний путь, на последнюю столицу - Берлин.

Сегодня впервые читал оперативную сводку за вчерашнее число о действиях наших войск на фронтах.

Село Грудск.

Хозяйка постелила постель, и толкнув меня за руку, предложила:

- "Товарищ спать хоче?!" Ее мальчик заметил:

- "Товарищ еще пише", а маленькая дочь бормочет себе под нос "пан-товарис, пан-товарис". Очень любопытно. Здесь иначе ведь не называют, чем пан, и вдруг им приходится ломать язык на какое-то "товарищ". Мне, например, трудно называть поляков "панами", ведь на самом деле все они простые трудящиеся.

- Пан шиско пише, бо умее писать.

Хозяева дома, где я остановился - настоящие трудящиеся-бедняки. Это действительно люди добрые и приветливые. Если бы такие были все в Польше, то лучшего не нужно было и желать.

Бедняки. Даже хлеба утром у них не было, а продуктов едва-едва хватает. С топливом тоже у них трудно - покупать не на что. Тем не менее они последним со мной делились, и я на них не могу обижаться.

"Друзья" мои поступили так подло и неблагодарно, что даже

охарактеризовать их действия трудно. Все мои продукты и даже доппаек они получили и скрылись неизвестно куда, оставив меня голодать. Естественно, они выпьют хорошо и повеселятся. А я то... Бог с ними! Однако прокурору придется пожаловаться. Ведь они набрали продуктов дней за десять - допсахар, консервы, печенье, табак, хлеб, и прочее и прочее. Так-то оно, друзья!

Денег в банке мне не дали. Кассир в дивизии тоже отказал мне в зарплате, мотивируя наличием закона, запрещающего держать резерв при полку и дивизии, и в особенности - выплачивать деньги.

- В СССР получите по вкладной книжке - повторил мне те-же слова кассир.

Писем, однако, получил много - 9 штук, - на одно письмо меньше чем написал.

От Бебы Койфман получил милое письмо, на которое надо дипломатично, подумавши, ответить. Немного все же непонятно она выражает свою мысль и говорит, как бы оправдываясь о своем увлечении, точно она передо мной виновата: "Мне 20 лет и могу же я хоть чуть-чуть увлечься". Забавно получается, - она извиняется передо мной. Теперь я вижу, что ее рассуждения искренни и ей обязательно следует выслать фотокарточку. И напишу ей, что ее фотокарточку не получил - пусть еще одну вышлет.

Ире Гусевой ответил уже. Ее письмо чрезмерно сдержанно и сухо, хотя и немедленно она ответила на мое.

Мама обрадовала: оказывается, она хочет сближения с папой! То-то новость для меня!

Аня Лифшиц пишет очень грамотно и очень хладнокровно, без души.

Софа Рабина хочет писать "учено", но у нее не получается. Неужели она будет иметь успех в литературе и даже займется научной работой в одной из ее отраслей, как хочет? Ведь у нее очень наивные и неотесанные мысли, бедные слова. А помню ее в школе очень толковой и грамотной девушкой. Или несоответствие мыслей на бумаге и в живой речи? Вряд-ли такое допустимо.

Тетя Аня коротко пишет, тетя Люба тоже. Мои открытки доставили всем двойное удовольствие.

25.10.1944

*** выгоню - заключил он и тоже отошел прочь. Я тем временем скрылся из виду.

Попасть на машину мне удалось только когда солнце вползало за горизонт. В пути нас остановил генерал-майор Галай. Двигалась колонна. Это оказался 902 с.п. Я быстро слез с машины

и переждал пока пройдет весь полк. Видел и почтальона, и Ксеника, и всех, однако писем не получил. Почтальон говорит, что передал их в дивизию. Потом машина обогнала колонну и я приветствовал полк стоя на ней.

Поздно ночью пришел в местечко Писча. Вошел в один дом на главной улице. Хозяева посоветовали пойти мне в дом по соседству, к девушкам - там есть где ночевать и весело будет. Я увлекся этой идеей и ушел. Однако у девочек было полно гостей, а все другие дома оказались к тому времени занятыми. Обошел все село, трижды заходил в комендатуру, и когда вся эта канитель мне надоела, решил пешком уходить из этого неприветливого места.

Дорогой ехали две брички, и я пошел за ними следом. Возле регулировщика спросил дорогу на Горбу.

- Влево, влево иди! - вместо регулировщика ответил другой голос.

Мы опять встретились!

- Ах это вы, товарищ полковник! - изумился я и поспешил свернуть влево. Оказалось не даром, ибо он был в гневе и напал на старшину, ехавшего на повозке, когда тот сказал ему "Что это за мудак там кричит?!"

Полковник был, кажется, начальником штаба корпуса, но ругался он так матерно, что слышать все это было от такого командира странно и неудобно.

Старшина не хотел меня взять на подводу, и я решил искать себе ночлег. Набрался храбрости уйти в сторону от дороги и пошел прямо на огонек, тускло мерцавший в лесу. Километра три от села отошел. Дом стоял одиноко рядом с лесом, что усугубляло опасность. Но я решил рисковать, ведь судьба до того не раз выручала меня, и, наконец, не все же люди способны на убийство и подлость.

Хозяин дома, выйдя, долго расспрашивал откуда я, сам ли, есть ли еще военные и т.д. Наконец он разрешил заночевать у себя. Я был голоден и сердит, но ужин не удовлетворил меня: хозяева налили мне миску борща, которой был в основном из капусты и юшки, к тому же горчил. Юшку я выпил, но капуста была мне противна. Тогда мне налили полстакана молока. Явно это делалось ценой больших усилий.

Спать постелили на соломе, причем укрыли эту солому каким-то рядном. С тяжелым предчувствием чего-то недоброго лег я спать и дважды за ночь просыпался.

Наутро проснулся рано и хотел было начать писать, но не пришлось позвал хозяин, дал мне полстакана молока и немного картошки.

Разговорились. Хозяева выявили передо мной целиком свои реакционные взгляды. Они, например, говорили о том, что немцы для них лучше, чем мы, утверждали, что те не накладывали на них таких налогов, не брали для армии столько зерна и даже платили сахаром и жирами, если брали что-либо.

- Сталин дал немного зерна для жителей Варшавы, но это зерно он отобрал раньше у населения еще в большем количестве! Мы не считаем, что Красная Армия освобождает нас - она несет нам другой гнет, еще более тяжелый, чем немецкий. Новое правительство народ наш не признает - это предатели. Поляки смеются с люблинских ставленников Сталина и не допустят, чтобы те были у власти. Вы пришли к нам с оружием потому-что сильнее нас. Если бы мы смогли - мы бы не пустили вас к себе, но те поляки, которые сейчас стоят у власти, предали интересы нашей Польши. У нас привыкли свободно рассуждать, были даже специальные журналы, которые критиковали правительство (мне показали журнал), но все-таки мы любили наше правительство прежнее и сейчас с уважением относимся к нему (портрет Сикорского, который до сих пор висит у них на стене, наглядная тому иллюстрация). Почему ваша страна закрыла для нас границу? В другие страны мы ехали легко и свободно, а к вам нельзя было. Вы закрылись от всего мира, чтобы он не знал о тех ужасах, что делаются у вас! И в то же время вы кричали на всю землю о своих достижениях и успехах. И не стыдно ли вам, такой большой стране, что вы не устояли перед немцами?

- Но, - возразил я - теперь даже враги признают, что мы оказались сильнее Германии в этой войне. Союзники наши очень уважают нашу стратегию и тактику, и даже держат специально военных советников наших при своих армиях. СССР спас мир от немецких разбойников!

- Ничего подобного! Вы допустили до того, чтобы заняли Польшу и другие страны, вы и сами не смогли устоять, и только помощь союзников обеспечила вам успехи. Польша же сумела продержаться целый месяц. Своей героической борьбой она дала вам возможность подготовиться к войне. Немцы только из-за вас пошли на Польшу, иначе они ее не трогали б. Но Польша очень мала, чтобы задержать таких сильных солдат, как немцы, и она уступила их натиску.

- Но Югославия, - опять возразил я - она же еще меньше, и почти совсем не имеет вооружения, однако она сумела организовать внутри себя такое сопротивление, которое затем переросло во всенародную борьбу с врагами. Вы вот говорите, что у вас каждый делает так, как ему хочется. Каждый критикует, каждый покупает и продает и оружие, и продовольствие кому

хочет, даже врагу. В Польше нет сплоченности: один тянет в лес, другой по дрова. Смотрите, как наша страна организовала отпор немцам: когда ей угрожала опасность, народ встал на защиту своих рубежей сплоченной стеной и победил! Франция тоже сильная страна, передовая в Европе, однако в ней не было единодушия, были предатели и немцы ее захватили. Польша могла сопротивляться лучше, чем она сопротивлялась. Советский Союз помог бы ей, если бы она захотела этого.

- Она хотела. У нее границы были открыты.

- Да нет же, вспомните, о чем договаривались с нами Англия и Франция перед тем, как мы заключили мир с Германией...

Разговор перешел на другую тему. О евреях. Я нарочно не говорил что еврей, ибо хотел узнать их мнение по этому вопросу.

Хозяин мне показал немецкий журнал на польском языке. В этом журнале были сфотографированы руководители трех государств: СССР, США, Великобритании.

- Эти люди ввергли мир в войну - пояснила жена хозяина (хозяин к тому времени ушел на работу). - Евреи находятся в правительствах всех этих стран, - и она стала показывать, кто именно. - Правительство Роля Жимерского и *** тоже состоит из евреев. Эти люди с отвисшей скулой и красным носом хотят править нашей страной. Но никогда этого не будет! Однажды в Польше хотели поставить одного большого еврея-миллионера у власти, но народ протестовал и его не поставили. У нас все зависит от народа!

О Ванде Василевской:

- Это детская писательница, она писала байки для детей, а Сталин сделал ее великой. Но поляки смеются с нее. Она предательница и ребенок пишет лучше ее.

О Буре:

- Он хотел освободить Польшу сам. Мы не хотим, поляки, быть обязанными вам и платить своей землей за "освобождение". После войны вы заберете Польшу, но Англия и Америка будут хозяйничать над вами. Вы глупые: для союзников вы только пушечное мясо. Все-равно у вас будет строй таким, как захотят они. Они имеют вооружение, людей, но они берегут свои силы. Они подставляют ваши головы, как подставляли раньше и теперь польские.

Об украинцах отзывается с ненавистью: "Они все предатели и их нужно вешать!". Но я решительно высказался против такого суждения и попытался доказать, что ни один народ нельзя обвинить в целом за преступления отдельных выродков.

- Сколько вы видели здесь украинцев-изменников?

- Тысячи!

- Вот видите, а украинцев 46 миллионов человек ***

26.10.1944

Главным препятствием на пути наиболее благоприятного разрешения польского вопроса "служила в течение четверти века узколобая авантюристическая политика польской реакции, занимавшей господствующее положение в Польском государстве и определявшей направление его политики". ("Правда", по поводу итогов московских переговоров Черчилля, Идена Сталина, Молотова. 21 октября).

27.10.1944

Вчера получил 20 писем, но сам написал только 9.

Сюда приехал ночью. Было очень холодно и я не в состоянии был ехать машиной дальше. Люди - хорошие хозяева этой квартиры, но девочек моих лет, или хотя бы для моего возраста, здесь нет. Как неудачен всегда мой выбор!

Султанов отдал мне лишь кусок сала и сахар, остальное, говорит, поел. Консервы, табак, печенье и прочее. Какой же он мерзавец! Я пригрозил ему прокурором, но он попытался запугать меня тем, что я с ним вместе пил. Палатку мою он тоже не хочет отдавать. Говорит, положил на подводу, а на самом деле пропил. Капитан Романов молчит, делает вид, что непричастен ко всему, но он-то голова, а Султанов - орудие желания капитана выпить.

Село Нова-Вещь, Повед Соколув, Варшавского воеводства. Здесь ночую сегодня. На машину не попал. Прокатился на одной из попутных километра три. Ехало много свободных, но они не брали. Шофера, с равнодушным от благополучия и довольства лицом, отрицательно качали головой, и еще увеличивали скорость машины, когда я просил поднятием руки остановиться. Наши машины, дивизионные, тоже обгоняли меня в пути.

Подвода, с груженным на ней мотоциклом, следовала по тому же маршруту, что и я, на ней и доехал.

Весь день на дворе стоял жгучий мороз. Всю деревню обошел, но везде, под разными предлогами отказывали в постое.

Только здесь мне оказали гостеприимство. Хозяйка внимательно отнеслась ко мне с самого момента моего прихода: она и ее молодая дочка стали делать мне комплименты, что я "красивый, чернявый". Хела, - так звать хозяйскую дочь, сразу в упор спросила меня, сколько мне лет. Я сказал, и в свою очередь спросил ее о том же. Ей - 19. Она интересна, но слишком высока, чего я не люблю. Однако попытался с ней поамурничать. Не получается. Тем более, что сюда попал Маженов и остался ночевать. Он, со своими подходами...

Впрочем, и здесь он не преминул совершить подлость. Несмотря на то, что я первый пришел в квартиру, он улегся в

приготовленную для меня постель и сказал, что со мною ему будет тесно. Решил не скандалить с ним и лечь на соломе. Подлецам всегда везет!

Милая Галя!

Я не раз намеревался поговорить с Вами просто и откровенно обо всем, что у меня накопилось для Вас в лексиконе. Но мысли оказались скудными, а слова слабыми, чтобы передать Вам всю полноту моих чувств. Так позвольте с Вами говорить языком сердца, позвольте, раз на это пошло, быть до конца откровенным и прямым.

Я увидел Вас впервые много дней и, пожалуй, месяцев, назад, когда был направлен в дивизию на семинар, еще задолго до Мало-Колосова. Но тогда Вы промелькнули в глазах моих, словно чудное виденье, и спустя много времени я все еще не могу Вас увидеть. В Мало-Колосове я, впервые с Вами встретясь, прочел в Ваших глазах столько великолепия, глубины, что словно обезумел и с тех пор мечтаю о Вас.

Три дня подряд, будучи в резерве дивизии, я добровольно дежурил при оперотделе специально только для того, чтобы увидеть как Вы танцуете, как поете, как светите красотой и умом всюду, где только появляетесь. Однако, я не мог довольствоваться одной мечтой и решил во что бы то ни стало поговорить с Вами. Только условия и события весьма неблагоприятствовали этому - Вы находились круглосуточно на работе, всюду были люди со злыми языками, и я не хотел навлечь на Вас неприятность своим внимнием. Поэтому я написал записку, в которой предлагал встретиться в условленном месте и ждал Вашего согласия. Не доверяя людям, я лично решился передать эту записку Вам, но вместо встречи или ответа получил пощечину, переданную, к тому же, через другие руки, и ставшую, таким образом, известной за рамками нашего интимного разговора.

У меня хватило самолюбия отречься от своей мечты о Вас и постараться больше не видеться с Вами. Однако, не весьма надолго. Прошло время, и вот видите - я опять вернулся к старой мечте своей, вернулся к Вам; с новой силой Вы всколыхнули мое сердце, зажгли его огнем неугасимой страсти и беспредельной нежности к Вам.

Юноша - можете подумать Вы обо мне. В наше время нельзя ведь думать о настоящем, искреннем чувстве к девушке; сейчас у людей другие животные страсти и скотские интересы. Пусть так, но я именно хочу, чтобы Вы поняли мои бескорыстные и чистые чувства и оценили, в сравнении с пошлыми временными интересами окружающих Вас людей.

Я много о Вас слышал и много интересовался Вами. Но

ничему не верил из того, что мне о Вас говорили и продолжаю обожать Вас больше всего на свете. Однако, Ваше отношение ко мне более чем странно и оскорбительно для моего самолюбия. Вы, повторяю сказанное Вам вчера, избегаете откровенного разговора со мной, и тем самым затягиваете развязку, которая должна в ту или иную сторону изменить взаимоотношения между нами.

Очень может быть, что я показался Вам надоедливым и пустым человеком, с которым, в силу его навязчивости, излишне разговаривать: ведь Вы буквально убежали от меня, когда я попытался объясниться с Вами. Но почему? Этот вопрос наряду с рядом других вопросов, незаданных Вам, с многими другими вопросами, навеянными Вашим образом, до сих пор продолжает оставаться гвоздем моего воображения, и я умоляю Вас - помогите разрешить мне все сомнения, ответьте честно - сообщите Ваши размышления или, возможно, сомнения.

Неужели Вы предпочитаете большого, но старого начальника, человеку, обладающему незаменимыми для жизни качествами: молодостью, искренностью, чувствительностью. Не думайте, однако, что я буду менее чувственен. Ваша жизнь не должна быть загублена. Мне жаль Вас потому еще, что я люблю Вашу молодость и трепещу перед ней.

Но смею Вас заверить, что Вы еще услышите обо мне, если не теперь, то в ближайшем будущем и, возможно, сумеете пожалеть о несостоявшемся (если, увы, так суждено) нашем знакомстве.

Настаиваю, тем не менее, на убедительном и правдивом ответе, который поможет мне оценить и осмыслить дальнейшее.

Жду ответа. Владимир

28.10.1944

Польша похожа на злого, капризного ребенка, с которым нянчатся, из-за которого убивают много времени очень взрослые и очень серьезные люди. Повидал я Польшу, и насколько мог изучил ее нравы, быт и обычаи. Много внимания здесь придается внешнему лоску.

Жители ездят на велосипедах. Пешком редко ходят. Велосипеды здесь предмет первой необходимости. Дороги все мощеные, дома очень красивые и много больших. Если проехаться Польшей в качестве наблюдателя-туриста, впечатление от этой страны может получиться весьма превратное. А на самом деле, искушенному наблюдателю, познавшему и другую сторону жизни и устройства Польши, открывается нисколько не привлекательная картина. Люди, обутые в зимний период в сандалии и лапти; лохмотья шелковые, правда, изящные, но лохмотья, в которые одеты они; борщ из одного бурака и воды, который они едят;

схваченные проволокой плуги, которыми они пашут и обработка земли вручную... Детская, почти, промышленность. Маленькие кирпичные заводики, фабрички, с жирными, отъевшимися хозяевами-помещиками и нищие батраки-рабочие и крестьяне, которым продуктов хватает едва на жизнь. Огромные магазины частников, недоступные, из-за установленных в них цен на товары для основной массы польского населения. Большие серые деревянные кресты, так неприветливо открывающие вид на деревни у входов и выходов ее. Деревянные дома, даже в городах. Деревянная Польша!..

Косув-Лядский, Повед Соколув. Решил остаться здесь, хотя дивизия ушла далеко вперед.

В городе Косув мы с Маженовым остановились перед одним магазином, заинтересованные его содержимым. Денег не было, и Маженов сокрушенно вздохнул. Стоявший неподалеку местный житель, слышавший наш разговор, подошел и предложил зайти к нему, попить чаю. Маженов сказал, что от водки не отказался бы, но чаю не хочет.

- Можно и водки, - сказал человек и повел нас к себе.

Там нам налили чаю, принесли по два яйца. Но видя, что мы не прочь все-таки выпить немного, поставили поллитровку, лук, сделали яичницу и пошло пированье. Выпил я немного, 4 стопочки кажется, по 75 грамм каждая.

За столом выяснилось, что пригласившие нас к себе люди - евреи, бежавшие из концлагеря, так называемого лагеря смерти Треплинника.

15.11.1944

Сегодня мне улыбнулось счастье неожиданно совсем, в лице девушки пришедшей сюда в квартиру.

Когда она договаривалась с хозяевами, я сразу изъявил свое согласие, чтобы она здесь поселилась. Хозяйка не совсем была довольна появлением девицы, но после настойчивых просьб ее, согласилась пустить на квартиру.

16.11.1944

Наконец-то получил письмо от Клавы Плескач, и надо сказать, сразу разочаровался в ней. Лучше она совсем не писала б мне. Я любил бы ее страстно и уважал бы по-прежнему. Но теперь...В ее письме не видно того ума и глубины мысли, которые я в ней предполагал, к тому же она безграмотна ужасно.

Занялся сейчас составлением объяснительной записки для моей новой приятельницы-квартирантки, которую хотят исключить из партии по обвинению в сожительстве и пьянствовании. Подумать только, какое постыдное обвинение для девушки! Она говорит, что обвиняют ее несправедливо, и

попросила помочь ей оправдаться. Я слабый и податливый и сравнительно легко она меня склонила помочь ей.

Хотел ответить на письма. Сегодня рекордное число - 4. Как изменились времена все-таки. Не так давно я получал по 10-15 писем в день, а однажды 29! Но вот уже много дней, как я совсем ничего не получаю, или одно-два письма в день.

От коммуниста
сержанта
Сидорчук Н.Т.
Начальнику политчасти
248 сд полковнику
Дюжилову
ОБЪЯСНЕНИЕ

Ввиду обвинения меня в плохом поведении, как коммуниста, считаю необходимым ознакомить Вас с истинным положением вещей.

В день празднования 27 годовщины Октябрьской Революции, командир 2 дивизиона 771 артиллерийского полка, где я до последнего времени находилась, капитан Фисун, в ознаменование нашего праздника организовал вечеринку, куда была приглашена и я.

После окончания празднований, когда присутствующие стали расходиться, капитан Фисун, видя, что я не совсем в трезвом состоянии, посоветовал мне идти отдыхать в подразделение. Но когда я оказалась на улице и увидела что на дворе темно и грязно - решила вернуться в квартиру, так как плохо себя почувствовала. Но, вместо того, чтобы помочь мне в моем состоянии, часовой по ряспоряжению капитана Фисуна не впустил меня в дом, говоря, что получил соответствующие относительно меня указания. Даже тогда, когда я постучалась в окно, мне не открыли, не обратив никакого внимания. На мою просьбу помочь мне дойти домой никто не прореагировал. Я тогда окончательно ослабла и упала.

После произошедшего со мной из дома вышли несколько офицеров ***

17.11.1944

Второй день ни в клубе, ни на почте нет газет. Писем тоже не было сегодня, и я отвечал исключительно на старые. Скучно. Читать нечего, а писать неудобно, так как в доме теснота и шум.

Хозяева и их дети рассказывали мне польские анекдоты, из которых наиболее многочисленные и едкие - о евреях. Спели даже несколько песен польских, высмеивающих "жидов". Мне было неловко слушать и глазам моим стыдно смотреть на этих "представителей интеллигенции", радостных в устремлении своем

и детей своих опорочить другую нацию, развивая в них расовую ненависть и национальный шовинизм. Но что я могу поделать? Я в чужой стране и отвратительные обычаи и нравы этой чужой мне державы не могу критиковать открыто, хотя и изредка, в деликатной форме, я себе это позволяю.

18.11.1944

В ожидании обеда. Моя хозяйка с каждым днем проявляет по отношению ко мне свою мелочность и скупость. Сегодня, сказать, когда я стал умываться ее мылом, она подошла ко мне и предупредила, что мыло стоит 500 злотых и поэтому "я нихце чтобы вы умывались моим мылом". Другой аналогичный случай с одеялами. Сначала, когда я перешел в холодную комнату спать, она дала мне укрываться три одеяла, но на другой день одно забрала, а вчера лишила меня еще одного. Так-что сегодняшней ночью я основательно намерзся.

Проявляя максимум терпения, я, при всем при том, не оставляю своего намерения дать им понять, панам-учителям, насколько они противные и неприветливые люди и как они не похожи отношением своим на граждан моей социалистической Родины.

Девушка, поселившаяся со мной, ведет себя смелее и непринужденней. Она вызвала недовольство хозяев тем, что иногда пользуется предметами их домашнего обихода: полотенцем, мылом, а сегодня, по ошибке, стала чистить зубы хозяйской щеточкой.

- Ей щетину надо дать, раз она не понимает - шутили хозяйские сыновья после того, как возмущенная пана-хозяйка рассказала о случае со щеточкой, прибавив при этом, что придется прятать и запирать теперь.

Написал письмо в "Красную Звезду", которое явилось скорей копией моего письма в "Крокодил", чем самостоятельным сочинением. Одно письмо написал маме. Больше некому писать, ибо мне никто не пишет.

Девушка, что поселилась в одном со мной доме - чистая дрянь. Я весьма сожалею, что помог ей оправдаться перед ДПК, она этого не стоит. Грубит со мной и не хочет разговаривать, между тем как ежедневно, по несколько раз подряд, приходят к ней разные мужчины - и трезвые, и пьяные, и под видом "больных", с которыми она неприлично кокетничает и отвратно ведет себя.

Но что-то в моем сердце трепещет при ее появлении. Нельзя назвать Нину (так она именуется) красивой или умной, нельзя ее считать содержательной и солидной, несмотря на то, что ей уже 23 год пошел. Тем не менее, она девушка, и моя натура слабеет

перед нежностью и теплотой женского существа. А впрочем у меня хватит силы воли проявить известную твердость и долю гордости в отношении этой развращенной особы. Этот товар мне не по вкусу. Особая порода животного, которое ни в коей мере не походит на человеческое существо.

Видел вчера фильм "Большая земля" - о работе нашего тыла, перебазировавшего промышленность из Ленинградской области и самого города на Урал. Картина мне показалась недоработанной, сюжет натянут и не до конца раскрыт.

Действующие лица - живые и правдивые, но все их поведение становится непонятным и несколько бессмысленным, когда неожиданно обрывается сюжетная канва фильма.

20.11.1944

Вчера выехал из Мужичина. Хозяева на прощание решили быть до конца откровенными и высказали "наболевшее" Нине.

Был праздник артиллерии. Я маленечко подвыпил. Не хотел ссориться и молчал, когда хозяин требовал от меня, чтобы я свидетельствовал его невиновность в оскорблении часового мастера.

Адрес учителя все-же постарался записать, несмотря на протесты жены, которая говорила ему по-польски: "Все это ты на свою голову делаешь. Они все одинаковы и адреса им не следует давать". И действительно, так оно и будет непременно им придется пожалеть - ведь я напишу всю правду о его скупости и о моих выводах, об отношении ко мне его семьи. Всю подноготную вскрою перед ним, расскажу ему о его ничтожестве. Ведь за все время моего здесь пребывания я не сделал хозяевам ничего плохого, несмотря на их скверное отношение ко мне.

И только перед отъездом я взял на этажерке 6 тетрадей - пусть помнит меня, раз на то пошло!

Нина перед отъездом перестирала белье своему командиру, договорилась с часовым мастером о довершении ремонта часов и отправилась в медсанбат за медикаментами.

- Если хочешь, проводи меня до медсанбата, тут недалеко - три километра. Но зато продолжим наш вечерний разговор, и ты не пожалеешь.

Я согласился, но продолжить этот интересный разговор для меня не пришлось, так как медсанбат выехал, Нина не получила чего следовало и была расстроена. А разговор состоял в следующем. Когда я подошел к ней и хотел приласкаться, она оттолкнула меня грубо, поругалась со мной, а вечером вспомнила мне, что я не могу "завлекать девушек". Я поинтересовался, как это нужно понимать и до 12 ночи я наблюдал, как она стирала, и не спал только затем, чтобы выслушать ее рассказ.

- Видишь ли, я старше тебя на год и некрасива собой, - скромно начала она - но я могу привлечь и расположить к себе любого мужчину, как бы он ни был интересен. Вот ты, красивый парень, неглупый довольно-таки, но я уверена, что ты уже трепещешь передо мной. А почему? Да ведь ты еще не настолько опытен в жизни, как я, и не можешь понимать женщины. По своему отношению ко мне, скажем, ты показал, что у тебя в отношении женщины детские мысли и поведение. Женщина не любит, чтобы противились ее воле и делали ей назло.

Я был согласен с ней. Все, что она говорила, было действительно так, и я готов был ее, чем бы она только пожелала, благодарить за откровение.

Рассказывала она о половом влечении, которое она испытывает (боже упаси не ко всякому!) к любимому мужчине.

- Что ты понимаешь! Ты хочешь только ласки от женщины, а ведь самое прекрасное другое! Вот я, например, какое блаженство испытала прошедшей ночью, когда знала, что ты хочешь меня, что могу я позвать тебя, но не стану этого делать...

У нее кончилась вода, и ей надо было принести новую...

21.11.1944

Станция Лохув.

Какая просто таки поразительная разница между людьми! Здесь меня так приняли, и окружили такой заботой, что, право, уезжать не хочется дальше. А ведь мне должно еще вчера двигаться отсюда.

Узнал маршрут у майора Щинова. Он был настолько добр, что ознакомил меня с конечным пунктом следования нашего соединения, предупредив, однако, чтоб я не попадался (окажись там раньше других) на глаза генералу, иначе ему (Щинову) будет крупная неприятность. Я пообещал.

Здесь квартируются две девушки военных, работающих в качестве вольнонаемных портных в одной из мастерских части. Одна из них очень интересная. Зовут ее Лида.

Позже. После обеда уезжаю. Какой парадокс опять на пути мне встретился! Лида, эта молоденькая, славненькая девчушка - замужем! Только что узнал от хозяйки. А ведь ходил специально ради нее в мастерскую. Впрочем, мастерская тоже сегодня выезжает, и начать перешивку шинели мне не удалось договориться. Теперь мой курс на Минск-Мазовецкий.

Хозяйская дочь тоже хорошенькая, но дикая чересчур, и родные все время на глазах - обнять ее неудобно и любезничать с ней неловко. А на сердце такая печаль и скука, что без ласковых объятий и нежности девичьей отвести ее немыслимо. Отсюда и потребности в перемене климата.

Мне не дано знать, что впереди ожидает меня, но, доверяясь своей судьбе, я без раздумий рад всегда с головой окунуться в будущее, такое туманное и неизведанное.

Дорогой из Садовно в Лохув познакомился с шофером, который меня подвозил сюда. Он подарил мне две открытки-видика. Рассказывал, что узнал от знакомой девушки о моих литературных делах, и просил, чтобы я прислал ему стихи на вечную, битую, но живую тему - о матери-старушке, одиноко грустящей о сыне, и о любимой девушке Марусе. Я пообещал и взял у него адрес.

Вчера узнал из "Красной Звезды" что умер И. Уткин. Я весьма давно его видел. Он не понравился мне своей надменностью, но поразил богатством ума и хитрой легкостью стихотворного изложения.

Под некрологом о его смерти подписалось большинство выдающихся писателей нашей страны, в том числе и Л.-Кумач, о котором Уткин так нелестно отзывался, когда выступал на литературном воскреснике в Днепропетровске. В некрологе говорится: "трагически оборвалась жизнь талантливого и ...", но где и как он погиб - не сказано.

Илья Эренбург опять напоминает о Париже и Франции, которую до сих пор наводняет Пятая колонна. Его статья исключительно правдива и своевременна, но не знаю, повлияет ли она на общественное мнение Франции - слишком оно сейчас противоречиво и запутанно действительностью.

Село Страхувка. Сегодня сделал рекордную цифру маршрута - 12! Ехал на прицепе тягача медленно и с большими остановками. Сюда прибыл, когда уже было темно. Опять, как и везде, нигде не пускали, ссылаясь на запрещение комендатуры, на тесноту помещений, на отсутствие коек и т.д., и т.п. Надоело. Решил зайти к беднякам. Без разговоров приняли, угостили польским супом, галушками из картофельной муки, молоком и капустой. Какая безвкусица! Но, тем не менее, поел.

До Минска-Мазовецкого отсюда от 29 до 32 километров по разным толкованиям. Людишки из отдела укомплектования корпуса, с которыми я когда-то ехал уже на машине из Косова, теперь отказались меня посадить, хотя места в машинах было вдосталь. А один лейтенант вдобавок еще и обругал меня матерно. Мерзавец! В отчаянии, после тщетного и утомительного ожидания, я решил сесть даже на эту черепашью тягу-трактор. Но он сломался дорогой, шофер устал и ушел отдыхать в попутную деревню. Я пошел дальше, но сделал не более 1 километра и решил приваливать. Измучался.

Здесь совсем какой-то специфический акцент. Еще трудней

разобрать, чем в Мужичине. Их речь стоит мне большого напряжения ума и слуха.

Влюбился в портрет Богоматери, висящий здесь на стене. Какая удивительно красиво скомбинированная женщина! Поистине идеал красоты девичьей! Кое-что здесь есть от Тамары, но более утонченное, кое-что от других девушек, и опять лучше!

Слов не хватит для описания всех достоинств, глядящей на меня с портрета девушки. Скажу просто: люблю ее, и обнял бы ее так крепко, так пламенно, кабы она не была портретом и не смотрела на меня так неподвижно и безучастно.

22.11.1944

Хозяева сильно и азартно ругаются. Мать-старуха особенно яростна в этом отношении, и с нее начинаются все споры и грызня. Начал было писать стихи, но в комнате поднялся такой гвалт, что нельзя было.

Уже вполне светлое утро, но я жду завтрака и в душе жалею, что сюда попал. Я не люблю криков и бедности. В довершении всего скупость старухи мучительно отражается на моем терпении. Помимо этого - люди темные, они не понимают, что когда человек пишет, ему не следует мешать, и все время перебивают меня пустыми вопросами, на которые из приличия нельзя не ответить.

Вчера, когда я ложился спать, хозяева спросили меня, куда я дел пистолет. Я сказал, что у меня его нет, но сразу же пожалел об этом, ибо в квартире двое мужчин и кто знает, что они могли задумать. Сначала я чувствовал себя тревожно, но потом уснул и наутро увидел, что все обошлось как нельзя лучше - ведь я опять один в селе.

Минск-Мазовецкий. Ехал до города с большим комфортом - на бочках с бензином, и весьма быстро прибыл сюда. На этот раз моя машина оказалась самой скоростной из всех попутных, так-что я почти прилетел на ней в этот район. Дорогой даже едва пилотки не лишился - ветром сдуло. Когда слез, почувствовал, что сильно намерзся, и хотя машина еще не подъехала к городу вплотную, решил больше на нее не садиться и пройтись пешком, чтобы согреться. И только возле пропускного пункта у входа в город, когда у меня спросили документы, я спохватился, что у меня выпал блокнот, на котором был записан маршрут дивизии. Очень опечалился, но не так пропажей блокнота, как отсутствием у меня маршрута, который едва запечатлелся в моей памяти. "Через Минск-Мазовецкий на Ягодин". Ягодина никто не знал ни в комендатуре, ни на КПП, ни жители Минск-Мазовецкого, ни даже военные карты, показанные мне одним офицером.

Я стал сомневаться. Единственное, что вселяло надежду - это

непрерывно курсирующие машины (но во все стороны) со знакомыми буквами и цифрами "Д", "Т", и, наконец, нашей "8". Точного пути этих машин я установить не мог, и, казалось, окончательно лишился выхода из своего отчаянного положения.

Махнул рукой и отправился посмотреть город. Это первый достаточно крупный встретившийся мне в Польше город. Ровная асфальтированная улица тянется через весь Минск-Мазовецкий, составляющая вместе с прилегающими к ней переулками центр его. Здесь магазины столь многочисленны и разнообразны в своем ассортименте, что даже удивительно становится, откуда столько богатства в таком далеко не перворазрядном городе. Сказать к слову Днепропетровск в десятки раз больше этого уездного центра Польши, но там магазинов и не предполагалось, таких как здесь.

Дома невысокие. Выше трехэтажных, кажется, нет, но все они шикарно выглядят, имеют кричащую форму и отделку, как изнутри, так и снаружи.

Шумная праздная толпа, женщины, как одна, в белых специальных шляпах, видимо от ветра надеваемых, которые делают их похожими на сорок и удивляют своей новизной. Мужчины в треугольных шапках, в шляпах, - толстые, аккуратные, пустые. Сколько их!

Крашеные губки, подведенные брови, жеманство, чрезмерная деликатность. Как это непохоже на естественную жизнь человечью. Кажется, что люди сами живут и движутся специально лишь ради того, чтобы на них посмотрели другие, и все исчезнут, когда из города уйдет последний зритель.

Костел белый, огромный, красивый. Велосипедов исключительно много и они являются обычным средством передвижения. Женщины, мужчины, дети и даже старики - все на велосипедах.

Базар очень большой и многолюдный. В жизни не встречал лучшей толкучки! Торговцы наперебой выкрикивают свои товары и когда покупатель подходит к прилавку - обращают его внимание популярным в Польше оружием вежливости "проше". Все дорого. Коробка спичек - 40 рублей, расческа, даже самая никудышная - 200-250. Остальное меня не весьма интересовало, однако удивился, когда узнал что 100 грамм сала - 40 рублей. При нынешних ценах это дешево.

В магазине приобрел три пера для вечной ручки по 40 рублей каждое. Это разорительно для меня, но ничего не поделаешь... От расчески отказался пока, но от перьев не смог. Слабое сердце у меня насчет этого товара. Чернило тоже купил специальное. Только вот ручку наладить никак не могу, а к мастеру идти

боюсь, ибо он может шкуру содрать.

Вспоминается мне село Страхувка, где я ночевал вчера. Нынче утром на квартиру где я остановился, явилась одна, славненькая личиком, паненька. Я предложил ей стул и почти силком заставил сесть. Она отмежевывалась от моих приставаний, а потом вдруг неожиданно сказала: "пан похож на жидка".

- Как это понять? - изумился я.

- На еврея пан похож - объяснила девушка.

- А может быть я и есть еврей - ответил я, и паненька вдруг мне опротивела.

Как здесь не любят евреев! Жутко подумать, какую пошлость взглядов и тупость мировоззрения развила в людях польская реакция, как сильно впиталось это гнилое понятие о людях других наций и народностей в пропахший горькой пилюлей дух польский.

Был в клубе-агитпункте, но там кроме газет за 18 число ничего свежего не нашел. Военторга здесь нет - он наезжает временами. Варшава - 45 километров отсюда, и по рассказам жителей, немцы обстреливали не раз Минск-Мазовецкий огнем дальнобойной артиллерии. Многих убило и многих ранило.

Еще в начале своего обзора Минска Польского, набрел на огромное скопище людей с лошадьми и свиньями. Подумал что базар, однако, когда вошел внутрь, и поинтересовался чем люди торгуют, мне со смехом ответили, что это мобилизация лошадей и сбор контингента свиней происходит.

Прочел надпись: "ксенгарня". Вошел.

- День добрый, что продаете пани?

- Здесь библиотека, а вот в другой половине книжный магазин.

Мне понравилась эта идея: библиотека-магазин, но на русском языке ничего не было, а по-польски я еще младенец. Спросил словарь или букварь, но ни того, ни другого не оказалось. Молоденькая продавщица, как зачарованная стояла возле стеллажей и смотрела широко на меня.

- Довидзення - я ушел и откланялся.

Польские военные девушки встретились мне в другом магазине. Внимательно посмотрел им в лица. Их было две, и обе обладали такими молодыми, нежными, слегка неестественными от белизны своей ликами, что неудержимо захотелось подойти и притронуться к их щечкам: действительно ли эти девушки живые, или может это только чудесные и кажущиеся мне создания художника-ангела?!

Почти до вечера бродил по городу, а когда надоело - всерьез

задумался насчет отыскания своей части. Стал спрашивать у встречных солдат и офицеров, в комендатурах - никто не знал. Машины мелькали своими номерами, знакомыми буквами на них, курсировали во все стороны, чем окончательно сбили меня с толку и оставили недоумевающим на перекрестке одной из улиц.

Вдруг мимо меня пробежала повозка, гружёная кирпичом, на передке которой крупно, но поблекши, было выведено "8".

УРР - сообразил я, когда повозка уже отъехала далеко от меня, и кинулся догонять.

Солдаты на повозке рассказали мне, что штаб дивизии недалеко в местечке расположен, а полки еще ближе в лесу, в 3-5 километрах от Минск-Мазовецкого. На душе отлегло.

Я остался "пшеноцеваць", и опять, как и всюду ранее, долгие и почти безнадежные поиски квартиры, нарочито-невинные жесты жителей "тут нема места", и, наконец, в виде доброй феи, благосклонная хозяйка-старушка, безоговорочно приютившая и накормившая меня.

23.11.1944

Окраина Минск-Мазовецкого. Проснулся сегодня рано. Хозяева оказались исключительно приветливыми поляками, каких я еще здесь за все время нахождения в Польше не встречал. Старушка-мать имеет 61 год, ее муж на 8 лет ее старше, но мечтают дожить до окончания войны и увидеть хотя бы один год мирного времени. Они много пережили, большинство родных потеряв в молодости от туберкулеза, или, как здесь принято называть, "холеры".

Дочь стариков, средних лет женщина, лишилась мужа при немцах, которые его угнали в Германию, оставив на руках ее полуторагодовалую дочурку Марысю. С рассвета она уходит на работу и возвращается вечером. Зарабатывает она немного, но получает продукты, и в состоянии обеспечить прожиточный уровень стариков и себя. Дочь на руках бабушки, которая, к тому же, и стирает, и готовит, и заведует всем небогатым хозяйством.

Доброта этих людей не имеет границ. Они не жалеют и готовы поделиться даже последним, имеющимся у них.

Поджарили для меня картошку на масле, угостили капустой соленой с луком и маслом приготовленной, дважды за вечер вынудили выпить чай с маслом-хлебом, сахаром.

Постель приготовили роскошную, хотя им пришлось для этого сильно потесниться.

Сейчас готовится завтрак, предчувствую, вкусный. Жарится сало, лук. Тепло топится маленькая железная печурка, которую хозяева приобрели из-за недостатка и дороговизны дров.

Маленькая Марыся меня боится и весело воркует возле

старушки-бабушки. Ей сейчас два годика, но она уже много перенесла, и когда на дворе слышится гул самолета, она вся съеживается и в страхе бросается в объятия к бабушке: "ой, бу-бу-бу!". И больно становится мне, взрослому, от переживаемого крошкой ужаса, вселенного в ее маленькое сердечко дикой, нелепой, империалистической бурей войны.

Вечер. Хуторок близ Якубова. По прибытии в Якубов Лысенко меня вызвал тот час же к себе. Однако он никуда на должность не определил меня, и только предложил почитать стихи или дневник. Потом он расстроился из-за плохо приготовленного офицерам обеда, и совсем ему не до меня было. Назначил мне аудиенцию на завтра.

Квартиру не нашел в Якубове, и очень пожалел, что не имею возможности попасть снова в Минск-Мазовецкий и воспользоваться любезным предложением двух женщин (одной молодой), оказавшихся мне случайными спутницами по дороге на Ягупов, переночевать или вообще поселиться у них, где они были раньше, когда ночлег стоил мне таких тщетных поисков и усилий... Сейчас опять долго искал квартиру вблизи от Якубова, ибо Лысенко мне не позволил далеко уходить.

24.11.1944

На хуторе устроился вместе с летчиками в одной милой хатенке, у одной не менее милой паненьки. Она на два года старше меня, но очень элегантная и милая девушка. Ее родители радушно приняли меня, а сама она даже подшила стряпли на моей шинели, которые безобразно свисали книзу. Ужинал весьма неплохо, а завтрак был приготовлен для меня так старательно, что до сих пор не забывается его великолепие. На прощание записал адрес девушки, местный и Варшавский, где живет ее тетя.

Стефания Хжановская
Stefania Chvzanowska
Pow. Minsk Masowiesk
Woj. Warszawske, gm. Jakubobo.

Лысенко не застал в отделе кадров - он уехал в Армию, и опять я остаюсь в неведении относительно себя. К счастью, почта ушла на другую квартиру, а я остался на ее месте. Сюда добавили четырех солдат из связи, и пока даже не знаю где буду спать, но, тем не менее, я близко нахожусь от столовой и отдела кадров, что избавляет от напрасных и длительных поисков квартиры на отдаленных хуторах, и очень доволен, несмотря на отсутствие здесь паненок и приличных условий жилья.

Сейчас вернулся с танцев. К сожалению, только присутствовал и жадно смотрел, как другие перебирают ногами. Девушки были не особо шикарны - выбор был невелик, но, тем не

менее, хотелось бы и мне иметь уменье и возможность так свободно и безоговорочно взять любую из них и повести под сердечные напевы гармони.

Летчики живут хорошо. Каждый вечер устраивают концерты, танцы развлекаются, и только по заданию вылетают в воздух. А наша жизнь не имеет себе равной по своим тягостям и лишениям. Все летчики, даже женщины, имеют награды, хоть многие совсем молоды по годам и опыту работы и все только младшие лейтенанты.

Получил письмо от Ани Лифшиц. Милое. Так просто написано и коротко, а все-таки радостно на душе от него. Почему только она все же слов жалеет для меня и так сдержанно разговаривает?

Папа долго не пишет, я уже серьезно стал переживать - более месяца нет от него писем. Беба, Нина и все другие девочки, за исключением Ани К., молчат уже долго.

Вообще с перепиской неважно у меня дела обстоят за последний месяц.

25.11.1944

Лысенко сегодня опять не застал, хотя дважды к нему заходил. Ездил в тылы днем, однако ни Побиянова, ни полковника Жирова не нашел, поэтому ничего в отношении обмундирования не добился.

День пробежал так стремительно, что и ухватиться за него не успел. Еще ничего не написал и прочел разве только полстранички из польской газеты "Wolnosc". Меня она весьма заинтересовала ввиду ряда обстоятельств, явившихся для меня полезными и давшими мне правильное представление о сущности нынешней польской прессы на освобожденной территории.

Для всей польской печати характерно, что она почти не проявляет самостоятельности в суждениях и является сродни нашему "Кировцу". Целый ряд статей я читал ранее в наших газетах, но под другими названиями и подписями. Теперь все они перекрашены на польский лад. Я не говорю о политической стороне дела, но с чисто художественной точки зрения подобное бесшабашное заимствование и перелицовывание наших публикаций я бы назвал плагиатством. Для меня, однако, полезно было читать в польском переводе уже однажды прочитанное по-русски - для лучшего усвоения польского разговорного стиля. Отрадно только, что настроение всей польской печати дружественно нам и благоприятно для нас, а поляки любят читать газеты и пусть критически, но усваивать их содержимое. Так-что будучи живыми свидетелями текущих событий и видя наше относительно благородное поведение в их стране, желание наше

помочь им избавиться от коричневых изуверов Гитлера - они сумеют преломить в своем сознании всю правду о нашей стране и о советских людях.

Слушал песни маленьких польских девочек. Дети любят, когда ими интересуются взрослые, и своим вниманием к ним я сумел расположить к себе девочек. Они доверчиво стали со мной играть, разговаривать, а потом и вовсе, крепко обняв, стали тихонько петь свои песни. И о чем только не рассказали они мне в своих "спевах"! Поразила меня только серьезность и злободневность всех песен, а также то, что все они, с точки зрения морали, не подходят возрасту этих девочек-первоклассниц. Типичная тема для всех пропетых песен любовь и война, а дети не понимают, да и не могут понимать всей глубины этого вопроса, и потому для них рано затрагивать его.

Передо мной открылась замечательная перспектива! Топограф дивизии Зыков предложил мне серьезно заняться топографией, дабы стать полковым топографом. Очень многообещающая работа! Во что бы то ни стало нужно освоить этот всегда необходимый предмет. Пусть даже я и не стану топографом, но поскольку мне предлагается помощь со стороны знающего человека, почему бы не взяться?! Наука никогда не помешает!

А сейчас напишу несколько писем; записку тронувшей мое воображение Гале (кажется ППЖ Галая), и пойду посмотрю танцы.

О Тамаре Лаврентьевой узнал весьма печальную новость: она уехала в Германию. Сама или по принуждению, мама не пишет, но факт фактом.

03.12.1944

Событий много. Получил предписание в Девятку. Но не на должность. Направляли меня в Пятую и Вторую, но отказался. Начальник отдела кадров новый. Человек, по-видимому, другой, чем Лысенко. Он, со слов Пивня, заключил, что я больше в резерве был, чем на передовой. Кричал на меня и говорил, что я хлеб даром ем; а когда я посоветовал ему направить меня в армию, он возразил, что там и не такие как я есть люди, и полковники, и подполковники, а нет им работы. Преднамеренно направляют в резерв полка. Полушкин почему-то оказался в отделе кадров: "Вы его в пехоту направьте пусть учится!" - позлорадствовал он.

Предписание получил сроком на несколько часов явиться в полк, но пойти туда думаю завтра. Утром поеду в тылы, - выясню насчет обмундирования, а потом, после обеда - в Девятку.

От Мити кладовщика узнал, что Тося-военфельдшер читала с Галиной мое письмо. Интересно узнать у Тоси мнение Галины -

ведь та не отвечает упорно.

Сегодня, когда собирался на почту, мимо моего дома проезжал Галай. В руках у меня были семечки, в зубах папироска, а на плечах наброшена шинель. Успел выбросить семечки и поприветствовать Галая. Он посмотрел на меня из машины и погрозил пальцем.

Долго смотрел вслед промелькнувшей машине и не мог понять причину его сегодняшнего недовольства. Может быть Галя, а может быть форма моя оставила нехорошее у него впечатление. Кто знает?!

Получил 6 писем, а отправил сегодня 15, чтоб не соврать. Как мало мне теперь пишут.

В клубе узнал много новостей. Де Голь в Москве, М. Андерсен-Нексе - в Ленинграде. Черчиллю 70 лет. Новое польское эмигрантское правительство сформировал в Лондоне Арцишевский. Квапинский вошел в его кабинет. Это антисоветская клика. Они только и занимаются склоками и интригами. Подумать только, в такое время, когда Польша охвачена огнем войны и нужно думать о ее освобождении от гитлеровской нечисти, они занимаются чем?! Арцишевский и Квапинский - предатели-шкурники, а не госдеятели.

04.12.1944

Теперь понятно, почему генерал погрозил мне пальцем. Сегодня разговаривал с Тосей-военфельдшером. Она рассказала по секрету, что Галя читала ей письмо мое. Но добро бы ей только... она поставила в известность о моем письме Галая и все его окружение. Над чувствами смеется она, Галя, и, следовательно, мне нужно о ней забыть. Пусть это трудно, но справедливость и мое достоинство требуют этого.

Сегодня, как и вчера, невообразимая серия событий развернулась вокруг меня. В Девятку не пошел сразу, а решил отложить на сегодня, ввиду еще не разрешенного вопроса с обмундированием. Побиянов написал на требовании АХЧ: обмундирования на складе нет, поэтому не могу выдать. Пошел к Жирову - он умывался, и я не заметил его сразу, начал спрашивать у солдат: "Где полковник?". Он обернулся.

- Что вам нужно?

Я рассказал о своем наболевшем.

- Немедленно давайте сюда Побиянова!

Но когда тот пришел, оказалось, что мои вспыхнувшие надежды совершенно напрасны. На складе, как оказалось, даже летнего обмундирования не было.

В Якубове я сразу по прибытии отправился в АХЧ за аттестатом, на почту за письмами, а оттуда дерзнул зайти в отдел

кадров, и напрасно. Встретил Пивня, который потребовал у меня предписание, и предупредив, чтобы я подождал, вошел в другую комнату. Через несколько минут ко мне вышел сам начальник отдела кадров. Он зло посмотрел на меня и бросил в лицо: "Идите к подполковнику!" Я вошел, немало удивившись такому обороту дела. Подполковника я не знал, но ему за эти несколько минут успели обо мне наговорить изрядно. Он встретил меня, как преступника.

- Вы что же так скверно относитесь к своим обязанностям? Почему сюда ни разу не явились при новом начальнике отдела кадров? Зачем не выполнили его распоряжение и остались здесь, когда вам еще вчера предписывалось быть в полку?! Вы, говорят, всю войну в резерве околачиваетесь?!

Я начал рассказывать, что остался исключительно ради того, чтобы добиться, наконец, получения обмундирования, что до этого очень часто бывал в отделе кадров, но теперь решил больше не надоедать и всего два дня как не являлся сюда. Между тем, все знали, где я живу, так как я об этом поставил в известность Пивня и других. В дивизии я полтора года, но всего третий месяц нахожусь в резерве. Насчет моего поступка последнего - признаю, что виноват, но к нему привели меня условия, в которых я, по ряду независящих от меня обстоятельств, очутился.

В разговор вмешался капитан.

- Вы знаете, товарищ подполковник, этот лейтенант, по рассказам, всю свою службу у нас в дивизии находится в резерве. Со дня моего прихода сюда он ни разу здесь не бывал, а когда он мне понадобился, потребовались неоднократные многочасовые розыски, пока удалось его обнаружить. Вы посмотрите, что он записал у себя на блокноте: "Пивень представил меня, как всю свою боевую жизнь на х.. в резерве", "Новый начальник отдела кадров нехороший человек" и т.д. Его записи требуют внимательного рассмотрения. Он недоволен мною и не хочет считаться с моими приказами!

- Не в этом дело! - перебил полковник Елистратов (из корпуса). Главное не блокноты, а невыполнение предписания, что по сути можно приравнивать к дезертирству.

В разговоре я, незаметно для себя, по привычке употребил отдельно от звания фамилии больших начальников - Конечико и Жирова, и это обратило на себя внимание подполковника. Он предупредил, что устроит мне экзамен по проверке моих знаний в боевой и политической подготовке, ибо на него я произвожу весьма неблагоприятное впечатление.

- Вы не научились по званиям называть своих командиров, позволяете себе говорить о штабе дивизии, в то время как вам

дано право говорить только о взводе. Я вижу в вас гражданское настроение.

- Я, товарищ подполковник, до войны в армии не служил, крепкой дисциплины не встречал еще, и потому, возможно, допускаю ошибки.

- То-то видно, что вы не испытали еще настоящей дисциплины!

- Его надо разжаловать! - вставил Дробатун.

- Разжаловать пока мы не будем - объяснил подполковник, - но мы хорошо проверим его знания. А сейчас направим его к прокурору. Пусть разберется в причине неявки лейтенанта своевременно в часть. - И он написал на предписании свою резолюцию.

Как я ни настаивал, чтобы он простил меня и не возбуждал вопроса, ничего не помогло. Он решил непременно меня наказать.

Пошел к прокурору, но того не застал и вернулся в отдел кадров. Подполковник был занят и я остался ожидать его в другой комнате. Вышел Дроботун.

- Подполковник передал, чтобы вы сейчас же отправлялись к прокурору и возвращались с его запиской насчет вашего дела.

- Но его нет?!

- Не разговаривайте! Вы не хотите выполнять приказание подполковника?! - вскрикнул Дроботун, нарочито повышая тон.

Я ушел.

Вместо прокурора мной занялся следователь. Он договорился с подполковником о характере моего дела. Позвал меня к себе в кабинет и там стал отчитывать. За столом сидел подполковник - начальник артиллерии.

- Позвольте, это не о вас генерал говорил? Он встретил вас на дороге и указал вам маршрут, вы тогда еще отставали от части?! Ну да, о вас! Генерал дал вам тогда еще 5 суток и приказал расследовать причину вашего отставания.

- Так вот, - начал следователь - вы, значит, второй раз попадаете к нам на заметку. Вы знаете, что за это судить надо? Ведь вы совершили то, что иными словами можно назвать самовольной отлучкой?!

Но, хорошо отчитав и попугав меня, следователь отпустил в отдел кадров.

- Идите туда, там еще поговорят с вами, а потом пойдете в часть, и смотрите, не попадайтесь больше, ибо вы уже на заметке!

В строевом отделе подполковник опять поругал, потом спросил:

- Ну, вы поняли, о чем говорил вам следователь? Вы поняли

также свою ошибку? Смотрите! Я записал вашу фамилию. Сейчас получите новое предписание, а за совершенное вами вы получите еще сильное взыскание. Вся дивизия будет знать о том, что вы совершили.

Мне вручили направление и сказали: "Идите!". Я козырнул, повернулся, и через мгновение оказался на дворе.

Бархатные пушинки обильного мягкого снега цеплялись за лицо и таяли на нем ручейками. Садились на погоны густым белым слоем, и только ветер нарушал их радостный отдых, столь долгожданный, после большого и веселого, сумасшедшего путешествия на землю.

Долго ли, скоро ли, но дошел до Девятки, и хотя ночью, но легко разыскал строевой отдел.

Старший лейтенант Скоробогатов - чудесный человек, и обладает, к тому же, большим опытом в жизни. Он по специальности журналист и с ним легко и доступно разговаривать на любые темы.

05.12.1944

На КП, в доме у майора Боровко.

Приняли меня в полку как родного. Скоробогатов направил в третий батальон. Должности у меня все еще нет, но, тем не менее, я сразу почувствовал, что нахожусь среди своих, и обо мне есть кому позаботиться.

Майора разыскал в лагере рано утром. Был митинг, посвященный дню Конституции, и все начальство батальона находилось там. Комбат посадил меня кушать, а сам, с тремя его помощниками, ушел.

30.12.1944

Теперь я стал получать столько писем, что не всегда, при моей занятости, успеваю на них отвечать. Особенно часто получаю письма от мамы и папы.

Сейчас занятия проходят вяло, по старой программе. Дивизия стала понемногу приходить в движение, зенитчики, минометы 120 мм...

1945

01.01.1945

Вот и новый год наступил. Праздновать не пришлось: были на колесах, в движении. Но отметили в пути как могли - по-своему, по-военному. Выпили по 100 грамм из круглой крышки от немецкого котелка. Первым кто пил - досталось больше, последним - и по 50 грамм не досталось, но, тем не менее, все были одинаково веселы и рады наступлению нового, 45.

Пели песни, потом салютовали. Не все, конечно, - кто посмелей и постарше званием. Каноненко выпустил из своего

револьвера штук 50, несколько пуль выкинул в воздух Шитиков. У меня было мало патронов - семь штук, но три все-же уделил новому году.

Больше всех расходился ординарец командира роты Сиваплес. Он дал длинную очередь из автомата и диск кончился. Только командир роты не проявил инициативы, но и не запретил стрелять.

В эту же ночь, рядом совсем, по обеим сторонам дороги проходили тактические учения. Пехота какой-то части, со стрельбой и криками "Ура!". Так-что наши выстрелы оказались вполне уместными и не выделялись из общего шума, а только дополняли намерения пехоты произвести стремительную и всесокрушающую атаку на "противника".

Двигались всю ночь и пришли на привал утром нового года. Перед выходом из расположения нас провожал комбат и его заместители. Офицерам жали руки, желали успехов. Потом перед всей артиллерией выступил командир полка. Он проиронизировал весьма приятно: "наш приход к вам и встреча разделяется целым годом времени. Увидимся с вами в 45 году, так что надеюсь - за такой большой период времени вы оборудуете на передовой прекрасные ОП и поможете нашей пехоте в предстоящих операциях крупного значения".

Маршрут у нас большой - трехдневный. Вчера и сегодня по 25 км. Завтра не знаю. Дойдем до Вислы.

Вот она и началась: замечательная, отрадная пора - так долгожданная мною свобода! Дышу и наслаждаюсь ею с таким упоением и восторгом! Пусть сейчас и в дальнейшем она представляется в виде холодной тещи или причиняющей боль мачехи, все равно - какая она ни есть, но свобода.

18 часов. Артиллерия выстроилась у грейдера. Впереди минометчики 82 мм. Сейчас будем двигаться. Холодно. Небо серо-пунцовое. Выглянула и заблестела первая звездочка. Как ее, бишь, звать, не Полярная ли?

Пишу, на бричку положив тетрадь. Пальцы мои тверды и послушны привычка большое дело. Иногда мне кажется, что в мирное время, когда в дымке прошлого останется среди прочих мыслей и воспоминаний суровый образ войны я все-же иногда по старой памяти и привычке буду выходить по ночам на двор, так как сон в нормальных условиях, в теплой пуховой постели мне будет казаться странным и непривычно роскошным.

02.01.1945

Морозы стоят крепкие. Среди нас нет человека, который хоть немного не простудился. Я тоже не остался в стороне от общей волны заболеваний и в горле у меня заметно чувствуется хрипота, боль, кашляю, как и все другие.

Бойцы очень недовольны пребыванием под открытым небом в такую лютую стужу и ропщут. Для успокоения солдатской массы, вернее, для оправдания нечеловеческого отношения к нам, руководство колонны ездит в седле и передвигается на конской, а то и механической тяге. Нам, офицерам, объяснили, чтобы мы передали бойцам: вас не пускают в квартиры для того, чтобы предохранить от вшивости. Однако людям было неубедительно подобное объяснение, и они возмутились еще больше: "От вшей? Завшиветь бы ему до смерти, кто приказал нас держать на холоде!".

Сегодня ночью на новом месте привала обнаружили длинные сараи-землянки, - очевидно конюшни для лошадей. Неудержимо ринулись все туда. Набились, как в бочке сельди. Даже это холодное укрытие показалось раем, по сравнению с заснеженной землей.

Нас берегут от завшивления - роптали многие. И действительно, ни в одном доме не было такой пищи для вшей и такого источника для их размножения. В душе пожалел каждый об отсутствии среди нас начальника артиллерии - пусть бы попробовал, хлебнул солдатского счастья-отдыха. Холодно не было, но зато на утро у многих от тесноты и неудобства спанья болела голова. Я поспешил немедленно после завтрака вырваться из этого "уюта" и перебраться на землю вольную, которая куда более приветлива и просторна, нежели все эти искусственные строения, прельстившие нас своей вместительностью.

Несколько дней тому назад (после одного крупного инцидента во взводе, о котором я буду вести речь позже) командир роты предложил переменить мне ординарца.

До нашего выхода осталось 4 часа. Я мало спал, но и не хочется ложиться из-за холода, хотя глаза привычно слипаются от бессонницы. Болтают, что до передовой 12 км. Но я не верю. Чего зря разговаривать.

Теплотой дышит костер. Трещат дрова и кукуруза, которую жарят солдаты. Она твердая, горелая получается, но для разнообразия вкусно покушать этот своеобразный фронтовой пряник.

Эренбург - неиссякаемый источник ума. Он возвысился над войной, как никто у нас не возвысился за последние 20 лет, разве исключая Горького, но этот мне кажется умней и глубже, хотя и не столь многогранный он художник, но знаменит не меньше.

Наконечному встретилась на пути хорошая находка: две газеты - фронтовая и армейская, из которых я узнал некоторые новости. Венгерское временное правительство на очищенной от немцев и венгров, дерущихся с ними совместно, территории, объявило войну Германии. Это выгодно для нас. Теперь венгры в еще большем количестве станут переходить на сторону Красной Армии. Получится еще лучше, чем в Румынии, впрочем, время покажет.

В числе других событий, вычитанных из газет сегодня, статья И. Эренбурга, новогодняя, свежая, но еще более глубокая и насыщенная, чем все прежние.

Из зарубежных сообщений явствует, что контрнаступление выдохлось. Англичане сейчас держат инициативу и совместно с франко-американскими войсками готовятся к новым, значительным операциям.

В остальном - все по-старому, если не считать обстоятельств, лишающих нас возможности быть в курсе событий на протяжении двух последних дней перехода.

Интересные фамилии подобраны для моих бойцов жизнью - родительницей. Помкомвзвод - Конец. Ординарец-заряжающий - Наконечный, наводчик - Деревьев, другой - от слова береза - Березнев, заряжающий - Бублик. Характеры у моих бойцов еще более разнообразны, чем их фамилии, а поведение - ну просто в гроб завести меня может.

Сегодня на посту Гордиенко и Бублик, результат - пропажа хлеба у одного бойца, и что еще более ценно и необходимо - одна из двух кирок во взводе исчезла с подводы. Теперь - изволь, грызи землю руками. Капитан забрал и вторую - отдам связистам, а когда я спросил зачем - он сказал: будете хранить лучше в другой раз.

Земля простужена и окаменела насквозь. Так что без кирки сейчас воевать невозможно.

Березнев на посту обязательно спит и ничего на него не действует, никакие меры взыскания. Все инциденты, все беды на третий взвод падают. И что за коллектив у меня собрался? Ни дружбы, ни сплоченности, ни единодушия - ничего подобного не

наблюдается за ними, хотя такую картину создали два-три человека, но вина ложится на всех, и на меня в особенности. А ведь есть у меня и хорошие ребята, большинство хороших. Наконечный, Деревьев, Яковенко. Как жаль, что я не с самого начала во взводе.

Капитан на поводу у Каноненко и Шитикова. Он боится их, и за мой счет нового в роте человека, удовлетворяет их прихоти. Несколько раз он производил перегруппировку личного состава, и путем отсеивания выделил мне самый тяжелый осадок - трех разгильдяев, которые гадят на каждом шагу своем. А как их воспитывать? Ведь они сами воспитывали людей...

Фронт совсем близко - за Вислой, которая километра два отсюда. Идти до своей обороны будем километров восемь-девять. Уже сейчас слышны разрывы, гул выстрелов артиллерии и рокот самолетов. На фронте проходят гигантские бои, и после шестимесячного, если не большего (я не помню даже) пребывания в тылу, делается временами несколько жутковато при мысли о предстоящих боях.

Там, за несколькими километрами пути на Запад, на левобережье Вислы, у Красной Армии мощный плацдарм. Долго стоять в обороне не станем - будем прорывать.

На мою долю выпала большая миссия драться за крупнейшие города Европы в ходе этой войны. За Харьков, за Сталинград, за Николаев, за Одессу, и, наконец, за Варшаву.

Бои будут жестокими. Встретиться доведется, возможно, с самым трудным сопротивлением врага. Будет смерть гулять еще, будет кровь литься...

И мороз, и ветер дополняют трудности текущего времени, как только умеют это делать. Но я на все готов, и одно у меня желание неодолимо - получить любую, хотя бы самую скромную награду за все, что я отдал Родине, людям моей страны - лучшие годы молодости, здоровье. Я не хочу многого. Пусть недостаточно будет оценен мой труд и самопожертвование, но больно и убийственно, если он совсем не будет оценен. Тогда не стоит жить и радоваться мною завоеванной победе.

Поздний вечер. Темно. Опять появилась яркая звездочка на Западе и скрылась в тучах зимнего неба. Бойцы называют ее вечерней звездой, а капитан Рысев говорит, что это Венера - планета.

Ветер сильный. Дым застилает глаза, костер плохой, но все-же теплый, и без него не обойтись. Уйдем в 23 часа, а сейчас 20. Все ушли отдыхать и у повозок одни часовые расхаживают. Я один у костра, несмотря на усталость и недосыпание. Дым, ветер, мороз и отсутствие нужных мыслей. Пачкаю бумагу с таким

необузданным желанием, что не в состоянии меня оторвать от нее никто.

03.01.1945

Вот и пришли на новое место. Спал весь день, и только когда стало темно и серо над лесом, где мы расположились, я удивленно протер глаза и понял, что наступила ночь. Семь часов вечера.

04.01.1945.

Висла - широкая река. Поляки хвалились, что она никогда не замерзает благодаря своему быстрому течению. Но они врали. Почти вся она замерзла уже сейчас, в начале зимы, и только на самой середине кое-где чернеют полосы волнящейся воды. Мост деревянный на сваях. Удивительно, что он цел и невредим по сей день - немцы ведь недалеко за Вислой. Берега пологие, гладкие. По обе стороны речки хорошие шоссейные дороги, на которых сильное движение.

Автомашины едут с зажженными фарами, невзирая на близость фронта и необходимость маскироваться от вражеской авиации. По дорогам - море огня, берега реки окружены движущейся иллюминацией.

Думаю о себе. Куда только забросила меня судьба. Теперь напишу родным: "Некоторые военные находятся уже за Вислой!" - пусть радуются и гордятся моими достижениями. "Даешь не меньше!" - сказали бы они мне, если б знали нашу фронтовую, солдатскую поговорку.

Ординарец предложил закурить и сам скрутил для меня папироску - такой из меня курец. Дым едкий, противный, но кое-что в нем есть теплящее, отвлекающее, и для разнообразия хочется чего-нибудь дурманящего, горького табак подходит на такую помощь.

Курить стал недавно. Затягиваюсь без особого интереса и удовольствия в дыме не испытываю, как другие. Но тем не менее - факт фактом: не выдержал, поддался общей моде, и вот, хотя изредка и без азарта, но курю, на исходе четвертого года войны.

Сейчас во временных землянках в трех километрах от переднего края. Где-то трещат пулеметы, гремят орудия, а здесь войны нет. Хотя командир роты рассказывал, что рядом, в 100 метрах от нас, позавчера во время налетов вражеской артиллерии было убито три наших артиллериста, которые тоже здесь, как и мы остановились до оборудования на переднем крае огневых позиций, КП и землянок.

Вчера ночью занялись отрывкой нового места для работы. К слову сказать - плохое место. Открытое. Воронка на воронке. До неприятеля оттуда 250 метров, а до нашего переднего края - 150.

Впереди нас, метрах в шестидесяти, роются артиллеристы 45, - сорокапутники, как их называет майор Искаев, заместитель по строевой командира части. Это для нас особенно неприятно, так как артиллерия своим звуком при выстрелах и своим массивным туловищем часто выдает себя и легко засекается вражескими наблюдателями. Наши беззвучные почти, длинношеие любимцы будут преданы совершенно напрасно своими неповоротливыми собратьями. Обычно мы должны находиться в 200-300 метрах от 45 - миллиметровок. И кому только в голову пришла идея объединить нас всех вместе для создания артгруппы ПП? Сами мы б выбрали лучшую и куда более безопасную позицию, со скрытыми путями подхода, как положено. А тут этого нет. Боеприпасы днем подвозить невозможно. Вообще, неудобств уйма. Земля промерзла более чем на полметра. Наша ОП находится на месте когда-то существовавшего строения, от которого теперь остались, да и то не везде, кучи кирпича. Однако в земле масса камней и щебня - остаток фундамента домов - копать ужасно трудно.

Всю ночь с 3 на 4 января вгрызались в землю. Саперный взвод выделил на роту дополнительное количество кирок помимо имевшихся у нас прежде, и у меня их оказалось три на девять человек бойцов и командира взвода.

Работали без отдыха, не чувствуя усталости. Горячие искры отскакивали при ударах кирки о землю. Мороз подгонял работающих, не давал задерживаться, стоять. Ветер мешал останавливаться и набрасывался с особой яростью на пытавшихся было передохнуть. Работали, что называется, "непокладая рук", и всё-же дело продвигалось медленно. К исходу ночи, когда рассвет начал понемногу осветлять землю, только один мой расчет, где командиром помкомвзвод старший сержант Конец, закончил отрывку стола для миномёта. Остальные едва-едва только дорылись до мягкого грунта и откусывали кирками большие комья смёрзшейся земли. Теперь становилось легче. Я смотрел на самоотверженную работу моих солдат, и на ум приходили стихи Н.Франка:

"Лупайте цю скалу
Нехай ні жар ні холод
Не спинить вас
Бо вам призначено
Скалу оцю розбить", - как будто специально написанные для нас.

Передовая встретила нас ночью и проводила на рассвете довольно неприветливо, как и всегда встречают "новичков". В каких-нибудь 30-50 метрах от нашей колонны ухали снаряды. Мы

рассредоточились. Сначала рота от роты набрала интервалы, потом взвод от взвода, и, наконец, расчет от расчета. Но ничего дурного на сей раз с нами не случилось - все люди целы. Очевидно потому, что немец увлекся агитацией и немного прекратил стрельбу, чтоб было слышно.

Радио было установлено где-то недалеко от переднего края и говорило так громко, что большинство слов агитаторов удавалось легко разобрать.

Говорили по-русски. Предатели из кожи вон лезли, чтобы хоть немного успокоить израненную, доживающую последние дни свои, немецкую душу. Они лаяли и хрипели в выброшенный наперед рупор, доказывали, что "Сталин завоевал пространство, но проиграл политически". Подумать только, какая крайняя наглость у этих мерзавцев! - за недостатком собственных мыслей они присваивают себе мысли Сталина. Напрасно, ибо это вызвало в душах солдат только презрение и ненависть, но убедить разве может кого пустой лай сбесившейся и покинувшей дом отчий (чтобы вредить ее обитателям) собаки? Никогда нет!

"... история войн учит, что большевизм неминуемо должен погибнуть, завоеванная земля не спасет Сталина от поражения. Мы боремся за ваше освобождение, братья...". И не стыдно им называть нас братьями, тех, кто честно защищает родную землю от кровавых агрессоров, не стыдно утверждать, испытавшему не однажды их "добродетель", советскому народу, что он-де, предатель, борется за дело народа! Какое невероятное кощунство и какая наглость! Особенно меня поразил призыв ко всем национальностям Советского Союза, в котором они, "последовательные националисты-шовинисты, ратовали за счастье всех национальностей". В жизни не слыхал такой глупости. Ведь для них это равносильно, что самим бить себя по лбу. Очевидно, они поняли, что им терять нечего, и лишь болтовня их вызовет снисхождение у разорившегося гневного хозяина, - бросит он им краюшку порченого хлеба - пусть лают.

Выступало три подлеца - предателя. Один из них призывал перейти к немцам: "Вы видите, как ежедневно все новые и новые русские люди переходят на нашу сторону, вы видите, как они борются с большевизмом. Теперь мы стоим перед лицом победы, переходите на сторону немецких братьев, и война для вас будет закончена".

Другой утверждал, что мы боремся за кучку тыловых крыс. Подумать только, как быстро и умело они подхватили ходкое у фронтовиков выражение, наивно полагая, что это поможет их агитированию.

Третий утверждал, что предателей на стороне врага

накопилось уже четыре взвода. Впрочем, до конца ему не дали договорить. Забила наша артиллерия и оборвала этот позорный балаган с чужой, даже на грамм не русской, музыкой, и нечеловеческим блеяньем омерзительных выродков народа.

Радио перестало "веселить" публику. Наступил продолжительный артиллерийский антракт. А когда вдруг образовалась пауза, кто-то с немецкой стороны крикнул по-русски: "Почему стреляете, когда Германия разговариват с вами?!" Ему ответили, еще бы не по-русски "х... на!". И опять началась стрельба уже с обеих сторон, грозная и не умолкающая до самого нашего ухода.

С нетерпением жду развития событий, когда начнётся оно, желанное наступление, и мы двинемся вперёд неудержимым потоком, громя и уничтожая проклятых врагов земли русской. Ведь так надоело это томительное и неопределённое стояние на одном месте. Зима с морозом, невзгоды и лишения, разлука с родными, близкими, армия, наконец, от которой вряд ли вообще когда-нибудь избавлюсь...

Вчера и сегодня, и все дни нашего следования сюда и пребывания здесь, завтрак и ужин - вода. Ну хоть бы назло попался мне кусочек мяса или же крупинка картошки. Обед более-менее подходящий. А ведь продукты те-же, что были и на месте стоянки в лагере.

Обед сегодняшний сглазил (писал какую-то чепуху перед обедом) своей похвалой. Он оказался ещё хуже завтрака, и если добавить к этому, что хлеба на обед не хватило, то голодавший когда-либо человек поймёт, что водой не очень-то напитаешься. А ведь работа адская предстоит сегодня солдатам - ещё только треть сделано по оборудованию ОП, не говоря уже о землянках и НП. Газет и писем тоже не слышно - ну прямо оторвались от жизни и только.

Плацдарм здесь за Вислой большой и клинистый. Место, где мы должны располагаться, со всех трёх сторон находится под обстрелом неприятеля ракеты носятся и брызгают светом справа, слева, спереди и даже немного сзади нашего расположения.

07.01.1945

*** об этом мне рассказали следующие события, развернувшиеся к исходу дня на 06.01.1945. Разведка боем, в которой основную роль возлагали на штрафников *** Немецкая агитация у них вызывает смех и презрение, однако на днях из взвода, который я называл прежде, в другом месте, на нашу сторону перебежал немецкий артиллерист, так что мы квиты. Вообще здесь творились такие дела, что ни в сказке сказать, ни пером, пожалуй, описать. Так, однажды, немцы утащили пушку

45, а расчет разогнали.

Исходил я вчера оборону от края переднего и глубоко в тыл, всюду видел столько интересного, что насилу ухватил все виденное мною. Целая артиллерийская дивизия с газетой "Советский артиллерист" стоит на этом участке. Несколько гвардейских дивизий, несколько артполков, и, наконец, наша артиллерия - то-то силища!

Вчера утром начали готовиться к местного значения операции. У штрафников отобрали документы, вещи, заставили их надеть каски во избежание напрасного риска, за несколько минут до артподготовки уведя подальше в тыл.

Артподготовка предполагалась на 4 часа. Штрафники легко посвятили меня в эту, казалось бы, святую для них тайну, и я был ко всему подготовлен заранее.

Вообще же здесь не умеют держать язык за зубами, а часовые просто-таки преступно относятся к своим обязанностям. Особенно мне запомнился случай в траншее, когда я искал со своими бойцами ночлег. На передней линии мы были новые и незнакомые никому люди. Тем не менее, когда мы на оклик часовых отвечали "свои", они пропускали нас без лишних вопросов и без проверки документов - "идите, раз свои". Я оставил Деревьева, а сам с Наконечным пошел дальше по передней траншее. Один часовой нас окликнул и попытался было не пускать дальше, но его одернули сразу несколько голосов: "Какой ты бездушный человек. Людям надо пройти, а ты не пускаешь из-за своего принципа", и он отступил, стушевался, и только через несколько минут, когда мы разговаривали с бойцами у одной из землянок, он жалобно попросил нас: "Ну идите дальше скорее, а то меня будут ругать. Идите дальше, там есть другие землянки". Мы пожалели беднягу и ушли вперед по ходу сообщения.

"Стой! Пропуск!" - громко окликнули нас у одной из стрелковых ячеек. "Свои!". "Пропуск!" "Мы не знаем". "Как не знаете?" - изумился часовой, "пропуск старый, вчерашний. Дайте хлопцы закурить". Наконечный вынул немного табаку. "А какой пропуск? Я позабыл" - почти не надеясь, что он мне скажет, спросил я. "Танк!", ребята." И с пропуском мы прошли совершенно беспрепятственно километра на два вдоль переднего края.

*** не достаточно много, но по сравнению с другими и того, что сейчас есть - достаточно. Теперь я уже могу переходить на свою оборону. Остальные взвода даже столько еще не отрыли - земля, поистине, неодолима.

Ночевал в землянках у штрафников. Их здесь много - несколько отдельных рот. Основной состав пехоты на передке - гвардейцы. Канонеко рассказывает, что они не раз драпали,

когда стояли рядом со Сталинской дивизией - нашей.

Штрафники с радостью согласились нас принять на ночь, когда узнали что мы с табаком. Обкурили Наконечного и Деревьева до ниточки. Но жилье штрафников, показавшееся сразу нам таким привлекательным и уютным, на самом деле оказалось очень неудачным в эту ночь. Пришли бойцы с поста, началась ругань между штрафниками из-за места и продолжалась всю ночь, вплоть до нашего ухода часов в 6 утра.

Штрафники много рассказывали о своей жизни - хвалили, но видно было, что мечтают-то они о другой службе, честными, оправданными солдатами.

Кушают они лучше нас - у них своя кухня.

Но вернусь к бою вчерашнего дня. Едва только мы достигли желанного расстояния от

переднего края, как раздались первые выстрелы артиллерии. Мы зашли в блиндаж, что желтел неподалеку от кургана свежей землей - очевидно, только что был построен. Сразу же началась подготовка. Ее нельзя было назвать слабой, но для данного участка она оказалась недостаточной. Противник, не будучи оглушен, остался доволен, ответив весьма ожесточенным огнем, непрекращающимся до следующего утра, т. е. сегодняшнего.

Вот и сейчас, когда я нахожусь в трех километрах от того места - на передке не прекращается ожесточенная перестрелка, и снаряды гремят непрерывно. Результаты боя мне не известны, но рассказывают, что пехота ворвалась в неприятельскую траншею и захватила 7 немецких языков.

Ночью пехота отошла на свои места, но противник сильно растревожился и не успокоился до настоящей минуты. Яростно рычат немецкие коровы шестиствольные минометы врага - их-то здесь хватает. Гремит тяжелая артиллерия, но все-таки в ходе этой операции уже ясно обозначилась слабость неприятельской артиллерии по сравнению с нашей, и неумение ее использовать достаточно эффективно, дабы обеспечить пехоте стойкость в бою.

Впервые получил сегодня несколько писем, на три адреса.

Пехота наша находится теперь неподалеку, в 5-10 километрах за Вислой, сразу в лесу.

08.01.1945

Я очень тепло одет. На мне 2 гимнастерки, свитер, нижняя рубаха, телогрейка и шинель, кальсоны, брюки, теплые брюки ватные. И все-таки вши не заводятся.

10.01.1945

Получил вчера много писем. Два от мамы, два от папы, по одному от тети Ани, тети Любы, Оли, К. Барановой, которую я первую из всех девушек (кроме Оли) поцеловал; открытку с

цветком от Ани Короткиной, открытку от Ани Маринец, и самое замечательное, - два теплых письма-поздравления, с не менее удачно подобранными видами, от Нины Каменовской.

Ответил, однако, не всем. Решил быть открытым, если не до конца, то хоть наполовину с мамой, папой и рассказал им кое-что из моей настоящей жизни.

13.01.1945

Каша заварилась, что называется. От противника нет спасения буквально. Сыпет и сыпет снарядами, очевидно, предлагая начало больших действий.

Насыщенность нашей обороны всеми видами вооружения очень велика. Враг в несколько раз слабее нас, и несомненно не выдержит с самого начала артподготовки, однако, нельзя не допускать, что первые 20-30 минут он еще будет отстреливаться. Тут только держись, Иван!

Сегодня он нас накрыл. Осколки усыпали стол для миномета, но все остались живы.

14.01.1945

4 часа 50 минут утра. На дворе еще темень непроглядная, а фриц уже донимает душу яростными налетами. Сердце колотится, и мысли не могут прийти в спокойствие. Как это жутко, когда рядом гремят, воют, рявкают снаряды, а ты сидишь ни жив, ни мертв и дожидаешься решения судьбы, уже не раз вмешивавшейся в твою историю.

Свет тухнет за каждым разрывом снаряда. Земля осыпается - она тоже нависла серым кошмаром над моей головой и толщина ее слоя сверху 50-60 см. Я в тоннеле, прорытом от огневой вправо на 1 метр, или, самое большее, на полтора в глубину. Выход в сторону противника очень опасный. Как никогда навис Дамоклов меч. Мы на глазах у неприятеля, и все самые яростные его налеты посвящаются нашей позиции, отзываясь в наших сердцах тоской отчаянной. Бойцы ругаются - им страшно. Но я молчу, не подаю вида что боюсь - командир должен обладать железными нервами.

Еще артподготовка наша не окончилась, кажется в 5.00 ее время.

Смотрел карту со схемой немецкой обороны. Что-то непостижимое, но наша втрикрат сильнее! Вчера ходил в шестую роту по вызову комбата соседнего батальона, который мы временно поддерживаем. Там, после одного из налетов артиллерии врага, убито 4 человека. Лежат прямо в ходу сообщения, искромсанные, окровавленные - их некогда убирать.

Наши минометы расположились густой цепью у самого переднего края минометы всей армии! Впереди, метров 20, артиллерия 45, тоже цепью. Сзади 76 мм. А еще дальше... Что и

говорить. Видел я множество "Катюш", "Иванов грозных", или, как их называют, "Мудищевых", видел я массу танков, самоходных пушек, и вообще, чего я только не видел в стане нашей обороны, но все-таки враг не сразу умолкнет, у него тоже много техники и подавить ее огонь трудно. Этот прорыв будет самым потрясающим и самым значительным из всех существовавших ранее, ибо противник более полугода укреплялся, подтягивая сюда силы и технику.

Впереди нас речка - форсировать придется. Мороз слабый, даже снег растаял. Впереди железная дорога - придется овладеть и ею.

Принесли завтрак. Много. Горячий, но невкусный, без заправки - жиров, мяса. Суп пшеничный или перловый - мне эти крупы так приелись, что даже не упомню их названий, - бывает всяко.

Свет потух. Пишу в темноте, а снаряды гремят, сердито воют, злорадствуют, ...нет, брешите! Зажгут свет, и тогда увидим чья взяла. Со светом и на душе спокойнее. И хотя разрывы не умолкают, земля и руки дрожат, мысли прыгают, а разум сбивается, воздух свистит и воет, звякают и с треском ударяются оземь сотни бесформенных, пронзающих осколков - я все-же способен владеть собой и пишу.

Опять погас свет. Очевидно, немец разгадал наши планы, вернее, ему выдали предатели-перебежчики. Их было много. Зажгу коптилку, черт с ним!

Налет перенесся вправо и пошел далеко в сторону. Очевидно, последний, ибо прокатился он через всю оборону, как волна на море, и последние его отзвуки раздаются неблизко. Новых выстрелов не слышно, и только пулеметы изредка заливаются длинными очередями.

Темно по-прежнему. Немец глуп, но не на столько, чтобы не понять, что выдает свои ОП ночной стрельбой из орудий и минометов. Поэтому, наверно, и умолк, и тоже ждет рассвета, начала нашей артподготовки.

На место грозного урагана бомб разрывов, пришел тихий ветерок в виде пуль, взвизгивающих то и дело над нашими головами. Они безопасны для нас.

Хочется спать. Я нисколько не вздремнул за всю ночь, хотя ничего полезного не сделал, разве только писем штук десять написал за это время. Хочу вздремнуть. Авось все обойдется. Спокойно вздохну лишь тогда, когда мы прогоним отсюда немцев. Больше такой открытой и опасной обороны, думаю, не встретится.

Немец полный дурак - стреляет. Пусть. По вспышкам засекут

наблюдатели его огневые средства, и тогда живого места не оставят там, где они. Нам легче будет, авось те батареи, что сюда стреляют, будут подавлены сразу.

15.01.1945

Вторые сутки боев. От первоначального расположения километров 14-15. Артподготовка была неимоверная, но думается мне - слабее, чем в 43 у Нова Петровки.

18.01.1945

Пятый или четвертый день в пути - дорога в наступление.

19.01.1945

Белева.

Трофеев здесь очень много разбросано. Кругом - огни пожарищ. Немцы зажгли склады, все ценное пытаясь уничтожить. Однако им это редко удается.

Дорогой встретил первые пожарные команды на спецмашинах, спешивших спасать трофейное имущество и народные здания.

Наши славяне пообъедались. Ходят животами крутят. Повидло целыми ведрами достали, сало, мед.

Я достал самое главное - бумагу. Теперь писать есть на чем. Карандашей много и хорошие, химические, лучших сортов. 80 польских злотых нашел, купил на них конфет. Магазины работают сразу после боя. Немец ушел отсюда вчера на рассвете.

Поляки скупы и жадны. Продают дорого, но не все. Водку, вино и продовольствие берегут, ожидая повышения цен. Кусочка хлеба не дадут бесплатно, за все им плати.

Мужчины и молодежь почти все дома. В армии поляки служить не хотят. Города здесь маленькие, но красивые и многолюдные.

По лесам много солдат противника. Их вылавливают сотнями. Так, вчера вели на встречу нам более 200 человек. Несколько раз и мы занимали круговую оборону - вели бои с остатками рассеянных войск неприятеля.

Командир роты оказался сопливым мальчишкой, ни больше, ни меньше. Он придирается на каждом шагу и к каждой мелочи. Я с начала своего пребывания в роте веду себя дисциплинированно и не ругаюсь с ним, как другие, а ведь его не слушаются даже бойцы. Он разложил дисциплину в роте, Канониенко и Шитикова боится, те верховодят им, и вообще, в роте бардак невообразимый. У Шитикова отстало 2 человека - несколько дней их нет. У меня отсутствовали несколько часов двое, и потом пришли, но он поспешил пригрозить: расстреляю тебя в первом же бою.

В период марша командир роты вместе с лейтенантом

Шитиковым, ничего не сказав, ушли на отдельную квартиру, где ординарцы приготовили им ужин и завтрак, и где они хорошо отдохнули, придя в расположение только перед рассветом. А когда в других взводах оказались непорядки, капитан стал обзывать и ругать матерно меня, хотя не оставлял за себя перед уходом, и не поставил меня даже в известность об этом.

Когда мой ординарец, ефрейтор Наконечный, достал золотые часы, он подарил их командиру роты и с тех пор стал у него вьюном (крутился возле него, побираясь сигаретами), за все время марша ни разу не спросив у меня разрешения уйти, а когда я делал ему замечания - ссылался на разрешение командира роты, и тот неоднократно вступался за него. В результате Наконечный совершенно перестал считаться со мной, и из дисциплинированного бойца превратился в злостного нарушителя.

Не раз от него можно было слышать, что мое приказание не играет роли, так как его легко, и это несомненно, отменит командир роты. А на днях, когда я передал Наконечного в 1 взвод, и требовал по истечении необходимости его обратно, лейтенант Каноненко отказался мне его возвратить, а сам Наконечный сказал, что так и будет всегда, а мое слово для него пустой звук.

Однажды, когда бойцы Береснев и Наконечный стали задевать бойцов, проходивших мимо, и обзывать их матерными словами, я запретил им повторять подобные штучки, объяснив им всю пошлость и некультурность их поступков. Однако Наконечный, а затем и Березнев, издеваясь над моими замечаниями, стали наперебой оскорблять первых встречных им солдат. Тогда я заявил об этом командиру роты, но тот только посмеялся в присутствии самих Наконечного и Березнева. После этого и по настоящий день эти бойцы не прекращают своих пошлых выкриков. И особенно упорно употребляют их в моем присутствии.

Приведу пример:

- Березнев! - кричит Наконечный.
- А?
- Х...на!
- Наконечный! - окликает Березнев.
- Ну?
- Х....ну!, и т. д. и т. п.

Так командир роты позаботился о разложении дисциплины во взводе, и в особенности о подрыве моего авторитета.

Дошло до того, что в присутствии бойцов он, капитан Рысев, стал по всякому поводу и без повода называть меня "расп....м",

"х....м", "дураком", стал говорить, что любой боец лучше меня сможет командовать взводом (при бойцах), что я не офицер, а гавно, что в первом же бою он меня расстреляет и т. п.

Вслед за ним стал угрожать мне расстрелом Каноненко. В присутствии бойцов он называл меня не менее нецензурными словами, затем принимался утверждать, что раньше я работал начальником ОВС и не воевал. Дальше больше. Однажды в меня полетели горшки и кувшины, брошенные Каноненко в пьяном виде. В другой раз Каноненко вынул револьвер и стал крутить им перед моим лицом. В третий раз он организовал стрельбу в помещении, левее того места, где я сидел. И всегда, как только Каноненко оказывается пьяным, единственным и, по-видимому, излюбленным предметом его нападок являюсь я.

Командиру роты, не секрет, тоже неоднократно доставалось от Каноненко. Но он не решался применять в ответ физической силы.

Один я оказался фокусом, в котором преломляется, в течение почти всего периода моего пребывания в роте, наглая самоуверенность вышеуказанных. Мое терпение, вызывая изумление у окружающих людей, дало возможность крайне распоясаться капитану Рысеву.

Однажды, под предлогом воспитания бойцов, он перевел в мой взвод самых недисциплинированных (Березнева, Гордиенко), и с тех пор 3 взвод получил вторым названием "штрафной", так как все наряды и бесчинства Рысева обрушивались именно сюда.

На мои просьбы "оздоровить взвод", дать мне хотя бы 1-2 достаточно дисциплинированных бойцов, на которых бы я мог вполне положиться и довериться, Рысев неизменно отвечал: "Перестань плакаться. Надо уметь воспитывать бойцов". То есть, плоды своего двухлетнего воспитания он бесчестно пытался взвалить на мои плечи и сделать меня жертвой преступной недисциплинированности худших, легко поддавшихся разложению бойцов.

Так оно и случилось. Невероятных усилий стоило мне удержать бойцов на марше от отставания, которое в роте приняло исключительные размеры - 14 человек. Причем к нынешнему дню трое из них так и не вернулись в роту.

Однажды по вине самого командира роты (он отобрал у моего ездового хороших лошадей, а тому в упряжку дал окончательно дошедших), повозка отстала, капитан Рысев приказал мне остаться с взводом, достать лошадей и "бегом догонять". Я, во исполнение приказа командира роты, достал лошадей, посадил бойцов на повозку, двоих на машины 120 мм. минометов нашего полка, и они уехали вперед.

Двое уехавшие на машине пришли только вечером, так как батарея 120 мм сильно опередила нашу колонну, миновав ее другой дорогой. Капитан Рысев отстранил меня от должности, даже не посоветовавшись с командиром батальона, и только позже доложил ему об этом. Причем бойцам приказал мне не подчиняться, а помощнику командира взвода взять управление взводом.

Не смотря на большое количество лошадей и повозок, Рысев запретил мне садиться на повозку, и большую часть пути мне приходилось проделывать пешком, изнывая от боли потертых ног.

Однажды, отстав, я на попутной машине заехал вперед колонны по дороге, которой двигались первый и третий полки, опередив всю колонну. Я остановился дожидаться своих. Встретил командира батальона, который тоже ожидал полк. Он был вдрызг пьян. Я угостил его конфетой и спросил маршрут, но он не знал сам. Однако, не доходя до нашей остановки 2 километра, полк свернул влево, и таким образом мы сумели попасть в него только на другой день, причем с собой привели 20 отставших бойцов и повозку.

После этого случая комбат потребовал от капитана Рысева изменить отношение ко мне. Ротный, встретив меня милой улыбочкой и чуть ли не с распростертыми объятиями, был вынужден восстановить меня в правах.

С тех пор прошло несколько дней. Капитан Рысев, казалось, забыл прежнее, и снова принялся издеваться надо мной, угрожая репрессиями. Все мои просьбы к ротному не ругать меня в присутствии бойцов и не порывать моего авторитета, дали противоположный результат.

На передней линии, дня за три до боя, 12 числа, капитан Рысев вызвал меня к себе в подвал, куда он перебрался, бросив роту после одного из артналетов неприятеля.

- Вы почему не докладываете о состоянии взвода? - спросил он в упор.

- Как? - изумился я, - но вы же не требуете от меня докладов?!

- Так, твою мать! .... ты этакий! Сегодня ночью 10 раз доложишь мне о состоянии взвода!

- Есть доложить! - ответил я. - Но только попрошу вас при бойцах не употреблять по отношению ко мне нецензурных выражений, так как мне уже и без того подорвали немало авторитета.

- Кто подорвал авторитет? Кто?

- Вы, товарищ капитан - ответил я.

- Так!... Ах ты, мерзавец! - и бросился ко мне с кулаками. Все расступились, а капитан Рысев нанес мне несколько пощечин с

криком - Я расстреляю тебя в первом же бою!

Ответить я не посмел и только несколько раз повторил:

- Товарищ капитан, помните, что я офицер. Не топчите мою честь!

Успокоившись, он приказал мне идти во взвод. Вслед за мной, однако, был вызван ротным младший сержант Чередниченко, мой командир расчета.

По возвращении Чередниченко выстроил взвод и объявил, что командиром взвода является лейтенант Шитиков, "А вы, - обратился он ко мне - капитан сказал, чтобы я передал бойцам, что он вас выгнал из роты и чтобы вас никто не слушался и не подчинялся вам".

Командиру батальона Рысев не доложил о своих действиях, и только перед боем 12 числа, видя серьезность сложившейся обстановки, я сам обратился к командиру батальона. Мне было приказано принять взвод. Капитан Рысев "заболел" и остался с ординарцем в тылу (на следующий день после боя он был уже здоров!). Бой 12 числа не прошел бесследно.

Боевая обстановка и непрерывное напряжение в котором пребывали все сплотили бойцов, а мое поведение в бою невольно заставило бойцов уважать меня и подчиняться беспрекословно.

Все бойцы, командиры, все, кто в долгие минуты опасности не скрывался, могут заявить, как я действовал в этом бою. Потому тем-более обидно и несправедливо, когда не участвовавший в этом и ряде других боев, капитан Рысев, назвал меня трусом, а присутствовавшим в бою заявил, что я 12 числа не выходил из подвала.

21.01.1945

Село Руштув; по правую сторону дороги, ведущей до Кутно.

До Кутно осталось не более 10 километров. Здесь я решил заночевать с солдатами. Старший лейтенант-медик из полковой санчасти еще вчера перепил сильно, уехал на лошади вперед и, очевидно, куда-то заехал. Я остался с бойцами, и хотя еще позавчера ночью мог догнать свой полк на любой из попутных машин, остался ехать на повозке, ибо совестно оставлять 20 бойцов на произвол судьбы - они не найдут своих, отстанут, и будут считаться дезертирами.

Так, вчера, когда я шел сзади, они два раза сворачивали на другую дорогу, ведущую в сторону от нашего пути. Взвод мой остался там без командира, но чем я виноват. Капитан будет сам расплачиваться за свои действия - он отстранил меня от должности за то, что у меня отстали на два часа Чередниченко и Деревьев, и поручил командовать взводом помкомвзводу Концу.

В этом селе меня приняли очень хорошо. Хозяин дома, где мы

остановились, долгое время батрачил у немцев и дом его уцелел. Остальные поляки, эвакуировавшиеся в протекторат, начинающийся от Ловича на восток, лишились хозяйств. Их дома были разрушены, в новых поместились немцы - эту территорию они считали своей, а не польской, и заселяли ее людьми своей "высшей расы". Так что сейчас мы проходили по территории, где уже немцы жили. Тут больше богатства, чем в восточных районах, где немцы грабили до предела. Свое же хозяйство недавние колонизаторы увезти не успели, и оставили массу курей, поросят и прочей живности.

Я разместил солдат в квартирах по два-три человека в каждой. В одном из домов хозяева только вернулись после четырехлетнего отсутствия, и застали дома богатое наследство от немцев. Солдаты расспросили, разузнали все, а потом заказали хозяевам богатый обед. Поляки зарезали пару курей, принесли кислой капусты, а сами солдаты после тщательных поисков нашли водку и помидоры. Хозяева удивились: "Мы еще сами не знали, что это есть".

Немцы рыли сильные укрепления. Все население мобилизовывали на работы. "Скоро, скоро рус не будет пахнуть" - рассказывают поляки ... Мосты, почту, телеграф, поезда, железную дорогу - все оставили, не разрушив, солдаты неприятеля - уж больно быстро их гнали.

Рассказывают, что здесь жила русская немка из-под Николаева. Она хвалила русские земли и жизнь, но боялась, что ей не пройдет, что она выехала из России. Немцы забрали ее сына в армию, и это держало ее по ту сторону фронта - я бы давно убежала к вашим, - так она называла русских.

Одного немца публично расстреляли еще в 41 году, когда немцы одерживали успехи. Немец тот был дальновидным человеком и открыто говорил своим соотечественникам: "России нам не победить". Его расстреляли и сожгли, как изменника. Немцы были тогда сыты, довольны, они шли, даже летели вперед. Теперь, рассказывают жители, они отступали в панике, были изнеможденны, злы и разочарованы. Один маленький фриц пришел в квартиру, тяжело опустился на стул и сказал: "Я не могу больше идти, лучше сдамся в плен" - и заплакал.

Сейчас немцы отступают пешком. Им трудно, пожалуй трудней, чем нам было в 41. Немцев обошли с северо-запада, отрезали им пути отхода - рассказывают поляки - в Кутно они все побросали, и сами были перебиты и взяты в плен.

Жители разговаривают на смешанном польском. Немецкий язык отдельными фразами и словами засоряет польскую речь. Здесь запрещали говорить по-польски.

Читал власовскую газетку, какой юмор! "В этом году мы победим!" говорит этот продавшийся мерзкий генерал. Доктор Геббельс выражается интереснее - его статья опубликована тоже. Он говорит: "Враги утверждают, что Гитлер болен, но это неправда. Фюрер крепок духом, и на этом покоится сила немецкой армии". Умереть можно, до чего парадоксально и наивно!

Некий Бардонин выражает свою предательскую сущность в стихах. Какая бедность языка у всех этих собак. Неужели они могут считать еще себя русскими?! Ведь они хуже немцев! Что может быть отвратительней предателя Родины?!

Наступает рассвет. По местному времени половина седьмого. Мы собираемся. Впервые в Польше ел курятину, пил какао, хорошо отдохнул.

"Не будем видеть, жаль, как он там пропадет, сукин сын" - говорит хозяин.

Сержант и бойцы, что со мной, наперебой расхваливали полякам как нас кормят, как одевают, какова наша техника, вооружение, страна, территория, люди, армия, а я поддакивал и прибавлял от себя, что на одного нашего бойца работает 15 человек в тылу - 5 на продовольственном обеспечении и 10 на вооружение. Поляки почти с любовью отзываются о России, восхищаются ее могуществом.

Поздний вечер. Бжезины - деревня, близ города Владавы. Здесь опять хорошо нас встретили.

Сегодня ночую с ротой, но взвода моего и повозки нет - они остались в Кутно ковать лошадей. Капитан страшно мне обрадовался и протянул первый руку, после размолвки между нами. Впервые он стал разговаривать со мной по-человечески. Оказывается, майор сильно ругал Рысева за меня и приказал во что бы то ни стало к исходу нынешнего дня отыскать меня и доложить об этом. Я предрешил исход всем неприятностям капитана своим неожиданным возвращением. Доложил майору. Он ничего не сказал, только спрашивал насчет лошадей, где они, которых мы достали.

Кутно коснулся только слегка. Видел один костел и прилегающие к нему дома. Остальной город скрыл от меня густой, непроглядный туман и свернувшая влево дорога. Костел огромный, красивый - мне очень понравился.

В городе немцы побросали так много трофеев, что об этом уже прогремело по всем деревням района. Люди боятся военных - немцы напугали - и прячутся, боятся выходить и трофейничать - все немецкое, за исключением пустяков, достается нам.

Солдаты ведут себя безобразно. Мало того, что воруют и

отбирают лошадей, они еще умудряются шарить в квартирах, отбирать велосипеды, имущество, свиней, коров и прочее. Люди, которые всей душой рады нам, после этих разбоев смотрят с недоверием, а то и с неприязнью на нас. Я противник партизанщины в Красной Армии.

Глаза слипаются, спать хочу.

22.01.1945

Командиру
3 сб 1052 сп
майору Бойцову
Командира
3 взвода минометной роты
лейтенанта Гельфанда

РАПОРТ

Считаю необходим довести до Вашего сведения, что командир 1 минометного взвода лейтенант Каноненко, будучи сам до предела недисциплинированным, систематически занимается разложением дисциплины среди личного состава минометной роты, подрывом авторитета всего среднего и младшего комсостава бойцов, а также провакационными измышлениями, чем вызывает общее возмущение и демонстративные выступления красноармейцев.

Прошу Вас также помочь мне занять соответствующую моей специальности и званию должность, которая публично и незаконно отнята у меня командиром роты.

Еще с первых дней моего назначения на должность командиром взвода в минометной роте 3 сб 1052 сп, меня изумило состояние дисциплины и отсутствие в подразделении единоначалия.

Командир взвода лейтенант Каноненко, собрав в землянке бойцов, устроил настоящее состязание в отыскании названий для командира роты капитана Рысева. "Он придурок, дундук, ишак и бирюк" - под общий гул одобрения присутствующих заявил Каноненко. - "От него ни нормального совета, ни указания не получишь. Фактически руковожу ротой я!". Присутствующие утвердительно кивали головами. "Что капитан? Он ни х... не понимает, он трус и во время боев отсиживается в тылу, перепоручая мне командовать ротой!". Приводя такие бессмысленные и явно провакационно-вредные утверждения, служащие подрыву авторитета старшего командира по должности и званию, он требует от бойцов, чтобы те утвердительно кивали головами, поддакивали ему и сами употребляли незаслуженные нашим командиром названия и клички.

Я-же принял взвод в дни, когда подразделение занималось

напряженной учебой. Это было время подготовки к грядущим боям. Но неорганизованность и расхлябанность личного состава роты мешала использовать эффективно этот период для пополнения знаний бойцов и командиров с максимальной рациональностью.

В роте царит антагонизм и недружелюбие между бойцами. Ругань, матерщина и драки не выходят из обихода - никем не пресекаются. Никто не думает о сплочении коллектива в дружный и единый, и даже напротив. Командиры взводов противопоставляют себя командиру роты, а тот, вместо утверждения себя единоначальником, побаивается и робеет перед ними. Не раз случалось, когда приказания капитана Рысева отменялись лейтенантом Каноненко на глазах личного состава.

Традиционное значение приобрело воровство и обман. Еще в первые дни моего знакомства с ротой, я, к своему изумлению, встретился с фактом хищения у командира роты хромовых сапог и вещевой сумки с бельем и другим содержимым в ней. Подозрение пало на лейтенанта Каноненко, который при большой дороговизне водки исхитрялся ежедневно быть пьяным, не имея денег для выпивки в достаточных количествах. До обнаружения пропажи, когда рота ушла на занятия, лейтенант дважды заходил в землянку, где находились вещи командира роты, чему невольным свидетелем оказался и я.

За день до этого был похищен полученный мною хлеб. Несколько дней спустя, в другой землянке, были похищены шапка-ушанка и ватная куртка.

Кражи не прекращаются на протяжении всего существования роты. Меры пресечения не принимаются, наоборот, когда однажды я уложил на повозку суконную трофейную шинель, подобранную в дороге - лейтенант Каноненко самовольно взял ее (в мое отсутствие), пропил, угостив капитана, и тот, в ответ на мое замечание об этом, прилюдно обругал меня: "Не показывай, что ты дурак, молчи, надоело мне..." Это случилось уже на марше, в период наступательной операции. Однако, еще раньше, на другой день после пропажи вещей капитана Рысева, лейтенант Каноненко устроил публичную облаву на бойцов моего взвода. Вскрыл без моего ведома вещевые сумки бойцов, обнаружил у троих из них сало, консервы и организовал настоящий митинг возмущения, на котором почти единственным оратором и слушателем, исключая обысканных им бойцов, был он сам: "Теперь вы видите, почему вам не хватает продуктов! Почему суп жидкий и не все положенное вам закладывается в котел! Такие вот дежурные - указывал он на меня - рабочие и повара вас обкрадывают! Их надо расстрелять на месте! Уф, гады!" - кричал,

привлекая к себе внимание близпроходящих, он.

Накануне этого случая мне довелось быть дежурным по кухне. На протяжении всего дня кухню посещали различные армейские и дивизионные комиссии, но никаких нарушений и недостатков в продуктах не обнаружили. Так что обвинения с направленной формулировкой были явно провокационные, имели целью отвести от него, Каноненко, подозрения в краже продуктов, вещей и плащ-палатки, расследованием которой, по поручению командира роты, занялся в это время я.

До последнего времени я рьяно поддерживал авторитет и престиж командира роты, категорически запрещал у себя во взводе, и насколько мог - в роте, названия "пацан", "слабовольный", "мальчишка", предназначенные для капитана Рысева, произносимые открыто и беззастенчиво. Как ни один из командиров взводов, я, с первого дня поступления в роту, беспрекословно выполнял все приказания командира, однако вместо того, чтобы подхватить мою инициативу в поддержании своего авторитета, капитан напротив стал препятствовать мне и мешать установлению дисциплины и субординации.

И они-то, вместе с лейтенантом Каноненко, без которого, на мой взгляд, командир роты не мыслит своего существования во главе подразделения, хорошо постарались в подрыве своего, моего и офицерского авторитета в целом.

Однажды, когда еще до прорыва, я попросил ротного позаботиться чтобы на передовую, где из всего батальона находился один я со взводом, подвозили пищу в термосе и в горячем виде, он опять стал ругаться, назвал меня при бойцах дураком. В другой раз, когда я задремал, а помкомвзвод, старший сержант Конец и наводчик Деревьев отошли в сторону, где в 15 метрах от ОП находились мины - командир роты стал грозить мне расстрелом, обругав самыми низменными словами в присутствии подошедших моих подчиненных.

Деревня Свянтково (близ городов Яновец и Жмин).

Нынешнюю ночевку можно назвать удачной, хотя плохо спал - сильно натер ноги (болели), и потел под пуховой периной. Ну как только поляки так спят? ведь жарко безумно.

Дома здесь каменные. В этих краях люди добрые несравненно, испытали горе, встречают нас, как родных, и нам живется, как у себя дома в Николаеве, в Одессе, и лучше, чем в Ростове - там у населения ничего не осталось.

Паны-колонизаторы бросили все, убегая: лошадей, скот, имущество. Наш полк стал транспортным - буквально вся пехота села на лошадей. Командир полка сказал, что временно разрешает, чтоб люди ехали, но к первому бою все должно быть

по-прежнему, ибо при ограниченном числе людей невозможно, чтобы все были ездовыми - воевать-то кому?

Водки - безмерно. В каждом селе, у каждого немца-колонизатора был, и остался теперь, спиртовой завод. Самый обыкновенный спирт-сырец люди пьют до упою. Многие выжигают себе внутренности, но это не останавливает. Один боец сгорел - умер.

Мама пишет, чтоб я ей выслал посылку. Непременно постараюсь, но неудобно, что она сама мне написала, я бы догадался.

Оля интересно рассказывает, как они там, девчонки, праздновали новый год, и вшестером гонялись за одним юношей-студентом, который, хотя и не совсем хорош собой, но все же, за неимением лучшего, подходящий. Но и тот сбежал - какой парадокс! Тень гордости и упоения не сходит с лица моего. Как это не похоже на гордых девушек-львиц. Не они ли когда-то считали себя выше всех, умнее всех, а теперь унижаются там перед всяким парнем, лишь бы он был хоть чуть-чуть мужчиной. "Не подумай, что мы уже совсем уродки" оправдывается Оля за свою неудачу.

Наступление наше имеет важное значение. Наш полк (1052) особенно отличился. Всех офицеров представили к награде.

Сейчас, перед маршем, на партсобрании. Повестка: итоги боев и задачи парторганизации на будущее. Комбат майор Бойцов в докладе по этому вопросу. Сейчас на марше в роте отсутствует 12 человек у Шитикова и Канониенко, нет и самого Канониенко. Комбат предупреждает в своем выступлении о снижении награды за утерю людей.

Ручка моя плохо пишет - перехожу на карандаш.

До Познани 90 километров. Девушки внимают нам и восхищенно приветствуют своих освободителей. Вчера одна паненька подарила мне зеленый букетик подснежников, и я долго носил его с собой.

Вчера, рассказывал комбат, бойцы зашли на спиртзавод, и в это время вооруженные немцы напали на них. Два немца были убиты, остальные разбежались.

Пишу в темноте и спешке.

26.01.1945

Еще темно. Сейчас двигаемся. Маршрут 50 километров. Нынче будем в Германии.

27.01.1945

Село (не знаю) в трех километрах от германской границы, расположенное вдоль реки, довольно таки широкой и многоводной.

Уже рассвело. Спали часа два - не больше, и сейчас опять двигаться. Уже стали действовать вши. Постепенно. Наглее и наглее становятся, живут, размножаются - дело плохо, и пахнет керосином, как говорит Каноненко. Он, между прочим, нашелся. Опередил нас, приехал сюда, два дня жил, запасся вареньем, повидлом, курятиной и ждал нас с богатым трофейным ужином. Выпивал на этот раз и я. Не удержался, выпил предложенные две стопки спирта, до предела намешав его водой. Напиток оказался слабым, но и от него опьянел. Каноненко и Шитиков нахрюкались.

28.01.1945

Германия. Через 38 километров от прежней (вчерашней) ночевки. Таким образом, за два дня - 90 километров. Германия встретила нас неприветливо, метелью, ветром лютым и пустыми, почти вымершими деревнями. Люди здесь немцы - боятся гнева русского. Бегут, бросая все свое хозяйство и имущество.

Еще в Польше нам встречались люди, с надписями на рукавах "Р", с бело-красными полосками через рукав, и с такого же цвета значками на груди. Каждому хотелось сказать, что добрая половина немцев перекрасилась под польский цвет.

Граница на весьма широкой реке, а по эту сторону какое изобилие лесных массивов, гор. Местность пересеченная. До Берлина недалеко. Германия пылает, и почему-то отрадно наблюдать это злое зрелище. Смерть за смерть, кровь за кровь. Мне не жалко этих человеконенавистников.

Здесь мы застали трех спящих немцев. Они все молодые. Сильно перетрусили, дрожат и говорят "капут".

30.01.1945

Нам не дают отдохнуть. Сегодня пришли в пять часов, а в семь был организован подъем, так что только успел поужинать, и отдых кончился. Обижаться, конечно, не на кого. Каждый наш шаг имеет крупнейшее историческое значение. Вот почему об отдыхе думать не следует.

Жители страшно перепуганы. Когда мы пришли, они все подняли руки кверху, и спрашивали со страхом: "алес капут, алес капут?". У них сделали переворот, все нужное забрали. Роскошь обстановки неописуема, богатство и изящество всего имущества потрясает. Вот когда наши славяне дорвались!

Никто никому не запрещает брать и уничтожать у немцев то, что они награбили у нас раньше. Я весьма удовлетворен. Не нравится мне только безрассудное буянство Шитикова и, в особенности, Каноненко. Вчера, например, Рысев разбил бюст Шиллера и уничтожил бы и Гёте, кабы я не вырвал его из рук сумасброда и не схоронил, обмотав тряпками.*** Гении не могут

быть приравнены к варварам, и уничтожать их память - великий грех и позор для нормального человека.

Каноненко идиот в самом буквальном смысле. Сегодня, да и каждый день, пожалуй, напивается до бессознания и начинает стрелять из любого, подвернувшегося ему оружия, бросать в людей что попало под руку. В этом отношении немало достается и мне, и хотя он слабее меня, я все же не решаюсь с ним сталкиваться, ибо не верю в его рассудок. Сегодня мы поругались и он разбил об стенку, промахнувшись в меня, большой глиняный горшок. Я удивляюсь, как ему все сходит - он и Рысева бил, и замполита роты.

Денег запасся - 7 тысяч (!) немецких марок. Они не сойдут с рынка, да и позже пригодятся. Среди немецких денег нашел и своих 10 рублей.

02.02.1945

Попали под бомбежку. Немецкие коршуны ненасытно грызут колонну. Бойцов рассредоточили по сторонам, а на дороге остался только обоз с конюхами. Колонна стала. Вот уже полчаса стоит.

03.02.1945

Лес у реки Одер. Свой дневник оставил.

Движемся по направлению к реке, где сейчас идут очень жестокие бои. Над головами у нас кружатся вражеские стервятники, хлещут длинными, а чаще короткими очередями разрывных пуль из крупнокалиберных пулеметов.

Отдохнуть не пришлось. Занимался ночью очищением сумок от излишнего трофейного барахла - носиться ведь невозможно.

Получил письма от мамы, Оли, Зои, Саши, но ответить им буквально не в состоянии - время. Сейчас оно, как воздух на учебе - по миллиграммам.

Немцы боятся, трусятся. Они почему-то все глупые, недалекие, как истуканы, чего я при всем моем о них мнении, никак не мог ожидать раньше.

04.02.1945

Вечер. Противник измучил нас своим упорством. В стрелковых ротах выведена из строя половина личного состава.

Здесь в подвале жарко и потно - верх горит, подожженный неприятелем. Крыша почти сгорела, хотя потолок крепок - он каменный. Враг неистовствует. Неустанно гудят бронетранспортеры и танки неприятеля. Танки близко. По ним стреляют наши "сорокапятки".

05.02.1945

Маршал Жуков, за период нашего наступления, вторично объявил нам благодарность. Вчерашняя ночь была очень важной

для нас и для всего фронта. Мы удержали плацдарм, на котором накануне полегла, не удержав его, почти вся 248. И опять нас выделили и отметили в среде высшего командования.

Сегодня отправился в домик, что на нейтральной полосе, и тут-то случилось новое, выдающееся для меня событие, где судьба как никогда отчетливо показала свою мне благосклонность.

6 или 07.02.1945

До Берлина 70 километров, а до дня окончания войны ... далеко еще, видимо. Немцы не только сопротивляются, но и способны задержать нас (несколько дней мы топчемся на месте), и наносить нам невосполнимые потери. По меньшей мере половина людского состава оказалась за эти дни в лапах смерти, получила ранения, контузии.

Кошмар непередаваемый, да и только. Вчера в этом полуразрушенном подвале, где я сижу, ранило трех человек (одной миной). Сегодня убито два зенитчика, один тяжело ранен, ранен также военфельдшер и боец минометной роты. Это только на стопятидесятиметровом по фронту участке нашей обороны. А что у стрелков творится! Вчера я с вечера и до рассвета просидел у них на передке и десять тысяч раз проклял свою жизнь за это время. Намок и продрог.

Землянка, которую я подрывал тоннелем в насыпи железнодорожного полотна, обвалилась от ударов снарядов, и счастье мое, что я высунул голову и туловище в то мгновение, иначе меня б задушило землей и льдом, и вычеркнут был бы из списка живых. Ноги насилу откопал и теперь мне очень больно передвигать ими. Добро еще фриц не торопится отходить, иначе не знаю, чем бы я его преследовал.

Горит сарай большого немецкого хозяйства во дворе, где я только что перенес все ужасы артнападения. Сюда упал неподалеку немецкий самолет и грохнулся с такой силой и ожесточением, что одним дымом и пылью заволокло все вокруг и стало темно, как ночью. Шитиков забежал, схватил, что можно было успеть взять, и, говорят, что он сейчас под двухэтажным домом в подвале, и принес туда слух, что мина упала сюда, в подвал. Он трус ужасный, а наградили его орденом Отечественной войны. Вот так оно и ведется. А правда где? Справедливость? Ведь все одинаково головы кладем, рискуем, вместе находимся, воюем. Но один, как Каноненко, глоткой берет, другой, типа Шитикова, подлой хитростью и лицемерием. Таковы факты и таковы люди.

Майора Лаптева вчера ранило. Конца тоже. Наган мой пропал. Майор отобрал его у меня накануне нашего сюда прихода, полагая, что я пьян, и Конец, которому он его вручил,

отдал кому-то вместе с поясом, когда его перевязывали.

Командиру 3 сб 1052 сп
Майору Бойцову
От командира минометного взвода
3 минометной роты
Лейтенанта Гельфанда
РАПОРТ

Ходатайствую перед командованием батальона о направлении сержанта Березнева Ивана Петровича в штрафную роту, как неподдающегося исправлению и разлагающего дисциплину в РККА.

Еще в период обучения, находясь во втором взводе, сержант Березнев докатился до того, что из командира расчета стал третьим номером в расчете, а комсомольским собранием был снят с комсоргов рот и исключен из рядов ВЛКСМ за самовольное оставление поста в ночное время.

Когда Березнева перевели ко мне во взвод, он заявил мне, что в 1 и 2 взводах к нему придирались и были с ним несправедливы, а на самом же деле он исполнительный и дисциплинированный боец. Пусть так, решил я. "Прошлого вашего я не знаю, у меня вы новый боец и каким вы себя покажете, таким я вас и буду считать отныне".

Однако, сразу же на другой день после нашей беседы, Березнев уснул на посту, отказался выполнять приказание командира расчета и допустил еще целый ряд нарушений дисциплины. В дальнейшем поведение красноармейца Березнева не только не улучшилось, но, в силу ряда обстоятельств, стало просто таки нетерпимым. В особенности на марше, после прорыва немецкой обороны в районе Варка: командира 2 взвода лейтенанта Шитикова Березнев умудрялся называть просто по фамилии, а распоряжение лейтенанта Каноненко осмеять и не выполнить.

В период нахождения здесь, на левом берегу реки Одер, не было дня, чтобы Березнев не уснул на посту, или же не ушел во время ведения огня с ОП. Командира своего расчета он совсем не признает, а ко мне относится издевательски и своим отношением разлагает бойцов взвода.

Единственной и первостепенной заботой Березнева являются сон и пища. Чувствуя известное попустительство со стороны некоторых офицеров роты, сержант Березнев разложился как боец и красноармеец до такой степени, что совершенно потерял человеческий облик: ходит грязный, расхлябанный и ни один боец не считает его младшим командиром, в силу его недисциплинированности и разгильдяйства.

Ни беседы, ни взыскания не влияют на этого человека, и поведение его остается по-прежнему возмутительным.

09.02.1945

Рысев - мальчишка. Опять отстранил меня от взвода, и даже замахивался на меня в присутствии бойцов, лаялся матерно. Я не ругался, а только сказал, что ничего культурного и вообще, ничего лучшего от него и не ожидал. Впечатление о нем с первого раза складывается как о сопливом драчуне, мальчишке, которого побили, но который не унимается, и еще, и еще лезет драться. Такое у него и лицо, и поведение, и образ мыслей.

13.02.1945

Старший лейтенант Безносов был ранен еще при прорыве висленской обороны.

Полк отличился. Наш батальон вместе со вторым и первым отстояли в двух или трех (не помню) дневных боях с неприятелем плацдарм за рекой Пирица. Стрелки, пулеметчики, артиллеристы 45 и мы, минометчики, все сидели в одной траншее - единственном укрытии от вражеского огня. Больше не за что было зацепиться. Вторую траншею враг никак не хотел отдавать, а сзади, вплоть до самой реки, на протяжении 500-700 метров не было места, которое бы не простреливалось неприятелем.

Вся артиллерия, вся техника, была сосредоточена на восточном берегу реки Пирица, и батальоны были лишены локтевой связи с поддерживающими подразделениями. Это создавало для нас критическую ситуацию. Противник обладал господством в местности, имел при себе артиллерию и пресловутых "Ванюш", которые все время изматывали душу своим воем и скорым гулом разрывов. Танки непрерывно ревели в 100-200 метрах от нас. Самоходные орудия подходили вплотную к нашей траншее.

16.02.1945

Говорят, на Одере есть один Франкфурт, другой на Майне... но зато вшей!... Сколько их развелось у меня за дни пребывания в Германии! Ни в Польше, ни в Бессарабии, ни у нас в России у меня еще не было такого количества вшей. Теперь их у меня столько, что они ползают по телу, как поросята на германском подворье: и маленькие, и большие, и совсем здоровенные; в одиночку, вереницей... Наверно съедят... Носить их на своем теле совершенно невыносимо, и это испытание представляется мне более хлестким и изощренным, нежели боевое. Прямо хочется кричать до хрипоты и рвать на себе волосы. Все тело в синяках от укусов этих гадких, опасных насекомых.

Белье не менял с декабря 44 года. Оно все грязное и уже рвется - вши прогрызают его и на теле остается свернутая в комки

вата.

Сейчас стоим на месте. Квартиры все обследованы солдатами и нет подходящего белья для перемены. Нижнее белье получил старшина на всю роту, но когда начался обстрел (он находился тогда у дамбы на Одере) из "Ванюш", старшина бросил все и драпанул от подводы. Тем временем белье украли.

Баню устроить сейчас нельзя - не до этого. Плацдарм наш очень небольшой, но исключительно важный для всего развертывания военных действий, поэтому от нас требуют, и даже просят (Берзарин, Жуков) во что бы то ни стало удержать завоеванное.

Погода здесь капризная. Почти ежедневно идут дожди; снега нет, и грязь непролазная заляпала всю землю. Тепло, как весной. На Одере тронулся лед, снес переправу и понес ее обломки вверх по течению. Связь с правобережьем прервана. Так обрываются наши надежды, наши мечты и желания поскорее наступать, пробиваться на оперативный простор, брать Берлин с хода и завершать за его стенами разгром гитлеровских полчищ. Все это могло очень просто осуществиться вначале - у немцев было очень мало людей и техники, в особенности людей.

Но теперь враг подбросил сюда из Франции свежие резервные дивизии, и положение значительно усложнилось. Прорывать опять будет нелегко и бог весть кто останется из нас в живых до Берлина.

Вчера расстреляли двух самострелов, так что я после ночного дежурства. Весь день был занят на судах. На моем дежурстве в штаб батальона привели бойца-самострела Коляду, из восьмерки нашей. Мне старший адъютант приказал следить за ним всю ночь: "Отвечаете головой в случае его исчезновения". Людей мало. Один часовой был в моем распоряжении, но он стоял во дворе и я вынужден был никуда не отлучаться и держать под личным наблюдением преступника. Сразу поутру его судили и расстреляли за сараем нашего двора.

Другой самострел - лейтенант (!). Первый раз слышу, чтобы офицер стрелялся из-за трусости - левую руку прострелил себе. Молодой, награжденный орденом Красного Знамени и медалью за оборону Сталинграда. Награды у него отняли, имущество личное конфисковали, самого лишили всех льгот и расстреляли, как собаку.

Жалко не было ни одного, ни другого, но переживания их передались мне. Особенно в последний момент, когда комендант приказал конвоирам: "По изменнику Родины, огонь!" Он крепко зажмурил глаза, весь сжался, и в ту же минуту три автоматные пули едко впились ему в голову. Он рухнул наземь, обливаясь

струйками хлынувшей крови.

Позже начальство ушло получать ордена. Подумать только, какая несправедливость! Вместе участвовали в боях, вместе переживали в одинаковой степени остроту событий, причем Рысев и Шитиков половину времени "болели" и их наградили орденами Отечественной войны, а мне дудки! А ведь на плацдарме раньше всех занял ОП на передней линии один я из роты и нашего батальона. Пять дней пробыл со своими минометами, пока накануне самого штурма, батальон и рота явились на передок. Ни одного человека не потерял вплоть до Одера.

17.02.1945

Часто размышляю о своей нынешней жизни. Ну, чего мне сейчас не достает? Бумаги много, время тоже не покидает меня, есть карандаши и чернила - пиши, дружок, пользуйся возможностью. Но вот два препятствия сильно тормозят мою работу, путают мысли и мучают невыносимо: вши и холод.

С пищей тоже как нельзя лучше: скот крутится повсюду, мечется, мычит и блеет, хрюкает, страдает и ... уничтожается везде и всюду в районе обороны. Вот и сейчас одна лошадь, раненная в переднюю и заднюю ноги стоит, прислонившись к дому на двух ногах, и шатается, вот-вот упадет, а из глаз лошади стекают грязные большие слезы. Она может быть что-то думает, и, наверно, совсем обезумела от тоски и горя.

В другом месте раненная в спину и голову несчастная корова упала в неглубокий окоп и заплакала громко и пронзительно - Му! Му! Му! Глупая овечка заметалась на одном месте, замотала головой, жалобно заблеяла и упала в смертельной судороге.

Мяса здесь много, убивать не приходится - война сама его отстреливает ежедневно и ежечасно. С рассвета до сумерек жарится картошка, сало. Люди кушают, не поедают, и все стали такими разборчивыми и брезгливыми, что трудно узнать в них висленских воинов, так все переменились.

19.02.1945

Сегодня опять переходим на новое место в чистое поле. Прощайте тесные, но теплые подвалы и чердаки домиков, уцелевшие точно специально для того, чтобы мы в них грелись. Прощай тепло. Теперь опять земля сырая, холодная, надолго примет нас в свои неприветливые "стены".

Командиров после злополучного боя 12 числа осталось мало. Канониенко говорит, что теперь на роту положено два командира взвода. Рысев постарается при такой возможности от меня избавиться, и я снова могу очень легко попасть в стрелковую роту.

Канониенко, Шитиков и Рысев получили награды - ордена

Отечественной войны. На меня даже приказа нет. Вот она - вся справедливость и правда на войне.

21.02.1945

Опять заняли ОП у реки Одер на дамбе, но, вероятно, завтра-послезавтра перейдем на совсем открытую равнину. Есть приказ отрыть огневую.

Эту ночь по радио говорили немцы. От имени взятых в плен негодяев, они обращались ко всем бойцам и офицерам, называя "товарищами". Номера дивизий наших, 301 и 248, известны немцам, и ими назывались даже фамилии командиров дивизий, их звания, нескольких командиров полков - двоих из нашей и двоих из 248, капитана Благина и даже лейтенанта Ставрова. Пленные солдаты все выболтали, и немцы не скрывают этого.

Позавчера на левом фланге действовал женский батальон. Их разбили наголову, а пленные кошки-немки, объявили себя мстительницами за погибших на фронте мужей. Не знаю, что с ними сделали, но надо было бы казнить негодяек безжалостно. Солдаты наши предлагают, например, заколоть через половые органы и другое, но я просто бы их уничтожил.

По ту сторону Одера тоже случился бой. Оказывается, группа немцев, в составе двух полков пехоты и сопровождении танков, шла по маршруту "Из Варшавы", отступала, не зная, что мы уже здесь, и неожиданно наткнулась на наши части. Завязался бой. Немцы были уничтожены и частично пленены.

Рысев обосновался в домике и Каноненко тоже находится там. Ему он боится сказать что-нибудь, но мне - прямо и категорически приказывает (я вчера заглянул туда): "Шагом марш на огневую!".

Вчера вечером приболел. Ночью позвонил Рысев, приказал вести людей на работу. Когда я сказал, что болен, он снова повторил приказание, и я вынужден был прийти в его резиденцию.

- Пойдем со мной, - предложил он мне, и завел в соседнюю комнату. Фельдшер, проверь у него температуру. Тот установил градусник.

Я был растерян и унижен. Первый раз я встречаю подобное обращение с офицером, да еще кто... Был бы он хотя бы комбатом, и то бы обидным считалось его недоверие ко мне, но в данном случае - его отношение не имеет себе прецедента. Какой глупый и мерзкий мальчишка.

26.02.1945

С Рысевым у меня снова начались трения. Дело дошло до командира полка (временно и.о. Штанько) и до следователя, который разбирал наш вопрос. Рысев написал рапорт, после

которого я был вызван к командиру полка. В этом рапорте он оклеветал меня. Сегодня я написал свой рапорт, в нем я разоблачаю несусветную ложь капитана Рысева.

Командир полка обещал судить, но в связи с развернувшимися событиями, второй день меня никто не трогает. Я-же в постоянном напряжении, ожидании чего-то неприятного - люди злы и строят козни, в настоящее время исключительно Рысев. О Каноненко не знаю, ему сейчас не к чему придраться он сыт своей славой - каждому показывает свою грудь с тремя орденами и медалью, пишет и просит других писать о нем заметки в газету, рассказывает о своих подвигах, и вообще очень увлечен своей популярностью. Я стараюсь с ним меньше встречаться и сталкиваться, - с обеими опасно враждовать, как бы не отвратно было бы моему сердцу их поведение.

Несомненно - Рысев глупый мальчишка, иначе - забавный котенок, стремящийся показать, что он лев. Каноненко хитрый, ловкий человек, умеющий своими словами, а не действиями, убедить всех, что он незаменимый на войне. Я видел его в боях, и хотя знаю, что он не трус, убежден, что свою жизнь он будет спасать всегда и везде, даже за счет жизней своих товарищей, с которыми он считается постольку, поскольку они пользуются авторитетом у комбата и других старших начальников. О Рысеве он говорит что тот тряпка и у него целиком на поводу. Так оно и есть, здесь я с ним согласен.

Теперь мне приходится опасаться споров с ним, хотя ежедневно он говорит бойцам: "Я тебе не Гельфанд!", но я молчу, будто не замечаю, а на самом деле - как больно, что это ничтожество стало красиво и величественно только благодаря бог весть за что полученным орденом и раздувшейся славе.

В бою 12 числа я больше сделал, и обо мне больше людей знает и хорошо отзывается, однако скромность помешала мне прославиться, а Каноненко везде и всюду кричал о своих действиях, и потом: кое у кого заискивающе, кое у кого требовательно: "Ну, как я даю?!" И все утвердительно отвечали: "Не меньше!", причем находились подражатели, которые тоже спрашивали: "Ну а я как давал?!", и, правда не все, но и тем отвечали "Не меньше!", и они, чтобы не уронить своего престижа, в один голос подпевали Каноненко.

У нас новый замкомбата по политической части, лейтенант. Без орденов. Таких я люблю, если только он фронтовик. Значит справедливый и скромный парень, и его за это невзлюбили. Ведь меня, например, трижды представляли к ордену (как и всех офицеров по приказу высшего командования) и до сих пор нет даже ни одного приказа. Понятно, я самый незаслуженный

человек, не смотря на свое активное участие в боях, особенно 12/II/45, когда почти все, в том числе и Каноненко, попрятались в подвалах, и оттуда, по телефону, были героями, а я на поверхности руководил всеми силами обороны - и минометчиками, и стрелками, и даже ранеными. А сколько людей на моих глазах падало истекая кровью, лишаясь ног, рук, живота, который вместе с осколками вываливался наружу - страшная картина! Но я не замечал ее, а видел впереди, в каких-нибудь пятидесяти метрах наступающих немцев, танки, и для меня это было наглядней всего. Я не трусил, не убегал от снарядов, и судьба меня уберегла, хотя я бегал по двору, устланному трупами людей и животных, усыпанному щепками, кирпичом, изрешеченному снарядами и минами, окутанному дымом и гарью.

Алексей Толстой умер. Какая обидная утрата перед самым окончанием войны! Ромен Роллан не дожил до нового года одного дня, а Алексей Толстой погиб за месяц раньше, чем окончились мучения людей и злодеяния гитлеровцев на земле, о которых он столько писал в своих острых, бичующих статьях и рассказах. Смерть вырвала у нас большое сердце и страстную, молодую, несмотря на пожилой возраст, душу Толстого. Его жена - я видел ее на фотокарточке, - очень любит писателя, преданна ему, молода и красива. Жаль ее. Но еще больше жаль литературу, понесшую колоссальную, ни с чем не сравнимую потерю со дня смерти престарелого Роллана.

Алексей Толстой - один из любимых моих писателей, и, пожалуй, самый большой после Горького мастер художественного слова. Тот факт, что о его смерти сообщают ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР, говорит о значении, которое придавало писателю наше правительство и наша партия большевиков.

Сегодня или может быть завтра, будем уходить отсюда. Очевидно нас сменяет другая армия. Точно ничего не известно, но сейчас на другой берег Одера и днем и ночью наши бойцы перевозят мины. Странное дело, ведь отсюда даже винтовки лишней и трофейной не разрешают вывозить, а мины возят. Ведь это только загрузит переправу. Не лучше ли было бы им сдать наши мины, а те, что мы сменим на той стороне, дадут нам такое же количество мин.

Вчера перекинулась лодка с людьми и минами. Шесть человек искупались в Одере, а девять ящиков с минами потонуло в реке. Как это все глупо и неосмотрительно.

Сменяют нас, по-видимому, из-за недостатка людей, а также, мне кажется, из-за того, что о нас узнали немцы, захватившие языков.

Женщины со стороны противника больше не появляются с тех пор, как одной из них проткнули тело колом и послали голую обратно к немецким позициям. Но не исключена возможность, что они могут опять появиться.

Сегодня немец всю ночь делал артподготовку и на участке третьего полка пустил свою разведку. Чем кончилось мне еще не известно.

Писем сегодня не писал, а вчера только маме и папе по два слова. Времени даже оправиться не хватает - недаром у меня застой желудка сейчас, от которого я сильно страдаю.

В последние дни получил ценные и умные письма от Нины, но некогда ответить толково, а иначе я не могу. Ире Гусевой, Ольге Михайловне и другим нужно непременно хорошо и тепло написать, но время, черт побери, как оно выскальзывает из рук, когда так нужно за него уцепиться.

Отправил посылку маме. Трижды перешивал ее и перекладывал, так как говорили, что не правильно зашил ее, надписал. Оценил в 3000 рублей, авось дойдет в целости. Больше всего я молюсь о переписке, чтобы она непременно дошла, а барахло всегда найти можно, хотя, правда, и оно имеет в тылу большую ценность.

Оле послал 250 рублей - больше у меня не оставалось в этом месяце, так как выплатил за заем, а у меня подписано на 1200 рублей.

Уже темнеет. Слышен стук моторов. На мосту кипит работа. Ни днем, ни ночью, ни под обстрелом врага, люди не прекращают строительство моста через Одер. Немцы бросают туда шрапнель и картечь, но мост все же будет готов.

В приказе командующего говорится, чтобы офицерский состав в ближайшие дни подготовил личный состав к боям в условиях крупного города. Это что-то да значит! Очевидно, нас отводят, чтобы мы набрались свежих сил и ударили, куда иначе, если не на Берлин - наша ведь армия ударная!

Ах, чуть не упустил, - наша дивизия получила орден Суворова II степени и, по слухам, представлена к ордену Красного Знамени и званию гвардейской. То-то полковник Антонов растет! Герой! Хотя его многие не любят за строгость и причудливость характера, а может быть и за то, что он цыган. Ведь не перевелись еще люди с шовинистскими и национальными предрассудками. Я лично полковника не знаю как следует, хотя не раз видел его в лицо и слышал о нем из рассказов.

На плацдарме теперь спокойней. К нам переправились самоходки, - скоро будет у нас мост. Ближе подошли к нам Прибалтийский и Украинский фронты, клин к Берлину стал

шире, а позади нас, в Познани и ряде других городов, уничтожены группировки противника. Так-что и в тылу теперь спокойно у нас, причем освободились силы, прибавилось техники и боеприпасов.

В международной жизни тоже изменения: Турция объявила войну Германии, Бенеш переехал в Кошицу, а де Голль отказался от встречи с Рузвельтом. Арцишевский и К? соглашением большой тройки выкинуты за двери международной арены, и потому истошно вопят о несправедливости переговоров. Впрочем, им подпевают и их хвалят немцы. Вот до чего докатились эти подлые эмигранты. Мне вспоминаются в связи с этим куплеты Вл. Дыховного (в Красной Звезде) "Чижик пыжик, где ты был".

РАПОРТ

Товарищ майор!

Хочу обратить ваше внимание на неискренность и крайнюю несправедливость предъявленных в рапорте капитана Рысева от 24/II. сего года, обвинений по моему адресу.

1. На поле боя не было ни одного случая оставления мною взвода или уклонения от боя,

напротив:

а) При прорыве неприятельской обороны на реке Висла, я, вместе с расчетом и отделением управления, был выдвинут (за несколько дней до штурма ее и прихода на ОП всей роты) для изучения системы огня противника, проведения пристрелки и оборонительных работ. Причем нахождение мое там сопровождалось частыми артналетами врага; сутками нам доводилось оставаться без пищи, воды и прочего, в то время как минрота и весь батальон еще находились в нескольких километрах от переднего края.

При прорыве вражеской обороны на Висле мое активное участие в боях никем не может быть опровергнуто.

б) Плацдарм на реке Пирица одинаково стойко и самоотверженно, как и бойцами других взводов, удерживался моими бойцами, и во главе взвода неизменно находился я.

в) Здесь, на Одере, после 570 километрового марша, не потеряв ни одного бойца и не имея отстающих (чего нельзя сказать о роте в целом - 14 отстающих, из которых трое по сей день не вернулись в роту), я, не щадя жизни, сражался за удержание Одерского плацдарма, и о моем личном участии в боях за 3 и 12 числа могут подробно и лучше, нежели я сам, рассказать многие участники этих боев - офицеры, сержанты и бойцы, находящиеся в строю или после ранения, на излечении в санроте и медсанбате нашей и 248 сд.

2. В первом эшелоне, что фактически означает тот же "бой",

не было ни одного случая невыполнения мною приказа, так что и второе выдвинутое против меня обвинение в корне не соответствует действительности.

3. Строгого выговора с предупреждением я ни разу не получал и никакими документальными или свидетельскими показаниями капитан Рысев не сможет оправдать эту провокационную выдумку, с "уклонением от поля боя" и таким непомерно легким за то наказанием.

4. Последний, наиболее достоверный факт указанный в рапорте, относящийся к окопным работам, крайне искажен многочисленными измышлениями капитана Рысева, а именно: что работа не начиналась мною, в то время как специально для перенесения досок были посланы 3 человека, вернувшиеся почти с пустыми руками, а двое бойцов, которые заготавливали материал и которыми руководил сам капитан Рысев, уснули, не обеспечив материалом нас.

Таким образом я вынужден был уведомить командира роты через красноармейца Гайдукевича о состоянии дела, а сам с двумя бойцами и старшим сержантом Лаврентьевым, стал ждать результатов.

Утомленный ежедневными ночными работами (из всех офицеров роты один я присутствовал на протяжении всего хода работ и руководил ими - остальные в это время отдыхали) и дневной политико-воспитательной работой с личным составом (за весь период работ мне удавалось не более двух часов отдыхать в сутки), я задремал, и проснулся, когда услышал вопрос командира роты: "А Гельфанд где?", на который немедленно откликнулся. Однако вместо того, чтобы как следует разобраться в причине нашего нахождения в сарае и, если нужно, наказать виновников, но имеющимися для этого в дисциплинарной практике Красной Армии взысканиями, он набросился на меня, начав избивать кулаками по голове и лицу (при бойцах), а затем, когда я, возмущенный его обращением со мной, направился к комбату - он выстрелил мне по ногам из пистолета, причем комбату при докладе не заявил о своем поступке, хотя меня назвал чуть ли не саботажником, отказавшимся пойти на работу и сагитировавшему на это бойцов. Он в рапорте написал, что я объяснил свое "нежелание" работать климатическими условиями - дождем.

Прошу еще заметить, что при отдаче приказания, капитан Рысев заявил двум бойцам, подготавливающим стройматериал - "закончите - пойдете спать", а мне приказал, по окончании их работы, не разрешать им отдыхать и направить оборудовать НП.

Считаю необходимым также довести до Вашего сведения, что

не первый раз капитан Рысев применяет мордобой по отношению ко мне и другим лицам, в результате чего был избит рядом офицеров 3 сб, а также командиром минвзвода лейтенантом Каноненко, после чего оставил попытки к рукоприкладству. Только в отношении меня, видя проявляемую мною терпимость, он не прекратил своих незаконных действий.

9 февраля избил меня на глазах у бойцов (почти безо всякого повода и вины с моей стороны). В тот же день и еще раньше не раз заявлял: "Я тебя расстреляю в первом же бою!". Впрочем, не одному мне он угрожал расстрелом. Командиры взводов и расчетов, а также бойцы возмущались и сейчас не перестают возмущаться отпущенным по их адресу угрозам и бесшабашной матерщиной капитана Рысева.

Командир минометного взвода

Лейтенант Владимир Гельфанд.

27.02.1945

Каноненко меня уговаривает подать рапорт самому командиру полка. Возможно, это просто подстрекательство, ибо он говорит, что вчера на меня затребовали боевую характеристику у комбата, и он не преминул ее отправить. Впрочем, может быть он хочет угробить Рысева моими руками - очень мило было бы с его стороны. Но, во всяком случае, подготовиться нужно ко всему и писать, писать, пока есть мысли и возможности для этого.

Сегодня встретился со связным из девятки, той самой, в которой я так долго служил минометчиком, а затем и стрелком у Пархоменко. Оказывается, они меняют нас, а мы, видимо, идем на другой берег пополниться людьми.

01.03.1945

Большой, столь долгожданный день, прошел по воле судьбы так для меня незаметно и фальшиво. Полдня "шускал" часы. Слово "шус" появилось в нашем обиходе недавно и невесть кем оно выдумано. Очевидно, оно пришло к нам вместе с Барахменными трофеями, которые, без наличия в нашем обиходе этого слова, никак не хранились бы и выбрасывались как негодные. Слово "шус" - не литературное и весьма неприятно на слух, но у нас обычно и даже более плохие слова принимаются, как говорится, за чистую монету.

В "шусе" я уже не новичок. С момента приобретения мною часов, через мои руки стали проходить десятки неисправных механизмов. Первые мои четверо часов, найденные в сравнительно исправном виде, быстро перешли в другие руки, и с тех пор, за исключением одного раза, хорошие мне не попадались. Сегодня сравнительно удачный выбор сделал я, -

приобрел часы на ходу, но без стрелок.

Ныне погодка, ну и разгулялась! С утра пасмурно, потом дождик, солнце до вечера, а с вечера снова дождь; и сейчас такая буря и ливень, что морозец по коже пробегает при одной мысли об этом. 1 марта был всегда таким непоседливым, бурным, с переменами неожиданными. Недаром и я выдался таким похожим на день, в который по воле провидения родился.

Рысев не перестает дурить. Как-то по-детски набрасывается он, без причины, и с самой беспардонной матерней. Сегодня ему показалось, что мой боец Гордиенко не почистил двуноги. Он разругался: "... мать, почему сидишь... а с матчастью не в порядке?" Я ответил только, что то же самое можно сказать человеческой речью, а не матом. "Ну, ну, не шипи!" - прошипел он сам мне вдогонку, когда я выходил из сарая, где мы второй день уже находимся.

Так жить нельзя. Надо кончать всю эту музыку и притом решительно и побыстрей. Все офицеры награждены, все пользуются почетом и уважением, а я так неблагодарно отмечен всюду злобой и насмешками пустых людишек.

- Вот вы, товарищу лейтенант, маете такий запас слов. Сьогодні ви виступалі, так гарно було послухать, а ваши слова целиком можно було взяти за резолюцію - говорил мне боец Деревьев без всякого оттенка лести, - а вот вони балакали і тільки. Як же ви допускаэтэ, шоб воны властвували над вами?

Так говорили мне не раз, но я и сам не могу на это ответить. Все эти рысевы, шитиковы, каноненко - разновидности трусов, болтунов, лицемеров. Все отрицательные качества совмещены в этой тройке, и если у одного из них нет какого-то своего, то оно непременно найдется у другого.

- Я не буду казать хвалебную оду, - заискивающе начал Шитиков, - но Каноненко, як командир проявив ***.

02.03.1945

Я все еще терплю, хотя не знаю к чему может привести терпимое отношение к подобным нетерпимым явлениям. Рысев наступает всеми видами подлости и нахальства, причем широким фронтом, и не останавливаем никакими укорами совести и рамками приличия. Моя пассивность позволила снова ему отстранить меня от должности. Без моего ведома, и даже в тайне от меня, он объявил Шитикову, Каноненко и всей своей ординарии, что мои люди теперь переданы Шитикову. Когда, однако, эти мероприятия не помогли, и бойцы продолжали выполнять мои требования, он вызвал всех к себе и приказал ни в коем случае мне не подчиняться. В результате сегодня Гордиенко заявил, что пищу на меня получать не станет, а когда заметил,

что я пишу - взял, переложил мои тетради и нагло заявил: "Зараз як швирну оці бумажки, то ви их не побачите більш".

Впрочем, капитан Рысев прибегает еще и к другим уловкам. Сегодня, например, когда раздавали благодарности товарища Сталина, и я сказал: "Я бы сейчас поел картошки немного", Рысев, подхватив эту фразу на ходу, исказил, передав Каноненко: "Тельфанд говорит, что он лучше бы картошки поел, чем благодарности от Сталина получать". А через несколько часов эту выдумку я услышал уже из уст старшего лейтенанта Ставрова. Так из клеветы может получиться большая неприятность, - ведь это могут истолковать как враждебную пропаганду.

Сейчас идет снег. Утром, и еще ночью, к исходу 1 числа началась метель. Снегом замело все вокруг. Началась зима, а ведь целый зимний месяц ее не было, и появилась она, как ни странно, весной. Днем, однако, показалось солнце, блеснуло, и снег мгновенно растаял. А сейчас опять намело - все бело.

Писать надо еще много, а день клонится к концу - не успею. Писем третий день не пишу. Получил ценные весточки - надо ответить, но некогда.

Парторг просил написать о бое 12 числа в редакцию. Статью подпишет своим именем. Рапорта откорректировать нужно и переписать начисто, потом стихи, словом, работы уйма.

Холодно. Мороз отнимает у меня половину сил и желания, а жизнь требует: пиши, и нужно подчиняться ее воле. Скоро почтальон принесет почту и надо приготовить письма.

03.03.1945

Богатства кучи. Поляки ходят ободранные, почитай нищие. Встречал много русских девушек, почти землячек (из Криворожья), но поговорить с ними не успел - мы двигались.

Время к вечеру. Теплый, почти летний день - удивительно в разгаре зимы. Снег, который стоял по колено над землей, стаял почти совсем, и поля позеленели. Впрочем, полей здесь не много. Густые темно-зеленые еловые леса тянутся сплошными массивами, тянутся по "шёнем фатерланд", как любят называть страну свою немцы.

04.03.1945

Плацдарм на западном берегу реки Одер. Ночью переправились через реку (вода всюду по колено). Шел дождь. Снег весь стаял. Грязь непролазная на полях, по которым нам случается проходить. Идти было тяжело. Сапоги разлезлись, вода и грязь хлюпала внутри их.

До темноты нас обстреливали из пулеметов, артиллерии, самолетов и танков. Все, казалось, встало перед нами тяжелым препятствием. Река оказалась хорошо промерзшей, и вслед за

нами сумели переправиться повозки с боеприпасами. Ночью подвода привезла мою сумку, в которой были дневники и подготовленные к отправке письма.

До темноты писал в дневник свои мысли, после, для отвлечения тоски, играл на губной гармошке.

Бойцы стали невыносимы, оскорбляют меня беззастенчиво, встречая потворство капитана Рысева и, в особенности, Каноненко. Мне очень тяжело командовать, хотя еще никогда у меня не было так мало людей - шесть человек бойцов.

В середине ночи вышли на хорошую шоссейную дорогу. По ней двинулись легко, свободно - она была суха и гладка - все почувствовали облегчение. Сзади нас затарахтела машина. Вдруг раздалась команда: "От дороги в стороны!" - и в ту же минуту прогремел выстрел, за ним другой, третий. Кое-кого ранило. Мы опомнились, спохватились, вернулись на дорогу, и пэтээровцы открыли огонь. Это был немецкий тягач, везший на буксире подбитый танк. Он легко и неожиданно проскочил, ошеломив нас своей дерзостью. Было поздно, когда мы открыли огонь. Удалось окончательно остановить и добить только одну машину, зато несколько наших человек были ранены вражеской мушкой. После этого, немного погодя, мы очутились в двудомном хуторе, где заняли оборону.

Ночью стало спокойно. До рассвета ни одного выстрела не было, так что даже не верилось, что враг рядом.

Когда только расположились, кто-то сказал из начальства: "проверьте дома". В один дом зашли пулеметчики капитана Мусаева и командир взвода из его роты. Они стали шарить повсюду, искать трофеи с фонариком в руках. Пошел и я вслед за ними. Остановился в одной из комнат, зажег спичку и нашел пару свечей. Засветив обе, стал осматривать шкаф. Нашел ручку вечную, колоду игральных карт в футляре, часы и цепочку серебряную для ручных часов. Рассказал о своей находке. Часы стояли, и я полагал, что они испорчены.

Скоро вошел майор Илкаев - замкомполка по строевой, оба замкомбата наши, Лаптев и капитан Костюченко. Мусаев похвалился, что я нашел часы, майор потребовал, чтоб я дал их ему. Я решил дать другие, которые нашел прежде и в которых отсутствовал ключ для завода. Он взял, начал рассматривать.

- Это не те, - вмешался Мусаев - те ручные.

- Дай сюда часы! Как ты смеешь обманывать своего командира!? Дай часы!

Я оторопел и решил не сопротивляться, так как и без того очутился на последней стадии бесправия.

05.03.1945

Сегодня выдавали ордена награжденным. Старшина и Деревьев получили ордена за прорыв.

13.03.1945

Немецкий плацдарм на правобережье Одера, носящий у нас еще название "аппендицит". Здесь местность пересеченная, и несмотря на то, что плацдарм невелик - 2,5-3 километра, противника трудно вышибить, ибо он сидит на огромных и крутых, основательно укрепленных высотах.

Против нас стоит морская пехота, насчитывающая в батальонах по 400 человек - противник серьезный. Впрочем, наши славяне зазнались уже, говорят, что они плевали на состав дивизий и вышибут любого неприятеля, потому что они сталинцы. Это не плохо, но в условиях притупленной бдительности может получиться и наоборот, и слова станут тогда простым бахвальством. Ведь получилась такая история у наших здесь предшественников, когда их выбили из этого участка немцы, и восстанавливать положение приходится другим частям и с новыми жертвами.

Удивительно нам везет. Всегда нам случается занимать оборону уже битых частей и подразделений, и тут-то мы оказываемся героями против не менее битого в боях нашими предшественниками противника.

Уже темно. Пишу, наугад складывая буквы.

"Человек, изгаженный жизнью" - так я подумал вслух после длительного разговора и наблюдения за Каноненко.

- Кто я? - неожиданно спросил он. И я обрадовался правильности пришедшего мне на мысль определения его натуры.

15.03.1945

Однажды я дал Каноненко 200 рублей, чтобы он уплатил за посылку. Он взял у меня деньги, и когда я на другой день осведомился, уплатил ли он, получил утвердительный ответ. Так шло время и неожиданно выяснилось, что Каноненко эти деньги присвоил себе - посылку мою не приняли, следовательно, и деньги за нее.

Каноненко большой картежник. Круглые сутки играет он с Шитиковым, Рысевым и К? в карты, и режет тысячи, т.е. выигрывает большие суммы. Когда я однажды узнал, что он выиграл 16 тысяч денег, то потребовал у него долг. Тем не менее он не возвращал, пытаясь изобразить меня скрягой и мелочным человеком. Вскоре, однако, он совсем разбогател - выиграл 24 тысячи, и свеликодушничал - публично вернул мне 200 рублей, сопроводив этот акт насмешками о моей скупости.

- Вот сядь играть в карты, - подзадоривал он. - Боишься! Это ты из-за денег трусишься!

- Нет, мне не жаль денег, - возразил я, - но совесть свою терять из-за мелочи, о которой ты столько говорил - стыдно. Я не люблю картежной игры, и ни разу еще не играл в карты, но сейчас я буду играть, заведомо зная, что проиграю, ибо не знаю даже правил игры.

Началась борьба за выигрыш. Каждому из К? хотелось меня первому обыграть. Первым, по старшинству, занялся мною Рысев. Пользуясь моей неосведомленностью в игре, он заставил меня, вместо проигранных 300 мною марок, платить ему 600 (только впоследствии мне рассказали об это другие участники "очистки карманов"), пока, таким образом, я не передал ему 12500 марок - половину заработанных в этом месяце. Затем его сменили другие Каноненко, Шитиков. И до самого вечера крутили меня, пока я добровольно не решил сдать им последние сотни моей получки.

Так во имя справедливости я решил пожертвовать своей "кисой", как называют карман здешние картежники. И совершенно напрасно. Это никого не научило, никому не послужило пользой, и только вызвало еще большую волну насмешек. Я оказался в дураках.

Как-то, когда я выделен был на прическу леса, мне встретился на велосипеде старшина нерусской национальности. Я остановил

его и потребовал документы на велосипед, но в ответ встретил глупую реплику: "Нам командир дивизии говорит: если пьяный - пойди, выспись!" Я возмутился и потребовал от старшины, чтобы он вел себя по-красноармейски и не позволял себе наглости по отношению к офицеру.

Он опять повторил свою реплику, свистнул. На его свист собралась большая группа (человек 15) бойцов и младших командиров, которые стали наперебой осмеивать меня, а старшина, подойдя ко мне вплотную, строго взглянув мне в лицо, предупредил:

- Ты знаешь, кто я такой?! - и назвал свою фамилию, а кто-то крикнул из толпы сподвижников: "Он герой Советского Союза!".

- Очень жаль, что ваше звание не сумело вас воспитать, если вы вообще были когда-то воспитаны, - сказал я и видя, что меня не понимают, отошел в сторону, тем более что все люди были вооружены, а у меня было лишь два человека.

Фамилию этого старшины я действительно читал в списках людей, удостоенных звания героя, но каким гнусным оказалось поведение его.

1. положение офицеров в мин.роте

а) отношение Рысева к нам: ругань матерная, угрозы расстрела, отмена приказаний при бойцах, (хорошо если бойцы отнимают, но плохо, если у бойцов отнимают доски), мордобои, неискренность в отдаче приказаний, ставящая офицеров в плохое положение по отношению к бойцам (случай с бойцами разбирающими сарай), не поддерживает намерений командиров взводов устанавливать дисциплину, а напротив препятствует наведению порядка (Наконечный х. на)

б) подкуп (часы, деньги, пистолет и пр.)

Солдата ставит выше офицера (Сивопляс)

Лживость в отдаче приказаний и показаниях

в) отношение к бойцам. Не учитывает труда бойцов, матерные угрозы расстрелом, не заботится о их быте и нуждах, их просьбах и запросах

г) игра в карты, пьянки

д) не бывает в расположении, нет заботы о раненных (Щербина)

е) (рота неделю не получала хлеба - сам был всем удовлетворен), (хотя есть несколько пар сапог, портной шьет ему споги и не первую пару), нет правдивости в представлении к орденам (Гордиенко) и заботы о получении бойцами наград, воспитательной работой не занимается и всем от нас***

Начальнику политотдела

подполковнику Коломийцеву

РАПОРТ

Прошу Вас обратить внимание на недопустимое отношение командира роты капитана Рысева к своим подчиненным - командирам взводов и расчетов, ко всему личному составу подразделения, приведшее состояние дисциплины в роте к чрезвычайно низкому уровню. Командиров взводов капитан Рысев не уважает, не заботится об укреплении их авторитета, напротив, сам систематически его подрывая, топчет на каждом шагу нашу офицерскую честь и звание.

Мне капитан Рысев при подчиненных неоднократно угрожал расстрелом и другими репрессиями, в большинстве случаев нисколько не заслуженными.

В роте нет ни одного рядового, сержанта и офицера, который бы не был прилюдно обруган капитаном Рысевым самой бесшабашной матерней.

Нередко к своим подчиненным капитаном Рысевым применяется мордобой. Я подвергся однажды публичному избиению только за то, что попросил его не оскорблять меня в присутствии бойцов и не подрывать тем самым моего авторитета. В другой раз он организовал по мне стрельбу из пистолета.

Своего ординарца Сивопляса капитан Рысев, подчас самоустранившись, посылает руководить ротой, направляет командовать командирами взводов, указывать нам, и ценит его выше любого офицера.

На Одерском плацдарме капитан Рысев в течение ряда дней не являлся в роту, жил в домике в 500 метрах от нашей ОП, проводил свое время в пьянке и карточной игре, а когда в ночь на 12/II батальону приказали принять бой, капитан Рысев вдруг "заболел" (на другой день он выздоровел, после перехода во II, и остался со своим ординарцем в тылу).

В другой раз, в одном из своих рапортов (нужно заметить, в роте нет офицера, на которого капитан Рысев не писал рапортов и жалоб), он клеветнически заявил, что я оставил взвод в бою, ушел с поля боя, и за это получил "строгий выговор с предупреждением"(!). Хотя в действительности никогда этого не было и о моих действиях в бою лучше, чем я сам, могут рассказать старые бойцы и командиры батальона, - не этой ли выдумкой объясняется причина неполучения мною ни одной награды за прорыв висловской обороны, за форсирование Одера и удержание Одерского плацдарма, несмотря на приказ комдива о награждении всего личного состава 3 сб правительственными наградами и на мое активное участие в этих боях.

По отношению к бойцам и младшим командирам капитан Рысев ведет себя еще более грубо и непристойно. Для него не

существует разницы между старшим сержантом и бойцом - всем одинаково достается ругани, угроз и взысканий, причем забота о людях со стороны командира роты абсолютно отсутствует. Люди ходят оборванные, в поношенной одежде, несмотря, на наличие в роте хороших ***

19.03.1945

За два дня получил двенадцать писем - это рекордное число. Всего больше из них от мамы и папы. Остальные по два от тети Любы, тети Ани, и по одному от Нины...

Вообще события переплетаются весьма разнообразными видами явлений. Вчера, например, над нами пролетели целые тучи английских самолетов. По 50-30 в каждой группе. День был жаркий, почти летний, солнечный, и небо стало пятнисто-белое от рябивших на фоне синего воздушного пространства самолетов. Неожиданно в небе загрохотало, и белые полосы исчертили его вдоль и поперек - отовсюду неслись спокойные, стройные птицы, и было радостно смотреть на их величественный полет в дни нашего торжества. "Вон еще один отставший летит," - воскликнул Каноненко, указав в другую сторону; и все увидели медленно парящую "лейку" - журавля и засмеялись.

20.03.1945 г.

Морин.

Тук-тук. Я услышал и проснулся. Кто-то стучал в палатку.

- Да, да, - крикнул я, не открывая головы из-под шинели. Никто не отозвался и в землянку не входил. Решил, что послышалось, и снова стал засыпать, но опять был пробужден тремя таинственными "Тук-тук-тук".

- Кто там? - спросил я. Опять молчание. Ну что ты будешь делать?! Наверно шутки ради балуется кто-то. Ну, пусть его! Все равно не откроюсь!

Опять через одинаковый промежуток времени раздалось надоевшее "Тук-тук-тук".

- Да войдите же! - нетерпеливо воскликнул я, сбросил с себя теплую шинель и выскочил на двор - нигде никого не было. Я остановился в недоумении.

Вдруг я услышал то, что так необычно меня разбудило, - теперь никаких сомнений не оставалось. И я, смущенный, поспешил войти внутрь землянки. А где-то высоко над головой визжали пули, и раздавалось привычное "Тук-тук-тук" - трещал вражеский пулемет короткими очередями, похожими на стук человека в дверь плотно занавешенной палатки.

Старший сержант Андреев прибыл. Во время марша он отстал, испытал массу приключений, побывал в танковом десанте, но затем оказался в руках контрразведки, которая его

немного "повозила" и направила в наш батальон, но в стрелковую роту. Теперь он пришел к нам в гости, и я с интересом слушал его рассказ.

В боях за город Бернлихет он встретился лицом к лицу с контратаковавшим женским батальоном неприятеля. К этому времени наши десантники хорошо окопались и спокойно встретили вражескую вылазку. Но когда они увидели женщин - сердца бойцов забились. Однако приказали не стрелять.

Женщины шли стройными цепями: одна, вторая, третья, и стреляли из автоматов. Четвертая и последняя цепи состояли исключительно из мужчин. Наши молчали. Женщины обнаглели, подходя, в упор обстреливали нашу пехоту. Они подступили совсем близко, и, казалось, были у цели. Но вдруг пронеслась сзади их пронизывающая волна пуль. Как снопы, атакованные с флангов, падали убитые, и медленно, неуклюже опускались к земле, смешавшиеся ряды "воинов". С флангов не переставали стучать по врагам пулеметы, и женщины, как одержимые, в страхе и панике бросая оружие, кинулись бежать в непростреливаемое место на улице города - в надежные руки: наши солдаты встретили женщин с удовольствием, ненавистью и торжеством. А несчастные "вояки", многим из которых не было и 17 лет, испуганно жались друг к другу и плакали: "Ой, готе, готе, готе" (боже).

Горько твердила одна из молодых девушек-солдат "Майн готе, готе!" - и ее красивые глаза светились изумрудными слезами раскаяния.

Десантники расправились живо. Пленных разбили на три кучи.

1. Русские. Их оказалось две.

2. Замужние и те, у которых мужья и родственники в этой же части, где и они служат (некоторые назвались сами: "мой муж офицер!").

3. Девушки.

Оставили только третью группу пленных. Русских, которым было не более 19 лет, после опроса, расстреляли первыми.

Из третьей группы стали растаскивать "трофеи" по домам и по койкам, и там, на протяжении ряда дней, вели над ними непередаваемые на бумаге эксперименты. Немки боялись, не сопротивлялись, и во избежание надругательств более старших по возрасту бойцов, сами упрашивали с собой спать тех, кто помоложе. К счастливым принадлежал и Андреев. Он выбрал себе самую молодую и увел с собой спать. Но когда он предложил ей свое более принципиальное желание удовлетворить, она покачала головой и застенчиво прошептала: "Дас ист нихт гут" (это не

хорошо), я ведь еще девушка. Последние слова еще более разгорячили нашего героя, он стал более настойчив, вынув пистолет. Тогда она притихла, и, дрожа, опустила рейтузы. Он спросил у нее, знает ли она что такое значит "подмахивать". Она долго не понимала, но потом все же ответила "гут махен". Тогда он посоветовал, кивнув на пистолет, "только гут махен, а никак ни шлехт", и она поняла, ухватившись за него крепко, стала толкаться ему навстречу. Он почувствовал, что что-то лопнуло, девушка вскрикнула и застонала, однако вскоре сумела себя заставить улыбнуться.

Он приодел ее в гражданское платье, и она вышла к своим сомученицам веселая и растерянная.

В середине дня меня и Каноненко вызвал Рысев. Он был вежлив и добр. Предложив сесть, застенчиво приступил к изложению своего требования.

Я получил задание руководить всеми окопно-оборонными работами, на осуществление которых мне давался весь личный состав подразделения. Я выслушал, ушел к себе и в ожидании бойцов из бани, где они мылись с Шитиковым во главе, стал перечитывать письма и готовить на них ответы. Я отходчив. Встретив такое милое обращение Рысева я почему-то посовестился своего рапорта, который вчера отослал на имя начальника политотдела, а позавчера помог Каноненко оформить и отослать его рапорт туда же.

Еще раз упрекнул себя несколько позже, когда перед отправкой в командировку узнал о вынесении Каноненко пяти суток ареста, и снова встретил улыбающегося Рысева в хозвзводе в тылах батальона. Но было уже поздно и я не могу теперь ничего сделать.

Дело в том, что в мое отсутствие приедет комиссия, будет разбирать, и бог весть, что на меня могут наговорить. Не надо было мне торопиться, ведь остался в стороне Шитиков и наверно опять выйдет сухим из воды. Впрочем, сейчас не до этого.

Глубокая ночь. Моринг мертв, если не считать комендатуры и воинских частей на его окраинах.

21.03.1945

Город Нойдамм.

Повезло. Только пять километров случилось мне пропутешествовать пешком. Остальное - машиной. Более 30 километров сделал сегодня, и вот в Нойдамме.

Средней величины город, много четырехэтажных зданий. Улицы есть асфальтированные, остальные - мощёные. Всюду следы разорения и боев. Некоторые здания разрушены до основания, некоторые целые или частично разрушены. Двери

настежь, стекла на земле вдребезги, всюду пух и прах.

В одном доме неожиданно наткнулся на труп безобразной старухи и ужаснулся. Она лежала как бревно, на распотрошенной кровати и была похожа на саму смерть, какою рисуют ее - полуисчахшей и страшной. Быстро захлопнул дверь, вышел, с отвращением сплюнул. Обошел кругом дома и с другой стороны приоткрыл дверь - остолбенел. Опять труп, старика-немца. Бросился вон из этого мрачного дома, а вдогонку мне яростно свистел ветер, стуча окнами, вертя пухом и шелестя верхушками деревьев.

Дезертира Осмоловского не нашел. Спрашивал в комендатуре, искал в списках запасного полка особого отдела.

В лесу за городом масса артчастей. Дошел до опушки, чуть углубился в лес - увидел машины армейские, корпусные - много, не сосчитать сразу. Возле них работали пленные немцы. Им не трудно здесь жить: пищи хватает, работа легкая, и в отношении ночлега неплохо. Они и сами говорят об этом. Самых различных возрастов офицеры и самой различной формы: и в гражданских костюмах, и в шляпах, и во всем военном. Насмотрелся на них, решил дальше не ходить. Мудрено найти человека, пребывающего нелегально в части, среди тысяч и тысяч людей.

Вернулся в город. Комендант дал мне справку для получения талонов в столовую. Пошел с этой справкой, да не туда куда следует, и по простоте поваров неплохо пообедал в неположенном месте. Хотел было поужинать в офицерской столовой гарнизона, но совесть не позволила, и стал разыскивать свою столовую.

Тут девушки. Весьма симпатичные, но у одной из них отвисли груди, а у другой ... и вовсе темное дело, хотя фигура что называется. Полюбезничал немного, но дальше этого не пошел. Ночь застала меня слишком несвоевременно, - девушки спешили спать и столовую оставили на замке. Пришлось распрощаться.

Палец мучает. Тревожат думы всякие, и жизнь все больше разочаровывает.

Встретил Ставрова. Он в госпитале. Три ордена украшают его грудь. Он ходит гоголем и говорит всем, что воевал бесстрашно. Отрицать нельзя. Отрицать правительственные награды - значит отрицать справедливость. Люди со стороны не знают всей истины - и пусть их, глупцов! Обидно только за себя, и эта неотвязная мысль пытает душу. Что делать? У кого искать правды и справедливости? Бога нет, а кроме него никто ничего знать не может о мною пережитом.

Рапорта... Но к ним везде относятся наплевательски. Зачем я страдал так бесплодно? Родина, за которую я так много пережил,

за которую столько рисковал жизнью, она ли не поймет моих дум и страданий. Она ли не поможет моему горю? Но, Господи, она ведь не знает ничего обо мне, я ведь ничем ни на грамм не возвысился над жизнью, и дальше полка, дивизии, обо мне никто ничего не знает. Горе мне и стыд беспощадные!

Девушки в гражданском выглянули в окошко. Я посмотрел - они исчезли. Стал подходить ближе - они вышли на улицу, важно пересекли ее и скрылись в дверях парадного подъезда большого трехэтажного здания. Я остановился. Милые лица и гражданские платьица привлекли мое внимание. Неужели немки? - подумал я, - ведь еще ни разу не встречались мне красивые "фрейлин".

Девушки вдруг выскочили на крыльцо, улыбающиеся, и опять скрылись. Я кинулся к зданию, но было уже поздно. Когда я поднялся на первые ступеньки лестницы - на третьем этаже хлопнула дверь. Так неожиданно оборвалось в самом начале нечто заманчивое.

Позже я заходил туда. Щупал дверные ручки в темноте и открывал одну за другой двери. Но всюду встречали меня комнаты, пахнущие медикаментами, светящиеся белизной простыней и материи. Людей нигде не было. Мне надоели эти тщетные начинания, и я вернулся в отведенное мне комендатурой помещение. Так больше я и не увидел этих двух девушек.

22.03.1945

Нет, вру! Сегодня утром, когда я собирался уезжать из города, в окнах здания увидел несколько заинтересованных женских мордашек, улыбающихся мне навстречу из операционной госпиталя (на 1 этаже). Я пошел прямо к окну, чувствуя на себе настороженные девичьи взгляды.

- Это не вы вчера выглядывали из-за дверей здания?

- Да, мы.

Я рассказал, как их искал потом в доме. Мимо прошла пожилая женщина-майор и улыбнулась во весь рот нам, молодым.

Я распростился с девушками, и когда отошел - помахал им рукой. Они радостно замахали ручками, и одна даже воздушным поцелуем ознаменовала наше прощание.

Я покидал город довольный и гордый своей молодостью. Да, судьба не обидела меня, наделив внешностью и умом. Но характер мой портит впечатления первого взгляда и отвращает от меня окружающих. Вот почему мне так нелегко живется на свете, вот почему я нередко бываю обижен своими товарищами зря и несправедливо.

23.03.1945

Сегодня был строевой смотр. Комдив приезжал и проходил через весь полк, тщательно осматривая каждого от рядового до

офицера. Он маленький, плотный, черный, сердитый. Ругается отвратительно. Прямо перед строем крепко матюгнул начальника связи полка - капитана, и пригрозил понизить в должности до командира взвода. Меня миновал, хотя я был без шинели и без звездочки на гимнастерке, нашил две лишних пуговички, и вообще, отличался от других лиц.

После смотра, который вместе с тренировками (подготовкой к нему) занял почти целый день, командир роты устроил комсомольское собрание. Лысенко попросил меня составить резолюцию. Я составил, и Рысев решил весь свой доклад строить по ней.

На комсомольском собрании присутствовал и я, выступил в прениях, сказал на ветер, но сильно, и даже Сивопляс (ординарец Рысева) назвал мое выступление докладом. Но я поправил его - он, конечно, ошибался. Я говорил мало, но по сравнению с рысевским словословием, по существу и прямо в цель вот и впечатление.

После собрания поругался с Каноненко из-за погон, которые принес старшина, и которые они с Шитиковым перебрали, оставив мне самые негодные. Я открыто сказал им об этом, но Каноненко вспылил, обозвал меня, и бросил на пол свои погоны. Теперь я не разговариваю с ним, хотя он заискивает передо мной и ищет примирения.

Сейчас офицерня играет в карты. Здесь Мусаев. Он говорит, что его бойцы возмущены тем, что я не награжден за 12 число, где они видели меня в бою.

24.03.1945

На лекции представитель корпуса "Решения Крымской конференции". Он говорит неплохо, но слишком напряженно и по-газетному. Нового ничего не сообщает и лекция не интересна.

28.03.1945

Только что с концерта армейских артистов, с которыми, кстати, сейчас обедаю в столовой АХЧ. Нахожусь при дивизии и до сих пор не пойму причины моего здесь нахождения.

В полку говорили, что направляюсь на сборы. В батальоне и вовсе ничего не сказали, только торопили собираться, и я, чуть ли не очертя голову, бросился сюда. Здесь младшие лейтенанты, только что с курсов. Молодые, здоровые, в новом обмундировании.

29.03.1945

Бервальде.

На квартире у сотрудника редакции, капитана. Здесь майор из армии, тоже представитель прессы, и, по-видимому, видный, раз даже начальник политотдела внимает каждому его слову.

Фамилия майора Шухмиц.

Я откровенно рассказал ему о своей жизни, даже о весьма интимной и щекотливой стороне ее - девушках. Он и капитан выслушали внимательно, участливо, и даже посоветовали мне много полезного, - а они, несомненно, опытнее меня.

Майор Шухмиц рассказал и о своей жизни, о любви и любовнице, о жене своей и о писателях. Я слушал с интересом, но отвлекала внимание мое нестерпимая боль по всему телу - опять, бесы, грызут!

Капитан предложил мне спать у него. Глубокая ночь, часовые задерживают - опасно. Я согласился и сейчас дописываю свой день - спать!

01.04.1945

Последнее заседание суда по делу бандитов из шайки, возглавляемой лейтенантом Абдурахмановым. Раньше людей было не так много, но теперь, в ожидании приговора, зал переполнен.

Судят 23 человека. За исключением двоих, они все принимали участие в ограблениях и нападении на отдельные предприятия и воинские части. Партийная прослойка банды внушительна, грамотность бандитов тоже приличная, но, тем не менее, они пытались объяснить свои действия тем, что сошли с дороги правильной случайно, и некому было повернуть их на путь истины.

04.04.1945 Ночь.

Бервальде.

Еще в начале своего посещения Бервальде, я наведался в редакцию со стихами. Капитан Шестобитов - помощник редактора, оказался очень любезен. Он, оказывается, тоже пишет. Стихи ему понравились, попросил меня переписать несколько для редакции.

На другой день, когда я к нему пришел, у него гостил видный представитель из армии журналист-майор. Капитан Шестобитов представил меня журналисту: "Вот он, тот самый автор стихов". Замечания перемешивались с похвалой и комплиментами. До глубокой ночи засиделся я в беседе и остался в редакции у Шестобитова ночевать.

Наутро, когда майор еще спал, капитан посвятил меня в свои творческие замыслы.

- Видите ли, я сейчас работаю над созданием песни нашей дивизии. Не возьметесь ли вы вместе со мной писать ее?

Я согласился. А когда майор проснулся, Шестобитов сказал ему: "Знаешь, я хочу его познакомить и приблизить к комдиву. Мы будем писать вместе песню о дивизии".

09.04.1945

Бервальде. Середина ночи.

Сюда прибыл госпиталь какой-то ?-ской армии - одни женщины. Целый день длилась суета и движение в районе нашего расквартирования - новосельцы искали перины, кровати, простыни, одеяла (увы, было очень мало постельных принадлежностей - все необходимое находится в употреблении), и находили одно старье. Несколько визитов было сделано и в наш двор, причем двоих мы таки застукали ковыряющимися у нас на чердаке.

Разговорились. Ребята сильно разгорячились и хотели их задержать подольше, познакомиться с ними - перспектива! Я и сам голоден любовью к нежным существам, но эти меня не привлекли, - они были слишком высоки и некрасивы. Однако, ради общества нашего я пригласил их в свою комнату. Они отказывались, но когда им сказали, что я пишу стихи - повиновались. Вслед за ними в комнату ворвалась вся моя шумная компания ребятишек в форме младших лейтенантов - уж больно резво и балованно ведут себя некоторые из молодых офицеров.

Моя обстановка - стол, с разбросанными на нем бумагами, шкаф с тремя отделениями, замыкающийся на ключ, доверху набитый сумками, бумагами и прочим барахлом; два зеркала, одно из них во весь рост. Кругом портреты, и, главным образом, женские; географические карты. На большом зеркале я подцепил голую женщину спиной к людям. На зеркало невольно приходится смотреть и на женщину красивого телосложения тоже.

- Вот кто вызывает во мне вдохновение, - сказал я, зарекомендованный ребятами, как пишущий.

Девчата улыбнулись и покачали головой.

- Как вы не умеете жить, мужчины. Столько здесь столов шикарных и шкафчиков. Разве вы не можете сделать свою комнату более уютной?

Я ответил, что обстановка эта мне нравится и в ней нахожу я самый уют.

После чтения стихов одна из девушек в звании старшины медицинской службы, попросила дать ей переписать "Дорожку" и, пообещав заходить, вышла вместе со своей подругой.

Прошло время. Я работал над песней, которую комдив забраковал и поручил переделать, когда вдруг слышу женские голоса, шум и веселье. Выглянул - они, которые были, и еще много других, среди них красивые.

- Девушки, развеселите и меня, у вас такой хороший смех, а

мне грустно.

Они что-то ответили, отделавшись шуткой. Пойте, ласточки, подумал я, и снова приступил к песне.

Вечером собрался в кино "Март, апрель". Поспешил в зрительный зал первым, чтобы занять хорошее место. Людей было мало и мне захотелось сидеть рядом с девушкой. Я попросил капитана удержать три места за собой, а сам бросился из зала к озеру. Там было хорошо, как на бульваре дома, местность располагала к любви и мечтам. У самого озера я увидел двух девушек, одну в платке, другую в кубанке.

- Что, девчата? Пришли помечтать на озеро в Бервальде? - спросил я, и сразу же, перебив себя, - пойдемте в кино!

Те растерялись и мгновенно обернулись ко мне лицом.

- Серьезно, вам не мешает пойти посмотреть кинофильм, тем более что он будет демонстрироваться совсем недалеко отсюда и я занял для вас места.

Они растерялись и обрадовались, но природная застенчивость диктовала им известную нерешительность. Они долго совещались, заставив себя упрашивать. Наконец, согласились, однако по пути в кино продолжали сомневаться и ломались.

Часовой обратил внимание на их боязливость и догадался, что они не из нашей части. Спросил из какой они части, и я, опережая их ответ, назвал номер своей, после чего они наотрез отказались идти в кино. Пришлось с ними распрощаться. Пожал обеим руки. Они были красивы, особенно та, что в кубанке...

- Приходите к озеру, помечтаем вместе и, кстати, познакомимся, я почитаю для вас стихи и вам будет нескучно.

- Непременно придем - ответила девушка. - Мы любим стихи, - вспомнив что-то, сказала другая.

Я побежал в клуб. Людей уже стало много, но одно место капитан для меня удержал. Картину я видел. Интересной для меня оказалась лишь хроника о Тегеранской конференции.

Перед концом фильма я увидел, что возле двух славненьких женских фигурок, освободилось место, и поспешил воспользоваться этим для знакомства. С другой стороны, сюда же поспешил еще один любитель приключений, но получил ответ от девушек: место занято. Разговаривать много не пришлось: фильм закончился и девчат подхватили майоры. Я оставил их.

Вчера смотрел "Женитьба фигаро" по Бомарше. Было много девушек и больших начальников. Присутствовал комдив 47 армии.

10.04.1945

Прощай Бервальде! В пять уезжаем на Кюстрин.

Только что из театра. Вторично смотрел "Женитьба фигаро" в исполнении московских артистов - плохо играют, ибо стараются побольше людей обслужить. Впрочем, не постановка меня увлекла, а одна девушка по имени Тося, возле которой я сел и которую на протяжении всего спектакля обнимал и прижимал к себе. Она не мешала мне, но я торопился.

Ах, не туда заехал! Надо перескочить страницу, там продолжу повествование, - этот листок предназначен для других записей.

12.04.1945

Наконец-то в Кюстрине. Инспектировал его сегодня: большой, но разрушенный до основания город. Кое-где уцелели подвалы, изредка первые этажи некогда огромных зданий - ответ на Сталинград, хотя и более мягкий, в Сталинграде даже подвалы были снесены с лица земли. Немцы много постарались, осуществляя свои злодейские замыслы.

Кюстрин раскинулся широко, и разнообразие форм и величина его строений делают город похожим на гигантский вымерший муравейник, осыпавшийся от ветра и жары. Улицы начинают зеленеть. Природа - нет, никогда она не умирает и не устает радовать взор человеческий своей свежей прелестью. Она не виновата, что в ее роскошных покоях развелись ненасытные кровью и подлостью чудовища, опоганив города и села своей Родины вечным позором.

Четверть города обошел, пожалуй, за однодневное мое пребывание здесь. Воочию убедился в былой прочности и жесткости неприятельской обороны на подступах и в самом городе. Огромные бетонированные подвалы ограждены колючей проволокой в несколько рядов (у входа в каждый подвал построены мощные пулеметные доты с круговым сектором обстрела) и оборудованы бойницами. Внутри самих зданий и подвалов всевозможной величины мешки, доверху наполненные песком. От одного здания к другому тянутся многочисленные змейчатые канавы - на военном термине - "хода сообщений".

Но все это не спасло разбойников. Я видел массу трупов немецких, нашедших себе под обломками зданий справедливо явившуюся смерть, в комнатах и подвалах, принявших на себя все ужасы прошедших здесь кровопролитий.

Так вот ты каков теперь, Кюстрин. Я не радуюсь твоим развалинам, но всем сердцем приветствую твое падение. Ты заслужил его, подлый дом подлых разбойников! Ты заслужил его, крепость страданий, крепость ужасов и насилия над людьми, крепость крови и слез, так беспощадно и справедливо раздавленная нашими орудиями и бомбами. Я люблю красоту, свежесть и жизнь, но в тебе - я, наряду с красотой, рад видеть

уродство.

13.04.1945

Плацдарм за Одером, западнее Кюстрина.

Только что почтальон принес самую трагическую и самую горькую для меня, из всех заграничных сообщений, весть: умер Рузвельт. Как я его уважал и ценил всегда за его обаятельную, умную натуру, за исключительную популярность среди американцев, позволившую ему возвыситься над всей американской политикой и над всеми политиками антидемократической оппозиции. Он один сумел повернуть американскую политику резко и основательно спиной к фашизму и реакции, заставить американского гражданина отвернуться от всех больших и малых антисоветских клеветников, национальных отщепенцев, которые хотели вернуть цивилизованную Америку к старым законам рабского, нечеловеческого существования.

Рузвельт - всеамериканец, всечеловек - в этом его огромная сила и величие. За последние десятилетия жизнь не знала более высокого, более мощного деятеля. В одном из последних, весьма популярных своих выступлений, Рузвельт как-бы подготовил мир к этой трагической новости, говоря, что нужно быть готовым ко всяким неожиданностям.

На Рузвельте лежала вся политика США последних лет. Рузвельт торжество американской демократии, ее величина и ее лицо. Равного ему нет за границей, и англичанин Черчилль не стоит гениального Рузвельта. Не равен ему ни умом, ни величием, ни популярностью во всем мире, ни даже среди своего народа.

Кто заменит Рузвельта? Какой станет теперь политическая физиономия Америки (я умышленно не говорю США) ? Не возобновится ли снова ожесточенностью политическая борьба демократов с реакцией, и чем кончится, если такое все-таки произойдет? Возникает теперь много опасений, но есть и успокаивающее - развитие военных операций наших союзников на фронте. Реакции трудно будет теперь повернуть колесо истории, каких бы потуг она не прилагала, и смерть президента Франклина Делано Рузвельта, как она не тяжела и нежелательна всякому честному человеку, да не отразится на нашем большом, победоносном движении вперед к счастью, величию, жизни.

Вечная память Рузвельту, моему любимому зарубежному деятелю. Склоняю свою голову, отягощенную горечью утраты.

14.04.1945

ЖБД - журнал боевых действий. Весь день оформлял ЖБД дивизии. Наша артиллерия устроила немцам не очень уж сильный концерт, но и он подействовал на противника так, что

тот откатился намного дальше, чем было в расчетах нашего командования. Полная неожиданность: много пленных. Есть раненные и с нашей стороны. Сейчас наш отдел будет двигаться дальше. Полки и комдив далеко - километра три отсюда. Успех развивает артиллерия, даже "Иван Грозный" только что запыхтел на противника. Далеко разрывы, не слышно даже. Видимо противник километров шесть отсюда, впрочем, на месте все выяснится.

К концу войны я оказался тыловиком основательным - от противника не ближе двух-трех километров все время нахожусь. Но не радует меня подобная перспектива, и тянет туда, где гремит, охает и пылает.

16.04.1945

Противник нервничает, догадывается. Сегодня к вечеру, говорит майор Жадреев, мы должны быть в Берлине. В пять часов начнется работа. Я - ОД спать не придется и днем. Всю ночь ни на секунду не сомкнул глаз, и всю ночь у ног моих спала одна девушка-машинистка. Кто-то специально потушил лампу, когда я на миг вышел из комнаты, но все же я не уснул.

ЖБД не так-то и трудно вести при наличии необходимого материала. Но здесь барделью все пахнет - люди пишут неграмотные и бессодержательные донесения - тяжело преломить подобную дребедень в уме своем.

Пусть я не спал, но в Берлин - непременно!

18.04.1945

Дворец немецкого вельможи - роскошь и великолепие.

Дорога забита и одна. На всех остальных дорогах мосты взорваны и нельзя проехать. Вынуждены остаться здесь ночевать.

Дворец почти совершенно цел, только в одном месте небольшая пробоина. Со всех сторон дворец обтекает зеркальный пруд, а само здание красиво отражается в воде. Зелень, зелень, зелень. Комнаты огромные. Их так много и все они богаты прекрасной обстановкой, люстрами, шкафами, этажерками и, наконец, книгами. Все стены увешаны картинами.

Вокруг дворца целый поселок больших красивых зданий. Даже представить себе трудно, как мог здесь жить и владеть таким богатством один человек. Впрочем, отныне это все наше, все советское, и так радостно чувствовать сегодня величие нашей победы.

Вчера дорогой обогнали обоз третьего батальона. Сердце екнуло: на повозках я увидел нескольких бойцов моей минроты. Дорога была запружена, и нам случилось остановиться неподалеку от них. Минометчики рассказали, что вся рота выведена из строя. Что Каноненко, его ординарец и еще

некоторые бойцы убиты. Рысев, Шитиков и все остальные, за исключением шести человек, ранены.

Так трагически кончила существование минометная рота, в которой я искал славу, и которая сама, прославившись с моей помощью и участием, оставила меня в стороне.

Бой недалеко отсюда, но здесь уже есть представители армии, фронта, корпуса, и кругом столько машин и людей, что тесно. Все хотят поскорее к Берлину, и обозы догоняют передовую, тылы догоняют обозы. До Берлина недалеко теперь - километров сорок, а то и меньше.

25.04.1945

Берлин. Шпрее.

Пехота еще вчера и позавчера форсировала Шпрее и завязала бои у железнодорожного полотна. А мы - штаб дивизии, обосновались до сего времени на одной из прибрежных улиц окраин Берлина в больших полуразрушенных многоэтажных зданиях.

Сейчас выбрались и ожидаем - форсировать будем.

События следуют так стремительно, что их не всегда успеваешь схватывать, и трудно, но необходимо, запечатлеть самые контрастные моменты в моей жизни.

Позавчера, катаясь на велосипеде (кстати, днем раньше я научился ездить на этой замечательной, как мне показалось, машине) в предместье Берлина, я встретился с группой немецких женщин с узелками, тюками и чемоданами возвращаются домой местные жители, - подумал я, и, сделав круг, попытался разглядеть их поближе. Они вдруг все бросились ко мне со слезами и что-то втолковывая мне по-немецки. Я решил, что им тяжело нести свои вещи и предложил к их услугам свой велосипед. Они закивали головами.

Неожиданно на меня глянули такие изумрудные очи, так чертовски остро глянули, что где-то в глубине сердца кольнуло огоньком страсти. Я убедил себя в необходимости узнать причину страданий этих женщин. Они долго рассказывали, много объясняли, но слова их сливались и таяли в неуловимой немецкой скороговорке. Я спросил на ломанном немецком, где они живут, и поинтересовался, зачем они ушли из своего дома. Они с ужасом рассказали о том горе, которое причинили им передовики фронта в первую же ночь прихода сюда Красной Армии.

Жили они недалеко от места нашего стояния и моей прогулки на велосипеде, так что я мог свободно подойти домой к ним и разобраться во всей истории, тем более - привлеченный чудесной девушкой, так случайно и так неожиданно встреченной

мне. Я пошел с ними.

На минуту прервусь. В воздухе тарахтят десятки зубастых Бостонов в сопровождении, кажется, наших истребителей. Летят к центру Берлина, и так гармонично сочетается вся эта мелодия победы (грозное пение "Катюш", гул самолетов, рявканье многоголосых орудий) с моим душевным настроением. Но продолжу свой рассказ.

Жили они хорошо. Огромный двухэтажный дом с роскошной меблировкой, великолепной внутренней отделкой и росписью стен и потолка. Семья была многочисленной. Когда пришли наши солдаты, - они всех вытеснили в подвал. Самую молодую и самую, пожалуй, красивую, забрали с собой и стали над ней глумиться.

- Они тыкали сюда, - объясняла немка, показывая под юбку, - всю ночь, и их было так много. Я была "медхен" (девушка), - вздохнула она и заплакала. Они мне испортили жизнь. Среди них были старые, прыщавые и вонючие, и все лезли на меня, все тыкали. Их было не меньше двадцати, да, да, - и залилась слезами.

- Они при мне насиловали мою дочь, - вставила несчастная мать, - они могут еще прийти и насиловать мою девочку. - От этого снова все пришли в ужас, и горькое рыдание пронеслось из угла в угол, усиливаясь пустотой подвала, куда привели меня хозяева.

- Оставайся здесь, - вдруг бросилась ко мне девушка, - будешь со мной спать. Ты можешь со мной делать все, что захочешь, только ты один! Я готова с тобой "фик-фик", я согласна на все, что ты захочешь, только не они опять!

Она все показывала и обо всем говорила, и не потому, что была вульгарна. Горе ее и страдания превысили стыд и совестливость, и теперь она готова была раздеться прилюдно донага, лишь бы не прикасались к ее истерзанному телу опять; к телу, что еще годами могло оставаться нетронутым, что так внезапно и грубо было попрано.

Вместе с ней умоляла меня мать.

- Ты разве не хочешь спать с моей дочкой?! Которые были здесь - все хотели! Они могут прийти, или на их место придут другие, но ты офицер и они не станут трогать ее с тобой. Горе мое безраздельно!

Девушка стала обнимать меня, умолять, широко улыбаясь, сквозь слезы. Ей было горько меня уговаривать, но она постаралась прибегнуть ко всему, что есть в арсенале женщины, и неплохо отыграла роль свою. Меня, склонного ко всему красивому, легко было привлечь блестящими глазками, но совесть не позволила, и я решил помочь им.

28.04.1945

На улицах Берлина шумно и людно. Немцы, все как один, с белыми повязками. Они уже не боятся нас и вовсю разгуливают по улицам. Событий много, и таких сильных и впечатлительных, что трудно словами их передать.

Генерал Базарин, мой командарм, назначен комендантом Берлина и уже издал приказ-обращение к местному населению, в котором требует от того наладить мирную жизнь и возобновить работу.

А союзники соединились с нашими войсками и рассекли силы противника пополам в г. Торгау.

Три главы правительства специальным обращением к своим войскам довели это до сведения всех, с призывом направить усилия для последнего удара по врагу.

01.05.1945

Немцы не согласились капитулировать. В 21.15 начнется артподготовка. Будем разговаривать языком оружия.

Вечером 30/IV началась артподготовка частей дивизии. К этому времени наши бойцы находились на втором этаже здания, немцы - внизу. Вдруг заметил, как замахали флажками. Огонь прекратили. Тогда навстречу нашим передовикам вышли четыре парламентера с белым флагом. Пока наш офицер спускался вниз, чтобы их принять, соседи (35 дивизия) перехватили парламентеров. Те заявили, что привезут начальника генерального штаба германской армии генерал-полковника.

Действительно, он был привезен, и на машине выехал для переговоров во фронт.

07.05.1945

Берлин 23.30.

Сегодня был парад частей дивизии. Начальник заставил и меня явиться. Майор Яровой дал свою фуражку, и я стал представительным человеком. Только брюки были очень запачканы, и это портило все впечатление.

Я неряха ужасный, во всех отношениях. В голове у меня беспорядок, с бумагами то же самое, да и вещи мои пребывают в неизменном хаотичном состоянии. Впрочем, не стану больше говорить о себе: ну, испачкал свою форму, ну, не могу ухаживать за собой, ну, словом, грязнуля. Но на парад все же явился.

Наша группа штабных офицеров была в самой голове дивизионной колонны, представляя собой смесь и сплетение разнообразных офицерских званий, специальностей и должностей: тут и майоры, и лейтенанты, и капитаны, тут и связисты, и химики, и автоматчики, и журналисты, и начфин, и прокурор, и прочее, прочее.

Ходить не умеем как следует.

1 мая в 3 часа в район 3 сб 1050 сп пришли германские парламентарии 5 человек, из них полковник, переводчик и другие (с белым флагом), по вопросу о полной капитуляции Германии.

После коротких переговоров они привели двух генералов, в числе которых был начальник генерального штаба генерал-полковник, который сообщил, что 30 апреля в 15.55 Гитлер покончил жизнь ***

08.05.1945

Оркестр под руководством капельмейстера старшего лейтенанта Гричина гремел на всю площадь свои марши. Было приятно и весело слушать, тем более, что сами исполнители представляли собой весьма забавную компанию.

Маленький коротконогий, но удивительно подвижный старший лейтенант, высокий старшина-трубач. Комичный сержант-барабанщик, неказистый красноармеец с перевязанным глазом и горном в зубах, и другие. Правда, играли они хорошо, - видна была творческая работа руководителя, который стоял лицом к музыкантам с тоненькой палочкой, взмахами оной, вызывая музыку, которая, казалось, лилась из рук этого маленького человечка.

Вдруг оркестр смолк. По рядам пронеслось настораживающее "равняйсь!", затем "смирно!", и под разбег бурного клокочущего марша на площадь вылетел на коне комдив Герой Советского Союза полковник Антонов. Из-за туч на мгновение вылезло огненное светило, и отразившись в множестве орденов и медалей на груди его, слепнуло нам в глаза. Смотрите, вот он каков, ваш командир! - и опять ушло, спряталось в мокрые тучи.

Когда Антонов проезжал ряды, приветствуя свои полки: "Здравствуйте герои-сталинцы!" - гремела площадь в ответ, гремел воздух и сотрясался "Здравия желаем товарищ полковник!" Нервная лошадь вставала на дыбы, не понимая всего величия своего хозяина, и обиженно вздрагивала всем телом - ей не нравилась эта церемония. И когда отгремели последние приветствия, когда прокатилось по рядам, убежав в пространство, мощное трехкратное "Ура!", полковник слез с лошади и, обнажив саблю, приложил ее к плечу, затем, размахивая локтями и удерживая саблю - направился в голову колонны.

Я шел в третьем ряду за полковником. Мне была приятна, пусть такая, но близость к этому человеку.

Вдруг все замерло: к столику, укрытому красной материей, подошли люди в особой воинской мантии с красными лампасами. К площади подъехало несколько легковых автомашин.

- Смирно! - скомандовал Антонов, спешившись и обнажив

саблю в приветствии гостей-генералов. Высокий статный генерал-майор Герой Советского Союза в сопровождении двух полковников и низенького, толстенького комдива 248 сд генерал-майора обошел ряды, приветствуя каждый полк и подразделение в отдельности.

Подошли к нам: "Офицеры без орденов, что нет, разве?". Антонов стал оправдываться, а мне так и хотелось выступить и сказать во всеуслышанье: "Да, товарищ генерал, нет орденов, гордиться нечем, одна лишь боль и досада вынесены мною из стольких кровопролитных, рискованных сражений". Но я сдержался, ибо понимал, что ничего не добьюсь этим, лишь скомпрометирую комдива, вызову его гнев, а он, если захочет, очернит меня, обрисует и негодяем, и преступником, и чем только сумеет - ведь надобно же будет ему защитить себя.

Генерал и его сопровождение направились к столу, что служил у нас вместо трибуны. Меня заинтересовал маленький генерал-майор. Кто он? Я его еще ни разу не видел. Вероятно он политик или медик. Не строевик, ибо руку держит к головному убору, едва подняв на уровень лица.

Начался парад. Впереди колонны шел полковник Антонов, и поражал всех своей воинской выправкой. Каждый шаг, каждое движение его было, казалось, глубоко обдумано, производя на всех глубокое впечатление. Я еще не видел в жизни своей такого безукоризненного строевика. Дойдя до трибуны он остановился, отошел в сторону и обернувшись лицом к продолжавшей движение колонне, пропустил ее всю через свои пронзительные черные, пиявками впивающиеся в человеческие души, глаза.

Я был в числе первых, вслед за комдивом прошедших трибуну. И еще решил рассмотреть, тревожившего мой ум какой-то мучительно-настойчивой мыслью, забытого маленького генерала, и ... о боже! Глаза мои встретились с его глазами. Он прищурился и зажмурил их. Это был Галай - тот самый, у которого юная красавица ППЖ Галина отобрала всю любовь и ревность, тот самый, у которого я хотел похитить любовь, и который в отместку за это обрушил на меня весь свой грубый мужичий гнев и угрозы. Это был он, и, по-видимому, наша встреча казалась ему неприятной. Я постарался отвлечься от этих мыслей.

Черные, запорошенные пылью и грязью, опаленные порохом и окуренные дымом люди в грязном потертом обмундировании входили в полыхающий Берлин. Всюду была масса обмундирования гражданского и военного. Люди брали его с собой, но предпочли не одевать, а остаться в своем, советском, пусть старом, видавшем виды красноармейском костюме.

За время нахождения здесь пришло дополнительное число солдатских костюмов. Людей приодели, перемыли в бане, и они приобрели вновь свежий праздничный вид. Изменились до неузнаваемости вчерашние фронтовики, и ныне вполне способны вызвать изумление у немцев своей выправкой, опрятностью, бодростью и жизнерадостностью. И если немецкие солдаты гордились ***

10.05.1945

Вчера утром произошло незабываемое событие. Немцы согласились на полную безоговорочную капитуляцию. Скупо, но торжественно сообщали об этом газеты.

15.05.1945

Несколько дней назад я встретил возле столовой двух красивеньких немок-девушек. Разговорились. Они меня сравнивали с итальянцем и говорили, что у меня очень черный волос, делали комплименты, о чем я не преминул им заметить. Слово "комплимент" вызвало почему-то у них восторг, и обе, всплескивая руками, выразили мимикой свое настроение.

Подошла оказавшаяся поблизости мать одной из девушек и стала показывать ее фотографии, предупредив, чтобы мы их ей вернули (со мной было еще два человека: один - переводчик при политотделе, другого не знаю).

Разговоры отняли много времени. Надо было спешить на ужин, и я распростился с девушками. Но только ужинал без аппетита. Девушки были очень хороши, заинтриговали меня своей красотой и нежностью.

Я выпил чай наскоро, первое не ел. Были пирожки. Бережно завернув в газету, я вынес их и отдал одной из них. Они были сильно голодны, хотя и не подавали вида, но я догадался, и когда одна взяла в руки мой сверток, разгадала о его содержимом - радостно подпрыгнула, выразив свою признательность.

У ребят оказался шоколад, и когда переводчик вручил его девушкам, они были покорены так, что передать частицу того восторга, который преобразил эти фигурки до неузнаваемости, невозможно.

Разговор и знакомство с ними приобрело для меня живой интерес, я был доволен неожиданной случайности, столкнувшей нас у столовой. Позже подошедшие солдаты их окружили густым шумным полукольцом.

21.05.1945

Пусть я выпил изрядно ... два часа ночи ... пускай. Стихи не пишутся, любовь не дается, а на подлость и проституцию сердце не бьется. Сейчас я пьян и голова тяжела, но мысли трезвые не хотят покидать мой ум.

В третий раз прихожу сегодня к немке по имени Ильза, она не уродина. Но напишу завтра - все отяжелело, и мысли и голова.

24.05.1945

За эти дни, что я не писал, в жизни моей произошли важные, интересные события. Много они принесли мне радости, немало разочарований и переживаний. Первое и самое невыносимое счастье - это то, что война кончилась, и я остался в чем пришел на нее, хотя многие (и большинство!) тыловиков, или негодяи-трусы, имеют полную грудь орденов. Награды вручаются за подхалимство, лакейство, лицемерие. Честный человек сможет получить награду лишь только тогда, когда все увидят его в бою, разом заговорят, когда о нем прозвенит в ушах большинства. Впрочем, хватит об этом. Безусловно, праздник Победы отчасти горек для меня.

Журнал закончил. Он принес мне много хлопот - материала никакого не было, боевые донесения сухие и не всегда точные, приходилось многое домысливать из памяти прошлых боев. Художественная сторона дела тоже прихрамывает, ввиду отсутствия живого материала. Остается только форма, но и та меня не удовлетворяет. Конечно, по сравнению с предыдущим, мой журнал ***

28.05.1945

С дневником у меня почему-то натянутые отношения. Делюсь я с ним редко в последнее время, хотя в жизни моей событий исключительно много. Но объясню секрет моей холодности к моему любимому детищу - снова стал нравиться девушкам, и, конечно, они мне.

Сегодня проснулся в 11 часов дня. Выходной день (второй за время мира) - музыка, игры в волейбол и футбол... прозевал много, но, если учесть, что лег я не раньше трех часов ночи, что в первом часу нового дня меня привлекла луна, во втором - девушка-часовой из отдельного батальона связи, и в третьем, безусловно, сон, то простительным станет утерянное время сегодня.

Сегодня у нас кино было, "Остров сокровищ". Капитан Шестобитов не первый раз меня уговаривает: "Найди девушек, приведи их ко мне, а я помогу оформить дальнейшее, - ведь ты сам говоришь, что неискушен в этом". Я обещал. Однажды познакомил его с девушками из этого же батальона, из которого видел лунной ночью прошлых суток, другую. Знакомство оказалось неудачным. Тогда я его со вторыми познакомил - и тут фиаско!

Сегодня, перед началом киносеанса, он снова просил привести к нему девушек: "У меня и вино есть и шоколад".

Уговорил меня пойти вместе, и в дороге неожиданно встретились с двумя девушками из этой части, окруженных гурьбой солдат. Подошли. Капитан безо всяких стеснений предложил им пойти с нами в кино и нахально вывел их из "кольца" обступивших людей. Они отказывались, но потом одна, та самая, которую я два дня назад катал на велосипеде, посмотрела на меня - я тоже попросил, и они пошли.

Он оглянулся ко мне: "Володя, на кого ты Женю бросил?", - и я удивился и возмутился сразу. Подумать, какая наглость: не удалось ему у одной ничего добиться ***

29.05.1945

2 часа 15 минут. Никак не успеваю закончить. То спать хочется, то работа не позволяет, ведь пишу я в неурочное время. Вот и сейчас - только что вернулся из очередной прогулки.

Тут рядом с нами есть тыловая радиочасть. Девушки в ней очень хорошие, но за ними следят, и вообще - они не чета нашим. Здесь я и провел два последних часа в разговоре с Т.

03.06.1945

Берлин. Район госпиталя, или, вернее, больницы, так как это гражданское учреждение.

Сегодня я в полку. За последнее время пережил массу приключений, много увидел нового, но стал лодырем и бабником. Все тщетно мечтаю о любви, пусть с немкой, но лишь бы она была умна, красива, чистоплотна, и, самое главное, преданно любила меня. Дальше мечтаний об этом, объятиях, поцелуях и разговоров на 2-3 часа дело не доходило. Вполне подходящей девицы не нашел еще. Все если нежны, то глупы, или если горячи, то капризны, третьи уродливы, четвертые не имеют фигуры, а русские девушки - горды и легко восприимчивы ко всяким тонкостям разговора.

По-прежнему в шатком положении, определенной должности не имею. Время проходит глупо, бездарно, ничего не успеваю сделать, не умею планировать свои часы.

Писем стал получать много, от девушек тоже. Берта действительно заинтересована мной. Она пишет сейчас часто, но мне не удается своевременно отвечать ни ей, ни всем другим адресатам. В одном из последних писем она упрекает меня в принципиальном нежелании писать ей. Видимо неспроста допекло, и потом, видно сохранилось в ней чувство ко мне, похожее на страсть. Меня это радует: Берта наиболее развитая и одаренная из всех, с которыми мне за последние годы довелось столкнуться в жизни. Берта хорошая кандидатура в подруги жизни.

04.06.1945

Милая Берта! Получил твое письмо от 10 мая, обрадовался ему, но и огорчился, теперь уже твоим упрекам. Впрочем, отчасти это хорошо, что ты обижаешься, ругаешь, - значит, интересуешься, и нет, не пытайся скрывать своего отношения ко мне, ибо от этого, возможно, и зависит натянутость нашей переписки.

Я хочу быть откровенным до конца (не считай это простой слабостью), всегда рад твоим весточкам, ревниво дорожу дружбой с тобой и верю в дальнейшее развитие и укрепление ее. До каких пределов - покажет сама жизнь, наши взгляды на нее и отношение к ней и друг другу.

Впрочем, (опять это туманное, дрожащее "впрочем") сейчас еще рано говорить столь громко - мы так далеко друг от друга, так слабо знаем обоюдные чувства даже в малом, не говоря обо всей полноте и совокупности их, ибо никогда откровенно не беседовали ни в жизни, ни на бумаге.

Пусть я буду первым, показавшим свою слабость (так понимают женщины, думается, откровения мужчины), но пойми необходимость внести свет и ясность в нашу переписку, дабы она не была больше плотной занавесью наших мыслей и устремлений, чаяний подлинных взаимоотношений.

Если бы я услышал от тебя совершенно неприкрытое, искреннее мнение таким, каким оно хранится у тебя в душе - я бы вылил тебе всю душу свою и отдал свое сердце, но почему-то мне кажется, что этого нет, не будет. Родная Берта, независимо от того, обрадуешь ли ты меня своей откровенностью или огорчишь, я буду тебе за нее чрезмерно благодарен, и я решаюсь прямо сказать - полюблю тебя.

Но, полно те. Не пора ли опять замкнуться в себе, и пока не придет желанный ответ, быть по-прежнему сдержанным, не терять равновесия, достоинства своего, наконец, в твоих глазах, ведь не знаю же я, как воспримутся тобой моих мыслей каракули, не обидишься ли, не отвернешься ли ты от меня навсегда, не отречешься ли от дружбы моей?

Я не спрашиваю о твоем образе жизни - верю в тебя сегодня, но о себе могу без зазрения совести сказать, что не смотря на мои годы, войну, условия жизни, я ни разу не поддался слабости моего сердца, восприимчивому ко всему красотой манящему, ибо знал, что есть красота, ум, достойные моего избрания, и тем более - в отношении всего прочего, чем так сейчас увлечены многие, и от чего порой (ради минутного наслаждения) теряют жизнь и здоровье.

Вот он я - не весь еще, правда, но в общих чертах.

06.06.1945

Берлин.

Родная Лялечка!

Давно не писал тебе писем, и хотя занят, решил сегодня черкнуть несколько слов.

Живу в Берлине, фотографируюсь. На днях пришлю тебе свою фотографию. От мамы и всех родных имею часто письма, только дядя Сеня и бабушка упорно помалкивают. Напиши, если можешь, нет - пусть мама напишет.

Как твой маленький братик? Ходит? Разговаривает? Ты его люби и развлекай - знаешь, как хорошо иметь братика или сестричку!

Я всегда был один и от этого стал нелюдим и скучен в обществе. Ныне я тоже одинок, впрочем, сегодня ты еще не поймешь этого, но когда-нибудь в будущем, если сохранится это мое письмо, и ты станешь вспоминать тяжелые, пережитые годы войны, тебе станет ясно почему я так говорю. А пока забудь об этом. Ты должна быть весела, жизнерадостна и ловить каждую минуту жизни, чтобы она не уходила от тебя бесцельно. Мама и папа тебя очень любят - ты их слушайся, будь преданна им, и они позаботятся, чтобы твои детские и юношеские годы не были столь жестоки и безотрадны, как мои.

Сегодня я жалею о прошлом. Мальчик, девочка - ребенок, может и должен быть счастливым, но повзрослев - ой как трудно взять себя в руки и переиначить в себе, отпечатанное в характере, наследие детских лет.

Спешу закончить. Привет маме, папе, крепко тебя целую, Вова.

Обними покрепче маленького братика, только понежней и поласковей. Я не испытывал недостатка ласки в детстве, но эта ласка была всегда переменчивой, не чувствовалось в ней ровной любви, дружбы, проникновенности. Никого не хочу обвинять, но добиваюсь страстно, чтобы печальный пример моих лет никогда не повторился больше.

P.S. Невольно создал письмом впечатление, не столь для девочки, сколько для взрослого человека, но я специально не хотел писать иначе.

09.06.1945

Второй час ночи. Подъем завтра в семь. Я опять в минометной роте, но другого батальона.

Кузнецов, начальник штаба и Герой Советского Союза, заявил мне, что он лично не доволен моим приходом в батальон, так как имеет плохую на меня характеристику. Мне стало до самого сердца больно, и я не преминул сказать капитану, что он, не зная человека пытается о нем судить.

Начались нудные, пустые дни моей жизни, когда каждый шаг,

каждая минута и любое мое движение кажется мне столь бессмысленным и ненужным никому и ни для кого, что слов нет.

Дежурил уже, был на занятиях. Взвод не принимал, хотя третий день здесь нахожусь. В первый день, когда сюда попал, подполковник Шталько даже обрадовался мне: "Тыдеев, смотри, Гельфанд прибыл! Взгляни на него!"

10.06.1945

Все мое существование - это маленькая, но яркая, выделяющаяся соринка на гребне самой высокой волны буйного океана жизни. Каких захватывающих подъемов не достигал только я, как только низко после них не опускался. У порога какой славы, величия и счастья стоял прежде, и как быстро и несправедливо захлопнулась передо мной дверь, пропустив всех без исключения через себя, рядом, и даже позади меня шедших.

Сейчас по радио сообщили об учреждении новой медали "За взятие Берлина". Я ее, наверно, не получу, как не получил всех других наград, к которым представлялся. Амокович говорит "меня не обидели", но не скрывает, что я хорошо воевал.

Влип посреди предыдущего повествования, но ничего, продолжу здесь.

Вот и сегодня все офицеры пошли гулять, знакомиться и пр.

12.06.1945

Уже несколько дней нахожусь в части, но еще до сих пор не принял взвода и не поговорил, не узнал каждого своего бойца. Это очень нехорошо как для меня, так и для людей моего взвода. И начальство будет недовольно.

Полная апатия, безразличие.

XX.06.1945

Какое сегодня число - не помню, право.

Вот уже три дня, как я регулярно, от зари до зари, в отлучке из лагеря и в разлуке со своим дневником, газетами и девушками (можно подумать я действительно дружен и счастлив с последними!)

Когда меня вызвали к полковнику Гужову ***

Палец опять разболелся, приводит в бешенство. Умолчу до лучшего времени. А рассказать есть о чем, и ой как много.

16 или 17.06.1945

Ну и работенка выпала на мою долю. Расхищать Академию Наук! Никогда бы не подумал, что окажусь способен на такое грязное дело, а заставляют и люди и обстоятельства. Пакость в храме науки, да и только!

Дело в том, что наши политики решили создать библиотеку в полку. Где-то когда-то агитатор *** разнюхал большой склад русской книги, приведенный временем и халатным отношением

обслуживающего отдел персонала в запустение.

Подкупив охрану (обмыв свое пребывание в академии), он получил доступ во все ее уголки.

Решил начать с меня. Вызвал (я дежурил по батальону) через комбата, приказал собрать семь знающих литературу человек, посадил на машину и увез в центр города длинным, зигзагообразным путем, которым без карты едва ли можно было вернуться в лагерь. Вызвал неожиданно. Я полагал ненадолго и оставил в тумбочке все свои записи, все черновики, письма, стихи. Голова не в состоянии упомнить всего.

Вернулся вечером и к своему ужасу и отчаянью узнал о том, что батальон выехал. Трудов своих не обнаружил, тумбочки тоже, одни письма сиротливо валялись на полу. Я подобрал их, обшарил всю пустую теперь комнату и выбежал на двор. Там сразу наткнулся на агитатора полка. Он заставил сесть на машину, и мы поехали. С нами было семь человек.

Первые два дня мы перебирали книги с русскими штампами и печатями. Книги явно украденные у нас в библиотеках - потому я еще не чувствовал угрызений совести, если не наоборот.

Единственным и самым большим неудобством явилась для всех нас и для меня особенно липкая, удушливая пыль, покрывавшая все книги толстым слоем изнутри и снаружи. Только накануне я постирал обмундирование, но теперь оно приобрело такой страшный вид, что просто стыдно было показаться на улицу. Лицо мое и руки почернели, подворотничок стал грязным, а фуражка, которую я приобрел на пилотку в обмен, и до того весьма невзрачная, теперь оказалась промасленной сверху и пятнистой по бокам.

23.06.1945

Дорогая мама! Получил твое письмо, хочу ответить и теряюсь в мыслях слишком много есть чего рассказать, но трудно уложиться с моим многословием в тот быстро убегающий кусочек времени, который нечаянно я схватил руками.

Скоро, возможно, я приеду повидаться домой, но из армии уйти мне, очевидно, не придется, пока не потеряю своей молодости. А я, скажу тебе по правде, очень не люблю военной жизни - все здесь меня гнетет и терзает.

Некогда и негде развернуться, хотя и поощряют всякого рода способности людей свыше, но здесь, на низах, ставшие у власти бездушные, с притупленными мозгами и пустым сердцем, делают все так, как им вздумается. Все мои письма, рапорта - или не дошли, или я не смею думать, что с ними сталось.

Стихи я печатал во фронтовых газетах, но дальше не посылал, так как пишу еще плохо и стыжусь своей неопытности -

не говори ни слова возражения сам научился себя ценить.

У нас уже много людей отправили домой по демобилизации. Как я им завидую.

Новую посылку выслал в последний день прошлого месяца.

24.06.1945

Сегодня собирался немного написать, сделать много полезного, но судьба решила иначе.

После завтрака встретил двух девушек. Они оказались русскими, из лагеря, откуда подлежат эвакуации домой.

Чуть было не согрешил вторично за свою жизнь, но посовестился молодости девушки - ей нет еще и 19. Она 26 года, зовут Марусей, некрасива, но симпатична настолько, что вполне достойна спорить с красотой иных. Совершенная противоположность Наде из Берлина. Та была очень красива и очень податлива. Когда я ее увидел... впрочем, расскажу всю историю, этого исключительного для меня события, когда я "согрешил".

Все уехали на новое место. Я поселился в квартире командира полка, где оставался свободным единственный диван на весь кабинет.

За несколько дней до описываемого события я увлекся всякими медицинскими книгами, трактующими о половом бессилии и другом. Угроза навсегда остаться неспособным к половой деятельности меня напугала теперь как никогда ранее, и я решил во что бы то ни стало использовать последние дни пребывания в городе с пользой для себя, дав клятву себе быть до конца настойчивым, переборов застенчивость и щепетильность.

Днем, когда утомленный работой с книгами я выглянул в окно, заметил идущую улицей красивую девушку - блондинку, с чуть рыжеватым оттенком волос. Я подозвал ее к себе. Она подошла. Тогда я вышел из комнаты и, не затягивая разговора, предложил пройти в дом.

- Что я там буду делать? - спросила фрейлин.

Я ответил на ее языке - книги читать.

- Aber das ist doch langweilig - Но это же скучно...

Я обнял ее - пойдем на второй этаж... Она согласилась и на это.

Вдогонку повар командира полка, который все еще жил там, шепнул: "Я после тебя!"

- Это от нее зависит. Пожелает, так да.

- Но я все-таки готовлю ей кушать.

- Как хотите - и закрыл на защелку обе двери, ведущие с разных сторон в комнату.

Обнял, прижал к себе... и почувствовал запах псины. Но это

не охладило: я был настойчив и последователен, иначе нельзя было.

На полу был раскинут матрас и маленькая подушка. В комнате было светло - лучи солнца с любопытством заглядывали в окна. Мы не обращали на них внимания - ей было и так горячо - у меня страстное сердце, а мне, признаться, не вполне хватало тепла - она была холодна телом, хотя душа ее, возможно, уже успела полюбить, и сердце - я слышал, билось учащенно и трепетно.

Я положил ее на постель. Ласкал, целовал, гладил, затем полез "за пазуху", как выражаются в народе, вытащил груди. Она не сопротивлялась и выжидала (так показалось мне), что будет дальше. Я поспешил к развязке. Ощупал всю ее, затем опустил руку туда, где скрывается самое ценное в теле женщины и девушки, что оберегаемо ими так ревниво. Прикоснулся к этому сокровищу - и быстро отдернул руку - намочил ее там. Минуту меня терзало раздумье, что это могло быть мокрое.

- Снимай с себя все, будем фик-фик, хорошо?

Она этого ждала и охотно выполнила это мое предложение. Пока раздевалась - я испытывал нетерпение. Я рисовал в своем воображении формы этого клада, который вот-вот впервые должен мне открыться сейчас. В памяти возникали рисунки знаменитых и неизвестных художников, фотографии, и даже давно виденная однажды порнография - все примешивалось мною к обобщаемому выводу о виде и характере "этого". И даже в худшем случае не мог я так обезобразить свою мечту, чтоб она не казалась мне столь великолепной и гладкой, как и все в женщине.

Но каково же было мое удивление, разочарование и обида, когда я увидел вместо моего мифического и надуманного - другое, реальное, какое-то красное, выпяченное, мокрое, безобразное до омерзения...

Она считала 13, 14, 15. На 16, когда она уже совсем стала задыхаться, я пожалел ее и остановился. Снова осмотрел ее всю с ног до головы. Маленькое тельце, искусанное, исцарапанное, с еще не вполне развитыми, но уже свисающими книзу грудями.

В дверь постучались. Женский голос просил по-русски отворить. Я предложил немке одеться и посоветовал поспешить. Она оказалась весьма сообразительна и через минуту была готова, однако я все еще не оделся и потому не открывал. Стук прекратился, но вскоре повторился снова. Отворил. Повар звал обедать. Немка, когда я объяснил причину появления и гостеприимства повара, отказалась от пищи, хотя и была очень голодна, - "Я не могу всем давать, это не хорошо, пусть лучше останусь голодной."

25.06.1945

Джамбул Джабаев умер. Почти столетним старцем. Дожил до победы и пережил не на много дней славную дату достижения ее.

Алексей Толстой, Янка Купала, Демьян Бедный, Вересаев, Ромен Роллан... я не говорю уже о таких писателях, как Уткин, которые не столь знамениты умерли значительно раньше и на фронте. Сколько из нашей действительности кровожадной смертью, во всю разгулявшейся за время войны, унесено ***

Наш командарм Берзарин несколько дней назад погиб, наскочив мотоциклом на автомашину, на пороге расцвета своей славы. Хотя и без того он стал всемирно знаменит как командарм самой прославленной армии - 5 ударной, самого прославленного фронта - 1 Белорусского, как комендант самого большого и главного города - Берлина.

Весь день гремит радио. Наши офицеры-любители сидят на волне и ловят одну за другой передачи. Волна "московская" бесспорно на высоте, и почти не перестает радовать слух своими передачами на самом близком для всех нас и самом приятном на свете - русском языке. Музыка, концерты, специальные передачи для воинов, находящихся в Германии.

Только что в эфире прозвучали слова, которые впервые с предельной ясностью охарактеризовали для меня наше отношение к Японии и предсказали, до некоторой степени, дальнейшее их развитие на фоне Японо-Китайской войны, в которой участвуют на стороне последней Англия и США.

"Не смотря на нейтральность СССР в войне с Японией, продолжаются поставки вооружения со стороны союзников. Официально считается, что СССР вступит в войну с Японией и этим самым стянет огромные силы японских вооруженных полчищ в Манчжурии".

Теперь уже почти не остается сомнений. Подтверждением служит частичная демобилизация в Красную Армию, призыв новобранцев, ранее не участвовавших в войне, в наши ряды.

Я, наверно, побываю и в Японии. Во всяком случае, постараюсь этого добиться. Но теперь уже не буду столь глуп и наивен, как прежде, и больше не стану так безудержно и очертя голову рваться в самую гущу сражений. Люди не оценили всей глубины моего самопожертвования, они нечестно отнеслись ко мне и несправедливо отвернулись в дни Победы.

Я увидел войну глазами солдата. Другую войну я должен увидеть другими глазами, ибо не смею рисковать собой - много накопившегося в моей голове исторически правдивого богатства не должно подвергаться риску быть навсегда потерянным для потомков.

28.06.1945

Вчера узнал номер приказа: 73 от 17/VI/45, которым награжден Красной Звездой. Строевики-писари предлагали обмыть награду, но мне только еще неприятней стало от этого на душе. Эта награда стала моим позором и укором моего рассудка.

Зачем я воевал всем своим существом, а не обдуманной хитростью, как другие - ими получены большие награды безо всякого риска для себя, они, или многие из них - герои, а я, пронесший свою жизнь на волоске судьбы через стихию черной гибели, я... Ах, стоит ли повторяться? Это моя вечная больная тема, и я расскажу людям о ней позже. Я расскажу.

29.06.1945

Сегодня новый день, а я все еще не знаю какой, ни по числу, ни по названию. Темный я теперь человек. Вышел из подчинения всех начальников. В полку меня почти не трогают, в батальоне много не интересуются и я от них совсем не завишу. Что со мной дальше будет, куда меня пошлют и как со мной поступят - ведь я со всеми поругался, всех возненавидел, тупоголовых этих "руководителей", и они мстят за свое убожество мне.

С девками тоже не ладится. У нас в армии нет ни одной приличной девушки, все развращенные и пошлые твари. Они не любят, когда с ними тактичны и вежливы, им нужно побольше животного и как можно меньше человеческого. Что им чувства? Что им рассудок? Они не способны постичь всего величия человеческой натуры, им нужны временные случки и минутные наслаждения - в этом их мир, жизнь их.

Об одной из них говорили, что она честная и не успела потерять своей целомудренности, но после непродолжительного разговора и знакомства с ней выяснилась истина горькая, вновь разочаровавшая. Она вела себя скромно, но кокетливо. Пока я с ней разговаривал, пришел старший лейтенант и вызвал ее к себе. Она ушла и больше не вернулась. Я не стал дожидаться и дал себе клятву никогда и нигде не выходить за рамки официальности в разговорах с нашими военными девушками.

Только что из столовой. Встретился с моим бывшим помкомвзводом. Не узнал его - он сам меня окликнул. Я долго думал, кто бы это мог быть, пока не подошел он ближе.

Мы часто спорили раньше, он был со мной не согласен во многом и по-своему негодовал. Даже в письмах не передавал мне привета, но теперь я все забыл и счастлив видеть его. Боже, как он изуродован и как несчастен! Большая яма на лице с расходящимися от нее вкруговую швами; чуть сдавленный опухолью правый глаз и большой перекошенный рот - как это страшно и как жестоко! Два осколка сидят еще в области шеи.

Уже видна опухоль, и теперь можно их вынимать, но Конец уже выписан в часть и снова назначен на строевую работу.

Вспоминали Канониенко, вспоминали всех. Разговаривать долго некогда и я простился.

Сейчас опять тороплюсь. Вызывает начальник штаба полка. Он новый и лучше прийти без опоздания.

Оказывается, 29/VI/45.

30.06.1945

Весь день прошел в неопределенности. Еще до обеда вызывали в строевой отдел. Там было много солдат старших возрастов, женщин. Их отправляют домой по демобилизации. Нас почему-то очень торопили, искали везде, пока собрали. Мне, например, сообщили, что меня ждут у начальника штаба, когда я был в столовой. Все мы сомневались и глубоко раздумывали насчет истинной причины нашего вызова. В голову приходили фантастические мысли, вроде того, что нас отправляют домой, так как офицеров везде много.

Помощник начальника строевого отдела лейтенант Аржанов ушел докладывать о нашем наличии командиру полка. Мы его долго ждали.

Присутствовали при церемонии вручения наград, которая, признаться, меня еще больше ожесточила по отношению к всякого рода негодяям, прославившихся и добившихся здесь высоких чинов и наград исключительно своей подлостью и двуличностью.

Девки все получали ордена сегодня от Красной Звезды и выше. Одна получала третий по счету орден Красного Знамени. За что? Фронтовики знают и не забудут.

02.07.1945

Сопровождаю "старичков" в запасной полк. Много девушек. Почти всех их отправляют домой. Осиротела наша столовая, прачечная, санчасть и прочие заведения, где подвизались многие любители роскошной жизни за счет торговли своим телом, из числа женского персонала.

Большинству девок не хотелось ехать, они плакали, писали рапорта, чтоб их оставили. Не помогло. Сделали иначе. Которые просились домой - в последний момент были оставлены в части, и наоборот.

Километров 50 уже сделали, если не больше. Маршрут рассчитан на 60 километров. Утром, когда мы, пройдя 30 километров, очутились на месте нашего недавнего квартирования в Берлине - достал велосипед.

Подполковник Гужов, руководящий колонной, предложил расположиться на отдых, но солдаты были настолько обуяны "чемоданным настроением", мечтой поскорее домой, на Родину, что заявили: "Идем дальше!".

Снова застучали колеса, зацокала мостовая, и откуда-то из глубины колонны вырвалась песня. Она взлетела над головами, на мгновение задержалась в воздухе и затем, дружно и порывисто подхваченная всеми, раздалась широко над городом, каждый раз, голосом запевалы сжимаясь, уплотняясь, становясь тише, и снова взлетая, падая и рассыпаясь раскатисто, подхваченная сиплыми голосами стариков.

Через 20 километров, однако, наблюдалась совсем другая картина. Люди устали, выбились из сил, смеялись мало, слышался ропот недовольства. Когда перевалили за 40 километров, подполковник Гужов решил дать отдых. Моросил дождь, было холодно - бойцы просились в квартиры. Гужов не разрешил, но потом дал добро на усмотрение начальников групп.

Долго стучали. Немцы не отзывались. Сразу во всех квартирах потух свет, стало тихо и подозрительно. Обошли с бойцами весь дом. Стучали настойчиво, сразу во все двери. Наконец обнаружили окно без стекол, влезли несколько человек, стали приспосабливаться, пропустили других. Кто-то проломил дверь втиснулись. Пришли девки, быстро пронюхали теплую светлую кухню, расположились. Я разместился с ними. Кое-как притиснулся к ним, но уснуть долго не мог - кусали мухи, свет жег глаза, да и само присутствие женщин отвлекало ото сна. Девчата попались совестливые - даже обнять себя не разрешали. Долго ворочался и уснул примерно к середине ночи, часа в три-четыре.

На рассвете меня разбудили. Квартира, где мы ночевали, оказалась пивной, и хозяева могли с минуты на минуту явиться.

Неудобно и опасно было оставаться здесь долго. Скомандовал выходить, сам остался - искал, не уснул ли кто-либо в непроверенном месте, боялся, чтоб не остались. В одной из комнат, заваленной бочками, инструментами и прочей всячиной, стоял велосипед. Вынес его, сначала полагая, что кто-то из бойцов оставил, но потом, даже когда узнал, что все на лицо и велосипед не наш, решил не нести обратно - рискованно было, да и велосипед-то мне нужен был сильно. Так я на нем и доехал оставшиеся километры нашего пути: побил себе руки, измаялся и получил удовольствие, неожиданно сменившее мою усталость.

Девки вели себя героями. У всех ордена, у некоторых по несколько, в числе которых очень высокие. Военные люди не задумываясь определят цену героизма их, ибо только редкие исключения наблюдались в среде женского воинского персонала, заслуживающие уважения, внимания и полученных наград. Но все они, как две капли воды похожи друг на друга, безграмотными кляксами пишущие резолюции с легкостью и безответственностью. Ордена и медали отпускались по договорам, по заказам. Надо было только заслужить расположение этих мелких, пустых людишек, которые хорошему сапожнику или понравившемуся портному, кладовщику или хозработнику отпускали медали, расплачиваясь ими, словно разменной монетой. Честному воину, пролившему не одну каплю своей, а еще больше вражеской крови на поле брани, получить награду было много сложнее. Девкам же медали выдавались еще проще, чем обслуге и другим прихвостням.

Все они возомнили из себя нечто ценное и полезное обществу и действительно брали на себя (и продолжают брать) такую полноту власти, что и командиры частей не решаются порой брать. Покровительствуемые всякими Тедеевыми и прочими К?, окруженные ореолом славы, девки наши прибыли в запасной полк и заявили сразу: "Вы знаете кто мы?! Мы герои-сталинцы!" и в подкрепление сказанного подняли такой визг и шум в отведенном им бараке, что туда вынуждены были прибежать майор и капитан; но и они не в состоянии были что-либо сделать. Майора девки послали "на х...", а капитана "к е... матери". Оба ушли как побитые, сопровождаемые насмешками.

Женская природа, смешавшись с мужскими привычками, заиграла, вскипела и во всю ширь вылилась наружу. Крик, плач и матерная ругань, смешавшись вместе, носились по комнате, вырываясь далеко наружу, захлестывая каждого.

До позднего вечера провозился я с женщинами. То перепутали имена в списках, то написали одной в личном деле ПЖД. Наконец, сдал... и вздохнул облегченно.

Обратно почти всю дорогу ехал велосипедом. Гужова возненавидел за его бесчеловечность. Всю дорогу он продолжал выпивать и лопался от пищи, а мы, офицеры, по его вине оставшиеся необеспеченными продовольствием, присутствовали рядом и не были ни разу приглашены.

В центре Берлина и в районе Темпельхоф наших войск не было. Всюду расхаживали серьезные американцы в форме, похожей на спортивную. Нигде меня не остановили ни свои, ни иностранцы.

Проголодался, стал искать пива и хлеба. В булочной купил буханку жесткого немецкого хлеба, в пивной выпил несколько чашек горячего кофе. Хозяйка спросила: "Что, у вас тоже едят сухое?". Меня ущемил вопрос. - "Нет, напротив, сегодня я вынужден так питаться, ибо оторвался от части". Она легко поверила.

Пива нигде не было, а пивные в этот день были закрыты. Только уже в советской зоне в одном из домов, где укрылся от дождя, было пиво. Выпил много кружек, но не опьянел по слабости напитка. В лагерь приехал в середине дня, принес массу впечатлений и нафантазировал немало. Люди верили по простоте своей и с интересом слушали мой рассказ "о встрече с американцами": "Они приветливо отнеслись ко мне. Группа офицеров пригласила к себе на квартиру. В комнате висел большой, во всю стену портрет Рузвельта. Стояли мягкие, с белыми звездочками на спинках, кресла, а на столе красовалась закуска и шипело удивительной крепости шампанское. Американцы восторженно хлопали по плечу, называя "русский". С немцами они строги и неразговорчивы. Я не встречал ни разу ни одного из них, чтобы он любезничал с фрейлин (это единственная истина). С продавцами скупы и мелочны до пфеннига, но мне не разрешили платить за себя - расплачивались, когда позже вместе выпивали, сами ..."

Велосипед у меня отобрал начальник штаба сразу же, на другой день. Все из-за Мусаева. Он стал у меня отнимать, я поругался с ним, дошло до скандала. Под предлогом выполнения приказа вмешался майор, приказал поставить в сторону велосипед и, само собой, потом забрал.

За день до этого, сразу по прибытии в лагерь, меня вызвали, вручили обходной лист и сказали, чтоб я собирался. Больше всех усердствовал Аржанов. "Ты, видимо, поедешь на Родину. Быстрей собирайся, для тебя же хлопочу!" - и изобразил такое доброе лицо, что я ему поверил на слово.

Нас было двое: я и Токсунбаев, старый лейтенант-казах.

09.07.1945

Итак, впервые я очутился в офицерском полку, которого так всегда боялся и в который всегда так не хотел попасть.

Смотрел кино до двух часов ночи.

12.07.1945

Вчера было партсобрание. Я выступил в прениях. Говорил последним из четырех записавшихся. Критиковал. Меня слушали, одобряли. Начальству было невыгодно: парторг попытался остановить ход моей речи, прервал, но с мест стали шуметь коммунисты.

- Время истекло, товарищи. - Попробовал по-другому парторг.

- Пускай говорит, пусть продолжает, - шумела аудитория, и тот был вынужден уступить.

Когда я окончил, некоторые пристукнули в ладоши, расходясь, жали мне руку, улыбались.

- Товарищи, внимание! - остановил председатель. - Прошу остаться всех парторгов, членов бюро и последних трех выступавших товарищей.

- Мы берем вину прежде всего на себя, - заявил майор заместитель комбата по политчасти. - Разрешили слишком большую демократию, не дали русла, направления вашим выступлениям (два других говорили: один о "чемоданном настроении", другой - о требовании, которое он выдвигает перед командованием от имени коммунистов).

Серьезных обвинений предъявить мне политики не могли, поэтому ограничились лишь общим замечанием; читая наставления, говорили с откровенным цинизмом, что начальство критиковать нельзя: "Мы возьмем над вами шефство. Вам, товарищи члены бюро, помочь надо товарищам".

Я предупредил, что помощи мне не требуется, что я не первый раз выступаю и о политической работе, агитации и пропаганде имею довольно таки широкое представление. Но они и слушать не хотели.

- Вы - молодые коммунисты, и нам, старикам, нужно много над вами поработать для того, чтобы вы поняли свою роль и задачу в жизни парторганизации.

Так началась для меня жизнь в офицерском полку, где так же, как и везде, не терпят правды, и где за нее крепко бьют и жестоко ненавидят.

Сейчас в местечке Rudersdorf, что неподалеку от нашего лагеря. Делаю электрическую шестимесячную завивку, исключительно ради интереса. Часа два меня все обрабатывают. Молоденькая красивая немка особенно заботливо суетится возле моей шевелюры. С ней надо будет подружиться и постараться убить время возле нее.

Jnga Berensteder
Rudersdorf,
Kaischntn, 67
Kaiserstrasse

Вот и адрес, который она сама написала. Сегодня она просит не приходить, так как изучает русский язык в школе после работы, но завтра вечером в 7 часов она приглашает меня к себе.

Итак, завивка готова. Знакомство обещает быть интересным.

13.07.1945

На партсобрании.

Только что сдал дежурство по полуроте. В ней сотни две человек, а что же делается в роте, в батальоне... личный состав не поддается учету, не столько в силу своей многочисленности, как в силу того, что люди по целым неделям порой отсутствуют из части и об их местонахождении никто не знает.

14.07.1945

Вечером вчера был в лагере русских девушек, работающих здесь на фабрике. Ездил на велосипеде, доставшимся мне в залог в 2000 марок. Там было много офицеров, сержантов и бойцов. Девушки были нарасхват.

Несколько кругов сделал площадью, где должен был состояться концерт. Ко мне подошли несколько бойцов.

- Товарищ лейтенант, вы не из 248 сд? Назвали батальон, в котором вместе со мной служили. А я то ведь успел и позабыть все детали из прошлого, относящегося к периоду моего пребывания в Галавцах.

- Вы не из 301 сд? - подошел старшина, и все остальные удивились.

- Да, был и там. Вы меня правильно узнали.

Много расспрашивали, так как давно выбыли из частей. Было 10 часов. Бойцы предупредили, что в полодиннадцатого в лагерь наезжает комендант со своей командой в 10-15 человек, со станковым пулеметом на тачанке. Посоветовали прийти днем, сами они тоже уходили.

18.07.1945

Несколько дней подряд был в разгуле и почти ничего не написал, за исключением нескольких писем.

Озеро с живописными берегами и густым лесом, с голыми, купающимися посетителями, из числа солдат и офицеров нашего полка, с русскими девушками, нередко полуголыми, и немецким населением, сбившимся только в одном уголке озера и пляжащегося на берегу.

Чистое прозрачное озеро. Рядом заводы бездымные, а на горе у самого озера - несколько многоэтажных домов, площадка перед

ними, музыка, танцы... Здесь живут девушки, недавно освобожденные союзными американцами и прикрепленные временно к воинской части, занимающейся эвакуацией станков, оборудования заводов и др.

С одной из них я познакомился в парикмахерской. Она положительно отозвалась о моей внешности, сделала мне комплимент. Симпатичная, умная и культурная, хотя и не совсем интересная Аня (так ее звали), привлекла меня открывшейся перспективой более близкого с ней знакомства. Она сказала мне номер квартиры и дома где живет. Казалось, теперь уже все для начала сделано, остается только некоторое усилие с моей стороны и события разовьются сами собой. Но судьба решила иначе.

И вот через день, когда я с товарищами пришел в лагерь, увидел свою мечту в окружении целой группы курсантов, дарящей ей яблочки, ласковые улыбочки, восторженные взгляды и слова. И она всем улыбалась и со всеми была одинаково хороша.

Я поздоровался и подсел к ней. Она была в нерешительности.

- Пойдем, пройдемся - предложил я.

- Позже. Видите ли, сейчас неудобно. Придет подруга, и тогда пойдем.

Но и когда подруга подошла к нам, она все еще отказывалась. Долго не стал упрашивать, и хотя она обещала позже, просила подождать - простился холодным рукопожатием и пришел снова только на другой день.

Дома ее не оказалось. Я подцепил другую, хорошенькую, грамотную девчушку и долго с ней беседовал. Узнал всю жизнь, всю биографию от начала до конца. Выяснил какого она года и даже где и как жила во время немецкой оккупации, а затем в Германии, куда ее вывезли немцы. Но главного так и не спросил - ее имени - узнать не догадался.

В середине разговора явилась Аня, почему-то решила, что я исключительно ее дожидаюсь, и сказала, как бы опережая мой вопрос: "Подождите секундочку, я сейчас выйду".

Мы продолжали разговаривать. Вдруг она вышла и прошла мимо. Мне показалось, что она обиделась. Быстро простился я с интересной безымянной девушкой и догнал, окликнул "Аня!" Она остановилась, но подруги торопили: "Скорей, на работу опоздаем". Она извинилась, стала отговариваться своей занятостью, и затем простилась.

- Если хотите, завтра в 8 часов.

На другой день, 17 числа, я был занят, и только к вечеру после ужина у меня выдалось свободное время. Перевалило за 22.

Решил ехать велосипедом, но все поиски не принесли результатов. Перспектива идти пешком не радовала. Решил жертвовать патефоном - сменял его на велосипед и поехал. Во дворе общежития сделал несколько кругов. Ани не было. Встретил другую, безымянную, в розовом платье девушку, улыбнулся ей, но не подошел. Решил не бросаться за двумя сразу, а поочередно сблизиться с каждой и выбрать что получше для своего время провождения.

Я стал решительней по сравнению с предыдущими годами, забыл робость и потерял застенчивость. Девушки, к тому же, лишились гордости и высокомерия, в силу роста цены мужчины за время войны. Я не урод и могу рассчитывать на любовь, уважение, ласку столь желанную, наконец, многих хорошеньких девушек. Я буду купаться в этой ласке, знаю, а пока только изредка и тайком успеваю в нее окунуться, но не надолго и без определенных результатов, а, тем-более, без полезных и памятных последствий.

Но вернусь к рассказу. Подруга Ани, встретившаяся мне на дороге, ничего решительно сказать не сумела о местопребывании девушки, и я уже собрался ехать домой, как встретил ехавшую на велосипеде навстречу мне Аню. Остановился, стал ждать. Она кивнула головой и как ни в чем не бывало продолжала кататься, потом слезла с машины, подошла к бойцам-курсантам и стала с ними разговаривать. Не выдержало мое самолюбие. Последний круг, и во весь нажим педалей устремился домой.

На этом пока закончил, но буду еще бывать и на озере, и в живописном лагере русских, многими из которых потеряны на сегодня не только честность и приличие, но и образ человеческий, утопленный в океане разврата, захлестнувшим Европу во время войны дикими волнами грязи.

С немками мне не по пути идеологически, нравственно. Есть у них хорошенькие, красивые даже, но они не способны меня затронуть по-настоящему и всколыхнуть мои чувства любовью и думами. В ласках они не отказывают, да и вообще ни в чем.

23.07.1945

Настроение какое-то полуобывательское, нет ни к чему инициативы. Чего-то хочется непостижимого. Мечтается о чем-то большом, впечатлительном, полном контрастов и преисполненном теплоты и благополучия. Надоело влачить полунищенское существование, терпеть во всем нужду, обиду и обман.

24.07.1945

Вчера чистил картошку в столовой. Сегодня в полковом наряде.

У нас есть определенная категория людей, всегда увиливающих от нарядов, занятий, построений и прочего, называемая "сачками". Так вот сегодня я вместо них попал в караул, но для меня выгодно нынешнее дежурство. Командир роты обещал после наряда дать мне трехсуточное освобождение от всех нарядов и занятий. Поеду в Берлин.

26.07.1945

Поздний вечер. Судьба-шалунья жестоко балует со мной. Ей весело доставлять мне неприятности. В который раз она то на мгновение, то на целые часы или сутки, а порой и больше, разлучает меня с дневником, стихами, записями, прозой и черновиками, играя моей рассеянностью.

Сегодня оставил у портного свои стихи и все остальное, относящееся к моим литературным упражнениям.

Ходил купаться на "See", дорогой подцепил двух фрейлин, и сам был не рад этому. Ходил с другом - молодым парнем богатырского сложения - Митей. Обе уцепились за меня, они торопились на танцы и тянули с собой. Я перепоручил одну Мите и принялся уговаривать немок изменить маршрут в противоположную сторону - на озеро.

Не стану описывать всего нашего пути. Дорогой мне опротивели обе за накрашенные губы, за жеманство и, особенно, что они меня полюбили. Пошли крутыми обрывами - они заставляли себя упрашивать. Я махнул рукой, преодолел препятствие и быстро очутился на озере, между тем как Митрий оказался за двоих нас в качестве галантного кавалера, помогая им преодолевать насыпи, что перед озером.

06.08.1945

Моя затаенная мучительная мечта - еще хоть раз увидеть, почувствовать Берлин, не фронтовой, пылающий, а послевоенный, слегка посвежевший гигант, опозоренный и униженный своими жителями, и теперь раболепно заискивающий перед иностранцами, распахнувший все свои ворота - от Бранденбургских и до последней калиточки на окраине города - советским людям, русским воинам.

07.08.1945

Предместье Берлина - Рюдерсдорф.

Необычная обстановка. На дереве во дворе столовой в ожидании кинофильма, названия которого еще не знаю.

Жизнь моя сложилась интересным образом: масса переживаний радостных, печальных, душевные потрясения, неудачи и конец, по формуле: "Нет худа без добра".

Берлин не успел осмотреть. Мельком лишь пробежал взором то, что оказалось на пути.

09.08.1945

Сегодня день событий. Больших, выдающихся из ряда вон. Все мои планы, все ожидания спутались, смешались так внезапно, что сейчас я не в состоянии как-нибудь систематизировать их.

Самое значительное событие - это сообщение о новой войне, об открытии дальневосточного театра военных действий Советского Союза с Японией. Обычно слухи опережают события, и взбудоражив умы людей еще задолго до фактического оформления их, подготавливают к хладнокровному восприятию.

Так было и на сей раз. Еще за дней 7-10 до нынешнего сообщения пришел слух, его подхватили все и стали шепотом, не лишенным таинственности, передавать друг другу, что СССР объявил Японии войну. Приходилось верить и не верить в одно и то же время. Говорили люди взрослые, в разных чинах, и их никак нельзя было назвать сплетниками.

Чтобы удостовериться - пошел в клуб, тихонько спросил. Меня не обругали, не удивились вопросу, ибо сами задались им до моего прихода радио ничего значительного не сообщало. И вот теперь - вторично.

В столовой долго ожидал завтрака - не подавали. Решил почитать газету. В ней новости, хотя и не первой свежести, но все же интересные. Когда вернулся - услышал, что все говорят о Японии. Молнией ударило в голову: может и правда? Стал расспрашивать. Даже шутники и грубияны теперь серьезно и вежливо отвечали: "СССР объявил войну Японии. Мы воюем теперь с японцами. Молотов заявил японскому послу о нашем решении воевать с ними".

Теперь это оказалось правдой. Радостно и тревожно на душе. Война долгой не будет - это сейчас ясно как никогда. Япония слабей Германии, а союзники могущественней, чем прежде. Ставили предположения о длительности войны - 3 месяца. Иные говорили - японцы слабее, но они еще дадут нам жизни. Это были упаднические настроения, но они оказались весьма распространенными.

Некоторые почти плакали: "Мы столько воевали и теперь опять придется. Нам из войны не вылезти". Штабные радовались - их не пошлют на войну. Хулиганы и прочая анархистски настроенная братия не скрывала своего огорчения: "Теперь опять штрафбаты..."

А мне было радостно. Теперь мы покажем японцам. Я не боялся, хотя решил не быть больше дураком и самому не напрашиваться на фронт, а если и идти, то политработником, чтобы оказаться полезным и быть заметным на фронте не только и не столько товарищам по оружию, сколько начальству, которое

оценивает. Теперь пора получать награды. Отвоевал.

Сказать, это были довольно таки нечестные мысли, но справедливые. Для меня в этом случае был важен не столь сам факт предстоящего обуздания японской агрессии, сколько сила и значимость голоса нашей великой державы, к которому уже сейчас прислушиваются чутко и с которым считаются не только друзья-союзники, но и нейтралы, и даже враги мира всего.

Эта война принесла нам не поражение, не бедность и разорение, а могущество, силу, величие, которое превзошло все ожидания. Ни одна страна не сделала так много для утверждения мира во всем мире, как наша. Ни один народ не понес столько жертв и не перенес столько трудностей, как советский, и поэтому было бы обидно, если бы с Японией расправились другие страны без нашего участия, а мы бы, при торжестве их победы, оставались в стороне; хотя интересы наши отнюдь не в меньшей степени, чем интересы союзников упираются на существующее положение на Дальнем Востоке.

Второе событие - новый приказ маршала Жукова командующего фронтом. Этот приказ весьма приемлем и необходим в данных условиях, и все же некоторые моменты в нем мне не по душе.

У нас есть много хулиганов, провокаторов различных инцидентов, ссор, драк - врагов и негодяев. С ними нужно бороться жестоко и применять по отношению к ним самые решительные меры. В наших рядах не должно быть места людям, позорящим Красную Армию на глазах Европы, вызывающих укор и негодование пославшего нас, как своих представителей в Германию, передового, культурного, русского народа. Таких выродков надо выкорчевывать из нашей среды, бить неустанно, повседневно. Но при чем здесь чистый армеец, прослуживший в действующей армии и так много отдавший борьбе за народное дело - свою молодость, здоровье, знание, и все, что только может взять война.

Теперь пора отдохнуть хоть немного, увидеть то, чего еще никогда не видел - зарубежный мир, узнать то, о чем так мало знал и не имел ясного представления - жизнь, нравы, обычаи за границей, и, наконец, видеть людей, говорить, ездить свободно, наслаждаться мизерной долей (если она есть в Германии) счастья.

Нам запретили разговаривать с немцами, запретили ночевать у них, покупать. Теперь нам запрещают последнее - появляться в немецком городе, ходить по его улицам, смотреть на его развалины. Не только бойцам офицерам. Но ведь это невозможно! Мы люди, мы не можем сидеть за решеткой, тем-более что на этом не кончается наша служба в армии, а казарменное

положение и жизнь в казармах успела нам до чертиков надоесть. В армии отвечают лишь за себя, и я попытаюсь сделать то же самое.

Чего я хочу? - свободы! Свободы жить, мыслить, работать, свободы наслаждаться жизнью.

Теперь я лишен всего. В Берлин закрыт мне доступ. Из роты даже нельзя самовольно уйти. Опять занятия, снова проверки. Все снова, как на войне. Скучно так и томно на душе. Таков смысл приказа.

Временно решил в Берлин не ездить. До окончания срока прочески. Но за своими фотокарточками и фотопортретами должен непременно днями заскочить в город, ибо все пропадет.

Если бы не последнее обстоятельство, возможно, я и побывал бы в Берлине и справил бы свои дела, но... Неожиданно нам сообщили, что мы переводимся в 3 сб, приказали приготовиться и с вещами ожидать машин у ворот.

12.08.1945

День прошел впустую. И, анализируя причины бесцельно проведенного времени, я пришел к выводу, что виновата моя старая и самая плохая во мне привычка распыляться по мелочам, почти ничего начатое не доводя до конца. Дня своего я не осмыслил заранее, времени не планировал, цели перед собой определенной не поставил. Отсюда и последствия.

Утром принялся искать пуговицы для кителя - задумал пофорсить, но не нашел и только убил несколько часов. После обеда, еще не успев навести порядок в помещении, выдумал помыться - нужное дело, но потом явилась у меня еще более заманчивая мысль - одеться в гражданскую форму. До ужина занимался новым своим убранством. Потом прогулка по городу со знакомством, разыгрыванием своих, немцев и самого себя; инцидент с русской девушкой, которую принял за немку, и заговорил на немецком, но которая, тем не менее, сразу узнала во мне русского, ответив мне (и заставив растеряться), на родном языке.

13.08.1945

На политинформации. Лектор слаб и малосведущ в том, о чем говорит. Взялся не за свое дело и потому речь его режет слух. "Выведение немцев из Польши..." - видимо хочет сказать эвакуация, "...конференция решила создание министров трех государств...", и прочая чепуха. Скучно. Когда он закончил, поинтересовался, какие будут вопросы. Я поднял руку - фамилия лектора? - и все захохотали.

Сегодня зачитывали сводку Совинформбюро. Наши войска продолжают громить японцев и продвигаться все дальше по их

территории.

14.08.1945

Сейчас в Германии пора дождей и слез. Хнычут немцы о пище, о барахле, о добрых старых временах, когда было всего вдоволь. И омывает тусклое немецкое небо мрачные здания на немецкой земле так обильно, точно хочет растворить всю Германию в неудержимом водяном потоке. Очень неприятно мне это знакомство с немецкой природой. Такая она серая, неприветливая, - мачеха и только!

Сегодняшний день принес удовлетворение, не полное, правда, так как не все задуманное накануне выполнил, но... Написал четыре письма. Подробных. Читал немного из Тургенева, и из области политобразования: "Краткий курс истории партии" Б. Волосевича, 26 года издания; газеты.

Было партсобрание, на котором критиковал с места. Выступить не пришлось ввиду усталости коммунистов, успевших выслушать столько глупостей и вздора ряда выступавших, что невольно пришлось пожалеть слух аудитории, дабы не наговорить самому под влиянием заразительных речей чего ни будь несуразного.

Вечером после собрания опять встретился с Женей - красивой девушкой из столовой. Впервые я узнал ее дней тридцать тому назад и попробовал повздыхать и поволочиться за ней, но однажды, увидев ее во дворе столовой с майором, а затем еще с двумя офицерами - остыл и постарался не вспоминать больше об этой красивой, голубоглазой девице. Позже мне говорили, что ее обворожил один татарин, заразил, а майор, привезший ее сюда, отвернулся от нее и, наконец, выгнал.

Так она попала в третий батальон, где теперь часто я ее встречаю. Она кланяется мне мило, приветливо, видимо жалеет о несостоявшемся знакомстве.

15.08.1945

Сегодня день туманный, как ни разу еще в Германии за мое здесь пребывание. За 5-10 шагов не видно человека.

На политзанятиях тема: "Япония". В строю старые дальневосточные песни: "И на Тихом океане свой закончили поход", и "О японских самураях". В столовой, в помещении, на улице, и даже в уборной - везде одна тема, один вопрос - Япония и война с этой химически агрессивной державой, затрепетавшей, тем не менее, и убоявшейся нашей страны с первых ее шагов на тихоокеанском театре военных действий.

Нужно отметить, что за пять дней боев мы сделали больше, чем Китай и англо-американские союзники за целые годы. Наша мощь, безусловно, более решающий фактор на полях войны и в

дипломатических кабинетах, нежели любая атомная бомба, изобретенная за границей. В этом теперь убедился весь мир.

На политзанятиях младший лейтенант хорошо и красиво читает, приятно слушать. Только-что он сообщил новость, которая, утками пущенная в массы каким-то провокатором или интриганом, или группой таких людей, на протяжении всей советско-японской войны опережалась и совершенно спутала умы.

Япония приняла условия капитуляции. Император Великой Солнечной империи отдал приказ войскам прекратить сопротивление и сдаться на милость победителям. Вот где сила величия Советского Союза! Что я могу еще к этому прибавить?

Итак, новая, грандиозная победа! Мир во всем мире, и на фоне всего мощь, благородство, свободолюбие, богатство идеалов большой, многонациональной, миролюбивой семьи советских народов!

17.08.1945

Вчера ночью по радио передали, что японцы перешли в контратаки на всех фронтах наших войск. Вот оно, неслыханное коварство японских милитаристов. А ведь многие еще вчера считали, что война окончена. Решил идти на фронт. Здесь мне делать нечего, раз снова грозит опасность Родине.

Неприятный случай произошел с англичанами. Они совершали полет над Японией, полагая, что война для них окончена. Но японские хищники, заявившие о капитуляции, тем не менее подло напали на летчиков и почти всех уничтожили в воздухе. Вот что значит убаюкать себя мечтами, надеждами и верой в несуществующее.

Только что раздались два сильных выстрела в направлении Дюссельдорфа, над домами поднялись два серых облака дыма. Как на войне неожиданно гремит выстрел, грохоча, руша, уничтожая. Враг не умолкает, не успокаивается, вредит нам на каждом шагу. Нет того дня, чтобы где-нибудь да что-нибудь не взорвалось, и земля не задрожала от грохота. Впрочем, это уже не происшествие, а обычное теперь явление.

Сейчас в поле и лесу рассредоточились в ожидании. В наш офицерский полк прибыли "покупатели", как здесь называют. Будут нас набирать, куда - еще не известно.

В Берлин опять не еду сегодня - нельзя, искать будут.

24.08.1945

Всю ночь не спал. Неожиданно Берлин вышел боком. Прошло несколько дней со дня последнего визита моего в этот город. Моя поездка явилась предметом долгих и весьма оживленных обсуждений.

Я фантазировал. Рассказывал офицерам о том, как я отпугнул

от себя офицерский патруль, как ездил с генералом домой (хотя, на самом деле - с его шофером) и, наконец, как прибыл к подъезду нашего дома, благодаря приказанию самого генерала. Командиру роты проболтался, что ездил в Берлин. Он попросил у меня планшетку и денег, но не вернул.

Время шло. Позавчера я вторично за эту неделю решил навестить город, о котором на вершине Рейхстага написал:

"На балконе берлинского здания
Я с друзьями-бойцами стою,
И смотрю, и плюю на Германию
На фашизм побежденный плюю".

Вернулся благополучно. Достал сапоги, часы купил в обмен на продукты из гастронома, достающиеся мне по дорогой цене, но, тем не менее, стоящие дороже денег на берлинском рынке.

Командир роты вызвал меня к себе, долго ругал совместно с парторгом и грозил, предупредил об ответственности и отпустил, повторив угрозу. Я решил жить иначе, по крайней мере в течение 10-15 ближайших дней: выпустить стенгазету, развернув во всю ширь свои агитаторские способности, чтобы гремело обо мне, как тогда, в 248 сд. С этой мыслью я провел весь остаток своего времени до вечера и улегся спать.

Меня подняли с постели, когда было совсем темно. Ротный вызвал в штаб батальона. Пришел и там долго сидел, ждал.

Трое офицеров ездили в Берлин, у них отобрали документы и посадили, решили судить. Обо мне командир роты доложил все, что ему было известно, не прибавил, но и не уменьшил. Все мои злоключения - поездки без увольнительной - всплыли наружу. Дело выходило скверно. И когда комбат отобрал у меня документы, и когда, к моему ужасу, потребовал партдокумент, справки о ранениях и наградах - у меня отяжелела голова.

26.08.1945

Рюдерсдорф. Опять в полку, но теперь уже в качестве свободного часового, а не опального лейтенанта. Впрочем, и то и другое одинаково отвратно моему сердцу.

С чего начать светлую страницу моего дневника? Хотелось бы с чего-либо необычного, но как ни обидно - нужного не вспомню.

Только что просмотрел кинофильм "В 6 часов вечера после войны", по сценарию В. Гусева. Сейчас на концерте. Артисты какие-то гражданские, девушки с простыми, колхозными лицами. Если не будет скучно - значит, я ошибаюсь в них.

Когда полная артистка появилась на сцене, по рядам прокатились выкрики "Воздух!", "Рама!", но аплодисменты заглушили их.

Подразделение захлестнула волна партсобраний с

персональными делами на повестке почти каждого; суды офицерской чести. Начальство стало серьезно заниматься наказанием провинившихся офицеров, а между тем происшествия участились и в нашем полку.

По радио последние известия. Сегодня на Красной Площади в Москве, с сообщением о подписании Японией акта о безоговорочной капитуляции и наступлении мира во всем мире, выступил товарищ Сталин. Обратившись к советскому народу он поздравил его с окончанием Второй Мировой войны. Всенародное ликование охватило Родину. Передают выступления знаменитых людей страны, в том числе старейшего писателя А. Серафимовича. Ничего нового он не сказал.

У всех сейчас одни мысли и одно настроение: радость, счастье и опять счастье. Радио гремит победу. Одно сообщение за другим о вдохновенном труде советского народа в честь разгрома восточного агрессора - Японии.

Вторая Мировая война ушла в историю.

Сегодня меня записали на учебу. После нескольких дней уговоров соблазн поехать на Родину возымел свое действие и я уступил. Сердце на минуту стало преобладать над умом, и выбрал жертвовать будущим своим во имя молниеносной улыбки настоящего.

09.09.1945

Вчера смотрел замечательный фильм по Гоголю "Черевички". В нем правдоподобно и красочно переплетается сказочное с реально-жизненным. Много смешных сцен. Черт здесь веселый, сильный, не всегда и не ко всем злой. Он напоминает мне немцев - как и они, переходит от крайности к крайности. Сначала он весь погрязает во зле, смеется и издевается над чувствами и привычками людей; даже попав в невыгодное положение, он не теряет оптимизма и не бросает своих вредных привычек. Когда-же он сталкивается лицом к лицу со смертью, то впервые ощущает на себе весь ужас зла и жалко молит о пощаде, обращаясь к человеку, над которым так больно шутил. Он клянется помочь герою фильма жениться на Оксане, к которой сам был неравнодушен, и действительно, становится причиной счастья молодых влюбленных.

В эпилоге он вызывает у зрителей глубокую симпатию тем сочуственно-радостным видом, который выражает все его существо - ни тени ревности, а отеческая теплота, под влиянием свадьбы обоих героев "Черевичек".

14.09.1945

Село Капут, 6 километров от Потсдама.

Так вот на новом месте. Всю дорогу и уже по приезду

мечтами оставался с клубом, но меня как-будто умышленно оставляли в роте, и не смотря на все разговоры и обещания - по сей час нахожусь в безвыходном положении.

Надоело мне здесь, ой как надоело!

27.09.1945

Я люблю себя. Очень сильно и мучительно. Но беда в том, что еще не уяснил себе для кого именно: для себя или других, и что лучше. Что приемлемей и что характерней для моего себялюбия? А я ведь и правда самолюбивый тип, но память делает меня простодушным, с глупцой, человеком. Люди замечают, чувствуют все это, но не называют меня искренне глупцом, потому-что глупостью своей я не зол, не коварен, а доверчив к ним. Это плохо, это губит мою жизнь.

Разве можно сейчас боготворить девушку? Разве можно, подобно мне, страдать из-за нее и трепетать перед ее фигуркой? Нет ведь! Жестокая насмешка, плевок и оскорбление, как это ни странно и как не возмутительно, ближе и приятней.

В наших столовых есть много хорошеньких официанток из числа вольнонаемного состава. Почти за всеми пробовал волочиться, поверхностно беседовал с несколькими в разное время и с каждой в отдельности, дарил цветы. С одной, которая наиболее (на первый взгляд) ко мне хорошо относилась, однажды после ужина пошел домой, пробовал объясниться, но оказалось, что она замужем. Другая и вовсе отвергла мои ***

30.09.1945

Село Капут. Снова потянулись томительные дни ожидания, вернулась привычная неопределенность будущего, неустойчивость настоящего. Мое "счастье" оказалось временным.

Захаров мальчишка и негодяй. Он доказал это своим отношением ко мне. Когда брал меня в клуб, обещал предоставить возможность заниматься литературой, взамен у меня просил только участия в самодеятельности.

В роте к этому времени усилились гонения со стороны командира взвода младшего лейтенанта. Парторг надоедал своим надзором, который, в конце концов, стал настоящей слежкой. Клевета и придирки Дамокловым мечом собрались над моей головой и могли вот-вот обрушиться крупнейшей неприятностью. Но тут впервые почувствовал я себя независимым и стал не обращать внимания на приставания окружающих.

Построения и собрания меня не касались, в столовую я ходил самостоятельно, на занятия не ходил. Одни наряды вконец вымучили меня, и тем самым увеличили мое желание вырваться из роты.

Захаров каждый день обещал, назначал встречи, аудиенции; я

своевременно к нему являлся, подолгу ждал, беседовал, иногда не дождавшись, уходил. А назавтра все сызнова. Моя первая и самая главная беда - глупость. Я рассказал ему свою историю без утайки.

06.10.1945

Берлин. Гостиница.

Знакомый по другим гостиницам зав-сержант, обычно молодой.

- Ваше командировочное предписание зарегистрирую, получите завтра.

Услужливый немец-элегант, протягивая подобострастно ключ от комнаты, записывает ваш номер и внезапно бросает по-русски: "10 марок!" Сам ведет, отпирает дверь, и когда я вошел, - Вам кофе или чай?

- Чай.

Проходит не более чем полминуты и на столе появляется горячий чай, тарелка, блюдечки, чашечка, нож, вилка, и даже маленькая ложечка.

- Битте, битте шен!

- Данке! - и кокетливая официантка уходит.

Через несколько минут она появляется вторично, жадно смотрит на пищу. Нох маль?

- Шенис данке!

И наступает холодное одиночество. Гостиница не отапливается, поэтому сказанное выше можно понимать и в буквальном смысле слова.

Но перейду к существу. После ряда ужасных неприятностей, окончившихся для меня оставлением клуба, я, как утопающий, стал цепляться за любую возможность не попасть в роту. Слухи росли вокруг моего имени. И, нужно отдать справедливость лейтенанту Р. (которого я имел неосторожность даже уважать прежде и который оказался отменным подлецом), постаравшегося в этом отношении больше всех. Ради красного словца он пустил в массы на одной из своих лекций: "Гельфанд, у которого немцы убили родных, теперь фотографируется с немками, хранит их фотографии и гуляет с ними".

Слухи, обычно, занимают. Истина не всегда привлекает к себе внимание, поэтому плохая истина, а равно хорошие слухи в таких случаях, становятся раз в десять большей неправдой.

Кто-то и где-то сказал, что, якобы, мною было выражено недовольство приказом Жукова, кто-то прибавил, что я попросту осудил этот приказ. Нашлись еще более смелые - те заявили, что я агитировал офицеров не выполнять приказ Жукова, и все это с одинаковой выразительностью было подхвачено и послужило

благодатной темой для разговоров "политработников". Более того, оно вызвало целый фураж в людях: "Подумать только, какие у нас есть офицеры, да еще коммунисты?! Почему его держат в партии?!"

И стали говорить на партсобраниях. Для того чтобы речи были эффективнее, а содержание многозначительнее, придумали еще "Из жизни Гельфанда": "20 суток не могли найти в роте", "7 суток был в самовольной отлучке в Берлине".

Парторг управления майор Маломед вызвал меня на беседу. Я объяснил ему, что ничего в действительности этого не было, что все, что носится сейчас вокруг имени моего - ложью, подлостью и лицемерием рождено и не заслуживает, чтобы ему придавали так много внимания.

- Нужно проверить, где источники этим помоям, которые на меня столь незаслуженно пытаются опрокинуть, а вы, не узнав истины, поддерживаете клевету и ее авторов своим тенденциозным отношением ко мне.

- Я вас не привлекаю к партийной ответственности, не накладываю партвзысканий, а только хочу предупредить на дальнейшее. Сигналы есть, последствия будут для вас неприятны.

Я простился с ним - он обещал уточнить настоящее положение вещей.

Но каково же было мое возмущение, когда на второй день на партсобрании им-же были приведены в качестве красноречивых иллюстраций к выступлению те-же измышления, но еще более приукрашенные.

В зале раздался шум:

- Где он? Кто он? - не все меня знали в лицо. И удивительно еще, как он не отважился меня поднять, представить и сделать своего рода экспонатом для изучения.

После собрания я выразил ему свое негодование. Он ласково усмехнулся:

- Это я не столько для вас, сколько для других, чтобы не позволяли себе такого.

- Но ведь вы играли моей фамилией. Гнули, ломали, жонглировали ею.

- Ничего, ты постарайся исправиться и все будет забыто.

- Позвольте, товарищ майор, никогда, никогда не может быть забыто все мною, и если бы не пять суток ареста и предшествующая им самовольная отлучка в Берлин, я бы не побоялся поставить вопрос открытым, дабы, пусть таким путем, вывести на чистую воду всех виновников моих переживаний, вас включая.

Майор смолчал, но через пару дней на партийном активе обо

мне уже говорил подполковник - заместитель комполка по политчасти.

Так разрасталась эта гнусная легенда, становясь в глазах непосвященных в глубину ее сути людей правдоподобной, делаясь тем самым еще более дикой перед лицом справедливости.

Несколько дней, несмотря на неустойчивость моего положения, я не являлся в батальон. С клубом рассчитался, талоны на довольствие в полковой столовой получил, питался и жил себе отдельно, в стороне и страхе. Укладываясь, был готов ко всему, но ни в коем случае не хотел расставаться с квартирой, единственную отраду и спокойствие в которой я находил в беспримерном одиночестве и перелистывании своих бумаг.

Захаров не давал жить. На улице, в столовой, в клубе - всюду, где только не встречался я с ним, он не упускал случая напомнить мне, в самой грубой и надоедливой форме о необходимости немедленно явиться в батальон. Вначале я не знал еще, где зарыта собака, но позднее, когда для меня стало ясно, почему Захаров так настойчиво добивался моего оформления в списках батальона, я наоборот тянул, открыто впоследствии негодуя при виде этого недоросля с заносчивым, самодовольным видом самодура. Наконец мне надоело быть все время в цейтноте и я решил уступить, тем-более что майор еще не приехал из отпуска и надежда остаться при клубе была потеряна для меня навсегда.

В батальоне, когда я брался на учет и продовольствие, мне посоветовали поговорить с представителями демонтажной бригады. Я почти бросился туда, стал проситься.

08.10.1945

Креммен.

Так вот, прибыл я сразу в политотдел. Беседовал с начальником. Он обстоятельно расспросил обо всей моей деятельности. Еще до этого, в ожидании его читал немецкую газету и капитан, представивший меня начальнику политотдела, добавил: "Знает хорошо немецкий язык". Я скромно отнекивался. Ведь будет невежественно агитировать немцев, не умея окончательно гладко и свободно говорить на их языке.

В общем, судьба моя на решении. Завтра в 9 часов я буду представлен командиру бригады, а пока ночевать и мечтать о будущем предстоит в гостинице.

День израсходовал на дорогу, сильно устал, проголодался, но набрался впечатлений досыта, так что "genug" с меня.

Вчера в Берлин ехал на двух легковых машинах и об этой поездке нельзя умолчать.

На трассе у окраины Потсдама я тщетно и долго голосовал. Вдруг на другой стороне дороги остановилась шикарная легковушка, открылись дверцы и мне помахали оттуда рукой. Я подбежал, смотрю - генерал. Потерялся. Вот, думаю, лейтенант, и попался. Теперь не видеть тебе Берлина и не избежать неприятности - начальство, особенно высокое, придирчиво.

- Вы куда едете? - спросил генерал.

"Сказать?" - мелькнуло в глубине сознания. "Что будет, тому суждено!", и ответил, посмотрев прямо в глаза: "в Берлин."

- Как же вас довезти? Я могу доставить вас только до шлагбаума, дальше мы едем в другую сторону, - и кивнул на шофера.

Шофер включил мотор.

Поеду, решил я, обрадовавшись случаю прокатиться в одной машине с генерал-лейтенантом.

Путь был недолог. Я молчал, между тем как генерал беседовал с шофером по поводу указа президиума Верховного Совета СССР о дополнительной помощи семьям военнослужащих, погибших в войне. Внезапно он прервал разговор и, приоткрыв дверцу, сказал: "Ну, вот и доехали! Здесь ходит поезд и автомашин побольше".

Я вышел, преисполненный благодарностью, не зная, как передать ему всю глубину моей признательности. А пока я, маленький, неизвестный человек, не смел надоедать генералу своими восторгами.

- Спасибо, товарищ генерал! Большущее спасибо! - выпалил я, одновременно с движением швейцара, захлопывающего дверцу машины, и отдав четкую красноармейскую честь, застыл в долгом воинском приветствии.

Короткий вихрь пыли поднялся на месте, где только что стояла машина, и разостлался ей вдогонку серой воздушной дорожкой.

Я подошел к шлагбауму. Поезда еще не было, а машины, как назло, редко появлялись на дороге. Пришлось сильно наскучаться в ожидании транспорта. Вдруг на противоположную улицу шариком метнулась маленькая машина, и замерла странно и вопросительно. Вылез шофер, выбрался еще один военный в красной французской шапке, напоминающей что-то Версальское, Парижскую коммуну, Пьера и прочее из старины глубокой. С трудом выговаривая по-немецки, француз-пассажир интересовался дорогой на Берлин. Я обрадовался и сел в машину - хорошо знаю! И мягко понеслись старенькой французской вездеходкой по широкому асфальтированному берлинскому шоссе.

Пробовал заговорить со спутниками, но один с трудом понимал, а другой шофер, отмалчивался - не знал или не уважал немецкий. Молчание оказалось неловким, я жаждал его избежать как можно скорее. Вдруг мой сосед засвистел веселый мотив марсельезы, шофер подхватил. Мне захотелось доставить удовольствие веселым иностранцам, и я запел знакомые и популярные у нас песенки из французских кинофильмов "Под крышами Парижа", "Чилите". Эффект оказался сверх ожидания бурным. Мой сосед чуть не расцеловал меня и вместе со своим шофером восторженно захлопал в ладоши: "Браво, русский, браво!", и больше, я думаю, от удовольствия не смог ничего сказать. Затем они оба подхватили мелодию и мы втроем пели ее, позабыв о языках и званиях.

Машина резко затормозила, остановившись не доезжая до группы русских и американских офицеров, оживленно беседовавших на дороге. Высокий статный американец с двумя звездочками на погонах что-то объяснял нашему полковнику, и тот утвердительно кивал, наверняка не понимая о чем ему говорят. Остальные офицеры почтительно вслушивались в беседу на ломаном немецком, и, видимо, совсем не знали Deutsche Sprache.

Так немецкий язык превращается в международный. Немцы попадают в самый зенит международных встреч и связей, а Берлин становится центром, где сталкиваются людские интересы, обычаи, где оседает и рассеивается человеческая культура и невежество.

16.10.1945

Передо мной почти законченный вид проститутки. У нее и брови подведены, и на губах налеплена помада, и пахнет плесенью и одеколоном. Она не лишена красоты, но рука уродливого художника-пошлости отобрала всю свежесть ее и привлекательность. Тело у нее нежное, груди большие, упавшие, но с твердыми сосками, за которые с удовольствием можно взяться.

Нашел я ее на улице у Александер Платц и узнал совсем неожиданно и случайно. Было еще не очень поздно. Трамваи ходили, и я мог свободно добраться до гостиницы на Weissensee. Но меня вдруг привлекла мысль поискать приключений у входа в метро, где обычно собираются сливки столичной суеты и неприглядности. Торговля, что очень редко бывает, уже закончилась. Обывателей, опять-же, не хватало для хорошей толкучки и всяких Geschafte.

17.10.1945

17.00 по Берлинскому времени. На самой вершине немецкой

Колонны Победы (Siegessaule). Виден весь Берлин. Центр от колонны зеленый - сады, потом здания. Улицы узкие, только две-три широких. Развалины города безобразны.

Решетчатый бронзовый барьер огибает постамент, на котором широко развернулась "Победа" в образе женщины с лавровым венком в поднятой кверху руке.

Искал по карманам что-либо пригодное для надписи на стене в знак посещения этого места и не нашел. Тогда обратил внимание на чьи-то царапины по-английски, ярко выделяющиеся на уже почерневшей сверху бронзе. И у меня возникла идея - ножиком!

Прошло не менее часа, а я все оформлял свою надпись. Еще один человек поднялся на балкон, посмотрел, обошел кругом, сделал сравнение с Москвой, бросил замечание, не лишенное поэтизма, насчет моего марания и спустился вниз. Я все писал. Наконец не вытерпел. Кое-что навел посильнее, в стороне приписал фамилию, спрятал ножик, и бросив последний взгляд на обнаженный до предела развалинами город, пошел на выход. Лифт не работает. Пришлось перебирать ногами, и если утомил подъем, то спуск оказался невыносимым, куда тягостнее, что я почти выскочил с последней ступеньки, побежал.

На Александер Платц приехал, когда уже начало темнеть. Базар "Schwarze Mark" (черные деньги), как его называют немцы, не поредел. Люди суетились и толкались. Воздух прорезали свистки немецких полицейских, крики бегущих людей, гул английских и американских машин; всюду сновали люди в красноармейской форме с красными повязками на рукаве, с выделяющимися на них "КН".

Все решительней подходила темнота, и день неохотно пятился в сероватую величину горизонта. Люди тоскливо поглядывали на бледно мерцающие звезды, только что возникшие, и уходили. Настало время, когда "туристы" и "паломники", топтавшие Александер Платц, вдоволь насытившись его прелестями, разъезжались по всему Берлину и далеко за его пределы, домой.

Теперь немцы не находили сбыта своим товарам и продавали дешево. Я остался на площади, даже когда перестали ходить поезда в метро и когда темное, осеннее небо, досыта напилось звездами.

За 250 марок купил Rasier Apparat (бритвенный электроприбор), дешево достал две пары женских туфель (за 100 и 200 марок) - пошлю маме. Недорого отдал за женские платьица. Зато с пальто меня надули. Утром, когда я к нему присмотрелся внимательно, оно оказалось все дырявое, так, что даже брюк из

него не сделаешь.

В 22 вернулся на Weissensee.

В квартире немецких евреев - семьи Ришовских, задержался совсем недолго. Они угощали меня искусно приготовленными сладостями, поили горячим чаем. На прощание почти вырвали из рук фотокарточки, только накануне полученные в фото Берлина. Из семи видов пять пришлось оставить у них. Сделал надписи по-немецки: "zum anderen" и т.д., крепко пожал всем руки и побежал на трамвай. Но и тот не ходил больше. Тогда принялся останавливать машины. Перспектива ночевки на улице или шестикилометрового марша до "Гранд готеля", где я пишу эти строки, не радовала, и я решил применить все силы и предприимчивость свою, чтобы через час быть в постели. И действительно, мне это удалось.

В "Гранд готеле" заказал горячего чаю. Пил много. И когда наутро собрался уходить, мне насчитали 7 графинов и 12 марок.

19.10.1945

Вчерашний день гостил у Ришовских. Вечером смотрел с девчатами "Кабаретт", а совсем поздно - чаевал и слушал музыку - пение старшей дочери хозяина Эльзы, с которой, кстати сказать, успел обменяться поцелуями.

Bahnhof Weissensee. Начало первого, в пути на Карлсхорст.

Сегодня получу все свои фотокарточки. Времени остается мало, и больше фотографироваться не придется. Хочу попасть еще сегодня в Потсдам, Капут, получить там письма и необходимые мне документы; к вечеру быть снова в Берлине, а завтра ехать домой.

Насчет покупок успел сильно. Предстоит достать еще козырек и фуражку моим будущим начальствующим сотрудникам, радиоаппаратуру и перчатки, погоны и звездочки, но последнее надеюсь купить в Карлсхорсте.

Сейчас еду за деньгами в сберкассу и военторг - Карлсхорст кишит ими. Против меня сидят хорошенькие немецкие девушки и мило улыбаются. Ну как не прерваться?

В немецком театре "Кабаретт" преимущественно выступают акробаты. Особенно поражает и вызывает отвращенное восхищение один подросток, который, подобно резиновой кукле, гнется во все стороны и совершает непостижимое нормально развитому человеку.

20.10.45

Служебная характеристика

На командира минометного взвода лейтенанта

Гельфанда Владимира Натановича

1923 года рождения, еврей, служащий, член ВКПб с 1943 г.,

п/б № 5935860 образование общее среднее, окончил курсы младших лейтенантов при 28 армии в 1943 году, 4 месяца, политического образования не имеет. Участник отечественной войны с 1942 года. Награжден орденом Красной Звезды, имеет одно легкое ранение. Звание лейтенанта присвоено при 3 гв. Армии № 064 от 27.01.1944 г., удостоверение личности серия АГ 000001 № 143002 от 7.05.44 года

Лейтенант Гельфанд Владимир Натанович за время прохождения службы в 4 поре 27 опроса с 6.09.45 года по 4.10.45 года показал себя:

дисциплинированным, выдержанным офицером, политически развит. Достаточно работает над повышением своего уровня, среди офицерского состава авторитетом пользуется, физически здоров, морально выдержан, делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родины предан.

Вывод: должности командира минометного взвода соответствует.

Командир 4 роты
гвардии капитан
/Анисимов/
20.10.45
С характеристикой согласен:
Командир 1 офицеркого б-на майор
/Румянцев/
20.10.45
21.10.1945

Четверть десятого. Берлин. S-Bahn - электричка. Еду на Щетинский вокзал. Там думаю заночевать. А наутро - Ораниенбург-Креммен.

Срок командировки еще позавчера истек и мне боязно было ходить по Берлину - комендатура особенно активничает в выходные дни - много военных. Для меня воскресенье самый плохой день. Все закрыто и даже побриться нельзя. Так у немцев устроено. С магазинами у нас наоборот, но почта и прочие ответственные учреждения не работают. Поэтому денег не перевел.

22.10.1945

В 10 вечера был на вокзале. Стал спрашивать немцев насчет предстоящего пути, каким поездом ехать, где пересаживаться. Одни советовали на Ораниенбург, а оттуда с утра на Креммен, другие, и большинство, советовали на Хенигсдорф. Я уже ездил по одному и другому пути. Первый был длинный, но легче - только одна пересадка. Но склонился на сторону большинства и поехал на Хенигсдорф.

Ехали долго. В поезде было темно и битком людей. Навалило в темноте и давке, но было весело. Обыватели берлинских пригородов болтали о сале, о масле, о шоколаде. Потом перешли на политику. Кто-то женщине крикнул:

- Ты переняла русские привычки! "Du hast die russischen Gewohnheiten ubernommen". Эти слова кольнули прямо в сердце, и я решил не оставлять это незамеченным. Обращаясь сразу ко всем пассажирам, спросил: "Разве русские так уж плохи, и привычки их хуже ваших?" Все зацыкали на ту, которая выронила неосторожное выражение, одни лицемеря, другие из боязни передо мной, а третьи может быть и искренне. Нашлись такие, что ставили русских выше немцев в культурном отношении (и не без основания), приводили примеры и доказательства. Разговор не умолкал до самого Креммена и уже дорогой с поезда продолжался с не меньшим напряжением. Я старался как мог, чтобы утвердить в немцах лучшее мнение о моей Родине, о народе, вызвать уважение к нашей культуре. Не знаю насколько мне это удалось, во всяком случае, они больше не решались плохо отзываться о России, и только одна старуха, заискивающе улыбаясь и подобострастно глядя мне в лицо, тихонько сказала: "А у меня, господин офицер, позавчера "камрады" обобрали квартиру" и замешалась в толпе.

В Креммене было все по-старому, только в квартире произошли изменения. Капитана, который без меня был поселен в квартиру, уже не было, и на его место перебрался сержант из политотдела. Мне пришлось ночевать на полу.

Наутро весь день перекладывал чемоданы. Ожидал неудачи с моей затеей насчет политотдела и готовился, на всякий случай, в дорогу: в батальон или даже обратно в запасной полк. Я сильно просрочил командировку - приехал на два дня позже указанного срока и, следовательно, с начала пребывания здесь не оправдал доверия начальства. Оно могло прореагировать по-своему.

23.10.1945

Все кончено. Свершилось то, чего я более всего опасался и чего с отвращением ожидал. Двери, ведущие на политдорогу, захлопнулись, заманчиво блеснув светлой щелью многообещающего пути. Чтож, буду и дальше тянуть ту же лямку. Судьба творит наперекор мне свое черное дело. Итак, завтра опять все по-старому. Снова командир взвода, снова строевик, и опять, как прежде, маленький Ванька-взводный, не видящий впереди себя никаких перспектив. Неужели для этого я родился и во имя этого рос?

24.10.1945

Креммен. Еще вчера обратился я к майору Иванцову

начальнику отдела кадров.

- Политотделы армии и фронта отказали в переводе меня на политработу. Я снова к вам.

- Ну что ж, идите, раз прибыли, - и, подумав немного, смягчился. - Я сейчас уезжаю в командировку. Придите ко мне поздно вечером, часиков в 10.

Но ни в 22 часа прошлого дня, ни в 9, 12 сегодняшнего, он меня принять не мог. В 13 часов он попросил "подождать немного", и до 16 я топтался в коридоре.

- Ну вот куда я вас теперь пошлю? На что вы способны? Пойдете техническим делопроизводителем?

- А какая еще работа у вас есть? Полегче?

- А вы хотите чтобы ничего не делать?!

- Нисколько, только на первых порах мне трудно будет на новой, не знакомой мне должности.

- Справитесь. Вы грамотный, писать умеете.

И я согласился.

- Пойдите, принесите командировочное предписание и личное дело. Это у капитана, что напротив в кабинете.

Я пошел, радуясь, что мои документы в опросе, по крайней мере так меня информировали в штабе 27 полка. И каково же было мое удивление и растерянность, когда я встретился лицом к лицу с моим потрепанным, гадким личным делом, уже немало жизни и нервов попортившим мне за последние месяцы. Но делать нечего.

С начальником ОК вторично был на приеме у комбрига.

- Ну вот, придется на другой работе показать свои способности. А почему у вас такое личное дело плохое?

Я молчал.

- Товарищ лейтенант, я спрашиваю, почему у вас такая аттестация?! Объясните!

- Меня заставили грабить публичную библиотеку, назначив начальником ее. Мы вывезли более 10 тысяч книг русских с нашими штампами. Это были наши, ворованные у нас книги. Но когда на книгах появились немецкие штампы - я отказался их брать и встретил недовольство начальства.

Немецкий профессор, научный работник русского отдела Академии Наук Германии, в разговоре со мной рассказывал о плане Академии в деле перевоспитания немецкого народа. Он говорил, что все свои будущие труды они будут готовить, пользуясь имеющимися у них запасами русской революционной литературы, которую мы особенно беспощадно забираем...

25.10.1945

Снова непредвиденная случайность забросила меня сюда, к

прекрасной Маргот. Здесь нет ни любезных пощечин, ни щипаний, ни прочих "ласк", как у русской Ниночки, а одна нежность - робкая, горячая, почти детская, простая и чистая. И опять, как и в прошлый раз, в 5 часов предстоит подняться, а к 6 быть на вокзале, кто знает, может в последний раз...

Судьба. Ты меня хранила и миловала, баловала и ласкала. Но нет тебя злей и бессердечней, нет коварней и беспощадней тебя ничего на земле. И сколько твоих самых худших качеств было обрушено тобой не однажды на мое крохотное и незначительное существо!

Завтра пойду на работу делопроизводителем, - какой удел принадлежит мне на 23 году жизни. И все судьба...

Половина первого. Отбой.

26.10.1945

На станции Вельтен.

Против первоначального своего намерения встал поздно. Хотелось вдоволь насладиться ласками хорошенькой Маргот - одних поцелуев и объятий было недостаточно. Ожидал большего, но не смел требовать и настаивать. Мать девушки осталась довольна мною. Еще бы! На алтарь доверия и расположения со стороны родных мною были принесены конфеты и масло, колбаса, дорогие немецкие сигареты. Уже половины этих продуктов достаточно, чтобы иметь полнейшее основание и право что угодно творить с дочерью на глазах матери, и та не ничего не скажет против. Ибо продукты питания сегодня дороже даже жизни, и даже такой юной и милой чувственницы, как нежная красавица Маргот.

Но я вдался в разглагольствование.

Вчера, сразу по приезду, предложил Маргот пойти со мной в кино, и та не посмела отказать. Мать - тем-более. Еще три фотокарточки я получил в подарок и с надписью. Лучшие все пропали, так что достались мне снимки детства девушки. Обещала специально сфотографироваться, но мне вряд-ли здесь снова случится бывать. Теперь между нами будет пролегать, по меньшей мере, 60-80 километров.

А там, в Кремменe, ждет меня хорошенькая, но распущенная Нина, которая на четыре года старше немки и не столь свежа и невинна. Ругается матом, говорит, что "уж привыкла". Сегодня один у нее любовник, завтра другой. Средств моих не жалеет, если ей нужно, и даже старается, чтоб я поболее денег выложил, например на фотографирование. Когда я сказал, что отдал бы 100 марок, если б фотограф назавтра приготовил фотоснимки, она не замедлила это тут-же ему, онеметчив, передать ... Но русская. А это самое сейчас главное, если добавить, что брошена не

примирившимся с ней начальником АХО и сейчас никем еще не занята - очень редкое состояние среди русских девушек. Они все или "жены", или "ППЖ", куда ни ткнись.

Подъезжаем к Креммену. Прервусь. 10 минут десятого. Усатый майор начальник ОК будет ругаться. Поздно.

В 15 часов получил направление в 3 батальон. Приказом зачислен делопроизводителем. Опять нужно начинать все снова, и что особенно важно завоевывать к себе доверие и преданность людей. Этого я не умею. Трудно и несогласно моей натуре. Вечером буду в батальоне и там окунусь (но, верно, не с головой) в "прелести" новой жизни. Буду молчать при людях. Буду писать в газеты и о плохом, и о хорошем. А если не понравится - перетерплю, пока на меня не обратят внимание умные люди (их так теперь мало на свете!) и не помогут мне вырваться из полосы окружающей посредственности.

Креммен. Уже поздний вечер. Только что поужинал, взял аттестат, чемоданы, и жду в прихожей политотдела. В третий батальон машины нет, но один из парторгов подразделения бригады едет мимо города, куда мне нужно прибыть. Он обещал подвезти и вот жду, пока он освободится.

Сильно устал от бессонницы. Клонит ко сну и отдыху.

С Ниной, кажется, все кончено. Она вынудила меня быть откровенным. Высказал ей все, что думаю, и она охладела.

На фотографии мы оказались в самых непринужденных позах. Совсем по-немецки, как на широко распространенных здесь картинках. Снова фотографировались, и когда я принял от мастера 5 марок сдачи, Нина поспешила заметить: "Зачем ты берешь мелочь?"

27.10.1945

Креммен. Еще не уехал. Все жду машину. Вещи все, по-видимому, не заберу сегодня.

Майор Иванцов, увидев меня из окна комнаты начштаба, вызвал к себе и ругал - работа ждет. Начальник штаба заметил, что кто хотел - тот еще вчера уехал. Я не нашел оправданий, а ехать можно было только поздно ночью или на рассвете с 2 до 6 часов. Я не выспался и не выдержал многочасового ожидания в штабе, куда приезжало всякое малое и большое начальство, на малых и больших автомашинах. Сегодня обязательно надо быть на месте. Хватит оттягивать.

Поздний вечер. Остерхаузен.

Прибыл сюда на попутной машине с двумя чемоданами и двумя чемоданчиками. В самую последнюю минуту, когда уже подъезжали к городу хлынул дождь, одев вечерние дороги грязной, мутноватой жижей. Водитель не захотел довезти нас до

места, и метров 800 пришлось идти пешком. Добро еще не один был. Старший лейтенант, прибывший сюда на должность помощника по технике и оказавшийся моим попутчиком от самого Креммена, взял мои маленькие чемоданчики, и мне стало легче.

В штабе застали одного дежурного. Он нас повел сначала к комбату, затем к начальнику штаба, и мы долго еще месили грязь по улицам и огородам, возле домов. Наконец, когда снова вернулись в штаб, застали начальника штаба и были приняты им на беседу.

- Вы знакомы с этой работой? - спросил он меня, когда я рассказал ему о моей прежней службе в армии.

- Нет.

- Так зачем же вы шли на нее, ведь не справитесь, и в лучшем случае вас попросят, если не сказать выгонят, а то и под суд отдадут.

Я слушал и не возражал. Он говорил вполне резонно, и с ним нельзя было не согласиться.

- Ну а с какой работой вы знакомы и сможете работать?

- Наиболее близка мне политическая работа.

- У нас есть должность комсорга, ставка 650 рублей. Я поговорю с комсоргом части, если он согласится, мы назначим вас комсоргом.

На этом разговор закончился. В комнате присутствовала при беседе молодая женщина интересная, прилично одетая, которая, как я узнал позже, была женой капитана.

Сейчас мы ночуем в неизвестном нам доме, на неизвестной улице, так что и выбраться отсюда, особенно до штаба, если возникнет необходимость, нелегко будет ночью.

28.10.1945

Остерхаузен

Розовое утро слегка морозное, но безветренное и безоблачное.

Хозяйка-немка, затаив дыхание, таинственно сообщает, что Америка и Турция вступили в войну с Россией. Об этом она слышала еще вчера после обеда, а сегодня этими слухами полон весь город. Слухи - всегда предвестники событий, и надо ждать чрезвычайных сообщений если не сегодня, то, во всяком случае, на протяжении этой недели.

13.30. Еду обратно. Судьба забавляется моими скитаниями, бессмысленно бросая меня из одного города в другой - ей весело видеть мои мытарства.

Начальник штаба серьезно интересуется моими знаниями в области канцелярской работы, и я откровенно отвечаю, что не

работал на ней, не знаком, но буду прилагать все усилия, чтобы освоить.

- У нас уже есть делопроизводитель. Что вы еще можете?

И после моего рассказа, - ладно, у нас есть должность комсорга, ставка 650 рублей.

И я ушел на квартиру, убаюканный надеждой. Спал хорошо и беззаботно. В десять часов был пробужден звонкими ударами будильника, а в одиннадцать за нами прислали связного штаба. Вместе со старшим лейтенантом был приглашен в кабинет комбата на беседу.

Пожилой майор-"хозяин" пригласил сесть, просмотрел направление и поинтересовался чем я занимался прежде. Скучно выслушал.

- А в штабе работали?

- Нет.

- Зачем же вы не отказались от должности делопроизводителя? Тем-более что у нас уже работает офицер знающий и практически подготовленный. И...

"Ввиду того, что лейтенант Гельфанд совершенно не знаком с работой делопроизводителя, а вакантной должности у нас для него нет, направляю в Ваше распоряжение".

И снова ожидаю автомашину. Мыслями в Кременне, душой в политотделе, а сердцем на гражданке, где-нибудь вне армии.

Кременн. 8 вечера. В столовой перед ужином.

Так в дороге прошло воскресенье. Здесь, прямо с машины направился к начальнику ОК, который, кстати, оказался у входа в штаб. Доложил.

- Вы не захотели сами, испугались трудностей! - И потом, - В парикмахерской давно были?

- Позавчера.

- А постричься забыли? - И дальше - Позовите капитан-адьютанта 3 батальона.

Вернулся вместе с капитаном.

- Нет, вы можете идти!

- А к вам когда явиться?

- Сегодня вы будете в гостинице ночевать? - дал понять вместо ответа Иванцов.

И, преследуемый надоедливой неопределенностью, я вышел на улицу, остановился в тяжелом раздумье, не зная, что делать, куда идти.

В АХЧ на довольствие не брали - "Принесите записку от начальника штаба или майора Иванцова". Лейтенант, с которым находился я прежде, именем начальника политотдела предупредил, чтобы искал квартиру.

Все было против меня, и жизнь от этого становилась тяжелей.

29.10.1945

Сегодня, однако, судьба решила повернуть свою шаловливую рожицу в мою сторону и слегка улыбнуться мне.

Помощник начальника штаба написал на аттестате резолюцию о взятии меня на довольствие, и я получил талоны до конца месяца. Только что нашел квартиру в центре города и определился на работу в транспортный отдел Бригады, диспетчером. На душе отлегло. Утром на работу. Начальник простой, сердечный, помощник вроде тоже свой парень, и остаюсь только я со своим характером. На этом, думаю, кончится нудная история с устройством на работу.

Еще одно хорошее событие - отправил посылку маме - освободился от 7,5 килограмм груза. Да еще поллитра водки у меня украли "друзья", с которыми я жил. За это тоже стоит поблагодарить судьбу. Теперь она лишний раз дала понять, сколь пагубна доверчивость к окружающим.

Половина двенадцатого ночи.

Вчера смотрел концерт немецких артистов в местном драмтеатре. Общие качества характеризуют весь стиль современного театрального искусства вульгарность. В этой связи особенно характерен номер, выброшенный одним из постановщиков: "Женщина моется", в котором он не только отобразил все части тела женского, но и позволил себе, под неописуемый восторг публики, рисовать в воздухе отмываемую выпуклость грудей и полотенцем несколько раз провести между ног - воспроизвести, как женщина, вытираясь, осушает свой половой орган. Несколько раньше на сцене "собачка" подошла хладнокровно и с достоинством к подаренному ей букету цветов, повернулась боком и подняла ногу. В таком положении "она" простояла минут десять, а публика ярилась, визжа от удовольствия и восторга.

Другое характерное свойство немецкого зрителя - любовь ко всякого рода дешевым эффектам и беспринципному легкому смеху. Поэтому кривляние и паясничанье артиста более доходчиво публике, нежели серьезное и вдумчивое выступление.

30.10.1945

Но я еще не работаю. Снова ожидаю. Начальник отдела кадров в третий раз собирается повести к комбригу. И опять моя судьба на развилке дорог.

31.10.1945

Креммен.

Опять делопроизводителем назначают. Сегодня еду в Вельтен на Базу, где буду работать. Комбриг теперь новый. С ним у меня

случился неприятный инцидент, который еще не известно как может разрешиться в дальнейшем.

Комендант управления энергичный, курносый парнишка, сказал мне как-то: сейчас всех ваших хозяев выгоню, комбрига поселю в этом доме. Я не обратил внимания, не поверил. На другой день встал поздно, и только в начале десятого пошел умываться. Хозяйка налила в тазик воды, приготовила стакан и полотенце, а я еще и свое притащил старенькое. Был в нижней рубахе, без фуражки, по-домашнему. Лишь только стал вытираться - входит плотный пожилой человек в свежих, комсоставских брюках цвета "хаки" с красными кантами. Тоже в одной рубашке и с неприкрытой медной лысиной. Здоровается по-немецки. Немцы отвечают, а я молчу - ведь не ко мне относится его приветствие. Смотрит на меня пристально - я на него с любопытством. Кто он таков? Ни разу еще не видел. По-видимому, зам по тылу - думаю, - они все толстые.

- Ну, где же вы остановились? - спрашивает покровительственно.

- На верху, на третьем этаже.

- А мне комендант говорил, что нашел вам квартиру...

Кончаю туалет, забираю все приборы и быстро выхожу их кухни, а в голове та-же мучительная дума: кто он таков?

Посреди дня в штабе узнаю о прибытии нового комбрига. Подполковник Генкин сдает дела и остается заместителем по технической части. Еще позже вижу - поднимается наверх в сопровождении подполковника Генкина, начальника штаба, заместителя по строевой и других лиц ОН! Аж заколотило у сердца. Добро еще, что не знает моей фамилии, ведь Генкин - тот уже морщится при упоминании обо мне и говорит, что понял мою политику.

Сегодня в конце завтрака он зашел в столовую, увидел меня:

- А вы, товарищ офицер, почему так поздно кушаете и не на занятиях?

Я молчал. Он еще два раза переспросил.

- Уезжаю в Вельтен, товарищ подполковник.

- На какую должность вас там назначают?

- Делопроизводителем.

- Вы уже две недели болтаетесь здесь, не так ли?

- Так, - поспешил подтвердить я, опасаясь, чтоб не вспомнил большего.

- Вы не хотели сами там работать?!

- Не совсем так, товарищ подполковник.

- Не говорите, я знаю все. Я понимаю, почему вы оттягиваете с устройством на работу!

Через 20 минут получил предписание и уже давно должен был быть в пути, но подожду до обеда, чтобы не топтаться бесполезно возле штаба и не мозолить глаза.

Ночью захотелось увидеть Нину, позвать ее на концерт, что в городском театре, прижаться к ней.

Тихонько, сразу после ужина поднялся на третий этаж, где сейчас в маленькой конурке, обитает моя красавица. Взялся уже за ручку маленькой дверцы, чтобы открыть, как вдруг услышал мягкий мужской голос нежно перешептывающийся с женским, едва долетающие до меня. Глянул в щелку и отшатнулся: на коленях какого-то мужчины сидела моя Нина, снисходительно глядя в его лицо. У меня не хватило выдержки до конца проследить эту сцену, разобрать лицо незнакомого мне человека и видеть красивую головку случного животного, какой мне отныне представилась эта девушка. Больше я ее не знаю. Последнее отрезвляющее средство судьба злорадно испытала на мне вчера.

Вельтен. Орудийный завод.

В город на бригадной машине попасть не удалось. Но я торопился и, остановив немцев, доехал с ними до пункта в трех километрах от Вельтена и оттуда пошел пешком.

В центре и на окраинах никто не знал что за "База" и, тем более, где она размещается. Тогда стал искать комендатуру. Не доходя до нее встретил майора - заместителя комбата по политчасти. Получил у него направление.

Артзавод, где размещается База, очень далеко от города. Пришел, когда уже было совсем темно. Большие деревянные бараки летнего устройства. В каждой комнате 2-3 офицера. Беседа с некоторыми выявила много неприятных вещей: скука, строгость начальства и прочее.

Дежурный встретил меня любезно - новый человек здесь редкость, и беседа с таковым приносит удовольствие. Командира части не было, тогда пошел к зам. по строевой - майору. Он внимательно выслушал меня, когда я рассказывал о своей трудовой деятельности, смотрел мои стихи, интересовался. Очень отзывчивый, чуткий и проникновенный человек. Он сразу понял характер моих устремлений и постарался пойти мне на встречу.

- Должность делопроизводителя - низкая должность. На ней нет роста. Я бы посоветовал другие должности: помощник начальника транспортного отдела. Помощник начальника или начальник АХЧ, помощник начальника склада. Я поговорю еще с командиром базы и к завтра будет насчет вас решено.

Потух свет, когда я выходил от майора. От моего фонарика он отказался.

В коридоре встретил капитана зам. по политчасти. Он рассказал о своих лозунгах.

01.11.1945

Заводской пригород Вельтена (1 километр от города).

Пожелал увидеть все, что относится к политической работе и культурному развитию комсомольцев. Лозунги и плакаты висели повсюду.

02.11.1945

Обратил внимание на граматические ошибки и отсутствие знаков препинания в текстах. "Пойдемте со мной," - потащил меня капитан на улицу через весь ряд бараков, - "в ленкомнатах бойцов нужно проверить, а я три класса закончил, мне трудно контролировать."

С карандашом в руках бегло осмотрел, исправил ошибки и посоветовал художникам переписать заново наиболее неудачные места. Вошел командир роты и стал оправдываться, извиняться: "Видите ли, это начало, ошибки поправимы, все делают ошибки, тем-более молодые парни-украинцы. Здесь был комбриг, сюда приезжала комиссия и даже похвалила нас за оформление ленинских комнат. А вы откуда прибыли, не из политотдела?"

Его поторопился успокоить капитан: он прибыл к нам работать, а сейчас я попросил его помочь нам.

Поздно вечером ко мне постучался майор-заместитель: пойдемте к комбазы.

Долго выбирали втроем наиболее подходящую мне работу. Остановились на транспорте. Ставка 700 или 750 рублей. Должность - инженер-капитана, а справиться с ней будет легче, чем со всякой другой.

- Пока вам нечего делать - транспорта нет. Вы ознакамливайтесь. И особенно я вас попрошу помочь выпустить стенгазету и оформить плакаты к Октябрьским дням. И учтите, что возможны перемещения. Мы посмотрим как вы поворачиваетесь, как справляетесь с работой. - Заключил комбазы.

Я вышел довольный собой, начальством и новой работой. Это было еще позавчера, в день моего прибытия. А вчера ездил за вещами в Креммен. Не хватило бензина, и мы пробыли там до вечера.

Встретился с лейтенантом-политиком, с которым так неудачно поселился и который меня обобрал. Что еще он похитил - не знаю, но бросилось в глаза исчезновение водки и запертая от меня половина шкафа - видимо он что-то перепрятывал, причем сержанту доверил ключ, а мне нет. Увидев меня в столовой, он впервые не поздоровался и поспешно

проскользнул в другую комнату. А сержант - тот продолжает прикидываться невинным, и даже позволил себе спросить, почему я не оставил фуражку, которую обещал ему прежде.

Когда заехал за вещами - к Нине не зашел, но, думаю, та и не особенно была заинтересована в этом. Полагаю, она найдет себе более "достойную" пару. Пропащая она девка...

04.11.1945

Вельтен.

Судьба опять подарила мне удовольствие - еще одну поездку в Потсдам-Капут, Берлин-Хенигсдорф-Вельтен.

На все отводилось мне мало времени - полтора дня. Но сколько самых разнообразных, самых свежих и самых неожиданных впечатлений вынес я из своего внеочередного рейса по уже знакомым и проторенным местам-дорогам. Не передать! Но попробую.

Темно и сонливо повсюду - и в комнате, и на дворе. До двух часов ночи не спал накануне - перекладывал. И теперь так не хотелось подниматься, идти навстречу этой серой холодной неизвестности. Телу хотелось тепла и отдыха, уму - пытливому, неспокойному и тревожному - впечатлений.

Машина уже стояла во дворе завода (орудийного), где сейчас живу и работаю. Шофер устал ждать, и пока я одевался, отчаянно гудел сигналом, не щадя аккумулятора.

05.11.1945

Я сильно пьян. Все здесь переплелось. С моей затеей получилась крупная неприятность. Я не сумел удержать в груди черную тайну моего преступления и выложил откровенно майору Корнееву. Он передал командиру базы, и дело зашло слишком далеко.

Зачем я участвовал, ковырялся в болоте этом? Но ведь и предать-то ему старшего лейтенанта нельзя было. Он бы опозорил мою часть. Я должен был его выручить, пусть я наравне с ним теперь виновен. А болтать лишнее - это ли не глупости?! Я тогда еще не выпил, когда проболтался.

Комбазы и его зам. - очень справедливые и умные люди. Они, если тоже хотят погулять и повеселиться, то только за счет своих собственных денег. А мы-то, дураки, на мелочи размениваемся.

Так своим откровением я потерял авторитет у начальника.

Если бы я сидел - я бы написал больше, но рука трусится от трамвая, а мест нет.

06.11.1945

Хайликезее.

Праздничные дни, подготовка к ним в особенности сильно попортили мою репутацию в глазах начальства.

Началось с военторга. Начальник АХЧ никак не мог прикрепить к нему свое хозяйство. А ведь нужно было - особенно к праздникам. Тогда он попросил меня вместе с ним съездить, выпросить:

- Ты еврей и майор тоже еврей, тебе с ним легче договориться.

На самом деле совсем напротив. Судьба и злосчастная природа лишили меня красноречия. И вообще, обычно все мероприятия, в которых мне случается участвовать, непременно не имеют успеха. Но в данном случае мне повезло. Нам посоветовали ехать в Потсдам за получением разрешения на прикрепление к военторгу, без которого все труды и старания бесполезны.

Перспектива замечательная. Я намекнул о своем желании съездить в главное управление торговли. Старший лейтенант Юрченко (начальник АХЧ) с радостью подхватил эту мысль, подкинул начальнику. И вот опять я получил командировку, хлеб на дорогу, и захватив с собой привычный маленький чемоданчик и плащ, поднялся в кабину машины.

Выехал в 7 утра, а в 12 был в Потсдаме. Все на попутных машинах. По дороге-шоссе длинной вереницей тянулись красные узкотелые автобусы, до отказа груженые детьми. Я насчитал машин пятьдесят. Было интересно знать, куда и зачем едут дети на английских машинах, и когда у моста случился "затор" - подошел, поинтересовался. Оказывается, добрые великобританские джентльмены-дядюшки принялись создавать курорты и лечебницы для бедных, невинных немцев. Всего отправлено на поправление более 50 тысяч детей и предстоит еще не одна отправка.

В Вельтен вернулся благополучно. Был голоден, намерзся. Сразу направился в столовую. Там было весело - пели все дружно, и командир базы майор Скорокин был душой коллектива. От него исходило столько жизнерадостности и веселья, что и все радовались, глядя на него.

Было настроение грустное, но когда выпил, сразу забыл о горестях и неудачах житейских. Хлебнул порядочно, грамм 600, после этого вдруг позабыл себя, и не могу по сию минуту отчетливо вспомнить дальнейшее.

Офицеры не умеют пить. Напившись, теряют самообладание и свой авторитет. Всю ночь хлопанье дверьми, базарная ругань, драки и крики.

07.11.1945

Берлин, по дороге на Хайликезее, в электричке.

Мой праздник в дороге. Пусть утомительна моя поездка,

пусть временами я голоден и на ветру и морозе нахожусь, все-же мне доставляет удовольствие то богатство впечатлений, которое повсеместно окружает меня в пути. Бывают неприятности, бывают хорошие знакомства, разговоры, наблюдения.

Сегодня, например, два особо знаменательных события врезались в мою память и неотвязно грызут воображение. Нет, вру! Еще длинная цепь происшествий тревожит меня, никак не желая оставить бесследно во мне то, что имело место произойти.

Сразу по приезду в Вайсензее я обратил внимание на двух офицеров, которые, крепко напившись, безобразно себя держали на большой людной улице (Берлинерштрассе). Особенно меня возмутил и обидел поступок старшего лейтенанта, который с дикими ругательствами бросался к одной немке, чем обращал на себя недовольные взгляды прохожих. Я поспешил вмешаться в назревавший конфликт и успокоить наших людей.

- Достань нам водки, лейтенант! - обратились они ко мне, уже позабыв о немке.

Я вспомнил о своей бутылке и пообещал им ее продать, при условии, что они перестанут ругаться и бушевать на улице, и вообще уйдут куда-нибудь.

Обошлось не без выгоды для меня - я выручил полторы сотни марок, продав за астрономическую цену, по сравнению со стоимостью водки в военторге, и на эти деньги купил любимых шоколадных конфет.

Дом, где живут Ришовские, был наглухо заперт, и оттуда не показывался ни один человек. Была странной такая перемена. На дверях висела немецкая надпись, которую я не мог разобрать и терялся в догадках.

Решил, что всех выселила комендатура. Пару раз крикнул: "Ау, Хельда!", но никто не отвечал и не показывался в окнах здания. Тогда попросил ребятишек покричать. Они неохотно выполнили мою просьбу - немцы, от стара до мала, сплотились против "страшных русских" из комендатуры, являющихся для них "самим дьяволом". Дети видимо и меня причислили к этой категории военнослужащих.

Тогда я начал усиленно тарабанить в двери, заранее понимая, что подобные меры обречены на провал. И все же мои старания увенчались успехом: в окно выглянули, меня впустили.

Вообще, они пройдохи. Не додали 30 марок опять. Я решил для них больше ничего не покупать. Потребовать неудобно, а так слишком разорительно для моего кармана бросаться деньгами и продуктами во имя чьего-то обогащения.

Хельда - огромная баба с широкой грудью и коровьим лицом. Уродина, хотя полагает, что довольно хороша.

Пришел капитан, угостил водкой в знак благодарности за привезенные ему из Берлина папиросы. Я охмелел и потянулся в столовую. Там плотно закусил, подкрепился, а когда разошлись офицеры, взялся продолжать записи в дневнике.

Вдруг пришли Юрченко и К?, пьяные. Не успел я спрятать дневник, как Юрченко попытался его у меня выхватить, рванул, и разорвал один лист свежий.

- Ты думаешь, я не знаю, что ты пишешь?! Ты про меня треплешь языком! Смотри, скажи еще что ни будь, поболтай! - и сжал кулаки.

Я отвечал спокойно, ибо не хотел поднимать шума. Но тот не унимался.

- Завтра передам тебе склад, будешь зад лизать!

Я не выдержал, хмель заговорил во мне сам:

- Нет, дорогой, никогда я не пойду на это дело, ибо не стану воровать и обманывать!

Тут он вскипел, схватился за пистолет, попробовал ударить рукояткой. Я уклонился. Тогда он, наставив на меня пистолет, потребовал или уйти, или "пристрелю жидка!".

Я спокойно повернулся, предоставив судьбе свой затылок. Офицеры его схватили за руки, уговорили спрятать пистолет.

Вышел я, разгорячившись, побежал прямо к майору в кабинет, доложил обо всем. В это время на улице раздался выстрел.

- Вот дурак, - покачал головой командир базы и пошел со мной выручать дневник.

- Это мой! - нагло заявил Юрченко - не отдам!

- Но пойми, даже конституцией разрешено иметь человеку свои мысли и записывать их у себя.

- Все равно не отдам!

- Тогда прикажу тебя связать. Вызвать дежурного! - обратился к солдату, и пока тот побежал выполнить приказание, Юрченко сам возвратил дневник, предварительно отпустив по моему адресу несколько тяжеловесных матюгов.

А возле казармы, где живут бойцы, в это время собрались люди. Оказалось, два сержанта из комендатуры приехали на автомашине за нашим лейтенантом, который, якобы, избил немку. Часовой пропустил их в расположение. Они догнали лейтенанта уже у казармы, и когда он стал уходить, дважды выстрелили вверх. Сбежались солдаты, и поднялась карусель.

Сержанты из комендатуры были пьяные, за немкой ухаживали сами, а гонялись за тоже выпившим офицером - из ревности. Дело уладили очень просто: развели участников инцидента в стороны, сержантов отправив домой.

Но вернусь к Берлину.

Когда я стал расспрашивать, зачем они заперлись uberall, меня посвятили в "секрет дня". Оказывается, предусмотрительная комендатура в ожидании неприятностей приказала немцам: "В дни праздников, когда русские будут пить и гулять - запирать двери на все запоры, чтобы военные не могли врываться в дома и бедокурить там".

В связи с этим мне вспомнилась статья в "Правде" или "Красной Звезде" за 27/XI сего года "Клевета по команде". О своих соображениях лучше умолчу. Только обидно, что люди кровью не раз защитившие свои завоевания, теперь наносят большой ущерб своим поведением за границей нашей международной политике. И то, что завоевывается дипломатами ценой больших усилий ума, в один раз разбивается здесь неосторожной выходкой безмозглого пьянчужки, волей случая не выгнанного еще из рядов оккупационных Советских войск в Германии. На мой взгляд, никакая статья так не убедит иностранного обывателя, как действительно благородное поведение всех наших людей, такое, как это требует наша партия, как учит т. Сталин и как надлежит воину-победителю, а не чванливому босяку с улицы. А всех паршивых выродков нужно безжалостно выкорчевывать, изгонять из нашей среды как недостойных представлять великую Советскую Державу за ее пределами.

На Александр Платце "черного базара" не было. Комендатура старалась изо всех сил. Вся площадь контролировалась зоркими патрулями, которые то и дело неоднократно и на одном месте проверяли документы, беззастенчиво требуя их у офицеров на глазах немцев.

Те не раз мне говорили: "Мы такого не видели, чтобы солдат контролировал офицеров, отбирал у них документы и даже арестовывал".

Мне нужно было что-либо купить. Но как это сделать? И я догадался почистить сапоги. Меня тот-час обступили, предлагая товары, выглядывающие из-под полы. А я стоял, точно ничего не замечая, и смотрел, как хорошеют мои сапоги в умелых руках чистильщика.

Несколько раз разгоняли толпу, несколько раз подходили и смотрели на меня солдаты с надписью "КН" на рукаве, один раз даже их командир - офицер. Но придраться было не к чему.

К этому времени я уже успел купить рубашку, кожанку, три пары носков мужских, перчатки. И когда я почистил свои "штифель", чистильщику предложили убраться подальше.

Вдруг бросилась в глаза большая толпа на другой стороне улицы, у площади. Там раздавали листовки. Рядом какой-то

церковный хор под аккомпанемент баяна пел хвалебные гимны Красной Армии, Советскому Союзу, и так странно все это звучало в устах немцев.

У киосков и просто на стойках и в корзинах продавались газеты. Каждый получивший свежую "Zeitung" немец, прытко бежал на трамвай или метро, весело размахивая газетой, где с первой страницы смотрели на купившего ее великие вожди наши Ленин и Сталин. Да, только здесь, за рубежом, можно понять сколь велика и авторитетна наша страна.

Купил газету немецкую. Бросил, как поощрение, церковному хору пять марок, прощальным взглядом окинул серый, трепанный А. Платц и уехал на 60 номере в сторону гастронома и Ришовских, на Вайсенсее.

Перед тем, как покинуть Берлин, зашел в ресторан купить папиросы капитану. У самых дверей ко мне бросился немец, мыча и жестикулируя, схватил меня за рукав и не давал войти, пока его не оттолкнули. Это был тот самый глухонемой, у которого я как-то ночевал с месяц назад. Я его сразу узнал, но не мог понять, чего он хотел от меня. Интересно было, хотя и очень неудобно перед людьми с ним связываться.

Когда я вышел, он опять ко мне бросился. Я дал ему пачечку конфет. Он взял, но стал просить, а потом и требовать еще денег. Широко жестикулируя, он показывал, что голоден.

10.11.1945

Выходной день. Скука съела целиком. Выдали еще по одной бутылочке. Долго не хотел пить, но не вытерпел от тоски, одиночества и бездельничанья. Слегка тряхнул с двумя офицерами. Потом пришли новые товарищи и заместитель начальника базы майор Корнеев.

Играли на гитаре, а тоска не ушла из сердца. Уже темнеет и день на исходе, а ничего нового, ничего хорошего.

13.11.1945

В этот день старший лейтенант ***, был напоен Юрченко до потери сознания. Пришел домой, не могя ворочать языком и сразу вырвал. Было часов 10 вечера.

Спать не хотелось, и взялся за писанину, но мой сожитель поднял крик:

- Туши свет, спать буду! - и я решил уступить, дабы не поднимать шума.

Потушил, при свете фонарика стал раздеваться. Старший лейтенант задремал, но вдруг проснулся, поднялся с постели, и подойдя ко мне, стал требовать уйти из комнаты.

14.11.1945

На лекции лейтенанта из политотдела. Того самого, с

которым жил прежде в Креммене. Теперь я впервые слушаю, как он читает. И, признаться, разочарован крайне. По его словам выходило, что он первоклассный лектор, но сейчас передо мной попросту малограмотный заика... "В то время, когда Плеханов был гениален..."

*** любит военную форму. Носят даже к гражданской одежде, о войне имеют совсем другое представление, чем мы и даже считают ее необходимостью. О поражении: проклинают поход на Россию, а за затеянную бойню не раскаиваются нисколько.

В трамваях на правах рекламы наши лозунги и плакаты на немецком языке. Английских и французских нет.

"Staatsfeiertag der UdSSR" - что означает этот лозунг на стене трамвая - не знаю.

Веддинг. Скелеты страшные. Улицы еще не везде убрали от кирпича, да и мыслимо ли разве убрать? Совсем разбитые дома сваливаются и до основания убираются прочь. Создается еще более некрасивая картина. Отдельные дома высятся среди пустых мест как непрошеные гости-великаны. Безотрадно, но по заслугам. В жилищном строительстве забота, главным образом, о внутреннем устройстве, а не внешней красоте зданий.

Берлинцы много и везде читают. Но что они читают? Я интересовался содержанием читаемых ими книг - ни единого всемирно знаменитого автора, даже Гёте редко попадается. Мишура всякая.

1 час ночи.

Как-то в поезде, когда я возвращался из Берлина в Вельтен, меня спросил сидевший напротив меня немец неожиданно и серьезно: "Германия будет снова большой и сильной?" От выводов я воздержусь, ибо вопрос сам столь циничен, что комментарии и ответы ничего не дадут.

В Креммене я зашел в парикмахерскую. Побрился и заглянул в отдел, где делали завивку. Там было много женщин и девушек. Электрический ток сейчас проявляет капризы, поэтому многие из них не имели возможности своевременно завить волосы, томясь в большой очереди теперь.

Стал разговаривать и, между прочим, заметил: "У вас так тепло, что здесь можно спать". Это слово молнией кольнуло всех и они, как по команде, переглянулись, улыбаясь.

16.11.1945

Выпил. Юрченко не хочет совсем портить отношений. Капитан Лебедев очень смышленый человек - он умно руководит Юрченко.

Сегодня дежурный. Не много пил, но хорошую мысль потерял безвозвратно. Пришла в голову за ужином, но сейчас тщетно

силюсь вспомнить.

Опять письма отложил "до завтра". Дневального крепко предупредил на всякий случай.

Часы побил сразу из столовой.

Немка обещала прийти завтра. У нее горячая грудь и молодое, податливое тело. А я со своей жаждой ласки скоро утону в море любви или болоте пошлости. Есть только эти два выхода.

17.11.1945

Я опять в центре событий. В два часа ночи, проверив посты и изрядно выпив у Юрченко уже по второму разу, лег в одежде, пытаясь заснуть. Но было трудно, помня о своих обязанностях. Так пролежал около часа, когда в комнату постучал капитан Лебедев.

- Вставай! - провозгласил он, переступая порог и спотыкаясь при этом на обе ноги. Был пьян еще больше моего, но пришел меня будить, хотя я и не спал.

Подыматься сильно не хотелось, и я попытался уговорить его уйти к себе. Но водка разгорячила человека, сделав настойчивым и упрямым. И как это ни странно, теперь я ему благодарен за пьяную выдумку, за назойливость в прошлую ночь, и вот почему.

Едва я оделся, чтобы успокоить капитана, который доказывал мне некстати о том, что он будет начальником, что разгонит и накажет половину личного состава и что меня возьмет своим помощником, но будет требовать работы и исполнительности и многое прочее; а потому, как будущий хозяин части, он уже сейчас может требовать, чтобы я был на своем месте... На улице поднялся крик и шум. Я выбежал навстречу неизвестности, которая обернулась для меня неприятностью крупнейших размеров, со всеми остальными роковыми последствиями.

Свет потух, и в темноте я заметил не сразу начальника Базы майора Скорокина. Только по голосу догадался что это он, и поторопился (именно поторопился!) доложить и представиться ему как дежурный. С той минуты весь гнев и все гонения майора обрушились на меня так, что я и опомниться не успел до самого рассвета. А ругаться действительно следовало. Знаменательно только то, что фокусом преломления всех безобразий и нарушений внутри службы явился я, и никто иной. И, как назло, при моем дежурстве майор приехал выпивши (начальство пьяным никогда не бывает), был сердит и придирчив к всякого рода нарушениям внутри части.

В эту ночь ему бросилось в глаза все, что он раньше, по-видимому, не замечал: и паутина нескольких месяцев давности, и битые стекла, и мусор во дворе, сор в помещениях, и многое,

многое еще.

Наконец, он начал проверять посты. В одном месте наткнулся на спящего красноармейца (я перед этим, когда шел в уборную, проверил посты и все было в порядке), отобрал, как водится, у него винтовку, долго ругал его и караульного начальника и затем не придумал ничего лучшего, как поставить меня на пост вместо проштрафившегося красноармейца. А мне не привыкать еще со времен офицерского полка: стал и замер, примкнув холодную винтовку к груди, как святую.

- Видите, кто стоит на посту? Офицер! - внушал он солдату. - А почему стоит? Из-за таких вот разгильдяев стоит!

Долго ругался, а когда устал, приказал карначу сменить лейтенанта и прислать на пост другого красноармейца. А того, который уснул - посадить на двое суток строгого.

Карначу влетело, что сменил меня и не доложил, а мне начальник влепил пять суток при солдатах, да еще при таких обстоятельствах, как в ту ночь.

Всю ночь не спал майор Корнеев, которому тоже попало. Несколько раз прибегал в офицерскую казарму, в столовую и просил чтоб был порядок, ибо начальник снова может прийти, так как не спит.

Наутро была совершенная тишина до тех пор, пока начальник не отоспался. Но как только он появился в расположении - снова ходуном заходило все, и суета охватила Базу. Но теперь начальник уже не кричал, а спокойно и деловито указывал на недостатки.

- Какая разница в человеке - заметил я майору Корнееву, - вчера и сегодня: небо и земля.

- Вам предстоит генеральный аврал совершить сегодня! Учтите, если не уберете всех помещений, не наведете должного порядка в подразделении - у вас дежурство не примут. Я решил начать с вас! (это мне).

И целый день шла генеральная уборка помещений.

После обеда еще одно событие доставило мне изрядно хлопот. Юрченко поругался с майором Корнеевым, и дошло до драки. Пришлось вызывать караул, но пока бойцы пришли, все утихомирилось. Я опять увлекся всеприведением в порядок и чистоту, месяцами не соблюдавшуюся на территории завода.

Однако не смотря на порядок небывалый, все было забраковано.

22.11.1945

3 часа ночи.

Женщина. Ну что с ней поделаешь? Она старше меня на три года. Полюбила меня с первого разу и так сильно, что я даже

напившись, не смею умолчать об этом.

Уже два часа ночи. Я снова у себя на дому.

Ну чем виновата моя юность, что произошла война и мы очутились в Германии? А я без любви обойтись не могу, мне нужна ласка, жизнь, мне нужна любовь.

23.11.1945

Фюстенберг.

Вчерашний случай из памяти неизгладим. Женщину встретил на улице, когда было уже темно. Она шла с подругой и на вид показалась мне интересной. Обе обознались, приняв меня за другого знакомого им офицера, но я подозвал их к себе и почти без возражения привел к окну своего барака. Сам вошел в комнату, потом долго беседовал с ними через окно.

Одну, которая мне понравилась (было темно, и я не мог отчетливо рассмотреть ее лица) прижал к себе (было холодно, и у нее обледенели руки), стал согревать теплом и лаской. Другая, быстро поняв что ей надо уйти, сказала, что печальна роль свидетеля чужой любви и распрощалась. Вдогонку я заметил, что не могу любить одновременно нескольких.

Пригласил в окно, на что она согласилась после минутного колебания. Хорошего я подумать о ней не мог, в особенности после того, как она сама и первая спросила: "Ты не болен?". Было ясно, что пришла она только из полового влечения и лишена чувств и совести. Но мое мнение оказалось преждевременным, хотя упрочнялось с каждой минутой нашего разговора.

В коридоре шумели и стучали дверьми. Стенки легкие, через них хорошо все слышно, и потому говорили шепотом. Ей это не нравилось, она собиралась домой и уговаривала отпустить. Безусловно, этого не мог я сделать, иначе какой же я мужчина?!

Соседи услышали наш разговор. Выдумать ничего нельзя было, и пришлось посвятить их в таинство. После этого они то и дело спрашивали: "Ты уже?", и когда я отвечал, что еще и не начинал, - смеялись, уверяя, что если я их пущу, они сделают все, как полагается и гораздо быстрей.

Кто-то потянул за дверную ручку. Потом послышался голос майора Корнеева (мне сразу показалось майора Скорокина): "Где Гельфанд?", и ответы офицеров: "Я его видел в городе, он шел домой", "Я его только что встречал в коридоре". Попросил немку вылезть и подождать за окном, пока я переговорю с майором. Она моментально исполнила мою просьбу.

В коридоре офицеры в один голос уверяли, когда я спросил, кто и зачем меня искал, что пришла батальонный врач старший лейтенант и хочет осматривать половые органы. Всех уже осмотрела. Поэтому, дескать, и искали меня и спрашивали.

Майор Корнеев, когда я к нему постучался, сказал, чтоб обождал. Остался ждать, терзаясь нетерпением. Вдруг подошел капитан (зам. по политчасти), повел меня к себе, и заставил написать характеристику на одного нашего офицера. Я не мог отказать, ибо полагал, что он догадывается о моем "темном деле".

Когда освободился - снова постучал к майору, спросил, зачем вызывал.

- Я вас не вызывал - ответил он, - но если вы хотели со мной поговорить, - прошу подождать, так как очень занят.

Отлегло на сердце. Вернулся к себе. Аукнул. Женщина подошла, и я впустил ее durch Fenster. Долго потом шептались. Она тешилась поцелуями, а мне целоваться отвратно было, и я отворачивался.

Надо было поесть. Я вынул маргарин с медом, закрыл дверь, на этот раз вместе с немкой, и сам побежал в столовую.

Суп с лапшей и холодный чай. Ужинать не стал - только набрал хлеба несколько кусков - и к себе. Мое поведение показалось подозрительным и присутствующие высказали ряд предположений, проигнорированных (к их досаде) мною.

Пришел, включил свет. Она лежала в той же позе, в какой я ее оставил. Подзакусили с шепотом и страхом перед посторонним вмешательством. Я разделся при свете фонарика (она просила свет не включать).

Говорила о евреях с отвращением - знакомила с расовой теорией. Лепетала о красной, белой и голубой крови. Меня это раздражало, во мне все протестовало и вызывало возмущение невежество этой и других молодых немок, о чем я не замедлил ей сказать. Я даже пытался убедить ее, что у всех людей кровь одинаково красная и горячая, где бы они ни находились, и что басни о, якобы, "благородной арийской крови" - сплошная выдумка и мракобесие бездарных фашистских теоретиков типа Розенбера. Но она не могла этого понять.

Я плюнул и лег. Она легла рядом в одежде, обуви, и никакими силами нельзя было уломать ее последовать моему примеру.

- Я должна посмотреть: сегодня между нами ничего быть не может - я не для одной ночи девушка.

Пробовал ее убедить, что искренне ею заинтересовался и уделить ей рад все минуты свободного времени, но она сомневалась:

- Завтра у тебя будет другая, ты удовлетворишься сегодняшней ночью и меня бросишь.

Уговаривал и попутно действовал, пытаясь стянуть одежду. Добрался до груди, исщипал все тело под рубашкой...

25.11.1945

Вельтен.

В кинотеатре "Film Palast". На экране среди реклам - "Rauchen verboten" - курить воспрещено.

Посмотрели журнал "Новости дня" на русском. Слишком быстро он пробежал, и затем началась картина "Воздухоплаватель", кажется. По-немецки "Luftformann", а русского названия припомнить точно не могу по рассеянности своей.

Сижу посредине между двумя сестрами-немками. С одной из них, Ингой, я, было, начал крутить, развлечения ради, но когда пришел к ним домой - меня увлекла ее сестра Люци. И вот опять как прежде меня терзают сомнения: на чью сторону отдать целиком свое внимание и симпатию. До сих пор я делюсь вниманием с Ингой, но вся нежность моя на стороне Люци - она простотой своей и невинностью покорить сумела мое сердце.

Третья девушка красивее их обоих, но развращена до предела и уже успела заболеть от Гайдамакина венерической болезнью. С ней не стоит вязаться грешно и опасно.

В самом интересном месте потух свет и кинофильм остановился. Зал освещает одна лампочка. Темно и пишу при свете фонарика. А там, в расположении, возможно, меня ищут. Предстоит дежурство, но только не знаю сегодня или завтра.

06.12.1945

Креммен. В поезде.

Уже много дней нахожусь здесь. Выходные и вчерашний день Конституции целиком заполнены работой по погрузке транспорта со складов комендатуры и лесозаводов Креммена. С 8 до 8 работаем. Бойцы хорошие, но мягкотелые.

Сейчас дали нам женщин и девушек города. Всего 50 человек и среди них только с десяток мужчин. С ними очень трудно, тем более что они уклоняются от работы любыми способами. Девушки, например, обольщают моих солдат глазками и улыбками, на какие только они способны. Бойцы тают и никакими словами нельзя привести их в чувство. С вечера мужественно и решительно обещают быть требовательными и даже злыми, но утром меняются, и я никак не могу изменить их отношение к молодым красивым немкам. А ведь все были в рабстве немецком, большинство испытало ужасы фашистских концлагерей и застенков. Впрочем, некоторые хранят о немках хорошие воспоминания. Так один из бойцов показывал мне фотографию одной немки ...

12.12.1945

Креммен. 24 часа.

Девушка мне приглянулась еще давно, в бытность мою "кандидатом в политработники" здесь при Бригаде. Я нечаянно увидел ее в парикмахерской города и с тех пор стал частым гостем этого предприятия. Там всегда было полно людей, говорить нельзя было, и только беглую улыбку, да в сердце крадущийся взгляд ловил я на ходу в минуты посещения парикмахерской.

Она работала ученицей по завивке перманента, или, как его здесь называют, локона. Лицо у нее было юное, взгляд бархатный, мягкий и красивый, но руки, видимо от непосильной работы, полоснились и покрылись прыщами.

Дня три тому назад мне посчастливилось ее увидеть на улице, узнать ее имя, возраст, и даже проводить домой. На крыльце, где мы остановились, она пожала мне руку, прижалась ко мне и щеки ее зардели. Тогда впервые мы поцеловались.

На другой день в назначенный час она впустила меня в квартиру. Мать была заблаговременно подготовлена, и несмотря на свой дурной нрав отнеслась ко мне хорошо, хотя и настороженно.

В следующий раз, когда я пришел, Маргот плакала. Мать сердито смотрела на меня и исподболобья на девушку. Я был сконфужен и обозлен одновременно. С одной стороны было неприятно, что я оказался виновником семейной распри, а с другой досадно, что эта скверная старуха-немка издевается и угнетает своим Schimpfen невинную ни в чем девчонку. С трудом успокоил одну и другую, а про себя решил не приходить больше в квартиру эту.

Однако, на следующий день, получив доппаек, побывав в Вельтене и вернувшись в город, опять решил попытать счастья и любви.

Но не затем я родился, чтоб быть счастливым. Мать обрадовалась продуктам, как и ожидал я накануне, но своим поведением и алчностью она убила во мне всякое терпение и отравила во мне столько чувств, что даже симпатия моя к девочке погасла наполовину.

Я отдал ей полную баночку с жиром и предложил пожарить картошку, чтоб потом с нами вместе поужинать. Она схватила ее обеими руками, выложила содержимое на тарелку и, затем вылизала ложечкой и пальцами банку насухо. На сковороде уже плавала какая-то жидкость и я, подойдя с ножиком, отрезал слой жира, который принес, и уже хотел было бросить в сковороду, как старуха встрепенулась, подлетела ко мне, и вскрикнув как одержимая, кинулась отнимать его.

- В чем дело? - удивился я. - Warum?

Она объяснила, что это для нее останется на завтра и на другие дни, а сегодня мне придется кушать ее жижу.

Меня это не устраивало. Я знал, что порядочные люди так не делают, и потому возмущению моему не хватало границ, но я сдержался и улыбнувшись, точно ничего не произошло, все-таки вбросил кусочек жиру в сковороду, что заставило немку закрыть глаза и охнуть.

Стал умываться принесенным с собой мылом - она попросила. Отрезал кусочек, - она ухватилась за него всеми пальцами и крепко сжала, точно боясь, что отберу. Когда покушали, я предложил всем выпить чаю. Старуха стала уверять, что у нее нет ни чаю, ни кофе. У меня оказалось какао. Отдал ей всю плитку, и она тут же спрятала ее, отломив в чайник, по алчности своей, чуть-чуть заметную дольку. Я выложил мед, угостил сестренку Маргот, потом предложил ей самой. Она отказалась. Тогда мать цинично приказала бери, почему отказываешься?! Тебе жалко?! И мне стало совестно за себя, что я пришел в этот дом и унизился до чаепития со старой негодяйкой, пусть даже матерью красивой девушки.

Но я продолжал сдерживать себя и уговаривать (впрочем, особенно уговаривать не пришлось) Маргот выпить чаю, поесть меда. Дал ей ложечку меда. Она съела сразу и какао пила уже несладким. Я спросил ее, зачем она так делает, но мать не дала ей ответить и за спиной шептала: "Бери еще, еще".

Она съела две, потом четыре ложечки, и опять пила какао несладким. Меня это возмущало, тем более что я чувствовал, что все это она делает, чтобы угодить матери, кушая мед.

Старуха тоже постаралась себя не обидеть - схватила большую столовую ложку и набрала полную, опустошив одним приемом.

Когда трапеза окончилась, я спросил насчет погонов - можно ли их обшить красными кантами, но получил в ответ, что сейчас некогда - много работы.

- Хорошо, - заключил я, - отнесу мастеру табак, и тот мне выполнит эту работу к середине дня.

Старуха всполошилась.

20.12.1945

Старший лейтенант Шпейпельтох все больше наглеет. Сегодня он был здесь на заводе, и не смотря на то, что знал о моем тут нахождении, не захотел меня видеть на месте, а передал "приказание" через моего красноармейца: "Пускай лейтенант явится в мой отдел и ждет там, пока я не приду!"

Я, конечно, не сделаю ни того, ни другого. Ведь это вызов! Какой-то прыщеватый юноша смеет заявлять подобное, да еще

передавать через бойцов.

23.12.1945

Про меня говорили матери в моем присутствии, когда я был еще маленьким - его девушки будут на руках носить. Тогда мне не верилось, я думал, что все преувеличивают, считая меня красивым.

Когда я стал подростком и учился в школе - был застенчив, необщителен, робок, и мои ровесницы охладевали, не успев вспыхнуть. Мне не везло в любви. За все время войны я познакомился ближе с любовью и наслаждением, но ни разу не испытал ни того, ни другого, хотя успел многим и многим, большинство из которых мне теперь совсем неизвестны, вскружить голову.

Впервые я познал женщину только после войны в Берлине, да и то лишь потому, что она сама вызвалась на это. С тех пор на моем счету пятеро, из которых трое приходятся на Берлин, двое - на Вельтен. Причем одна из этой пятерки - проститутка с Александер Платц, другая - трипперная (удивительно, как только я не заразился!), третья была противна, четвертая - ... и говорить не хочется, и лишь один случай с женщиной запомнился и пришелся по вкусу. Вот такая "любовь"...

Сейчас меня рады не то что на руках, но и на голове носить. Но я сам отталкиваю своей расплывчатостью, непоследовательностью. Мой вкус, как вкус борзой, мечется, ищет и не находит. Чего ему нужно? Одних я сам бросаю, другие от меня отшатываются, третьи любят, но боятся близости, а четвертые просто стесняются показать свою испорченность предо мной.

Пятеро сами признались, что трипперны, иные оказались замужними, а были и такие, которые со мной соглашались спать, и спали даже, но наотрез отказывались посвящаться в таинство.

28.12.1945

Вчера никуда не ходил, не видел ни одной немки, а все время был занят составлением отчета за период с 6 числа по сегодня.

Старший лейтенант Сергеев - плотный, медлительный мужик, с добродушным слоновьим лицом. Он умеет быть сосредоточенным как камень, и тогда ни за что его не собьешь с той мысли, на которой он остановился. Он малограмотен, неуклюж и толстобрюх, но практический опыт и житейские навыки много помогают в работе ему. Он безобиден, спокоен, и не выходит из того, редкого сейчас в человеческой натуре, равновесия, которое делает его уважаемым всюду. Человек простой, недалекий, он занимает, тем не менее, ответственный пост на Базе ему доверено секретное делопроизводство,

оперативная и штабная работа. Сюда прислал его майор Скорокин для составления и оплаты счетов на имеющиеся на обоих заводах бревна и доски.

Я - молодой и, как мне стало казаться, интересный человек, с неровным характером, обидчивый, как сильно натянутые струны, порой замкнутый в себе и глубоко таящий переживаемые неприятности, обиды в своем сердце; с черными бархатными глазами и любящим жизнь сердцем - считаю главными достоинствами моей личности.

Во мне все есть: и скупость, доходящая до мелочности, достойная, пожалуй, и скупого рыцаря и жадного торговца с большого рынка, и, вместе с тем, щедрость, простота и расточительность, не имеющая себе прецендента. В один день я могу израсходовать то, что порой хранилось мною годами, а потом, после этого, буду опять бережлив, пока снова не найдется причина для расчета с тем, что до того было ценно и значительно в моем воображении. Так во всем. Я не последователен в своих действиях, планах. Мое время не знает планирования, а труд - системы. Мои мысли зависят от настроения, моя работа - от обстановки, но и не от нее одной. Я слишком подвержен влиянию среды и мнение окружающих имеет для меня важную роль, хотя редко, даже от умных и порядочных людей, можно услышать искренние в полном смысле слова.

Чутко реагирую на все человеческие тонкости, не в силах выносить несправедливость. Иногда готов на большие дела, и всегда у меня хватает и пафоса, и красноречия, и силы ораторской и воли для начала, но редко начатое довожу до конца - терпение ослабевает, тухнет инициатива, и затеянное быстро успевает опротиветь, в особенности, если встретит критику или насмешку, пусть даже несправедливую и злую, пусть даже пустую и несерьезную.

Одна только мысль и одна надежда, при всей неспособности к длительному и аккуратному труду, неизменно не покидает: быть литератором и быть знаменитым. Сегодня я еще далек от осуществления хотя бы первой половины этой своей мечты, но величина честолюбия и воспаленное воображение мне рисуют нежный, сильный и прочный, горячий и музыкальный мундир поэта, в который, как мне думается, должен непременно облачиться, созданный природой я, созданный на жизнь и горе, жизнь и горе бесконечные.

29.12.1945

Сегодня работу закончил в 20.00. Подняли горы материалов и совсем замучили владельца и директора первого и второго заводов. Сами тоже устали.

В техотдел сам идти не решился. Пошли вместе с Сергеевым. Подполковник не ругался - он собирался куда-то в Берлин.

Еще утром встретил начальника политотдела майора Шабанова. Он попросил зайти к нему.

30.12.1945

Креммен.

Я опять одинок. Живу на отшибе. В театры, рестораны, кафе и на квартиры к немкам появляться запрещено, - русских девушек подходящих нет. Ежедневно с 8 до 10-11 вечера брожу одиноко по улицам, потом возвращаюсь домой, читаю газеты, пишу что-нибудь и, разочарованный жизнью, судьбой и людьми, ложусь спать.

Так-же и сегодня. Посетил одну девушку, оставил ей сигареты, обменялся взглядами, улыбками и приветствиями с ней и родителями, и ушел восвояси. Покрутился у театра. Там опять демонстрировали "Музыкальную историю" - наш фильм, но на немецком языке. Я его впервые увидел позавчера. В России, еще до войны, мне так советовали посмотреть этот фильм, особенно девочки-соученицы и Ольга Михайловна:

- Ты очень похож на героя фильма - уверяли они.

Но все обстоятельства собрались вместе тогда, чтобы помешать мне ознакомиться с кинокартиной. И вот, впервые в Германии... Странно и печально до некоторой степени, но факт неоспоримый.

Мне он понравился и сегодня днем. Я пробовал договориться о пуске его у себя, но дорого обошлось бы это удовольствие - 150 марок. И комната, к тому же, слишком мала, а другую (40 метров длиной) не легко сыскать от глаз комендатуры. Затея сорвалась.

Теперь стоял у окна клуба, где немцы слушали и смотрели сокровище нашего искусства, наслаждаясь музыкой и песнопением героев. Потом заскочил в ресторан - там веселилась и танцевала немецкая молодежь.

В офицерском "Казино" выпил две кружки пива, пошел, наткнулся на женский смех и осветил фонариком лица - все три отвернулись и завизжали. Дал по сигарете каждой и убежал в темноту.

И вот теперь уже раздетый. Время 12 часов, даже больше. За окнами прыгает снег, стучится-радуется в стекла. Зима опять хочет быть сама собой, и каждой липнущей и подглядывающей к окну снежинкой, уверяет, что она зима, а не плакса степная, и что отныне она не допустит больше ни дождей, ни слякоти, ни мокрого серого ветра, а будет бела и сурова.

1946

05.01.1946

Вельтен. 12 ночи.

И вот опять, событие за событием... больше неприятных и скучных.

Меня направили в Креммен на лесозаводы. Там два их в моем распоряжении. Работы не так много. Квартира хорошая.

В последние дни меня стали навещать даже немки, так что я почувствовал себя веселей и счастливей. И все бы не беда, если бы не один негодяй из технического отдела, выскочка и подлец по фамилии Шлепентох, старший лейтенант. Он еврей, и тем более обидно, что он шкурник и клеветник. Шофера рассказывают, что когда он ездил по заданию в Россию, то захватил с собой две автомашины различного имущества, а ведь нисколько не воевал - только собирал по тылам богатство, завоеванное нашей воинской кровью. Он и не скрывает, что обогащался во время войны, даже гордится и хвастает своими приобретениями. А я-то топтался по шелку и золоту, но бои не позволили барахольничать и родители мои по-прежнему, если не больше, бедны и несчастны.

Теперь этот сморчок с грязной бородой и ехидными, плюгавыми глазками, позволяет себе матюгать меня, командовать мною, и кляузничать майору и подполковнику Тульчинскому. И те ему верят, не утруждая себя проверить так ли все в действительности, и последние два раза буквально выставили меня за дверь.

Сегодня докладывал майору. Он как всегда мне не верит, и заверяет, что Шлепентох-де работает, а я нет. Так, правда, на стороне подлецов.

В три часа дня, когда закончил оформление акта и написал два рапорта, по поводу меня лично касающихся вопросов - решил ехать. Было грязно и сыро. Дождь проникал всюду, он был нескончаем и противен. Ему безразличен был я, и мне хотелось как можно скорее прервать свидание с сырым ненастьем, пронизывающим отовсюду мою душу и тело. В этот миг я позабыл и о Кучеревой Инге, с которой порвал вчера вечером, после того, как застал у нее в квартире нескольких военных; и о картине, которую смотрел в вельтенском кинотеатре уже несколько позже нашей размолвки. И к несчастью моему эта немка оказалась совсем неподалеку от меня, и уже без военных - видимо бросила их, - но слишком поздно: я решил до конца испытать величину своего самолюбия.

Я ехал навстречу ветру, навстречу... впрочем, время мне показалось невероятно длинным, и только вечером (в 4.30) когда уже стемнело, я, увидев знакомые очертания домов и улиц, первым шагом своим нанес визит к прекрасной вдовствующей Кристине.

- Ein schone Waldemar!

Начальнику базы

Майору Скоркину

5.I.46 г.

РАПОРТ

Прошу Вашего распоряжения о выдаче мне личного оружия, так как по условиям моей работы мне часто приходится быть одному в ночное время вне пределов Базы.

Пистолет у меня отобран в в/ч 1052 с.п., 301 с.д., 9 корпуса, 5 ударной армии, I Белорусского фронта, в день моего отбытия в 27 опрос, о чем имеется пометка в удостоверении личности с печатью, за подписью начальника арт. снабжения.

Лейтенант Гельфанд.

06.01.1946

Креммен.

Эта девушка поистине достойна любви и уважения. Она старше меня на год и уже имела мужа, с которым прожила не более 13 дней, но сохранила при этом свою девственность и красоту. Она человек в полном смысле этого значения, хотя и женщина, и немка, хотя и работает в театре, где очень трудно сохранить моральную чистоту особе ее пола.

Но только одно несчастье против нас обоих - ее родители. Когда, после первого посещения моей резиденции на Отто Штрассе она задержалась здесь до утра, мать категорически запретила ей сюда являться, и теперь мы вместе изыскиваем разные способы, включая обман, чтобы быть вместе.

Я побыл у них недолго. Ко мне обещали прийти девушки-немки, и я торопился их встретить. Их визит намечался на 6.30 вечера, а уже было почти 18, то есть 6. У отца Кристины был день рождения и она, как любящая дочь, сокрушенно заметила, что отцу нечего курить. Это был предлог, на который я охотно отозвался, решив пожертвовать еще одной пачкой сигарет ради только минутного время провождения наедине с девушкой. Мать категорически отказалась пускать Кристину со мной ко мне домой даже за сигаретами: "Найн, найн, найн!" Отец не возражал, и даже напротив, настаивал, чтобы она со мной пошла. После продолжительных препираний перевес оказался на стороне большинства, и Кристина вторично одарила меня нежным смехом, горячим поцелуем и ласками, уже у меня в квартире.

Мне всегда приятно с ней, и любой вопрос, как бы он щепетилен не был при ней не становится пошлым, ибо она как ангел, все обожествляет подле себя.

Люблю ли я ее? Нисколько! Да и могу ли я ее любить по-настоящему, как, например, нашу, родную девушку из СССР? Нет,

просто я ее безумно уважаю за чистоту и девственность, ценю за человечность, преданность и постоянство, симпатизирую ей за ее красоту и свежесть, за белизну ее тела и ласковость души. Но что хвалить? Ведь это похоже на оправдание. Наверно и действительно я хочу отогнать от совести, страшную истину моего увлечения.

Сейчас все говорят со злобой и негодованием о людях моей природы, а между тем сколько случаев времяпрепровождения для одной ночи. И самые главные протестанты и ненавистники больше всех усердствуют в разврате и бесстыдстве. Но пусть кричат они и ударяют себя в грудь, пусть клянутся в своей неискушенности и незамаранности - я им не верю. Человек, он всегда человек, и не может терпеть душевного заточения - одиночества... Но я забираюсь в философию, и это уж слишком для моего, не вполне заточенного карандаша, и, следует, думается, остановиться на точке-избавительнице. "Как бы чего не вышло" - нестареющая щедринская формула.

Через десять минут я проводил Кристину домой вместе с ее подругой саму Кристину мать больше никуда не пускает по ночам, хотя ей и 23 года.

Вернулся, ожидал. Никто не явился, и я счел себя самым одиноким и несчастливым. Долго всматривался в черное окно, но оно было все также темно и безответно. Время показывало седьмой час, и секундная стрелка нетерпеливо прыгала на часах.

Вышел во двор оправиться, когда услышал женские голоса у парадного подъезда здания. Немного удивился почему там оказались женщины, но решил, что они пришли к хозяевам дома, и, бросив косой луч фонарика в их сторону, быстро погасил его, собрался уходить. Женщины отошли от ступенек и закопошились в кустах. Решил - оправляются, и мне еще неловче стало от моего присутствия здесь и в этом месте. Я совсем прильнул к земле и не смел шевелиться. Вдруг они выросли передо мной, и молодой девичий голос спросил по-немецки, где здесь лейтенант. Я был в теплой плетеной косоворотке с железным замком на воротнике, и меня трудно было ночью узнать. Я еще раз осветил лица, почувствовал в них знакомые очертания, и, схватил за руку ту, хорошенькую, визита которой я дожидался не раз, и ради которой принимал ее подруг и одного парня, обещавшего мне ее привести. И вот неожиданность: пришли сами, в такую темень, не побоялись, причем обе ни разу еще не были у меня.

Она вздрогнула, испугавшись моего прикосновения, тогда я осветил и себя. Она вскрикнула "Вольдемар!" Мы пошли в дом. Здесь первый раз я прильнул к ее губам, потом прижал крепко, и, хотя она была моложе Кристины взгляд ее был тускл и холоден, а

сердце билось как-то совсем фальшиво.

12.01.1946

Креммен.

Только что вернулся с кино. Смотрел вторую серию "Петр I". Сильно увлекательно! До двенадцати часов досидел и не заметил, как время успело убежать.

Выразителен Меньшиков - Жаров, силен и размашист Петр - ***, Екатерина немного неестественна, совсем не та, грозная и, вместе с тем, умная женщина, какой я знаю ее по ее дневникам и воспоминаниям. Прекрасна сцена беседы Петра со столетним старцем, триумф Арапа, встреча первого обладателя Екатерины *** со своим бывшим фельдмаршалом...

Но некогда об этом, ведь мне завтра в Берлин, Потсдам. Снова, снова знакомые места, жизнь, мир свой и чужеземный как на ладони, прелести и грязь земного шара наших дней.

Я счастлив еще раз увидеть все то, что за два месяца успел забыть и выбросить из головы, так как незачем было думать о безвозвратном. Мне нужно посмотреть Берлин, ведь я его так мало знаю! Но время ограничивает мои возможности.

С посылкой опять несчастье. Ее не приняли, так как на адресе указано "До востребования", а ведь незадолго перед тем я ее переупаковывал - было 11 килограмм 100 грамм, и уплатил пачкой сигарет только за то, что мне ее зашили.

14.01.1946

Потсдам, гостиница.

Берлин почти не изменился. Жив "Шварцер Маркт" на Александер Платце и филиалами на всех улицах и перекрестках, в домах и коридорах города. Полны праздной публики кафе и рестораны, тесны трамваи и автобусы. Суетливы улицы и надоедливы трамвайные остановки, где не дают покою попрошайки: взрослые и дети, богатые и бедные - все просят и просят.

В Потсдам приехал поздно - в 8 вечера - задержал торг: купил фотоаппарат, часы, две ручки, фуражку - половину из того, что наметил. Обошел фотоателье и был у художника. Фотографировался и оставил для увеличения свои фотографии.

Фотоаппарат немецкой марки "Акфа". Квадратный, черного цвета под вид целлулоида. Редкий по внешнему виду. Линзы сверху не видно - она внутри. Светосила слабая, примерно 7 на 7. В одном месте краешек надломан и грубо прихвачен клеем в месте соединения двух половинок аппарата - он складывается из двух частей. Защелки с двух частей белые - цвета стали. На них написано по-немецки "Zu, Auf".

Аппарат держится на одной защелке - другая сломана.

Имеются две стальные втулочки для примитивных установок на выдержку и моментальную съемку, светофильтр, два видоискателя для продольных снимков и поперечных. Оконце с красным стеклом, через которое можно следить за передвижением кадров пленки, без прикрытия - оно сломано.

Аппарат работает пленкой 6х9 на деревянной катушке. Внутреннее устройство аппарата очень простое, хотя наружный вид внушает невольное уважение своей необычностью.

Ришовские меня встретили с восторгом и упреками, почему я не был так долго. Меньшая, 15-летняя дочь Марьяна - самая милая и самая приятная. Старшая Ильза - терпима, но средняя - надоедлива и привязчива до невозможности, причем худа и лишена фигуры. На улице она беззастенчиво строит глазки, когда я попадаюсь ей навстречу взглядом, гримасничает, чем ставит меня в весьма неловкое и опасное положение.

Здесь воли больше. Часто можно встретить в самом центре военнослужащего К.А. и немку под руку, или обнимающегося с ним. В кино и театры доступ открыт без разграничений, а рестораны немецкие всегда заполнены офицерами. Солдат здесь, правда, реже увидишь. Им труднее в Берлине и его окраинах. Зато немцам здесь воля вольная: круглосуточно разрешено ходить по городу и уже не проверяют по квартирам патрули.

H. Rischowski Weissensee,
Linden-Allee, 51.
16.01.1946
Хеннигсдорф.

Опять ночевал у Маргот. Она мало изменилась: хорошенькая, но руки у нее покрылись прыщами, и она расцарапала их по всему телу, и теперь я немного брезглив, но не настолько, чтобы оставить ее совсем.

Сейчас я пишу, а она смотрит. Уж очень интересно ей знать, а мамаша ей говорит:

- "Denn du kannnst ja nicht lesen" - как будто может сама. Сейчас я целую Маргот при мамаше - раньше она не позволяла дочери поздно засиживаться со мной. Перед тем как лечь спать, я даже договорился с девушкой, чтобы она пришла ко мне в полночь - слежка и надзор матери - препятствие, послужившее отсрочкой для вкушения всех сладостей сна, и близости с ней.

Раньше она скрывала точную дату своего рождения, говорила, что ей 18, а вчера мать и дочь поочередно признались, что девочке всего-навсего 16.

Майор Скоркин, видимо, не доволен моей поездкой. Все говорили, чтобы я поскорей шел к нему, так как предстоит поездка в Потсдам, для прикрепления нашей Базы к военторгу, но

я, в беседе, не напомнил ему об этом.

17.01.1946

Сегодня в Креммен прибыл старший лейтенант (я забыл его фамилию) и предъявил записку, в которой содержалось требование майора Корнеева, немедля сдать лесозаводы и прибыть в распоряжение помощника начальника Базы по технической части. За мной прибыла машина, и я погрузил все вещи и велосипед.

И вот снова Вельтен. Немного жаль прежнего, спокойного одиночества, воли вольной, степной и природной. Но, пусть его, - так суждено, и потом, здесь не может быть плохо.

До 12 укладывал свое барахлишко - бумаги. Сейчас пол 1 ночи. Спать нужно.

18.01.1946

Берлин. Вайсензее.

В Креммене пробыть много не пришлось - одну ночь. Утром выглядывал в окно и бросился в глаза, следовавший по дороге старший лейтенант из техотдела. Я, было, подумал, что контролировать явился, потому, что уж очень внимательно он всматривался в содержимое лесозавода, изучал на ходу с интересом.

- А ну-ка, сбегай, - сказал я моему бойцу Жийкову, самому смекалистому из моих помощников, - не для проверки ли прислан он?

Мгновение, и боец был на дворе, встретил офицера, и последовал вместе с ним по дороге.

Меня терзало любопытство, и, чтобы поскорей от него освободиться, я выскочил во двор, навстречу неожиданному посетителю. Он поздоровался и тот час же вручил записку, в которой подписью майора Корнеева официально предлагалось мне сдать лесозаводы старшему лейтенанту, а самому поступить в распоряжение капитана Ануфриева.

Через час машина была во дворе. Второпях собрал чемоданы, постель, прочее движимое имущество, содрал со стен и уложил в вещмешок фотопортреты и был готов. Не успел ни с кем попрощаться, даже фотокарточки у фотографа забрать не смог. Лишь только со счетами рассчитался, а расписку разорвал и разбросал по всему городу, когда проезжал машиной.

Майора Скоркина в Вельтене не застал. Корнеев хотел, чтобы я съездил в Потсдам, прикрепил к военторгу Базу, но сам отпустить не решался. Тогда наутро я обратился к капитану Ануфриеву. Он снова напомнил о работе, и что прежде я должен разрешить вопрос с обмундированием.

- Все документы у меня на руках, пройдет не более двух дней,

как я вернусь и приступлю к работе.

- Ну, езжайте.

И, даже не дождавшись продуктов на дорогу, я сел на велосипед.

В Хеннигсдорфе я снова заехал к Маргот.

21.01.1946

Шенвальде.

В Берлине задержался надолго. Приобрел радиоприемник, материал на шинель и многое другое.

Но теперь уже пятый день моего отсутствия из части. Что скажет начальник, и что я ему отвечу?

Вчера, когда ехал на Шпандау, еще в трамвае, разговорился с девушками-лейтенантами, из той самой воинской части, предназначения которой и Beruf, так и не знаю по сей день. Они уговорили меня поехать с ними в цирк, и до 7 вечера время было потеряно. Поздно возвращался на станцию, и все четверо меня провожали и грели "мальчика", обхватив со всех сторон. На память надписал каждой открытки, с изображением красивого мужчины, и тепло распрощался, пообещав баловать весточками.

До О. Дорф в тот день, и даже сегодня, добраться не пришлось. Поезда, автомашины и автобусы перестали ходить. Было уже 11 вечера, когда я приехал в Шпандау. На трамвае доехал до шоссе и там пешком. Через 2 километра пути углубился в густой лес. Светлый диск луны серебрил землю, старательно пробиваясь сквозь крону деревьев. Было немного страшно одному и без оружия. Лес тянулся вдоль дороги, и, казалось, бесконечна его мохнатая непроглядность.

Где-то сзади вдруг послышались женские голоса, зазвучала вихрастая песня. Я не знал дороги дальше и решил остановиться, подождать, чтобы расспросить ее у подорожных певунь. Они тот час насторожились, засуетились, однако с песней не расстались, только мелодия стала робкой и прерывистой. Их было четверо. Когда уже были недалеко от меня, вдруг поменялись местами, и я заметил скраю англичанина с широкой грудью, испуганным лицом, напряженной поступью и заложенной в карман кривой рукой. Мне показалось, что он пьян, и я осторожно, чтоб не потревожить его нерв, касающийся, бесспорно, спускового крючка пистолета в кармане, спросил дорогу на О. Дорф. Мне показали, наперебой объясняя маршрут.

Лес, отступивший перед деревней, снова потянулся далеко вдоль шоссе. Теперь я снова остался один и движение веток хрустевших на ветру и на холоде от шагов моих, подхватывалось и разносилось колючим, холодным ветром. Я старался неслышно ступать по обхваченной холодом земле, но выходило как раз

наоборот: мои шаги кошмаром грохотали в ушах, обгоняя меня в движении.

Впереди блеснула красная фара велосипеда, как будто приближающегося мне навстречу. Стало легче. Вдруг яркий луч прожектора вырвался из темноты и на мгновение ослепил меня. Когда автомашина проехала, велосипед исчез из виду и больше нигде не появлялся. Стало опять тревожно. Как никогда почувствовал цену жизни, в душе ругая себя за небрежное отношение к ней. А лес нигде не кончался. Я шел уже почти бегом - хотелось вырваться из этого сгустка тревожных ощущений.

Где-то замелькали огоньки. Их становилось все больше, и они оживали на глазах, мигали, манили и веселили душу. И деревня мне показалась не столь отдаленной, как было на самом деле. Она была рядом (я не чувствовал километров), ибо жизнь и свет неотделимы от моего существования.

Лес, однако, тянулся дальше, и только через пол часа нетерпеливой прогулки я вырвался в каменную двухэтажную деревню, которая долго, подобно пройденному лесу, не выпускала меня из своих улиц.

На окраине достиг регулировочного пункта. Там простоял часа два. Был выходной день, а шофера не любят лишать себя отдыха, начальство тоже, и, тем более, свято блюдущие свои "зонтаг" немцы.

Случайно подвернулась "гулящая" машина - доехал до следующей деревни, еще 10 километров пути минусовав из своего маршрута. Но впереди было еще много идти, и решил остановиться до следующей "попутной".

До Вельтена было 15 километров, до Хенигсдорфа 7, а до Креммена, по той самой дороге, на которой меня застала ночь - 32. Я растерялся: куда и как я шел, если после более 20 километров пути до О. Дорфа, оказался по-прежнему близко к Креммену, Вельтену и Шпандау. Немцы советовали ехать в другую сторону, говорили, что там Шпандау и О. Дорф. Другие, наоборот, указывали "форвертс". Но машин больше не было, хотелось спать, и было холодно.

В сторожевой будке контрольно-охранного отделения, где стоял часовой красноармеец, прикорнул возле печки. Разбудили какие-то женщины, принесшие уголь. Боец посоветовал переспать до утра, и женщины отвели меня в комнату, где спали солдаты. Они потеснились, уступили мне койку. Лег, не раздеваясь, и сразу уснул.

Наутро встал рано. Ребята попросили подождать завтрака, и я уступил их уговорам. Поел с ними плотно, но машины все не

было. Пошел пешком и еще километров 10 проделал в это утро. На дороге стали тарахтеть легковушки, появились и грузовые. Я вышел на широкий шлагбаум. Но никто не хотел посадить, а тем более остановиться на полном разбеге. Я шел, ругаясь на всех шоферов и иже с ними, бесчувственных встречных и попутных негодяев, так нахально мчащих мимо, но это не помогало. И только маленькую коптилку немецкую мне удалось остановить и подъехать на ней еще несколько километров.

Теперь до О. Дорфа было недалеко.

Шофер хотел закурить и остановил машину. Довез до самых ворот с высокими белыми львами наверху. Я ему дал пачку сигарет и поблагодарил крепко. Наконец-то я был на месте!

Предстояло еще немало хлопот, и первым делом я выяснил, что ни одна канцелярия, ни одно учреждение кроме библиотеки и читальни, в этот день не работали в полку.

Ночевал в комнате отдыха на диване, скорчившись, не раздеваясь. Было жарко, и я долго не мог заснуть, вспоминая и раздумывая о своей дороге.

Полк не изменился. Люди в нем тоже - скандалы и ругань, самоволки и безответственность - характерно. Люди убивают свой день, ждя вечера. Заболеваемость венерическими болезнями стала массовой: не держат ни решетки, ни проволочные заграждения - прорываются и ездят в Берлин и его окрестности. У входа в лагерь контроль сильный: несколько офицеров всех рангов, до подполковника. Все спрашивают куда, зачем, и тщательно проверяют документы.

Смотрел кинокартину "Морская пехота", ленинградской студией сработанную. Не очень сильная, но интересная вещь. Офицеров развлекают, но их тяготит застенок, в котором их хотят удержать.

Много старых знакомых. Меня узнавали, а я не всех - память проклятущая!

Вещевую книжку получил быстро и легко, хотя вполне свободно мне могли ее не выдать, ведь прошло столько времени.

В голове росли дурные мысли: был шестой день моего отсутствия из части. Как отнесутся майор Скорокин и капитан Ануфриев к этому? Может и на работу не примут больше и отошлют в Бригаду, тогда я потеряю свою комнатку и хорошую службу - мне нравятся моя такая жизнь и работа, в разъезде, в впечатлениях, в движении.

В Берлин приехал на попутной. Слез возле толкучки, что возле Рейхстага, походил с краю, чтоб легче было избежать облавы. Кое-что купил (ручку, батарейки) - и деньги вышли. Тогда решил продать часы, что купил у Ришовских, офицеру-товарищу с

которым приехал с полка - он едет домой. Продал по той же цене, что и купил. И снова появилось в кармане 1,5 тысячи марок.

Было холодно и клонило к вечеру. Мне надоело замерзать на улице, тем более что в дороге меня внушительно продуло, а я без шинели и без шапки зимней. Привык, не болею и не коченею как прежде, до войны, при первом осеннем ветерке. Но организм человеческий не железо и чувствителен к холоду все же.

Трамвай сбросил меня у гастронома, и я в последний раз (так решено), остановился у Ришовских. Кушать отказался, да и они настаивали не сильно. Быстро собрал вещи, поехал.

Болгарина Димитрова, у которого оставил приемник дома не оказалось, и в Вельтен вернулся без моей, столь желанной музыки.

Меня не ругали, никто даже не укорил. Только спрашивали, привез ли я книжку, и когда говорил что привез, были удовлетворены.

Видя мои удачи в любом намеченном мероприятии, майор Скоркин предложил готовиться еще в одну командировку.

25.01.1946

Берлин.

И вот снова я в Берлине. Вчера зашел к девушкам, с которыми познакомился в Рейхстаге. Просидел почти до 11,5 ночи. Они умные, развитые, но не интересные в том смысле, в каком я понимаю это значение.

Спал хорошо и много, в гостинице, где сейчас пишу эти строки.

Только сейчас зашла большая, красивая горничная и принесла ситро. Попробовал ее посадить на стул, но она спешила "работать". Через минут десять, снова пришла, улыбаясь и закатывая глаза. Я осмелел, сразу подошел к ней, обнял. Она слегка сопротивлялась. Я рассмотрел крестик у нее на груди и опустил руку ниже. Лифчика не было, и отпор оказался столь слабым (видимым, я бы сказал) что мне сразу удалось вытащить на свет божий, поочередно, груди. Она только склонилась, как бы в обмороке, и молчала. Посадил я ее к себе на колени, она обняла меня, и потом, вдруг встрепенувшись, вздумала вырываться. Схватила две (ф.т.) со стола и ключ, бросилась к двери, а когда я захотел ее остановить - ударила меня по лицу.

Вот такие они все женщины бесстыжие, а эта вдобавок претендует на гордость и самолюбие. Не верю, чтобы она имела хоть одно из этих качеств, ведь вся моя сцена с ней прошла при свидетельстве 10-минутного пробега часовой стрелки.

Уже 11, а мне еще много работы. Сегодня в Потсдаме допишу впечатления.

26.01.1946

Потсдам.

Здесь в гостинице холодно и людно - не интересно ночевать. Одно привлекает - много молодых девушек русских, из числа репатриированных.

Неожиданно на ступеньках услышал смех и щебетание, бросился вдогонку за двумя шалуньями, но они быстро добежали до своей комнаты и закрыли дверь. Стал уговаривать отворить и достиг своего. Вскоре сидел за столом и беседовал с ними. Одна весьма серьезна и принципиальна, понравилась своими рассуждениями, лицом тоже приятна. Адрес ее со мной. Наболтал много лишнего, разоткровенничался, забывая слова Толстого, что "не та баба опасна, которая держит за ...., а которая за душу".

Лег спать в 12.

27.01.1946

Берлин. Пренцлауэр Берг.

Гостиница "Гранд Готель".

К военторгу прикрепился в тот же день, когда прибыл в Потсдам, однако, на руки документов не дали, а посоветовали позвонить по телефону из Вельтена, чтобы ускорить дело.

В 12 дня прибыл на Пренцлауэр Аллее. Решил отвезти приемник и снова вернуться за фотопортретами и чемоданчиком. В Фельтене (немцы так называют город, ударяя на букву "Ф", а не на "В", как мы) сразу показался всем на глаза, и теперь было опасно вторично уезжать, не спросившись у майора, хотя срок командировки не истек, и только через день я мог явиться в часть.

Встретил Сергеева с еще каким-то военным без погон, но тепло и изящно одетого в офицерское обмундирование. Он первым поприветствовал меня, и я не обратил внимания на его персону. Стал рассказывать Сергееву историю моего вояжа в Потсдам и прикрепления к военторгу, рассказал, что когда меня спросили о номере моей части, ответил "База 21, "Т" Бригады".

- Лучше было бы, если б вы совсем не ездили никуда, было бы больше пользы - процедил сквозь зубы повелительно человек в меховой кожанке без погон. - Снимите перчатки и станьте, как полагается!

Я снял перчатки, покраснел и удивился:

- Позвольте, не имею чести знать, с кем разговариваю, - спросил вежливо, но с достоинством.

Он назвался майором *** и продолжал кричать. Мне стало невмоготу. Я вышел, в коридоре размышляя, кто он таков есть. Все догадки привели к одному: начальник контрразведки бригады, и теперь мне могут нагонять хвоста, хотя я и не болтал зря и где ни будь в неофициальном учреждении, тем более что подполковника из торготдела управления торговли уже я знал, да и само управление рассекречено настолько, что я нашел его по одним справкам, которые наводил у прохожих военнослужащих, и проник во внутрь городка безо всякого пропуска только благодаря беспечности часового. Так, что тут трудно говорить о разглашении военной тайны - палка о двух концах, и в торготделе не посмеют об этом заикнуться.

Скоркин был недоволен: "На словах я не верю! Где бумага?" Объяснения были излишни. Я решил позвонить и прийти с конечным результатом, но потом вспомнил, что сейчас перерыв.

Возвращение мое в Берлин срывалось. Что было делать? Я переждал с пол часа, снова пришел к майору, и сказал, что звонил, и получил ответ "после выходного". Так мне и в действительности сказали в Потсдаме: "Или утром, или после выходного звоните".

Попросил, чтоб пустили в Берлин, так как оставил там фотопортреты и чемоданчик с продуктами. Не поверил. "Что-то у него там есть в Берлине, наверно баба" - задал вопрос присутствующим, и майор Корнеев, нет, трепач все же - ему ничего нельзя говорить, поспешил передать, что рассказывал я ему накануне о девушках, причем смешал с лесом и со звездами, и получилось пошло и глупо.

Начальник был в нерешительности. Я стал упрашивать и объясняться.

- Да ну тебя на х.., не плачь! - сказал он полушутя, полусердито езжай, но утром возвращайся!

Я обещал. И с машины на пешую, с пешей на поезд, с поезда на электричку, на трамвай и опять на пешую - добрался в Берлин к 8 часам.

Забрал чемоданчик, уплатил за фотографии и побрился.

У парикмахера остановился у портрета девушки, великолепно сработанного кистью художника ***. Не смог оторваться и решил приобрести. "500 марок стоит портрет" - сообразил проклятущий немец с хитрой змеиной мордочкой, и, чтоб заохотить, стал рассказывать, что картину рисовал еврей, и продал еврей, и сама девушка тоже еврейка - старый негодяй видимо догадывался кто я, и решил сыграть на национальных чувствах.

- Мне безразлично кто эта девушка, я хочу иметь этот портрет, - и вынул полкилограмма свинины, отдал ему.

- Мало! - жадно вскрикнул парикмахер, и ухватился за две, оставшиеся в чемодане луковицы.

Я дал ему одну - у меня ничего не оставалось кроме хлеба, и предстояло голодать, но зато девушка, живая и красивая, стоит, чтобы иметь ее у себя, пусть даже в рамках портрета!

К засекреченным девушкам из безымянной части п/п 93570 - МБ(Э), пришел, когда уже было 10 вечера. На дверях сразу встретил ***. Вовнутрь не пускали, и девушка приложила все свои старания, чтобы провести, но все оказалось тщетным. Тогда предложил пройтись со мной. Ани не было (со мной было две девушки). У самой гостиницы предложил зайти в мой номер, который к тому времени я не успел еще снять. Квартиру мне определили быстро, но девушек впустить не разрешали. Комендатура нагоняла накануне и теперь им страшно (немцам), допустить неосторожность. Посидели, поболтали в передней почти до 12 часов, а на сегодня договорились пойти в театр.

Около 11 дня девушки были уже здесь, и опять Ани не было. Пришла она только к концу постановки - сидела где-то в стороне. Постановкой остался, в общем, доволен, хотя было холодно, и не все, из того, что говорилось со сцены, до меня долетало.

Девушки проявили заботу и наутро принесли мне хлеб с маслом. Зачем я рассказал, что отдал свои продукты за картину?! Каялся, но отказаться неудобно было - они готовы были обидеться. Билеты они тоже купили сами, вообще я целиком на их иждивении пробыл весь день.

Тепло распрощался со всеми. С трамвая вышла ***, из той четверки, с которыми был в цирке. Она поклонилась мне, и я ответил поклоном. Девушки проявили любопытство, но я легко и правдиво объяснился о нашем знакомстве в цирке. Тогда они выразили предположение, что я имею много знакомых и сами же поспешили переменить разговор, видя неловко складывающуюся из него ситуацию. Умные, догадливые девочки.

А сейчас я еду в Вельтен. Пора. 2 часа дня.

В поезде. В разговоре один гражданин спросил, не еврей ли я. Ответил утвердительно, тогда он сказал, что хорошо бы ***.

02.02.1946

Вельтен.

После большого перерыва вновь навестил знаменитый здесь ресторан с пивом, танцами и прочими разностями, "Шалмон", как у нас на Базе называют его офицеры. Опять, как и прежде, все девичьи взоры и все улыбки на мне, но не смущают, но и не удовлетворяют. Женщины бывают красивые, но с ними нельзя

тосковать и думать о грустном.

Мысли свежи и серьезны во мне одном и наедине со мной. Военнослужащие пьяные шатаются, музыка легка и свободна, и все кружатся и резвятся в такт ей, как дети. Хватают мелодию и подпевают ей - приятно и трогательно получается. Лишь сердце плачется на судьбу свою, просит ласки и тепла. Глаза разбегаются у меня и у окружающих немочек. Хорошие головки, так много, и все они для меня легки и доступны, а я сижу, забился в угол.

Старший лейтенант, позавчера прибывший на Базу, уже назначен дежурным. Он долго не соглашался, но приказ есть приказ, и, поразмыслив, он заступил в наряд.

Еще утром мы познакомились с ним на работе. Капитан Ануфриев послал нас на алюминиевый и патронный заводы, искать столы и стулья для кабинета транспортного отдела, который давно назрела необходимость оборудовать. В пути старший лейтенант рассказал, что он еще не определен на должность и что его пророчат в транспортники.

Вечером уговорил его на танцы. Пробыли недолго, но денег ушло достаточно для одного вечера. Но и этим не кончилось - я искал приключений. Мне не терпелось познать все счастье ночного свидания, встречи, знакомства всего, чему спутница молодость и здоровье, свет и теплота лучей лунных. Но мне решительно не везло.

Девушки, за столом с которыми очутился, не знакомились, не сумел даже узнать я их имена, хотя и истратился изрядно на пиво - материально, и на попытки сговориться - душевно. Тогда не выдержал, бросил их и ушел прочь из зала. Так и на этот раз суждено мне остаться одному. После долгого раздумья на улице, где брызгал в лицо холодными струйками дождь, где все было мокро и противно - вернулся снова искать и снова терзаться, но уже не глухим раздумьем, а решительностью и желанием.

Были сумерки. Время обязывало торопиться. Из зала выходили по парам и группками немки. Можно было легко подцепить одну, можно было догнать дорогой, но такая перспектива меня не устраивала. Я вошел в помещение, снова чувствуя на себе большинство взглядов женских, бархатных и глубоких, печальных и жаждущих...

Начальнику Базы

Майору Скоркину

Помощника начальника транспортного отдела

Гельфанда В.Н.

РАПОРТ.

Прошу обратить Ваше внимание, что я совершенно лишен зимнего обмундирования, вынужден в условиях зимы носить

немецкий плащ, китель из немецкого материала, приобретенный за свой счет, старые сапоги и летние шаровары.

АХЧ Базы, в лице начальника старшего лейтенанта Смирнова, категорически отказывается выдать мне обмундирование по той простой причине, что на моем вещевом аттестате есть одно исправление в графе летнего обмундирования, сделанное той частью, в которой я его получил и не подлежащее больше выдаче мне до лета, так как срок носки на определенный период времени, рассчитан.

Неоднократно я получал обидные указания в отношении моей формы. Даже холодный прорезиненный плащ сейчас за границей носить нельзя, так как тем самым на виду у иностранцев, искажается мною, установленная в Красной Армии форма. ПНШ-1 Бригады дважды хотел меня арестовать и одиножды заставил прилюдно покинуть офицерский клуб.

Исходя из этого, я прошу Вашего ходатайствования об обеспечении меня зимним обмундированием, а также предоставления мне двухдневного отпуска в район Потсдама, где дислоцируется 27 опрос, за вещевой книжкой, которая там осталась взамен выданного мне вещевого аттестата.

14.02.1946

Политзанятия.

Еще раз перечитываю речь т. Сталина, накануне выборов кандидатов в депутаты Верховного Совета, и поражаюсь в который раз ясности ума и простоте изложения сталинской мысли. Еще не было ни одного высказывания т. Сталина, в котором не вырисовывалась бы мудрость, правда и убедительность, преподносимых слушателям, фактов и цифр. Вот и на сей раз. Кто смеет оспорить или выразить сомнение в правдивости гениального рассказа вождя нашей партии и нашего народа о причинах и условиях нашей победы, о корнях возникновения империалистических войн, о существенном отличии только что минувшей войны от всех других, предшествовавших ей прежде.

Говоря о развитии внутренних сил Родины, способствовавших одержанию великой, исторической победы над врагом, т. Сталин указывает, что "Наша победа означает то, что победил наш Советский общественный строй что Советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность".

Интересно сопоставить, приведенные т. Сталиным цифры, характеризующие материальные возможности нашей страны до первой, и перед второй империалистической войной, с тем, что планируется партией на будущее:

1913 г. 1940 г. на будущее Чугуна 4 млн.220 тыс.т. 15 млн.т. 50 млн.т. Стали 4 млн.230 тыс.т. 18 млн. 300 тыс.т. 60 млн.т. Угля 29 млн.т. 166 млн.т. 500 млн.т. Нефти 9 млн.т. 31 млн.т. 60 млн.т.

Нелишне подчеркнуть указание т. Сталина, на условиях политики индустриализации в нашей стране и за рубежом, приведшие к такому невиданному скачку в деле развития индустриализации страны.

У нас, в отличие от стран зарубежных, партия провела индустриализацию, начиная не с легкой промышленности, а с тяжелой, так как предвидела надвигавшуюся войну и, соответственно, необходимость быть начеку, во всеоружии. Коллективизация же, помогла развитию сельского хозяйства, позволила покончить с "вековой отсталостью".

"Ваше дело насколько правильно работала и работает партия (аплодисменты), и могла ли она работать лучше (смех, аплодисменты)" обращается под конец к избирателям т. Сталин, и все награждают его такими горячими аплодисментами и любовью, что просто трогательно становится со стороны. Да, он заслужил ее, мой Сталин, бессмертный и простой, скромный и великий, вождь, учитель, гений, солнце мое большое.

И теперь не удивительно, когда маленький, двухгодовалый ребенок из побежденной Германии, увидев на моей груди медаль "За победу", с изображением т. Сталина, радостно и трогательно воскликнул: "Сталин!", пальчиком показывая на медаль. И может быть, мать этого ребенка была недовольна, может она таила в душе злобу и ненависть побежденного народа, но будущее смотрело иначе, будущее во всем мире, на всех языках и наречиях за нас, за партию нашу, за товарища Сталина.

14.02.1946

Вельтен.

Жизнь моя в корне изменилась. Работы теперь хватает, так, что даже поспать, не всегда есть возможность. В транспортном отделе теперь шесть офицеров. Трое, во главе с начальником-майором только вчера прибыло.

На завтра есть работа. 2 часа ночи.

21.02.1946

Вышинский умница. Читал все его выступления на Международной Ассамблее, и не мог не проникнуться к нему неуемной симпатией. Понятен его успех и прежде и сейчас. Не помню Литвинова, но Вышинский теперь мне кажется сильнее как дипломат и умнее, как теоретик.

Какой он родной, какой он красивый, какой он, черт возьми, правильный человек! Нет, он похлеще Литвинова!

Сейчас уже начало первого. Все спят, только мыши неспокойные робко скребут о пол, ждут, пока я усну и тогда им воля вольная. Вчера поели полный кулек чудесного пряничного печенья, которое я получил в счет доппайка, но воевать с ними некогда, я лишь боюсь, как бы они не перепортили все мои бумаги, разбросанные по полу и стульям.

Внешне дома уродливы и мрачны, скучно обозревать немецкие населенные пункты - они все похожи, как близнецы. Но изнутри квартиры отлично и комфортабельно оборудованы, хотя однотипны по своему устройству. Деревни каменные, много церквей, но редко встречаются священнослужители.

Сказано - в семье не без урода! И в нашем большом офицерском коллективе не мало есть еще лиц, чьей морально-нравственной красотой никак нельзя похвалиться. Тех людей не одобряют, но и не борются с ними, обходят, точно не замечая. Результаты сказываются на всех нас. Появились воры, картежники, пьяницы. Картежные игры приобретают широкий характер. Сотни и тысячи марок режут воздух, ударяют о стол и, скрываясь в карманах случайного счастливца, превращаются в водку, одеколон, спирт. Проигравшему ничего не остается, как мечты о реванше, и он проигрывается, пока не остается в одном белье. Хорошо, если он чист на руку. В противном случае...

Сигналы не единичны. У многих офицеров стали пропадать вещи и деньги. Крадут все, что попадет под руки. Не брезгуют мелочами: ножницы, карандаши, открытки. Воруют, не гнушаясь никакой подлостью - ломают чемоданы, вскрывают замки... А масса молчит, лишь пожимая плечами и возмущаясь (про себя). Иногда говорят на партсобраниях, но дальше разговоров и резолюций дело не идет.

Воровство продолжается. Ежевечерне носятся пьяные крики, мелькают карты - жизнь течет. И какой она серой становится общей незаинтересованностью ее содержанием, офицеров.

28.02.1946

Решил, накануне дня рождения, затеять пир, но затея лопнула.

01.03.1946

Майор Корнеев выпить со всеми не захотел, и вообще куда-то торопился. Я ему налил отдельно, он втянул одним махом грамм 300-400 и стал рассказывать, поучать, насчет разных казусов жизни.

Время затянулось. Люди, коих я приглашал, перестали думать о реальности моих намерений, а чета Грабилиных и вовсе собралась отбыть ко сну. Решил начинать. Закуски много, людей - 7 человек.

Две бутылки водки ушли незаметно. Никто не был пьян, но все были навеселе, как водится в хорошем обществе. Тосты произносились сухие, слов было мало, и вечер скоро закончился.

В семь утра проснулся именинником. До 8 ворочался в постели - боялся нового дня, был неуверен в нем.

02.03.1946

Так и ушел он бесследно, мой день, 1 марта, даже не улыбнувшись мне приветливо. Такой суровый, желчный и пустой, как и все прочие, ушел, чтобы никогда не вернуться больше.

Погода опять изменилась, стало тепло и мокро. Снег пожелтел и приник к земле, словно не хотя расставаться с ней. По радио голос тоже сырой, плачущий, устами какой-то немки, наводит тоску на душу. Скучно, безрадостно, и даже музыка веселая не отвлекает.

03.03.1946

Солуянов - премерзкий тип. Такие могут хорошо устраиваться, их, наперекор справедливости уважают и хвалят. А ведь чистейшей воды подхалим и наушник. В который раз он, только ради того, чтобы другие его считали старательным малым, ябедничает и клевещет на меня. Так, в одну из прошлых погрузок, он весь день не выходил на улицу. А когда вечером в нем все же заговорила совесть - он, прежде чем побывать на месте погрузки, забежал в канцелярию и нажаловался, что электропровода де нет, вагоны нечем передвинуть и люди стоят, не находя работы. А на деле было совсем иначе. Сам я ездил, расставлял вагоны с помощью мною привезенного электровоза. С 5 часов утра люди работали, и погрузка была почти закончена.

Майор Корнеев, не удостоверившись в правильности показаний Солуянова, вызвал и стал ругаться. Тогда я вышел вместе с ним во двор, и он увидел электровоз и работу, но промолчал и не воздал должное кляузнику. И можно ли? Ведь тот охотник, и в каждый выходной, а нередко и будний день приносит дичь, угощает начальство, пьянствует вместе с ним - такие люди плохими не бывают, они всегда на высоте, и никто не смеет назвать их хамелеонами. На том построена и держится жизнь.

Во второй раз он поступил еще более гнусно со мной. Когда я был в канцелярии штаба, на секунду отвлекшись от работы, во имя ее же, Солуянов отыскал зам по политчасти майора Жарких, парторга, капитана Бородина, и вместе с ними направился в наше общежитие, заявив, что я там и что вместо работы занимаюсь покраской велосипеда.

У входа в штаб я встретился с троими всеми, и политработникам пришлось на чем свет стоит ругать мою

персону. И трудно было их убедить в вероломстве (охотника, прежде всего и хорошего собутыльника!) Солуянова.

А только сейчас за мной приходил майор Корнеев (помкомбазы по складам). Солуянов, оказывается, опять ему нажаловался. Он, видится мне, считает, что я должен каждый вагон ставить под погрузку, хотя на деле это целиком входит в его обязанности.

Я дал ему электровоз, я предоставил ему порожние вагоны и даже расставил их на погрузочных площадках. Чего же еще, спрашивается?! Надо было подчеркнуть свою деловитость, надо было показать свое старание, но как это сделать? Ведь на деле ничего похожего нет! И вот найден удобный выход свалить с больной головы на здоровую. Куда проще, чем работать и мерзнуть на улице!

Проснувшись, когда еще было мутно за окном, когда стрелка часов застенчиво остановилась на пяти, не умываясь, не застилая постели, выскочил на место погрузки и организовал условия для предстоящей работы, до 11 часов побывав на станции, на переездах и на всех линиях, где должно было ставить вагоны. И, ни разу не навестив своей квартиры, я, тем не менее, в угоду лжи, против фактов, оказался всего-навсего бездельником, которого можно и должно ругать всем и вся. И меня ругают. И капитан Ануфриев, принимая мои оправдания, как слезы, которым Москва не верит, и Корнеев, убеждая меня, что я спал до его прихода, и даже Солуянов, пугая тем, что "мы еще поговорим об этом!"

04.03.1946

Читая газеты. В мире, как в пекле: все жарче и жарче. Война окончилась, но кровь еще льется, унося из жизни тысячи людей ежедневно.

Социалистическое правительство Великобритании не оправдало надежд человечества. Англия не изменила своей гнусной и ничем неоправданной роли душителя свободы и независимости народов. Индия негодует. Сирия и Ливан выражают протест, Греция задыхается от захватившего ее фашистского угара. Индонезия и Палестина истекают кровью. Египет охвачен волнением. И над всем этим холодная, неотвратимо жесткая, диктаторская рука Англии, топчущая военным сапогом, попирающая своей властью национально-политические интересы и чаяния малых, зависимых стран.

Международная Ассамблея Объединенных Наций, выявила до тонкостей, перед лицом государств, мысли и деяния международных политиков. Бевин, в особенности, показал свое реакционное лицо.

06.03.1946

Под колыхания душистой русской музыки, приятно засыпать вдали, за 2-3 тысячи километров, от Родины "Ох вы косы, косы русые" и "Дунай".

08.03.1946

Только что прослушал сообщение "В наркоминделе", в котором говорится о "памятной записке" американского - болгарскому, правительства, и приводится нота Советского правительства, по поводу нарушения этим необоснованным актом США условий тройственного соглашения о Болгарии.

Действительно, какое кощунство! Впрочем, за последнее время некоторые видные зарубежные политики стали бешенными, а отсутствием логичных убеждений и последовательностью в своей работе, они всегда заражены были, эти черчилли, бевины и бирнсы, пожалуй, тоже.

10.03.1946

Вельтен.

На вечере немецком. Много музыки, духоты и грусти. Спать не хочется, хотя уже 3. Танцы до утра. Немки голые, чуть ли не в буквальном смысле этого слова - стыдно и мерзко видеть, а они кривляются - им хорошо, что они противны.

Старухи семидесяти и более летние бодро кружатся в вальсе. Один я неудачник, хотя не последний летами и внешностью. Любовь жестока ко мне, а красота передо мной лицемерит.

13.03.1946

Берлин.

В Креммене пробыл ночь. Выслушал горькую исповедь Шварцем, спал с ней, но не согрешил. Вкусил плод бессонницы, испытал силу соблазна, и все же совесть оказалась сильней. В 7 часов был на вокзале, и в начале восьмого дома.

Майор Костюченко обрадовал новостью: электровоз не пригнал, вагоны не поданы, погрузка приостановлена.

Не заходя в комнату, взялся за руль велосипеда. На электровозной станции меня уверяли, что машина "ist bei veltag". Поехал туда. И действительно, вся эта шумиха не имела под собой почвы и оказалась лишь плодом неуемной фантазии людишек мелочных и подлых, стремящихся доказать однако, что они работают и чего-то стоят. Электровоз был на кафельном заводе с 7 часов, задержек по вине транспорта не было.

Еще два раза навестил кафельный и решил ехать в Берлин.

Зашла-постучалась девушка Маруся, и я сильно задержался в Вельтене. В 2 часа только удалось выбраться.

До Хайликенди доехал на велосипеде, остальное поездом.

16.03.1946

Берлин. Поезд.

Сегодня справился в Потсдаме со всеми порученными делами, в Берлине тоже успел. День не прошел зря, но, тем не менее, он позади.

Написал письма, вот только отправить их не успел. Опять наступил перерыв в корреспонденции и опять впереди укоры и жалобы на мое непостоянство и невнимательность - немцы определенно недовольны многим. Это особенно хорошо дал мне понять глава семьи Ришовских после того, как я указал на мудрость сталинского интервью в связи с речью Черчилля в Фултоне. Между нами завязалась длинная дискуссия. Немец приводил примеры, доказывал русскую некультурность, русскую грубость и прочее. Стало ясно, что этот средний немецкий человек, говоря языком Германии, склонен больше симпатизировать нашим союзникам, и среди них правому лагерю Ч. и К?. Возразить Сталину у него не хватило рассудка, но зато он ограничился беспринципными придирками к Красной Армии.

21.03.1946

Вельтен.

Смотрел кинофильм "Актриса". Сильная, правдивая вещь, но не так, как "Тахир и Зухра", как "Музыкальная история" - эти мне больше нравятся.

Домой пришел трезвый. Один, без настроения. В коридоре пристал Полоскин, он был выпивши, вернее вдрызг. Матюгался при женщинах, вел себя тупо и дурацки нагло. Подошел, хотел меня ударить, но одумался, а я постарался умолчать обиду и не ввязываться в неприятность, молча смотрел на него, пока он не ушел, бросаясь помойными словами.

24.03.1946

Ночь уже старуха - поздняя и глубокая. Робкие звездочки в небе померкли. Молчит и радио - спит вся Европа. Не говорит, уставшая от дневных трудов, далекая Москва. И только мне не спится, и глаза мои бдят тишину.

Не успел получить назначение в какую-то комиссию по учету железа, как его опередило новое решение майора Скоркина о направлении меня начальником рабочей силы, но и там побыл недолго. Через два дня (вчера) мне предложили именем начальника Базы сдать свои обязанности другому офицеру, а самому отправиться в длительную и непрерывную командировку - начальником внутрибригадной вертушки.

На днях офицеры уходят жить в другое место, и я могу оказаться перед фактом оставления всех вещей моих и квартиры без надзора, на разграбление улицы. В мое отсутствие получат промтовары из военторга, без меня останутся вельтенские немки, и Берлин меня вряд ли увидит - там шьется китель, там

чемоданы.

Креммен - тоже предмет раздумий - там сапоги, а в Вельтене, помимо прочего, мне осталось пошить шинель и получить радиоприемник, за который уже уплачены деньги.

25.03.1946

От пом. нач. транспортного отдела
Базы материалов и оборудования
Лейтенанта Гельфанда В. Н.
Начальнику Базы майору Скоркину

РАПОРТ

Считаю должным довести до Вашего сведения факт возмутительного поведения старшего лейтенанта Полоскина в офицерском общежитии Базы в ночь на 24 марта сего года.

К старшему лейтенанту Полоскину обратился помощник дежурного по 2 батальону, младший сержант, с просьбой дать сведения о погрузке. Я на тот момент был в коридоре - искал дежурного старшего лейтенанта Сергеева, стучался к нему в комнату. Заметив меня, Полоскин, вместо того, чтобы ответить по существу на служебный вопрос и дать необходимые сведения, решил одновременно поиздеваться и надо мной и над совершенно сторонним человеком младшим командиром, заявив ему, пальцем указуя в мою сторону: "Вон лейтенант Гельфанд, помощник дежурного, к нему и обращайтесь!".

Младший сержант подошел ко мне. "Знаете что, товарищ младший сержант сказал я ему - доложите своему командиру, что старший лейтенант Полоскин ввел вас в заблуждение - я не помощник дежурного и сведений вам дать не могу".

Тогда, не взирая на присутствие военнослужащего из другой части, Полоскин, подойдя ко мне, толкнул, и заявил громогласно, что он "уже давно собирается некоторым лицам морду набить" и мне в том числе и что теперь настал благоприятный момент "поговорить". Он был пьян и потому я предложил поговорить завтра, посоветовав лечь спать. Но Полоскин не унимался: "Ты кто? Нерусский? Жид? Работать по-русски не можешь? Кто ты?". "Я еврей - ответил но этот вопрос ни к чему и было бы полезней, если бы вы серьезно и по-деловому поговорили с пришедшим к вам товарищем".

Вышел Сергеев. Я стал с ним разговаривать, но Полоскин и здесь мешал разговору, своими дикими, режущими слух ругательствами. На шум вышел майор Костюченко, но и его присутствие не охладило Полоскина, и тот прибег к еще более неразумным поступкам: "Я приказываю тебе удалиться!" Я, разговаривая с Костюченко, Полоскину не отвечал. Тогда он выразился еще более недостойно: "Я, старший лейтенант,

приказываю, как старший по званию, уйти из помещения. Вы уважаете меня, как старшего лейтенанта?".

Это было уже слишком. Я ответил, что уважаю старшего лейтенанта Сергеева и всех товарищей выше меня по званию, готов приветствовать и почитать их, но старшего лейтенанта Полоскина, в данный момент склонен не уважать.

"Товарищ майор! - завопил он на весь барак - разрешите дать ему по морде!" Майор Костюченко, конечно, не разрешил, и приказал мне зайти в комнату, что я и выполнил.

Подобные дебоши с выпивкой и с мордобоями старший лейтенант Полоскин устраивает не впервые. Так, два дня тому назад, побив ряд офицеров (в том числе старших по званию, на которое он любит так часто ссылаться) Полоскин, не вполне тем удовлетворился и пришел, как он выразился, "поколотить" и меня. Я не стал вдаваться с ним в рассуждения и ушел к себе в комнату, предоставив ему полную возможность вдоволь наругаться за дверью, отборной матерщиной. При этом присутствовал дежурный по части старший лейтенант Захаров, также поносимый Полоскиным.

Таким образом, получается старая история, имевшая место со старшим лейтенантом Гайдамакиным, но на новый лад, так как главное действующее лицо во всех очередных дебошах - старший лейтенант Полоскин.

Лейтенант Гельфанд.

25.III.46 г.

27.03.1946

Глевен.

Длинный, приземистый ряд похожих домов, далеко потесненный на обе стороны от железнодорожного полотна. Мрачные, тупоуглые здания, нигде не мешаются в кучу. Изредка они входят в лес, нежатся в объятьях елей и вновь отходят на почтительное отдаление, будто боясь утонуть в лесном разговоре. Лес качается, стонет и шипит - сердится на ветру. Он здесь хозяин, но он не строг - в нем дымят немецкие "Segewefa", в нем разгуливают вольные звери, сквозь его неизвестные тропы тайком, без шороха, пробираются охотники.

Жизнь к лучшему. И этот маленький незаметный город, имеющий только одну широкую улицу (асфальтированную, правда), - шоссе, церковь с колокольней и 2-3 магазина, - заулыбался на глазах весеннего солнца по-детски радостной улыбкой.

Только что прокатился по улице Глевена на велосипеде, встретил дорогой две-три улыбки девичьи, несколько пар светлых юных глаз и получил представление об еще одном немецком

городке.

С вертушкой много хлопот и мороки. Бывший комендант ее старший лейтенант Борисов, на место которого я прислан, - где-то загулял, бросив вагоны и двух солдат на произвол судьбы.

Начальник отдела перевозок направил меня сюда, но немецкие железнодорожники ничего о ней не знали и со вчерашнего дня выясняю, ищу вертушку 1089.

Без 10 минут 12. Только что клубок распутался. Выяснилось, что вертушка, о которой мне уже было, сказали, что она рассортировалась и что ее больше не существует, на самом деле сейчас находится в городе на станции и сегодня ночью должна прибыть под разгрузку сюда. Поеду навстречу, чтобы поскорее выяснить суть дела, - здесь мне задерживаться нельзя. Продукты на исходе и нужно, наконец, прийти к результатам.

С командировкой ничего не получится - телефон не в порядке, трудно дозвониться в Креммен и майор Шамес, не получая сведений долгое время, решил, что старший лейтенант сбежал, раз держит его в состоянии безинформированности.

Опять судьба на решении, но ничего страшного для себя в этом не нахожу. Дай бог к лучшему.

28.03.1946

Мои размышления кончились на водке. Старшего лейтенанта искать дальше не пришлось, он сам появился на станции Глевена, и железнодорожники немедля сообщили мне об этом. С Кремменом созвониться не смог. Надо было хотя бы дать знать о себе, чтоб потом не ругали.

Старший лейтенант оказался высоким немолодым человеком, с рябым некрасивым лицом. Он откуда-то действительно с другого места приехал на машине, и в течение нескольких дней не видел своих бойцов и вертушки. Тем не менее, он выдержанный и прямой человек. Сильно терзался, что репутация его в этой связи оказалась подорванной и что им недовольны в штабе. Он при мне пробовал опять поговорить с майором Шамесом, но телефон Глевена был верен себе.

Перед дорогой мы выпили, и дорогой я был навеселе - осушил грамм 400 водки. Скомпоновался с одним капитаном-летчиком, умным и простым человеком, скромным, несмотря на полную грудь орденов. Он все время мне подстегивал подтяжки, когда отрывались пуговицы на брюках (они как назло терялись, пока не осталось ни одной) и мне казалось тогда, что он один только может достать так много шпилек, взамен утерянных пуговиц и изумрудных брошек (ими я тоже поддерживал штаны), которых больше не было.

На одной из станций взбрело на ум проехаться вдоль

полотна, а уже в процессе езды показать свое мастерство, и на узкой тропинке отнял от педалей ноги - положил на руль, от руля руки - за спину. Два рейса прошло удачно, третий завершился классическим падением с ушибами и вывихом ноги.

К 8 вечера окончательно протрезвился, выспался и решил внять совету моего красноармейца Карпюка: ехать в противоположную сторону, чем я ехал раньше, пьяный.

До Берлина оставалось 105 км., до Наужна - 90, а до Креммена - около 100.

Немцы в один голос нам рекомендовали этот путь. На станциях было полно людей. В поезде мест не хватало, только воинский офицерский вагон был свободен, и к нему потоком тянулись немцы, умоляя взять с собой. Решили делать отбор. Карпюк стал на дверях, пропуская молодых и красивых, насколько можно было увидеть в темноте. К моменту отправки поезда таких немок оказалось в вагоне три. Одна была с матерью - сидели в углу обособленно, ею то мне и советовал заняться Карпюк. Другие уже были на расхвате. Я решил, что полезнее и умнее будет лечь спать, и занял с этой целью свободную скамейку, как раз напротив этой, досадно скомпонованной пары.

На одной из остановок, где наш вагон осветился вдруг электрической иллюминацией со станции, я открыл глаза. Немочка смотрела на меня так пристально и так нежно, что я перестал думать о сне. А мать - та совсем притворилась спящей, и ее лукавое старческое лицо ничего не выражало.

Стал смелее. И, когда застучали колеса в дорогой темноте, - придвинулся к немке, прижался. Она не отклонилась и, даже напротив, потянулась ко мне губами. Я принял вызов - поцеловались. Мать не меняла позы и, казалось, совсем умерла, не желая мешать шалостям юности, которые ввели меня в целый ряд соблазнов и искушений.

Первый шаг повлек за собой второй. Груди у нее оказались большие и мягкие. Она не сопротивлялась, пока я не отважился на третий шаг, когда она уже пересела ко мне, оставив матери всю скамейку.

Доре, так звали немку, исполнилось недавно 21, она живет в Берлине на Шенхаузер Аллее. На все вопросы отвечала прямо, правдиво. И все бы окончилось как надо, если бы не одна, внезапно выявившаяся деталь, касающаяся тайного вопроса. В самый последний момент, когда преодолено было, показавшееся мне странным, после всей ее предыдущей кротости сопротивление, вдруг завоняло. Мне стало противно, и вся моя горячность исчезла.

08.04.1946

Вельтен

Мне предстоит пожить в Берлине. И, если только начальство не передумает до завтра, будет так, как я наметил.

На берлинском заводе необходимо контролировать выпуск высоковольтного кабеля по нашему заказу, из нашего материала. Я еду в качестве контролера: не расходуется ли на сторону, и сроки.

09.04.1946

Wittenberg (70 км. от Velten)

Приехал сюда за гвоздями в первый батальон. Завод "Зингер". Большое, величественное здание. Смотрел корпуса. Техника поражает. Где-то рядом перерабатывают солому на ... шелк, отбросы на бумагу, остатки на вату. Здорово? Говорят, этот завод первый и главный в Германии. Все станки и швейные машины уже вывезены. 170 вагонов составило содержимое завода. Корпуса будут взрывать, но пока оставили пару станков для заготовки гвоздей. Вот за ними, чтобы доставить в Берлин, я и приехал.

Люди здесь любезные и не такие бюрократы как в Бригаде и у них на Базе. Несмотря на то, что наряд на гвозди не выдали, а только доверенность, - мне отпускают гвозди.

Решил ночевать, а завтра с утра получать материал и - в Берлин. Там теперь буду жить.

10.04.1946

Berlin, Kopenick

Приехал. Хорошо устроился с квартирой. Немочек много молоденьких и хорошеньких.

Телефон, зеркало и прочие удобства в комнате. Забрал еще два чемодана. Теперь есть во что укладываться, однако, не все в порядке. Сейчас опять еду в Вельтен. Справляться. Ну их к монахам, запутали меня с маршрутом, указав район Тапеник. И если бы я только вздумал по-настоящему серьезно искать его...

11.04.1946

Berlin, Kopenick

Приехал. Выпили две бутылки в Виттенберге. 100 марок, - не дорого. Пол бутылки опорожнил сам, остальное - шоферу. Он молодец, привез хорошо. Знает норму и время. Довез благополучно и я ложусь спать. Первый раз на новом месте. Слышно как работают машины. Интересная жизнь. Телефон, комната большая, все удобства, только холодно.

12.04.1946

Берлин.

Сижу и дремлется, хотя еще 10 часов вечера не наступило. На новом месте пока не сладко, много работы и, как теперь

оказалось, непосильной ответственности. Я не техник.

13.04.1946

Kopenick

Начинаю разучиваться по-русски писать правильно - немецкий черт попутал! Рука болит неимоверно. Нарывает, после знаменитого трехкратного пикирования с велосипеда.

Был в Берлине, центре. Мало успел сделать - столько суеты и движения там. Дальше писать трудно. А врача на заводе нет - поздно.

Паустовский просится в голову - "Далекие годы".

14.04.1946

Палец прорвало. Начала гноиться ранка на другой руке, наконец, и она разорвалась после перевязки. Двадцать минут третьего и я только что из Вельтена на велосипеде. Но таких дураков как я не встречал, а бить надо, дурь вышибать; ведь от дури-то этой столько тоски и горя. Всю ночь ездил, а под конец оказалось, что в Вельтене забыл ключ от двери.

15.04.1946

Kopenick "Kabel - Werk" Vogel.

В действительности жизнь и работа здесь оказались много сложней и запутанней, чем представлялось мне, когда я сюда ехал. Подполковник Пиескачевский не подготовил всех необходимых условий для скорой работы. Все делалось наспех и строилось на липе. Отсюда и результаты. Еще в первый день оказалось, что нет болтов, потом с гайками стряслась неурядица и вот теперь, наконец, в пятый день со дня подписания договора, заказ не выполнен ни на миллиграмм.

Вчера был он здесь, подполковник. Пришел тихо, поел у меня конфеты из гастронома, отпил лимонаду, посмотрел, и даже спросил, как живу и, затем, принялся ругать и запугивать, не меньше, чем немцев накануне. Что я ему мог ответить? Молчал, и это дало ему повод назвать меня тупым, а под конец пригрозить потерей офицерского звания.

Я лейтенант, он подполковник. Он ничего не делал, что от него зависело, уехал и оставил мне, незначительному в сравнении с его персоной человеку, сделать то, чего не сумел сам. Поистине достойно подражания такое отношение к делу. А я тоже, не будь дураком, сделал, что было приказано, успокоился, не разузнал всего как следует, чтобы можно было потом оправдаться, уехал в Берлин.

Сегодня еще один, видит, какой-то мастер из трофейного отдела армии. Встретились у майора Меньшенина. Все было тихо, спокойно. А в цеху разорался, начал стаканы бить, телефон бросил, заставил побледнеть, а потом и побелеть несчастного

мастера. С немцами так, криком, не возьмешь, а он этого не понимает. Так все время: ждешь, авось еще кто явится, да повыше, да поплотней. Дожидаюсь скандалов и снятия с этой работы, как не справившийся. Ведь так проще начальству: и с больной головы свалить и показать свою деловитость и строгость.

Станция Трептов.

Решил опять побаловать писаниной. Вчера, нет теперь уже позавчера, был в Вельтене. Визит был кратким.

Почти ничего не успел сделать, однако претерпел много неприятностей в пути и по приезду в Кепеник.

Дома (так называю теперь Вельтен-Базу) все по-старому. Так же пьянствует Полоскин и бузит безнаказанно (мне случилось, кстати, с ним ужинать за одним столом): я пришел первый и мне подали раньше. Тогда он подозвал официанта и стал пробирать его нагло и грубо: "Ты уважаешь старших?" - это относилось и ко мне, но я сделал вид, что не обратил внимания. Тогда он стал искать новых поводов, вернее подавать повод для столкновения; и когда я говорил с майором Жарким - вмешался в разговор: "Гельфанд посоветует", "Ждите, что Гельфанд скажет", но я и тут промолчал, хотя ожидал, что майор не пройдет мимо этого, не смолчит.

По-прежнему плачет и жалуется на жизнь капитан Панков и ... торгует приемниками и фотоаппаратами из военторга. Варавин (капитан, у которого в войну сбежала молодая жена) и Солуянов бьют дичь начальству и - в почете. И все поголовно пьянствуют и жрут.

Приехал голодный и, ради того, чтоб покушать, напомнил Панкову о водке. Тот ухватился за стопочку (закуской выложил селедку с луком) - я был рад и этому. Пили, я подливал, сам стараясь держаться в рамках трезвости. Но вот язык развязался у моего собутыльника - начались надоевшие воспоминания о партсобрании, где его "обидели", о предшествовавшей всему этому истории с дракой, когда у него "часы украли" и прочее. Нарочно я перевел разговор на радиоприемники.

Нечаянно для себя я выбрал в собеседники из всего этого сборища Панкова и он проболтался, что у него есть сало. Я принципиально потребовал поставить его на стол. Капитан колебался, но все же не устоял: выложил килограмм жирного и соленого, став резать тоненькие и маленькие слойки, чтобы и я следовал его примеру. Но чужого, и притом такого вкусного было не жаль - я нажимал, как умел. Когда от куска сала осталась половина - я ушел к себе в комнату.

Там кавардак. Постель не застелена, вещи разбросаны - ведь я теперь вроде гостя всюду: две комнаты, два города, две

обстановки и две среды обитания. А сам я всего на всего гастролер-курьер в новых, сложившихся условиях работы.

Но ни унывать, ни развлекаться не приходится. Деньги вышли буквально до копейки, и теперь приходится за бритье, за пиво, за портреты, за мелочь всякую расплачиваться сигаретами. А вчера дошел до такого конфуза, что билет в кино взяли на меня девушки.

В Берлине все привлекает внимание: заманчивы вывески, заманчивы витрины, но по сути дела растрачиваешь деньги на пустяки - картинки, безделушки - без чего можно бы и обойтись. Но не в моей натуре.

В нескольких местах мои вещи: в Кремене сапоги ремонтируются, в Хайликенде (Хайлекелусе) поломанный велосипед - камера лопнула, - бросил на попечение хозяина; в Вельтене костюм "шьется" (и не обещают закончить), в Берлине брюки - я весь изорвался в дорогах: их не счесть, изъезженных мною.

Впечатления набегают так стремительно, что при всем желании не зафиксировать их на бумаге.

Немцы наглеют. Стали не уважать нас, не боятся пакостить мелко, надоедать, приставать, попрошайничать и вообще, почувствовали в нас добрых "камрадов", с которыми можно и запанибрата. У нас две тактики поведения здесь: официальная - корректная, человеческая, но твердая, оккупационная. Ей не во всем, не всегда и не везде следуют наши люди. И вторая тактика, основанная на негласных законах развития всех нас и каждого в отдельности человека. Иные выдержаны и культурны, но злы на немцев - испытали их жестокость. Некоторые избегают их и при случае подчеркивают свое пренебрежение к ним. Многие из второй группы людей умышленно не учатся говорить по-немецки. Другие, напротив, стараются узнать их язык, нравы, среду и пополняют свои знания, как умеют, общаются с немцами и много разговаривают с ними по всем вопросам жизни. Такие люди вреда не приносят нашей политике. Есть другая категория людей - пьяницы, воры, хулиганы, психи. Эти, учиняя дебоши, подрывают весь наш авторитет. И третья категория - крайние либералы, не знавшие горя от гитлеровцев - здесь и любовь и сожительство и даже поклонение.

Все это разнообразие в уровне развития, в отношении красноармейцев к местному населению и ведет к тому, что нас считают добрыми, простыми и, вместе с тем, грубыми и даже дикими людьми; нередко издеваются, хотя мы хозяева-победители. Но эта тема достойна более глубокого анализа и рассмотрения, а не такого легкомысленного как сейчас, на ходу, в

вагоне электропоезда.

21.04.1946

Вчера решил ехать за деньгами в Вельтен. Кстати сказать, познакомился я в Берлине с одной интеллигентной семьей и, с тех пор жизнь моя в городе значительно просветлела. Случилось в немецком магазине обмена. Я отдал фотоаппарат за гармонику. Когда я уже собрался уходить - ко мне подошел старикан в очках и с бородкой и по-русски спросил, имею ли я еще один - дочь хотела обменять фотоаппарат на аккордеон. Я обрадовался - ребята (офицеры) просили достать аккордеон, а у меня было два фотоаппарата.

К нам подошла еще девушка, и мы разговорились. Я заметил, что страх не для меня, дочь говорит на ломанном русском языке, а отец совершенно чисто и свободно. Как так? - он уклонился от ответа. Пригласили обое приехать к ним.

Меня соблазнил аккордеон, и дня через два я постучался в дверь на третьем этаже, где по-русски было выгравировано "Ленский". Мне открыла девушка, совсем не та с которой виделся в магазине, и которая называла старика отцом. На чистейшем русском языке она спросила к кому мне нужно. Я растерялся и застенчиво объяснил, что мой визит связан с фото и аккордеоном и что мне указали адрес в магазине обмена.

Девушка была хороша и молода. Ее глаза умно и любопытно смотрели на меня, надолго пригвоздив к месту, от которого я начал и затем стих.

Ушел я от них в час ночи. Фотоаппарат оказался слабым и не соответствовал к обмену с шикарным аккордеоном который мне показали, но я не жалел особенно. Хозяин обещал научить меня фотографировать, девчата танцевать, а я всему рад учиться.

И на другой день не преминул явиться снова. Ленские собирались в кино. Приглашали меня, но деньги вышли и было неудобно. Тем не менее, уговорили. Пошли вчетвером: девушки, мамаша и я.

Ванда, так звали ту девушку, которую встретил в магазине, была выпивши. Ее сопровождал до самого кинотеатра моряк-капитан Миша, подпоивший ее накануне. Ее белая шубка лезла и капитан был весь в перьях, шутил, что ему при посещении Ванды нужно брать щетку. Кино начиналось позже и нам предстояло не менее часа ожидать начала сеанса. Вернулись к Ленским домой.

Мне надо было быть на заводе, так как могли прийти машины за барабанами; надо было явиться в комендатуру по служебным делам, а я как маленький увлекся-забылся.

Момент, и я был на колесах. Велосипедом заскочил в комендатуру, наскоро справился о делах.

22.04.1946

Жизнь шагнула в новую фазу. Целый день провел с Диной Ленской (с Диночкой) и с Вандой (еще не знаю ее фамилии). Девушки очень хорошие редкость сейчас. Дина мне нравится, но сам я скучен и, как выяснилось, ничего не умею - ни танцевать, ни играть на гармошке, ни фотографировать, ни даже петь (пропал у меня голос). Недорослем не могу себя назвать - желание учиться всему, быть разносторонне развитым - крепко зудит у меня в мозгу, но только одного желания мало и оно ничего не прибавляет мне.

Кроме того, я стал уродлив: голова маленькая с тех пор, как я подстригся, глаза чересчур уж впалые, нос длинный, как у Гоголя, а борода, как назло жесткая и растет по секундам. И, когда теперь мне делают комплименты, говорят, что я красивый, могу ли я кому поверить - нет, конечно, так как жизнь моя для несчастий, а сам я для смеха и одурачиваний, явился на свет.

Дина умная девушка. Такой красивой поведением, такой веселой и приятной - я не знавал, и, если мне случится еще немного встречаться с ней я умру от любви и горя.

При ней я теряюсь и не нахожу слов, места и мыслей себе. Боюсь надоесть, не хочу быть навязчивым. Если бы я только знал ее мысли - как дорого я бы отдал за это знание.

Сегодня днем я решил навестить квартиру Ленских. Это было третье мое их посещение. Встретили, как всегда приветливо. Дина сначала сидела с нами (со мной и своим отцом), затем ушла в другую комнату, долго не появлялась. Ванда вышла и, когда я посмотрел ей в след, сказала: "сейчас приду". Я решил отчаливать: надоел, мною не довольны. Стал одеваться. Выходит Дина:

- "Вы куда же?" - "Домой". - "А мы с вами гулять собрались..."

Холодно и час ночи. Отложу.

Я был приятно удивлен и обрадован, А, ведь, чудак, надумал уходить. Девчата предложили съездить в ресторан на Щецинском вокзале.

Прогулка заняла много времени. Только в один конец надо было ехать, по меньшей мере, 2,5 часа. Но я не торопился, и, хотя чувствовал себя неловко, смущаясь Дину, не заметил, как истек день.

Расщедрился, тем более что сам был голоден, на угощения. Но взяли недорого - 450 марок за троих - продукты подешевели.

Всю дорогу Дина вела себя очень элегантно, в ряде случаев проявляла редкую самостоятельность. Посчитав ее идеалом - влопался до ушей. Она не подавала вида. Была со мной вежлива, приветлива, но держала в отдалении, тем самым, пробуждая во

мне массу раздумий. С ней-то и говорить было нелегко, но я оказался умницей и бестактности не проявил. Все остались довольны. И Дина, рядом с которой я сидел, которая чувствовала себя не одной, и Ванда, по лицу которой скользили зависть и тоска.

К обеим девушкам приставали подвыпившие майоры, звали танцевать. Но я-то на что?

23.04.1946

Дина не выходит с головы. Ей посвящено все мое время и все мои мысли. Она славненькая, умная девушка. Нельзя назвать ее непревзойденной красавицей, но не любить ее нельзя, хотя бы за ее умный лоб, за ее тактичность и за то, что она так ласково, так приветливо умеет улыбаться. Мне с ней ужасно неудобно. Хочется рассказать о своем отношении к ней, приласкаться к ее нежному телу, но она умышленно избегает любых напоминаний о чем-либо подобном.

Как-то раз мы вышли с Вандой и мамашей на улицу - собирались в кино. Ванду споил и вел под руки капитан-моряк, мамаша шла с краю, а я близко, касаясь ее рук руками, рук Дины - было тесно, так, что даже хотелось от неловкости поднять их над головой или за спину спрятать.

- Разрешите, я вас возьму под руку - неуверенно спросил я у Дины.

Мать молчала, а девушка ответила: "Я не хочу под руку".

В другой раз, когда мы возвращались со Щетинского ресторана и, по случайному стечению обстоятельств Ванда уехала, а мы не успев, остались вдвоем, я спросил ее почему-то, поторопившись и не сформулировав как следует мысль, на последней остановке перед Адлерсхофом, где живут Ленские:

- А скажите, вы имели друга, настоящего, преданного мужчину?

- Хитер!

- А что, неуместно я спрашиваю?

- Это пошло!

Я извинился и больше решил не задавать таких вопросов.

24.04.1946

Карлхорст.

Узкая, качающаяся на волнах река, с ровно укрепленными железом берегами. Пристань разрушена. Многоэтажные, продырявленные здания...

Кепеник. 3 часа ночи.

Ну, вот и "Риголетто" просмотрели. Ванда не пришла. Дина явно ко мне равнодушна. До 2 часов ночи рассказывал и стихами и прозой о своей войне: родители слушали с воодушевлением,

Дина дремала.

Женщина любит мужчину. А я показал себя перед Диной сентиментальным юнцом, не видевшим жизни. Она впечатлительная, с большой памятью девушка, с умом ясным, но заурядным. Я сильно соблазнился ее улыбкой случайной и свежестью, позабыл остальное, расщедрился и на деньги и на время, и все убил - а зря ведь.

К чему привело мое откровение? Она отвернулась от меня. Моя чистота душевная пришлась ей не по нраву. Теперь я понял, что возмущение, граничащее с высокомерным (чванливым) брезгливым негодованием, неискренне, когда имеет место в ее лице. Только сегодня увидел ее глаза - бледные. Только сегодня поймал ее мысли - я ей полностью противен: она унесла в другую комнату принесенный мною журнал, и осталась читать его, даже не выйдя попрощаться.

Отныне подвожу черту сумасбродству. Я не верю, что она непробованная. Отец сегодня сам рассказывал, что они были в оккупации.

Завтра к Ленским не пойду. Послезавтра на минуту. Буду сдержан. С Вандой больше общаться стану. Брошу свою угодливость, раболепие, перед этой мнимой красотой и кажущимся разумом.

Я заглянул в глубину своей души: что она вынесла из дома Ленских? Любовь? Пыл? Жар? Удовлетворение? Нет, только укор самолюбию и досаду на самого себя. А разве я хуже ее? Других мужчин, которым она, несомненно, симпатизирует -30-летним - только за то, что они тверды, грубы и бесчувственны к настоящей человеческой красоте.

Вчера отец Дины сфотографировал моим аппаратом. Дина ждала с нетерпением, пока он зарядит кинопленку, сфотографировалась первой, с гармошкой. Я предложил ей сфотографироваться вместе.

- Нет, вы лучше одни, а я тоже одна.

Потом, когда я сфотографировался, Дина подошла ко мне.

- Папа сказал, что нас если сфотографирует, то поместится только пол гармошки, половина головы...

- А вы станьте ближе - предложил я.

- Нет, вы лучше сфотографируйтесь одни.

Только один раз вместе с мамашей сфотографировались и с Диной и то, она поспешила надеть очки, а я, дурной, согласился еще так фотографироваться.

Сейчас пришел с кинофильма "Маскарад", по Лермонтову. Вторично смотрел. Вначале, месяца три назад, по-русски. Сильно красивая вещь!

Товарищ подполковник!

Отвечаю на затронутые Вами вопросы:

1. К исходу дня 23.IV. было заготовлено для нас 22 барабана. Сегодня будет выпущено из производства мастерской не меньше. Таким образом, даже при наличии перевыполнения нормы выработки, за два дня работы я могу оперировать в пределах 42-45 штук. 72 барабана для 12 судобекеров - цифра непостижимая.

2. 25 барабанов накануне немецкой пасхи отпустили по Вашей записке хозяйству Доронина, причем 8 штук выкатил из цеха, дабы не отправлять машины недогруженными.

3. В отношении сварки вы достаточно осведомлены, тем не менее, в разговоре с тем самым майором "моим братом", выяснилось, что он может достать сварочный аппарат. С ним нужно договориться.

4. Нарезка болтов теперь доведена ежедневно до 200 штук и больше.

5. Существующая угроза не только обусловлена отсутствием материала для гаек, но и отсутствием гвоздей, необходимых заводу - длиной не более 9-10 сантиметров. Привезенные нами гвозди очень толстые и стальные. Гнуть их нельзя.

6. Специалистов-плотников очень трудно подобрать, но на бирже труда обещали предпринять все возможное, чтобы нам их дать. Вчера получился даже конфуз на почве этого. Одного специалиста сняли с другой работы и направили сюда. Последовал запрос с центральной комендатуры. Капитан из районной комендатуры долго оправдывался (я как раз был там) ссылаясь на то, что биржа труда сделала это без его ведома.

Нам дают 10 специалистов и 10 чернорабочих. Майор Меньшинин доволен: скорей давайте, пусть и не специалисты.

7. На материалы у майора подал заявку. Он еще с Вами хочет договориться насчет взаимных выгод, извлекаемых нашими частями.

Условия работы такие:

а) материал нами будет доставлен в срок, причем необходим эскизик молотков, за подписью набросавшего его офицера.

б) оплата будет произведена наличными, по предъявленному нам счету.

г) срок выполнения заказа - 1 месяц, но при некоторых обстоятельствах, может быть сокращен, а именно: майору нужен бензин и два мастера (я обещал для него доставить с биржи труда).

Материал для молотков и болтов есть в одном месте, известном майору 60 километров отсюда. Нужна машина.

Приблизительно 27.04.1946

После продолжительного отсутствия (4 дня), снова навестил квартиру Ленских. Вчера, правда, ездил к ним, но был зол предыдущим и, встретив Ванду, ушел с ней танцевать. В 11, вечером, зашел к ним. Уже спали. Дина открыла дверь, спросила почему поздно. Я нарочито подчеркнул - "Танцевал с Вандой!" "Гм!" - вырвалось у нее.

Ей, наверно кажется, что кроме нее я ни с кем не должен быть.

А ночь дышит глупостями, и глаза слипаются...

Я сегодня вел себя лучше. Был выдержан. Но сентиментальности не покинул и спешил поделиться своей одухотворенностью на балконе. К несчастью нам часто мешали. Дина говорила, что у нее хорошее настроение и чего-то ожидала от меня, безмолвного. Мои же намеки принимала с болезненной подозрительностью. Она предложила вместе сфотографироваться и танцевать. У меня она взяла на память (?!) фотокарточку и мне ее мать подарила ее.

С Вандой уже на "Ты", бросается в глаза.

Сейчас 2 часа ночи.

03.05.1946

"6 часов вечера. Устал ждать за барабанами. Никто не приезжает, а я превратился в охранника и даже в праздники сторожил у ворот завода. Хочу еще раз довести до Вашего сведения.

Материал, необходимый для гаек, нашел на одном заводе в 7 километрах отсюда. Его остается выкупить (деньги!) и привезти (машина?). Сегодня к вечеру на заводе 120 барабанов". Гельфанд.

04.05.1946

Берлин.

Наконец подполковник приехал. Он рассказал, что барабаны пока не нужны, но в любой день могут прийти машины за всеми сразу. Ругал за то, что я ему не позвонил на майские торжества и не сообщил насчет возникших у меня затруднений.

Теперь я буду свободен и смогу, в оставшиеся десять дней, изъездить весь Берлин, побывать на старых местах, где воевал, где жил в прошлом году. Мечтаю посетить Бисдорф. Это название связано со значительными воспоминаниями, оставшимися неизгладимыми - слезы отчаяния жестоко изнасилованной немки - красавицы молодой, горе ее родителей, мое вмешательство и помощь.

Подин. Сказал, чтоб я завтра был у него. Собирался вечерним поездом, но только ночь опередила мои намерения, внезапно подкравшись к Берлину и окутав его своим дыханием.

Решил визитнуть к Ленским. Мать была одна дома и рассказала, что Дина ушла с папой удить рыбу. Каково же мое удивление и досада были когда, наконец, дождался отца, Дину и ... Владимира Ивановича, того самого 35-летнего мужчину, которого Дина так страстно любит и предпочитает другим, и мне, несомненно. А ведь ей 19 лет...

Мужчина - моряк, ловко намекая родным, хочет склонить их, чтобы отдали Дину к нему на службу в качестве переводчицы. Родные отдадут! Так реагировали они при мне, что нельзя и подумать иначе.

Когда показал фотокарточки из моего аппарата - Дина попросила на память, но я отказал, пообещав лишь "когда размножу". Решил не дарить ничего больше и родных не баловать своей щедростью. Так будет разумней, и я ничего не потеряю, к тому, что уже потеряно мною и чему цена неизмерима - время, мысли, переживания.

15.05.1946

Печальна жизнь, коль несчастлива любовь. Так у меня. С Диной бросил переборол себя, сделал невероятные усилия над волей своей, и вот - охладел. Но надо же еще одному несчастью случиться!

И вздумалось мне съездить в Мариендорф, где год назад летом, я познакомился, и без успеха таскался к двум интересным и стройным молодым немкам. С одной гулял, воображая, что люблю ее, другую - любил, воображая, что равнодушен к ней. Так длилось больше месяца. Между тем, один боец-переводчик при политотделе, Алексей, вместе со мной пришедший однажды в тот дом, сумел завертеть мозги моей мечте, и та быстро поддалась, отдав себя в его твердые руки. Он мне потом признался, что имел с ней сношения, причем уверен, что только человек имевший контакт с женщиной совсем до этого невинной, может рассчитывать на ее безграничную любовь. Я тогда вообще не имел представления обо всем этом, и поэтому действительно верил и прислушивался.

17.05.1946

Возобновляю записи, после значительного перерыва. Вчера опять был у Ленских. Встретили, как никогда прежде радостно, в особенности Дина. Вел я себя прилежно - надоесть не успел. Времени было недостаточно - торопился к 8 часам домой. Вышло, как и рассчитывал - мое отсутствие повлияло к лучшему. Впрочем, она меня не любит, хотя, спасибо, и не антипатирует мне, как мне казалось раньше.

Предложила сфотографироваться. Волосы у Дины порыжели, и сама она выцвела, по сравнению с первыми днями знакомства и

первыми моими впечатлениями от него.

Высокая стройная Инга, молоденькая немка из Мариендорфа (теперь, спустя много времени, уже из Райсдорфа), куда впервые ради нее я совершил визит, красивее и проще, хотя эта подвижней и душистей и, главное, - русская. Обоим я не противен, но что еще более вероятно, сердца обеих уже заняты. Владимир Иванович - величает меня иногда Дина и даже не замечает, что путает с кем то другим.

22.05.1946

Поезда отнимают много времени. Ездить приходится почти ежедневно.

Решил кое-что приобрести. Уже пошил два костюма, но не за что было выкупить. Сегодня продал сигареты и еду к портному. Фотофильмов теперь много. Есть и проявитель и закрепитель. Снимки моим аппаратом неплохие, остается только научиться проявлять и закреплять, но для этого нужны подходящие условия: темная комнатка и фотограф - учитель. В Вельтене есть возможность заняться фото всерьез. Уже надоело в Берлине. Девушек не вижу, ни с кем не встречаюсь, хотя у нас на заводе их тысячи. Сами приходят, приносят цветы, ждут меня. Но время подводит. Почти всегда отсутствую - в разъездах.

Вот и сегодня одна чудная куколка настаивала, чтоб я был дома в четыре часа. Сейчас уже час дня и я тороплю себя, поезд, сержусь на время; оно не считается с моими нуждами и убегает так спешно в прошлое.

Вчера фотографировал офицеров. Нарочно выбирал исторические места, и важно было для меня не этих крепышей запечатлеть, сколько Берлин, во всей его пустоте и величии.

На днях встретил майора Ладовщика, в Трептовер парке. Он побывал в Днепропетровске, огорошил рассказом об исчезновении Шевченковского парка и других чудных, родных мест. Взял у него адрес, сфотографировал его. Решили переписываться.

В гастрономе встретил Гайдамакина. Он царствует безнаказанно на воле: пьет, гуляет и, даже в партии. Успел заболеть сифилисом, а других всех болезней у него и раньше было, хоть отбавляй. Хвастает своим образом жизни и новой должностью. Как глуп свет!

24.05.1946

Теперь с Диной покончено окончательно.

26.05.1946

Выходной день, и я снова в пути. Еду на Вельтен.

До предела насладился близостью с женщиной. А случилось так. Судьба подбросила меня в Трептов парк, где я пошил костюм

и где, на фабрике "Акфа" достал фотоматериал. Дорогой бросилась в глаза симпатичная девчонка. Два раза щелкнул фотоаппаратом. Заинтриговал ее то ли своей внешностью, то ли сделанным фото. Она быстро отбросила первоначальную мысль ехать в Грюнау, где пляж, и согласилась остаться со мной. В Трептове я еще три раза сфотографировал ее с подругой, у которой она живет. Затем втроем погуляли у речки. Я торопился и пробыл с ними не долго. Впереди было еще два визита к Инге в Рамсдорф и к Дине в Адлерсков.

Девушки обещали ждать до шести. Было два часа и я полагал, что успею к этому времени вернуться в Трептов. Вернулся только в семь, но девушки ждали. Я был очень обрадован их терпеливостью и благодарен, за уже намечавшееся постоянство, славненькой Лизелоты.

01.06.1946

И вот снова в дороге, но на сей раз в далекой, обещающей быть увлекательной и интересной. От Берлина.

Взору моему открываются чудесные картинки природы - горы, леса, реки. Такая яркая всюду земля, скалы и замки. Непостижимо слабо объемлющим человеческим глазом это все контрастировать в один прием. Шаг в другое измерение из настоящего, пятилетнего тумана войны.

Еду в Вейсмер - город Гетте, город муз и памятников искусства.

Не спал эту ночь - собирался в дорогу. Вначале чувствовал переутомление и слабость, но теперь весь в окне, за окном, и даже больше того, где-то далеко впереди, в глубине природы.

Немец-кондуктор отвлекает меня от дум, переводит мой взор к противоположному окну, где медленно переворачивается и проплывает как в сказке красивый, полуразрушенный замок немецкой старины, весь в скалах и зелени. Я смотрю, пока он не исчезает бесследно, и затем долго держу его в воображении.

Немец-спутник, заискивающе улыбаясь, показывает сначала на губы, потом на свой пустой мундштук и ждет. Впечатления пропадают. Даю ему закурить и брезгливо отворачиваюсь от окна.

Снова клонит ко сну. До Вейсмера 16 километров. Сейчас остановились у красивого, церковной архитектуры городка и, снова вперед, навстречу неизведанному.

Вейсмар.

Какая здесь своеобразная архитектура, какая шикарная природа. Горы Тюринген - подумать только, и сюда, по воле случая, по прихоти шаловливого провидения, ступила моя нога.

Застал одну Шуру. Надя уехала в отпуск. При встрече дала себя знать отчужденность, которая оправдана всей

непродолжительностью знакомства - ведь в разговоре мы никогда не называли друг друга на "Ты", и только письма нас сближали. Но затем в комнате, где на видном месте стоял мой портрет в рамке, и где я встретил дружескую заботу и внимание со стороны Шуры - вся напускная стеснительность пропала, и я почувствовал себя как дома.

Шура круглый день занята на службе. Пробовал отоспаться в счет прошедшей ночи, пока Шура отсутствовала - но днем не могу спать. Лежал, пока она не пришла, но затем ее опять позвали и я один в комнате.

Пересмотрел фотокарточки. С окна красивый вид на город и на возвышенность, мохнатую лесами. Кругом военные. Кажется их здесь больше чем немцев. На одном из красивейших зданий: "Военная администрация национальной провинции Тюрингия".

Пребывание здесь мое нелегально, могут забрать. Но, думаю, пронесет опасность ветерком, так пекущейся обо мне, судьбы. Хочу и завтра остаться здесь, посмотреть, увидеть, и потом на Берлин. Придется обойтись без Лейпцига.

04.06.1946

Берлин

Теперь нелишне отдаться воспоминаниям. Только что вернулся от Ленских у них давно не был. Ждали нетерпеливо, но, более чем уверен, не так меня, как фотокарточки. И, представь, дневник, их конфуз и разочарование, когда они увидели своего любимца Владимира Ивановича таким обезображенным и некрасивым. Дина заметила мне: "Почему Володя, вы лучше выходите на фотоснимках, чем Владимир Иванович? Или же вы нарочно так снимали?" Я не нашелся с ответом, хотя в душе хранил злорадство и удовольствие - получилось так, как мне хотелось. Вступился отец, объясняя - "Володя всегда спокоен, умеет фотографироваться, а вы с Владимир Ивановичем все прыгаете". Ответ никого не удовлетворил, но и не обидел.

Пусть любится на здоровье. Я еще таких Дин не мало найду в жизни. Сами будут проситься на ласки и любовь. И все-таки Динка чертовски интересна.

Надо было смотреть, с каким восторгом и цепкостью она ухватилась за фотокарточки, где был капитан. Как она их ласкала взором, руками и даже прижимала к губам; мать тоже, - успел парень обоим закрутить головы.

Магнитны глаза у Дины - опять пригвоздили к месту. И я согласен был выслушать все: и тошнотворные старческие разглагольствования ее отца, и поцелуи, оставленные на фотоснимках с Владимиром Ивановичем, и отсутствие Дины, когда она готовила чай, за одну улыбку, за теплое слово девушки.

А все-таки мало, так мало она подарила таких минут.

Волосы у нее рыжие наполовину. Я не смею ее любить - для этого надо быть счастливым и старым, если не годами, то жизнью и душой.

Теперь о Веймаре.

Мысль о писателе Никитине была главной в моей поездке. В дорогу захватил с собой все наброски, даже письма, даже черновики - полный чемодан бумаги. Взял 14 фильмов. Захватил и хлеб, и масло, на случай если там тяжело с питанием. Рассчитывал проболтаться в Веймаре дня три-четыре. Хотел застать обеих девушек дома и непременно объясниться Никитину. Захватил даже журнал "Знамя", где в одной из рецензий жестко критиковался писатель за одну неудачную вещь.

Всю ночь не спал. Накануне приехала Лизелота, привезла белье со стирки, свои боли и страдания, и - запах женского тела. Помогала собираться в дорогу и, когда я на всякий случай незаметно вбросил в чемоданчик пачку из трех презервативов, ревниво вышвырнула их оттуда; спросила зачем. Я покраснел и оправдывался, что по ошибке.

В два часа ночи купался. Лизелота не пошла со мной, осталась в комнате и, вернувшись, я застал ее за наклеиванием в блокнотик фотокарточек моего изготовления.

Быстро разделись. Она до половины, я наголо. Тесно прижался к ней.

По телефону предупредил заводскую охрану, чтоб разбудили в шесть. Лизелота перехватила трубку и поправила меня - в пять.

Едва вздремнули, как наступило утро. Стали одеваться и, когда уже были готовы, зазвонил телефон.

Трудно добираться до Аитгельского вокзала - потребовалось два часа. На полпути, у Александер Платца, Лизелота простилась со мной и обещала ждать у себя дома, когда я вернусь из Веймара.

Поезд уже стоял. Приехал перед самой отправкой. И потянулись семь часов усталого пути. Так пересекли Эльбу, множество других больших и мелководных речек гладких, волнистых, бурных и ворчливых. Город сменили степи, степи ушли в леса, а те, последние, заползли на горы и там мохнатили скалистую землю.

Сердце стремилось наружу, где за окном, в полях и долах жадно трудились люди.

Много деревень и городков. Все каменные. Архитектура менялась по мере приближения к Вейсмеру.

Но вот Тюрингия, горная сельская земля. Гале, Оппольд. Свои национальные флаги, своя отделка зданий, вся в узорах, в зелени

и горах.

Сильно клонило ко сну. Но спать невозможно - ведь я оказался в другом мире, увидел другую жизнь, явно отличную от той, что на протяжении целого года, до этой. И радостно и жутковато, что вот далеко Берлин, что всюду речки и горы, что все совсем не то, что на модных столичных дорогах.

В Веймаре сходило много военных. Я выходил, зажав в руках часть письма с адресом ".....штрассе".

Улица нашлась быстро. Не очень-то присматривался к окружающему главной мыслью было найти Шуру и Надю.

На указанной улице, в самом конце ее, увидел двух девушек младших лейтенантов. Спросил переводчиц из пп. Тоже младшие лейтенанты, приехали из Берлина - объяснял я второпях. А! это, наверное, из военной цензуры! Знаем! Пойдемте, покажем. И они указали красивый, четырех-пяти этажный, до самой крыши в винограде диком зеленом ползучем, дом.

Шура заметила в окно. Вышла и, еще не поздоровавшись, стала упрашивать своего начальника пропустить меня внутрь.

Сразу были на "Вы". Потом развеялось. Шура уложила меня в постель, сама ушла работать. Солдаты принесли обед: не хотелось, но съел, в досаде на бессонницу. Часиков в семь Шура освободилась. Слегка прошлись по ближним улицам, и ушли спать. Я - к одним военным, где договорились девушки на одну ночь.

07.06.1946

Читаю французскую газету на немецком языке "Der Kurier", и размышляю между строк о дипломатии, политике силы, государственной самостоятельности и прочих разностях, в свете международных отношений сейчас, да и во время войны.

Как правильно, думаю, сделала моя страна и как мудры наши рулевые на борту героически плывущего средь трех бурь и неисчислимых качек, корабля, когда использовали военную ситуацию - мир с Германией и слабость нынешних союзников (тогдашних недружелюбцев Англии и Америки), поспешив расширить наши границы на земле и на море, путем возвращения Бесарабии и Черновиц с прилегающей областью; Западной Украины и Белоруссии, Балканских стран и Карельского перешейка в Финляндии. Что было бы, если бы у нас теперь, не было бы этих территорий? Теперь трудно бы было доказать твердолобым умникам (я говорю без кавычек - они по-своему умны и практичны) из-за рубежа в дипломатических мантиях, законность воссоединения этих земель с нашей Родиной. Как трудно им вбить в голову справедливые и всегда, на мой взгляд, правые требования нашего правительства и всего нашего

великого, многомиллионного народа. Ведь насчет турецкой Армении мы даже не заикаемся. Хотя даем волю, поощряем сторонников объединения армян под флагом советской Армении у себя и особенно за рубежом; разжигаем, оставаясь в стороне, этот преткновенный вопрос. В начале войны все были заняты своими делами, думали о своих шкурах...

09.06.1946

Берлин-Кепеник.

В поисках костюма. Где купить военный костюм? Хочется одеться прилично, а отрез защитного цвета даже у немцев большая редкость. Снова решил навестить, чуть было не надувшего меня портного, что в Трептовер Парке. Стал просить адреса и он охотно написал мне три таких, чтоб отвязался только. Под конец, когда я стал уходить, он предложил пройти с незнакомой немкой еще по одному адресу. Я согласился. Всю дорогу женщина расхваливала мне товар, между прочим, не забыв упомянуть, что он лучше и дороже того, который мне предлагался накануне. Одним словом полностью раскрыв свои карты, дала понять что она - маклер.

Нет, думаю, меня не проведешь, буду иметь дело с первоисточником, остальных и знать не хочу.

Между тем, женщина, задыхаясь, поднялась со мной на 5 этаж, познакомила с молодой хозяйкой дома и завела разговор о сукне, о костюмах... Неожиданно я прервал на полуслове и с ходу, как в хорошей битве, где хитрость и внезапность столь значимы, спросил, обращаясь к хозяйке:

- А сколько стоит?

Женщина, которая меня привела, опередила ответ собеседницы и поспешно, почти крикнула: "Тысяча пятьсот!"

Я понял что дешевле, уже хотя бы по тому виду, который выражало лицо хозяйки и по взгляду, которым тот час же обменялись женщины. Но и это уже был успех моей дипломатической линии - портной оценивал материал в 1700-1800 марок.

Сделал вид, что я прост: обещал приехать, но не говорил когда.

- Вы смотрите, обязательно заходите к геру Розе, - так звать портного, - и мы с вами пойдем сюда!

- Хорошо, хорошо, - ответил я, - иначе я и не мыслю поступить. А сам думал: "Нет, брешешь, не глупей я тебя, бабка. Выдала ты себя и всю свою комбинацию с головой и с первого раза".

На всякий случай решил записать адрес.

- Зачем он вам? Я хорошо знаю этот дом и квартиру!

- Может быть я приду не вовремя, вас не застану?! - крыть было нечем!

- Тогда шить приходите к геру Розе - уцепилась она за последнее средство участия в сделке.

- Конечно, конечно! - успокоил я спекулянтку и простился, когда они еще шептались с хозяйкой.

10.06.1946

Берлин.

Неожиданно наступила полная отупация рассудка. Дает себя знать, не покидающий еще с довоенных времен, недуг. Физическое состояние связано с умственным. Все парализовано. Руки отказываются работать, язык не согласен с разумом, и трудно говорить. Слабость и недомогание. Голова отяжелела и письмо настоящее, достигается высочайшим напряжением всех сил.

Не знаю, чего я наболтал майору. Он принял меня хорошо, угощал чаем. А я не смог ни есть, ни пить. Все наступило после выкуренной мною папиросы. И в голове как будто тысяча камней и мысли все не мои. О, когда наступит исцеление? Есть ли такой хирург-невропатолог, или не знаю, кто еще из врачей, который сумел бы освободить мою свежую мысль и пытливый ум от решеток, которыми окружен мозг мой, сдерживающих меня на уровне самого среднего и самого посредственного человека. Превозмогая слабость и отчаяние, я должен поделиться с тобой, дневник мой. Тяжелый туман давится в голове, жмет сознание.

17.06.1946

Проходя по одной из улиц, обратил внимание на большую толпу людей у забора. Люди подымались на цыпочки, заглядывали в щели и через головы впереди стоящих. Заинтересовался и я. А, когда, наконец, приоткрыли калитку, увидел по ту сторону забора два полусгнивших и, если бы не скелеты, то обесформившихся комка человеческих тел. На одном из них торчала, крепко влипшая в череп каска, обрывки обмундирования немецкого солдата. На другом кроме скелета ничего нельзя было различить. Из разговоров подслушанных мною, узнал, что трупы были извлечены из-под обломков здания и, как явствует из состояния их, пролежали в земле более года. Немцы сокрушенно встряхивали и покачивали головами, вздыхали: "Кто их теперь узнает, бедные..."

Вчера в комендатуре района Кепеник произошло очередное ЧП. Пьяный старшина, запертый в комнате вместе с офицером, с которым выпивал, вывалился с 3 этажа здания на мостовую и разбился. Тоже, через год после войны...

23.06.1946

В конечном итоге два приличных костюма, один из которых сейчас на мне, обошлись, вместе с пошивкой в 2,5 тысячи. Костюмы сменял на радиоприемник, который оценил в 2 тысячи марок.

Теперь назрела новая идея - фотоаппарат типа "Лейки" за 6 тысяч, и радиоприемник-лилипутик в пять ламп за 4 тысячи марок. Обе вещи нужно приобрести любыми путями.

26.06.1946

Хенигсдорф.

Самый неприятный день в жизни - заболел гонореей. Боль, мучение и стыд обручем сжали голову.

27.06.1946

И снова пишу в поезде, в Берлине.

Работу свою давно закончил. Пробыл здесь в общей сложности более трех месяцев. И все потому, что никто мною не интересовался, никто не спрашивал с меня по-деловому, никто не мешал, но и не помогал мне.

Женщины долго не могли поколебать мое упрямство: я больше отдавался бумагам и чтению, нежели им (читал я газеты русские и, вполовину доступные моему пониманию, немецкие). Меня засыпали письмами, всякого рода записками в стихах и прозе возвышенной. Мне улыбались на улицах, в трамвае, в поезде, махали руками из окон домов, кричали вслед ласково и зазывно. И если я вдруг отвечал на улыбку - светлели глаза, зажигаясь огнем. Стоило остановить на пару слов немочку - она звездой загоралась и тухла от моих слов, на все соглашаясь с первых минут знакомства. Русскими я мало интересовался. Они здесь редки и нарасхват. После столь недоступной мне Дины, уверенно стал тосковать о времени. Только под конец моего здесь пребывания, соблазнился тремя, по очереди, хотя не влопался, избалованный красотой.

И вот сейчас, когда я навестил Кепеник, застал кучу писем и записок, еще мокрых от слез, с вздохами и мольбами о жалости. Ну, чем я им могу помочь?

Но об этом в другой раз.

01.07.1946

Креммен. Госпиталь.

Под влиянием Толстого, его "Войны и мира" и тяжело нависших мыслей о болезни, которые тщетно стараюсь отвлечь, вот, например Толстым, но которые, тем не менее, гнетут и мозг и сердце. Хочется вспоминать прошлое, не всегда и не совсем беззаботное, но наивное и простое, как и все на земле весной.

Война пришла в мой мир большими неверными шагами. Появилась, встала передо мной: сильная, необъятная и полная

таинств непредвиденных. Невозможно было заглянуть в ее глубину, познать ее развитие и исход. Так она стояла нерешительно, позволяя к себе привыкнуть, но не открываясь передо мной. Первые дни я был спокоен, уверен, что все хорошо закончится и Германия с первых дней получит по заслугам. Благо, думал я, что, наконец есть возможность разделаться с немцами, всегда врагами нашими, злобными, сильными и коварными. Вот сейчас и будет покончено с той опасностью, которой нам так долго грозил этот агрессор. Я был насыщен патриотизмом, не мыслил себе ничего другого, кроме поражения немецкого, их отступления и разгрома. Все мне казалось так просто, и война, так внезапно пришедшая в мир мой, должна была непременно скоро кончиться, радостно, счастливо.

Не задумываясь, ушел в колхоз. До двух месяцев дерзко трудился, собирая непосильный урожай. Потом эвакуации, бомбежки - война оскалила зубы, показала лицо свое. Страха не было, одна растерянность, недоумение.

Рытье окопов, тревоги ночные, ужасные, стоны бабушки, беспокойство за мать. Желание видеть ее с собой, быть рядом, не на расстоянии 30 километров в заводе, в бомбежке. С тоской отправлял ее на работу, радостно встречал по вечерам. Жизнь не улучшилась, горе не сплотило нас, нужда не заставила мириться и семейные сцены-раздоры, не без главного участия ворчливой злой бабушки, не прекратились. Я был злораден. И умел раздражать своим смехом и кривлянием, но с другой стороны был жалостлив и предан всем без разбора, с чьей стороны замечал понимание и участие.

Мама нервная и тяжелая. Редко она могла приласкать меня так как я хотел того, но почти всегда ругалась и была холодна. Сердцем я чувствовал любовь ее горячую и нежную, но умом такая любовь не принималась. В детстве я тоже балован не был душевной настоящей теплотой, но тогда я не встречал еще холодности жестокой со стороны матери - любовные чувства довлели над остальными и, потому, скоро забывались и дикие побои (иногда головой о стенку) и злобные упреки, и бойкот всеми способами.

Ночь. Одолела бессонница. К мысли о триппере присоединилась другая, навязанная прочитанными брошюрами о сифилисе. Неужели и правда я так несчастлив, что жизнь меня не щадит, уничтожая еще более мерзким орудием своим?! Неужели да? Маленькая язвочка подходит под описание. Места не нахожу себе. Доктор целый день не приходил, а до утра еще так долго. Неизвестность хуже всего. Но лучше пока эта зверская неизвестность, чем ужасный факт. О, как тяжело и мыслить и

жить в этом мире...

02.07.1946

Доненвальде.

На приеме у врача в очереди. Сюда я когда-то привозил Юрченко. Теперь и самому довелось угодить. Дай бог, чтобы не сифилис, об одном молю с содроганием сердца и колючим дрожанием мускул.

Как я буду теперь умен и осторожен! Помилуй только меня судьба.

В обоих госпиталях сифилиса за мной не признают, однако я не жалею о потерянной ночи бессонной. Лучше пережить чувство страха, чем сам страх, живой и реальный. Не жалею и о совершенной поездке по двум причинам: теперь я определюсь в госпиталь и буду подвергнут настоящему лечению. Анализ меня наполовину успокоил.

Еду поездом. Из Нойштрелец до Берлина 106 км. Но уже проехал Фюстенберг, и осталось на два десятка километров меньше.

Теперь опять в Доненвальде. Куда теперь дальше - не знаю. Может лучше остаться здесь? Или, нет, еду дальше. Река, лес, болото, а сквозь лес белеется шоссе. Как красиво!

Нойштрелец большой, красивый город. В центре его теперь красивая бронзовая статуя - памятник воинам Красной Армии. В огороженном вокруг статуи парке много могилок, братских и одиночных, из которых большая часть безымянным героям: "Здесь похоронены красноармейцы, павшие смертью храбрых в боях за Советскую землю", или "Здесь похоронен боец, павший в боях с немецкими фашистами". Статуя в центре изображает бойца с высоко поднятым знаменем, со звездой и с винтовкой. Сделана по образцу немецкой колонны Победы в Берлине, хотя размерами значительно меньше.

Только что на станции из вагона вынесли старуху. Он умирала, видимо измученная толкотней и давкой в вагоне. Никто не подошел, не оказал ей помощь - ее положили на землю и ушли. С окон вагона любопытно смотрели на ее тело и прерывистое дыхание. Смотрели без жалости, без сострадания. Только какая-то безобразная горбатая девушка подошла, нагнулась и, когда поезд тронулся, я увидел, что она поит старуху водой.

Станция Гранзее. Где-то недалеко должен быть Креммен, но теперь уж сходить не решаюсь.

Боль навевает тоску, желание отвлечься, но чем? Книгами? Уже прочел в эти два дня дороги и болезни 4 том "Войны и мира" с комментариями; маленькие рассказы Дж. Лондона "Любовь к

жизни", которые так ценил Ленин.

Красивый вид на поле у станции Буберов, жаль, не успел зарядить фотоаппарат. Сейчас вставляю пленку, пока поезд движется - это ведь тоже занятие и отвлекает.

Женщины сейчас противны. Я не могу и боюсь переносить их присутствие. Поступаю сейчас весьма эгоистично, так как все отделение вагона на 7-8 мест занимаю сам, немцев не впускаю - вагон воинский.

Гутен Гермендорф. Здесь лес и поле с отдельными хатками и девушками, прячущимися в кустах. Я зарос пятидневной давностью. Немцы удивленно посматривают на меня, еле передвигающего ноги, молодого и старого вместе с тем, а я отворачиваюсь и злюсь в душе на себя и людей, на германскую землю, что наводнена теперь всеми болезнями.

Доктор из госпиталя Соломонник меня подбадривал: "Что загрустил? Тот не мужчина, кто не болел триппером. Ничего здесь страшного! Согнулся, опустился, зарос, как дед старый. Триппер - болезнь воина! А ты офицер и мужчина!"

Сестра пообещала не пустить меня в госпиталь, если приеду небритый. Здесь чуткие, отзывчивые люди. У них надо лечиться, а не в бригадном лазарете, где даже санитарок заменили бойцами, редко, к тому же, заглядывающих в палаты.

Знакомая станция Грюнеберг. Сюда я когда-то ехал с вертушкой, возил лес. Теперь до Ораниенбурга 20 километров.

Хочется пить. И, несмотря на жажду совпадающую с настоятельными советами лекарей, всю дорогу не могу осуществить своего намерения - воды, воды мелькают и остаются на всех станциях, но тщетно ищут глаза и мечтают губы... Воды нет.

Еще речушка на подступах к Ораниенбургу. Как завидую тому мужчине, который только что, бодрый и здоровый, окунулся и выскочил из воды... и детям, которые так малы и не знают еще как жестока и беспощадна жизнь.

03.07.1946

Берлин-Тегель.

Так и доехал я до Ораниенбурга растерзанный мыслями о своем бедствии. Надо было успеть еще в Креммен, вовремя забрать аттестат и ехать обратно в госпиталь. Однако, вследствие расхождения во взглядах с судьбой, та решила иначе - поезд на Креммен не шел, а автомашину невозможно было остановить на шоссе.

Кто-то из немцев посоветовал ехать машиной до Шонхольца, так как оттуда легко де на поезде махнуть в Хеннигсдорф. "Еще не все потеряно!" - решил я. Лучше ведь ночевать дома, чем на

улице.

Но и эта надежда не оправдалась. В Шоневайде был только в 11 часов, поезд мой запаздывал, а другой, что на Хайликензее из Щтетинского вокзала, не стал меня дожидаться, уехал. Оставались две крайние меры, ничего хорошего не прибавлявшие к моим неосуществленным мечтам:

1. Ехать на Берлин.

2. Оставаться в Шоневайде.

05.07.1946

Нойштрелец. Госпитальная палата.

Сегодня, впервые, на восьмой день болезни начинают лечить меня. Наслушался рассказов о том как скипидар оказывается испорченным, сырым, и о том как разрезают то место, когда делают вливание и какая это мучительная боль. Признаться, набрался страхов.

Только что делали прижигание. На меня, человека неискушенного в таких болезнях и впервые попавшего на лечение, произвело нужное действие. Но это начало. Сегодня еще укол. Самое страшное, как рассказывают: спать не смогу, грызть на себе все буду - уколы скипидарные.

Итак, сегодня получил сужицевание 1/2 лямис. Теперь остается 40% скипидар 1,0 гр., и затем 20,0 перемель по схеме. Таков рецепт врача.

7 вечера. Получил скипидар. Товарищи говорят, что нужно ходить, чтобы рассосалось. Укол болит и чувствую, что набегает температура.

Зовут на ужин. Сейчас 7.30. Я еще могу ходить и стою на ногах. Из окна веет прохладой - выпал дождь, озеро посерело и сравнялось цветом с насупившимся небом.

Сегодня написал только 4 письма.

08.07.1946

Мне легче. Температура падает и подымается снова, неравномерно и странным образом. Вчера вечером она у меня доходила до 39,6?, сегодня, в разное время, - 38,7, 37,9, 37,2, и сейчас, в 6 вечера, 38,3. Спать не могу - лежать тяжело. Будто разбитый параличом лежу на животе, две подушки использую для, почти неосуществимой цели - смягчить боль суставов, сковывающую после укола. Три дня не кушал, сегодня впервые появился аппетит. За пять дней не было стула и, даже клизма не помогала. Сегодня же впервые освободился и от этих забот. Со вчерашнего дня стал принимать перемель: вчера - 12 штук, сегодня до 12 часов - 10 штук (11 грамм), а всего нужно 20 грамм. Значит завтра последний день лечения, потом начнутся всякие поверки, испытания, могущие продлиться очень долго.

Писать тяжело, оставлю.

10.07.1946

11 вечера. Болезнь моя на последней стадии излечения. В 12 часов принимаю последнюю таблетку и потом стану подвергаться исключительно проверочно-испытательным мероприятиям. 6 день в постели. В первые четыре дня весь бок парализовало. Температура, правда, была не очень высокой - до 39,6. Не знаю, как это отразится на ходе лечения - говорят плохо, когда невысокая температура. Вчера и сегодня температура резко снизилась до 38,3, стало немного легче. Выделения прекратились с первого дня от принятия уколов. Рези прошли и сегодня, только после прижимания, опять появились выделения.

В процедурном произошел неприятный случай со мной: ляпис, которым прижигали, не вышел сразу, а остался в мочевом пузыре. Только через два часа я от него освободился.

13.07.1946

Провокация.

Буж. Прижигание однопроцентным лописом, после обеда молочный укол - вот те проверочные мероприятия, которые уже перенес. Остается укол. И тогда послезавтра скажутся результаты, так называемой, первой провокации.

6 часов 30 минут. Только что принял укол. Пока не больно, лишь чуть поламывает. Зато скипидарный укол никак не оставляет в покое. Пишу, стоя на коленях в кровати, локтями рук упершись в изголовье. Боль и резь, кажется, состязаются между собой. Временами тяжелая, вдавливающая сила боли, утихая на месте укола, бросается ноющей резью в ногу и таз, гнет мои кости, ломит их там безутешно.

Трудно лежать - правый бок и живот успели за 8 дней насыщения скипидаром, стать не менее чувствительными, чем больные части тела. Стоять тоже долго не могу. Ходить тяжело: появляется слабость и страшная жажда, а боль не покидает. 5-6 дней ничего не ел, только пил воду. Похудел, предположительно, килограмм на 10-15. В зеркале себя не узнал: глаза стали еще более впалыми, чем прежде, лицо тоньше, голова маленькой сделалась, а волосы падают клочьями. К тому же появилась чесотка.

Много переживаний принесла мне маленькая язвочка на половом члене. Появилась внезапно (была безболезненной) задолго до последнего и рокового сношения с женщиной. Впервые о ней заявил в Бригадном санлазарете. Военфельдшер, толстый пожилой старший лейтенант с многолетним стажем работы посмотрел и сказал, что это, вероятно, что-то другое, но не настаивал на своем диагнозе и для проверки направил меня в

специальный госпиталь в Донневальде. Там признали гонорею, и доктор прямо указал, что к настоящему времени болезнь (как он выразился по-латыни) не обнаружена. Дал направление сюда в госпиталь. От Донневальде в 32 километрах. О возвращении в Креммен в тот день пришлось забыть. Но я решил не откладывать, ибо наслышан был о плохом лечении в лазарете и о многом другом, для меня неприятном.

16.07.1946

Много неприятностей доставил мне рейс в Креммен и обратно сюда. На попутных машинах и поездах только к вечеру добрался до Ораниенбурга, и там встретился с плохой новостью: поезд в Креммен не пойдет. Тогда решил останавливать попутные машины, но и здесь наткнулся на фиаско. И, когда мне сказали, что со станции в сторону Берлина ходит электропоезд, решил ехать до Шоневайде, откуда можно пересесть на поезд до Хайликензее. Но только и здесь не вышло желаемо. В Шоневайде приехал поздно. Остался только поезд на Щетинский вокзал. Решил ехать туда на ночлег. Однако, все эти гостиницы и дома приезжих, о которых мне столько рассказывали, были далеко, к тому же в них попасть можно было только через комендатуру.

Пришлось искать место на вокзале. Немцы спали на лестницах, на ступеньках у входа в метро и просто на каменном полу, согнувшись и прижавшись друг к другу, телом к телу. Меня подобная перспектива спанья не радовала. Спустился вниз на перрон. Однако поезда ушли в депо. Немцы-железнодорожники уговаривали подождать - через час должен был прийти поезд последний, который останется здесь до 5 часов. Ко времени моего прихода на перрон было уже 12, но все-таки решил ждать - другого выхода не было. Прикорнул на лавчонке. Не спалось: думы приходили одна за другой, а потом пришел поезд. Я забрался в купе 1 класса и сразу уснул на мягком сидении.

Разбудили суета, стук, движение. Было 4 часа, а поезд уже наполнился людьми. Я вышел и опять прилег на скамейку, однако, спать мне не дали. То на меня клали вещи, порой садились, не заметив при тусклом свете, а может, если учесть что немцы нахальны, - нарочно.

Наутро, с первым же поездом решил в Хайликензее. Но только сон одолел некстати и прозевал станцию, спохватившись почти у Щетинского. Вновь поехал на Хайликензее, досадуя на 1,5 часа утерянного времени.

На Базе обрадовались: лишний офицер - лишний дежурный по части. Люди, страдающие от безделья, свыкшиеся с ним в кабаре и пивных, теперь не хотят даже дежурить. Дрыгайт (старший лейтенант) встретил меня красной повязкой. Другие с

радостью готовы были свалить на меня их работу - были довольны не мне, как человеку, но как единице в офицерской среде. Радость их омрачил в самом начале: не задерживаясь, объявил, чтобы все слышали, что еду за аттестатом в Креммен и оттуда в госпиталь.

В санлазарете толстопузый его начальник удерживал меня и уговаривал, но я решил твердо и на уговоры не поддавался, тогда он сам приказал выписать мне аттестат. Аттестатом моим воспользовались и там и здесь, для различных нехитрых экспериментов. Там, например, написали так: "исключен с довольствия 4 числа, продукты получены по 3 число", а выдать хотя бы сухим пайком причитающиеся мне продукты, отказались. За 4 дня украли у меня сахар и мыло.

18.07.1946

Нойштрелец. Госпиталь.

Вчера в последний раз был на приеме у врача. Вторая провокация, так же как и первая, признаков гонореи не обнаружила, и доктор Соломонник обещал меня выписать в пятницу, т.е. завтра.

Укол скипидара отнял у меня много здоровья и принес мне, в дни своего действия, мучительнейшую боль. 10 дней я не мог ходить и, почти столько же, не подымался с постели. 5 суток не принимал пищу и страдал отсутствием стула. После приема перемели, болезнь исчезла, но появились прыщики, по всем признакам подходящие под определение "чесотка". Доктор, однако, лишь посмеялся над моей мнительностью и назвал это простым раздражением, спасения не назначив. Теперь тело все жжется и чешется, в особенности место недавней болезни.

За мое здесь пребывание в качестве пациента написал много писем. Почти все короткие, состоящие в основном из фотокарточек от которых мне вдруг захотелось избавиться.

Мысль ослабела, отяжелел рассудок и, честно говоря, ничего полезного не придумал. Много читал книг и ослабил зрение.

Только что нащупал на месте скипидарного укола много бугорков. Снял штаны, посмотрел - сыпь - признаки сифилиса. Окончательно расстроился, жду утра, чтобы выяснить. Неужели он? Какой я несчастный! Опять!

19.07.1946

Нойштрелец.

Выписывают меня после обеда, часа в 3-4. Врач опять посмеялся, но все же выписал мазь. Говорит простое раздражение от грелки и от компресса. Не думал что у меня такое нежное тело!..

21.07.1946

Хеннигсдорф.

В поезде, дорогой на Берлин.

Позавчера, когда я был еще в госпитальном халате, ко мне приехал Купцов. Оказывается, с Берлином до сих пор не рассчитались, запутались, в полностью оформленных мною документах (и решили искать меня в госпитале) деловые люди, надо сказать!

Домой приехал поздно вечером, писем не очень много - три от мамы, три от Шуры с фотокарточками и по одному - от папы, от Софы Рабиной и Короткиной. Еще от Нины К. - а ведь утекло немало дней - почти месяц!

До двух ночи, с двенадцати, писал ответы первым трем адресатам. Теперь решил отвечать регулярно и подробно, но не унижаться, не надоедать первому.

В части к моему возвращению прогремели слухи о том, что у меня двойная тяга и прочие ужасы, от которых еще тяжелей на сердце. Слухи, оказывается, распустил капитан Юрьев, наш начальник - авторитетный источник, по единогласному решению офицеров. Со мной не хотят здороваться за руку, меня опасаются в столовой и так много рассказывают обо мне, что иной раз и сам начинаю сомневаться в себе и опасаться самого себя. Ведь это сказано не шутя, а совершенно официально на одной из лекций, посвященной вензаболеваниям. Сказано для вескости, для красного словечка, и еще для того, чтобы уничтожить меня заживо.

Утром сегодня не выдержал, пришел к жене Юрьева - фельдшеру, требовать, чтобы направила в Олимпишес Дорф на исследование крови. Капитан встретил недовольно: "Что заслужил, то и носи!" - циничней нельзя выразиться. Но зачем же распространять слухи? Свое я выносил, приехал в часть полуживой после лечения, а меня обходят как зачумленного.

24.07.1946

Берлин-Осткройц.

Все выходящие в Германии газеты, немцы подразделяя на русские, английские, американские, французские и партийные - коммунистические, социалистические, христианско-демократические, либеральные и другие - своими не считают.

Берлин-Райникендорф. Еду обратно в Хенигсдорф. Накупил продуктов - по пальцам перечесть, а денег - 700 марок как не бывало. Теперь хорошо принимают немецкие, что при Гитлере имели хождение. У меня их было до пятисот - избавился.

Вишни свежие намокли и разорвали конверт. Надо было их ликвидировать и я, при всей своей, ставшей после болезни особенно утонченной брезгливости, не помыв их, и не освежив

рук, стал есть тут же на станции.

Эдакий сморчок подошел ко мне, плюгавенький, ехидный немец, и заглянул вначале с одной стороны, затем с другой, поднявшись на цыпочки (он карлик ростом), улыбнулся заискивающе - что я ем? И, когда я сердито спросил "Чего вы хотите?" - отвернулся. Затем отошел, не меняя улыбки, - "Schmeckt gut?", и долго потом крутил носом, нюхал и оглядывался вокруг своими маленькими, даже из-под очков, глазками, так, что тошно стало в его присутствии. Долго плевался вишнями, испытывая единственное успокоение при виде этого человеческого безобразия. Но подошел поезд, и отлегло, забылось.

Вишен было много - не одолеть. К счастью в вагоне оказались две девочки лет семи каждая. Они забавно играли в игру-отгадку, в которой, между прочим, были вопросы очень взрослые: "Твое сердце еще свободно?" и другие, так что невольно делалось смешно и забавно. Все вишни отдал им - уж они-то были рады!

Рядом едут французы - очень скромные и уважительные. Вошли, поприветствовали - один хорошо может по-немецки. Угостил их конфетами. Были рады. Давно, говорят, не ели таких.

Взвесился - 62 килограмма - ровно 4 потерял. Много, но значительно меньше, чем думал. Запустил бороду, усы, стал неузнаваем и постарел на вид. Парикмахер, у которого брился в Берлине, определил мне 30-35 лет!

Начальник Базы хитер на выдумки. Дал мне работенку - 6 полувагонов: вожу доски из Креммена в Хенигсдорф. Дневной извозчик и охранник при том, нечего сказать, офицерская нагрузка! Езжу.

А дома у меня баба смешная 17-летняя. Печется о будущем, спрашивает, женюсь ли на ней. Третью ночь спим вместе. Скромничает, стесняется. Делает вид, что невинна и чиста. Бог весть, может и правда доля истины в том.

Третий день не пишу писем. Головная боль, беспокойство, лихорадочная боязнь сифилиса. Каждый день ищу язвочки на теле и сыпь, но не нахожу, а утешения нет - злые мысли.

В Креммене получил направление в Нойрупин на консультацию.

Расчет.

На стоимость 500 барабанов для кабеля высокого напряжения кабельным заводом "Фогель" (Берлин-Кепеник) для в/ч пп 75207, на основании соглашения от 8 апреля 1946 года.

1. Общая стоимость 500 барабанов - 85.000 рм.

2. Стоимость работы фирм "Шпун и Геккер" по изготовлению втулок и болтов - 6.775 рм.

3. Стоимость материалов, поставленных в/ч пп 75207 кабельному заводу "Фогель" - 72.859 рм.

4. Оставшаяся задолженность заводу "Фогель" со стороны в/ч пп 75207-18.916 рм.

5. Стоимость 1 м? досок - 90 рм.

6. Стоимость оставшейся задолженности, в переводе на доски, - 210 м?.

Помощник начальника транспортного отдела Базы материалов и оборудования 21

транспортной бригады лейтенант Гельфанд.

25.07.1946

Помощнику командира Бригады по МТО

Подполковнику Плескачевскому

РАПОРТ

Настоящим довожу до Вашего сведения, что принятые, согласно накладных, от отдела механизации в/ч 41757 инструменты, перевезенные на Базу материалов и оборудования лейтенантом Локшиным, брошены им на территории дислокации Базы. Передача их на склад документально не оформлена, согласно утверждению начальника 1 склада капитана Мозолевского. Ни на Базе, ни в управлении Бригады соответствующих актов и прилагаемых ниже накладных не обнаружено.

При подсчете наличия инструментов недостает 5 слесарных зубил и 21 пробойника, которые ценой усилий начальника склада ? 1 были найдены на различных заводах.

Прилагаю копии накладных.

25.VII.46 г.

Лейтенант Гельфанд.

26.07.1946

Хенигсдорф.

Пусть жестоко обижают люди, я тем доволен, что меня не обидела природа.

27.07.1946

Майор Корнеев попросил съездить в Берлин за сигаретами (во время работы!), взял на свою ответственность мое отсутствие из части. Мне, кстати, в Берлине еще много кое-чего предстоит сделать и, хотя устал и хочется побыть немного на месте, все же согласился.

Сейчас начало пятого. Хочу успеть в гастроном на Вайсензее и в комендатуру центральную насчет радиоприемника (где она - еще даже не узнал точно), и затем в Трептов за фотокарточками, в Кепеник отобрать у сапожника мои сапоги. Рано если выберусь, то загляну к Дине - то-то удивится, увидев меня с бородой!

Я теперь в стариканы записался: бородка у меня черная, выделяется и резко бросается в глаза. Видно, что я не стар, но и молодым меня не признают. Смотрят и улыбаются, а мне забавно: есть, чем удивить Европу, а казалось, она ко всему равнодушна и свыклась со всем.

Моя последняя привязанность - маленькая немочка Рут просит побриться: "На тебя смотрят, как на редкость. Эта мода с бородкой и усами отошла у нас в давность". "Разве? Хорошо! Не будут любить и привязываться!"

28.07.1946

Хенигсдорф.

Выходной день улыбнулся - сейчас начало двенадцатого, а мне еще много сделать предстоит.

Сыро на улице, идет дождь, и пасмурно у меня на душе бесперспективность - пагубна теперь ее фигура.

Детство свое помню по фотокарточкам и по воспоминаниям родных: круглый, глазастый, я взбирался на возвышения и произносил речи, путанным русско-украинским говором. Люди хлопали в ладоши и держали меня на руках.

Нежно любила меня соседская женщина - тетя Феня. Она крепко обнимала и спрашивала, целуя: "А где Вовочка?" "Який?" - в тон спрашивал я. "А той, що купаэться" - и указывала на вихрастую речку Синюха, огибавшую где-то сбоку Ново-Архангельск.

В отдалении, за речкой, одиноко крутилась крылатая мельница, пыля пустыми подсолнечными лушпайками. Пыль безраздельно властвовала в душном степном воздухе, а внутри мельницы горами гор, аж до самого деревянного потолка были насыпаны еще живые семечки. Их доставляли все новыми и новыми возами***

29.07.1946

Хенигсдорф.

Вот уже неделю побаливает голова слегка, но беспрерывно. Чем это объяснить? Склонен худшим истолковывать все - мои опасения непослабимы.

Сейчас опять еду в Креммен. Вагон сошел с рельс и жду, пока его поправят.

Написал рапорт об отпуске - расстроился. Как я бесполезен и все ко мне безразличны.

Ко мне приехала Рут. Она сидит против меня, не спускает глаз и мне досадно. Глупо как: ни любви, ни отрады в душе моей не осталось. Все унесло горе, тоска беспощадная и злоба. А голова болит, распадается и гнетет меня, так некстати познавшего свет.

Вечер. Весь день у меня Рут, а я в отлучке - работенка пустячная, не знаю даже зачем мне ее дали, но отнимает много времени.

Сейчас тут собрание: странно, меня не предупредили, и попал я сюда случайно.

05.08.1946

В поезде давка: много народу собралось на вокзале, все хотят ехать, а мест не хватает. Немцы настойчивы, но боязливы. Лезут и в окна, втискиваются в середину, подобно селедке укладывающейся в бочке - все равно, все не вмещаются. Поезд один, вагонов мало - остаются. Для военнослужащих оккупационных войск отгорожена особая площадка - для немцев запретная зона. Они смотрят, соблазненные обилием пустых мест, трогают за двери, заглядывают в окна и уходят.

Вдруг один смельчак решается пройти в середину и быстро усаживается прямо на полу в уголке вагона. Жест этот не остается незамеченным: тот час в открытую дверь устремляется толпа народа, становится тесно. Все стоят, не решаясь коснуться свободных сидений. Так длится долго. Поезд минует ряд остановок, но и тут без смельчака не обходится: все, как по команде, бросаются к скамейкам. Женщины оспаривают места мужчин: приводятся аргументы, и те и другие ссылаются на работу, на утомление, доказывают, вынимают документы, показывая, друг другу... Сидящий напротив немолодой немец в очках от солнца, обращается ко мне:

- Немецкий юмор. Вы понимаете, о чем они спорят?

- Немножко, - отвечаю, и продолжаю писать.

Вдруг появляется французский солдат и моментально очищает вагон.

Встал в час дня. До четырех накануне, занимался писаниной. На работу поторопился, не умываясь, думал, ругать станут за опоздание, но где там! На Базе ни одного офицера. Бойцы разбрелись кто куда. Даже дежурный по части сержант - занят, ему не до работы.

Покрутился у штаба. Было совестно и за себя и за других, но затем, поразмыслив, ушел к себе. Дай, думаю, в Берлин съезжу. Пошел к начальнику просить разрешения. Тот был пьян, да так сильно, что я растерялся. Он обрадовался моему появлению, бросился меня целовать:

- Мой помощник! Жинка, смотри, мой помощник пришел. Лучший!

А сам еле стоял на ногах. Лицо у него посинело, приняло тупое и дикое выражение, но, вместе с тем и дурацки доброе. Никогда я не видел таким майора.

- В Берлин хочешь? Езжай! Только выпей чарку! - Я отказывался, но безуспешно.

- Пей, пей, я говорю, - почти требовал он.

Выпил рюмку, но больше ни-ни! Надо было быть трезвым. Шло время, я торопился и надо было уйти незаметнее. Сфотографировал несколько раз самого начальника, его жену и ребенка. Два фильма израсходовал. Наконец, улучшил момент, чтоб проститься. Костюченко вышел со мной вместе, завел в кухню и начал рассказывать о патриотах и трудолюбах его типа, и о том, как, тем не менее, не ценят и обижают таких людей, истинных коммунистов.

10.08.1946

Берлин.

По поводу транспорта для погрузки трансформаторов с электростанции, был у старшего диспетчера района.

Поезд метро. С Панкова на Потсдамский вокзал. Теперь еду. Привык хоть ко всему, но удивляюсь: метро здесь в Берлине не соответствует полностью названию. Поезд часто выбегает из-под земли, иногда даже забираясь на мосты, и там неоднократно встречают его станции, для видимости огороженные сплошным навесом, затемняющим весь перрон. В то же время электричка убегает вниз и носится в тоннеле, навещая под землей ряд остановок. Потом опять и опять, меняясь ролями и назначениями, чередуются эти два поезда в пребывании под и над землей.

Немцы скупы, и как это не обыденно, мне все же странно и трудно привыкать к их скряжничеству. Никогда немец не уронит, чтобы не поднять 1 пфеннига (меньше копейки, на русский рубль), никогда он не подарит, без двойной выгоды для себя, мельчайшей и пустячнейшей вещички. Никогда не пожертвует нищему больше 10 пфеннигов и не уйдет от прилавка, в точность до гроша не рассчитавшись.

УПН ВОСО Берлинской дирекции

Майору Острошапскому

ЗАЯВКА

Прошу Вашего распоряжения о предоставлении порожняка для отгрузки, на основании постановления ГОКО 197/319, в количестве 40 вагонов, не в Хайникендорф, как ошибочно указано в плане, а в Геннигсдорф. Там ожидается нами этот порожняк на погрузку трансформаторов для Минской железной дороги (г. Минск, База Главэнерго при СМ БССР).

С другой стороны транспорт 179/2425 (30 вагонов) нам не нужен и запланирован для отправки в Геннигсдорф, по-видимому, по недоразумению.

Убедительно прошу разобраться в затронутом выше вопросе и

к 12.VIII.46 безотлагательно доставить нам, крайне необходимый порожняк на станцию Геннигсдорф.

Пом. нач. транспортного отдела лейтенант Гельфанд.

10.VIII.1946.

17.08.1946

Капитан Модолевский [де]мобилизуется, и задал вечер. Нечаянно он пригласил и меня, впоследствии оказалось, что не ошибся. Благодарил.

Наши буяны Мороз и Солуянов чуть не передрались из-за утерянной пуговицы.

Кто-то из офицеров оскорбил немецкий народ. Женщина, что бывает у Модолевского, коммунистка-немка, хорошо владеющая польской речью, поняла, обиделась и ушла.

Оба вопроса я урегулировал и наступил мир. Ушел я раньше других. Капитан благодарил и даже целовал.

По дороге домой встретил своего начальника майора Костюченко: ему нужно было стреляться. Он вышел первым, перебив несколько рюмок с вином предварительно. Я хотел проводить его домой, но он наставил пистолет, выстрелил. Я понял, что сам он не убьется, и ушел, так как мог только усугубить все. Вдогонку - несколько выстрелов.

Благополучно добрался домой. Буду спать - ну их, свиней, к черту. Пусть дерутся, стреляются - от этого ни вреда, ни пользы. Вот жаль только, голова болит не переставая.

26.08.1946

Берлин.

Еду в Пилау - порт на Балтийском море, недалеко от Калининграда-Кенисберга, Восточная Пруссия. Командировка длительная, транспорт длинный. А у меня - три бойца, разбалованные на базе. Результат: за два дня стоянки в Панкове стащили кубометра два досок.

Миновали Шонхаузер, Пренцлауэр Аллее, сейчас остановились на станции Вайсензее. Полдевятого. Темень легла над столом.

Еду через Кюстрин. У меня 37 вагонов с теплушкой и более 900 кубометров досок. Боец, которому поручил охранять доски и который в это время ушел в теплушку, сейчас, чувствуя свою вину за украденное, сидит на досках. Идет дождик сопливый, вредный туман. На душе злость и отчаяние.

Два других солдата спят. Они беззаботны. Один успел объесться фруктов и сейчас болеет желудком. Другой - тихий, крепкий, с нежным голосом. Все ищут пожрать, да и у меня аппетит дьявольский.

Со всех сторон шныряют электрички. Прощай Берлин!

Покидаю тебя, залитого лампочками огня. Грустней грустного. Болит голова. Когда она перестанет?

27.08.1946

Всю ночь простояли в Панкове. Берлин никак не отпускает - любит? Или просто из-за своей сердитости? Дождь невыносимый, слизкий, как улитка.

Сейчас начало одиннадцатого. Успел съездить на велосипеде на "Акфу", купить там десять фотопленок, проявитель и закрепитель.

Сейчас обещают переправить нас на Руммельбург, а там опять стоянка, видимо долгая и безотрадная. Скорей, Берлин, выпускай нас из своих цепких, широких объятий. Или ты хочешь в привязчивости своей поспорить с маленькой немочкой Рут, измучившей своими признаниями, мольбами, увещеваниями и наивностью своей?

Кстати, о ней. В выходной ждал ее у себя, но был дождь, и она долго не приезжала. В полдень мы покинули Хенигсдорф. Я знал, что мы едем на Панков-Шонхаузер, и сказал хозяйке своего дома, в надежде, что она передаст Рут. Так и случилось.

Когда уже совсем стемнело, на путях появилась маленькая блондинка в красном горбатеньком пальтишке, так сильно портящем ее фигурку, и я обрадовался, изумился, и снова обрадовался, как никогда ей прежде. Она действительно доставила мне редкие минуты наслаждения и тепла. Спала со мной, не раздеваясь, ласкала меня и называла "Mein Engel", "Mein Sonne" и прочее. Помяла платье, и к утру успела надоесть. И я, под предлогом поездки в Трептов, забрал ее с собой и простился в дороге.

Удивительное создание! Как она мила и приятна когда ее нет, и как невыносима, когда ее присутствие ощутимо. И со рта у нее пахнет, и пальто у нее противное, и слова неискренни и выговор фальшив, и все мне не по вкусу в ней, но по нраву, когда она рядом. Но когда я один - становится скучно, и в ласках ее и любви потребность ощущается невероятная. Вот и сейчас...

В окошко бьется-завывает скользкий враждебный ветер. Его поддерживает дождь, ударяющий равнодушным - цок, цок, цок, по крыше моей теплушки. Оба мне чужды, но оба стремятся вовнутрь. И не мудрено - здесь топится печь, здесь сухо.

29.08.1946

Кюстрин-Киритц.

Вечер. С крайнего рассвета стоим у границы - поляки не торопятся пропускать. Немцы бессильны что-либо сделать: поляки надменны и злы с ними, и железнодорожники Киритца, оскалившись, как цепные щенята, тщетно бранят

железнодорожников Кюстрина. Русская же комендатура на высоком пьедестале и в большинстве случаев занимает покровительственно-снисходительный нейтралитет - Польша де, суверенная страна, ей все дозволено у себя дома.

30.08.1946

Вербиг.

Здесь предстоит длительная стоянка. Паровоз ушел. Лихтенберг отвечает канцелярским тоном и часто бросает трубку.

Вербиг 3118. В Киритце познакомился с двумя девушками-железнодорожницами, имел очень увлекательную беседу с ними и под конец сфотографировал несколько раз обеих. Девушки - центральных районов Советского Союза. Одну зовут Олей, другую Машей. Адрес дали, хотя знаю железнодорожниц весьма коротко.

После двухдневной стоянки, наконец, пришел ответ из Варшавы на запрос комендатуры о приеме моего транспорта. Пропускают через Штеттин. Здесь, однако, задержали поезд и, когда я сообщил в Эберсвальде по телефону, что у меня нет коменданта вертушки, там отказались принять мой транспорт. Тогда позвонил в Лихтенберг. Комендант обещал ночью выслать офицера ответственного за вагоны. Но наступило утро, за ним полдень, и никого все не было. Немцы нервничали, просили отпустить в ***, на заправку углем и водой. Я чувствовал, что кроется в их просьбе другая причина, но не отпустить не мог - уголь действительно вышел. Они уехали всей бригадой, и это усугубило мои опасения, что паровоз не вернется. Так оно и случилось. Паровоз пришел на другой день и за другим составом.

Выехали мы лишь третьего числа.

04.09.1946

Эберсвальде.

Большой городишко, окруженный холмистыми возвышенностями. Не лишен красоты. Здесь не задерживаемся - сейчас отправляют, так, что в город съездить не успел.

Сфотографировал лейтенанта - диспетчера железной дороги и записал ее адрес.

На посадке в вагоны зашел несколько раз. "Теперь мы будем в газетах", говорили немцы, ухмыляясь.

Впервые за три дня увидел русскую почту.

05.09.1946

Вольгарст.

В Вербиге простояли недолго.

Я привез с собой Рут. Дорогой ее хотели забрать немецкие полисмены она была у меня до моего отъезда.

Вольгарст красивый город. Чистенькие аккуратные улочки в центре залитые блестящим асфальтом. Беленькие чистые, двух-

трехэтажные домики, высокая башня в глубине зданий, темный лес, церковь, электростанция, кино, шоссе поодаль.

06.09.1946

Вольгарст - море.

Началось осуществление моей мечты. Конечная цель рисуется мне еще фантастически-нереальной картинкой - столько препятствий и такая величина пути, что в счастливый исход мне все еще не верится.

Море пока еще внутреннее. По обе стороны - берега буграстые, придушенные лесом. И город все еще красуется на горизонте высокими трубами электростанции, башнями внутри города.

Двоих бойцов оставил - группой нельзя ездить. Они с теплушкой, наказал ее не отдавать. Все продукты оставил.

Со мной боец Мельник из Каменец-Подольска родом, недалеко, свезу его домой.

В путь взяли хлеб и колбасу, но не умрем с голоду. До Свинемюнде 40 километров. Пароходик махонький и тащит три баржи. Так что туда приедем вечером. А до Пиллау километров 700. Страшно представить! Как и на чем я туда доберусь? А дальше не слаже! Еще столько до Риги, а потом сушей не менее 1000 километров. Вот так поездка!

Захватил с собой много пленок и, виденное, запечатлеваю неустанно. Вряд ли хватит до дому, а надо бы, чтоб хватило.

Капитан - забавный старик-немец. Он много видел, бывал в разных странах и свободно владеет французским и английским языками. Мне он рассказывал о Японии, языком народов которой, владеет. Был он и во Владивостоке в первую войну 14 года. Воевал там в морской пехоте. У него мудрая усмешка и лукавые морщины. Везет с собой водку, намереваясь сбыть в Польше, где деньги ничего сейчас не значат. О поляках отзывается с ненавистью: они много насолили. Русские, говорит, завоевали Польше свободу, землю и независимость, но поляки легко забыли об этом - дерут нос и убивают красноармейцев и краснофлотцев. Будет война - немцы покажут полякам! Русские больше не вступятся! Тогда мы выгоним их на край света, а Польшу сотрем с лица земли.

Так думают все немцы, которых выселили поляки с земель на Восток от Одера. Немцы мечтают о перемене, которая, по их мнению, лежит через войну. Напрасные мечты! Не выйдет больше!

Здесь три молодых парня работают машинистами. Они с разных районов СССР. Остальная команда - все немцы. Парни с 29 года, но уже побывали всюду. Очень подвижные, веселые. Курят,

насквозь татуированы и в совершенстве владеют морским жаргоном и привычками. Я перевожу им и обратно, что говорят немцы, и они от меня не отходят.

Здесь три немочки - дочери персонала. Они не красивые, но бойкие, как козы. С ними весь день балуются парняги.

Вдали виднеются Свинемюндские ворота. Едем в объезд и, когда войдем в ворота, до города останется недалеко. Правда, чуть подальше на горизонте Штетинские ворота. Время - двадцать минут шестого.

07.09.1946

Свинемюнде.

Все здесь противно: и поляки и часы ожидания, и товары в городе. И сам он маленький, со всех сторон окруженный морем, пароходами, набережными. Центр состоит из площади и ряда домиков, прилегающих к ней с разных улиц, красивых, зеленых, узких. Всюду снуют патрули наши в морской пехотинской форме, и польские, петушиного вида. Проверяют документы, приглядываются. Продажа свободная розничная, не имеющая себе претендента.

На улице подозвал меня любезный поляк, поздоровался и пригласил пройти к прилавку. Я внял его просьбе. "Цо любите купить, прошу пана!" Я поинтересовался ценой на виноград. Продавщица, жена услужливого поляка, вынула две грозди и начала расхваливать. Я молчал, пока мне не надоело слушать, но потом все же не вытерпев, спросил сколько стоит.

- Этот виноград, этот замечательный виноград, стоит всего-навсего, очень дешево, как для пана офицера 20 злотых.

Чтобы отделаться и уйти я сказал что он, наверно, кислый. Она дала попробовать, и я действительно убедился, что виноград еще зелен. Ушел, а во рту было кисло, не от винограда, а от всего польского и больше ничего не хотелось здесь.

Поехал за город по лесной дороге, где люди (мне думалось) не ходят, где не торгуются, не продают, где свежий воздух и запах моря доступен легко и бесплатно. Но и здесь оказались проволочные заграждения, шлагбаумы, часовые, пушки на берегу, патрули. В одном месте, мне удалось небольшой тропинкой выехать к морю, и даже сфотографировать открытую безбрежную гладь воды. Первый раз я не увидел другого берега со Свинемюнде. Но неожиданно мне бросилась в глаза береговая артиллерия, шевелящиеся у пушек расчеты и я быстро повернул обратно в город.

Продал отрез защитного цвета за 2000 марок.

08.09.1946

Штетинское озеро.

В 8 утра выехал из Свинемюнде. Мечты и действительность далеки друг от друга. И вот, еду обратно, в ... Вольгарет. Разочаровался в своей затее.

14.09.1946

После командировки встретился с мрачной новостью - я оказался за штатом. Несколько дней раздумий и предположений, забот и гаданий. Сегодня мои мысли добрались до кульминационного пункта - я искурил пол пачки сигарет. Хотелось кричать от тоски и одиночества. Не было выхода из этого вынужденного заточения, за двумя границами от любимой земли.

И вот вечером неожиданная новость - еду домой. Демобилизуюсь.

Я думал, меня высмеивают. Никому не хотел верить, пока майор Шакалов официально не сказал об этом.

18.09.1946

Вчера барахольничал. Накупил перчаток, носков по несколько пар, много шляп и фуражек разных цветов - костюмы будут, раз есть, чем накрыть голову. Радиоприемник не удалось приобрести. Теперь остается достать пишущую машинку и покрышки для велосипеда.

Рут надоедлива и слезлива. Любит меня страстной, но специфической любовью. Например, средств моих не щадит и эгоистка - если есть стакан воды Сельтерской, и вообще, что-либо вкусное - съест до остатка, если только я ей предложу, конечно.

Сейчас в Берлине в поезде. Немцы жуют и в вагоне и на остановках - это какое-то семейство жвачных. Прилично одетые, представительные на вид люди медленно разворачивают слойку хлеба, аккуратно завернутую в газету и, не стесняясь, начинают подносить ко рту, на виду у публики. С хлебом в зубах можно встретить и на улицах и в поезде и в уборной, и в трамвае и в очереди, и у прилавка магазина, и в учреждениях, и во время работы в канцеляриях. И вовсе не потому, что они голодны. Просто в силу утвердившегося здесь правила непрерывной заботы о себе и организме своем.

19.09.1946

Берлин.

Теперь все разрешилось. Не без усердия преподобного Юрьева решили обвинить меня, для формальности, т.е. сослались на мою доверчивость, мягкосердечность (этот грех не скрываю за собой, но только в данном случае он напрасно вменяется мне в вину). Однако удерживать ни с кого не будут, так как решили зачислить недостачу в счет упаковки эшелона с трансформаторами, отправленного накануне.

Накупил много продуктов и две бутылки водки. Решил праздновать. Ушло около тысячи марок. Все есть: и закуска и жир и, даже, лук. Только вот о хлебе позабыл, не знаю, что теперь делать.

Немцы выручили: сменял буханку за одну пачку сигарет. Но, тем не менее, успокоение не пришло - людей будет много: не хватит на всех, а у меня поржавевшие сухари.

Еще одна неприятность - порвались пуговицы для подтяжек, а брюки-то широкие, сползают заметно книзу. Как я теперь доеду до Хенигсдорфа? А там, в Хайликензее у меня еще и велосипед - морока и тяжба двойная.

Плащ продают за 5,5 тысяч. Хороший, большой, новый, красной кожи. Хочется иметь, так хочется, аж слюнки текут, а денег нет. Пишущую машинку приобрел - элегантную такую. Вот будет радость для мамы и мне на пользу. Смогу печатать свои вещи. Она маленькая в футлярчике, так, что вместилась в один из моих чемоданов. Теперь у меня семь чемоданов, восьмой маленький и две шинели, велосипед, радиоприемник и столько мороки и забот впереди.

Германия - ты не приелась, но с удовольствием покидаю тебя, развратную и пустую. Ничего в тебе нет удивительного, ничего нет радостного. Лишь жизнь в тебе веселая и беззаботная, дешевая, шумная и болтливая.

А Россия - я уже не помню, как она выглядит, не знаю, как живет и чем теперь интересно. Мне дорога ее земля, которую, кажется, как шоколад, готов грызть без конца, своими жадными зубами, лизать изломавшимся по-немецки языком, и жесткими губами целовать, умытую кровью и слезами. Нелегко будет мне, я знаю. Труд и здоровье отдам в жертву; рассудок и выносливость, и волю свою. Но добьюсь! Я так хочу, так нужно! Жизнь повернулась ко мне лицом.

20.09.1946

И радостно и скучно делается мне от разных мыслей. "Встречай, встречай, еду!" - хочу написать маме, так коротко и так взволнованно! Действительно, мне подвезло, и на Базе меня зовут теперь "счастливчиком".

Сегодня наполучал продуктов. Доппаек выдали по 30. Подарок - мука, сахар, пакеты с печеньем, конфеты, сухой паек на путь следования. Теперь мне есть с чем потаскаться! Говорят, есть приказ у демобилизованных вещей не проверять в дороге. Я сильно думаю о машинке, чтобы ее чего доброго не отобрали.

26.09.1946

Берлин.

Вчера нас подвели. Машина, которую выделили для 4-х

демобилизованных офицеров, уехала по какому-то преднамеренному подвоху всего с одним из нас, да и то с 25 Бригады. Было очень обидно после всех наших напряженных усилий остаться и не успеть к поезду. Теперь нужно сидеть на чемоданах, по меньшей мере, два дня. Поезд прибудет во Франфуркт после выходного.

Пишу за цементной плитой на станции - своеобразной опорой для суетливых ног. Немцы тоже прислонились спинами, облокотились, читают. Я приехал сюда, с моим теперь спутником, Купцовым. Время впереди. Нужно заботиться о чемоданах и разных приобретениях. У меня десять чемоданов маленьких, но тяжелых. Два мешка с барахлом, но девать вещи некуда. Хочется иметь меньше, да покрупнее чемоданы, вот и пустился на поиски. Не достал.

Быстро стемнело и время меня оставило. Надо попасть в Креммен - там вещи на ночь бросать нельзя. Я поспешил на станцию.

Поезд ушел незадолго до моего появления здесь. Придется ждать 45 минут. Выдержки хватит, занятие нашел для себя отвлекающее от уныния, только бы не прозевать кремменский поезд.

В одном месте подвернулся мне патефон. Просили недорого - 700 марок, но купить не смог - денег немецких нет. Отрез на плащ и подкладку для костюма сменял на сигары. Мне их выдали 150 штук, взамен причитавшихся 45 пачек сигарет. Больше ничем похвалиться не могу.

К Дине мечтал заехать, но передумал. Не буду глупцом - уеду, не попрощавшись, не страшно, хотя и пообещал им. Они не стоят этого.

С Купцовым расстался еще днем. Он уехал в Потсдам. Мы набегались, а даром. Чемоданов не сумели получить. Были дешевые по 16 марок, но по карточкам. Дорогие по 500 марок, но дрянные и никчемные. Деньги теперь не бросаю.

27.09.1946

Берлин.

Сегодня опять на берлинский рынок. Кое-чего надо приобрести. Возможно, с Германией больше не встречусь.

В поезде напротив сидит француженка. Я угощаю ее конфетами.

01.10.1946

Варшава.

Большой, большой город, насколько можно окинуть взглядом. Поляки продают все. И откуда у них сейчас так много сала, водки, колбасы и шоколада?

Продал велосипед (500 злотых). Думал много, да только не ценятся деньги в этих краях. Поляки торгуют деньгами, продают отечественные польские, и еще охотней покупают русские. Немецкие марки ценят вдвое дороже злотых. Сало недорогое - 100 рублей килограмм, а на злотые - 360.

И, ох, сколько набежало их к вагонам! Тьма-тьмущая! Чуть было не отдал фотоаппарат за часы и 500 марок, но передумал.

Скелеты домов не меняют очертания города. Издали выглядит он красиво и чуть величественно. Кажется мне лучше Берлина. Дома здесь не такие ровные, прямые, бесформенные - напротив, они шиковатые, белые, нарядные. И только поблизости проглядывает их уродство и бестелость.

02.10.1946

Брест-Литовск, станция.

Не слышно немецкой речи. Всюду русское, всюду волнующее, странное, непривычное. Хочется плясать от восторга - я снова, и теперь уже навсегда, на родной земле.

Вещей у меня безобразно много. Знаю, все нужно, все понадобится, но столько хлопот и беспокойства доставляют они мне. Иногда пропадает мужество и хочется все оставить на станции перед отъездом киевского поезда. Но так бывает редко. В основном одержим одной и естественной мечтой - довезти все, все вещи - 8 чемоданов небольших, но увесистых, два мешка и мешочек с мукой, скрипка и две сумочки-авоськи со всякими предметами первой необходимости. Для одного человека непосильно.

Носильщик хочет сыграть на моих трудностях: "Помогу вам погрузиться, можете не волноваться". Но задача не пустяшная. Нужно договориться заранее насчет оплаты.

Я пообещал 150 рублей и бутылку водки.

- Да что вы шутите? За такую погрузку люди мне давали 500 рублей, и затем кормили и поили до отвала.

Я не стал больше с ним говорить.

03.10.1946

Коростень.

Здесь высадил майора Костюченко. Простились на водке - он заказал в ресторане.

Большая красивая станция забитая людьми. Так много народу сейчас ездит!

04.10.1946

Киев.

Город большой, бесконечный, издали похож на Варшаву.

Проводник вагона девушка-киевлянка всю ночь просидела у нас в купе. Она противно целуется, а так славная девчонка.

Оставила мне свой адрес.

Корсунь-Шевченковский.

Я опять выпил. Скучно, холодно. Окна в купе выбиты, ветер хватает за душу.

Город похож на деревню: домики, домики, слабые, шаткие, деревянные.

05.10.1946

Вот и Днепродзержинск, с широко разбросанными хатенками. Его нельзя назвать городом, такой он большой и грязный.

Станция Баглей - первый трамвай на Украине: синий, нарядный, без стекол. Люди черные, в деревенском убранстве.

Днепр виден далеко, укутанный в белый песок. Мелкий и не такой широкий, как прежде.

Постройки, заводы. Долго тянется широкая полоса населенных пунктов, вперемежку с горбатыми, изъеденными балками, полями. Уже не чаю увидеть моего любимца. Он еще за горизонтом, далеко впереди.

30.10.1946

Днепропетровск.

Сижу и слушаю музыку. Песни Блантера "В лесу прифронтовом", "Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех..."

Теперь уже привык, втянулся в новую жизнь и, хотя еще все здесь ново, но уже совсем привычно, как до войны.

01.11.1946

Днепропетровск.

8 вечера. Только сейчас из института. Ночи здесь опасные - раздевают. Убийства с ограблением вошли в моду. Лишь только стемнеет - жизнь во многих районах города, замирает. Улицы настороженны в ожидании кровопролития. Гадкие стали люди. Мама волнуется, бедненькая переживает, чтоб не дай бог бы, чего ни будь, со мной не произошло дорогой.

Учиться вдесятеро тяжелей, чем перед войной - память не та и способности.

22.11.1946

Днепропетровск, институт.

Сегодня получил студенческий билет - теперь я закабален институтом все лучше, чем армией.

В первом месяце получу стипендию, в числе немногих. Однако в дальнейшем на себя не надеюсь. Я не привык к упорному, усидчивому труду, в особенности, если это касается предметов мною нелюбимых и запущенных в изучении.

01.12.1946

На лекции по русской литературе.

Настроение крайне упадочное. Так тяжело бороться с

мыслями навязчивыми и злыми о своей беспомощности и полном отставании. Я никогда не надеялся обнаружить в себе столько пороков, не ожидал, что так слаб в науках. Каково мне пережить, едва натянутую тройку по языку и, утвердившуюся, противную четверку по литературе. Отстал я за годы разлуки с партой, отстал и так непоправимо!.. Не говорю уже о других предметах, столько переживаний сопутствуют мне и гнетут на пути в институт.

Занимаюсь, напряженней, чем в молодости, с рвением и желанием все постичь. Но, увы, тщетны мои усилия, бесплодны и стоят мне здоровья.

Дома мучение. Вечно скандалы, неприятности, и венец всему полувыжившая, жадная старуха, которая в 78 лет не сдается, бодрится (даже красится и мажется) и точит всех, толкает упорно и властно к земле. Мама уже догнала ее по внешнему виду. Ужасно выглядит ее "накаренница" (непереводное образное еврейское выражение) тетя Аня - нервная, мелочная, скупая, невыносимая, когда ссорится.

Другая мамина сестра - тоже, пострашнела - все бабкина работа. У нее, старухи, здоровый аппетит, который не щадит карманов ее детей, ненасытный не даром ее называют в сердцах бездонной бочкой.

03.12.1946

Нечаянно услышал от одной студентки, с которой учился до войны в 10 школе и которую встретил в лагере для репатриантов в Германии, и теперь снова, что Тамара здесь, в городе, что она учится в мединституте на 3 курсе. То-то для меня событие!

Я просил непременно узнать адрес и сообщить мне. Ведь так необходимо увидеть мою Тамару, девушку, чей образ не умер во мне до сих пор.

Маме писал о ней из-за границы, просил осведомиться и сообщить подробно. Но был мрачен ее ответ: "Тамара уехала с немцами и до сих пор не возвратилась". Когда я вернулся в Днепропетровск, больше о ней не спрашивал, не интересовался. Только изредка сердце екало: зачем так получилось конфузно?

И вот теперь я хочу ее снова - прежнюю, голубоглазую, маленькую девочку Тамару, хочу ее взять и дышать ею, как свежим воздухом. А так, кто знает, сколько правды в людских кривотолках? Тамара должна быть прежней, - чистой и непорочной!

05.12.1946

Люди рассказывают, что в году прибавилось месяцев: голодень, пухонь, сухонь, смертень.

06.12.1946

Носятся слухи о болезни Сталина - люди ищут себе отвлекающих разговоров и в своих догадках опускаются до абсурда.

07.12.1946

Выпустил стенгазету. Два дня мучался над ее оформлением. Получилось неплохо, но ничего отличительного, от прочих, институтских. Толпы студентов, тем не менее, всегда пожирают ее глазами.

08.12.1946

Парторг заболел. Начальник поручил мне подписку на газеты.

Сам я подписался на "Днепровскую правду". Всего на подписку отдал 6 газет. Из них три - своим преподавателям, остальные завучу, преподавателю истории Киселевой и матери девушки Нели, с которой учился в одном классе в 80 и 67 школах.

09.12.1946

"Химичке" выписал "Зорю", вместо другой учительницы, которой к моменту подписки не было. Та сильно обижена, а бедная "химичка" мучается угрызением совести.

Сегодня на лекции, когда отвечала Лиля Могильникова, та подсела ко мне и стала отсчитывать деньги. Было неудобно, и я предложил после лекции. Она смутилась и отошла со словами: "Ну ладно, позже". После лекции расплатилась. И так мне благодарна, что даже не спрашивала на уроке. Это меня смущает, даже жалко, что выписал ей газету.

10.12.1946

Знаешь, что я тебе поведаю, мой дневник любезный? Затаи дыхание и слушай со вниманием. Сегодняшнее событие - одно из важнейших в жизни, кто знает, может и роковое?!

В институт пошел рано - торопился на консультацию по математике. Дул сильный ветер - пообжигал мне щеки, искусал мне уши.

Я шел, ничего не замечая, ни на что не обращая внимания. Точно в тумане представлялось мне окружающее: и люди, и дома, и все-все вокруг. Наконец, институт. Серое, холодное здание, с которым связаны мои последние (последующие) годы, мои мечты, мое, пожалуй, и будущее. Последние шаги на морозе и там, в институте - прощай ветер, праздные мысли... надо еще успеть приготовить уроки, которые недоделал дома... В последний раз, на сей раз повнимательней, поглядел вокруг, и обмер: мне навстречу шла девушка так пронзительно похожая на мои надежды, чаяния, так долго и много лелеявшая в воображении моем, столько тепла и надежд подарившая мне в самые тяжелые годы на фронте - и бодрость духа и твердость рассудка, и

смелость и гордость, и уверенность во всем лучшем... так неожиданно, и так счастливо похожая на Тамару.

- Простите - осмелился я спросить...

Но тут случилось необыкновенное: я не ошибся - это была Тамара. Она не дала мне закончить свою мысль. Она сама узнала меня и обрадовалась, искренне и счастливо.

Мы разговорились. Расспрашивая, она пристально всматривалась в меня, не узнавая. Я чувствовал себя зачем-то так вольно с ней и не находил ничего необыкновенного в нашей встрече - все предопределила судьба, баловница лукавая и коварная.

Взял за руку Тамару, идя с ней рядом, спокойно и плавно увязывая мысли в разговоре. Она поделилась со мной, что ей рассказывали обо мне как о человеке с именем и славой: "Говорили, что ты печатаешь свои стихи и больше всех Галина Лаврентьева, моя тезка по фамилии".

Я много интересовался Тамариной жизнью, учебой и местопребыванием в период оккупации города. Она рассказывала о Казани, об университете там и о годах эвакуации. О своем, затем, прибытии в Днепропетровск и жизни и учебе теперь: отличница, учится в Госуниверситете на 3 курсе.

Рассказывал ей о стихах, упомянул, кстати, и о последних, военных, посвященных ей. Случайный, неотрывный взгляд бросил на лицо ее. Глаза у нее карие, совсем не те, о которых я писал в стихах. Носик у нее маленький, нежненький, с серенькими крапинками, в которые легко проникает даже небольшой мороз, заставляя его казаться красным. Щечки белые - ни пятнышка на морозе румяные - спелые яблочки, фигурка правильная, ровная, рост средний женский, ниже меня, как любая нормальная женщина.

- Знаешь, только недавно мы разговаривали о тебе с Мосейко (она замужем сейчас, учится в мединституте), от нее впервые услышала о стихах и о твоем отношении ко мне накануне нашей встречи.

Тамара тоже вглядывалась в меня и так внимательно, хотя и быстро, что мне становилось неловко, но я не терпел замешательства в первый день встречи и был интересен своею твердостью и решительностью, столь необычной в характере моем. Тамара явно недоумевала. Ей странной казалась перемена во мне. Она искала и не находила во мне робкого застенчивого прежнего Вову - а я был не тот, войной и жизнью измененный. Так я проводил ее до Лагерного. Простился второпях - подходил 1-й номер, а ей нужно было ехать в город. Попросил на прощание адрес (Некрасова, 11). Обещал прийти.

Встретили меня с ней студенты нашего подготовительного курса. Спрашивали, не сестра ли она мне - похожи...

А сердце мое пело. Вот когда наступило раздолье ему - мускулу чувств земных. В институт я летел на крыльях, и терпкий ветер казался мне беспомощным шалуном, а белый кусающийся холод - задорным мальчишкой, лишенным зубов. Мир изменился вдруг, сделался таким симпатичным, как сама Тамара, таким красивым, как ее лицо, таким простым, как ее разговор и скромным, как ее глаза.

15.12.1946

Тамара обидно разочаровала в себе. Позавчера не утерпел, заскочил перед занятиями к ней на квартиру, и мне там ответили, что она живет в другом месте, и выбралась уже очень давно. Какое коварство! За что? За добродушие мое, мою доверчивость? Нет, надо стать камнем после этого и ненавидеть других - ведь нет любви и правды - я только сейчас понял эту жестокую истину так глубоко и реально как никогда прежде.

16.12.1946

Нет, я ошибся и рад поплатиться за ошибку свою роковую. Тамара - свет, Тамара - ангел, она не могла обмануть. Как я мог думать о ней так дурно? Тамара учится, поздно приходит и не видится с хозяевами дома, так, они решили, что она там не живет. Об этом я узнал от самой Тамары, встретив ее случайно в коридоре Транспортного института. Она очень извинялась и назначила мне на выходной, в 12 часов...